Министерство образования и науки РФ

ИЗВЕСТИЯ СОЧИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Издается с 2007 г.
ISSN 1996-9005. 2013. № 3 (26)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. М. РОМАНОВА
главный редактор — д-р экон. наук, профессор, ректор Сочинского государственного университета
Т. Е. ГВАРЛИАНИ
зам. главного редактора — д-р экон. наук, профессор СГУ
А. А. ЧЕРКАСОВ
зам. главного редактора — д-р ист. наук, профессор СГУ

М. А. БОКОВ
д-р экон. наук, профессор СГУ
А. М. ВЕТИТНЕВ
д-р экон. наук, д-р мед. наук, профессор СГУ, начальник ГУ «Санаторий “ПОБЕДА”»
А. А. РЯБЦЕВ
канд. экон. наук, доцент СГУ
В. А. ТУТИНАС
канд. юрид. наук, профессор СГУ
Ю. С. ТЮННИКОВ
д-р пед. наук, профессор СГУ
П. П. ЧУВАТКИН
д-р экон. наук, профессор СГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. БРЮНА (Франция)
д-р экон. наук, профессор региональной экономики, вице-президент университета Савуа
А. Т. БЫКОВ (г. Сочи)
д-р мед. наук, профессор, член-корр. РАМН
В. И. ГАСУМЯНОВ (г. Москва)
д-р экон. наук, заместитель начальника управления Администрации президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (*председатель редсовета*)
В. Н. ГРИШАЙ (г. Москва)
д-р социол. наук, профессор, помощник заместителя председателя Комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии
Г. А. КАРПОВА (г. Санкт-Петербург)
д-р экон. наук, профессор, вице-президент Национальной академии туризма
В. И. НИФАДЬЕВ (г. Бишкек, Киргизия)
д-р тех. наук, ректор Кыргызско-Российского Славянского ун-та им. Б.Н. Ельцина
Е. Л. ПИСАРЕВСКИЙ (г. Москва)
канд. юрид. наук, заместитель руководителя Федерального агентства по туризму

Журнал включен в базу
Российского индекса научного цитирования.
Импакт-фактор РИНЦ 2011 – 0,854

Журнал зарегистрирован в федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС77-29356
от 3 ноября 2011 г.

Адрес для писем:

354000, Россия, Краснодарский край,
г. Сочи, ул. Советская, 26 а, каб. 54.
E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Сайт журнала: www.vestnik.sutr.ru

Редактор, корректор
Н.Ш. Сайфутдинова
Редактор-переводчик А. В. Рожкова
Технический редактор, электронная поддержка
И. А. Ермачков

Журнал включен в Перечень ВАК

Подписано в печать 15.09.2013.

Формат 29,7 × 42/2. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 21,04. Усл. печ. л. 16,2.
Тираж 500. Заказ № 53

Выходит с 2007 г.
Периодичность — 1 раз в 3 месяца

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

IZVESTIYA SOCHI STATE UNIVERSITY

Scientific periodical. First published in 2007
ISSN 1996-9005. 2013. № 3 (26).

Editorial Staff:

G. M. ROMANOVA
Editor in Chief — Dr. (Economic), Professor, Rector of Sochi State University (SGU)

T. E. GVARLIANI
Deputy Editor in Chief — Dr. (Economic), Professor (SGU)

A. A. CHERKASOV
Deputy Editor in Chief — Dr. (History), Professor (SGU)

M. A. BOKOV
Dr. (Economic), Professor (SGU)

A. M. VETITNEV
Dr. (Economic), Dr. (Medicine), Professor (SGU), Director of State Resort 'Pobeda'

A.A. RYABTSEV
PhD (Economic) (SGU)

V. A. TUTINAS
PhD (Law), Professor (SGU)

JU. S. TYUNNIKOV
Dr. (Education), Professor (SGU)

P. P. CHUVATKIN
Dr. (Economic), Professor (SGU)

Editorial Board:

E. BRUNAT (FRANCE)
Doctor of Economic Sciences, Professor of Regional Economy, vice-president of University of Savoie

A. T. BYKOV (SOCHI)
Doctor of Medicine, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences

V. I. GASUMYANOV (MOSCOW)
Doctor of Economy, Deputy Head of Russian Presidential Administration's Department for Inter-Regional and Cultural Ties with Foreign Countries (Editorial Board Chairman)

V. N. GRISHAY (MOSCOW)
Doctor of Sociology, Professor, Assistant of Deputy Chairman of The Council of the Federation Committee for Science, Education, Public Health and Ecology

G. A. KARPOVA (ST.PETERSBURG)
Doctor of Economy, Professor, Vice-President of National Academy of Tourism

V. I. NIFADEV (BISHKEK, KIRGHIZIA)
Doctor of Engineering, Rector of Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Eltsin

E. L. PISAREVSKY (MOSCOW)
PhD (Law), Deputy Head of the Russia Federal Agency for Tourism

The magazine is registered in Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications.
Magazine Certificate of Registration
ПИ №ФС77-47158 November 3, 2011.

The magazine is included in the List of State Commission for Academic Degrees and Titles of the Russian Federation editions.

Impact factor of Russian Science Citation 2011 – 0,854

Magazine is listed in Russian Index of Scientific Quotations Copyright reserved.

Postal Address:

354000, Russian Federation, Krasnodar Region, Sochi City, Sovetskaya street 26 a, office 54.
E-mail: vestniksgu@inbox.ru
Website: www.vestnik.sutr.ru

Editor, Proofreader
N. SH. SIFUTDINOVA
Editor-translator A. V. ROZHKOVA
Technical Editor, Electronic support by
I. A. ERMACHKOV

Passed for printing 15.09.2013.

Format 29,7 × 42/2. Offset paper.
Screen printing. Georgia typeface.

Ysl. Izd. l. 21,04. Ysl. pech. l. 16,2.
Circulation 500 copies. Order 53

Issued from 2007
Publication frequency — once in 3 months

Coping is allowed by consent of editorial staff, a reference to «Izvestiya Sochi State University for Tourism and Recreation» is obligatory.

С о д е р ж а н и е

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Экономика и управление

Аудит как средство контроля и управления рисками потери ликвидности в организациях индустрии гостеприимства
Андреев В.Д. 12

Система высшего образования в структуре социально-экономического потенциала региона
Баланян М.Н. 17

Институциональные аспекты инвестиционного климата Российской Федерации
Баранова А.Ю., Медведь А.А. 22

Влияние цели поездки на удовлетворенность туристов лечебно-оздоровительными услугами курортных дестинаций Краснодарского края
Ветитнев А.М., Романова Г.М., Торгашева А.А. 28

Государственная поддержка сферы туризма
Демченко С.Г., Кабиров И.С. 38

Особенности обеспечения СМК-проектов вуза нормативными документами с использованием ППП «Business Studio»
Дрейзис Ю.И., Коваленко В.В., Манукян А.Д., Москалюк К.С., Переверзев В.В. 45

Тенденции развития конкуренции между туристскими дестинациями
Карпова Г.А., Сущинский Ф.В. 49

Новые перспективы подготовки кадров для сферы туристских услуг на пространстве СНГ
Карпова Г.А., Хорева Л.В., Сорокина Н.А. 54

Инновационный подход к созданию и развитию института волонтерства на основе характеристик социально-экономического и культурно-образовательного пространства современной России
Мазниченко М.А., Макарова И.Н., Григоращенко-Алиева Н.М. 63

Особенности современного бренда территории
Малова Ю., Видищева Е.В. 67

Перспективы развития спортивного событийного туризма в Сочи в постолимпийский период
Маюрников А.Э., Сагрян Д.В., Сердюкова Н.К. 71

Олимпийские игры в Сочи как отражение современного гражданского общества в России
Мелконян И.А., Огнева Т.Н. 76

Повышение эффективности продвижения турпродукта в сети Интернет
Романова Г.М., Сердюкова Н.К., Переворкина В.И. 80

К вопросу о значении организационно-экономического механизма в формировании инвестиционной политики хозяйствующих субъектов
Стариковский В.С. 86

Современное состояние развития туризма на пространстве СНГ
Сущинская М.Д. 91

Проблемы менеджмента безопасности массовых спортивных мероприятий
Фетисов В.Д., Фетисова Т.В. 97

Статистическое исследование туристского рынка Республики Абхазия
Цулая И.В. 101

Культурный туризм как ресурс регионального развития
(на примере города-курорта Сочи)
Юдина Т.А., Чеснокова Е.Н. 109

Педагогика

Профессиональная готовность будущего специалиста в области туризма
выходного дня: самопроектирование на основе компетентностной модели
Буйленко С.Н. 113

«Адаптивная физическая культура» и «физическая реабилитация»
как виды физической культуры в интерпретации ученых и будущих специалистов
Ворожбитова А.Л. 117

Мониторинг качества образования в дошкольном учреждении
Материкина А.Е. 120

Исследовательский метод в подготовке специалистов социально-культурного
сервиса и туризма
Михайлов А.Н. 125

Компетентностный подход и его роль в современном высшем образовании
Рагимов Э.М. 129

Проектный потенциал сценария профессиональной готовности в разработке
программы ДПО
Тюнников Ю.С. 133

Физико-математические науки

Вокруг теоремы Боровкова-Коэна
Симонян А.Р., Улитина Е.И. 140

Физическая культура и спорт

Технология комплексного применения различных по направленности средств
физической культуры в процессе оздоровительных занятий на курорте
Кортава Ж.Г. 145

Влияние оздоровительно-рекреативных занятий пляжным волейболом
на организм взрослого человека
Кортава Ж.Г., Ярыш И.Н. 149

Пляжные спортивные игры как средство рекреации студенческой молодежи
Малышева А.А., Овсянникова И.Н. 154

Совершенствование процесса обучения плаванию на основе учета мотивационно-ценностного отношения к физической культуре студенток педагогических вузов
Постольник Ю.А., Распопова Е.А. 157

Медицина

Сравнительный анализ эффективности традиционного и оптимизированного комплекса немедикаментозной терапии больных с изолированной и сочетанной патологией сердечно-сосудистой системы и обмена веществ
Быков А.Т., Чернышев А.В., Сорочинская И.Н. 161

Почему Сочи стал бальнеологическим курортом?
Ермаков Б.А. 166

Результативность реализации государственной политики в сфере здравоохранения
Цыганкова С.М., Гадаборшев М.И. 172

Оценка регулирующего воздействия как инструмент государственного регулирования в сфере здравоохранения
Цыганкова С.В., Левкевич М.М., Гадаборшев М.И. 177

Филология

Предметная область «Информатика» как когнитивно-терминологическая суперсфера
Буянова Л.Ю., Завалей Е.Г. 182

Журналист как профессиональная языковая личность в лингвориторике современного российского глянцевого дискурса
Ворожбитова А.А., Скулкин О.В. 185

Эзотерический дискурс-ансамбль в системе дискурсивных процессов гносеологически ориентированной коммуникации российского социкультурно-образовательного пространства
Ворожбитова А.А., Романенко Л.Л. 189

Роль метафорических бинарных оппозиций в символическом осмыслении действительности
Григорьева Т.В. 194

Восклицательное предложение: проблемы типологии
Деньгина Т.В., Чернова Л.В. 197

Функционирование поэтического текста на уроке русского языка как иностранного: системно-речевой аспект
Дружинина В.В. 201

Фасилитация как условие оптимального педагогического общения в коммуникативной ситуации исследовательского обучения
Ерохина Е.Л. 205

Дискурсивное поле отечественных кинофильмов как генетическая база фразеологической деривации
Казакова А.И. 209

Паралингвистические средства эпистолярной коммуникации: когнитивно-прагматический подход
Каленова Н.А. 214

Поэтические подтексты рассказа И.А. Бунина «Поздний час»
Капинос Е.В. 218

Семантика лексики эмоциональной привязанности в современном русском языке
Любова С.Г. 222

Стилистическая парадигма массовой коммуникации как отражение коммерциализации системы СМИ
Мальцева Р.И. 226

Репрезентация «другого» в региональных художественных текстах
Мишланова С.Л., Сироткина Т.А. 230

Концептуальные основы построения риторической модели аргументации
Пригарина Н.К. 233

Структурная модель и особенности языковой личности Алисы из произведений Льюиса Кэрролла
Рядчикова Е.Н., Бальян А.М. 237

Конфликт сквозь призму лингвистической когнитивистики
Рядчикова Е.Н., Никтовенко Е.Ю. 241

Отклонение от этико-речевой нормы как прием комического (на материале малоформатных жанров современной российской газеты)
Сковородников А.П., Копнина Г.А. 246

Система периодических конструкций в языке и дискурсе: проблема статуса
Трубкина А.И. 251

Синтаксические и стилистические функции лексического повтора в современной прозе
Щербань Г.Е. 255

Политология

Внутригосударственное политическое пространство (сравнительный анализ концепций)
Магомедрасулова Р.Б. 258

История и право

Особенности реализации национально-культурной политики советской власти в Донбассе в 1920-х гг. (на примере ликвидации неграмотности и украинизации)
Барабаш Ю.В. 263

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Южного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.
Исмаилова А.М. 266

Разрешение спортивных споров в России: вопросы теории и практики
Лебедева Н.В., Кондюрина А.Ю. 269

К вопросу о налоговой политике в области организации добровольческой деятельности и труда добровольцев
Князькова М.Г., Рябцев А.А., Надолинская О.С. 272

Об использовании методологического принципа периодизации при исследовании отечественной литературы XX века
Панеш У.М., Соколова Г.В. 277

Contents

Economics and Management

Audit as a Means of Hospitality Enterprises' Liquidity Risks Control and Management
Andreyev V.D. 12

The System of Higher Education in the Structure of Region's Social and Economic Potential
Balanyan M.N. 17

Institutional Aspects of Investment Climate of the Russian Federation
Baranova A.Y., Medved A.A. 22

Russian Tourists' Satisfaction with Resort Destinations' Services
Vetitnev A. M., Romanova G.M., Torgasheva A.A. 28

Travel Industry State Support
Demchenko S.G., Kabirov I.S. 38

System Projects of Higher Educational Institutions with Regulatory Documentation, Using Application Software Package «Business Studio»
Dreyzis Y. I., Kovalenko V. V., Manukyan A. D., Moskalyuk K. S., Pereverzev V.V. 45

Trends of Competition Promotion between Tourist Destinations
Karpova G. A., Sushchinsky F.V. 49

New Prospects of Personnel Training for Travel Industry across Commonwealth of Independent States
Karpova G. A., Khoreva L.V., Sorokina N. A. 54

Innovative Approach to Volunteering Institute Establishment and Development on the Basis of Characteristics of Social-Economic and Cultural-Educational Environment of Today's Russia
Maznichenko M.A., Makarova I.N., Grigorashchenko-Alieva N.M. 63

Features of Modern Territory Brand
Malova Y., Vidishcheva E.V. 67

Prospects of Sports Tourism Development in Sochi post-Games
Mayurnikov A.E., Sagryan D.V., Serdyukova N.K. 71

Sochi Olympic Games as a Reflection of Russian Modern Civil Society
Melkonyan I.A., Ogneva T.N. 76

Tourist Product Promotion Efficiency Improvement across Internet
Romanova G.M., Serdyukova N.K., Perevorkina V.I. 80

The Role of Organizational and Economic Mechanism in Economic Entities' Investment Policy Formation
Starikovsky V.S. 86

Modern State of Tourism Development across the Commonwealth of Independent States
Sushchinskaya M.D. 91

Problems of Mass Sports Events Security Management
Fetisov V.D., Fetisova T.V. 97

Statistical Examination of Tourism Market of the Republic of Abkhazia
Tsulaya I.V. 101

Culture Tourism as a Resource of Regional Development (Sochi Resort Case Study)
Yudina T.A., Chesnokova E.N. 109

Pedagogy

Professional Preparedness of Future Specialist in the Field of Weekend Tourism: Self-design, Using Competence Model
Buylenko S.N. 113

'Adapted Physical Education' and 'Physical Rehabilitation' as Types of Physical Training, Interpreted by Scientists and Future Specialists
Vorozhbitova A.L. 117

Education Quality Monitoring in Preschool Institution
Materikina A.E. 120

Research Method in Tourism and Recreation Specialists' Training
Mikhaylov A.N. 125

Competence Approach and Its Role in Today's Higher Education
Ragimov E.M. 129

Project Potential of Scenario of Professional Availability for Continuing Professional Education Program Development
Tyunnikov Y. S. 133

Physico-mathematical Sciences

Borovkov-Cohen Theory
Simonian A.R., Ulitina E.I. 140

Physical Culture and Sports

Technology of Combined Application of Physical Facilities, Having Different Effect in the Course of Health Activity at Health Resort
Kortava Z.G. 145

Effect of Beach Volleyball on Adult Body
Kortava Z.G., Yarysh I.N. 149

Beach Sports as a Means of Students' Recreation
Malysheva A.A., Ovyannikova I.N. 154

Improvement of Teaching Swimming, Considering Motivational and Value Attitude of Women Students of Pedagogical Higher Educational Institutions towards Physical Education
Postolnik Y.A., Raspopova E.A. 157

Medicine

Comparative Analysis of the Efficiency of Traditional and Optimized Drug-free Therapy of Patients with Isolated and Combined Pathology of Cardiovascular System and Metabolism
Bykov A.T., Chernyshev A.V., Sorochinskaya I.N. 161

Why Did Sochi Become Balneological Resort?
Ermakov B.A. 166

Efficiency of State Policy in the Field of Health Care Industry
Tsygankova S.M., Gadaborshev M.I. 172

Estimation of Regulatory Control as an Instrument of State Regulation of Health Care Industry
Tsygankova S.M., LevkevichM.M., Gadaborshev M.I. 177

Philology

Subject Matter ‘Computer Science’ as Cognitive-Terminological Super Sphere
Buyanova L.Y., Zavaley E.G. 182

Journalist as Professional Linguistic Personality in Linguistic Rhetoric of the Modern Russian Glossy Discourse
Vorozhbitova A.A., Skulin· O.V. 185

Esoteric Discourse-Ensemble in the System of Discursive Processes of Gnosiological-oriented Communication of Russian Socio-cultural and Educational Environment
Vorozhbitova A.A., Romanenko L.L. 189

The Role of Metaphoric Binary Oppositions in Symbolic Understanding of the Reality
Grigoreva T.V. 194

Exclamatory Sentence: Typology Problems
Dengina T.V. Chernova L.V. 197

Functioning of Poetic Text at the Lesson of Russian Language as a Foreign: System and Speech Aspect
Druzhinina V.V. 201

Facilitation as a Condition of Optimal Pedagogic Communication in Communicative Situation of Inquiry-based Learning
Erokhina E.L. 205

Discursive Field of Russian Movies as Genetic Basis of Phraseological Derivation
Kazakova A.I. 209

Paralinguistic Means of Epistolary Communication: Cognitive-Pragmatic Approach
Kalenova N.A. 214

Poetic Subtexts of I.A. Bunin’s Story ‘Late Hour’
Kapinos E.V. 218

Semantics of Emotional Attachment Vocabulary in Modern Russian Language
Lyubova S.G. 222

Stylistic Paradigm of Mass Communication as a Reflection of Mass Media System Commercialization
Maltseva R.I. 226

Representation of 'Alien' in Regional Literary Texts
Mishlanova S.L., Sirotkina T.A. 230

Conceptual Foundations of Argumentation Rhetoric Model Construction
Prigarina N.K. 233

Structural Model and Features of Linguistic Personality of Alice from the Works by Lewis Caroll
Ryadchikova E.N. Balyan A.M. 237

Conflict through the perspective of linguistic cognitive science
Ryadchikova E.N. Niktovenko E.Y... 241

Variation from Ethic and Speech Norm as a Device of Comic (on the material of small-tabloid genres of modern Russian newspaper)
Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. 246

System of Periodic Structures in Language and Discourse: Status Problem
Trubkina A.I. 251

Syntactic and Stylistic Functions of Reiteration in Modern Prose
Shcherban G.E. 255

Political science

Inner State Political Space (Concepts Comparative Analysis)
Magamedrasulova R.B. 258

History and Law

Features of National and Cultural Policy of the Soviet Power in Donbas in 1920s (Illiteracy Abolition and Ukrainization Case Study)
Barabash Y.V. 263

Capitalist Relations Development in Agriculture of the South Caucasus in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries
Ismailova A.M. 266

Sports Disputes Settlement in Russia: Theory and Practice Issues
Lebedeva N.V., Kondyurina A.Y. 269

Tax Policy in the Field of Volunteerism and Volunteers' Labor
Knyazkova M.G., Ryabtsev A.A.,Nadolinskaya O.S. 272

Use of Periodization Methodological Principle while Studying Russian Literature of the XX Century
Panesh U.M., Sokolova G.V. 277

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Экономика и управление

УДК 657.6

Аудит как средство контроля и управления рисками потери ликвидности в организациях индустрии гостеприимства.

Валерий Дмитриевич Андреев

Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Доктор экономических наук, профессор
E-mail: andreev_2003@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрена сущность риска ликвидности, внешние и внутренние факторы, влияющие на его возникновение. Излагаются общие и частные методики аудита риска ликвидности. Даются рекомендации по оценке системы внутреннего контроля управления риском ликвидности в предприятиях индустрии гостеприимства. Рассматриваются наиболее удобные приемы проведения анализа риска несбалансированной ликвидности баланса, а также группы показателей контроля риска ликвидности. Обращается внимание на необходимость проведения процедур восстановления ликвидности и ее прогноза. Вносятся предложения по мобилизации активов и генерации пассивов в целях улучшения ликвидности. Подчеркивается влияние показателей ликвидности на финансовую устойчивость предприятий индустрии гостеприимства. Вопросы ликвидности излагаются на основе действующих нормативных документов и различных точек зрения ученых.

Ключевые слова: сущность риска ликвидности; факторы ликвидности; методика аудита риска ликвидности; управление риском ликвидности; анализ риска ликвидности; улучшение управления активами и пассивами.

Введение. По данным Росстата, в 2012 г. российская туристская индустрия была представлена более 11700 гостиницами и другими коллективными средствами размещения, а также 4770 туроператорами.

Однако существующая в настоящее время практика функционирования гостиничного бизнеса не всегда отвечает мировым стандартам и требованиям, что вызвано низкими показателями платежности и финансовой устойчивости данного сектора. Так, например, в 2010 г. коэффициент текущей ликвидности гостиниц и ресторанов составлял 127,1, коэффициент автономии 46,2 при недостатке собственных оборотных средств – 34,8. Следует отметить, что число гостиничных организаций, имеющих просроченную задолженность покупателей, составляло 8,9%, а задолженность поставщикам – 20,8% [1]. Аналогичное положение наблюдалось и в последующие годы. Все это свидетельствует о потенциальных и реальных рисках ликвидности в предприятиях индустрии гостеприимства [2], необходимости контроля и управления показателями ликвидности.

Материалы и методы. Основными нормативными источниками для написания данной статьи послужили постановления, приказы и письма Правительства России, Центрального Банка, Минфина РФ, Госкомстата и Ростуризма, а также международные и отечественные стандарты бухгалтерского учета и аудита. Источниками эмпирического материала явились статистические сборники о деятельности предприятий индустрии туризма и гостеприимства в части финансовых рисков и ликвидности, годовая финансовая отчетность гостиниц и данные их внутрихозяйственного анализа. В работе использован системный подход в сочетании с приемами экономического анализа.

Обсуждение проблемы. Отдельные вопросы управления хозяйственными рисками в организациях индустрии туризма затронуты в работах российских ученых М.Б. Биржакова, Ю.Ф. Волкова, А.С. Запесоцкого, Р.М. Качалова, А.Б. Косолапова, А.О. Овчарова, И.А. Роговой, Л.П. Шматько, А.Д. Чудновского и др.

Несмотря на это, методический инструментарий аудита основных видов рисков в туризме, таких, как ликвидность и платежеспособность, остается неразработанным.

Наиболее полно этот вид риска определяется в нормативных документах Банка России [3],что применимо также и к предприятиям индустрии туризма. *Риск ликвидности* – это риск, выражающийся в неспособности организации финансировать свою деятельность, то есть обеспечивать рост активов и выполнять обязательства по мере их наступления без понесения убытков в недопустимых для финансовой устойчивости размерах.

Поэтому аудитору необходимо изучить *факторы*, влияющие на возникновение риска ликвидности, которые, как нам представляется, можно условно разделить на несколько групп:

- риск потери ликвидности, связанный с несбалансированностью по срокам, суммам и валюте активов и пассивов;
- риск возникновения требования о досрочном погашении заемных обязательств, взятых предприятием;
- риск невозврата денежных средств за оказанные услуги, связанный с реализацией кредитного риска;
- риск потери ликвидности, связанный с реализацией рыночного риска, т.е. невозможности продажи к данному сроку на финансовом рынке актива по интересующей цене;
- риск потери ликвидности, связанный с реализацией операционного риска, т.е. ошибок в процедурах или операционных сбоев в процессах, обеспечивающих бесперебойное осуществление платежей предприятием;
- риск ликвидности, связанный с закрытием для предприятия источников покупной ликвидности, например закрытием лимита кредитной линии, отказом в предоставлении овердрафта [4].

Для выявления факторов риска ликвидности аудитору, на наш взгляд, целесообразно применить следующую *методику*:

- разработать процедуры анализа денежных потоков предприятия по активным и пассивным операциям и в разрезе сроков, валют и групп платежей;
- оценить вероятности возникновения требования о досрочном погашении заемных обязательств, взятых предприятием у отдельных контрагентов;
- оценить и спрогнозировать возвратность активов на основе оценки кредитного и рыночного рисков;
- оценить и спрогнозировать заемный потенциал организации для привлечения покупной ликвидности в зависимости от различных альтернативных сценариев;
- оценить количественные параметры и индикаторы состояния товарного и финансового рынков;
- разработать мероприятия по управлению ликвидностью в различных альтернативных сценариях.

Вместе с тем аудитору не следует избегать общих процедур, рекомендуемых аудиторскими стандартами [5], таких, как тестов средств контроля, процедур проверки по существу (запрос, инспектирование, наблюдение, подтверждение, пересчет, повторное проведение, аналитические процедуры либо сочетания их).

Наряду с этим, аудитору необходимо *оценить систему внутреннего контроля* (СВК) и общую логику организации процесса управления риском ликвидности в предприятиях индустрии гостеприимства [6]. Исходя из особенностей гостиничного бизнеса, как показывает практика, процесс управления риском ликвидности может строиться следующим образом:

- формирование системы распределения ответственности за принятие решений в области управления ликвидностью;
- анализ и планирование состояние ликвидности, включающие анализ сбалансированности активов и пассивов по суммам, валютам и срокам, анализ заемных обязательств, анализ дебиторской задолженности, сценарный анализ состояния ликвидности;
- разработка и пересмотр системы лимитов и нормативов, предусматривающие лимиты остатка средств в кассе и на расчетных счетах, лимиты разрывов активов и пассивов в разрезе сроков и валют, лимиты краткосрочных финансовых вложений, лимиты концентрации дебиторской и кредиторской задолженности;
- формирование управленческой и финансовой отчетности по риску ликвидности [7];
- разработка системы контролинга состояния ликвидности, включающей сглаживание дисбаланса активов и пассивов, расширение инструментов устранения дефицита ликвидности (кассового разрыва), расширение инструментов устранения избытка ликвидности.

Для *обобщенной оценки риска* ликвидности активы организации группируются по степени ликвидности, а пассивы – по сроку исполнения обязательств [8].

При этом наиболее удобной формой анализа риска ликвидности баланса является построение матрицы фондирования. Основным достоинством матрицы фондирования ликвидности является полная картина финансирования активов, т.е. ясно, какие активы финансируются пассивами какой срочности.

Риск ликвидности аудитором контролируется с помощью *группы показателей* [9]: степень платежеспособности по текущим обязательствам, коэффициент текущей ликвидности, коэффициент абсолютной ликвидности. Рассмотрим эти коэффициенты и связанные с ними другие показатели на примере ОАО «Гостиничный комплекс «Жемчужина».

Табл. 1

Основные показатели деятельности Общества за 2010–2011 гг.

Наименование показателей	2010г.	2011г.	% роста
Количество реализованы номеро-суток	104150	121533	16,7
Среднегодовая загрузка гостиницы, %	29,8	34,8	16,8
Выручка (нетто) от реализации услуг, тыс. руб.	411273	438805	6,7
Себестоимость услуг, тыс. руб.	341522	380704	11,5
Прибыль от продаж, тыс. руб.	42796	56595	32,2
Чистая прибыль гостиницы, тыс. руб.	11925	15979	34,0
Валюта баланса, тыс. руб.	522949	617543	18,1
Собственный капитал, тыс. руб.	378947	394926	4,2
Заемный капитал, тыс. руб.	144002	222617	54,6
Соотношение заемных и собственных средств	0,38	0,56	48,3
Рентабельность продаж, %	10,4	12,9	23,9
Рентабельность собственного капитала, %	3,1	4,0	28,6
Абсолютная ликвидность (норма ≥0.3)	0,8	0,1	-81,9
Коэффициент текущей ликвидности (норма ≥ 2)	3,4	2,2	-35,6
Чистый оборотный капитал, тыс. руб.	140813	157493	11,8
Чистые активы, тыс. руб.	378947	394926	4,2

Как видно из таблицы, увеличение среднегодовой загрузки гостиницы способствовало росту выручки (нетто) от реализации услуг на 6,7%. Соответственно улучшились «рабочие» показатели ликвидности баланса – размеры чистых активов и чистого оборотного капитала [10].

В случае неудовлетворительной структуре баланса для определения ближайших перспектив в финансовом состоянии анализируемого предприятия необходимо рассчитать коэффициент восстановления (утраты) платежеспособности (Квосст). Он рассчитывается по формуле:

Квосст = Ктек.л.рас. : Ктек.л.норм.,

где Ктек.л.рас – расчетный коэффициент текущей ликвидности;

Ктек.л.норм. – нормативный коэффициент текущей ликвидности.

При значении коэффициента восстановления меньше 1, предприятие в ближайшие шесть месяцев не в состоянии будет восстановить свою платежеспособность. Основанием для признания структуры баланса предприятия неудовлетворительной, а предприятия – неплатежеспособным является выполнение одного из следующих условий: коэффициент текущей ликвидности на конец отчетного периода имеет значение менее 2; коэффициент обеспеченности собственными средствами на конец отчетного периода имеет значение менее 0,1. Многие аналитики считают, что установление критерия коэффициента текущей ликвидности, равным 2, является существенно завышенным, так как не учитывает реальной экономической ситуации в России и отраслевых особенностей деятельности предприятий [11].

Аудитору следует установить, какие процедуры восстановления ликвидности использует организация гостиничного бизнеса и как привлекает дополнительные ресурсы. Обращается внимание на порядок составления прогноза ликвидности, систему внутренней отчетности по риску ликвидности и принятия мер по снижению риска ликвидности на основании полученной информации [12].

Основой управления рисками ликвидности является *анализ денежных потоков* гостиницы. Для этого аудитор обращает внимание на ключевые категории, связанные с управлением денежными средствами, анализируя, в первую очередь, форму №4 «Отчет о движении денежных средств» [13].

При этом аудитором с использованием прямого или косвенного метода изучается движение потоков денежной наличности, контролируется исполнение бюджета движения денежных средств, оперативное регулирование денежных расчетов в целях обеспечения ликвидности баланса и оптимизации дебиторской задолженности, оценки краткосрочных потребностей в денежных средствах [14, 15].

Следует отметить, что управление денежными потоками будет эффективно при *оптимизации активов и пассивов*.

Исследование ученых и практический опыт [16] показывают, что основными способами мобилизации активов в целях пополнения ликвидности являются:

1. Ускорение взыскания дебиторской задолженности путем факторинга, приема в оплату векселей, экономическое стимулирование ранней оплаты, переуступка долгов, мониторинг долгов.

2. Проверка остатков на расчетных и иных счетах с целью консолидации денежных средств.

3. Сокращение запасов товарно-материальных ценностей.

4. Использование лизинга как одного из инструментов привлечения инвестиций и равномерного распределения платежей за дорогостоящее оборудование.

5. Продажа непрофильных активов.

6. Реструктуризация активов с целью повышения их рыночной стоимости.

Основными способами генерации пассивов в целях создания источников финансирования являются:

1. Заключение генеральных кредитных договоров с банками в целях получения лимитов финансирования.

2. Использование кредитов в форме овердрафт или беззалоговых кредитов, величина которых привязана к денежному поступлению на расчетный счет.

3. Продление сроков погашения займов и кредитов (перекредитование).

4. Задержка оплаты кредиторской задолженности и переговоры с кредиторами, изменение условий отсрочек платежей.

5. Получение займов от собственников, топ-менеджеров, прочих кредиторов.

6. Увеличение доли собственного капитала за счет прибыли.

7. Размещение акций и выпуск облигаций.

Вопросы ликвидности должны найти отражение в *аудиторском заключении* при оценке аудитором бухгалтерской отчетности [17].

Результаты. Исследование проблем потери риска ликвидности в предприятиях индустрии гостеприимства позволили разработать комплексную методику аудита этого вида рисков, базирующуюся на использовании приемов бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита.

Заключение. Для выявления и оценки влияния риска ликвидности на платежеспособность и финансовую устойчивость предлагается использовать общие и частные приемы аудита и комплексного экономического анализа. При этом процесс аудита может осуществляться в четыре этапа. На первом этапе определяются причины и факторы возможного риска. На втором этапе производится оценка уровня управления риском на предприятии. На третьем этапе проводятся аудит, анализ и количественная оценка риска ликвидности. На четвертом этапе оформляются результаты аудита и вносятся предложения по совершенствованию управления рисками ликвидности.

Примечания:

1. Российский статистический ежегодник. Госкомстат. М., 2011.

2. Информация Минфина России N ПЗ-9/2012 «О раскрытии информации о рисках хозяйственной деятельности организации в годовой бухгалтерской отчетности».

3. Письмо Банка России от 29.06.2011 N 96-Т «О Методических рекомендациях по организации кредитными организациями внутренних процедур оценки достаточности капитала».

4. Волнин В.А., Королева А.А Анализ и оценка риска несбалансированной ликвидности предприятия // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2011. № 1.

5. Федеральный стандарт аудиторской деятельности ФСАД 7/2011 «Аудиторские доказательства».

6. Правило (стандарт) № 8 «Понимание деятельности аудируемого лица, среды, в которой она осуществляется, и оценка рисков существенного искажения аудируемой финансовой (бухгалтерской) отчетности».

7. МСФО 7 «Финансовые инструменты: раскрытие информации», введенный Приказом Минфина России от 25.11.2011 N 160н. (ред. от 31.10.2012).

8. Постановление Правительства РФ от 25.06.2003г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражными управляющими финансового анализа».

9. Приказ Минэкономразвития РФ от 21.04.2006 № 104 (ред. от 13.12.2011) «Об утверждении Методики проведения Федеральной налоговой службой учета и анализа финансового состояния и платежеспособности стратегических предприятий и организаций» в ред. Приказа Минэкономразвития РФ от 13.12.2011 № 730).

10. Приказ Минфина России № 10н, ФКЦБ России от 29.01.2003 N 03-6/пз «Об утверждении Порядка оценки стоимости чистых активов акционерных обществ».

11. Финансовый менеджмент: Учеб. под ред. проф. Е.И. Шохина. М.: КНОРУС, 2012.

12. Орлова О.Е. Риск ликвидности // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. 2012. № 16.

13. Приказ Минфина РФ от 02.02.2011 № 11н № «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Отчет о движении денежных средств» (ПБУ 23/2011)».

14. Бардакова Е.В. Современные методы анализа денежного потока корпоративного заемщика // Банковское кредитование. 2012. № 4.

15. Финансово-экономический анализ предприятия туристской индустрии: Учеб. пособие / О.В. Каурова, А. Н. Малолетко, Е. Н. Подсевалова. М.: КНОРУС, 2011.

16.Зайцева Н.А., Ларионова А.А. Финансовый менеджмент в туризме и гостиничном бизнесе. М.: Альфа-М:ИНФРА-М, 2011.

17. ФСАД 1/2010 «Аудиторское заключение о бухгалтерской (финансовой) отчетности и формирование мнения о ее достоверности».

UDC 657.6

Audit as a Means of Hospitality Enterprises' Liquidity Risks Control and Management

Valery D. Andreyev

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Economics, Professor
E-mail: andreev_2003@rambler.ru

Abstract. The article deals with the essence of liquidity risk, external and internal factors, affecting its emergence, presents general and special liquidity risk audit methodologies. Recommendations, concerning the estimation of the system of internal control of hospitality enterprises' liquidity risk management are given. The most convenient ways of unbalanced accounting liquidity risk analysis and indicator set of liquidity risk control are showed. Special attention is attached to the necessity of liquidity recovery procedures and its prognosis. The offers, concerning assets mobilization and liabilities generation in order to improve liquidity are made. The impact of liquidity index on financial sustainability of hospitality enterprises is stated. Liquidity issues are developed on the basis of current regulatory documents and different views of scientists.

Keywords: liquidity risk essence; liquidity factors; liquidity risk audit methodology; liquidity risk management; liquidity risk analysis; assets and liabilities management improvement.

УДК 33

Система высшего образования в структуре социально-экономического потенциала региона

Манушак Назаретовна Баланян

Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Преподаватель
E-mail: www.angelmarisha@mail.ru

Аннотация. В статье на основе фундаментальных исследований трудовых и социально-экономических проблем региона в разрезе развития системы высшего профессионального образования делается попытка выделить социологический аспект проблемы. В том числе детализируется роль различных факторов формирования социально-экономического потенциала региона в части определения места в них системы высшего образования.

Ключевые слова: социально-экономический потенциал; образовательный потенциал; регион; система высшего профессионального образования.

Введение. Актуальность социологического изучения системы высшего образования как фактора формирования социально-экономического потенциала региона обусловлена возможностью получения практически ценных результатов для совершенствования деятельности органов управления в образовании, создания научно обоснованных программ по подготовке необходимого количества и качества кадров высшей квалификации для национальной экономики. Социологическая экспертиза текущих и перспективных процессов в образовательных учреждениях высшего образования применительно к российскому социально-экономическому пространству дает возможность прогнозировать наиболее оптимальное развитие институциональных структур, регулирующих образовательные процессы и трудовые потоки в регионах. Также она дает предпосылки к разработке практических рекомендаций для управления образовательными процессами в вузах и соответствующими трудовыми потоками в том или ином субъекте Российской Федерации.

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой исследования служат методы системного, сравнительного (в том числе сравнительно-исторического), статистического анализа. Общетеоретическую основу статьи составляют фундаментальные исследования отечественных и зарубежных социологов, экономистов, демографов, культурологов, философов, педагогов, психологов, посвященные анализу образовательных (применительно к системе высшего образования), трудовых и социально-экономических проблем.

Обсуждение. Среди российских социологов и экономистов, занимающихся проблематикой формирования социально-экономического потенциала, можно выделить работы таких авторов, как А.А. Адамеску, Н.А. Аитов, Э.Б. Алаев, А.Е. Барашев, Г.И. Бондаренко, В.С. Буланов, Д.И. Валентей, А.Б. Докторович, А.Г. Вишневский, С.А. Васин, К.В. Гуменников, В.С. Ефремов, Т.И. Заславская, Р.Х. Казакбаев, А.Я. Кваша, А.И. Козлов, К.К. Колин, Э.Б. Котляр, О.Л. Краева, Ж.А. Мингалева, А.Н. Пыткин, Н.М. Римашевская, И.В. Соболева, П.В. Солодуха, В.А. Сухих, И.Т. Фролова и др. В российской социологии образования конкретно различным аспектам управления образовательными системами было уделено внимание в работах Н.Г. Аванесова, Ю.П. Азарова, Ю.К. Бабанского, Е.С. Березняк, Ю.В. Васильева, Б.С. Гершунского, Э.Д. Днепрова, У.Г. Зиннурова, А.Е. Капто, М.И. Кондакова, Ю.А. Конаржевского, В.Ф. Кривошеева, Н.И. Роговцевой, Н.В. Худоминского, Т.И. Шамовой и др.

Но в то же время, оценивая в целом степень изученности проблемы системы высшего образования как фактора формирования социально-экономического потенциала региона, можно отметить, что в настоящее время имеется определенное отставание исследований собственно социологических проблем в этой области. Преобладают работы, носящие психолого-педагогическую либо экономическую направленность.

В ходе проведения конкретных социологических исследований по проблемам студенчества, изучения и систематизации монографического и статистического материала, связанных с высшим образованием, возникла необходимость выделить социологический аспект темы исследования, в том числе роль различных факторов формирования социально-экономического потенциала региона, а также место в них системы высшего образования. Сегодня необходимы новые подходы, которые обеспечат более полный охват и освоение большого фактического материала, его качественный анализ и разработку практических рекомендаций.

Изучение формирования социально-экономического потенциала региона и роль в нем системы высшего образования одинаково ценно как для экономической, так и для социологической наук.

Это связано с тем, что в обоих случаях в данное понятие интегрированы такие категории, как человеческий капитал, трудовой потенциал, кадровый потенциал, система расселения, воспроизводство населения, качество жизни населения и др. Понятие «социально-экономический потенциал» территории, региона, страны широко используется в социологической и экономической литературе и на практике. Однако его содержание трактуется неоднозначно в разных источниках, что приводит к множественности оценок социально-экономического потенциала одной и той же социально-экономической системы [1].

Функционирование внешнего социально-экономического пространства позволяет каждой региональной системе пользоваться всеми преимуществами территориального разделения труда, едиными принципами размещения производительных сил и общими правилами регулирования денежного обращения и финансово-кредитных отношений, единой судебной и образовательной системами. Внутреннее социально-экономическое пространство – это как расположенные на территории региона элементы экономического потенциала, составляющие вещественную и материально-техническую основу регионального воспроизводственного процесса [2], так и его человеческая составляющая, включающие в себя в том числе систему высшего профессионального образования.

Формула определения социально-экономического потенциала региона, исходя из определенной структуры факторов его реализации (частных потенциалов), представляет собой следующее:

$$СЭПР = f_0 (П_1, П_2, П_3, П_4; П_5; \ldots),$$

где **СЭПР** – социально-экономический потенциал региона;

$П_1$ – потенциал региональной системы образования;

$П_2$ – потенциал социально-демографической структуры региона;

$П_3$ – потенциал социальной и производственной инфраструктуры региона;

$П_4$ – потенциал социально-трудовых отношений в существующих предприятиях и организациях региона;

$П_5$ – потенциал системы расселения региона.

Данные факторы (частные потенциалы) также представляют собой интегральные характеристики, включающие в себя собственные факторы (субфакторы) реализации и развития. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и остальные факторы, особенно связанные с внедрением новых элементов в социальную структуру регионального социума. Имеется в виду внедрение новых форм политической жизни, инноваций различного рода, реформирование методов хозяйствования на предприятиях региона и реорганизацию уже существующих. Также весьма важны и инфраструктурные особенности развития того или иного региона, и система расселения того или иного субъекта Федерации. Все эти факторы тесно связаны между собой, и порой весьма затруднительно провести границу, где заканчивается поле деятельности одного фактора и начинается зона ответственности другого [3].

Логически развивая предложенную выше формулу, предлагаем фактор региональной системы образования $П_1$ подразделить на субфакторы среднего общего ($П_{1.1}$), среднего профессионального ($П_{1.2}$) и высшего профессионального образования ($П_{1.3}$). Система образования в предложенной формуле социально-экономического потенциала региона имеет обозначение $П_1$, а высшего профессионального, соответственно – $П_{1.3}$, но это отнюдь не означает, что она имеет главенствующее положение в ряду частных потенциалов. В то же время невозможно переоценить то значение, которое имеет система высшего профессионального образования для социологического изучения социально-экономического потенциала как региона, так и страны в целом.

На наш взгляд, стратегическим направлением государственной политики в сфере формирования образовательного потенциала в части высшего профессионального образования является развитие конституциональных гарантий развития личностного потенциала, свободы использования гражданами профессиональных способностей, создание условий для обучения и повышения квалификации каждого человека, имеющего в этом потребность. Следовательно, такая политика на уровне государства занимается правовыми, социальными вопросами, информационно-технологическими, международно-правовыми аспектами, вопросами бюджетного финансирования подготовки и эффективности использования образовательного потенциала (в части высшего профессионального образования) современной России. Поэтому политика на уровне региона должна быть направлена на формирование и использование трудового потенциала в экономике и управлении на данной территории или конкретной структуре.

Уровень образования как одна из основных составляющих социально-экономического потенциала региона в его трудовом сегменте зависит от:

- системы и тенденций развития образования в России в целом;
- качества общего и профессионального образования;
- наличия возможности обучения с отрывом от производства, которое предполагает обновление и пополнение знаний, заполнение пробелов имеющегося образовательного уровня;

- эффективности внутриорганизационного образования без отрыва от службы или производства;

- системы переподготовки, повышения квалификации, обучения вторым смежным профессиям;

- мотивации в саморазвитии [4].

В экономическом аспекте роль системы высшего образования – это воспроизводство и обучение трудовых ресурсов высшей квалификации. В свою очередь, это две составляющие процесса формирования трудовой составляющей социально-экономического потенциала, которые определяют эффективность использования данного потенциала. Передовые страны давно поняли одну основополагающую истину: благосостояние современного общества в первую очередь зависит от сложных факторов его развития, к формированию которых это общество имеет самое непосредственное отношение. Речь идет о таких факторах, как наука, образование, культура, технология. Утверждение В.С. Ефремова, что «состояние образования, национальной системы подготовки высококвалифицированных кадров имеет при этом первостепенное значение» приобретает силу приоритетности при решении социально-экономических вопросов на уровне государства и региона» [5].

М. Портер в своем фундаментальном исследовании конкурентных преимуществ наций в 1990 г. делает вывод: «Наше исследование не оставляет сомнений в том, что образование и обучение играют решающую роль в национальном конкурентном преимуществе. Качество человеческих ресурсов должно постоянно повышаться, если стремиться к повышению уровня развития экономики страны» [6].

Качественное развитие образовательного потенциала в части высшего образования требует активной политики государства в области не только высшего образования, но и культуры, здравоохранения и других отраслей социальной сферы. Согласимся с точкой зрения, что одним из актуальнейших направлений государственной политики в сфере высшего образования становится формирование системы непрерывного образования.

На современном этапе развития непрерывного высшего профессионального образования, несмотря на имеющиеся уже успехи его реализации, существует необходимость разрешения ряда проблем и противоречий, существующих:

- между государственной системой профессионального образования, которая в силу объективных причин не может оперативно реагировать на динамично изменяющиеся требования к подготовке новой квалифицированной рабочей силы, и потребителями ее профессиональных образовательных услуг;

- между традиционными подходами к формированию содержания профессионального образования и инновационными, предусматривающими максимальный учет требований отраслевых образовательных стандартов профессионального образования и развития личности;

- между запросами определенных социальных групп населения на создание образовательных учреждений, удовлетворяющих их потребности в непрерывном профессиональном образовании, и недостаточным наличием таких образовательных комплексов;

- между стремлением части профессионально-педагогического сообщества к построению собственных образовательных практик и действующей системой профессионального образования, имеющей достаточно четко обозначенные границы на каждом уровне образования [7].

Как нам представляется, разрешение этих противоречий возможно на основе построения новой гибкой структуры высшего образования региона, способной более оперативно реагировать на изменения и запросы социокультурной среды внутри республиканского социума и различных переменных современного рынка труда, определения содержания непрерывного высшего профессионального образования с учетом поставленных целей реализации социально-экономического потенциала региона.

Очень продуктивным в разрезе интересующих нас вопросов является исследование, проведенное в Социально-гуманитарной академии (СГА) коллективом в составе О.М. Карпенко, М.Д. Бершадской, Ю.А. Вознесенской, Л.А. Гадрани. Согласно этому исследованию, наиболее обширная база данных по высшему образованию стран мира – WHED (World Higher Education Database) [8] – создана Всемирной ассоциацией университетов IAU (International Association of Universities) . В ней содержатся сведения по 180 странам, имеющим сформировавшиеся системы образования. Однако эти сведения носят в основном описательный характер, поэтому при сопоставительном статистическом анализе образовательных систем различных стран могут использоваться лишь в качестве дополнительного источника информации. В основе анализа должны лежать данные образовательной статистики, сгруппированные по системообразующим международным показателям. Признанными источниками такой информации являются:

- ежегодные всемирные доклады по образованию Института статистики ЮНЕСКО (Global Education Digest);

- материалы Организации экономического содружества и развития (ежегодные отчеты по образованию по странам ОЭСР и партнеров: Education at a Glance – OECD Indicators);

- доклады Всемирного банка [9].

Для сопоставления данных образовательной статистики разных стран используется Международная стандартная классификация образования (МСКО), утвержденная Генеральной конференцией ЮНЕСКО в ноябре 1997 г. Схема МСКО-1997 предлагает методологию перевода национальных учебных программ в международносопоставимый набор категорий для определения ступеней образования. Характеристика уровней МСКО и соответствующие эквиваленты российского образования [10].

Важным показателем, характеризующим развитие российской образовательной системы, следует считать соотношение количества студентов вузов и средних профессиональных учебных заведений. Динамика изменения этого показателя в течение последних 20 лет свидетельствует о процессе выравнивания диспропорций в развитии российского образования. Процент студентов российских вузов (уровень 5А) в общем количестве студентов в третичном образовании в 2005 г. составил 76 %. Это вполне соответствует современному уровню ведущих стран (например, в США этот показатель в 2005 г. составил 77 %, в Великобритании – 73 %, в Канаде – 73 %, во Франции – 72 %). Аналогичное соотношение долей взрослого населения с образованием 5А/6 и ко всему третичному (5А/6+5В) в том же году составило всего 38 % [11].

Отметим, что не только в России, но и в ряде других стран отмечается тенденция к увеличению доли лиц с образованием 5А/6 (средним профессиональным и высшим) в общем числе лиц с третичным (средним профессиональным) образованием за счет высокого процента студентов уровня 5А/6 в общем числе студентов. Наиболее яркие примеры, помимо России, – Финляндия, Канада, Германия; исключение – Бельгия, в которой каждый из рассматриваемых показателей составляет менее 50 % [11].

В целом, несмотря на некоторые диспропорции в российском высшем образовании, приведенные выше данные, безусловно, свидетельствуют об очень высоком уровне образования населения России. Здесь логичным будет применить эту же методику при сравнении российских регионов между собой и выявлении степени их приближенности к мировым стандартам в этой области.

В этой связи, помимо четырех количественных критериев, безусловный интерес представляют национальные образовательные системы, лидирующие хотя бы в одной из следующих областей:

- экспорт образовательных услуг как отражение сложившейся репутации национальной системы образования в международном сообществе [12];
- международные рейтинги университетов мира, позволяющие оценить национальную систему высшего образования по составляющим ее университетам [13];
- международное исследование качества обучения PISA (Programm for International Student Assessment) – состояние обучения на уровне средней школы, являющейся фундаментом вузовского образования [14];
- доступность высшего образования и финансовые возможности его получения [15];
- масштабы дистанционного образования.

При рассмотрении перечисленных областей становится очевидным, что лидирующие позиции в них в основном принадлежат странам с высоким уровнем охвата населения высшим образованием и высоким индексом образования. Исключение составляют Индия и Китай, выступающие на первый план не только по количеству студентов в высшем образовании, но и уверенно лидирующие в динамике роста студентов и в развитии дистанционного образования.

К 12 странам-лидерам, отобранным с учетом фактора масштаба, помимо Индии и Китая, добавляются всего две страны:

- Финляндия, лидирующая в трех рейтингах: 1) качество школьного обучения PISA-2006, 2) финансовые возможности получения высшего образования, 3) доступность высшего образования (2-е место);
- Швеция – лидер рейтинга по финансовым возможностям получения высшего образования [9].

Таким образом, по совокупности рассмотренных показателей представляется целесообразным выделить следующую группу ведущих стран в сфере образования: Австралия, Великобритания, Германия, Индия, Испания, Канада, Корея, Китай, Нидерланды, Польша, Россия, США, Финляндия, Франция, Швеция, Япония.

Заключение. В завершении статьи следует отметить, что подобную методику сравнения стран по уровню образования можно применить также к группировке регионов по развитию в них системы высшего образования и, следовательно, количества и качества образованного населения того или иного субъекта Российской Федерации. Как нами уже отмечалось, предпочтительным является уточненный показатель образовательного потенциала (в предложенной нами формуле социально-экономического потенциала – $\boldsymbol{П_1}$), где, помимо критерия собственно уровня образования, будет учитываться и потенциал высшего образования ($\boldsymbol{П_{1.3}}$) населения региона. Даже без вычисления остальных факторов социально-экономического потенциала региона мы сможем с уверенностью

сказать, какой уровень в том или ином субъекте Российской Федерации имеет образовательный потенциал в своей квинтэссенции – высшем профессиональном образовании.

Примечания:

1. Любимова М.В. Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 4. С. 13-24.

2. Инновационная экономика / Под ред. А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. М.: Наука, 2008. С. 70-71.

3. Казакбаев Р.Х., Бондаренко Г.И. Социальное воспроизводство человеческого капитала (на примере сельской социально-территориальной общности). Уфа: Башкирский НИИ сельского хозяйства, 2007. С. 18-20.

4. Чепурко Г.В. Региональные аспекты процесса формирования трудового потенциала // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2010. № 1 (22). С. 209-212.

5. Ефремов В.С. О национальных и международных проблемах подготовки высококвалифицированных кадров // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 2. С. 15-16.

6. Портер М. Международная конкуренция / Под ред. и с предисловием В.Д. Щетинина; пер с англ. М.: Международные отношения, 1993. С. 273.

7. Синицкая Н.Я., Антипина Е.В. Непрерывное образование как фактор развития трудового потенциала региона // Экономические науки. 2010. №3. С. 173-175.

8. World Higher Education Database (WHED) – Всемирная база данных по высшему образованию: http://www.unesco.org/iau/onlinedatabases

9. Карпенко О.М. Показатели уровня образования населения в странах мира: анализ данных международной статистики / Карпенко О.М., Бершадская М.Д., Вознесенская Ю.А. // Социология образования. 2008. № 6. С. 4-20.

10. Агранович М.Л., Полетаев А.В., Фатеева А.В. Российское образование в контексте международных показателей. 2004. Сопоставительный доклад. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 38.

11. Всемирный доклад по образованию 2007 года. Сравнение мировой статистики в области образования. Институт статистики ЮНЕСКО, Монреаль, 2007, табл. 8. (к сожалению, в настоящее время пока недоступны новейшие данные в данном разрезе).

12. Bohm, Davis, Meares and Pearce. Global Student Mobility 2025: Forecasts of the Global Demand for International Higher Education. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.aiec.idp.com/PDF/Bohm_2025Media_p.pdf (дата обращения 12.03.2013).

13. Times Higher Education Supplement 2007. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.thes.co.uk/; Academic Ranking of World Universities - 2007. http://ed.sjtu.edu.cn/ranking.htm Webometrics Ranking of World Universities.2008. http://www.webometrics.info/index.html (дата обращения 12.03.2013).

14. PISA 2006: Science Competencies for Tomorrow's World [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.pisa.oecd.org/document/2/0,3343,en_32252351_32236191 _39718850_1_1_1_1, 00.html, декабрь 2007; Центр оценки качества образования ИСМО РАО. http://www.centeroko.ru/pisa06/pisa06_part.htm, декабрь 2007 (дата обращения 12.03.2013).

15. PISA-2006: Science Competencies for Tomorrow's World [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.pisa.oecd.org/document/2/0,3343,en_32252351_32236191_39718850_1_1_ 1_1,00.html, декабрь 2007; Центр оценки качества образования ИСМО РАО.http://www.centeroko.ru/pisa06/pisa06_part.htm, декабрь 2007 (дата обращения 12.03.2013).

UDC 33

The System of Higher Education in the Structure of Region's Social and Economic Potential

Manushak N. Balanyan

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Instructor
E-mail: www.angelmarisha@mail.ru

Abstract. The article, using fundamental study of region's labor, social and economic problems from the perspective of the system of higher professional education development, attempts to detect the sociological aspect of the problem. The role of different factors in region's social and economic potential formation in terms of the system of higher professional education is specified.

Keywords: social and economic potential; educational potential; region; system of higher professional education.

УДК 336.025

Институциональные аспекты инвестиционного климата Российской Федерации

[1] Алла Юрьевна Баранова
[2] Анна Алексеевна Медведь

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат экономических наук, доцент
E-mail: baranovalla-77@mail.ru
[2] НИУ Высшая школа экономики СПб, Россия
С.-Петербург, Седова, 55
Кандидат экономических наук, доцент
E-mail: annmedved@mail.ru

Аннотация. Главным субъектом управления инвестиционными процессами в стране, бесспорно, является государство в лице федеральных, региональных и местных органов власти. С помощью законодательных и нормативно-правовых актов, разработки инвестиционных программ государство может стимулировать, регулировать, сдерживать и контролировать инвестиционные процессы, а также предоставлять государственные гарантии и льготы. В данной статье государство рассматривается как институт, являющийся связующим звеном между инвесторами, основная цель которого – обеспечение инновационного развития экономики.

Ключевые слова: институционализм; инвестиции; частно-государственное партнерство.

Введение. На сегодняшний день РФ выглядит довольно скромно на рынке мирового капитала, несмотря на рост международной инвестиционной активности. Россия обладает прогрессивными технологиями в некоторых специфических отраслях, таких, как производство материалов, вооружений, освоение космоса, но в целом экономика страны нуждается в серьезной модернизации. На рынке высоких технологий наша страна занимает на сегодняшний день ничтожную долю, имея огромный кадровый и информационный потенциал. В работах многих авторов, анализирующих инвестиционный климат России, суть проблемы видится преимущественно в недофинансировании проектов и существующих экономических рисках. Нами предлагается институциональный подход к решению проблем в процессе инвестирования.

Обсуждение. Сначала определимся с понятием «институт». Основоположник институционализма – американский экономист Т. Веблен (1857–1929 гг.) доказал, что в рыночной экономике потребители подвергаются всевозможным видам общественного и психологического давления, поэтому необходимо учитывать внеэкономические факторы, объясняющие поведение потребителя в его социальном аспекте [4].

Р. Коуз утверждал, что продуктивность экономической системы определяется специализацией и обменом, но издержки обмена (трансакционные) зависят от институтов страны: правовой, политической, социальной систем, системы образования и культуры и т.д. [9]

В составе институтов Д. Норт выделял три основных составляющих: формальные правила (законы, конституции, нормы права и др.), неформальные ограничения (обычаи, традиции, соглашения, договоры и др.), механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, инспекции, полиция и т.п.) [6].

Современные институционалисты (неоинституционалисты) говорят об ограниченной рациональности, на которую оказывают влияние внешние факторы среды: оппортунизм (преследование личных целей в ущерб другим участникам), необходимость создания специальных структур в целях эффективного осуществления регулярных сделок, влияние на реализацию товара не только его цены и количества, но и качества, неполная спецификации прав собственности [4].

Институт метафорически можно представить себе как лабиринт, войдя в который можно разными путями добраться до выхода. Одни найдут выход легко, другие – зайдут в тупик и будут вынуждены возвращаться назад, третьи, идя на риск и неся затраты, попытаются сломать стену, кто-то, попав вторично в лабиринт, учтет прежние ошибки. И если однажды лабиринт будет нуждаться в реставрации, мнения людей разделятся. Одни – консерваторы – выступят за сохранение и восстановление «старых стен», другие – выстроят лабиринт с возможностями быстрого выхода. Аналогичное происходит и с институтами: они подвержены эволюции.

Таким образом, понятие «институт» включает в себя три аспекта:

- нормы, законы, правила и традиции поведения в обществе;
- организации различных организационно-правовых форм собственности;
- механизмы, регулирующие отношения хозяйствующих субъектов.

Концепция привлечения иностранных инвестиций должна быть адаптирована к современным потребностям экономики России. Уже никто не спорит с неэффективностью способа преодоления технологического разрыва гражданских отраслей с помощью развития собственных НИОКР, не вызывает сомнений потребность в импорте стратегического капитала и использовании отработанных технологий в реальном секторе. Однако до сих пор не предпринимается значимых усилий в создании условий для активного международного взаимодействия.

Обобщая вышесказанное, можно выделить основные составляющие институционального подхода по отношению к инвестированию:

1. Институты конкурентного рынка. Инвесторы склонны вкладываться в эффективные отрасли экономики. Одним из ключевых институтов эффективной рыночной экономики является частная собственность как на экономические блага, так и на факторы производства. Отношения собственности, безусловно, должны быть отрегулированы государством для сохранения баланса между личными и общественными интересами, в каких-то моментах собственность должна быть ограничена специальными условиями пользования и распоряжения. Очень болезненно инвесторы реагируют на любые попытки навязать определенный порядок ценообразования. Дело в том, что цена продукции на сегодняшний день является базовым показателем для инвестиционного проекта, принята практика таргетирования издержек – когда себестоимость продукции «подгоняется» под приемлемую для потенциального потребителя цену, поэтому любые формы принуждения к корректировке цен однозначно являются негативным фактором при принятии инвестиционных решений. Большое значение также имеет и развитость рыночной инфраструктуры – банковских услуг, биржевого дела и пр.

2. Инвесторам необходима простая, понятная, безусловно исполняемая нормативная база. В законодательных и нормативных документах права, гарантии и преференции должны быть четко и однозначно зафиксированы, не должно быть малейших возможностей для двойного толкования, не говоря уже о противоречии одних актов другим, как это нередко бывает при анализе регионального и федерального законодательства. Необходима судебная система, имеющая международный авторитет.

3. Часто недооцениваются обычаи и традиции, существующие в стране-реципиенте, тогда как зачастую они имеют даже большее значения, чем формальные правила и процедуры. Без устоявшейся деловой этики практически невозможно эффективное взаимодействие экономических субъектов, так как никакой формальный договор не удержит от недобросовестной практики, если нет эндогенных запретов и ограничений. В идеале неформальные правила должны в точности соответствовать формальным и служить дополнительной гарантией их неукоснительного выполнения.

4. Основная функция власти в сфере экономики – контроль за выполнением формальных правил. В этом смысле на первый план выходят следующие характеристики существующей политической системы: легитимность, эффективность (способность оперативно решать споры и конфликты), доступность (недискриминация относительно юрисдикции и социального статуса объектов защиты). Наличие формально урегулированных прав собственности должно быть подкреплено безусловной защитой третьей стороны, под которой подразумевается государство, способное быть объективным в суждениях и обладающее силой и авторитетом, позволяющими разрешать конфликты прав собственности. Должна быть обоснованна и неизменна экономическая политика государства, особенно в таких амбивалентных областях, как приватизация, налоговая, финансово-кредитная политика. Основной целью власти в этой сфере должно быть поступательное экономическое развитие, чему способствует низкий уровень процента и инфляции на макроэкономическом уровне, поддержка свободного предпринимательства на микроэкономическом уровне, открытость экономики для продуктивного международного сотрудничества на уровне мировой экономики.

5. Доступность и достоверность имеющейся информации является ключевым моментом для принятия решений. В обстановке недостатка информации решение с большой долей вероятности будет принято под воздействием случайных факторов, присутствие же заведомо неверной информации ведет к изначально неверным относительно заявленных целей решениям. Поэтому информационный фактор является существенным для потенциальных инвесторов. Информационная система должна предоставлять потенциальным инвесторам валидные данные об экономических показателях, законодательной базе, существующих инвестиционных проектах и потенциальных партнерах.

В России наблюдается ряд проблем, с которыми сталкивается иностранный инвестор в нашей стране. Главным препятствием является неопределенность и незащищенность прав собственности. В России уровень защиты прав собственности искусственным образом снижается, при этом государство выступает отнюдь не как независимый эксперт, а как субъект, действующий в своих интересах, что негативным образом влияет не только на само государство, но и на общество в целом. Поэтому важным шагом по исправлению ситуации может стать административная и судебная реформы. Осуществление этих изменений будет затруднено, препятствием могут оказаться разные факторы, в первую очередь придется столкнуться с нежеланием и неготовностью властной элиты отказаться от дохода в виде политической ренты. При этом нужно преодолевать «институциональную ловушку»: все задействованы в сложившейся системе, следовательно, легче ничего не менять, чем рисковать и пробовать встать на путь «некоррупционного» поведения. Найти решение этой проблемы достаточно сложно, но это

необходимо сделать: бизнес должен стать прозрачным и легальным. Серьезные проблемы есть и в защите прав интеллектуальной собственности, если ставить цель привлечения «технологических» инвестиций в страну. В России объекты интеллектуальной собственности долгое время охранялись как государственный интерес. Относительно недавно появилось адекватное рыночной системе законодательство о правах и защите интеллектуальной собственности в России. На сегодняшний день за нарушение прав интеллектуальной собственности предусматривается как административная, гражданско-правовая, так и уголовная ответственность. Создана Федеральная служба по интеллектуальной собственности, начинают работу специальные патентные суды. Однако правоприменение в этой сфере оставляет желать лучшего, что объясняется множеством факторов, начиная от недостаточной квалификации судейского состава, заканчивая общим терпимым отношением общества к свободному использованию результатов интеллектуального труда.

Одним из основных поставщиком новейших технологий на мировой рынок являются Соединенные Штаты Америки, специальное агентство которых United States Trade Representative (Управление торгового представителя США, правительственное агентство, занимающееся разработкой торгового законодательства и координацией внешнеторговой политики) готовит ежегодный отчет по странам, не обеспечивающим эффективную правовую охрану интеллектуальной собственности. В 2012 году в «черный список» вошла Россия с такими странами, как Алжир, Чили, Пакистан, Венесуэла. Претензии не новы:

- недостаточное соблюдение международных соглашений в части интеллектуальной собственности, в особенности подписанных в рамках подготовки к членству в ВТО (Соглашения ТРИПС, закон «Об обращении лекарственных средств» и т.д.);
- необходимость совершенствования судебной реформы и эффективного ее правоприменения;
- нерегулируемость электронной сферы продаж;
- отсутствие видимых успехов в борьбе с нарушением технологической защиты интеллектуальной собственности;
- неотработанность практики расследования преступлений, связанных с нарушением прав на интеллектуальную собственность, недостаточность ресурсов и полномочий у правоохранительных органов для борьбы с преступлениями, связанными с нарушением прав интеллектуальной собственности.

Но отмечается некоторый прогресс в области охраны интеллектуальной собственности, в частности принятие закона о создании специального суда по интеллектуальным правам, внесение поправок в Уголовный кодекс РФ, усиливающих ответственность за нарушение прав на интеллектуальную собственность; закрытие заводов, производивших контрафактную продукцию и пр. Но все это явно недостаточно для того, чтобы Россия вошла в зону доверия для стратегического иностранного инвестора.

Помимо неопределенности прав собственности, можно выделить следующие принципиальные претензии инвесторов:

- неразвитость и нестабильность институтов власти, что порождает высокий уровень коррупции и полулегальность экономических процессов в стране;
- низкие, в отличие от многих активно развивающихся стран, экономические показатели роста ВВП и его неэффективная качественная структура, следствием чего является недостаточный уровень доходов населения для формирования устойчивого платежеспособного спроса;
- слабый уровень развития общей рыночной инфраструктуры;
- неполная конвертируемость рубля;
- высокая цена входа на рынок вследствие общей монополизации;
- неэффективность институциональной базы стимулирования и защиты инвестиций.

Синергетическое воздействие этих факторов инвестиционного климата приводит к тому, что Россия не рассматривается как страна для стратегических вложений, поэтому капитал, приходящий в страну, в основном имеет заемный характер и не способствует модернизации промышленности. Трансфер технологий наиболее вероятен при непосредственных вложениях в основные фонды, причем, вопреки всеобщему мнению, совсем необязательно для технологического перевооружения необходимы исключительно прямые иностранные инвестиции, возможности портфельных инвестиций здесь несопоставимо шире. Это обусловлено двумя факторами:

1. Во-первых, существует общая тенденция вытеснения прямых инвестиций портфельными по мере развития фондового рынка страны.

2. Во-вторых, крупные производства организованы, в большинстве своем, в виде корпораций, соответственно, привлечение капитала в форме продажи акций есть самый естественный способ привлечения капитала.

В вопросах развития портфельного инвестирования в РФ накопилось также множество проблем, главные из которых связаны с неразвитостью рыночных институтов фондового рынка. Это и пробелы в законодательстве, не обеспечивающие должную защиту прав акционеров, неразвитость финансовой инфраструктуры и т.д. В результате этого иностранное портфельное инвестирование нацелено в России

на извлечение спекулятивной прибыли, объемы инвестирования крайне малы и при незначительных колебаниях доходности капитал уходит в более стабильные регионы. Несмотря на достаточно серьезное формальное противодействие оттоку капитала, фактически все преграды успешно преодолеваются. Но чем жестче регулируется миграция капитала, тем меньше инвесторы склонны рисковать ресурсами.

Достаточно серьезной проблемой является ситуация гистерезиса относительно неформальных правил. Деловая этика в России находится на этапе начального развития. Исторический разрыв, который присутствует в этой сфере со времени слома командно-административной системы хозяйствования, еще очень долго будет давать о себе знать. Проблема нехватки деловой этики российского бизнеса во многом является проблемой социальной и деловой элиты общества. На сегодняшний день вследствие отсутствия «социальных лифтов», клановости и коррупционности российская элита ригидна и глубоко преемственна. Первое поколение бизнесменов начала рыночных преобразований представляло собой в большинстве своем либо представителей черного или серого рынка, либо являлось носителями обычаев советской бюрократии. Законы чести, репутации и порядочности не имели ничего общего с этими слоями постсоветского общества. В советское время заниматься предпринимательством в любых его формах было противозаконно. Отсюда и общественное представление о бизнесменах как о жаждущих наживы. Нормы делового общения, принятые в элите, задают социальную шкалу оценок поведения. Социальная оценка выполняет функцию социального стимула (позитивного или негативного), предопределяющего этические правила и нормы в бизнесе. Современная российская деловая элита как социальная группа воздействует на общественное сознание, навязывая специфические правила деловых взаимоотношений и ориентируя на ценности, к сожалению, соответствующие низшему преконвенциональному уровню развития моральных суждений.

Проанализировав условия привлечения иностранных инвестиций применительно к РФ, можно сделать вывод о том, что ситуация неудовлетворительная. Главной причиной иностранного инвестирования в экономику России является доступ к ресурсам – в основном, природным, а также в некоторых сферах – человеческим, интеллектуальным, технологическим. Статистика подтверждает, что наибольший объем иностранных инвестиций сконцентрирован в добывающих отраслях промышленности.

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), объем иностранных инвестиций в экономику России в 2012 году составил 154,6 млрд. долл. Главными инвесторами в отечественной экономике являются Швейцария – 13,7 % от общего объема иностранных инвестиций в России, Кипр – 10,6 %, Нидерланды – 8,7 %, Великобритания – 7,4 %, Германия – 4,6 %, из стран СНГ: Беларусь – 2,3 %, Казахстан – 0,7 % [10].

Иностранные инвестиций направляются преимущественно в следующие российские отрасли:

- транспорт и связь – 27,8%;
- добыча полезных ископаемых – 14,6%;
- обрабатывающие производства – 12,9%.

Несмотря на устойчивое в последние годы превышение вывоза капитала над его ввозом, Россия остается крупнейшим импортером капитала. В 2012 году основная часть валового ввоза капитала приходилась на прочие инвестиции (86,7 % всех поступлений), в том числе торговые кредиты, зарубежные займы корпораций и банков; прямые инвестиции составили 12,1 %, портфельные – 1,2% [10].

Больше всего российских инвестиций накоплено в Нидерландах – 28,2 млрд. долл., на Кипре – 23,1 млрд. долл., в Швейцарии – 8,1 млрд. долл. и США – 7,892 млрд. долл. Из стран СНГ Россия преимущественно направляет капитал в Беларусь, Казахстан и Украину. Прямые инвестиции в структуре накопленных российских инвестиций за рубежом составляют 67,550 млрд. долл., портфельные – 6,616 млрд. долл., прочие – 32,623 млрд. долл. [10].

Одновременно с решением институциональных проблем необходимо создать систему дополнительных гарантий для иностранного капитала, поскольку повышенные риски, связанные с работой в незнакомой и нестабильной экономической среде, должны компенсироваться системой стимулов. В этом смысле хорошим инструментом могло бы стать частно-государственное партнерство. Данная система партнерства была изобретена в целях поощрения частного капитала к реализации не слишком привлекательных проектов, при этом вместе со своим материальным вкладом государство предоставляет общественно значимым проектам как финансовые средства, так и «квазиденьги». В России существует множество институциональных проблем, отпугивающих потенциальных инвесторов, которые и могут быть решены за счет взаимодействия государства с инвесторами, в первую очередь – иностранными, поскольку именно они обычно указывают в качестве главного ограничителя взаимодействия возможные «враждебные» действия властей. В этом плане такой институт имеет ряд преимуществ для иностранных инвесторов, поскольку позволяет нивелировать политические и административные риски, служащие основным препятствием для финансирования проектов в РФ. Технологическая отсталость во многих отраслях, в особенности в сфере обслуживания населения – медицина, образование, транспортная инфраструктура, жилищно-коммунальное хозяйство, инженерные коммуникации – вызывает необходимость активнее использовать возможности для международного сотрудничества.

В Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу содержался раздел «Развитие механизмов частно-государственного партнерства», определяющий приоритетные направления, инструменты взаимодействия государства и бизнеса, однако развитие этого благого начинания оставляет желать лучшего. Понятного, единого и системного понимания явления частно-государственного партнерства в России на сегодняшний день не существует, в научной среде данное явление также не изучено должным образом. Наиболее общее определение дано этому явлению В.Г. Варнавским, определившим частно-государственное партнерство как институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов [7].

Данный термин употребляется в основном при определении принципа взаимодействия государства и бизнеса либо правовой формы такого взаимодействия. Юридически в РФ частно-государственное партнерство регулируется Законом о концессиях.

Функционально можно выделить следующие характерные черты частно-государственного партнерства: оно удовлетворяет потребности развития, используя или заимствуя ресурсы частного сектора; осуществляет государственные полномочия, при этом функционируя совместно с частным сектором.

Как правило, частно-государственное партнерство состоит из двух или более сторон, работающих ради достижения совместных целей. Участниками партнерства могут быть местные и общегосударственные органы власти, коммерческие организации (отечественные и иностранные), некоммерческие организации – общественные организации. При этом все участники партнерства разделяют полномочия и ответственность, совместно затрачивают ресурсы, осуществляют вложения, несут риски и получают выгоды, поддерживая взаимоотношения в течение определенного срока, которые прописаны в соглашении – правоустанавливающем документе.

Проекты частно-государственного партнерства – это особый вид сотрудничества государственного и частного секторов экономики, цель которого – реализация долгосрочных инвестиционных проектов, которые не приносят немедленной прибыли, поэтому здесь еще так важны гарантии инвесторам.

Широкое применение в РФ механизмов частно-государственного партнерства способно обеспечить возможность осуществления общественно-значимых проектов в короткие сроки, не слишком привлекательных для традиционных форм финансирования, а также повысить эффективность проектов за счет участия в них частного бизнеса. Также возможно обеспечить снижение нагрузки на бюджет (коммерциализация предоставления общественно-значимых услуг), возможность привлечения лучших управленческих кадров, техники и технологий, повышение качества обслуживания конечных пользователей.

Частно-государственное партнерство дает также возможность сконцентрировать внимание государственной власти на свойственных ей функциях, сократить государственные риски за счет распределения их с частными партнерами.

Однако следует понимать, что любые институциональные структуры, в том числе и в области привлечения иностранных инвестиций, имеют тенденцию превращаться в бюрократические препоны при их неграмотной организации. Также и в случае с частно-государственным партнерством основной проблемой, с которой сталкиваются инвесторы, как правило, является документарное оформление подобных отношений.

Исходя из современного зарубежного опыта, попытки использовать инвесторов для решения социальных проблем, за которые все-таки должно отвечать государство, приводят к появлению сложных юридических схем частно-государственных партнерств.

Часто некоторые конкурсы на право взять в управление государственные активы остаются безуспешными по причине невозможности рассчитать будущую доходность для разумного бизнес-плана с учетом всех наложенных государством ограничений. Также для частных компаний риски связаны с возможными изменениями в политике государства, неблагоприятными или непостоянными рыночными условиями, с неспособностью или отказом государственного сектора выполнить условия договора.

Развитие частно-государственного партнерства, которое позволит иностранным инвесторам получить гарантии сохранности вложенных средств, может стать действенным способом преодоления фидуциарного барьера для иностранных инвесторов, если будут решены следующие задачи:

- внесена юридическая ясность относительно собственности, структуры налогообложения и регулирования потенциальных взаимных претензий;
- обеспечено повышение квалификации государственных служащих в плане экономических и юридических компетенций, в особенности это касается местных управленцев;
- обеспечение прозрачных и равноправных конкурсных процедур доступа участников рынка (независимо от организационных форм и юрисдикции) к институту частно-государственного партнерства.

Частно-государственное партнерство имеет в России некоторое развитие. Примером попыток использования подобной структуры может служить Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) –

инвестиционный фонд, созданный правительством России для инвестиций в лидирующие компании наиболее быстрорастущих секторов экономики. Во всех сделках РФПИ выступает соинвестором вместе с крупнейшими в мире институциональными инвесторами – фондами прямых инвестиций, суверенными фондами, а также ведущими отраслевыми компаниями. РФПИ предположительно будет играть важную роль в привлечении инвестиций в экономику России. Однако разовые, даже особо крупные проекты, не обеспечат в должной степени формирования отношения к России как к стране, предпочтительной для стратегического инвестирования.

Заключение. Стратегически процесс привлечения иностранных инвестиций напрямую зависит от усилий государства в плане исполнения его основных функций: создания рыночных «правил игры» и жестким контролем за их исполнением. Необходимо также понимать, что в условиях глобализации и нарастания конкуренции за международный капитал политика государства должна быть не просто «благоприятствующей», а «стимулирующей». Необходимо создать для иностранных инвесторов режим наибольшего благоприятствования. Тем более это необходимо для стран, развивающихся в условиях экономической и политической нестабильности, где отсутствует развитая рыночная инфраструктура и имеется высокий уровень инвестиционного риска.

Примечания:

1. Борисов А.Н. Управление инвестиционной деятельностью предприятий и комплексов: теория, методологи, практика // Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Воронеж, 2007. 40 с.

2. Волосов А.И. Теория и методология государственного управления инвестиционной деятельности // Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2008. 35 с.

3. Закорин Н.Д. Методология инвестиционного развития туристского потенциала территориальных образований// Дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2006. 260 с.

4. Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М. Курс институциональной экономики: Институты, сети, трансакционные издержки и контракты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 443 с.

5. Львов Д.С. Введение в институциональную экономику. М.: Издательство «Экономика», 2005. 445 с.

6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. 180 с. (Современная институционально-эволюционная теория).

7. Частно-государственное партнерство при реализации стратегических планов: практика и рекомендации. СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2008.

8. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: ТЕИС, 2002. 591 с.

9. Вольчик В.В. Лекции по институциональной экономике http://institutional.narod.ru/lectures/lecture1.htm, дата обращения 05.11.2011.

10. Россия в цифрах, 2013. - http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641, дата обращения 08.08.2013.

UDC 336.025

Institutional Aspects of Investment Climate of the Russian Federation

[1] Alla Y. Baranova
[2] Anna A. Medved

[1] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Economics), Assistant Professor
E-mail: baranovalla-77@mail.ru
[2] The National Research University - Higher School of Economics in St. Petersburg, Russia
55 Sedova Str., St. Petersburg
PhD (Economics), Assistant Professor
E-mail: annmedved@mail.ru

Abstract. State, represented by regional and local authorities, is the major subject of investment processes' management in the country. State promotes, regulates, hinders and controls investment processes, as well as provides guarantees and benefits, using legislation and regulation and developing investment programs. This article considers the state as an institute, linking investors; its major goal is to provide innovative development of economics.

Keywords: institutionalizm; investments; public-private partnership.

УДК 338.486.3

Удовлетворенность российских туристов услугами курортных дестинаций

[1] Александр Михайлович Ветитнев
[2] Галина Максимовна Романова
[3] Анна Александровна Торгашева

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор экономических наук, профессор
E-mail: polina@sochi.com
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор экономических наук, профессор
[3] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Аспирант
E-mail: anech_ka_07@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты изучения удовлетворенности российских туристов услугами курортных дестинаций Краснодарского края. При опросе 1100 отдыхающих с помощью структурного моделирования было выявлено, что на удовлетворенность туристов влияли такие факторы, как цель поездки, место размещения, способ организации поездки, источник оплаты поездки и остаток бюджета, выделенного на поездку, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на намерения туристов вернуться.

Ключевые слова: удовлетворенность туристов; лояльность туристов; курортные дестинации.

Введение. Несмотря на неопределенность перспектив глобальной экономики индустрии путешествий и туризма, удалось сохранить за последний год относительную устойчивость. Мировой Экономический Форум (WTTC) отмечает, что в настоящее время на туристскую деятельность с учетом мультипликативного эффекта приходится 9,2% мирового ВВП, 4,8% мирового экспорта и 9,2% мировых инвестиций [1]. На фоне растущего влияния туризма в мире современное развитие туризма в России и субъектах РФ характеризуется наличием глубоких противоречий. Обладая значительными природными и рекреационными ресурсами в индексе конкурентоспособности в туристском секторе, Россия занимает только 59 место из 139 стран. При этом туристские ресурсы неравномерно распределены и используются в малой степени, ранее достигнутые объемы въездных туристических потоков падают, темпы развития внутреннего и выездного туризма являются незначительными и неустойчивыми, прямой вклад во внутренний валовой продукт составляет около 1,5% [2].

В структуре туристских потоков преобладают внутренний и выездной туризм. Традиционно наиболее популярны у внутренних российских туристов поездки в Москву, Санкт-Петербург и южные морские курорты. В 2012 году по данным ВЦИОМ 45% туристов совершали культурно-познавательные поездки по регионам России и 40% побывали на курортах Краснодарского края [3]. При этом среди тех, кто остался недоволен некачественным обслуживанием на месте отдыха, более половины (55%) составили туристы, отдыхавшие в городах России и на Черноморском побережье страны, и только 27% путешественников, выезжавших за рубеж.

Вышеизложенное делает актуальным изучение вопросов удовлетворенности туристов услугами отечественных курортных дестинаций и факторов, влияющих на эту удовлетворенность.

Литературный обзор

Туристская удовлетворенность

Так как туристская удовлетворенность может влиять на выбор дестинации потенциальными посетителями [4, 5], она может рассматриваться как основной показатель оценки дестинации и фактор, влияющий на ее финансовые результаты [6].

Определение удовлетворенности обсуждается уже более 30 лет, с различными подходами к ее оценке [7]. В туристской литературе функции дестинаций, их свойства и влияние на оценки удовлетворенности клиентов хорошо документированы.

Некоторые исследователи определяли удовлетворенность просто как результат оценки воспринятого качества. Однако в ряде работ качество и удовлетворенность моделируются как отдельные конструкции [например, 8, 9], потому что механизмы, лежащие в основе качества и удовлетворенности различны.

Если рассматривать удовлетворенность, то в специальной литературе используются два основных подхода для оценки степени удовлетворенности туристов [10]. Эти подход с позиций теории неподтверждения и подход на основе результата [11, 12].

Теория неподтверждения основана на постпродажном понимании, которое является сравнением предварительного ожидания от путешествия с реально полученным опытом туриста. В этом случае туристская удовлетворенность определяется как «коллекция отношений туристов к опыту в конкретных областях отдыха» [13, с. 317]. Таким образом, туристическая удовлетворенность – это общее впечатление туристов о данной дестинации. Туристы путешествуют, чтобы посетить дестинацию, потреблять продукты или опыт, который она предлагает, чтобы иметь хорошие воспоминания и поделиться ими с друзьями. Тогда рекреанты формируют свое суждение о дестинации путем сопоставления их фактического опыта со своими ожиданиями. Если результаты превышают ожидания, туристы будут удовлетворены. Однако такое осмысление может быть проблематично, особенно применительно к сфере туризма. В связи с неосязаемостью продукта туризма и отдыха было высказано мнение, что ожидания неизбежно менее конкретны и менее полезны с точки зрения их измерения [14].

Подход на основе результата рассматривает конструкт туристической удовлетворенности как оценку туристами атрибутов дестинации [15, 16]. Удовлетворенность туристов отдельными компонентами дестинации приводит к их общей удовлетворенности [например, 17; 18; 19; 20]. Козак (2003) считает, что туристическая удовлетворенность может быть измерена посредством суммирования туристских оценок каждого атрибута дестинации [21], так как показано, что общая удовлетворенность являлась функцией от удовлетворенности одним из атрибутов дестинации [4]. В поддержку этого аргумента Чи и Кью (2008) предположили, что удовлетворенность отдельными атрибутами имеет значительное прямое влияние на общую удовлетворенность [22]. Так как с практической точки зрения подход на основе результата представляется менее сложным, чем подход с позиций теории неподтверждения [12] и он лучше предсказывает удовлетворенность [11], мы посчитали целесообразным использовать его в данном исследовании.

В рамках такого подхода представлялось важным выбрать атрибуты для оценки удовлетворенности. Родригес-Диас и Родригес-Эспино [23, стр. 369] считают, что четыре важных фактора должны рассматриваться в качестве функции дестинации и внутри каждого фактора должен быть проанализирован ряд атрибутов, имеющих отношение к дестинации:

а) атрибуты, связанные с географическими, экологическими и социально-культурными условиями, которые привлекают туристов;

б) политические решения, влияющие на стратегическое планирование, строительство инфраструктуры, а также интегрированное управление дестинацией;

в) сервисные компании, работающие на субподряде с основными компаниями в цепочке поставок и составляющие ключевой сектор для повышения конкурентоспособности;

г) целевые сегменты рынка, которые определяют стратегическую ориентацию дестинации.

Ванг и Кью (2006) попытались определить факторы, которые (не) удовлетворяют туристов во время их отпуска в пляжной дестинации, используя анкету на основе 12 атрибутов [12]. К этим атрибутам авторы отнесли такие элементы, как гостиничные учреждения, качество размещения, ресторанный комплекс, магазины, личная безопасность, туристическая информация, состояние пляжей, состояние дорог, набережные для прогулок, питьевая вода, транспортный поток и парковка. Козак [24, с. 395] при сравнении восприятия туристов двух национальностей обнаружил, что основными важными атрибутами дестинации были гостеприимство и забота о клиентах, язык общения, уровень цен, местные транспортные услуги, гостиничные услуги, гигиена и чистота, объекты и виды деятельности и услуги аэропорта назначения. Чи и Кью (2008) выделили атрибуты дестинации, генерирующие (не) удовлетворенность, которые охватывали семь областей туристической деятельности: размещение, ресторан, магазины, достопримечательности, мероприятия и события, окружающая среда и доступность [22]. Основываясь на представленных выше результатах и собственном опыте, мы считаем необходимым использовать следующие 12 атрибутов, составляющих удовлетворенность дестинацией: размещение, питание, городской транспорт, медицинские услуги, сфера развлечений, магазины, пляжи, объекты показа, экскурсии, персонал, экология и чистота.

Факторы, влияющие на удовлетворенность туристов

Различные факторы могут влиять на удовлетворенность туристов дестинацией: состав туристского продукта и условия предоставления услуг, качество обслуживания, безопасность, предыдущий опыт и ожидания, виды туристской активности, имидж и пр. [14, 24–27].

Юн и Айзел [9], используя теорию факторов мотивации Г. Данна [28], показали, что на туристическую удовлетворенность влияли факторы "pull мотивации", вызванные атрибутами дестинации, в то время как факторы “push мотивации", связанные с туристическими желаниями, чувствами и инстинктами, определяли их лояльность к месту назначения. Базируясь на исследовании Юна и Айзела, мы использовали в нашем исследовании только оценку pull-факторов мотивации.

Связь между туристской удовлетворенностью и качеством, возможно, наиболее широко изучена в сфере туризма, хотя разграничение между этими конструктами является широко обсуждаемым вопросом. В исследованиях Тянь-Коул и соавт. (2002) удовлетворенность и качество рассматривались

как отдельные понятия [29], тогда как другие исследователи поддерживали точку зрения прямого влияния качества дестинации на удовлетворенность.

Другим фактором, влияющим на туристскую удовлетворенность, является предыдущий опыт посещения дестинации. Выявлены различия между впервые прибывшими и повторными посетителями. Посетители, которые имели информацию или посещали дестинацию ранее, демонстрировали различное восприятие дестинации по сравнению с теми, кто там никогда не был [30]. Повторные туристы, более вероятно, вернутся в свои ранее посещенные дестинации [15, 24] и, скорее всего, являются более лояльными к дестинации, чем первичные посетители [31, 32].

Концептуализация воспринимаемой ценности, пожалуй, самая спорная из всех оценочных конструкций, которые являются неотъемлемой частью модели удовлетворенности клиентов. Сегодня кажется, что исследователи заменили традиционные концепции значения ценности как денежного эквивалента на компромисс между полученной пользой и затратами на нее с точки зрения только полезности. Холбрук (1999) утверждает [33], что понятие ценности состоит из качественно различных типов значений, таких, как польза, эстетика, статус и т.д. Таким образом, исследователи утверждают, что стоимость может быть определена как набор различных выгод, которые способствуют достижению клиентами личных целей [34]. Это говорит о том, что выбор цели может влиять на удовлетворенность, если дестинация дает возможность лучше достичь определенные цели, например, такие, как лечение [35]. Поэтому кажется необходимым включить переменную цели поездки в модель удовлетворенности дестинацией.

Затраты на путешествие отрицательно связаны с воспринимаемой ценностью и негативно влияют на удовлетворенность клиентов [36]. Так как россияне часто получают льготные путевки для поездки на курорт для лечения, необходимо учитывать, как влияет экономия стоимости поездки на туристскую удовлетворенность.

Покупки в туризме признаны в качестве основного мотива путешествия. Тем не менее исследования основных измерений, предпосылки и последствия удовлетворения туристов покупками еще не получили должного внимания. Некоторые исследователи изучили удовлетворенность покупками, но не определена связь этой удовлетворенности с общей удовлетворенностью [43–45].

Известно, что информационные ресурсы влияют на организацию путешествия. Туристы более часто используют друзей, литературу, медиа и туристских консультантов, когда планируют поездки [37, 38], однако не ясно, как различные способы организации поездки влияют на удовлетворенность туристов.

В результате изучения туристской литературы мы выбрали для исследования несколько факторов, специфичных для российского туристского рынка: цель поездки, источники оплаты поездки, выбор средств размещения, способ организации поездки, туристские расходы. Некоторые из этих факторов были изучены нами ранее [39–42].

Для изучения взаимовлияния различных факторов на туристскую удовлетворенность часто используют структурное моделирование (SEM) [например, 22, 27, 43–46]. Мы применили данный метод, исходя из того, что «SEM может быть предпочтительнее обычных статистических методов, например, множественной регрессии, когда необходимо проверить взаимовлияние нескольких зависимых переменных одновременно с независимыми переменными из того же набора, особенно если одна зависимая переменная одновременно является причиной другой» [47, с. 72].

Целью данного исследования было определение уровня удовлетворенности туристов отдыхом в курортных дестинациях и выявление некоторых факторов, влияющих на удовлетворенность туристов, с использованием метода структурного моделирования.

При этом были выдвинуты следующие гипотезы:

H1: Цель поездки достоверно и прямо влияет на удовлетворенность туристов дестинацией.

H2: Источник оплаты поездки достоверно и прямо влияет на удовлетворенность туристов дестинацией.

H3: Выбор средства размещения поездки достоверно и прямо влияет на удовлетворенность туристов дестинацией.

H4: Способ организации поездки достоверно и прямо влияет на удовлетворенность туристов дестинацией.

H5: Уровень расходов бюджета поездки достоверно и прямо влияет на удовлетворенность туристов дестинацией.

H6: Удовлетворенность туристов поездкой достоверно и прямо влияет на лояльность туристов к дестинации.

H7: Повторность поездки достоверно и прямо влияет на удовлетворенность туристов дестинацией (H7–1) и их лояльность (H7–2).

Материалы и методы. Объектом данного исследования являлись туристы из различных регионов страны, посетившие федеральные курорты Краснодарского края (Сочи, Анапу, Геленджик). Предметом исследования были определены туристские предпочтения в организации отдыха, оценка уровня оказанных услуг, структура расходов гостей, их демографические характеристики, направленность и география туристских потоков.

Выборочный опрос туристов проводился летом 2012 г. Было опрошено 1100 человек, из них 400 – в г. Сочи, по 350 – в гг. Анапа и Геленджик. Исследование проводилось методом интервью с использованием специально составленной анкеты на автовокзалах, железнодорожных вокзалах и в аэропортах городов-курортов, что позволило собрать данные о полных туристских расходах и общем представлении о качестве проведенного отдыха. В анкету вошли вопросы, характеризующие социально-демографический статус туристов, регионы проживания, цель поездки, условия размещения, оценку удовлетворенности полученными услугами, размеры и направления расходов на отдых.

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программного пакета SPSS, v. 19 (SPSS Inc.).

Результаты и обсуждение.

Социо-демографические характеристики туристов. Социо-демографический и поведенческий профиль туристов представлен в таблице 1.

Табл. 1

Социо-демографические и поведенческие характеристики туристов трех курортных дестинаций Краснодарского края

Переменные	Сочи (%)	Геленджик (%)	Анапа (%)	Всего (%)
Социо-демографические характеристики				
Пол				
Женщины	49.1	56.0	58.5*	54.2
Мужчины	50.9	44.0	41.5*	45.8
Возраст				
16-19	8.2	4.6	5.0	6.0
20-29	23.2	23.4	38.6*	28.1
30-39	42.9*	37.3	26.1*	35.8
40-49	13.5	19.9	19.6	17.5
50-59	10.2	11.6	7.4	9.8
старше 60	2.0	3.2	3.3	2.8
Род занятий				
Госслужащие	15.3	16.8*	6.8*	13.1
Руководители	6.8	6.9	7.4	7.0
Специалисты	26.6	26.3	28.1	27.0
Военнослужащие	3.8	4.3	4.4	4.2
Бизнесмены	13.8	11.8	7.4*	11.2
Рабочие	8.3*	12.2	16.9*	12.2
Безработные	0.8	0.9	1.2	0.9
Домохозяйки	4.0	3.2*	11.8*	6.2
Студенты	10.3	8.4	9.8	9.5
Пенсионеры	9.0*	6.9	4.7*	7.0
Прочие	1.3	2.3	1.5	1.7
Ежемесячный доход				
<20000 руб.	22.0	31.4*	24.6	25.9
20000-60000 руб.	71.0	66.3	69.2	68.9
>60000 руб.	7.0	2.3*	6.2	5.2
Поведенческие характеристики				
Сопровождающие лица				
Один	71.5	81.1*	55.9*	69.8
Не один	28.5	18.9*	44.1*	30.2
Тип размещения				
Санаторий	18.6	21.7	20.7	20.3
Отель	22.9	22.3	16.1	20.5
Частный сектор	44.6	45.4	57.5*	48.9
Дом отдыха, пансионат	13.9*	10.6	5.7*	10.2
Организация поездки				
Индивидуально	72.3	77.5	83.0	77.4
Через турфирму	23.5*	17.3	9.0*	16.9
Другое	4.2	5.2	8.0	5.8
Повторность визита				
1	43.8	42.0	46.0	43.9
>1	56.3	58.0	54.0	56.1

Источники оплаты				
Самостоятельно	70.5	76.9	87.1	77.7
Работодатель	18.5*	15.3	8.9*	14.5
Государственная программа	10.5*	4.9	3.4*	6.5
Другое	0.5	2.9*	0.6	1.3
Цель поездки				
Отдых на море	66.9	68.4	69.9	68.3
Лечение	19.8	24.1	24.6	22.7
Бизнес	10.8*	7.2	2.9*	7.1
Прочее	2.5	0.3*	2.6	1.8

* p≤0.05

Среди туристов Сочи преобладали мужчины среднего возраста, государственные служащие, предприниматели и профессионалы со средним уровнем дохода более часто, чем в других курортах, приезжающих с целью бизнеса, а также по ваучерам турагентств и с оплатой из государственных программ и средств нанимателей.

Так как Анапа является детским и семейным курортом, среди респондентов преобладали женщины более молодого возраста (20–29 лет), чаще домохозяйки, приезжавшие не одни, за счет собственного бюджета и выбиравшие для размещения частный сектор.

Геленджик, как оказалось, – это курорт для людей среднего возраста с невысоким доходом, более часто государственные служащие, прибывшие на курорт одни.

Удовлетворенность и лояльность. Как показано в таблице 2 уровень удовлетворенности туристов в целом оказался относительно невысоким (в среднем 3,56) и был существенно выше у туристов Анапы.

Что же касается специфических атрибутов, то респонденты Анапы были более удовлетворены такими элементами, как медицинские услуги, шопинг, места показа, персонал и менее удовлетворены услугами питания, пляжами, экскурсиями. На курорте Сочи достоверно выше туристы оценили только уровень размещения и экскурсии. В Геленджике туристы были более удовлетворены пляжами, экологией и чистотой, что отражает целенаправленную работу местной администрации по обустройству курорта.

Табл. 2

Общий уровень удовлетворенности и удовлетворенность отдельными атрибутами

Удовлетворенность	Сочи	Анапа	Геленджик	Всего
Городской транспорт	3.28	3.30*	2.70*	3.10
Размещение	4.4*	4.16	4.16	4.25
Питание	4.14	3.91*	4.03	4.03
Медицина	1.57	2.71*	1.89	2.03
Развлечение	3.20*	4.12*	3.55*	3.60
Магазины	2.67	3.78*	2.97	3.12
Пляжи	3.54	3.52*	3.79*	3.51
Объекты показа	3.92	4.08*	3.69*	3.90
Экскурсии	3.60*	3.06*	3.35	3.35
Персонал	3.45	3.75*	3.26	3.48
Экология	3.79	3.81	4.06*	3.88
Чистота	3.51	3.48	3.83*	3.60
Индекс удовлетворенности	3.41	3.72*	3.56	3.56

* при использовании Post Hot Multiple Comparison by Games-Howell p<0.05

Уровень восприятия туристами удовлетворенности курортным сервисом зависел от некоторых исследуемых параметров, таких, как цель поездки, выбор средства размещения, наличие предшествующего опыта при использовании однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). Так, туристы, приехавшие с целью лечения, были достоверно более удовлетворены полученными услугами, чем респонденты, прибывшие на курорт для отдыха или деловых мероприятий (табл. 3).

Табл. 3

Индекс удовлетворенности и цель поездки

Цель поездки	N	Mean	Std. Deviation	Std. Error
Пляжный отдых	740	3.51	0.745	0.027
Лечение	243	3.93	0.895	0.057
Бизнес	74	2.78	0.851	0.099
Другое	20	3.08	0.892	0.199
Всего	1077	3.55	0.839	0.026

* при использовании Post Hot Multiple Comparison by Games-Howell $p<0.05$

Более подробная информация о влиянии отдельных факторов на удовлетворенность будет представлена ниже при рассмотрении параметров структурной модели.

Предполагалось, что удовлетворенность туристов полученным сервисом будет способствовать формированию у них лояльного отношения к курорту. Действительно, лояльность, определяемая по намерениям повторного приезда, оказалась выше у более удовлетворенных респондентов (табл. 4).

Табл. 4

Индекс удовлетворенности и намерения повторного приезда

Намерения повторного приезда	N	Mean	Std. Deviation	Std. Error
Да	654	3.647	0.809	0.031
Нет	86	3.273	1.082	0.116
Не знаю	311	3.472	0.823	0.046
Всего	1051	3.565	0.846	0.026

* при использовании Post Hot Multiple Comparison by Games-Howell $p<0.05$

Структурное моделирование. Прежде чем приступить к структурному моделированию, было рассмотрено в соответствии с выдвинутыми гипотезами влияние каждого отдельного социо-демографического и поведенческого фактора на уровень удовлетворенности и лояльности, по результатам которого были отобраны независимые переменные для моделирования с помощью программного продукта Amos (SPSS Inc.).

Моделирование осуществлялось путем эмпирического подбора зависимых и независимых переменных и направлений их взаимовлияния. По каждому варианту подбора производился расчет показателей прочности модели и отбирался вариант с наилучшими значениями.

Рис. 1. иллюстрирует модель удовлетворенности туристов, полученную с помощью SEM.

Полученная модель имела хорошие показатели$\chi2 = 4.853$,при $df = 5$, $p = 0.434$ и$\chi2$ / df ratio был 0.971 (что существенно меньше 2,0). Недостоверное значение p (0,434) поддерживает гипотезу об отсутствии различий между предложенной моделью и расчетной [48]. Универсальные статистические индексы, такие, как normed fit index (NFI), comparative fit index (CFI), и root mean square error of approximation (RMSEA) были использованы для определения прочности предложенной. Значения NFI и CFI ранжируются от 0 до 1, и их приближение к 1,00 указывает на хороший результат. В нашем случае NFI и CFI составили 0,99 and 1,00 соответственно, что указывает на прочность модели. Значение RMSEA для нашей модели было 0,0001 (то есть меньше, чем 0,08), указывая на допустимую ошибку аппроксимации и одобряя предложенную модель [49].

Модель предполагала, что существовало несколько основных факторов, влияющих на удовлетворенность. После нескольких попыток осталось пять таких факторов: цель поездки, место размещения, способ организации поездки, источник оплаты поездки и остаток бюджета, выделенного на поездку. Мы уже отметили, что туристы, приехавшие с целью лечения, были достоверно более удовлетворены полученными услугами, чем респонденты, прибывшие на курорт для отдыха или деловых мероприятий. Соответственно, более высокие показатели удовлетворенности были получены у респондентов, находившихся на лечении в санаториях по сравнению с туристами, разместившимися в гостиницах или частном секторе.

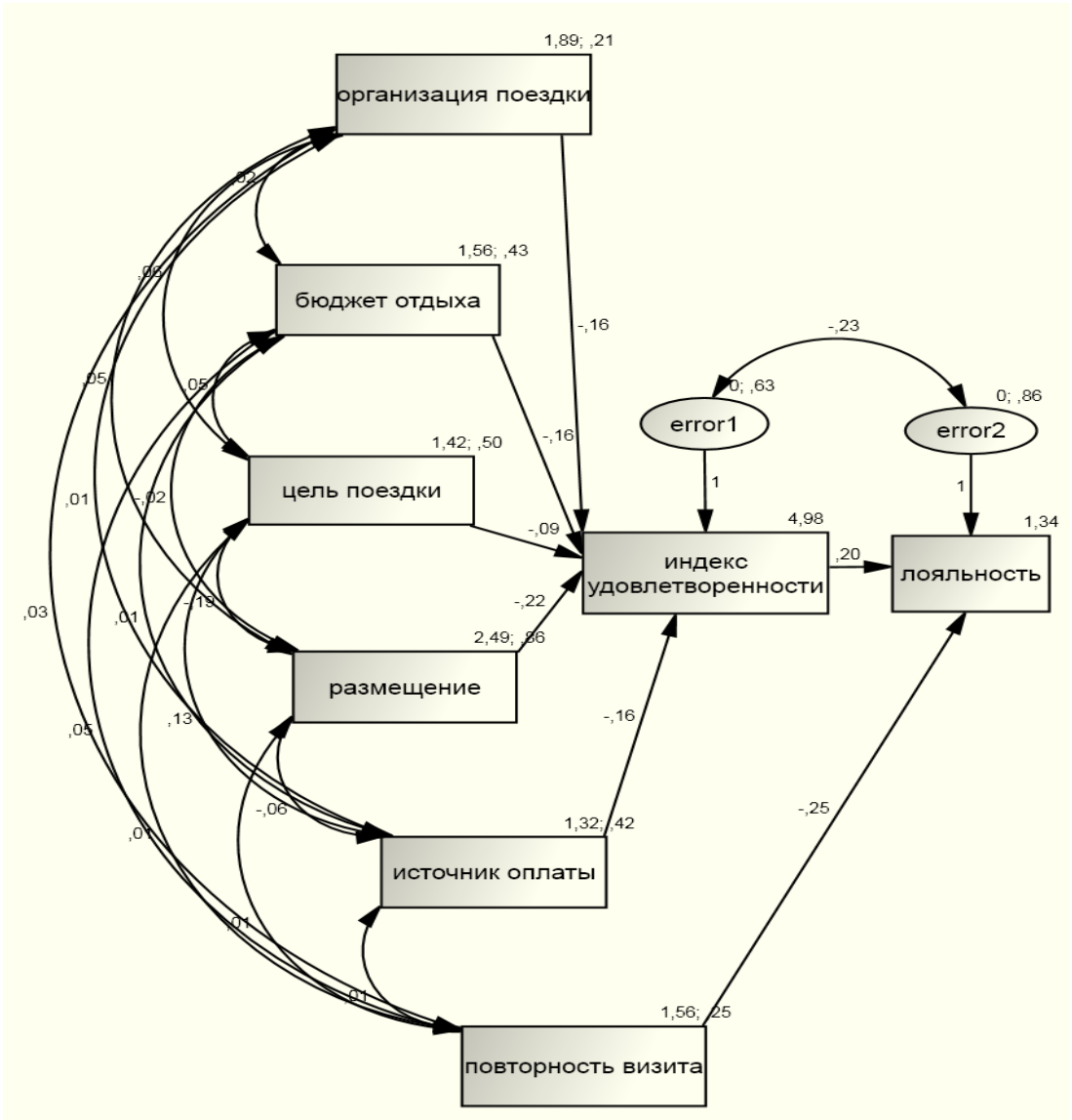

Рис. 1. Структурная модель удовлетворенности и лояльности к дестинации

До начала этого исследования было не вполне ясно, какой эффект на удовлетворенность окажет форма оплаты поездки и предшествующий опыт рекреантов, поскольку имелись исследования о том, что туристы, побывавшие ранее на данном курорте, а также оплатившие отдых из собственного бюджета, были более удовлетворены своей поездкой по сравнению с туристами, приехавшими впервые и оплатившими поездку не из собственных средств. Оказалось, что, действительно, наиболее высокие оценки качества обслуживания продемонстрировали рекреанты, самостоятельно оплатившие поездки, что достоверно отличалось от оценок туристов, поездка которых была оплачена работодателями или из других источников.

Использование структурного моделирования также показало, что удовлетворенность оказывала прямое и достоверное влияние на лояльность по намерениям повторных визитов. Предшествующий опыт туристов также влиял на их лояльность, но не отразился на уровне удовлетворенности.

Path – коэффициенты полученной модели представлены в табл. 5. Все они статистически достоверные (p-value < 0.05) и подтверждают выбранные гипотезы, за исключением H7-1, которая была отвергнута в процессе моделирования как недостоверная.

Табл. 5

Гипотезы и регрессионные веса: (Group number 1 – Default model)

Гипотезы	Переменная	Path	Переменная	Estimate	S.E.	C.R.	P
H2	Индекс удовлетворенности	<---	Источник оплаты	-0.163	0.038	-4.304	***
H5	Индекс удовлетворенности	<---	Остаток бюджета	-0.160	0.037	-4.358	***
H1	Индекс удовлетворенности	<---	Цель поездки	-0.087	0.037	-2.364	0.018
H3	Индекс удовлетворенности	<---	Размещение	-0.216	0.027	-7.938	***
H4	Индекс удовлетворенности	<---	Организация поездки	-0.156	0.053	-2.974	0.003
H6	Лояльность	<---	Индекс удовлетворенности	0.204	0.101	2.019	0.048
H7-2	Лояльность	<---	Повторность визита	-0.251	0.055	-4.589	***

*** $p<0.001$

Заключение. Результаты исследования показали, что внутренние туристы недостаточно удовлетворены посещением курортных дестинаций России. Наиболее низкие уровни удовлетворенности наблюдались в отношении таких атрибутов, как медицинские услуги, транспорт и магазины. Если неудовлетворенность транспортом и покупками отражает объективные проблемы в этих сферах, то низкие результаты по медицине являются сюрпризом, поскольку именно курортное лечение считалось ранее самым большим преимуществом российских курортов. В то же время туристы были более удовлетворены уровнем размещения и питания. Исследование эмпирически проверило модель для изучения взаимосвязи между удовлетворенностью, влияющими факторами и лояльности к дестинации. Результаты исследования показали, что такие факторы, как цель поездки, место размещения, способ организации поездки, источник оплаты поездки и остаток бюджета, выделенного на поездку, влияют на удовлетворение туристов дестинацией, которое в свою очередь оказывает существенное влияние на намерение туристов вернуться. Тем самым исследование поддержало положение, что, когда туристы удовлетворены, они более склонны приехать еще раз.

Примечания:

1. Reducing Barriers to Economic Growth and Job Creation. The Travel & Tourism Competitiveness Report. //The World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TT_Competitiveness _Report_2013.pdf (дата обращения: 06.03.2013)

2. Программа развития внутреннего и въездного туризма в РФ на 2011–2018 гг. //Федеральное агентство по туризму. URL: http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140228 (дата обращения: 19.03.2013)

3. Итоги летнего туристического сезона–2012. // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2121. [Accessed 27th September 2012] URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113104(дата обращения: 27.09.2012)

4. Huh J., M. Uysal and K. McCleary. Cultural/Heritage Destinations: Tourist Satisfaction and Market Segmentation // Journal of Hospitality & Leisure Marketing, 2006. Vol.14 (3). Pp. 81-99.

5. Ozdemir, B., A. Aksu, R. Ehtiyar, B. Çizel, R.B. Çizel, and E.T. İçigen. Relationships Among Tourist Profile, Satisfaction and Destination Loyalty: Examining Empirical Evidences in Antalya Region of Turkey // Journal of Hospitality Marketing & Management, 2012. Vol.21 (5). Pp. 506-540.

6. Korzay, M., and M.D. Alvarez, 2005. Satisfaction and dissatisfaction of Japanese tourists in Turkey //Anatolia: An International Journal of Tourism and Hospitality Research, 2005. Vol. 16. Pp. 176-193.

7. Truong T. and D. Foster. Using HOLSTAT to evaluate tourist satisfaction at destinations: The case of Australian holidaymakers in Vietnam // Tourism Management, 2006. Vol.27(5). Pp. 842-855.

8. Hui T. K., D. Wan and A.Ho. Tourists' satisfaction, recommendation and revisiting Singapore // Tourism Management, 2007. Vol.28. Pp. 965-975.

9. Yoon Y. and M. Uysal. An examination of the effects of motivation and satisfaction on destination loyalty: A structural model //Tourism Management, 2005. Vol.26(1). Pp. 45-56.

10. Ozdemir B., B. Çizel and R.B. Cizel. Satisfaction With All-Inclusive Tourism Resorts: The Effects of Satisfaction With Destination and Destination Loyalty //I nternational Journal of Hospitality & Tourism Administration, 2012. Vol.13 (20). Pp. 109-130.

11. Fallon P. and P. Schofield. Just Trying to Keep the Customer Satisfied //Journal of Quality Assurance in Hospitality & Tourism, 2004. Vol.4 (3-4). Pp. 77-96.

12. Wang S. and H. Qu. A Study of Tourists' Satisfaction Determinants in the Context of the Pearl River Delta Sub-Regional Destinations // Journal of Hospitality & Leisure Marketing, 2006. Vol.14 (3). Pp. 49-63.

13. Pizam A., Y. Neumann and A. Relchel, 1978. Dimensions of tourist satisfaction with a destination area //Annals of Tourism Research, 1978. Vol.5(3). Pp. 314-322.

14. Petrick, J. F. The roles of quality, value, and satisfaction in predicting cruise passengers' behavioral intentions //Journal of Travel Research, 2004. Vol.42(4). Pp. 397-407.

15. Kozak M. and M. Rimmington. Tourist satisfaction with Mallorca Spain, as an off-season holiday destination //Journal of Travel Research, 2000. Vol.38 (1). Pp. 260-269.

16. Pizam A. and A. Milman. Predicting satisfaction among first time visitors to a destination by using the expectancy disconfirmation theory // International Journal of Hospitality Management, 1993. Vol.12 (2). Pp. 197-209.

17. Danaher P. J., & N. Arweiler. Customer satisfaction in the tourist industry: A case study of visitors to New Zealand //Journal of Travel Research, 1996. Vol. 35(1). Pp. 89-93.

18. Hsu C. H. Mature motor-coach travelers' satisfaction: A preliminary step toward measurement development // Journal of Hospitality and Tourism Research, 2003. Vol. 20(10). Pp. 1-19.

19. Mayer K. J., L. Johnson, C. Hu and S. Chen. Gaming customer satisfaction: An exploratory study // Journal of Travel Research, 1998. Vol.37(2). Pp. 178-183.

20. Ross L. D. and S.E. Iso-Ahola. Sightseeing tourists' motivation and satisfaction // Annals of Tourism Research, 1991. Vol.18(2). Pp. 226-237.

21. Kozak M. Measuring Tourist Satisfaction With Multiple Destination Attributes // Tourism Analysis, 2003. Vol.7. Pp. 229-240.

22. Chi C. G. and H. Qu. Examining the structural relationships of destination image, tourist satisfaction and destination loyalty: An integrated approach //Tourism Management, 2008. Vol. l (29). Pp. 624-636.

23. Rodriguez‐Diaz M. and T.F. Espino‐Rodriguez. A model of strategic evaluation of a tourism destination based on internal and relational capabilities //Journal of Travel Research, 2008. Vol. 46(4). Pp. 368-380.

24. Kozak M. Repeaters' behavior at two distinct destinations //Annals of Tourism research, 2001. Vol. 28(3). Pp. 784-807.

25. McDowall S. International Tourist Satisfaction and Destination Loyalty: Bangkok, Thailand //Asia Pacific Journal of Tourism Research, 2010. Vol. 15 (1). Pp. 21-42.

26. Prayag G. Tourists' evaluations of destination image, satisfaction, and future behavioral intentions - the case of Mauritius //Journal of Travel & Tourism Marketing, 2009. Vol. 26 (8). Pp. 836-853.

27. Mohamad M., A.M. Ali, N.R. Ab Ghani. A structural model of destination image, tourists' satisfaction and destination loyalty // International journal of business and management studies, 2011. Vol. 3 (2). Pp. 167-177.

28. Dann, Graham M. S. Tourist Motivation: An Appraisal //Annals of Tourism Research, 1981. Vol. VIII (2). Pp. 187-219.

29. Tian-Cole J., L.Crompton and V.L. Willson. An empirical investigation of the relationships between service quality, satisfaction and behavioral intentions among visitors to a wildlife refuge //Journal of Leisure Research, 2002. Vol. 34 (1). Pp. 1-24.

30. Baloglu S., A. Pekcan, S.-L. Chen and J.Santos. The relationship between destination performance, overall satisfaction, and behavioral intention for distinct segments //Journal of Quality Assurance in Hospitality & Tourism, 2003. Vol. 4(3/4). Pp. 149-166.

31. Gitelson R. J. and J.L. Crompton. Insights into the repeat vacation phenomenon // Annals of Tourism Research, 1984. Vol. 11(2). Pp. 199-217.

32. Gyte D. M. and A. Phelps. Patterns of destination repeat business: British tourists in Mallorca, Spain //Journal of Travel Research, 1989. Vol. 28(1). Pp. 24-28.

33. Holbrook M.B. Consumer Value: A Framework for Analysis and Research. Routledge, London. 1999.

34. Woodruff R.B. Customer value: the next source for competitive advantage // Journal of the Academy of Marketing Science, 1997. Vol. 25 (2). Pp. 139-53.

35. Chung-Hsien Lin. Determinants of Revisit Intention to a Hot Springs Destination: Evidence from Taiwan //Asia Pacific Journal of Tourism Research, 2013. Vol. 18 (3). Pp. 183-204.

36. Dmitrovic T., K.C. Cvelbar, T. Kolar M.M. Brencic, I. Ograjensek and V. Zabkar. Conceptualizing tourist satisfaction at th destination level //International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research, 2009. Vol. 3 (2). Pp. 116-126.

37. Chen J. Cross-cultural differences in travel information acquisition among tourists from three pacific rim countries //Journal of Hospitality & Tourism Research, 2000. Vol. 24(2). Pp. 239-251.

38. Snepenger D., K. Meged, M. Snelling and K. Worrall. Information search strategies by destination native tourists // Journal Travel Research, 1990. Vol. 29(1). Pp. 13-16.

39. Ветитнев А.М., Чудиновских С.А. Чего хотят наши отдыхающие? // Туризм: практика, проблемы, перспективы, 2003. № 4. С. 50-51.

40. Романова Г.М., Матющенко Н.С. 2009. Опыт проведения статистических исследований туристской деятельности в курортной зоне Краснодарского края // Вестник СГУТиКД, 2009. № 1 (7). С. 23-35.

41. Vetitnev A., Romanova G., Matushenko N., Kvetenadze E. Factors Affecting Domestic Tourists' Destination Satisfaction: The Case of Russia Resorts // World Applied Sciences Journal, 2013. Vol. 22 (8). Pp. 1162-1173.

42. Vetitnev A.M., Dzubina A.V. The integration of spa-services and sanatorium-resort complex of Russia // Tourism: An International Interdisciplinary Journal, 2013. Vol 61. № 2. Pp. 187-200.

43. Bigne J.I., M.I. Sanchez and J. Sanchez. Tourism image, evaluation variables and after purchase behaviour: inter-relationship //Tourism Management, 2001. Vol. 22. Pp. 607-616.

44. Jamaludin M., S. Johari, A. Aziz, K. Kayat and A.R.M. Yusof. Examining structural relationship between destination image, tourist satisfaction and destination loyalty // International Journal of Independent Research and Studies, 2012. Vol. 1(3). Pp. 89-96.

45. Elliot S., N. Papadopoulos and S.S. Kim. An Integrative Model of Place Image: Exploring Relationships between Destination, Product, and Country Images //Journal of Travel Research, 2011. Vol. 50(5). Pp. 520-534.

46. Lee T.H. A Structural Model to Examine How Destination Image, Attitude and Motivation Affect the Future Behavior of Tourists // Leisure Sciences, 2009. Vol. 31. Pp. 215-236.

47. Reisinger Y. and L. Turner. Structural equation modelling with Lisrel: Application in tourism // Tourism Management, 1999. Vol. 20(1). Pp. 71-78.

48. Ho R. Handbook of Univariate and Multivariate Data Analysis and Interpretation with SPSS. Chapman and Hall/CRC, Boca Raton. 2006.

49. Hair Jr., W.C. Black, B.J. Babin, R.E. Anderson and R.L. Tatham. Multivariate Data Analysis (6th ed.). New Jersey: Prentice-Hall International Inc. 2006.

UDC 338.486.3

Russian Tourists' Satisfaction with Resort Destinations' Services

[1] Alexander M. Vetitnev
[2] Galina M. Romanova
[3] Anna A. Torgasheva

[1] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Economics, Professor
E-mail: polina@sochi.com
[2] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Economics, Professor
[3] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
Graduate
E-mail: anech_ka_07@mail.ru

Abstract. The paper presents the results of study of Russian tourists' satisfaction with Krasnodar Region resort destinations' services. The poll of 1100 holidaymakers with the use of structural modeling, showed that such factors as travel purpose, accommodation facility, method of travel organization, source of travel payment and residual budget, allocated for the travel, have significant effect on tourists' satisfaction and their intentions to return.

Keywords: tourists' satisfaction; tourists' loyalty; resort destinations.

УДК 301.151

Государственная поддержка сферы туризма

[1.] Сергей Григорьевич Демченко
[2.] Ильдар Сарварович Кабиров

[1.] ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права», Россия
доктор экономических наук, профессор
E-mail: sgdem@mail.ru
[2.] ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права», Чистопольский филиал, Россия
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: 55505_05@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей поддержки сферы туризма со стороны государства как способа реализации интересов граждан и бизнеса, исследован зарубежный опыт Германии по вопросам поддержки сферы туризма, представлена модель государственной поддержки сферы туризма. Ключевыми элементами в модели выступают нормативно-правовое обеспечение, целевые программы, государственно-частное партнерство, особые экономические зоны туристско-рекреационного типа, туристский кластер и информационные технологии с учетом влияния внешних и внутренних факторов.

Ключевые слова: туризм; государственная поддержка; туристский продукт; целевая программа; туристский кластер.

Введение. В условиях модернизации экономики туризм стал одним из важных феноменов развития современного общества. В последнее десятилетие в сфере туризма происходят немаловажные изменения, отражающие глобальные процессы социально-экономических и политических преобразований в российском обществе. Туризм в нашей стране находится лишь на стадии реформирования, институционального становления, развитие которого является приоритетной национальной задачей.

Туристские ресурсы нашей страны обладают значительным потенциалом для полноценного и качественного отдыха граждан: 477 исторических городов, более 144 тыс. памятников истории и культуры, 108 музеев-заповедников, 142 национальных парка, 101 природный заповедник, более 12 тыс. гостиниц. Кроме того, во многих регионах России проходят значимые события мирового масштаба (XXVII Всемирная летняя Универсиада 2013 г. в Казани). Несмотря на мощный туристско-рекреационный потенциал, на сегодняшний день Российская Федерация занимает скромное место на мировом рынке туристских услуг, доля которой незначительна (чуть более 1 %) [1, с. 181]. Вопросы, касающиеся государственной поддержки сферы туризма, приобретают на сегодняшний день особую актуальность.

Материалы и методы. Источниками для написания данной статьи стали материалы, представленные в публикациях периодической печати, научных сайтах, результаты собственных исследований авторов. В статье использованы аналитический, абстрактно-логический, сравнительный и описательный методы, которые позволяют обобщить информационные материалы по теме статьи.

Обсуждение. В современных условиях государственная поддержка развития сферы туризма имеет многоуровневую структуру и осуществляется на международном, национальном, региональном и местном уровнях.

Федеральное агентство по туризму осуществляет государственное регулирование туристской деятельности в Российской Федерации, основные функции которого заключаются в проведении государственной политики, регулировании нормативно-правовой базы, оказании государственных услуг и управлении государственным имуществом в сфере туризма. Воздействие на развитие туризма оказывают также профессиональные ассоциации и объединения, такие, как Российский союз туристской индустрии, Национальная туристская ассоциация, Российская ассоциация туристских агентств и т.д.

Важность развития сферы туризма для нашей страны предопределяет его государственное регулирование. В сфере государственного регулирования туристской индустрии в последние годы произошел ряд заметных событий. Совсем недавно была принята Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2015 года [2, с. 37].

Законодательную основу государственного регулирования сферы туризма в нашей стране определяет Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 3 мая 2012 г. № 47-ФЗ) [3], а также принимаемые в соответствии с ним федеральные законы, нормативно-правовые акты РФ и иные правовые акты субъектов Российской Федерации.

Кроме вышеуказанного закона, основными нормативно-правовыми документами, по нашему мнению, регулирующими туристскую деятельность в нашей стране, являются:

- Федеральный закон РФ от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с изм. и доп. от 23 июля 2013 г. № 224-ФЗ);
- Федеральный закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с изм. и доп. от 28 июля 2012 г. № 133-ФЗ);
- Федеральный закон РФ от 27.04.1993 № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (с изм. и доп. от 9 февраля 2009 г. № 4-ФЗ);
- Федеральный закон РФ от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 23 июля 2013 г. № 231-ФЗ);
- Федеральный закон РФ от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан» (с изм. и доп. от 2 июля 2013 г. № 182-ФЗ);
- Федеральный закон РФ от 01.12.2007 № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ).

Регулирование в сфере туризма предполагает воздействие органов государственной власти на деятельность хозяйствующих субъектов с целью реализации социально-экономических приоритетов государства в современных условиях. Регулирование со стороны государства определяется необходимостью планирования туризма, его финансового содействия, нормативно-правового обеспечения, важностью установки финансово-экономических отношений, происходящих в туризме, и продвижения российского туристского продукта как на внутреннем, так и на международном рынках.

В развитых экономиках доля туризма в ВВП колеблется примерно от 2 до 10%, а в странах, где туризм является важным элементом экономики, составляет свыше 10%. Доля туризма в ВВП нашей страны составляет 2,5%, с учетом мультипликативного эффекта – 6,3%. В туристском секторе России работает порядка 2,3% занятого населения страны.

При эффективной государственной поддержке и продвижении доля туризма в ВВП России может возрасти. Так, в Испании этот показатель составляет 6,8% ВВП (с учетом мультипликативного эффекта – 18,2% ВВП), в Австрии – 8,6% (15%), в Хорватии – 8,5% (19,0%), во Франции – 4,1% (10,9%), в Великобритании – 3,4% (9,1%), в Канаде – 3,4% (11,0%).

Мировой опыт показывает, что при значительном выделении бюджетных средств для продвижения туристского продукта страны (региона) повышается его конкурентоспособность на международном рынке. На продвижение российского турпродукта бюджет нашей страны составляет всего лишь €4 млн. в год [4]. Низкий уровень бюджетных расходов на поддержку туризма ограничивает продвижение туристских возможностей нашей страны в целом и ее регионов на мировом рынке.

Международный туризм постоянно сталкивается с растущим уровнем конкуренции как между регионами мира, так и между странами внутри регионов. В последние годы экспертами Всемирного экономического форума совместно с Международной ассоциацией авиаперевозок (IATA), Всемирным советом по путешествиям и туризму (WTTC) и Всемирной туристской организацией ООН (UNWTO) публикуется «Индекс конкурентоспособности туризма» [5, с. 2]. В Российской Федерации развитие туризма существенно отстает от многих зарубежных стран по некоторым показателям. По данным отчета Всемирного экономического форума, Россия в этом году занимает 63 строчку в рейтинге (в 2011 году – 59-е место). Как следует из отчета, сильными сторонами нашей страны являются богатые природные и культурные ресурсы, а также инфраструктура воздушного транспорта и телекоммуникационная инфраструктура, слабыми – качество инфраструктуры наземного транспорта, неразвитость бизнес-среды и низкая ценовая конкурентоспособность.

В этом году мировыми лидерами в секторе путешествий и туризма являются Швейцария (5,66), Германия (5,39) и Австрия (5,39). Далее – Испания (5,38), Великобритания (5,38), Соединенные Штаты (5,32), Франция (5,31), Канада (5,28), Швеция (5,24) и Сингапур (5,23). Индекс конкурентоспособности сектора путешествий и туризма России в нынешнем году составил 4,16.

Государственная поддержка в сфере туризма проявляется в виде создания особых экономических зон туристско-рекреационного типа (ОЭЗ ТРТ). В Федеральном законе от 3 июня 2006 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» определены правовые аспекты создания и функционирования в России туристско-рекреационных особых экономических зон.

Постановлениями Правительства РФ утверждены семь ОЭЗ ТРТ: в Республике Алтай (от 3 февраля 2007 г. № 67), в Республике Бурятия (от 3 февраля 2007 г. № 68), в Алтайском крае (от 3 февраля 2007 г. № 69), в Краснодарском крае (от 3 февраля 2007 г. № 70), в Ставропольском крае (от 3 февраля 2007 г. № 71), в Иркутской области (от 3 февраля 2007 г. № 72), в Калининградской области (от 3 февраля 2007 г. № 73). В 2010 году была создана ОЭЗ ТРТ на территории Приморского края (Постановление Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 201).

Создание ОЭЗ ТРТ в РФ стало своевременным и логичным шагом по обеспечению особого режима предпринимательской деятельности в туристской индустрии. Отметим, что федеральный бюджет до 2026 г. потратит на туристско-рекреационные зоны 44,5 млрд. руб., вклад частного бизнеса при этом – 270 млрд. руб., налоговые поступления достигнут 260 млрд. руб. Туристский поток составит до 9,7 млн. человек в эти территории. К 2016 г. вклад туризма в ВВП составит около 2% (с учетом мультипликативного эффекта – до 9,0%). Данные показатели озвучены Министерством экономического развития и торговли РФ.

Туризм – сложный социально-культурный и экономический феномен современности, который прочно вошел в жизнь многих людей, стал одним из мощных катализаторов подвижности современного общества [6, с. 6]. В недалеком прошлом туризм в нашей стране развивался невысокими темпами по причине несовершенной инфраструктуры и отсутствия поддержки со стороны государства. Туристский поток был намного меньше, чем сейчас. На сегодняшний день ситуация коренным образом изменилась.

В 2012 году въезд иностранных граждан в Россию с целью туризма составил 2,6 млн. человек, увеличившись при этом на 10,0% в сравнении с уровнем 2011 года. Всего в 2012 году нашу страну посетило иностранцев с различными целями 28,2 млн. человек, что на 13,0% больше, чем в предыдущем периоде (24,9 млн. поездок). Выезд российских граждан за границу в 2012 году с целью туризма составил 15,3 млн. человек, что на 6,0% больше, чем в прошлый период. Общее количество выездов россиян за рубеж в 2012 году с различными целями составило 47,8 млн. поездок, что на 9,0% больше, чем в 2011 году (43,7 млн. поездок). За первый квартал 2013 года количество иностранных граждан, посетивших Россию с целью туризма, выросло на 9,0% по сравнению с аналогичным периодом 2012 года, составив при этом 248 тыс. человек. В первом квартале 2013 года количество россиян, выехавших за рубеж с целью туризма, увеличилось на 19% по сравнению с уровнем 2012 года и составило 3,3 млн. человек.

Динамика въездов и выездов граждан с целью туризма за ряд лет представлена на рис. 1.

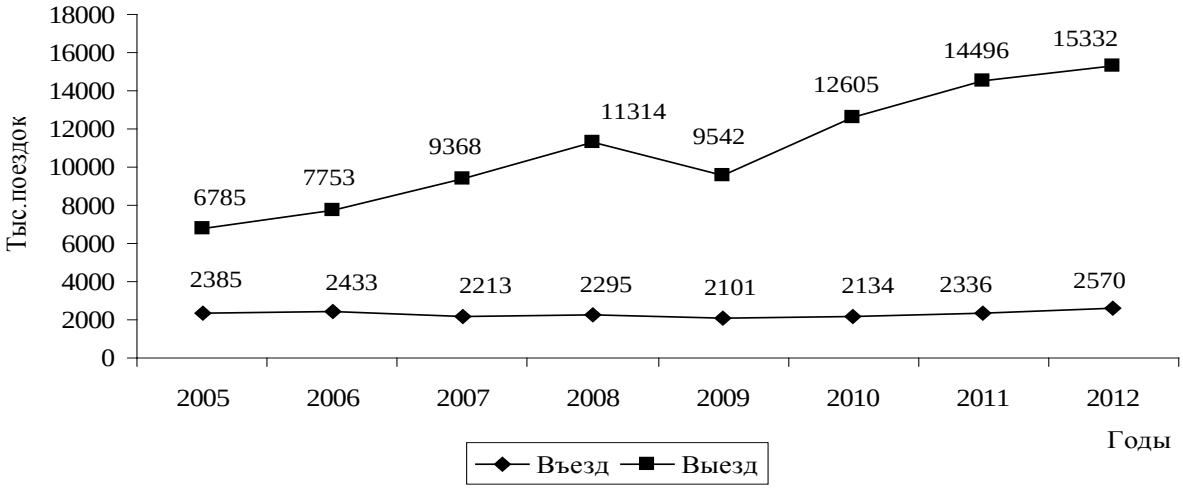

Рис. 1. Динамика въездов и выездов граждан с целью туризма в 2005–2012 гг. [7]

Важным экономическим показателем устойчивого развития туризма является состояние платежного баланса внешнеэкономической деятельности России по статье «Поездки». Данный показатель отражает структуру отечественного туризма по въезду-выезду и представляется в виде положительного или отрицательного сальдо. В платежном балансе России по данной статье на протяжении ряда лет отмечается отрицательное сальдо (в 2011 году – 20,9 млрд. долл. США).

Как справедливо отмечает Ю.А. Барзыкин, привлечение отечественных и зарубежных инвестиций позволят российским туристским центрам и курортам достигнуть международного уровня. Инвесторам должно быть выгодно вкладывать в туризм средства, которые должны быть и защищены [8, с. 4].

В большинстве развитых стран основная часть туроператоров занимается внутренним и въездным туризмом. В нашей стране лишь незначительная часть включенных в федеральный реестр зарегистрировалась как туроператоры по внутреннему туризму. Данные представлены на рис. 2.

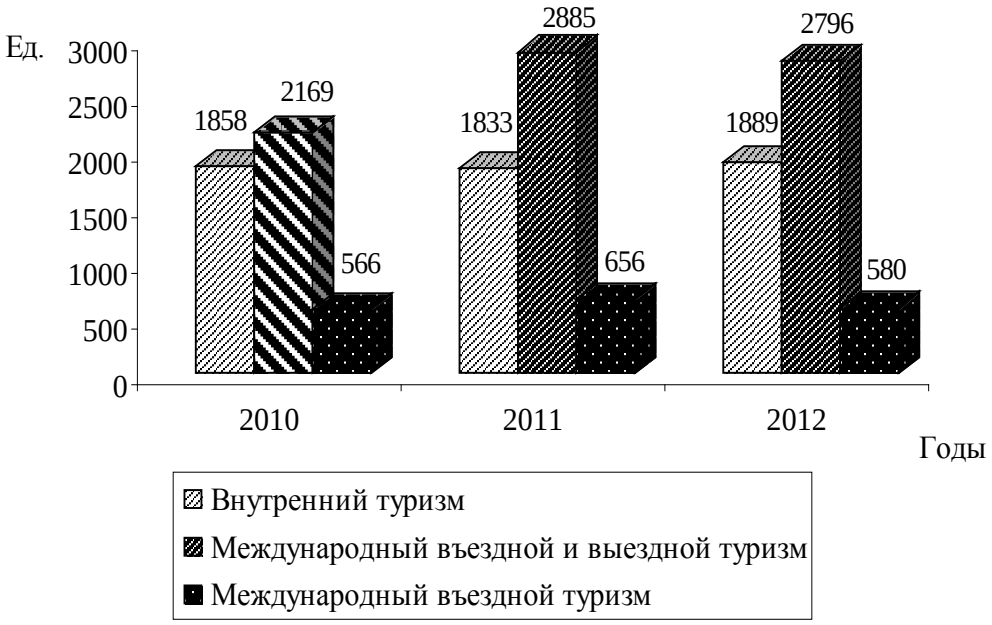

Рис. 2. Количество туроператоров в Едином федеральном реестре [7]

Всемирная туристская организация (ЮНВТО) относит Россию к числу стран, в которых при соответствующей государственной поддержке в ближайшее время прогнозируются наивысшие темпы развития туризма. К 2020 году наша страна войдет в первую десятку стран-лидеров въездного туризма (47,1 млн. туристов, 2,9% – доля рынка) и в первую десятку стран-лидеров выездного туризма (30,5 млн. туристов и 1,9% – доля рынка).

Одним из важнейших инструментов развития сферы туризма в Российской Федерации являются целевые программы. В 2010 году Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию Федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в РФ на период 2011–2018 годы». Согласно данной программе планируется повысить конкурентоспособность туристского рынка Российской Федерации, способную удовлетворить потребности иностранных и российских граждан в качественных туристских услугах и продвижения туристского продукта РФ на мировом и внутреннем рынках.

По прогнозным данным, объем финансирования Программы составит 332 млрд. руб., из которых доля федерального бюджета составит 28,9% (96,0 млрд. руб.), доля бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов – 7,5% (25 млрд. руб.), доля внебюджетных средств – 63,6% (211 млрд. руб.).

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 2567-р была утверждена государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы, в основе которой заложена стратегическая роль культуры, а также развитие туризма для приобщения граждан к мировому культурному и природному наследию. Общий объем бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию подпрограммы «Туризм» в течение всего периода составляет 865,2 млн. руб.

Формирование региональных программ социально-экономического развития сегодня наиболее актуальное и перспективное направление программно-целевого планирования в нашей стране. В регионах России на сегодняшний день реализуются около 70 региональных целевых программ туризма, а в пяти регионах уже приняты концепции развития туризма [9, с. 280].

Постановлением КМ РТ от 05.02.2013 г. № 72 утверждена долгосрочная целевая программа «Развитие сферы туризма в Республике Татарстан на 2013–2016 годы», целью которой является повышение конкурентоспособности туристского комплекса Республики Татарстан на российском и международном туристских рынках на базе эффективного использования развивающейся инфраструктуры туризма, а также культурно-исторического, природного потенциала и потенциала событийного туризма республики. Предполагаемый объем финансирования мероприятий Программы в период ее реализации составит 22,9 млрд. руб.

Одним из инструментов государственной поддержки в сфере туризма является создание туристских кластеров, которые являются локомотивом социально-экономического развития как страны в целом, так и регионов в отдельности. В Республике Татарстан Постановлением КМ РТ от 21.03.2011 № 210 (в ред. от 16.11.2011 г.) создан научно-образовательный кластер в сфере торговли, индустрии гостеприимства, сервиса и услуг. В рамках реализации целевой программы «Развитие

сферы туризма в Республике Татарстан на 2013–2016 годы» предполагается формирование туристско-рекреационных и автотуристических кластеров «Казань», «Древний город Болгар», «Остров-град Свияжск», «Свияга-лэнд», «Берега Елабуги», туристско-оздоровительный парк «Камские Поляны», «Новая Тура», создание новых маршрутов и туристских программ в муниципальных районах. Реалии сегодняшнего дня таковы, что туристский кластер позволяет повысить конкурентоспособность территории на рынке туристских услуг за счет синергетического эффекта.

Ведущие туристские державы (Франция, Германия, Испания, Италия, Египет, Великобритания) на протяжении многих лет успешно используют интернет-ресурсы для широкого представления самой разнообразной информации об объектах туристской индустрии. В последнее время и в нашей стране наметились позитивные сдвиги в этом направлении. Необходимо вывести на мировой уровень российские информационные технологии, которые должны отвечать современным требованиям и стандартам как российских граждан, так и иностранных туристов [10, с. 17].

Развитие государственно-частного партнерства в сфере туризма Российской Федерации обеспечивает установление конструктивного диалога между органами государственной власти и представителями турбизнеса, содействие формированию благоприятных условий для функционирования предпринимательства в сфере туристской деятельности, совершенствование действующего туристского законодательства и принятие действенных нормативно-правовых документов, направленных на развитие туристского комплекса страны.

За последние годы накоплен определенный опыт реализации на основе государственно-частного партнерства федеральных и региональных проектов в различных отраслях экономики, таких, как подготовка г. Сочи к принятию зимних Олимпийский игр в 2014 г.; строительство первой очереди скоростной платной автомобильной дороги Москва – Санкт-Петербург – Хельсинки; строительство в Санкт-Петербурге нового морского пассажирского порта, способного принимать крупнотоннажные круизные лайнеры и паромы по проекту «Морской фасад»; уже реализованные в Санкт-Петербурге проекты «Городской водный туристско-экскурсионный автобус» и «Городской экскурсионный автобус Сити тур»; участие в международных и отечественных туристских выставках и другие проекты.

Посредством государственно-частного партнерства в сфере туризма реализуются такие важнейшие направления туристской политики страны, как формирование туристских кластеров, подготовка профессиональных кадров для работы в туристской индустрии с целью повышения качества туристских услуг, продвижение России на европейских и азиатских туристских рынках благодаря участию страны в крупнейших международных туристских выставках [11, с. 26].

Зарубежный опыт Германии по вопросам государственной поддержки сферы туризма наиболее приемлем для нашей страны. Органами государственной власти оказывается финансовая поддержка предприятиям туристской сферы в рамках различных программ и специально разработанных планов, осуществляется прямое участие в продвижении национального туристского продукта внутри страны и за рубежом. Кроме того, государством поддерживается кадровый потенциал туризма посредством создания и финансирования разных курсов (программ) по повышению квалификации и переподготовке, а также финансируется деятельность научно-исследовательских институтов, занимающихся проблемами туризма.

Результаты. Как показывает опыт зарубежных стран, развитие туризма полностью зависит от роли и участи государства в этой сфере: насколько она пользуется государственной поддержкой. По этой причине в странах, в которых государство оказывает значительную поддержку туристской сфере, она активно развивается. Являясь одной из важнейших сфер национальной экономики и основой социально-экономического развития страны, туристская деятельность нуждается в полноценной и своевременной ее поддержке.

На основе исследованного материала нами построена модель государственной поддержки сферы туризма, которая представлена на рис. 3.

Недостаточная поддержка сферы туризма со стороны государства может привести в ближайшие годы к снижению конкурентоспособности отечественного туристского продукта на мировом и внутреннем туристских рынках, сокращению въездных и внутренних туристских потоков, что повлияет на налоговые (иные) поступления в бюджет страны, увеличится выездной туристский поток и ухудшится платежный баланс страны, а также снизится уровень занятости населения в сфере туризма и смежных сферах, уменьшатся доходы населения и повысится социальная напряженность.

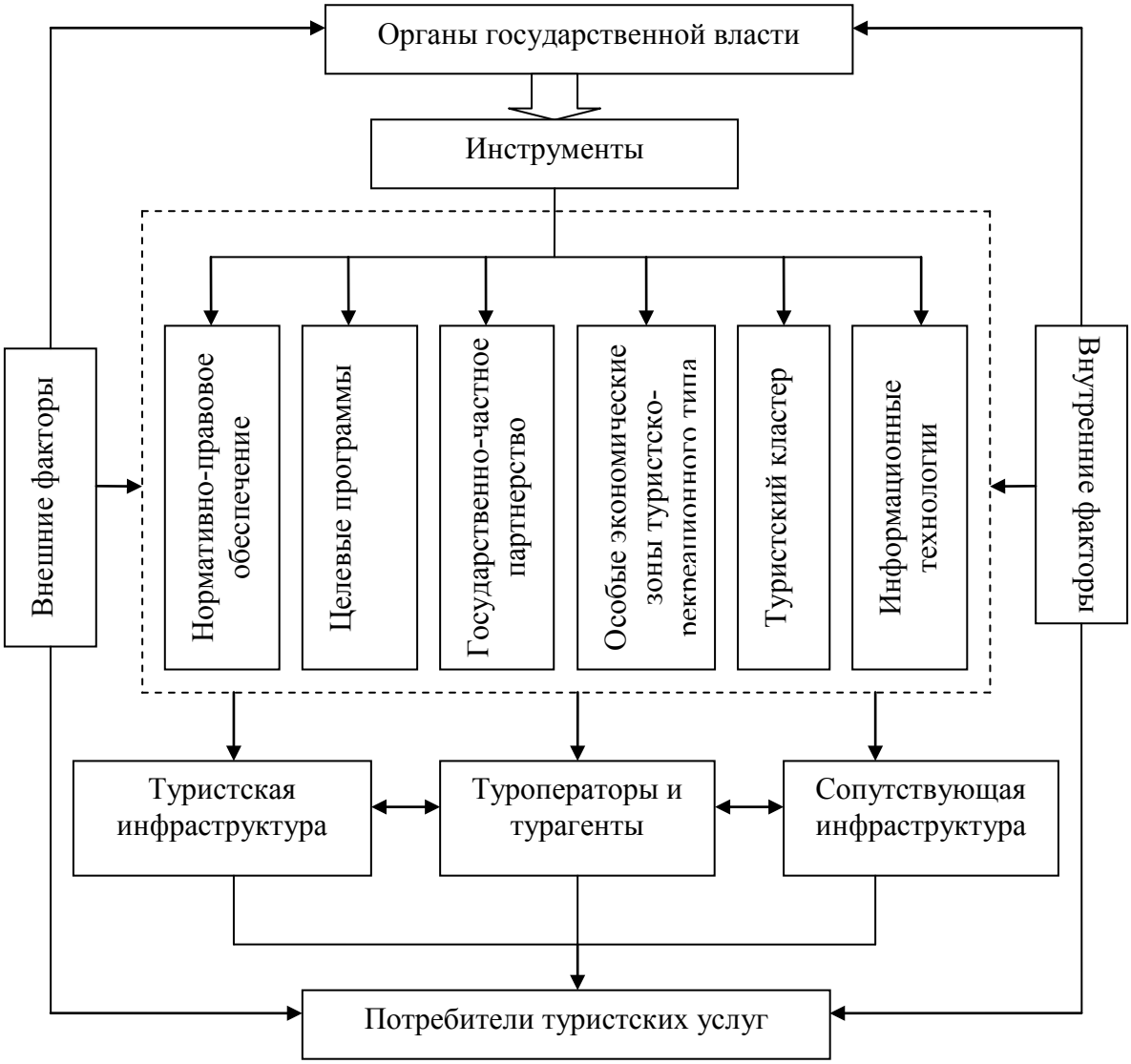

Рис. 3. Модель государственной поддержки сферы туризма

Выводы. Таким образом, в настоящее время процесс становления российского туризма на мировой уровень возможен только при реальной поддержке и конструктивном участии государства, которое выступает катализатором развития государственно-частного партнерства в осуществлении масштабных туристских проектов (программ), сконцентрированных на формировании туристской привлекательности регионов, увеличении внутреннего и въездного туристских потоков, повышении качества туристских услуг (продуктов). По нашему глубокому убеждению, понимание сферы туризма как двигателя развития экономики нашей страны должно формироваться не только на уровне государства, но и в сознании местного населения и бизнеса, что предопределит качественный уровень развития современного российского общества.

Приложения:

1. Кусков А.С. Основы туризма: Учеб. / А.С. Кусков, Ю.А. Джаладян. М.: КНОРУС, 2008. 400 с.

2. Едронова В.Н., Овчаров А.О. Государственная финансовая поддержка сферы туризма // Финансы и кредит. 2008. № 41. С. 37-41.

3. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 05.02.2007г. № 12-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 12.02.2007. № 7. Ст.833.

4. http://www.budgetrf.ru

5. Кружалин В.И. и др. Научные подходы к формированию рейтингов России по уровню развития индустрии туризма // Туризм: право и экономика. 2011. № 4. С. 2-6.

6. Демченко С.Г. Проблемы и перспективы развития регионального туризма в России / С.Г. Демченко, И.С. Кабиров. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. 192 с.

7. http://www.russiatourism.ru

8. Барзыкин Ю.А. Актуальные проблемы государственного регулирования развития туризма в России // Туризм: право и экономика. 2006. № 1. С. 2-5.

9. Кабиров И.С. Целевые программы как один из инструментов развития сферы туризма в Российской Федерации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2011. № 3. С. 275-282.

10. Гаврилов А.Ю. Информационные технологии – эффективный инструмент развития туризма // Туризм: право и экономика. 2004. № 1. С. 16-17.

11. Саак А.Э., Жертовская Е.В. Государственно-частное партнерство как инновационный механизм реализации туристской политики в РФ // Туризм: право и экономика. 2011. № 2. С. 24-29.

UDC 301.151

Travel Industry State Support

[1.] Sergey G. Demchenko
[2.] Ildar S. Kabirov

[1.] Private Educational Institution of Higher Professional Education «Institute of Economics, Management and Law» (Kazan), Russia
Doctor of Economics, Professor
E-mail: sgdem@mail.ru
[2.] Private Educational Institution of Higher Professional Education «Institute of Economics, Management and Law» (Kazan), Chistopol Branch, Russia
PhD (Economics), Assistant Professor
E-mail: 55505_05@mail.ru

Abstract. This paper is focused on the travel industry support by the government as the way to satisfy the needs of citizens and business. German experience, concerning travel industry support is analyzed. The model of travel industry support by the government is presented. Key elements of the model are the following: regulatory support, target programs, private-public partnership, special economic zones of tourist-recreational type, tourist cluster and informational technologies with regard to external and internal factors.

Keywords: tourism; state support; tourist product; target program; tourist cluster.

УДК 004+005.6

Особенности обеспечения СМК-проектов вуза нормативными документами с использованием ППП «Business Studio»

[1] Юрий Измайлович Дрейзис
[2] Владимир Васильевич Коваленко
[3] Анна Давидовна Манукян
[4] Ксения Сергеевна Москалюк
[5] Владимир Викторович Переверзев

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Кандидат технических наук, доцент
E-mail: yurid2006@yandex.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Кандидат технических наук, доцент
E-mail: vlvas@mail.ru
[3]Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Лаборант-исследователь
E-mail: kufufu-no-fu@mail.ru
[4]Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Лаборант-исследователь
E-mail: ksuha1177@mail.ru
[5]Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Лаборант-исследователь
E-mail: sharkcat@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы обеспечения нормативными документами СМК-проектов при моделировании предметной области (на примере вуза) с использованием ППП «Business Studio». Проанализированы аспекты, возникающие при разработке вузовских систем менеджмента качества (СМК), связанных с вступлением в силу Федерального закона об образовании в РФ. Показана возможность использования данного подхода к улучшению управления качеством образовательных процессов в вузе.

Ключевые слова: вуз; СМК; бизнес-процесс; Федеральный закон об образовании; нормативный документ; сбалансированная система показателей.

Введение. В настоящее время в большинстве вузов страны имеется кризис управления: существующая в них система управления всеми аспектами образовательного процесса не отвечает новым условиям хозяйствования. Традиции управления вузами уходят корнями в советский период, для которого характерны отсутствие рынка и конкуренции образовательных услуг, наличие стабильного гарантированного финансирования со стороны государства и превышение спроса на образовательные услуги над предложением. Сегодня в основе работы вузов должны быть использованы современные методы стратегического менеджмента и управления экономической и корпоративной эффективностью с использованием системы менеджмента качества (СМК).

Эта система есть совокупность организационной структуры, ответственности и полномочий сотрудников образовательной организации и процессов ее деятельности. Для достижения целей все эти составляющие объединяются и взаимодействуют между собой [1].

Методы и методология. Методологической основой данной работы является диалектический метод. Также использовались следующие общенаучные методы: анализ, наблюдение.

Обсуждение. СМК, являясь жизненно важной частью системы менеджмента вуза, предназначена для оптимизации и улучшения всех видов его деятельности, повышения конкурентоспособности его научно-образовательной продукции и услуг. Основная цель проектов СМК вуза – достижение соответствия результатов происходящих в вузе бизнес-процессов ожиданиям потребителя, работодателей и общества, управление качеством этих процессов [2–4].

Для достижения указанной цели в вузе необходимо решать задачи:

• осуществлять постоянное улучшение качества продукции вуза (образовательных услуг) и снижение затрат на обеспечение их качества посредством использования цикла Деминга (plan-act-check-control);

• создавать у потребителей уверенность в отсутствии брака в оказываемых научно-образовательных услугах за счет сертификации СМК.

Разработка каждого СМК-проекта в вузе должна быть обеспечена нормативными документами, которые могут различаться в зависимости от реализуемых в вузе видов деятельности, например образовательной, научной, производственной и т.д. Но основные требования к системам менеджмента качества определяются серией международных стандартов ISO 9000. В системе сертификации РФ (ГОСТ Р) стандарты, входящие в серию 9000 (ГОСТ Р ИСО 9000:2001, ГОСТ Р ИСО 9001:2001, ГОСТ Р ИСО 9004:2001), практически идентичны своим аналогам, изданным ISO.

Для разработки СМК вуза на основе существующей нормативной документации и диаграмм, описывающих его бизнес-процессы, удобно использовать отечественный пакет бизнес-моделирования «Business Studio» [5]. Этот пакет уже содержит нормативную базу стандартов класса ИСО 9000.

При разработке СМК-проектов для вуза одной из проблем является необходимость обеспечения их нормативной документацией по образовательной деятельности, в частности Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Однако этот закон отсутствует в наборе стандартов пакета «Business Studio», поэтому возникает необходимость внесения его в нормативную базу пакета.

Структурно новый Федеральный закон представляет собой набор глав, делящихся на статьи, которые в свою очередь подразделяются на пункты. Формирование базы данных закона 273-ФЗ в виде иерархической структуры дает возможность при построении функциональной модели СМК вуза выделять необходимые нормативные документы данного Закона для каждой функции бизнес-процессов на всех уровнях иерархии. Это означает, что для каждой функции бизнес-процессов в вузе не только указывается определенный пункт данного нового Федерального закона об образовании, в соответствии с которым она выполняется, но и приводится текст этой ссылки (рис. 1).

В пакете имеется возможность добавить в нормативную базу и другие необходимые для работы стандарты и нормативные документы по управлению основными бизнес-процессами в вузе. На основе введенной нормативной базы также определяется и структура новых бизнес-процессов, которые обеспечивают управление вузом в соответствии с новыми требованиями.

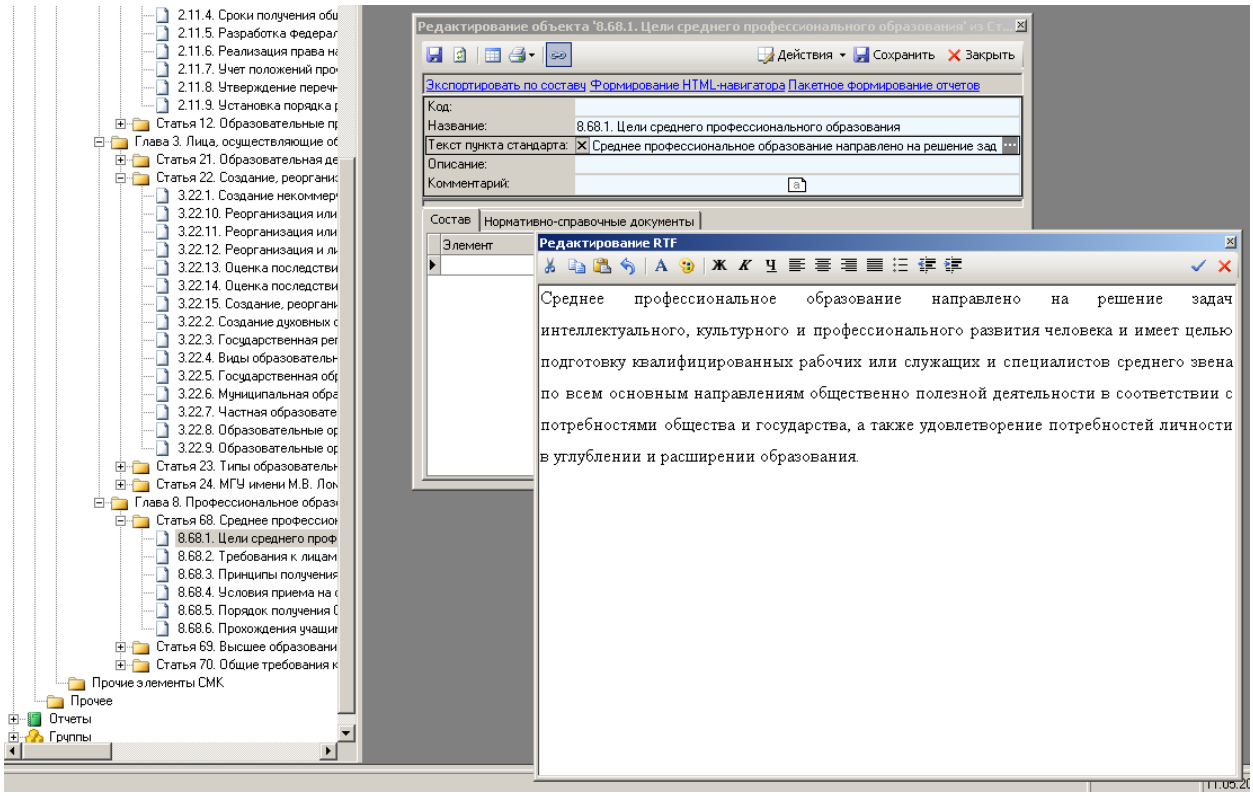

Рис. 1. Структура Закона 273-ФЗ в среде пакета «Business Studio»

Выбор в качестве программного инструментария российского пакета «Business Studio» объясняется тем, что он позволяет не только построить бизнес-процессы в трех нотациях SADT (IDEF0, IDEF3 и DFD) [3, 6], но и при правильном заполнении параметров функциональных блоков в автоматическом режиме сгенерировать регламентирующую документацию, являющуюся нормативной при управлении этими бизнес-процессами. Создаваемая пакетом документация, не требующая дополнительной доработки, содержит такие важные нормативные для любого вуза документы, как «Положение о подразделении», «Должностные инструкции», другие регламентирующие управление вузом документы, регламенты бизнес-процессов и даже «Техническое задание» на разработку самой системы менеджмента качества.

Заключение. Выбор «Business Studio» также обусловлен качеством и проработанностью ее функционала, возможностью адаптации к вузу. Для СМК вуза полезными являются следующие возможности пакета «Business Studio»: разработка стратегических карт бизнес-процессов, проектирование сбалансированной системы показателей, сбор и анализ значений показателей результативности вуза, анализ несоответствий и причин их возникновения и пр.

В результате на основе нормативной документации (стандарты класса ИСО 9000 и Федеральный закон №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») разработаны в среде пакета «Business Studio» основные и вспомогательные бизнес-процессы типового вуза, на основе которых возможна реализация системы менеджмента качества любого вуза [7–8].

Примечания

1. Вишняков О., Крохин В., Молодов М. Системы менеджмента качества: основы, проблемы, решения // URL: http://quality.eup.ru

2. Дрейзис Ю.И. Improvement by the life cycle control system of university production with use of CALS-technology // European Researcher. 2013. Vol. (48). №5-1. P. 1159-1162.

3. Дрейзис Ю.И., Бурунин О.А. The program of application of CALS-technology in university management // European Researcher. 2013. Vol. (48). №5-1. P. 1168-1171.

4. Дрейзис Ю.И., Бурунин О.А. Management of expenses for quality of the educational product of university // European Researcher. 2013. Vol. (48). №5-1. P. 1163-1167.

5. Руководство пользователя Business Studio // «Современные технологии управления». 2010. 327 с.

6. Коваленко В.В. Проектирование информационных систем. Изд-во Высшая школа, 2011. 336 с.

7. Дрейзис Ю.И., Сидоров В.Н., Сидорова Т.В., Макарова И.Л. Information support quality basic education programs of through a federal standards of the higher education // European Researcher. 2013. Vol.(48). №5-1. P. 1201-1205.

8. Система менеджмента качества // URL: http://ru.wikipedia.org

UDC 004+005.6

Features of Support of Quality Management System Projects of Higher Educational Institutions with Regulatory Documentation, Using Application Software Package «Business Studio»

[1] Yury I. Dreyzis
[2] Vladimir V. Kovalenko
[3] Anna D. Manukyan
[4] Ksenya S. Moskalyuk
[5] Vladimir V. Pereverzev

[1] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Science), Assistant Professor
E-mail: yurid2006@yandex.ru
[2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Science), Assistant Professor
E-mail: vlvas@mail.ru
[3] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Research Assistant
E-mail: kufufu-no-fu@mail.ru
[4] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region

Research Assistant
E-mail: ksuha1177@mail.ru
[5] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Research Assistant
E-mail: sharkcat@yandex.ru

Abstract. The article is concerned with the problems of support of quality management system projects with regulatory documents in the course of domain modeling (higher educational institution case study), using application software package «Business Studio». The aspects, emerging in the course of quality management systems of higher educational institution development, related to the entry of Federal Law on Education of the Russian Federation into force is analyzed. The possibilities of the use of this approach to improve the quality of educational processes in the higher educational institution are showed.

Keywords: higher educational institution; quality management system; business process; Federal Law on Education; regulatory document; balanced metric.

УДК 338.48

Тенденции развития конкуренции между туристскими дестинациями

[1] Галина Алексеевна Карпова
[2] Федор Владимирович Сущинский

[1] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия
Доктор экономических наук, профессор
[2] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия
Аспирант
1911023 Санкт-Петербург, Садовая ул., 21
E-mail: socman.finec@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ мировых тенденций диверсификации туристских направлений и обострения конкурентной борьбы между дестинациями за привлечение туристских потоков с использованием данных международной статистики. Сформулированы и обсуждаются основные вызовы развития «старых» и «новых» дестинаций.

Ключевые слова: туризм; дестинация; конкуренция.

Введение. При наблюдающейся сегодня тенденции экспоненциального роста туристских потоков все более яркое выражение получает процесс диверсификации туристских направлений и повышение конкурентной борьбы между дестинациями. Причем новые дестинации активно «оттягивают» туристские потоки из традиционных мест посещений, и статистика выездов и прибытий в различные дестинации по всему миру в последние годы существенно изменилась. Мировой туристский рынок сегодня разделен среди гораздо большего числа регионов, стран и городов, чем ранее. Это подтверждают данные статистики, отражающие указанные тенденции в ретроспективе и обосновывающие прогнозные оценки.

Материалы и методы. Основными источниками для написания статьи стали статистические данные международных туристских организаций, в частности, Всемирной организации туризма (ВТО), ряда исследовательских и консультационных научных центров, представленные в открытых источниках. В статье использованы методы научного обобщения и сравнительного анализа в приложении к изучению, систематизации и обобщению информационных материалов по теме статьи, выявление тенденций, состояния и проблематики развития конкуренции среди дестинаций на международном рынке туризма.

Обсуждение проблемы. Можно сформулировать несколько ведущих тенденций в процессе диверсификации дестинаций и деконцентрации туристских въездных потоков.

Изменение в концентрации туристских прибытий в региональном аспекте. Несмотря на инерционность туризма и сохранение порядковых рангов регионов по популярности въездных туристских потоков, отмечается нарастание сдвига в пользу регионов с развивающейся экономикой, активизирующих использование туризма как локомотива социально-экономического прогресса. В результате идет процесс более равномерного распределения туристов по туристским направлениям; развивающиеся туристские направления увеличивают свою рыночную долю в прибытиях за счет развитых направлений, таких, как Европа и Северная Америка.

«Старые» развитые глобальные дестинации, сохраняя рост прибытий, в результате столь быстрых темпов роста притягательности новых направлений значительно утрачивают рыночные позиции. В результате этих изменений, по прогнозу ВТО [1], в 2030 г. Восточноазиатский регион резко увеличит долю в международных прибытиях – до 30% по сравнению 8% в 1980 г. и 22% в 2012 г.; скромнее вырастут доли Ближнего Востока и Африки (на 2%). Потери также концентрируются в одном регионе – Европе, которая теряет около 10% рыночной доли в прибытиях каждые 20 лет. При этом надо отметить неравномерный вклад разных субрегионов как в прирост, так и падение доли туристского рынка прибытий. Так, сокращение доли Европы в значительной мере объясняется замедлением роста прибытий в Северной и Западной Европе, а в рамках обеих Америк – в Северной Америке, т.е. именно в традиционных местах посещений. А ведь еще в 2000 г. совокупная доля рынка прибытий Европы и обеих Америк составляла 76%, в 1990 – 82%, а в 1950 – более 95% [2].

Следует отметить, что процессы, которые должны привести к указанному перераспределению туристских потоков уже активно идут [3]. Более высокие темпы роста туристских прибытий в странах с развивающейся экономикой – 4,3% в период с 2011–2012 гг., по сравнению с развитыми странами, которые показали 3,7% роста прибытий. Еще более выраженным представляется развитие направлений туристских поездок в перспективе до 2030 г. Так, по прогнозным оценкам [1], среднегодовые темпы роста в странах с развивающейся экономикой сохранятся на уровне более 4% и составят 4,4%, что будет в два раза превышать среднегодовые темпы роста стран с развитой экономикой (2,2%). В абсолютном выражении развивающиеся страны привлекут дополнительно в

среднем 30 млн. прибытий в год, тогда как развитые страны – только 14 млн. И уже к 2015 г. развивающиеся страны превысят уровень прибытий развитых стран, а в 2030 г. 58% прибытий сосредоточатся в развивающихся странах Азии, Латинской Америки, Центральной и Восточной Европы, Восточного Средиземноморья Европы, Ближнего Востока и Африки.

«Размывание» концентрации туристских потоков по странам. Красноречивой иллюстрацией этого процесса служит динамика изменения стран-лидеров по международным туристским прибытиям [4] (см. табл. 1). Обращает внимание, что «пятерки» наиболее популярных стран концентрируют все меньший поток туристов. Так, в 1959 г. доля первой пятерки составляла 71%, в 1970 г. – уже 43%, в 2000 г. – 36%, и продолжение этой тенденции отражается в 2010 г., когда рыночная доля в прибытиях пяти наиболее посещаемых стран составила 31%. Кроме того, растущее разнообразие предложения на рынке дестинации отражается в увеличении доли в распределении туристских потоков в категории «другие стран». Вместе они «оттягивают» с туристского рынка в 2010 г. 44% поездок, тогда как в 1950 г. их доля составляла лишь 3%. А в абсолютном выражении прирост этой доли означает увеличение прибытий в сотни раз (520 раз). Иначе говоря, преимущества и выгоды от общего роста туризма в мире неравномерно распределяются по регионам и странам.

Табл. 1

Изменения в туристских прибытиях
в ведущих туристских дестинациях (странах)

Ранг	**1950**	**%**	**1970**	**%**	**1990**	**%**	**2000**	**%**	**2010**	**%**
1	США		Италия		Франция		Франция		Франция	
2	Канада		Канада		США		США		США	
3	Италия	**71**	Франция	**43**	Испания	**39**	Испания	**36**	Китай	**1**
4	Франция		Испания		Италия		Италия		Испания	
5	Швейцария		США		Австрия		Китай		Италия	
6	Ирландия		Австрия		Мексика		Великобритания		Великобритания	
7	Австрия		Германия		Германия		Мексика		Турция	
8	Испания	**17**	Швейцария	**22**	Великобритания	**18**	Канада	**15**	Германия	**4**
9	Германия		Югославия		Канада		Германия		Малайзия	
10	Великобритания		Великобритания		Китай		Австрия		Мексика	
11	Норвегия		Венгрия		Греция		Польша		Австрия	
12	Аргентина		Чехословакия		Португалия		Греция		Украина	
13	Мексика	**9**	Бельгия	**10**	Швейцария	**9**	Португалия	**9**	Гонконг	**11**
14	Нидерланды		Болгария		Югославия		Малайзия		Россия	
15	Дания		Румыния		Малайзия		Нидерланды		Канада	
	Другие страны	**3**		**25**		**34**		**40**		**44**
Всего	25 млн.		166 млн.		436 млн.		683 млн.		880 млн.	

Аналогичный процесс диверсификации мест посещений туристами и изменение рыночных позиций для следующего уровня дестинаций – городов – показан в таблице 2. В ежегодных списках самых популярных туристских направлений среди городов отражаются тенденции сдвига поездок в развивающиеся страны, прежде всего Юго-Восточной Азии. 42 из 132 городов, попавших в рейтинг дестинаций, находятся в Азии [5]. Многие из традиционных европейских и североамериканских дестинаций уступают свои рыночные позиции, что характерно для отношений зрелых и вновь возникающих рынков вообще, в данном случае проявляется тем более ярко, чем в большей степени

развита сеть авиалиний, осуществляются масштабные маркетинговые программы и совершенствуется инфраструктура в странах с растущей экономикой, развивающих туризм.

Табл. 2

Города с наиболее высокими темпами роста прибытий, 2011 г. [6]

Страна	Город	Ранг	Прибытия (млн.)	2011/2010 (%)
Польша	Варшава	36	3351.2	35.0
Вьетнам	Хо Ши Мин	33	3533.3	45.1
Россия	Санкт-Петербург	45	2900.0	16.0
Филиппины	Манила	77	1821.5	23.0
Кения	Найроби	80	1812.0	40.3
Вьетнам	Ханой	83	1750.0	41.5
Турция	Измир	94	1532.9	27.1
Кыргызстан	Иссык-Кульская область	97	1450.5	57.6

Локализация конкуренции. Надо отметить, что многие города-дестинации не напрямую конкурируют друг с другом, а в достаточно четко очерченных границах своих основных генерирующих рынков туристов. Так, например, на основе исследования глобального рынка дестинаций были выделены основные регионы, формирующие туристские потоки в определенные дестинации [7] (см. табл. 3).

Безусловно, выделение 5 ведущих генерирующих рынков для столь крупных глобальных дестинаций не исчерпывает весь спектр стран и регионов, происхождение основных рынков этих дестинаций, особенно это касается Нью-Йорка, который отличается крайней диверсификацией рынков въездного туризма.

В результате длительных наблюдений выявлена тенденция доминирования внутрирегиональных рынков туризма. Так, примерно 4 из каждых 5 международных туристов путешествуют в пределах своего региона. При этом Всемирная организация туризма отмечает тенденцию более быстрых темпов роста в контексте выделяемых глобальных регионов межрегиональных поездок по сравнению с внутрирегиональными. Так, среднегодовой рост межрегиональных и внутрирегиональных поездок в период 2005–2011 гг. составлял соответственно 4,4% и 3,3% [4].

Ситуация локализации туристских потоков имеет двустороннее влияние на конкурентную ситуацию среди дестинаций. С одной стороны, ограничивает возможности получения выгод от абсолютного роста путешествующих в мире, в значительной степени объемами роста туристского спроса внутри региона. В этом смысле страны с растущей экономикой, активно развивающие туризм, которые сегодня формируют высокими темпами значительные потоки прибытий, получают преимущества, т.к. эти туристы, в основном, останутся внутри «своих» регионов. С другой стороны, осложняют привлечение наиболее выгодных в экономическом плане туристов, путешествующих на дальние расстояния, которые, как правило, характеризуются более длительным пребыванием и большими средними удельными расходами.

Табл. 3

Ведущие генерирующие рынки туристских потоков для наиболее посещаемых дестинаций мировых регионов, 2012 г.

Дестинация	Генерирующие рынки	Прибытия (тыс.)	Расходы (млн. долл.)
Лондон (Европа)	Дублин	850	482
	Нью-Йорк	758	1088
	Стокгольм	537	434
	Амстердам	481	382
	Франкфурт	416	331
Бангкок (Юго-восточная Азия и Тихоокеанский регион)	Токио	936	2121
	Сингапур	881	916
	Гонконг	737	1770
	Сеул	683	959
	Куала-Лампур	477	369
Дубай (Ближний Восток)	Лондон	803	1200

	Париж	336	298
	Мюнхен	305	271
	Франкфурт	295	261
	Кувейт	266	236
Мехико (Латинская Америка)	Майами	385	239
	Хьюстон	318	197
	Нью-Йорк	315	195
	Лос-Анджелес	295	184
	Атланта	173	107
Нью-Йорк (Северная Америка)	Лондон	1294	2152
	Торонто	849	803
	Токио	369	1429
	Париж	306	417
	Франкфурт	288	722

Обострение конкуренции между новыми и старыми (зрелыми) дестинациями в борьбе за новые и зрелые генерирующие туристские рынки. Так, основные генерирующие рынки туристских потоков сосредоточены в развитых странах, прежде всего Европы и Северной Америки, например, Европа генерирует более 50% туристских поездок. Однако зрелость рынка обусловливает повышение уровня и разнообразия требований туристов. Искушенность туристов из основных зрелых туристских рынков повышает планку конкурентной борьбы. Изменяющиеся приоритеты и модели потребления в туризме вносят важный вектор конкурентной борьбы между дестинациями: между теми из них, кто эксплуатирует принципы массового стандартного производства, и теми, кто ориентирован на инновационную модель туристского потребления, которая в разных координатах анализа получает наименование «новой», «альтернативной» и т.д. Не останавливаясь здесь подробно на анализе новых моделей потребительского поведения туристов, отметим, что она сопровождается тенденцией фрагментации рынка в ответ на дифференциацию интересов и индивидуализацию требований туристов. Адекватная специализация дестинаций на производстве туристских продуктов для узких, нишевых рынков туристов, дает дестинациям, развивающим туризм, благоприятные возможности участвовать и побеждать в конкурентной борьбе с известными туристскими брендами дестинаций на основе точного использования своих конкурентных преимуществ на данном узком рыночном сегменте.

Результаты и выводы. В целом, с точки зрения распределения туристских потоков рост новых дестинаций приводит к необходимости учета следующих важных обстоятельств в развитии современного туризма.

Рост благосостояния населения в развивающихся странах и регионах создает мощный новый рынок, генерирующий туристские потоки. Для значительной части этих туристов развитые, «канонические», имеющие высокий туристский статус дестинации обладают сильной притягательностью, что создает для последних потенциал для привлечения новых рынков туристов и формирования серьезного роста доходов от туризма. Так, по оценкам, только китайские туристы к 2021 г. «привезут» дополнительные 100 млрд. долл., путешествуя за пределами своего региона [8]. Соответственно, среди зрелых дестинаций обострится борьба за новые рынки туристов. Не будем забывать, что новые дестинации также являются сильными игроками на этих рынках, имеющими то преимущество, что могут использовать фактор географической близости.

Не менее ожесточенная борьба ожидается за зрелые западные рынки, генерирующие по-прежнему большую часть (приблизительно две трети) туристских потоков в мире. Следует учитывать, что новые туристские направления имеют возможность опираться на использование туристских ресурсов, которые являются относительно неизвестными, а значит, имеют черты привлекательности как уникальные. В силу этого новые дестинации получают конкурентное преимущество, выходя на рынок с новым предложением, фактически они используют «эффект отставания».

Эффект отставания реализуется также и в области ценовой составляющей туристских поездок. Более низкий уровень экономического развития и связанные с этим более низкий уровень оплаты труда и благоприятный обменный курс валют создают преимущество для снижения стоимости туристской поездки. Ценовая конкуренция, безусловно, играет ведущую роль в завоевании туристских рынков и имеет доминирующее значение для малобюджетных сегментов туристского рынка, которые проявляют лояльность не к дестинации, а низкоценовым предложениям в туризме.

Еще одним преимуществом развивающихся туристских направлений является то, что они изначально могут ориентироваться на новые тенденции в потребительском поведении и предпочтениях туристов, формируя предложение турпродуктов. Старые дестинации, характеризующиеся высоким уровнем развития туристской инфраструктуры, наличием уникальных достопримечательностей, имеющие за плечами долгие годы специализации и поддержания

конкурентных позиций на туристских рынках, накопили значительный запас инерционности. Часть из них работала на рынке отдельных видов и форм туризма, которые достигли пика насыщения. Переориентация зрелых дестинаций на новых туристов как в координатах географических границ туристского рынка, так и координатах новых потребительских практик и предпочтений представляется более сложной и затратной стратегией, тем более в условиях давления ценового фактора. Повышение рисков несовпадения ожиданий и туристских впечатлений увеличивает уязвимость дестинации со стороны ее агрессивных соперников – тех дестинаций, которые предлагают турпродукты по более низким ценам.

Примечания:

1. Tourism Towards 2030/Global Overview. URL: http://www.wise.co.th/wise /Knowledge_Bank/References/Tourism/UNWTO_Tourism_Toward_2030.pdf
2. Historical perspective of world tourism. URL: http://www.unwto.org/facts/eng/historical.htm
3. UNWTO Annual report 2012. URL: http://dtxtq4w60xqpw.cloudfront.net /sites/all/files/pdf/annual_report_2012.pdf
4. Global ranking of destinations and source markets URL: http://tourismintelligence.ca /2011/07/26/global-ranking-of-destinations-and-source-markets/
5. Top 100 Cities Destination Ranking. URL:http://blog.euromonitor.com/2013/01/top-100-cities-destination-ranking.html
6. Euromonitor International's Top 100 City Destinations Ranking. URL: http://blog.euromonitor.com/2012/01/euromonitor-internationals-top-city-destinations-ranking1-.html
7. MasterCard Worldwide'sGlobal Destination Cities Index. URL: http://insights.mastercard.com/wp-content/uploads/2013/05/Mastercard_GDCI_Final_V4.pdf
8. Travel & Tourism 2011. URL: http://www.wttc.org/site_media/uploads/ downloads /traveltourism2011.pdf

UDC 338.48

Trends of Competition Promotion between Tourist Destinations

[1] Galina A. Karpova
[2] Fedor V. Sushchinsky

[1] Saint Petersburg State University of Economics, Russia
21 Sadovaya Str., St. Petersburg 191023, Russia
Doctor of Economics, Professor
[2] Saint Petersburg State University of Economics, Russia
21 Sadovaya Str., St. Petersburg 191023, Russia
Graduate
E-mail: socman.finec@mail.ru

Abstract. The paper analyses the world trends of tourist destinations diversification and aggravation of competition between destinations for tourists' attraction, using international statistic data. Major challenges of 'old' and 'new' destinations development are stated and discussed.

Keywords: tourism; destination; competition.

УДК 338.48

Новые перспективы подготовки кадров для сферы туристских услуг на пространстве СНГ

[1] Галина Алексеевна Карпова
[2] Любовь Викторовна Хорева
[3] Нина Александровна Сорокина

[1] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия
191023, Санкт-Петербург, Россия ул. Садовая, 21
Доктор экономических наук, профессор
E-mail: karpovaGA@rambler.ru
[2] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия
191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
Доктор экономических наук, профессор
E-mail: luhor@inbox.ru
[3] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия
191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
аспирант
E-mail: eddeco@mail.ru

Аннотация. В статье дана характеристика нормативной и правовой базы развития туризма на пространстве государств-членов СНГ, описано современное состояние системы подготовки кадров для туристской сферы, предложены перспективные направления развития образовательных систем в туризме с акцентом на практическую и компетентностную подготовку, сформулированы предложения по использованию Национальных рамок квалификаций и профессиональных стандартов для гармоничного взаимодействия рынка труда и системы профессиональной подготовки.

Ключевые слова: сфера туризма; регулирование сферы туризма; подготовка кадров; образовательное пространство; государства-члены СНГ.

Введение. Туризм в настоящее время является одной из самых динамично развивающихся сфер мирового хозяйства. В то же время туризм имеет ярко выраженную географичность, привязку к отдельным территориям, притягивающим туристов в большей или меньшей степени. Наиболее привлекательные туристские дестинации концентрируются сегодня в таких странах, как Франция, США, Китай. Страны Содружества независимых государств (СНГ) не являются привлекательными ни для иностранных туристов (из стран дальнего зарубежья), ни для жителей постсоветского пространства. Однако, понимая, что данная сфера хозяйственной деятельности является сегодня фактором экономического роста страны, способствует появлению новых рабочих мест, стимулирует развитие смежных отраслей, что все вместе положительно сказывается на уровне жизни местного населения, правительства государств-членов СНГ уделяют серьезное внимание укреплению сотрудничества в сфере туризма между странами-участницами СНГ. Для подобного сотрудничества существуют и объективные исторические предпосылки, в частности, общий опыт социально-культурного развития в советский период, пока еще не утерянный окончательно. В этой связи важным является сохранение и развитие позитивного опыта, который может быть сохранен посредством сотрудничества в системе образования, подготовки профессиональных кадров для сферы туризма. Туризм и образование рассматриваются в неразрывной связи в контексте гуманитарного взаимодействия между странами. На основе анализа существующего положение в области подготовки кадров для сферы туризма на пространстве государств-членов СНГ мы хотели бы рассмотреть и предложить перспективные направления сотрудничества стран СНГ в этой области.

Гармонизация нормативных и правовых актов в сфере регулирования туризма в государствах-членах СНГ. Прежде всего, укажем, что Устав государств-членов Содружества независимых государств [12] определяет цели этого союза как осуществление тесного сотрудничества в политической, оборонной, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях, в том числе в сфере туризма и международных путешествий. Комиссия Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ по вопросам культуры, науки и образования еще в июле 1993 г. рассматривала туристскую сферу как ключевое направление для реализации конкретных мер по обеспечению свободного передвижения, общения и контактов граждан государств-членов СНГ. Кроме того, Соглашением о сотрудничестве в области образования государств-членов СНГ от 15.05.1992 г. [7] (ст. 2) были определены прямые партнерские связи в сфере как собственно образования, так и туризма, включая туристско-экскурсионную деятельность учащихся, студентов и педагогов, организацию совместного труда и отдыха. В условиях глобализации социально-экономической жизни общества туризм и образование становятся неразрывными компонентами, образовательная миграция

выступает необъемлемой частью туризма как непосредственно образовательного, так и культурного, духовного, делового, профессионального и других его видов.

В октябре 1994 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-членов СНГ был принят рекомендательный законодательный акт «Об основных принципах сотрудничества государств-участников СНГ в области туризма» [10], впервые определивший основополагающие принципы государственного регулирования отношений в сфере туризма, правовую основу туристской деятельности, достаточную для разработки соответствующих национальных законов во всех государствах-членах СНГ.

Бюро Межпарламентского комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Российской Федерации 01.11.1996 г. приняло Обращение к главам государств, парламентам, правительствам стран СНГ о развитии туристских связей. В нем содержалось предложение оказать государственную поддержку в разработке и осуществлении программы развития туристских связей между странами. Основными целями программы были заявлены создание в рамках СНГ высокоэффективного и конкурентоспособного туристского комплекса, обеспечивающего широкие возможности для удовлетворения потребностей граждан в разнообразных туристских услугах, а также формирование современной нормативно-правовой базы и основ системы межгосударственного, в рамках СНГ, регулирования туристской деятельности. В результате в 1996 г. была принята Межгосударственная целевая программа «Развитие туристских связей между государствами-участниками СНГ» [9].

В контексте нашей статьи необходимо указать, что в рамках этой программы были сформулированы и направления развития сотрудничества в сфере подготовки кадров для туризма на пространстве стран СНГ. Так, в разделе 5 «Кадровое обеспечение» были поставлены следующие задачи: разработать и создать единую систему непрерывного образования в сфере туризма с широким использованием учебных заведений всех стран СНГ; внедрить программы подготовки специалистов и персонала, занятого в сфере туризма; содействовать формированию единой для стран СНГ сети учебных заведений, специализирующихся в области подготовки туристских кадров. Тем самым развитие туризма неразрывно рассматривается в связи с необходимостью становления целостной и эффективной системы подготовки кадров для туристской индустрии.

Кроме того, Соглашением о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ от 28.11.2006 г. были развиты идеи и положения о том, что и туризм, и образование являются основами тесного социально-культурного и экономического сотрудничества. Так, в сфере образования указывается на необходимость применять меры по реализации совместных образовательных проектов, расширению контактов как между учащимися, так и преподавателями учреждений образования всех уровней; расширенять меры по взаимодействию в области профессиональной подготовки и переподготовки кадров, создавать совместные университеты, расширять сеть образовательных учреждений. В части же туризма в данном соглашении указывается, что стороны рассматривают туризм как один из основных факторов углубления дружественных отношений между народами, считают его условием наиболее полного знакомства граждан стран СНГ с национальными культурными, социальными, конфессиональными и поведенческими традициями и нормами. Указывается, что проведение совместной работы по повышению эффективности традиционных и открытию новых туристских маршрутов, расширению разнообразия видов туризма, включая образовательный, культурный, экологический и др. виды является перспективным направлением сотрудничества в гуманитарной сфере. В результате всех совместных действий по общему видению развития туристской сфере в 2006 г. был принят Модельный закон «О туристской деятельности» государств-участников СНГ, который обобщил отдельные подходы к регулированию туризма, ввел определение основных понятий и принципов организации туристской деятельности в государствах-членах СНГ [11]. Отметим, что действующие в настоящее время нормативные и законодательные акты требуют доработки в части учета современных социально-экономических реалий. Шаги по гармонизации законодательства в сфере туризма в странах СНГ сейчас предпринимаются и Межпарламентской ассамблеей СНГ, и другими заинтересованными участниками, в частности Комиссией по культуре, информации, туризму и спорту, Советом по туризму государств-участников СНГ. Так, Совет по туризму Содружества выступил с инициативой объявления 2014 г. Годом туризма в СНГ. Соответствующий проект документа подготовило Федеральное агентство по туризму Министерства культуры России [15].

Направления гармонизации образовательных систем. После распада СССР в новых независимых государствах началось формирование собственных систем образования, что привело к значительному их обособлению. Возникли трудности с эквивалентностью документов об образовании, академической мобильностью абитуриентов и студентов. Начало возврата к гармонизации образовательных систем стран СНГ в целом было положено в мае 1992 г., когда главы правительств десяти государств Содружества подписали Соглашение о сотрудничестве в области образования. Подписание в 1997 г. правительствами государств-участников СНГ Концепции формирования единого образовательного пространства СНГ и Соглашения о сотрудничестве по

формированию единого образовательного Пространства СНГ придало сотрудничеству в области образования новый импульс, определило конкретные направления, цели и задачи его развития.

В настоящее время правовую основу единого образовательного пространства государств-участников СНГ, помимо указанных документов, составляют Положение о Совете по сотрудничеству в области образования государств-участников Содружества независимых государств (1997 г.); Модельный закон «Об образовании» государств-участников СНГ (1999 г.); Модельный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании (2002 г.); Модельный закон СНГ «Об образовании взрослых» (2002 г.); двусторонние и многосторонние соглашения между государствами-участниками СНГ по вопросам образования, науки и культуры; Концепция модельного Образовательного кодекса для государств-участников СНГ и Модельный Образовательный кодекс для государств-участников СНГ. Однако и сегодня законодательство, регулирующее образовательное пространство СНГ, не имеет четких норм, учитывающих национальную самобытность систем образования [4].

Одним из направлений деятельности по формированию единого образовательного пространства (как указано на портале СНГ «Основные документы, направления сотрудничества, зона свободной торговли») стало придание учебным заведениям, институтам, научным центрам государств-участников Содружества независимых государств статуса базовых организаций. Такой статус придан 16 высшим учебным заведениям, в том числе 6 Республики Беларусь, 8 вузам и Институту образования взрослых Российской Федерации. Основная деятельность базовых организаций сосредоточена в сфере подготовки специалистов; разработке образовательных программ высшего и послевузовского профессионального образования; создании и реализации проектов, направленных на проведение междисциплинарных исследований; организации международных конференций и иных мероприятиях по формированию единого (общего) образовательного пространства.

Первым шагом по гармонизации образования в сфере подготовки кадров для индустрии туризма на пространстве государств СНГ стал принятый в 2006 г. модельный закон СНГ «О туристской деятельности», одна из глав которого посвящена профессиональной подготовке специалистов и научному обеспечению туризма. Следует отметить, что в соответствии с данным законом государства-участники СНГ должны осуществлять подготовку кадров для сферы туризма по единым методикам, программам и образовательным стандартам, и в связи с этим они взаимно признают дипломы, аттестаты, сертификаты и свидетельства аккредитации работников сферы туризма, выданные на основании прохождения обучения в средних и высших учебных заведениях, а также иных образовательных учреждениях государств Содружества, имеющих государственную аттестацию и аккредитацию в соответствии с действующим национальным законодательством.

Процесс гармонизации образовательных систем в сфере туризма на пространстве СНГ находится сегодня на начальной стадии и требует дополнительных усилий по его активизации. Из-за разнообразия образовательных программ, которые используются учебными заведениями стран СНГ на рынок труда приходят специалисты, имеющие различные профессиональные компетенции. Подобная разрозненность многократно повышается на межнациональном уровне, то есть в таких образовательных системах, как системы подготовки кадров на пространстве СНГ.

Укажем, что туристское образование в одних странах находится на этапе становления, в других – на стадии бурного развития и находится под влиянием процесса развития туризма в странах СНГ, а также под влиянием миграционных процессов, которые затрагивают в том числе, собственно образовательные системы стран, выходящих в Содружество.

Состояние туристского образования в государствах-членах СНГ. Россия в процессе формирования системы профессионального образования в сфере туризма занимает одну из ведущих позиций. И именно рынок России на пространстве СНГ является наиболее востребованным со стороны студентов из других стран (это студенты и стран СНГ, и стран дальнего зарубежья). В настоящее время рост численности иностранных студентов в России происходит преимущественно за счет граждан стран СНГ (Белоруссии, Казахстана, Туркмении, Таджикистана и Азербайджана) [1]. По оценкам экспертов, в СССР более 75% иностранных студентов были выходцами из стран Азии, Африки и Латинской Америки, 20% составляли студенты из стран Восточной Европы (стран Варшавского договора). В России в 2010 г. обучалось более 108 тыс. иностранных студентов в 757 вузах страны (70% от общего числа вузов). В основном это граждане государств-участников Содружества независимых государств (СНГ) – более 70 тыс. студентов или около 80% [1, с. 14].

В систему подготовки кадров для сферы туризма включены как учреждения высшего, так и среднего и начального профессионального образования. По данным Росстата в 2011 г. выпускников по специальности «туризм и гостеприимство» готовил 181 вуз, однако если брать данные экспертов, то таких вузов более 400. Где-то это группа студентов, где-то одна кафедра. В 2011 г. вузы выпустили 13 тыс. специалистов, в том числе 70% – с высшим образованием. Адекватной статистики о подготовке специалистов в системе среднего и начального образования, к сожалению, нет.

Укажем, что развитие системы профессионального образования для сферы туризма в России находится сегодня на стадии бурного роста, хотя этот рост сдерживается рядом проблем, характерных

для всей системы отечественного образования. По данным сайта www.SuperJob.ru, наибольшим спросом на рынке, запросы которого должна удовлетворять система образования, пользуются менеджеры по туризму. Вакансии в этой рубрике в основном нацелены на поиск специалистов для работы в сфере именно выездного туризма, что напрямую связано с развитием единого туристского пространства стран СНГ [12].

С другой стороны, для создания адекватной рынку труда системы подготовки кадров важно иметь достоверный прогноз в потребности подобных кадров. С сожалением укажем, что в России даже на федеральном уровне достоверного прогноза потребности в трудовых ресурсах для сферы туризма пока не сформировано, хотя есть отдельные подходы. Если отталкиваться от индикаторов ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», то прогнозируемый рост занятых в сфере туризма (причем, только работающих в коллективных средствах размещения и туристских фирмах) должен составить к 2018 г. почти полтора раза (см. табл. 1).

Табл. 1

Индикаторы ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)»

	Годы							
Наименование индикатора	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество лиц, работающих в коллективных средствах размещения, тыс. чел.	521	527	536	550	572	608	654	732
Количество лиц, работающих в туристских фирмах, тыс. чел.	41	42	43	44	46	50	54	62
Платные туристские услуги, оказанные населению, млрд. руб.	101	110	123	144	178	232	300	417
Платные услуги гостиниц и аналогичных средств размещения, млрд. руб.	126	136	153	177	217	281	361	500

Эти целевые значения хотя и могу рассматриваться как установки по развитию отрасли, однако не учитывают многих других видов деятельности и мест занятости, которые присущи туризму. Если исходить из того, что общий объем рынка труда, по демографическим прогнозам, практически останется на нынешнем уровне, то удельный вес занятости в туристской отрасли по этим прогнозам возрастет до 2,1%, что адекватно занятости в ней каждого 47-го работника. Даже такой оптимистический прогноз развития рынка труда в туристской отрасли не отвечает параметрам занятости в туризме в развитых странах, где в этой отрасли трудится каждый 10-й работник [13].

Несмотря на отсутствие прогноза на подготовку для сферы туризма, вузы России ведут подготовку на свое усмотрение и в основном специализируются на подготовке менеджеров по туризму. В список лидеров по выпуску менеджеров по туризму в России, согласно справочнику российских вузов, входят Российская международная академия туризма (26% от всех выпускников по данному направлению); Институт туризма и гостеприимства при МГУ сервиса (20%); Институт гостиничного бизнеса и туризма (Российский университет дружбы народов) (13%); МГУ им. М.В. Ломоносова (9%); остальные учебные заведения страны – 31%. В целом, по данным Министерства образования и науки РФ, в настоящее время в России 326 вузов готовят специалистов для сферы туризма.

Существующая образовательная сеть удовлетворяет потребности по варианту прогноза Федеральной программы развития туризма на 53%, а по варианту прогноза Национальной академии туризма – на 40%. Однако это не означает, что данная потребность будет удовлетворена только выпуском специалистов действующей образовательной сети. Частично данная потребность будет удовлетворяться притоком специалистов со свободного отечественного (и отчасти зарубежного) рынка труда, в том числе из стран СНГ. Тем самым актуализируется необходимость формирования сопоставимой образовательной системы для подготовки специалистов сферы гостеприимства в странах СНГ. Здесь немаловажную методическую роль может сыграть национальная рамка квалификаций (НРК) [3] как инструмент согласования запросов работодателей и возможностей учреждений профессионального образования.

Вопросами формирования НРК в РФ занимается ряд государственных и общественных организаций, в том числе Общероссийское объединение работодателей «Российский союз промышленников и предпринимателей» (ООР РСПП), Общероссийская общественная организация «Российский союз промышленников и предпринимателей» (ООО РСПП) и ряд других заинтересованных участников. К началу 2011 г. в стране уже было разработано около 70 профессиональных стандартов, одобренных Российским союзом промышленников и предпринимателей, еще около ста нормативов профессиональных стандартов сейчас в разработке [2]. Укажем, что первые профессиональные стандарты были подготовлены именно для работников сферы туризма.

Развитие системы подготовки кадров для сферы туризма в Украине также имеет свои особенности. В настоящее время в подготовку кадров для сферы туризма в Украине включено более 50 профильных учебных заведений, причем это как государственные, так и частные учебные заведения. В их состав входят общеобразовательные и специализированные школы, профильные лицеи и гимназии, обеспечивающие начальную подготовку; колледжи (среднее профессиональное образование), институты, университеты, академии (высшее профессиональное образование), то есть система подготовки кадров для сферы туризма в Украине может быть охарактеризована как непрерывная в соответствии с современными концепциями подготовки кадров на протяжении всей жизни (Lifelong Learning – LLL). В 1997 г. в Украине была создана Ассоциация учебных заведений туристского и гостиничного профиля, в состав участников этой Ассоциации сегодня входят 4 университета, 8 институтов, 2 академии, 12 техникумов, колледжей и училищ.

Следует отметить, что, помимо России, и другие страны СНГ уже присоединились к процессу формирования НРК. Например, в Украине Сообщество кадровиков и специалистов по управлению персоналом активно ведет работу по формированию национальной рамки квалификаций, понимая, что без усиления внимания к этому вопросу может произойти падение качества подготовки кадров. Сегодня в стране ведется разработка «модели» специалиста для сферы туризма, базироваться данная модель будет именно на философии НРК, что позволит максимально гармонизировать запросы рынка труда и возможности национальной системы подготовки туристских кадров в Украине.

Подготовкой кадров для сферы туризма в Кыргызской Республике (КР) в настоящее время занимаются 18 высших и 2 средних учебных заведений, что на первый взгляд может показаться достаточным. Однако, как указывается в Стратегии развития туризма в Кыргызской Республике на период до 2015 года, до сих пор не достигнуто гармоничного соотношения между запросами отрасли в специалистах и возможностями образовательных учреждений по подготовке соответствующих кадров. При этом недостаточным является практическая нацеленность подготовки специалистов, основной упор делается именно на академичность профессионального образования, особенно высшего. Ощущается явная нехватка подготовленных специалистов для гостиниц, ресторанов, сферы обслуживания в системе средних специальных учебных заведений. В целом система подготовки кадров Кыргызской Республики еще не в полной мере как по количественным, так и по качественным показателям соответствует запросам рынка труда в сфере туризма. Нехватка квалифицированных кадров в туристской индустрии Кыргызской Республики не всегда может быть компенсирована выпускниками высших профессиональных учебных заведений из-за малой ориентированности такой подготовки на формирование необходимых практических навыков и компетенций в соответствующих видах деятельности.

Причем эти проблемы касаются не только специалистов индустрии гостеприимства, но и специалистов иных отраслей, работники которых включены в обслуживание туристов. Новые образовательные стандарты в КР разрабатываются Ассоциацией «Союз образовательных учреждений», этот стандарт рассчитан как раз на подготовку работников туристского бизнеса. Следует указать, что до сих пор в Кыргызской Республике не разработан и не используется образовательный стандарт по направлению подготовки «Гостиничный бизнес», что особенно огорчает в условиях высокого спроса на рынке труда республики на этих специалистов. В качестве перспективного направления решения подобных проблем сегодня в КР, как и в других странах, может стать Национальная рамка квалификаций в туризме, проект НРК был уже представлен в Торгово-промышленной палате Кыргызской Республики Ассоциацией «Союз образовательных учреждений» в 2012 г. Руководство Кыргызской Республики вполне осознанно относится к формированию единого видения квалификаций работников на рынке труда, что позволит уже сегодня ввести в Кыргызской Республике единую систему оценивания квалификаций и независимой сертификации [8]. Такая позиция в отношении образования в сфере туризма особенно приятна в виду того, что Кыргызская Республика по доле экспорта услуг в статье «поездки» в экспорте товаров и услуг входит в группу стран СНГ с достаточно высокими показателями – 18% [16]. Нацеленность на повышение эффективности подготовки кадров для сферы туризма в стране, таким образом, вполне оправдана.

В Республике Беларусь (РБ) подготовка кадров ведется, как и в других странах, в специализированных образовательных учреждениях. Подготовка кадров в сфере туризма и гостеприимства осуществляется в 20 вузах, 8 ссузах, 120 ПТУ. Переподготовка и повышение квалификации для индустрии гостеприимства осуществляется в 6 вузах страны [5]. По данным

Национального статистического комитета РБ, в 2011–2012 учебном году на туристских специальностях вузов проходили обучение 9,2 тыс. студента, на первый курс были зачислены 2,1 тыс. студента, выпущен – 1051 специалист в области туризма. При этом, согласно Государственной программе развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 гг., планируется обеспечить ежегодный выпуск специалистов в сфере туризма не менее 3,2 тыс. чел. [12]. Тем временем в компаниях, занимающихся туристской деятельностью в Беларуси в настоящее время работают 3,4 тыс. специалистов [14]. Здесь встает вопрос о гармонизации запросов рынка труда и возможностей системы профессионального образования, который, впрочем, стоит и перед образовательными системами других стран СНГ. С 2010 г. Министерство труда и социальной защиты и Министерство образования БР осуществляют разработку Национальной рамки квалификаций. Однако в отличие от России, Украины, Кыргызской Республики, а также Казахстана работы в этом направлении находятся на самом начальном этапе и специфика туристской сферы еще не находится в центре внимания при формировании НРК Беларуси.

Система подготовки кадров для сферы туризма в Казахстане также испытывает определенные трудности, как и в других странах СНГ. В 2012 г. в Казахстане было 28 вузов, которые вели подготовку главным образом менеджеров для сферы туризма. Подготовка кадров для этой сферы была начата в 1990-е гг., однако до сих пор в стране ощущается серьезная потребность в кадрах для индустрии туризма. Одна из главных причин такого положения – отсутствие у преподавательского состава опыта работы в туристской индустрии, в результате чего выпускники зачастую не могут в должной степени выполнять востребованные на рынке труда функции. В то же время следует указать, что в стране весьма ответственно и заинтересованно относятся к формированию единых подходов к качеству подготовки кадров. Так, 24 ноября 2012 г. совместным приказом министра образования и науки Республики Казахстан и министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан утверждена Национальная рамка квалификаций.

В Узбекистане вопрос обеспечения индустрии туризма высококвалифицированными кадрами является одним из наиболее актуальных на современном этапе развития национального туризма. В целях подготовки специалистов для туристской отрасли в соответствии с государственной Программой развития туризма в Узбекистане, а также для переподготовки и повышения квалификации участников туристского рынка и содействия развитию отраслевой науки, интеграции профобразования в практическую деятельность организаций и предприятий туристской сферы был создан и успешно осуществляет свою деятельность на протяжении 11 лет Республиканский научно-консалтинговый центр (РНУКЦ) НК «Узбектуризм». В то же время эксперты указывают, что, несмотря на достаточное количество учебных заведений в сфере туризма, практика показывает, что необходимо повысить в них уровень подготовки, особенно обучения иностранным языкам. Дальнейшее развитие подготовки кадров высшего уровня для данной сферы даст возможность улучшить кадровое обеспечение отрасли, поднять индустрию туризма страны до уровня мировых стандартов.

В таких странах, как Армения и Молдова, официально утверждена Национальная рамка квалификаций высшего образования и начато ее внедрение. По оценкам экспертов Европейской программы Tempus в таких странах, как Азербайджан, Беларусь, Россия, Украина и Узбекистан, реализуется процесс утверждения Национальных рамок квалификаций высшего образования и начато их внедрение. Эти данные расходятся с рядом сообщений СМИ о реализации процесса подготовки НРК в странах СНГ, однако общий тренд понятен – все государства сегодня уже осознали важность использования данных инструментов для совершенствования систем образования.

Помимо разработки НРК в Азербайджанской Республике, подготовлена и реализуется Государственная программа развития туризма в 2010–2014 гг. В целях повышения профессиональной подготовки лиц, работающих в сфере туризма, в 2006 г. был создан Институт туризма, при нем открыты постоянно действующие курсы по различным профессиям, в то же время при поддержке Международной организации туризма осуществляются различные образовательные программы.

Если судить по исследованию системы профессионального образования в Туркменистане, которое было проведено в 2012 г. Европейским фондом образования, то вопросы подготовки кадров для сферы туризма в стране пока не являются первостепенными. В определенном смысле это закономерно, поскольку, как было указано выше, участие Туркменистана в экспорте туристских услуг очень незначительно. В стране пока не сложилась ни система подготовки кадров для туризма (приоритеты отдаются, прежде всего, подготовке специалистов для промышленности и для системы просвещения), ни сформировался спрос рынка труда: со стороны работодателей не выявляются потребности в туристские кадрах.

Представленный анализ современного состояния системы подготовки кадров для сферы туризма на пространстве СНГ показывает, что в настоящее время эта система требует дальнейшего развития и совершенствования, гармонизации всех ее элементов с учетом требований рынка труда в сфере туризма, а также накопленного опыта.

Перспективные направления развития системы подготовки кадров для сферы туристских услуг на пространстве СНГ. С нашей точки зрения разработка рекомендаций по

развитию систем подготовки профессиональных кадров для сферы туризма в странах СНГ предусматривает создание условий для формирования специалистов, способных работать на туристском рынке в любой из стран СНГ. Для этого необходимо создать условия и реализовать ряд мероприятий по гармонизации систем подготовки специалистов как в разрезе отдельных стран СНГ, так и в части соответствия подготовки кадров запросам национальных рынков труда и общего туристского рынка труда Содружества.

Особое внимание следует уделить совершенствованию и унификации систем подготовки кадров для индустрии туризма во всех странах СНГ. При этом необходимо стремиться к максимальной унификации и гармонизации систем подготовки кадров как фактора повышения качества туристских услуг на всем пространстве стран СНГ. Унификация и совершенствование систем подготовки кадров для индустрии туризма позволит обеспечить ряд конкурентных преимуществ перед другими мировыми туристскими рынками. Требуется гармонизация и совершенствование нормативного и правового регулирования стран СНГ в области профессионального образования с целью развития национальных образовательных систем в части подготовки кадров для сферы туризма. Для унификации и стандартизации образования в сфере туризма на всем пространстве стран СНГ необходимо создание единых государственных образовательных стандартов по туристским специальностям и направлениям подготовки среднего и высшего профессионального образования, разработанных на основе профессиональных стандартов различных квалификационных категорий.

Необходима корректировка образовательных стандартов и повышение уровня профессиональной подготовки и переподготовки кадров туристской отрасли в соответствии с требованиями работодателей на территории стран СНГ. В этой связи необходим пересмотр существующих и создание новых образовательных стандартов, отвечающих потребностям отрасли и значительно расширяющих объем специализированных дисциплин и практических занятий. Образовательные программы должны быть согласованы между собой в каждой из стран СНГ с учетом национальных особенностей, но с унифицированными для единого пространства требованиями. Развитие и гармонизация систем образования должна происходить с учетом необходимости внедрения практикоориентированных и компетентностных форм подготовки специалистов для сферы туризма стран СНГ.

Особое внимание требуется уделить усилению практической направленности подготовки в сфере туризма, сделать образовательный процесс подготовки специалистов туристской индустрии более практикоориентированным и направленным на формирование у студентов не только обширных знаний, но и компетенций за счет равного использования учебного времени на изучение теоретических дисциплин и практической деятельности, а также ввести обязательную ежегодную летнюю ознакомительную, учебную, производственную и преддипломную практики продолжительностью в 6 недель, начиная с первого курса обучения в образовательном учреждении. Необходимо разработать и внедрить унифицированный статистический учет в области профессионального образования по направлениям индустрии туризма на всем пространстве стран СНГ.

Важно интенсифицировать процесс разработки, принятия и внедрения Национальной рамки квалификаций в странах СНГ, активизировать подготовку профессиональных стандартов для сферы туризма во всех странах СНГ, использовать профессиональные стандарты как базу для разработки национальных образовательных стандартов подготовки кадров для сферы туризма.

Целесообразно стимулировать создание Ассоциации образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования государств-участников СНГ, ведущих подготовку специалистов для индустрии туризма, с целью объединения усилий и обмена опытом в совершенствовании и развитии туристского образования на всем пространстве СНГ. Следует расширить спектр подготовки специалистов в Университете СНГ путем введения программ подготовки кадров для туристской сферы.

Необходимо активизировать процесс гармонизации образовательных систем в рамках Болонского процесса, придать юридическую силу документам об образовании, выданным в одном из государств – участников СНГ, в других государствах – участниках СНГ.

С целью обеспечения одинаково высокого уровня качества подготовки специалистов для индустрии туризма и распространения лучших образовательных практик целесообразно создать на территории стран СНГ сетевые учреждения высшего профессионального образования на базе распределенных университетов, в качестве базовых могут быть использованы ведущие университеты стран Содружества. Для определения наиболее успешных университетов в области подготовки кадров для туризма необходимо создать систему проведения ежегодного рейтинга образовательных учреждений стран СНГ, ведущих подготовку специалистов различного уровня для индустрии туризма.

Заключение. Приведенный краткий анализ систем подготовки кадров для сферы туризма в странах СНГ позволяет сделать ряд заключений. Прежде всего, необходимо указать, что при формировании единого конкурентоспособного туристского рынка на территории стран СНГ особое внимание следует уделить совершенствованию и унификации систем подготовки кадров для

индустрии туризма на всем пространстве Содружества, поскольку проблемы, с которыми сталкиваются национальные образовательные системы, хотя и имеют некоторые отличительные черты, но в целом определяются отсутствием скоординированных действий учреждений образования и соответствующих сегментов рынка труда, необходимостью повышения уровня практикоориентированности образовательного процесса, актуальностью дифференциации подготовки кадров с учетом уровней квалификации специалистов, востребованных рынком труда, что институционально должно быть реализовано через непрерывное образование в учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования, а также важностью формирования образовательных стандартов на базе профессиональных стандартов, являющихся неотъемлемым элементом Национальных рамок квалификаций. При этом необходимо стремиться к максимальной унификации и гармонизации систем подготовки кадров как фактора повышения качества туристских услуг на всем пространстве стран СНГ. Подобная унификация и совершенствование систем подготовки кадров для индустрии туризма позволит обеспечить ряд конкурентных преимуществ перед другими мировыми туристскими рынками.

Примечания:

1. Арефьев А.Л. Состояние и перспективы экспорта российского образования. М.: РУДН, 2010.

2. В России должна появиться единая система профессиональных стандартов по подготовке будущих специалистов. Официальный сайт телевизионного канала «Вести». URL: http://www.vesti.ru

3. Васина Е.В., Карпова Г.А. Национальная рамка квалификаций как механизм формирования сбалансированных отношений системы образования и рынка труда // Вестник Российской академии естественных наук. 2010. № 3 (14). С. 17-21.

4. Гринберг Р.С. Гуманитарные и экономические аспекты взаимодействия стран СНГ: миграция, образование, права человека // Экономическое возрождение России. 2006. № 3. С. 7-16.

5. Кармазин В.П. Кадровое, научное и учебно-методическое обеспечение в сфере туризма. Подпрограмма Государственной программы развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 годы. URL: http://tempus.bseu.by/files/05_Karmazin__05_2012.pdf

6. Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент международного сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России. М., 2009. URL: http://old.mon.gov.ru/files /materials /6668/ms-obraz.pdf

7. Официальный сайт исполнительного комитета Содружества независимых государств. URL: http://www.cis.minsk.by/page.php?id=180

8. Официальный сайт Министерства экономики Кыргызской Республики. URL: http://www.mineconom.kg/index.php?

9. Портал Электронного фонда правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/901813700

10. Постановление «О рекомендательном законодательном акте «Об основных принципах сотрудничества государств-участников СНГ в области туризма» // Межпарламентская Ассамблея государств участников Содружества Независимых Государств. 1994. URL: http://www.iacis.ru/activities/documents/modelnye_kodeksy_i_zakony

11. Модельный закон «О туристской деятельности» государств-участников СНГ. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-членов СНГ. № 27-15 от 16.11.2006 г.) URL: http://www.lawrussia.ru/bigtexts/law_3212/index.htm

12. Семенова Л.В. Профессии сферы туризма и гостеприимства. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.

13. Стрижкова Т.В. Разработка плана развития трудовых ресурсов в индустрии туризма // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 184-190.

14. Туризм и отдых в Беларуси. 30.07.2012. URL: http://www.tio.by/news/14341

15. Эксперты СНГ обсудят в Минске развитие интеграционных процессов в области туризма. URL: http://www.belta.by/ru/all_news/society

16. Unated nations conference on trade and development. URL: http://unctadstat.unctad.org /TableViewer/tableView.aspx

UDC 338.48

New Prospects of Personnel Training for Travel Industry across Commonwealth of Independent States

[1] Galina A. Karpova
[2] Lubov V. Khoreva
[3] Nina A. Sorokina

[1] Saint Petersburg State University of Economics, Russia
21 Sadovaya Str., St. Petersburg 191023, Russia
Doctor of Economics, Professor
E-mail: karpovaGA@rambler.ru
[2]Saint Petersburg State University of Economics, Russia
21 Sadovaya Str., St. Petersburg 191023, Russia
Doctor of Economics, Professor
E-mail: luhor@inbox.ru
[3] Saint Petersburg State University of Economics, Russia
21 Sadovaya Str., St. Petersburg 191023, Russia
Graduate
E-mail: eddeco@mail.ru

Abstract. The paper characterizes regulatory and legal basis of tourism development across CIS, describes the modern state of the system of personnel training for travel industry, offers prospective lines of tourism educational systems development with the focus on practical and competence training, states offers on the use of National qualifications framework and professional standards for balanced interaction of labor market and the system of professional training.

Keywords: travel industry; travel industry regulation; personnel training; educational environment; CIS member countries.

УДК 37.014

Инновационный подход к созданию и развитию института волонтерства на основе характеристик социально-экономического и культурно-образовательного пространства современной России

[1] Марина Александровна Мазниченко
[2] Ирина Николаевна Макарова
[3] Надежда Мансумовна Григоращенко-Алиева

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: maznichenkoma@mail.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат психологических наук, доцент
E-mail: in-makarova@yandex.ru
[3] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат социологических наук
E-mail: liebe.05@mail.ru

Аннотация: В статье представлен анализ имеющихся научно-методических подходов к развитию института волонтерства, раскрыты их положительные стороны и недостатки. Обоснована актуальность инновационного подхода к развитию института волонтерства в РФ, позволяющего учитывать конкретные социально-экономические условия России. Представлено авторское понимание феноменов социально-экономического и культурно-образовательного пространства. Выделены характеристики данных пространств для современной России, которые необходимо учитывать при проектировании института волонтерства. Раскрыты базовые положения инновационного подхода к проектированию института волонтерства на основе характеристик культурно-образовательного и социально-экономического пространства.

Ключевые слова: институт волонтерства; проектирование и развитие института волонтерства; социально-экономическое пространство; культурно-образовательное пространство; характеристики социально-экономического и культурно-образовательного пространства; научно-методические подходы к проектированию и развитию института волонтерства.

Введение. На сегодняшний день в развитых зарубежных странах волонтерство функционирует как мощный социальный институт, эффективно выполняющий задачи развития гражданского общества, решения острых социальных проблем, развития и поддержания культуры и традиций волонтерства. В России волонтерское движение пока еще находится в стадии становления и не приобрело институциональный статус. В то же время волонтерство в РФ может функционировать как самостоятельный социальный институт со своими, отличными от других социальных институтов целями и функциями. Специфика российского общества и экономики не позволяет осуществить «слепое копирование» даже очень эффективных зарубежных научно-методических подходов к созданию и развитию института волонтерства. Необходима разработка инновационного подхода, учитывающего наличную социально-экономическую ситуацию и особенности российской ментальности. В качестве такого подхода мы предлагаем использовать подход к проектированию института волонтерства на основе характеристик культурно-образовательного и социально-экономического пространства.

Материалы и методы. При написании данной статьи мы опирались на представленные в научной литературе научно-методические подходы к изучению и развитию института волонтерства: исторический, организационный, экономико-теоретический (А.М. Зинатуллин, Л.А. Карасева [1]), социально-технологический (А.В. Стагнеева [2]), системный (Г.П. Бодренкова), проблемно-ориентированный, ценностно-ориентированный (Т.В. Турчанинова [3] и др.); на теории социально-экономического (О.А. Бияков [4], В.В. Чекмарев [5] и др.) и культурно-образовательного (Е.В. Бондаревская [6], Ю.С. Тюнников [7] и др.) пространства. Логика исследовательского поиска строилась от анализа социально-экономического и культурно-образовательного пространства РФ, разложения их на составляющие к синтезу тех характеристик данных пространств, которые оказывают непосредственное или опосредованное влияние на функционирование и развитие института волонтерства.

Обсуждение проблемы. Институт волонтерства можно рассматривать в контексте двух основных пространств: *социально-экономического пространства* как пространственной

совокупности субъектов (физических и юридических лиц), социальных и экономических связей, отношений между ними, которая создается и функционирует с целью развития определенного общества и его экономики, и *культурно-образовательного пространства* как пространственной совокупности субъектов (учреждений культуры и образования, граждан) и отношений между ними, возникающих с целью образования личности, успешного вхождения ее в социум и культуру.

Особенности инновационного подхода к проектированию института волонтерства на основе характеристик культурно-образовательного и социально-экономического пространства отражают следующие ***базовые положения:***

1. Институт волонтерства создается в определенном социуме (стране, регионе) и, соответственно, при его создании необходимо учитывать характеристики той социокультурной и экономической среды, в которой он создается.

2. Как правило, на момент зарождения и создания института волонтерства в обществе уже сформировались социальные институты (политики, образования, культуры, экономики, религии, семьи и т.д.). При проектировании волонтерства как самостоятельного социального института необходимо учитывать особенности сложившихся в конкретной стране/регионе социальных институтов, так, чтобы институт волонтерства органично вписался в систему данных институтов, не дублировал, а дополнял выполняемые ими функции.

3. Как правило, социальные институты формируют определенное пространство как систему объектов, субъектов и отношений, которое создается для решения задач данного социального института.

4. Институт волонтерства для достижения своих целей и выполнения соответствующих им функций также формирует собственное пространство. Так как институт волонтерства, как правило, выполняет в обществе две группы функций: социально-экономические (решение социальных и некоторых экономических проблем, удовлетворение общественных нужд, которые не может решить/удовлетворить государство, поддержание и развитие гражданского общества) и культурно-образовательную (нравственное развитие личности волонтера, его гражданской активности, формирование высокой культуры общественного труда и волонтерства, приобретение волонтером новых знаний, умений, опыта, создание условий для его личностной и профессиональной самореализации), то пространство института волонтерства по своему функциональному назначению тесно сопрягается, можно даже сказать, включено в состав социально-экономического и культурно-образовательного пространства общества. Поэтому создание и развитие института волонтерства необходимо проектировать с учетом характеристик данных пространств, отражающих их наличное и перспективное состояние, а пространство института волонтерства необходимо проектировать как органичную составляющую социально-экономического и культурно-образовательного пространств.

5. С учетом характеристик социально-экономического и культурно-образовательного пространства необходимо проектировать следующие составляющие института волонтерства: миссия, ценности; цели; функции, предусмотренные для достижения цели; субъекты (учреждения, задействованные в выполнении функций института); участники (граждане, волонтеры, задействованные в деятельности института); объекты института волонтерства; объекты воздействия института (граждане, кокторые потенциально могут быть вовлечены в волонтерскую деятельность); взаимодействие субъектов, объектов и участников института; нормативные роли и статусы, представленные в структуре института; основные виды (содержание) деятельности субъектов и участников института волонтерства; средства достижения целей.

6. Для эффективной поддержки и развития института волонтерства с учетом характеристик социально-экономического и культурно-образовательного пространства необходимо проектировать механизмы, средства, инструментарий управления функционированием и развитием института волонтерства, включая мониторинг результатов его функционирования; место, роль, взаимодействие института волонтерства с другими социальными институтами; пространство института волонтерства как органичную составляющую социально-экономического и культурно-образовательного пространства общества.

7. При проектировании процесса создания и развития института волонтерства продуктивно использовать сценарный подход, предусматривая несколько сценариев развития института волонтерства, его отдельных элементов в зависимости от возможных изменений культурно-образовательного и социально-экономического пространства.

8. Логика проектирования процесса создания и развития института волонтерства в предлагаемом подходе включает следующие шаги: (1) анализ наличного состояния социально-экономического и культурно-образовательного пространства страны/региона, в контексте которого будет создаваться и функционировать институт волонтерства; (2) выявление и описание характеристик и показателей социально-экономического пространства, могущих непосредственно или опосредованно влиять на развитие института волонтерства (включая экономические, социальные характеристики и характеристики, непосредственно отражающие наличный уровень развития волонтерства); (3) выявление и описание характеристик и показателей культурно-образовательного пространства, могущих непосредственно или опосредованно влиять на развитие института

волонтерства (включая культурные, образовательные характеристики и характеристики, непосредственно отражающие наличный уровень развития волонтерства); (4) проектирование структурных элементов института волонтерства с учетом выявленных наличных характеристик социально-экономического и культурно-образовательного пространства; (5) проектирование пространства института волонтерства как органичной составляющей социально-экономического и культурно-образовательного пространства РФ; (6) проектирование нескольких сценариев развития института волонтерства с учетом наличного состояния и возможных изменений социально-экономического и культурно-образовательного пространства; (7) определение основных критериев и показателей для оценки эффективности функционирования и развития института волонтерства и методики их оценки.

Выполненный анализ научной литературы позволил выделить характеристики социально-экономического и культурно-образовательного пространства России, которые оказывают непосредственное или опосредованное влияние на создание и развитие института волонтерства и должны быть учтены при его проектировании. В социально-экономическом пространстве среди таких характеристик выделены экономические, социальные характеристики и характеристики, непосредственно отражающие наличный уровень развития волонтерства. В культурно-образовательном пространстве мы сосредоточили внимание на культурных, образовательных характеристиках и характеристиках, непосредственно отражающих наличный уровень развития волонтерства. С учетом выделенных характеристик спроектированы элементы института волонтерства РФ.

Результаты. Выделены характеристики социально-экономического и культурно-образовательного пространства РФ, которые оказывают непосредственное или опосредованное влияние на функционирование и развитие института волонтерства. Сформулированы базовые положения инновационного подхода к созданию и развитию института волонтерства в РФ на основе характеристик социально-экономического и культурно-образовательного пространства.

Заключение. Считаем, что описанный в настоящей статье инновационный подход позволит создать в РФ эффективно действующий институт волонтерства и обеспечить его дальнейшее развитие.

Примечания:

1. Зинатулин А.М., Карасева Л.А. Экономико-теоретический подход к организации добровольческого движения [Электронный ресурс] // Экономический журнал. 2011. № 23. Режим доступа http://cyberleninka.ru

2. Стагнеева А.В. Развитие молодежного волонтерства: социально-технологический подход [Электронный ресурс] //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 2. Режим доступа http://www.online-science.ru

3. Турчанинова Т.В. Практика применения ценностно-ориентированного подхода к добровольчеству //Социальные технологии, исследования. 2010. № 4. С. 60-61.

4. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты: Моногр. [Электронный ресурс] Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2004 //Режим доступа http://vtit.kuzstu.ru

5. Чекмарев В.В. К теории экономического пространства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2001. № 3. С. 27.

6. Бондаревская А.И. Культурно-образовательное пространство вуза как среда профессионально-личностного саморазвития студентов: Моногр. Ростов-н/Д.: «Булат», 2010.

7. Тюнников Ю.С. Социокультурное и педагогическое проектирование: проблемы взаимодействия // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2000. № 1. С. 100-104.

UDC 37.014

Innovative Approach to Volunteering Institute Establishment and Development on the Basis of Characteristics of Social-Economic and Cultural-Educational Environment of Today's Russia

[1] Marina A. Maznichenko
[2] Irina N. Makarova
[3] Nadezhda M. Grigorashchenko-Alieva

[1] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region

PhD (Education), Assistant Professor
E-mail: maznichenkoma@mail.ru
[2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Psychology), Assistant Professor
E-mail: in-makarova@yandex.ru
[3] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Sociology)
E-mail: liebe.05@mail.ru

Abstract. The paper analyses the current scientific and methodological approaches to volunteering institute development, discloses their benefits and drawbacks. The relevance of innovative approach to volunteering institute development in the Russian Federation, enabling to consider specific social and economic conditions of Russia is justified. Authors' understanding of social-economic and cultural-educational environment is presented. Characteristics of these environments for modern Russia, which should be considered in the course of volunteering institute development, are detected. Basic foundations of innovative approach to volunteering institute development on the basis of social-economic and cultural-educational environment characteristics are disclosed.

Keywords: volunteering institute; volunteering institute establishment and development; social-economic environment; cultural-educational environment; social-economic and cultural-educational environment characteristics; scientific and methodological approaches to volunteering institute establishment and development.

UDC 33

Features of modern territory brand

[1] Julia Malova
[2] Evgeniya V. Vidishcheva

[1]Sochi State University, Russia
26a, Sovetskaya St., Sochi city, Krasnodar Krai, 354000,
Research Assistant
E-mail: malojuliashka@yandex.ru
[2]Sochi State University, Russia
26a, Sovetskaya St., Sochi city, Krasnodar Krai, 354000,
PhD (Economy), Associate Professor
E-mail: evqenia-vv@mail.ru

Abstract. Creation and maintaining of successful business requires the attraction of new customers. To do this more and more marketing managers use branding. It is particularly prevalent in the field of cities development, especially if unique events are held there. The city of Sochi is vivid example. The Olympic Games 2014 associatively are identified with our city. This is a great chance for the development of the city and attraction huge number of tourists.

Keywords: city-branding; world experience; Sochi; Olympic Games 2014; interest; implementation; legacy.

Introduction. Creation and maintaining of successful business requires the attraction of new customers. There are a lot of different methods and tricks, but all of them are based on psychological influence on customers. For this reason more and more marketing experts use branding. Brand is the name, term, design, symbol, or any other features that identifies one seller's product distinct from those of other sellers. Brand is more than advertising or marketing. This is all that comes to mind when you see the logo or hear the name of the product.

Materials and Methods. The methodological basis of this paper is dialectical method. Also used to the following general scientific methods of analysis, observation.

Discussion. What associations appear in our minds when we face the term “brand”?

May be famous names such as Coca-Cola, Mercedes-Benz, P&G or Apple? These are examples of the most successful creation and promotion of company’s brand. But not only the company but also the city can has its own brand.

Rome, Paris, Oxford, Los Angeles, Mecca, Jerusalem, Venice, Florence, Istanbul, Tokyo and many other cities have vivid brands. But these are not results of special brand-making activities. They have been naturally forming during the centuries. This process makes the very strong reputation of the city and don’t allows external factors to influence it.

Also brand could be created artificially. New York branding is one of the most representative examples. Brand creation process began in the 1980s with a small advertising campaign. Gradually it has turned into a serious strategy. In 1977 Milton Glaser the designer of Wells Rich Greene (BDDP) agency got the order from the Department of Commerce of the State of New York. He created a free city logo. Unexpectedly, this graphic sign became a symbol of the city. And we have to admit that this simple sign – the heart, surrounded by letters INY - indeed became successful, particularly associatively. (Figure 1)

Fig. 1. Logo of the City of New York.

Fig. 2. Logo of Amsterdam.

Amsterdam picked up the New York's idea and created the similar combination "I AmSterdam". You can find this sign on T-shorts, caps and many other souvenirs. It is created even in the sculptures. (Figure 2)

Hong Kong is one of the main economic centers of Asia. Its logo is Dragon. It was really expectable, because everyone has ideas about the country or the city. This is the same like to make a "brown bear" the logo of Russia. Designers just refined and improved the idea. Hong Kong's logo emphasize its cultural heritage and its aspiration for the future. (Fig. 3).

Fig. 3. Logo of Hong Kong.

Fig. 4. Logo of Copenhagen.

Copenhagen is open for everything and everybody. That is why the button "Open" is the part of word "Copenhagen" in logo, just like "I am" in Amsterdam's logo. It must attract more tourists, business and implementations in the city. (Fig. 4)

Vancouver and London. If the city wins the right to host the Olympic Games, we can confidently say that for a few years before and after the major world sporting event Olympic Committee is engaged in city branding. (Fig. 5)

Fig. 5. City of Vancouver Olympic logo.

Fig. 6. Olympic logo of London.

In 2007 the organizing committee of the Olympic Games 2012 presented "brand manifesto" of all the Olympic Games in general, and its graphic design in particular. The logo was designed by the Wolff Olins company. Creation works took a year and cost 800,000 dollars. In just 3 days the media world was filled with public outrage. Presented logo was mostly disliked. In two days was collected about 50,000 signatures on a protest against the logo. The Organizing Committee of the 2012 Olympics had to remove the clip with animations from the web-site because bright colored flashes had caused the ten epileptic seizures.

Such negative events produced the positive effect. It captured the attention of public to London. In addition, there were also a lot of advocates of the new logo. (Fig. 6). [3.]

The examples show the importance of psychological perception of the city brand. It includes visual effects, catchy symbols, associativity, formation of a unique positive image. Potential tourists get acquaintance with the city by means of these components. Created image should match with reality. Sometimes it becomes a complex task for the development and reorganization of the entire infrastructure.

The whole complex of brand creation processes could be witnessed here in Sochi. After recognizing the capital of Winter Olympic Games 2014 the city began to form its own unique brand. (Fig. 7). Measures for inner reorganization and mass popularization of the city are implemented simultaneously.

Fig. 7. Olympic logo Sochi.

Sochi is an illustration of the transformation from the city-resort into the center of business processes. It attracts not only Russian but also international investors. Olympic Games 2014 has really become the brand of Sochi. Olympics are a major world sporting event. Audience of the Games is more than 4.5 billion people all over the world. Companies become partners of event in order to raise awareness of their brand and get an emotional connection with consumers. It is an opportunity to expand their presence in the region not only during the Olympic Games but also in the future. The chance to be associated with the five Olympic rings gives tremendous possibilities for business development.

The Organizing Committee of the Games in Sochi has consistently emphasized the importance of partner support and an incredible amount of raised funds. In addition to the 10 worldwide Olympic partners (some of them work with the IOC for decades. For example, the Coca-Cola Company has sponsored the Olympics for the first time in 1932 in Los Angeles) the Organizing Committee of the Sochi Olympics signed partnership agreements with 14 companies. 8 of them have become partners, 2 - national partners and 4 - suppliers. At the same time 5 of 8 national partners are Russian state companies ("Aeroflot", "Russian Railways", "Rosneft", "Rostelecom", "Sberbank of Russia"). So this partnership is one of the channels of state financing of Games.

Worldwide Olympic Partners: Coca-Cola, Atos SA, Dow Chemical, General Electric, McDonald's, Omega, Panasonic, Procter & Gamble, Samsung, VISA

National partners: Aeroflot, Bosco, Megafon, Russian Railways, Rosneft, Rostelecom, Sberbank of Russia, Volkswagen Group Rus

Partners: Ingosstrah, PricewaterhouseCoopers

Official suppliers: Education First, publishing house "Kommersant", Baltika, Avaya [2].

Head of the Organizing Committee "Sochi-2014", said: "The majority of funds are received from proper capitalization of temporary usage of the Olympic symbols. Partners of the Games sign contracts and pay for their association with the International Olympic Committee project. The total budget of the organizing committee is about $ 2 billion. 80 % earned by the sale of tickets, goods with Olympic symbols, licensing and other business activities. Also 20 % is a state subsidy. [5]. The Sochi Games are already the most successful in the history of the Winter Olympics in terms of marketing. Moreover it has a chance to get ahead of the Beijing Games collected the $ 1.2 billion [4].

City branding creates image of the city in people minds. They acquire curtain ideas about inner processes. It is a conscious pressure on public opinion. Olympic Games like all large-scale events have many both supporters and opponents. Marketing experts create an ideal reputation of the event and the city as a whole to mitigate the possible negative perception of processes. Special section "About the Brand" at the official website "Sochi 2014" became a vivid illustration to the aforesaid.

The across country advertisement invites volunteers to prepare\ and host the Olympic Games. 25 000 people must be involved. All aware that work of volunteers is not paid. So this essential component of the Games is a huge saving on salaries of employees. This is a very profitable part for Organizers. To date 75 000 potential volunteers' applications are accepted from all over the country. This is a confirmation of the marketing strategy success which is also a part of the city's brand.

Due to advertisement the city has got the title of the only year-round resort in Russia. Sochi offers a beach vacations in the summer and the international level ski resorts in the winter. This marketing trick is provided by specific climatic areas. However, the tourists flow greatly affected by the Olympic construction works. The city is full of inconveniences such as construction equipment, fences, dust and noise. Sochi ceased to be a quiet resort with a unique environment like it was during the Soviet period. Also about 30 accommodation facilities are closed for reconstruction. Moreover, the price level remains the highest in the Black Sea Coast.

Contrary to predictions of Tourism Administration of Sochi, the number of tourists in the city is not growing. But also it does not decrease: every year it receives the same number of guests. 2.5 million visitors came to Sochi during the three summer months of 2012. It corresponds to data of the previous year. Most tourists come to see the "famous Sochi with grandiose Olympic venues on the subtropical Black Sea coast." But even so, tour operators don't give the name of tourists to all coming guests. According to them, the majority are the builders of Olympic facilities.

According to statistics 9 % of Russians have been going to rest at the resorts of Krasnodar Territory, but in reality there is 8 % those who did it. Considering the population of the country 1 % is 1,5 million people who have changed decision about vacation spot. [6].

Such a trend was quite predictable. The quality of the rest could not avoid the deleterious influence of large-scale reorganization of the city. But these are temporary inconveniences. It is expected the huge flow of tourists when the renewed infrastructure starts work. There will be offered different types of recreation: beach vacations, sports and eco-tourism.

Conclusion. After the end of great events the city could become uninteresting for tourists. However, Sochi will not suffer so sad fate. The global events are scheduled for years to come. For example, the World Cup 2018, the Stage of Formula-1 and many other important events will be hosted. The required conditions have already created. Now it is necessary to qualitatively realize everything that is conceived. It will be a great impetus for the further development of the entire city.

In 2002 Simon Anholt firstly used the term "territory branding." Anholt has become one of the gurus in the field of branding, the developer of a new approach to branding. According to the theory of Anholt, there are six elements of a modern brand territory: tourism, export brands, politics, business and investment, culture and people. [3.] The theory was implemented into practice in Sochi. Residents of the city should love and develop the place where they live.

References:

1. Branding the city - Vizgalov D. Branding city. - Moscow: Foundation "Institute for Urban Economics", 2011. 160.

2. 2014 Winter Olympics. The free encyclopedia Wikipedia. Retrieved 24.02.2013

3. How they brand cities. (13.12.2011) adme.ru. Retrieved 24.02.2013 http://www.adme.ru/brending/kak-brendiruyut-goroda-69951/

4. The Olympics in Sochi - the most successful in terms of marketing the Winter Games (24.03.2011 11:41) "Times". Retrieved 13.02.2013. http://www.gazeta.ru/news/sport/2011/03/24/n_1761185.shtml

5. Organizing Committee "Sochi-2014" hopes to profit from the Olympics. (07.02.2013, 06:41) Retrieved 13.02.2013 http :/ / vz.ru/news/2013/2/7/619255.html

6. Gift of the Sochi Olympics could bring $ 500 million. (24.03., 2011, 14:33). Maks-portal. Retrieved 12.02.2013. http://maks-portal.ru/2014/zametka/suveniry-olimpiady-v-sochi-mogut-prinesti-500-millionov-dollarov

7. The number of tourists in Sochi remains at the same level (02.10.2012, 14:27). Travel.ru. Retrieved 10.02.2013. http://www.travel.ru/news/2012/10/02/206471.html

8. David F. D'Alessandro, general manager of John Hancock, from the book «Brand Warfare: 10 Rules for Building the Killer Brand»

УДК 33

Особенности современного бренда территории

[1] Юлия Малова
[2] Евгения Владимировна Видищева

[1]Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Лаборант-исследователь
E-mail: malojuliashka@yandex.ru
[2]Сочинский государственный университет, Россия
354000, Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат экономических наук, доцент
E-mail: evgenia-vv@mail.ru

Аннотация. Для организации и успешной работы любого бизнеса необходимо привлечение клиентов. Для этих целей все чаще как основной маркетинговый ход используется брендинг. Особое распространение это явление получило в сфере развития городов, особенно, если дополнительное внимание приковывается к происходящим в нем уникальным событиям. Сочи – яркая тому иллюстрация. Олимпийские игры 2014 уже на ассоциативном уровне идентифицируются с нашим городом. Это отличный шанс для развития и привлечения колоссального потока туристов.

Ключевые слова: бренд города; мировой опыт; Сочи; Олимпийские игры 2014; инвестиции; внедрение; наследие.

УДК 33

Перспективы развития спортивного событийного туризма в Сочи в постолимпийский период

[1] Артем Эдуардович Маюрников
[2] Диана Владимировна Сагрян
[3] Надежда Константиновна Сердюкова

[1] Сочинский государственный университет, Россия
Лаборант-исследователь
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
artemmaurnikov@gmail.com
[2] Сочинский государственный университет, Россия
Лаборант-исследователь
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
[3] Сочинский государственный университет, Россия
Кандидат экономических наук, доцент
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
E-mail: nserdyukova@sutr.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию спортивного событийного туризма в Сочи, который является одним из наиболее перспективных направлений на туристическом рынке Сочи после Олимпиады. Авторы исследовали спортивные мероприятия, их специфику как туристского продукта и его влияние на развитие туристического рынка Сочи.

Ключевые слова: турпродукт; спортивный событийный туризм; формирование турпродукта.

Введение. Событийный туризм – направление сравнительно молодое и чрезвычайно интересное, основная цель поездки приурочена к какому-либо событию. Уникальные туры, сочетающие в себе традиционный отдых и участие в самых зрелищных мероприятиях планеты, постепенно завоевывают все большую популярность. Главная особенность событийного туризма – множество ярких неповторимых моментов. Это перспективный и динамично развивающийся вид туризма [1].

Целевая аудитория событийного туризма – это обеспеченные туристы с доходом выше среднего, а также компании, состоящие из нескольких пар.

Методы и методология. Методологической основой данной работы является диалектический метод. Также использовались следующие общенаучные методы: анализ, наблюдение.

Обсуждение. Сочи, являясь столицей предстоящих зимних Олимпийских игр, на наших глазах становится обладателем мощной современной инфраструктуры, позволяющей принимать спортивные мероприятия любого масштаба. Не случайно Сочи был включен FIFA в список городов России, которые примут матчи Чемпионата мира по футболу в 2018 году.

Все эти спортивные мега-события и созданные спортивные объекты позволяют прогнозировать развитие Сочи как центра мирового спортивного событийного туризма. По данным опроса экспертов из числа руководителей туристско-рекреационных предприятий Сочи, проведенного учеными СГУ в 2012 году, развитие Сочи как тренировочной базы и центра спортивного событийного туризма признано перспективным направлением развития Сочи в постолимпийский период, приоритетность на уровне 4,3 балла по 5-балльной шкале.

В рамках настоящего исследования были изучены перспективы и возможности развития туризма в Сочи в связи с проведением Чемпионата мира по футболу в 2018 году.

В спортивном событийном туризме чемпионаты мира по футболу по количеству привлекаемых туристов занимают одно из первых мест, опережая зимние Олимпийские игры и гонки Формулы-1, уступая лишь летним Олимпийским играм.

Чемпионат мира по футболу – это международное соревнование по футболу. Чемпионат мира (далее по тексту – ЧМ) проводится управляющим органом мирового футбола ФИФА, и участвовать в нем могут мужские национальные сборные всех стран-членов ФИФА [2]. Последний чемпионат мира по футболу прошел с 11 июня по 11 июля 2010 года в ЮАР. Следующий чемпионат мира по футболу пройдет в 2014 году в Бразилии.

Степень влияния ЧМ-2014 на экономику Бразилии согласно прогнозам [3]:

- ЧМ будет способствовать росту бразильской экономики. С 2010 по 2014 гг. экономика этой страны может получить дополнительно около 71 млрд. долл. США.
- Будет дополнительно получено около 9 млрд. долл. США налогов.
- Будет организовано около 3,5 млн. рабочих мест.

• Доходы населения (в целом) предположительно увеличатся на 31,5 млрд. долл. США.

Чемпионат мира по футболу в 2018 году станет третьим в списке самых дорогих проектов за последние несколько лет. Планируемая сумма расходов на чемпионат мира по футболу в 2018 году сейчас составляет 632,4 млрд. руб. Этот бюджет значительно превышает затраты на проведение соревнований в Германии в 2006 г. (9 млрд. долл. США) и ЮАР в 2010 г. (4,3 млрд. долл. США), вместе взятых.

Помимо общей инвестиционной программы, существует операционный бюджет оргкомитета «Россия-2018» в 699 млн. долл. США. Он выделяется FIFA. Для сравнения, в ЮАР эта сумма составила 1,12 млрд. долл. США.

Из финансово-экономического обоснования законопроекта «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедераций FIFA 2017 года» следует, что в период мероприятия Россию должны посетить 1,525 млн. иностранцев, из которых 500 тыс. – обладатели билетов на матчи [3].

Для сравнения, во время чемпионата в Германии только 300 тыс. иностранцев заплатили за вход на стадион. В ЮАР готовились встречать 483,25 тыс. туристов, но в итоге их было только 373 тыс. человек, из которых билеты были у 80%.

Ожидается, что дополнительный прирост ВВП России к 2018 г. составит не менее 527 млрд. руб. (+0,96% к показателю 2011 г.), будет создано, как минимум, 810 тыс. рабочих мест. Экономический эффект прогнозируют долгосрочный, влияние от чемпионата скажется и в последующие годы после проведения.

Что касается крупных событий в ближайшее время, то это Гран-при России по автогонкам в классе "Формула-1", которое пройдет в Сочи в 2014 году. Трасса будет состоять из двух гоночных колец. Общая ее протяженность составит 5872 метра. На строительство трассы выделено 5,8 млрд. рублей из федеральных источников. Ожидается, что за три дня проведения гонок соревнования смогут посмотреть 90 тыс. зрителей. В связи с этим мы провели опрос среди студентов и выяснили, что 54% опрошенных хотели бы посетить гонки Формулы-1, однако, такое же количество студентов полагает, что соревнование не принесет большой пользы для города.

Но главное, что принесет России чемпионат мира по футболу, – это счастье. Исследование, проведенное Георгиосом Каветсосом из Caas Business School и Стефаном Шимански, автором книги «Футболономика», показало, что уровень счастья жителей стран – хозяек крупных спортивных мероприятий – во время турнира повышается. Для этого использовались данные опросов жителей 12 европейский стран, проводимых в течение 30 лет. Выяснилось, что среднестатистический гражданин становится в два раза счастливее во время проведения чемпионата мира по футболу, чем после того, как получил высшее образование [3] .

Рассматривая предстоящие спортивные события с точки зрения формирования турпродукта и обслуживания туристов, необходима сегментация рынка, так как целевая аудитория любого события – это клиенты двух основных типов [1]:

1 – *организаторы и участники события*, профессиональные группы участников, для которых участие в событии связано с их профессиональной деятельностью, с точки зрения классификации туризма по цели путешествия данные поездки относятся к профессионально-деловым турам;

2 – *зрители*, туристы, прибывшие специально для участия в событии или посетившие событие, оказавшись в это время в данном месте, если речь идет о посещении спортивного события, то такие поездки будут относиться к физкультурно-спортивным турам.

Опираясь на опыт МОК с точки зрения требований к сервису, в рамках настоящей работы были выделены основные клиентские группы для обслуживания участников и гостей ЧМ по футболу в Сочи (таблица 1) [4].

Табл. 1

Клиентские группы для организации сервиса на крупных футбольных соревнованиях

К группе относятся	Цель приезда на ЧМ-2018	Сервисные навыки персонала	Требования к сервису и особенности клиентов группы
Официальные лица (иностранные и российские)			
Главы государств и правительств, министры, ответственные за спорт, главы дипмиссий и др.	Представительские цели, участие в официальных мероприятиях под эгидой ФИФА согласно протоколу	Обязательное знание английского языка (Intermediate)	o Высокие, но разумные требования к сервису o Зависимость от протокола o Частые изменения в программе и графике o Быстрота, вежливость, гибкость и стандарты обслуживания

Международные футбольные федерации			
Представители федераций	Проведение состязаний	Обязательное знание английского языка (Advanced)	o Хороший базовый уровень сервиса o Оперативность и четкость в обслуживании и информировании o У первых лиц федераций может часто меняться график
Спортсмены и национальные футбольные организации			
Спортсмены, тренеры, медработники, тех. персонал, спортивные чиновники	Участие в матчах, организация соревнования	Обязательное знание английского языка (Advanced)	o Самое важное – пунктуальность и четкость в обслуживании, жесткий тайм-менеджмент o В плане условий и сервиса неприхотливы o Возможность хорошего отдыха в перерывах между играми
Пресса			
Пишущая пресса и фотографы	Освещение матчей, анализ и оценка происходящего, формирование общественного мнения	Обязательное знание английского языка (Intermediate,Upper Intermediate)	o Внимательны к деталям, ищут информационные поводы: необходимы высокие стандарты и качество сервиса o Оперативность, пунктуальность сервиса
Телерадиовещательные компании			
Журналисты, репортеры, комментаторы и т.д., технический персонал	Освещение трансляций в режиме реального времени	Обязательное знание английского языка (Intermediate,Upper Intermediate)	o Нетребовательны к сервису (кроме первых лиц компаний) o Четкость в предоставлении информации o Пунктуальность сервиса, жесткий тайм-менеджмент
Зрители, гости, жители города			
Средний класс, который старается участвовать в значимых событиях	Участие в масштабном мировом событии, незабываемые впечатления	Обязательное знание английского языка (Elementary, Intermediate) для обслуживания иностранцев	o Требования к сервису согласно бюджету o Готовы разместиться у родственников и знакомых или арендовать квартиру o Очень чувствительны к радушию, обстановке в городе, внешнему облику города и мероприятий

При формировании туристского продукта в событийном туризме важны следующие параметры предстоящего события: дестинация (страна и город проведения), время проведения, место (места) проведения события (venue), программа события. Нужно иметь четкие ответы на 4 вопроса (см. рис. 1) [1].

Пакет услуг для гостей ЧМ-2018 будет включать следующие услуги:

- проживание в отеле уровня 3–5*, расположенном не далее, чем в 50 км от Олимпийского парка в Имеретинской низменности;
- трансфер на встречу аэропорт (ж/д станция) – отель;
- обзорная экскурсия по Сочи «Сочи – олимпийская столица»;
- билеты на посещение двух футбольных матчей.

Рис. 1. Разработка туристского продукта в спортивном событийном туризме

Заключение. По текущему уровню цен такой пакет на 3 дня/2 ночи при размещении уровня 3–4* обойдется с авиаперелетом из Москвы порядка 900 евро с человека, с авиаперелетом из Берлина порядка 1200 евро с человека при двухместном размещении в стандартном номере. Данные цены являются конкурентоспособными на рынке спортивно-событийных туров.

Примечания:

1. Сердюкова Н.К. Особенности формирования и реализации туристского продукта в событийном туризме. Развитие туристско-рекреационной деятельности: опыт, проблемы, перспективы. Сб. науч. тр. // Под науч. ред. д.э.н., проф. Т.П. Левченко. Сочи: ИП Кривлякин С.П., 2011. С. 157-161.

2. Чемпионат мира по футболу // Википедия. Свободная энциклопедия. URL http://ru.wikipedia.org/wiki/, дата обращения 02.04.2013/

3. Паноян А. 19 миллиардов в одни ворота // Ежедневная деловая газета РБК Daily, 24.12.2012. URL http://rbcdaily.ru/economy/562949985389934, дата обращения 02.04.2013

4. Чиликина А.В., Сердюкова Н.К. Особенности обслуживания участников и гостей Олимпийских игр и крупных спортивных событий // Студенческие научные исследования в сфере туризма и спортивного менеджмента: Матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Сочи, 16–19 мая 2012 г. / Отв. ред. Г.М. Романова. В 2 ч. Ч. 2. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. С. 180-183.

UDC 33

Prospects of Sports Tourism Development in Sochi post-Games

[1] Artyom E. Mayurnikov
[2] Diana V. Sagryan
[3] Nadezhda K. Serdyukova

[1] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Research Assistant
artemmaurnikov@gmail.com
[2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Research Assistant

[3] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Economics), Associate Professor
E-mail: nserdyukova@sutr.ru

Abstract. The article deals with the prospects of sports tourism development in Sochi post-Games. Sports events is one of the most prospective trends of Sochi tourism market development of the nearest future. The authors have studied sports events as a tourist product and its impact on Sochi tourism market development.

Keywords: tourist product; sports tourism, tourist product creation.

UDC 33

Olympic games in Sochi screen modern civil society in Russia

[1] Izabella A. Melkonyan
[2] Tatyana N. Ogneva

[1] Sochi State University, Russia
Sovetskaya St. 26a, Sochi 354000
Research Assistant
E-mail: izabellasochi@yandex.ru
[2] Sochi State University, Russia
Sovetskaya St. 26a, Sochi 354000
PhD (Lingustics), Associate Professor
E-mail: tatyanaogneva@mail.ru

Abstract. The Olympic and Paralympic Games in Sochi is a project of national value. The Games bring long-term positive social changes. They will make it possible to create new standards. Sochi Games provide unique opportunities for civil society to activate and mobilize in ways and numbers it did not do before. The Olympics demonstrate development of democratic values.

Keywords: Olympic Games; a screen of Russian civil society; development of civil society; volunteering; opposition; democratic values; patterns.

Introduction. The purpose of this article is to provide a discussion of the nature of Russian civil society, of civil society in Europe and to show how Olympic Games in Sochi screen modern civil society in Russia.

"Civil society" has become a central theme in contemporary thought about philanthropy and civic activity. The term is increasingly used to suggest how public life should function within and between societies. At the same time, it provides a way of describing the social action that occurs within the context of voluntary associations or intermediary bodies. Carnegie Centre in Russia states: "It is hard today to speak of a common and well-formed civil society in Russia. Civil society exists, but it is fragmentary and divided across both horizontal and vertical sections of the population. Russian civil society as it exists today is basically a collection of different groups with different interests, different motives for participation, and varying organizational forms." [1]

Materials and Methods. The methodological basis of this paper is dialectical method. Also used to the following general scientific methods of analysis, observation.

Discussion. In Western media we can see attacks and critics on Russian democracy and civil society. First of all, the press criticizes Russia for authoritarian power. Then they attack Russian's power rotation. They are sure that though there were elections in Russia, there was no rotation of power and system and elections were not used to legitimize the rotation. Next critique is connected with "listening of the people". Western press tells that people don't go on a direct protest, because the price for protesting on labour issues is very high. Also Western media criticize Russian's "recruitment of elites". They claim that Russia is governed by a circle of friends.

Western view states that Russia is fashioned a democratic surface, but under this surface all types of non-democratic practices are flourishing. Russian political and economic reforms are not organized around the experimentation of different models in different regions and they don't try to figure out what works from the point if view of the leadership.

To comment these statements of the opposition we can demonstrate some ideas of polemic between RF Russian Ambassador Mr. Chizhov with his Western counterparts. He asks "What is 'democracy' anyway? The EU's vision of a modem "democracy" - based on free elections, free press, respect for human rights and market economy values - differs from Russia's more relativist understanding of the much-disputed term, which first appeared in classical-era Greece. "Democracy if properly translated from the Greek... is 'rule of the people," Mr Chizhov explained. "The specific forms of democracy are quite different. Take Britain for example, a democratic country - is the existence of a hereditary House of Lords part of European democratic standards?"

Conducting his political views Mr. Chizhov states: "There is no single banner of democracy. And of course, any attempt to make a mechanical shift of democratic patterns from one country to another is detrimental to the notion of democracy,"

Comparing life in Sweden and in Turkmenistan, for example, the Ambassador said "They [Swedish people] might seem to be freer to an outsider. But if you ask them how they feel, the people in Turkmenistan might say that they are happier". Considering democracy scorecards 'unhelpful' Mr. Chizhov warned that "it's important for the EU not to try and draw dividing lines between those countries: this country is better, and this country is worse, this is a more democratic regime, this is less democratic. It would not be helpful." [2]

European civil society is understandable and assumed. European civil society is based on “a belief in, and the practice (more or less) democratic forms of government (and of governance more generally)”. The adherence to the rule of law is important part of European civil society. Next relevant feature of European civil society is respecting for human rights, including those of free communication and the free exchange of ideas. Also the separation of power (that is to say. most importantly, of the executive and the judiciary) is observed in Europe. One might add, at the risk of some controversy, that European culture is confessional typically Christian because is marked by a concern with human (social) ‘solidarity’ and in economic matters it is marked by a clear preference for (more or less) free markets.

It may be said that the presence of civil society is implicit in a culture with these broad features. But these features are sufficiently broad to leave a good deal of room for differences between civil societies as exemplified in different nations. That should not be surprising given the differences in culture between the nation states and indeed within countries.

Nicolas Bonnal published his article in February 2013 with title “Why Western democracy is the worst of regimes?” He writes «Many great countries nowadays, like Russia, China, Venezuela and Iran are labelled undemocratic in the West. But is it evil? Is it such a flaw? Let us analyze the situation and that perilous insult. Western democracy has been criticized since the beginning, and especially by the greatest minds: Thoreau, Edgar Poe or Tocqueville. The end of the nineteenth century sees a new wave of critics emanating from more technical analysts, like Belorussian scientist Ostrogorski or Irish political thinker William Lecky. These thinkers, among many others, assist the development of parliaments everywhere, parliaments that bring discontents, lack of liberties, huge debts and hidden elites' control of the public opinions. Democracy is by no way a bargain. Ostrogorski's books on American political life reveal that democracy is not... democratic, yet that everything is controlled by invisible wire-pullers and the "machine" of militants, "bosses" and political activists. [3]

Also according to Michael Curtis (Michael Curtis is Distinguished Professor Emeritus of Political Science at Rutgers University) “... support for people who criticize their own Western democratic societies is now all too apparent among many Western intellectuals, academics, members of the media, international organizations, and religious groups which, while refusing to challenge cases of injustice, particularly in Muslim countries.” [4]

The opponents to the official political views underline: “The 2014 Winter Games in Sochi could be a catalyst for civil society development. In the Russian manifestation of a hybrid, the state is constantly reviving old methods and learning new ones to keep the opposition and civil society in check while trying to maintain the illusion of democracy.” “...Russian civil society is also learning new methods of dealing with the state and strengthening itself in the process.”

Graeme Robertson in his book “The politics of protest in hybrid regimes” calls citizens’ actions as “counter-measures in response to the hybrid Russian regime’s abuse of power”. [5]. In connection with Sochi Olympics the opponents of the Russian official government say that “activism in Sochi must be and is being engaged by the authorities, which will prove fruitful to local civil society development in the long run. And civil society development on the local level, as pointed out by French sociologist Karen Clement, is key to the development of Russian civil society in general, since one of the factors that may strengthen it is the development of networks of groups across regions. [6]

The Olympic spotlight is getting brighter as the Games approach, and Sochi is indeed an interesting place for both current and future study of Russian civil society. Civil society activity in Sochi will likely continue to increase in the run-up to the Olympics. As the Games loom nearer, it is likely that increasing national and international media attention will be given not only to the status of the preparations, but to the behavior of the host country as a whole.”

We support the idea that “...the Sochi Games are already providing increased opportunities for local civil society development”. The Sochi Olympics represents a definitive screen of Russian civil society activity. In the beginning of the Olympic construction we could see that many critics were raised in connection with the local authorities buying the lands from Lower Emeriti Bay long-time residents for a fair market price in 2007. But during the following years, local residents could get their land approved as private property.

We could imagine the difficulties the government faced by the following example. According to IRN.Ru analytical agency, prices for land, located next to the shoreline, reached $150,000 per 100 m² in half a year, while price per square metre in average panel apartment building on the outskirts of the city already reaches $2000. This could lead to decrease in tourist interest to Sochi, which already has fallen below Anapa, Gelendzhik and Adler.

Another obstacle was to get an agreement with the indigenous population of Sochi region. The similar problem exists almost in any city hosting Olympic Games. First, Circassia organizations in the North Caucasus spoke out against the Olympics, pointing out that the games would take place on the land that had been inhabited by their ancestors until the 1860s, when the Russian-Circassia War, which they claimed to have been genocide, forced 97 percent of the Circassia’s to move to the Ottoman Empire. The 2014 Organizing Committee worked with different groups of the population and all problems were solved and the agreement of indigenous population received.

According to the Olympic Charter, Olympic movement being a mighty humanistic movement in the world recognizes an exceptional interrelation between sport and nature, and it identifies for itself three key major dimensions: sport, culture and environment. The goal of Olympism is to make sports everywhere conducive of harmonious mankind development in order to contribute to creation of peaceful society that will care for retaining human dignity.

Thousands of Russian people are involved in preparation for Olympic Games including construction, management, sport training, cultural, educational, and environmental programs. Participatory engagement indicates that members of the society enjoy access to and governance of resources used for the common good. They are free to be involved in civic action and social change, and are free to participate in group affiliations that provide a sense of belonging on a community level. Constitutional authority protects the rights and privileges of citizens in a civil society. Under the rule of law, citizens and social groups are constitutionally legitimized and empowered to hold economic and political actions accountable for their work as community servants and trustees. Within this social context, all community members have moral responsibility to use their civil liberties in ways that do not violate the human rights of others. The practice of equity, justice, and reciprocity produces social order and stability.

Volunteering in Sochi Olympic Games which is generally considered an altruistic activity has been revived in Russia bringing together 25,000 volunteers. An entire generation is being brought up with awareness and understanding of the Olympic and Paralympic values. To be an Olympic volunteer means both challenges and opportunity, at the same time intending to promote good or improve human quality of life, but people also volunteer for their own skill development, to meet others, to make contacts for possible employment, to have fun, and a variety of other reasons that could be considered self-serving. The experience will help them develop determination, will, and the commitment to teamwork. [7]

Conclusion. Changing attitudes, raising awareness in issues such as tolerance, inclusiveness (including for people with disabilities), social and environmental responsibility are prerequisites for civil society's development. The intangible legacy of the XXII Olympic Winter Games and XI Paralympic Winter Games in Sochi is knowledge accumulated skills and experience, and development of a feeling of patriotism and national pride. Unique positive potential of the Games is helpful in laying foundation for implementation of new Russian philosophy of sustainable development anchored in Russian national idea. Different projects help to enhance environmental awareness, improving national practices in establishing and implementing environmental standards, governance and management tools.

The main objective of all the activities for preparing the Games is to facilitate Russian national idea, to strengthen the positive reputation of Russia on the world stage. The modern Olympic Games are now a colossal stimulus for the development of the Russian Federation as a democratic state realizing the values of civil society.

References:

1. http://www.carnegie.ru/en/#/slide_2439_responding-to-russian-awakening
2. http://russianmission.eu/ru/node/699
3. http://english.pravda.ru/opinion/columnists/20-02-2013/123845-western_democracy-0/
4. http://www.gatestoneinstitute.org/3106/western-critics-democracy
5. http://www.foreignaffairs.com/articles/137240/graeme-b-robertson-valerie-j-buncesharon-l-wolchik/the-politics-of-protest-in-hybrid-regimes-managing-dissent-in
6. *russian-scientists.ru/.../ot-obyvateley-k-aktivistam-zarozhdayushchiesya-s...*
7. http://talisman.sochi2014.com/en/

УДК 33

Олимпийские игры в Сочи как отражение современного гражданского общества в России

[1] Изабелла Алексановна Мелконян
[2] Татьяна Николаевна Огнева

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Лаборант-исследователь
E-mail: izabellasochi@yandex.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: tatyanaogneva@mail.ru

Аннотация. Олимпийские и Паралимпийские Игры в Сочи - проект национального значения. Игры вносят долгосрочные положительные социально-экономические изменения. Они позволяют создать новые стандарты. Игры в Сочи предлагают уникальные возможности для активизации и мобилизации новых путей в развитии гражданского общества. Олимпиада демонстрирует развитие демократических принципов и активности.

Ключевые слова. Олимпийские игры; отражение Российского гражданского общества; развитие гражданского общества; волонтерское движение; оппозиция; демократические принципы; модели.

УДК 338.48

Повышение эффективности продвижения турпродукта в сети Интернет

[1] Галина Максимовна Романова
[2] Надежда Константиновна Сердюкова
[3] Валерия Ивановна Переворкина

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор экономических наук, профессор
E-mail: university@sutr.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат экономических наук, доцент
nserdyukova@sutr.ru
[3] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Студент

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа интернет-рекламы и традиционных рекламных методов, а также основанные на результатах собственного исследования авторов положения и выводы касательно эффективности продвижения турпродукта в Интернете на примере расчета индекса сайтов туристских компаний на основании экспертных оценок. Для расчета индекса авторы использовали собственную систему параметров оценки сайта, разработанную на основе исследования систем продвижения турпродукта в Интернете. Авторы делают вывод о необходимости развития и повышения эффективности продвижения турпродукта в Интернете для повышения конкурентоспособности отечественных туристских дестинаций.

Ключевые слова: продвижение турпродукта; сайт туристского предприятия; Интернет.

Введение. На сегодняшний день сеть Интернет является одним из самых мощных инструментов продвижения товаров и услуг, в том числе и туристского продукта. В США ежегодный объем продаж турпродукта через Интернет превышает 200 миллиардов долларов США, сама же данная компьютерная сеть стала одним из основных и эффективных средств реализации турпродукта. Объем реализованных туров и услуг через сеть Интернет растет с каждым годом во всем мире.

Маркетинговые возможности глобальной сети Интернет для продвижения и реализации национального турпродукта используются недостаточно эффективно. Многие отечественные туристские дестинации не имеют современных интернет-сайтов, а имеющиеся сайты крайне слабо продвигаются и не являются инструментами продаж турпродукта. По общему мнению зарубежных экспертов турбизнеса, именно в сфере интернет-маркетинга разворачивается сегодня конкурентная борьба за потребителя. Эффективность веб-сайта и его продающие возможности становятся основными конкурентными преимуществами на рынке туризма как для отдельных предприятий, так и для туристских дестинаций и стран [1].

В связи с этим актуальной становится задача формирования эффективной системы продвижения и реализации национального турпродукта, в том числе дестинаций оздоровительного туризма, посредством сети Интернет, которая позволила бы обеспечить продвижение турпродукта на внутреннем и внешних рынках, повысить узнаваемость брендов российских дестинаций, сделать инвестиции в продвижение турпродукта выгодными и эффективными [1].

Материалы и методы. В таблице 1 приведены итоги сравнительного анализа методов традиционной рекламы и интернет-рекламы по следующим критериям: охват целевой аудитории, география, длительность работы, эффективность. Анализ полученных данных показал, что каждый метод традиционной рекламы локален, имеет ограниченную аудиторию и далеко не всегда продукт продвигается среди целевой аудитории, которая явно заинтересована в продвигаемом продукте. Кроме того, традиционные методы рекламы требуют значительных инвестиций. Расходы на рекламу в Интернете гораздо ниже расходов на традиционные методы рекламы, а современные информационные технологии позволяют в режиме реального времени отслеживать эффективность рекламы в Интернете и быстро корректировать рекламную компанию.

Табл. 1

Сравнительный анализ методов традиционной рекламы и интернет-рекламы

Вид рекламы	Аудитория, чел.	География	Длительность работы	Эффективность
Реклама на радио	сотни тысяч	локальная	один год	целевая аудитория
Реклама в газетах и журналах	миллионы	очень широкая	один год	целевая аудитория
Наружная реклама	миллионы	локальная	один год	не целевая аудитория
Интернет-реклама	неограниченная	неограниченная	практически не ограниченная	аудитория, явно заинтересованная в конкретном продукте/услуге

Анализ и выводы данной статьи базируются на статистических данных, результатах опросов потребителей и экспертов, а также на итогах анализа интернет-сайтов туристских предприятий, проведенных в рамках научного исследования авторов в 2012–2013 гг.

Обсуждение. Данные опроса потребителей в городах России, проведенного авторами в рамках научного исследования в 2012 году свидетельствуют о растущем значении Интернета в качестве источника информации о турпродукте. На рисунке 1 представлены данные о популярности источников информации, также о степени доверия к ним со стороны потребителей. Рассматривая вопрос систем продвижения турпродукта на принятие решения потребителей о приобретении ими тура, обоснованно высоким выглядит показатель используемого источника информации – Интернет (93%) [2]. На основании данных опроса можно сделать вывод, что использование Интернета при выборе турпродукта осуществлялось респондентами либо после общения с коллегами, знакомыми, друзьями (70%), рекомендовавшими им тот или иной туристский продукт, либо перед посещением турагентства (30%), в котором они получали дополнительную, важную для принятия решения по приобретению тура информацию [2].

Рис. 1. Источники информации, влияющие на принятие решения о покупке турпродукта (доля респондентов, использующих источник) [2]

Цель создания сайта для туристской компании – увеличение продаж своих услуг, повышение качества обслуживания, привлечение как можно большего количества клиентов [3].

На основании опроса экспертов из числа профессионалов туррынка и специалистов в области IT нами был проведен анализ сайтов 16 туристских предприятий, и по его итогам составлен рейтинг сайтов. Кроме сочинских предприятий, были рассмотрены сайты известных операторов TUI и «Лабиринт». На всех исследуемых сайтах представлена, в том числе, информация об оздоровительном турпродукте российских и/или зарубежных дестинаций.

Сайты оценивались по 10-балльной шкале согласно параметрам, определяющим три главные составляющие сайта туристской фирмы: дизайн, содержание и структура сайта. Сайты оценивались по 10 параметрам, предложенным авторами исследования на основании анализа систем продвижения турпродукта в Интернете [3]. Результаты анализа и полученные индексы сайтов представлены в таблицах 2 и 3. На основании оценок был выведен итоговый индекс сайта, который рассчитывался по формуле:

$$\mathbf{I_n=(P_{n1}+P_{n2}+...+P_{nm})/m,\ где}$$

I_n – индекс n-го сайта,
P_{nm} – значение m-го параметра для n-го сайта,
n – порядковый номер сайта предприятия,
m – количество параметров для оценки сайта (m=10).

Табл. 2

Расчет индекса веб-сайтов туристских компаний

Параметры	**Ривьера-Сочи**	**Алиса Интур**	**Рута**	**Аэлита**	**Авиа Турне**	**Арго**	**Велл**	**Визит-Тур**
Дизайн	6	4	7	6	7	6	7	6
Информативность	7	5	8	7	8	6	8	8
Удобство навигации	7	3	8	4	6	7	7	6
Правило 3 кликов	8	4	8	5	7	8	6	7
Каталог отелей (услуг)	8	3	9	4	9	6	5	6
Критические элементы страницы	7	2	8	5	7	5	7	4
Визуализация	7	5	8	4	7	7	5	5
Представление цен	9	2	7	4	4	7	6	7
Возможность он-лайн бронирования	9	6	8	5	9	8	8	7
Возможность купить	8	0	0	5	7	0	4	7
Индекс сайта I_n	**7,6**	**3,4**	**7,1**	**4,4**	**7,1**	**6,0**	**6,3**	**6,3**

В результате нашего анализа сайтов все сайты – участники исследования – получили неоднозначные оценки. Полученные значения индексов сайта $\mathbf{I_n}$ колеблются в пределах от 2,9 до 8,4. Чем ближе индекс сайта к 10, тем выше эффективность продвижения турпродукта через сайт у данной компании. У каждой компании есть свои сильные и слабые стороны в оформлении, наполнении или структуре сайта.

Исследование показало, что многие местные турфирмы уделяют недостаточно внимания разработке и продвижению своих сайтов, тем самым сокращая количество своих потенциальных клиентов, а следовательно, и доходы предприятия.

Критерий, которому удовлетворило наименьшее количество фирм, – это «Возможность купить». Потребность в этой функции связана с активным развитием электронной коммерции. Задача, которая стоит перед туристскими компаниями – превращение сайта из инструмента поиска в инструмент продаж [3]. Турфирмам необходимо задуматься о роли продаж через Интернет и о всевозможных способах оплаты услуг клиентами на сайтах фирм.

Табл. 3

Расчет индекса веб-сайтов туристских компаний (продолжение)

Параметры	**Экономные туры**	**Чайка Бриз**	**Парус-Тур**	**Дискавери**	**Сфера travel**	**Эс-Джи Турс**	**TUI**	**Лабиринт**
Дизайн	6	6	7	9	7	6	9	8
Информативность	4	8	7	7	7	8	8	9
Удобство навигации	5	7	8	8	7	7	8	7
Правило 3 кликов	5	7	7	8	8	8	8	7
Каталог отелей (услуг)	0	6	6	8	7	5	10	5
Критические элементы страницы	2	5	7	9	7	7	8	8
Визуализация	3	7	8	9	8	6	9	6
Представление цен	2	2	7	7	9	7	8	7
Возможность он-лайн бронирования	5	4	8	8	8	7	8	8
Возможность купить	0	0	0	5	8	0	8	9
Индекс сайта I_n	**2,9**	**5,2**	**6,5**	**7,8**	**7,6**	**6,1**	**8,4**	**7,4**

Исследование, проведенное авторами в 2012 году, показало, что Интернет как канал распределения туристского продукта и место его покупки приобретает все большую популярность (рис. 2).

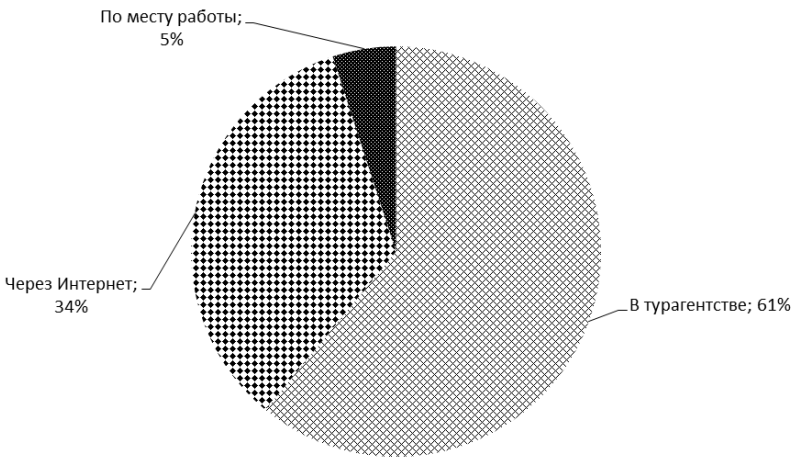

Рис. 2. Структура системы продвижения турпродукта (доля респондентов, использующих канал для приобретения турпродукта), в процентах к итогу [2]

По оценкам экспертов, существует мировой тренд, активно развивающийся и на российской туррынке, по превращению сайтов из инструмента поиска и подбора в инструмент продажи турпродукта [3].

Результаты. В таблице 4 представлен итоговый рейтинг сайтов, составленный нами по результатам исследования на основании индексов.

Табл. 4

Итоговый рейтинг web-сайтов туристских компаний

Место в рейтинге	Туристская компания	Индекс сайта I_n	URL адрес сайта
1	TUI	8,4	http://www.tui.ru/
2	Дискавери	7,8	http://www.discovery-sochi.ru/
3	Ривьера-Сочи	7,6	http://www.riviera-sochi.ru
3	Сфера Travel	7,6	http://www.csochi.ru
4	Лабиринт	7,4	http://labirint.travel/
5	Рута	7,1	http://www.rutasochi.ru/
5	Авиа Турне	7,1	http://aviatourne.ru/
6	Парус-Тур	6,5	http://www.sochi-parus.ru/
7	Велл	6,3	http://well.ru/
7	Визит-Тур	6,3	http://www.sochi-vizit-tur.ru/
8	Эс-Джи Турс	6,1	http://www.sgtours.ru
9	Арго	6,0	http://www.argosochi.ru.
10	Чайка Бриз	5,2	http://www.chaikabriz.ru/
11	Аэлита	4,4	http://aelita.su/
12	Алиса Интур	3,4	http://www.alisaintour-sochi.ru/
13	Экономные туры	2,9	http://eturs.com/

Первое место в рейтинге занял сайт российского подразделения туристической компании TUI, что свидетельствует о большей эффективности системы продвижения турпродукта крупными иностранными туроператорами по сравнению с отечественными компаниями.

Заключение. В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы о повышении эффективности продвижения турпродукта в Интернете:

- сайты ведущих сочинских туристских компаний имеют достаточно высокий индекс сайта, что свидетельствует об активном развитии интернет-технологий на туристском рынке Сочи;
- технологии полноценной электронной коммерции b2b, а особенно b2c слабо представлены в деятельности турфирм Сочи, что объясняется ограниченными техническими и финансовыми возможностями местных предприятий;
- на уровне курорта Сочи и других туристских дестинаций края интернет-технологии продвижения и реализации турпродукта используются крайне слабо;
- повышение эффективности продвижения турпродукта в Интернете является важнейшим фактором роста конкурентоспособности турпродукта отечественных туристских дестинаций.

Примечания:

1. Serdyukova N.K., Serdyukov D.A., Beliatskaya I. Sochi Market Analysis as a Health Tourism Destination // European researcher. 2013. Vol. 52. № 6-1. P. 1633-1640.

2. Романова Г.М., Сердюкова Н.К., Сердюков Д.А. Оценка рекреационного потенциала развития оздоровительного туризма в России, Краснодарском крае и на курорте Сочи и анализ эффективности системы продвижения турпродукта дестинации оздоровительного туризма, основанные на общероссийских социально-экономических показателях, опросе потребителей, экспертных оценках и их статистической, аналитической обработке и графической интерпретации. (База данных) Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2013620200. Зарегистрировано в Реестре баз данных 23.01.2013

3. Сердюкова Н.К., Гаврилец Г.Ю. Оценка современных тенденций продвижения туристского продукта // Известия Сочинского государственного университета. 2012. Т. 21. № 3. С. 90-95.

UDC 338.48

Tourist Product Promotion Efficiency Improvement across Internet

[1] Galina M. Romanova
[2] Nadezhda K. Serdyukova
[3] Valeriya I. Perevorkina

[1] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Economics, Professor

E-mail: university@sutr.ru
[2] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Economics), Assistant Professor
nserdyukova@sutr.ru
[3] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
Student

Abstract. The paper presents the results of comparative analysis of Internet advertising and traditional advertising methods, as well as status and conclusions, concerning the tourist product promotion efficiency across Internet on the example of travel companies' web-sites index calculation on the basis of expert judgments, developed on the results of authors' research. To calculate the index, authors used their own system of web-sites estimation, developed on the basis of the tourist product promotion across Internet. The authors came to the conclusion that it is necessary to develop and improve the efficiency of tourist product promotion across Internet to increase marketability of Russia's tourist destinations.

Keywords: tourist product promotion; travel agency web-site; Internet.

УДК 330.101

К вопросу о значении организационно-экономического механизма в формировании инвестиционной политики хозяйствующих субъектов

Владимир Сергеевич Стариковский

ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», Россия
350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2
аспирант
E-mail: adm@kgtu.kuban.ru

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция подходов к изучению категории «организационно-экономический механизм». Сформулировано новое определение организационно-экономического механизма, позволяющее отделить его по экономическому содержанию от близких по значению категорий. Определены особенности данной категории при формировании инвестиционной деятельности и инвестиционной политики. Дана характеристика функциям, факторам и методам, используемым в рамках организационно-экономического механизма формирования инвестиционной политики.

Ключевые слова: хозяйственный механизм; организационно-экономический механизм; хозяйственная деятельность; система управления; инвестиционная деятельность; инвестиционная политика; капитал.

Введение. В экономической науке понятие «организационно-экономический механизм» в большинстве случаев рассматривается без отрыва от более широкого, комплексного понятия «хозяйственный механизм». Тем не менее взгляды экономистов на данные механизмы значительно отличаются в зависимости от сферы научных интересов конкретного исследователя. Для того чтобы определить глубину связи данных категорий, необходимо подробно рассмотреть значение каждого из терминов, а также эволюцию подходов к их изучению. Данное исследование позволит сформулировать отвечающее современным требованиям понятие организационно-экономического механизма, а также определить его роль в формировании инвестиционной политики как на макро-, так и на микроуровне.

Материалы и методы. При проведении исследования рассматривались труды выдающихся отечественных и зарубежных экономистов, затрагивающие теорию экономических механизмов. При этом анализировались как признанные работы из отечественной политической экономии, так и современные теории западных исследователей, в том числе и лауреатов Нобелевской премии по экономике. Использовались методы сравнительного анализа, позволяющие оценить возможность применения на практике теории игр, процессного, ситуационного, системного подходов для описания организационно-экономического механизма инвестиционной политики.

Обсуждение. Экономический словарь определяет значение термина «механизм» как «последовательность действий, состояний, определяющих процесс или явление». Следует отметить, что само понятие «механизм» применительно к экономической науке появилось лишь в середине XX столетия, благодаря работам экономистов Ш. Риста и А. Шекли. Однако в их трудах значение термина «экономический механизм» было равнозначно понятию «экономическая теория», что не соответствует современным представлениям о данной категории.

В советской политической экономии понятие хозяйственного механизма связывали с организационно-экономическими отношениями, возникающими в системе производственных отношений. По мнению Л.И. Абалкина, В.И. Оноприенко и ряда других отечественных исследователей, организационно-экономические отношения, с одной стороны, порождены развитием производительных сил, с другой – представляют собой форму проявления и реализации отношений собственности. Находясь между производительными силами и отношениями собственности, они их связывают, и через них производительные силы воздействуют на производственные отношения и наоборот. Учитывая характер взаимосвязи организационно-экономических отношений с производительными силами, надстройкой и отношениями собственности, можно охарактеризовать хозяйственный механизм как многоплановую, многоаспектную систему, выходящую за рамки производственных отношений. Главное его содержание как экономической категории составляют организационно-экономические отношения [1].

Выделяя организационно-экономические отношения как важную, но не единственную часть хозяйственного механизма, отечественные исследователи пришли к выводу, что хозяйственный механизм – более широкое понятие, чем организационный и экономический механизмы, поскольку в хозяйственный механизм включаются также правовое поле и социальное взаимодействие. Данный вывод вытекает и из современного определения хозяйственного механизма. Так, большой экономический словарь А.Б. Борисова определяет хозяйственный механизм как «совокупность

организационных структур и конкретных форм и методов управления, а также правовых норм, с помощью которых реализуются действующие в конкретных условиях экономические законы, процесс воспроизводства» [2].

Однако проблема хозяйственного механизма в отечественной экономике рассматривается не только с вышеизложенных позиций. Нельзя не отметить вклад Ю.М. Осипова в изучение сущности, функций и значения хозяйственного механизма в экономической системе, рассмотревшего данную категорию с точки зрения философии хозяйства. Ученый в своих исследованиях характеризует механизм как неотъемлемую часть организации, организационный образ системы. При этом важнейшим элементом хозяйственного механизма являются хозяйствующие субъекты, поскольку механизм выступает живой системой, способной принимать решения. Основываясь на данных положениях, было сформулировано следующее определение хозяйственного механизма: общественная система хозяйствующих субъектов с присущими им механизмами хозяйствования и присущими всей системе общественными хозяйственными институтами, регулирующими деятельность хозяйствующих субъектов [3]. Как следует из данного определения, хозяйственный механизм характеризуется как социальная система, которая неразрывно связано с хозяйствующими субъектами. При этом основной функцией хозяйственного механизма признается организация, причем сам механизм признается реализатором организации. Как следует из приведенного определения, Ю.М. Осипов ключевое внимание уделяет организационным составляющим хозяйственного механизма.

Б.А. Райзберг в своих исследованиях придерживается иной точки зрения. Он называет хозяйственным механизмом объединенные в единое целое формы управления, в которых функции управления реализуются с применением методов принуждения, побуждения и убеждения. При этом в хозяйственный механизм исследователь не включает управляющую надстройку. Объединение хозяйственного механизма с людьми, организациями, службами, выполняющими функции управления, образует систему управления, что является, на его взгляд, более точным определением [4].

Важно отметить, что организационная составляющая механизмов не является единственным объектом исследования отечественных экономистов, поскольку в современных условиях большой интерес также стала представлять их экономическая составляющая. При этом если западные экономисты традиционно рассматривают экономические механизмы как один из ключевых объектов исследования, то в России интерес к ним особенно вырос в постсоветский период. Так, французский экономист А. Кульман экономическим механизмом называет необходимую взаимосвязь, возникающую между естественными экономическими явлениями. При этом, по его мнению, результатом функционирования экономических механизмов может быть как воспроизведение исходного экономического явления, так и возникновение иного экономического явления. В связи с этим А. Кульман подразделяет экономические механизмы, в зависимости от конечного результата, на механизмы закрытого и открытого типа [5]. Такой подход позволяет выделить большое количество механизмов в зависимости от направления конкретной экономической деятельности.

Аналогичных взглядов придерживается и А.П. Градов. По его мнению, экономические механизмы не являются некими автономными, не зависящими друг от друга проявлениями тех или иных черт экономической деятельности. Действуя одновременно, обусловливая и взаимно дополняя друг друга, вся совокупность экономических механизмов представляет собой сложную систему со всеми присущими ей закономерностями. Такое взаимопереплетение экономических механизмов, функционирующих внутри страны и во взаимодействии с мировой экономической системой, составляет, по его мнению, сущностную (субстанциональную) основу национальной экономики [6].

При рассмотрении современных подходов к теории экономических механизмов нельзя не отметить вклад в экономическую науку нобелевских лауреатов Л. Гурвица, Р. Майерсона, Э. Маскина. Согласно их представлениям, механизм определяется как взаимодействие между субъектами и центром, состоящее из трех стадий: каждый субъект в частном порядке посылает центру сообщение, центр, получив все сообщения, вычисляет предполагаемый результат, объявляет его и, по необходимости, претворяет его в жизнь. Данное определение механизма имеет сходные черты с определением, сформулированным Ю.М. Осиповым об особенностях хозяйственного механизма. Так, он определяет хозяйственный механизм как систему взаимодействующих информационно-решающих центров, распространенную на все общество, на его центр и периферию, способную снимать информацию с любой точки и наделять информацией любую точку общественного хозяйственного пространства, обеспечивая тем самым движение информации и выраженных в ней решений по всему общественному хозяйству. Данная схожесть определений наглядно характеризует связь между теорией и практикой в исследованиях экономических механизмов, поскольку в своей работе Л. Гурвиц предложил различные практические решения конкретных экономических задач, в то время как философия хозяйства, рассматриваемая Ю.М. Осиповым, имеет теоретическую направленность.

Учитывая многообразие сложившихся подходов к изучению хозяйственных, организационных, экономических механизмов, можно сделать вывод, что и такое сложное понятие, как

организационно-экономический механизм, не является однозначно определенным. Действительно, взгляды экономистов в данном случае также могут быть как схожими, так и диаметрально противоположными.

О.В. Федорович, проанализировав ряд подходов к изучению механизмов, пришел к выводу, что любой организационно-экономический механизм есть определенная совокупность или последовательность экономических явлений. Он также определяет организационно-экономический механизм управления как сложную взаимозависимую совокупность элементов – организационно, экономически, а иногда и технологически связанных между собой подсистем более низкого уровня. Причем конечный результат деятельности каждого звена (или элемента) системы более низкого уровня служит начальным ресурсом для системы более высокого ранга. По его мнению, рассматривая организационно-экономический механизм как систему управления, следует понимать под этой категорией не только совокупность форм, методов, видов и функций управления, но и аппарат управления. Сюда дополнительно включаются люди и организационный фактор, выполняющий функции управления [7].

Как следует из данного определения, О.В. Федорович подразумевает под организационно-экономическим механизмом систему управления, что отличается от упомянутых ранее взглядов Б.А. Райзберга, характеризовавшего основное отличие хозяйственного механизма от системы управления отсутствием в составе хозяйственного механизма управляющей надстройки.

Ряд отечественных исследователей считает организационно-экономический механизм специфической и вполне конкретной категорией. К примеру, И.Т. Балабанов под организационно-экономическим механизмом понимает финансовый механизм – «систему действия финансовых рычагов, выражающуюся в организации, планировании и стимулировании использования финансовых ресурсов» [8]. Данная трактовка непосредственно связана с общепринятым определением финансового механизма, который характеризуется как элемент всего хозяйственного механизма, совокупность финансовых инструментов, рычагов, форм и способов регулирования экономических процессов. Подобное определение, хоть и включает в себя лишь часть элементов хозяйственного механизма, но позволяет четко выделять различные механизмы в структуре экономики.

К настоящему моменту вопрос о сущности организационно-экономического механизма в экономике можно считать открытым, поскольку отсутствует единая позиция исследователей, следует ли считать механизм процессом, ресурсом или инструментом достижения конечного результата. Это связано и с ролью управляющей надстройки, которую часть исследователей относит к элементам механизма, в то время как присутствует точка зрения о необходимости отделения надстройки от механизма. Кроме того, достаточно широкое определение экономической категории «механизм» позволяет классифицировать большинство экономических явлений как хозяйственные или экономические механизмы, что не всегда целесообразно в рамках конкретных исследований. По нашему мнению, подробный анализ особенностей инвестиционной деятельности требует уточнения существующего понятия «организационно-экономический механизм», что позволит более эффективно выявлять закономерности и причинно-следственные связи.

В отличие от понятия «механизм», термин «инвестиции» не является столь же дискуссионным, поскольку характеризует конкретные экономические отношения, связанные с вложениями капитала. Тем не менее взгляды на сущность инвестиций формировались на протяжении длительных исторических периодов под влиянием различных экономических школ. Так, различные подходы к проблемам инвестиций формировались под влиянием школ меркантилизма, физиократии, классической политэкономии, кейнсианства, монетаризма, институционализма. В настоящее время взгляды на природу инвестиций у различных исследователей достаточно схожи, однако часто акцентируется внимание на какой-либо особенности инвестиционного процесса.

В настоящее время законодательно закреплено следующее определение инвестиций: «денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта» [9]. Э.А. Михайлова и Л.Н. Орлова, уточняя данное понятие, определяют инвестиционную деятельность как «деятельность юридических, физических лиц и государства, направленная на привлечение и увеличение средств для реализации инвестиционного процесса с целью получения экономического и социального эффекта» [10]. Как следует из данного определения, исследователи сосредотачивают внимание не только на вложении средств, но и учитывают значимость ресурсной составляющей.

Тем не менее существует и несколько отличные взгляды на природу инвестиций. Так, лауреат нобелевской премии по экономике У. Шарп в самом общем виде характеризует понятие инвестирования как «расставание с деньгами сегодня, чтобы получить большую их сумму в будущем» [11]. Данное определение достаточно точно характеризует ожидания частных инвесторов от инвестиционной деятельности, однако оно не учитывает, что целью осуществления инвестиций, в особенности государственных, может быть достижение не экономического, а социального, экологического или иного эффекта.

По мнению В.И. Машкина, инвестиции представляют собой «вложение инвестора в объект инвестиций, делающее его участником этого объекта, при этом предметная наполненность вложения определяет характер связи инвестора с объектом инвестиций и возможные способы воздействия на этот объект». При этом исследователь отмечает, что инвестиции могут быть не только финансовыми, но, например, управленческими или научными. Под самим процессом инвестирования он понимает «процесс непосредственного или опосредованного воздействия инвестора на объект инвестиций, осуществляемый с целью изменения его свойств». В данном случае, по нашему мнению, недостаточно внимания уделяется ожидаемому эффекту от инвестирования [12].

И.А. Бланк сформулировал следующее значение термина: «инвестиции представляют собой вложения капитала во всех его формах в различные инструменты хозяйственной деятельности с целью получения прибыли, а также достижения иного экономического или внеэкономического эффекта, осуществление которого базируется на рыночных принципах и связано с факторами времени, риска и ликвидности» [13]. Данное определение не только характеризует инвестиционную деятельность как вложение средств, но и акцентирует внимание на результатах инвестиционной деятельности. Схожее определение дает и Г.С. Староверова, характеризуя инвестиции как «вложение капитала во всех его формах в различные объекты (инструменты) с целью последующего его увеличения (получения прибыли и достижения иного экономического и неэкономического результата)» [14]. В то же время в данном случае опускается субъект и его взаимодействие с объектами инвестирования.

Учитывая многообразие трактовок термина «инвестиции», а также различие взглядов исследователей на природу экономических механизмов, требуется сформулировать наиболее точное определение, описывающее сущность организационно-экономического механизма инвестиционной деятельности.

Результаты. По нашему мнению, под организационно-экономическим механизмом инвестиционной деятельности следует понимать совокупность экономических инструментов и форм управляющего воздействия, используемых субъектами хозяйствования на всех уровнях для привлечения инвестиционных ресурсов, и осуществление с их помощью воздействия на объект инвестирования с целью получения экономического и иного эффекта.

Данное определение, на наш взгляд, обладает рядом преимуществ:

- понятие «механизм» отделено от инвестиционного процесса, что является необходимым фактором в объективном исследовании закономерностей экономических механизмов;
- предложенное определение организационно-экономического механизма позволяет рассматривать его отдельно от категории «хозяйственный механизм»;
- в организационно-экономический механизм не включается субъект управления, что не только позволяет подчеркнуть его отличие от системы управления, но и исключает методологическую ошибку, предполагающую саморегулирование механизмов, а значит, наличие механизма в механизме;
- в определении присутствуют субъект и объект инвестиционной деятельности, взаимодействующие с использованием организационно-экономического механизма, что позволяет обеспечить описание необходимой для научного исследования сущности инвестиционного процесса;
- указана цель осуществления инвестиционной деятельности, что опускается в определениях ряда исследователей;
- в качестве значимого элемента инвестиционной деятельности выделяется не только вложение средств, но и изыскание инвестиционных ресурсов, что позволяет исследовать инвестиционную деятельность на всех этапах ее осуществления.

Сформулируем определение организационно-экономического механизма инвестиционной политики, которое характеризовало бы особенности инвестирования как на уровне государства, так и на уровне конкретного предприятия. При этом, несмотря на сложность и многогранность понятия «инвестиционная политика», необходимо получить достаточно конкретную характеристику, которая бы позволила в дальнейшем подробно изучать рассматриваемую проблему.

По нашему мнению, организационно-экономический механизм инвестиционной политики как отдельного предприятия, так и государства в целом представляет собой методологическую систему, с ее принципами, критериями и инструментами, используемую субъектами управления на различных уровнях для реализации финансовой политики в части установления источников, структуры и масштабов инвестиций, определения направлений их использования и оказания воздействия на хозяйственную деятельность в соответствии с поставленными целями.

Как следует из данного определения, механизм инвестиционной политики представляет собой более широкую категорию, чем механизм инвестиционной деятельности. Полученное определение обладает следующим рядом преимуществ:

- выявление общих закономерностей в реализации инвестиционной политики позволило включить в формулировку субъектов, осуществляющих инвестиционную политику как на микро-, так и на макроуровне;
- в определении присутствуют субъект и объект управления;

- в данном случае инвестиции не сводятся к капитальным вложениям, а воздействуют на хозяйственную деятельность в соответствии с конкретными целями субъектов;

- в сравнении с определением организационно-экономического механизма инвестиционной деятельности формулировка механизма инвестиционной политики несколько шире, но при этом его экономическое содержание не было искажено.

Заключение. Следует отметить, что проблема конкретизации категории «организационно-экономический механизм» остается открытой, поскольку различные сферы экономической деятельности подразумевают существование различий в толковании столь сложного и дискуссионного понятия. Тем не менее мы рассчитываем, что проведенная работа позволит внести ясность в некоторые аспекты теории экономических механизмов.

Примечания:

1. Хозяйственный механизм общественных формаций / Под общ. ред. Л.И. Абалкина. М.: Мысль, 1986. 269 с.
2. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2003. 895 с
3. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. Хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система. М.: Изд-во МГУ, 1990. 382 с.
4. Курс экономики: Учеб. / Под ред. Б.А. Райзберга. ИНФРА-М, 1997. 720 с.
5. Кульман А. Экономические механизмы: пер. с фр. / Общ. ред. Н.И. Хрусталевой. М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 192 с.
6. Градов А.П. Национальная экономика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 240 с.; ил. (Серия «Учебное пособие»).
7. Федорович В.О. Состав и структура организационно-экономического механизма управления собственностью крупных промышленных корпоративных образований / В.О. Федорович // Сибирская финансовая школа. 2006. № 2. С. 45-54.
8. Балабанов И.Т. Основы финансового менеджмента: Учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 1997. 218 с.
9. Федеральный закон № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 г.
10. Михайлова Э.А., Орлова Л.Н. Экономическая оценка инвестиций: Учеб. пособие. Рыбинск: РГАТА, 2008. 176 с.
11. Шарп У., Александер Г., Бейли Дж. Инвестиции: пер. с англ. М.:ИНФРА-М, 2003.
12. Машкин В.И. Сущность инвестиционного процесса. Матер. АКДИ // Экономика и жизнь. 2005. № 12.
13. Бланк И.А. Инвестиционный менеджмент. Учебный курс Эльга-Н, Ника-Центр. 448 с.
14. Староверова Г.С. Экономическая оценка инвестиций: Учеб. пособие / Г.С. Староверова, А.Ю. Медведев, И.В. Сорокина. М.: КНОРУС, 2006. 312 с.

UDC 330.101

The Role of Organizational and Economic Mechanism in Economic Entities' Investment Policy Formation

Vladimir S. Starikovsky

Kuban State Technological University, Russia
2 Moskovskaya Str., Krasnodar 350072
Graduate
E-mail: adm@kgtu.kuban.ru

Abstract. The article considers the evolution of approaches to the study of the category 'organizational and economic mechanism', presents new definition of organizational and economic mechanism, enabling to separate it from the categories, having close meaning by economic content. The features of this category in investment activity formation and investment policy are detected. Functions, factors and methods, used in the framework of organizational and economic mechanism of investment policy formation are characterized.

Keywords: economic mechanism; organizational and economic mechanism; economic activity; management system; investment activity; investment policy; capital.

УДК 338.48

Современное состояние развития туризма на пространстве СНГ

М.Д. Сущинская

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия
Кандидат экономических наук, доцент

Аннотация. Статья отражает результаты компаративного анализа основных индикаторов развития туризма на пространстве СНГ с использованием данных национальных статистических источников, в результате которого сформулированы современные черты, характеризующие туристский рынок СНГ.

Ключевые слова: туризм, Россия, СНГ.

В целом для большинства стран СНГ туризм уже сегодня играет весьма заметную роль в развитии экономики. И, несмотря на то, что доля туризма в ВВП даже в наиболее успешных с точки зрения развития туризма стран на пространстве СНГ пока еще уступает показателям развитых туристских дестинаций, туризм способствует развитию экспорта и привлечению валютных поступлений в платежную систему. Ограниченная конкурентоспособность в контексте мирового туризма обусловливает целесообразность использования благоприятных возможностей развития международного туризма в рамках регионального сотрудничества на пространстве СНГ с перспективой наращивания потенциала выхода на мировой туристский рынок. Для России, которая на мировом туристском рынке находится в лидирующей группе стран как ведущий генерирующий туристский рынок с высокими показателями туристских расходов (импорта), эта задача также крайне актуальна. Предпосылкой этой деятельности является анализ текущего состояния развития туризма на пространстве СНГ.

Надо отметить, что в странах Содружества статистика туризма развита в разной степени. Несмотря на предпринимаемые усилия, не достигнута совместимость данных ни по кругу показателей, ни по методической базе учета, что может свидетельствовать о недостаточном внимании к туризму как приоритетному направлению социально-экономического развития отдельных стран и Содружества в целом. Это служит серьезным ограничением для анализа туристских процессов, протекающих на пространстве СНГ.

Предваряя анализ показателей состояния туризма на пространстве СНГ, приведем их основные индикаторы (см. табл. 1), касающиеся в основном внешнеторгового оборота услуг по статье «поездки» и въездных и выездных потоков между странами СНГ, которые позволят структурировать изложение в рамках нескольких обобщающих замечаний.

Табл. 1

Основные индикаторы развития туризма на пространстве СНГ

	Экспорт по статье «поездки», доля СНГ, %	Импорт по статье «поездки», доля СНГ, %	Основные страны-партнеры в СНГ	Прибытия, млн.	Прибытия с целью туризма из стран СНГ, тыс. чел.	Обслужено турфирмами иностранцев из СНГ, тыс. чел	Размещено туристов из СНГ, тыс. чел.
Россия	45	9	Украина, Узбекистан Казахстан	24,9	100,0	6, 3	773,0
Украина	68,7	30,9	Россия Молдова Беларусь	24,5	630,0	-	-
Казахстан	77	58,5	Узбекистан Кыргызстан Россия	5,7	143,0	7,8	584,0***
Беларусь	54,7	45,6	Россия Украина	5,9	67,5***	86,1	440,3
Кыргызстан	93,4	87,5	Казахстан Россия Узбекистан	3,1	-	10,6***	482***

Армения	-	-	Россия	0, 76	12 %*** (2009)	10 %**** (2009)	10 %**** (2009)
Азербайджан	40*	-	Россия Украина	2,2	520,0****	18,8****	510,0*****
Таджикистан	32	44,6	Россия Казахстан	-	-	-	-
Узбекистан	-	-	Кыргызстан Казахстан	1,0	-	463,4****	-
Молдова	23,5**	12,0***	Россия Украина	-	-	2,8	17,6

Примечания: * - доля Содружества в числе прибытий; ** - доля СНГ в числе туристов по статистике средств размещения; *** - доля СНГ в организованном туризме по данным турфирм; **** - всего без подразделения на страны СНГ и вне СНГ;***** - без разделения на резидентов и нерезидентов.

1. Статистические данные платежных балансов стран СНГ свидетельствуют о ведущей роли России во взаимном туристском обороте стран СНГ. Наблюдается существенный разрыв между Россией и другими странами СНГ как в объемах внешней торговли услугами по статье «поездки» на мировом рынке в целом, так и в части объемов внешней торговли туристскими услугами среди стран СНГ. Так, доходы России от международного туризма в целом превышает соответствующий показатель следующей по доходности страны СНГ – Украины в 2,65 раза, а от международной торговли со странами СНГ – в 1,75 раза (см. табл. 2). Это связано не только с большей численностью населения, но и более благоприятными показателями благосостояния российских граждан, формирующих емкость туристского рынка, с одной стороны, и более высоким уровнем развития рыночных отношений, в т.ч. в сфере туризма, с другой стороны. По торговле услугами, отражаемыми статьей «поездки», за Россией следуют Украина, Азербайджан, Казахстан. Однако региональная структура экспорта и импорта услуг в сфере туризма в межстрановом разрезе на пространстве СНГ различается.

Табл. 2

Внешняя торговля услугами стран СНГ по статье «поездки» в 2011 г. на пространстве Содружества, млн. долл. США (по данным платежных балансов)

Страна	Экспорт			Импорт			Сальдо услуг по статье «поездки»		
	Все страны	Страны вне СНГ	Страны СНГ	Все страны	Страны вне СНГ	Страны СНГ	Все страны	Страны вне СНГ	Страны СНГ
Азербайджан	1287,3	–	–	1689,0	–	–	-401,7	–	–
Армения	445,6	–	–	477,3	–	–	-31,7	–	–
Беларусь	459,4	208,0	251,4	554,9	302,1	252,8	-95,5	-94,1	-1,4
Казахстан	1208,5	278,1	930,5	1630,7	675,3	955,4	-422,2	-397,0	-25,0
Кыргызстан	631,3	37,9	593,4	407,5	41,9	365,6	223,8	227,8	4,0
Россия	11398,0	6247,0	5151,0	32466,0	29422,0	3044,0	-21068, 0	-23174,(	2107,0
Таджикистан	3,1	1,9	1,2	8,3	4,6	3,7	-5,3	- 2,7	-2,5
Украина	4294,0	1345,0	2949,0	4461,0	3083,0	1378,0	-167,0	-33,0	-134,0
Молдова (2010)	195,0	177,5	17,5	299,8	185,9	113,9	-104,8	-8,4	-96,4

2. Страны СНГ более зависимы как в отношении доходов, так и расходов от туризма от регионального туристского рынка, формирующегося на пространстве СНГ. Используя данные платежных балансов стран СНГ, можно привести следующие показатели: в России соотношение стран СНГ и остальных стран в экспорте и импорте услуг по статье «поездки» остается в последние годы стабильным, и в 2011 г. по данным платежных балансов доля стран Содружества в экспорте составляла 45%, в импорте – 9%. Например, в Украине это соотношение в 2011 г. составляло 68,7% против 30,9%, в Казахстане – 77% против58,5 %, Беларуси – 54,7% против 45,6%, Кыргызстане – 93,4% против 87,5%, в Таджикистане – 32,4% против 44,6%, Молдове – 8,9% против 38%. Как видно, доля Содружества в этих странах СНГ по обеим статьям внешнеторгового оборота по статье «поездки» или, по крайней мере, по расходной части (Молдова, Таджикистан) значительно превышает соответствующий показатель России.

3. В ряде стран СНГ, в т. ч. в самой России, наблюдается снижение доли СНГ в импорте туристских услуг этих стран, что означает относительное сокращение поездок в СНГ, переориентацию

потоков на другие страны вне СНГ. Из всех стран, по которым имеется информация в разрезе СНГ (см. табл. 2), только Кыргызстан имеет положительное сальдо в международной торговле услугами по статье «поездки», у других, за исключением Украины, отмечается незначительное пассивное сальдо в торговле со странами СНГ, а для России положительный результат в торговле данными услугами со странами СНГ позволяет в некоторой (правда на сегодняшний день весьма незначительной) степени компенсировать значительный пассив, сформированный крупными масштабами выездного туризма за границы СНГ.

4. Важной характеристикой развития туризма на пространстве СНГ является локализация основных партнеров в торговле туристскими услугами в рамках стран-соседей (см. табл. 1). Информация о туристских потоках, генерируемых и принимаемых странами СНГ, позволяет подтвердить и конкретизировать сформулированный вывод.

Наиболее диверсифицированной региональной структурой по данному показателю, прежде всего по экспорту, обладает Россия, что, во-первых, обусловлено ее территориальной протяженностью, а во-вторых, более высокими показателями социально-экономического развития, что вызывает крупномасштабные потоки трудовой миграции, а также получение образовательных, медицинских и иных платных услуг, стимулирующих частные поездки с разнообразными личными целями; кроме того, относительно развита туристская сфера, ее рыночная и материальная инфраструктура.

Так, в России, по данным Платежного баланса за 2011 г., количество иностранных граждан, посетивших Российскую Федерацию в рассматриваемом периоде (включая въехавших с целью временного трудоустройства), выросло по сравнению с 2010 годом на 14% и составило 31,0 млн. человек. При этом численность въезжающих из стран СНГ увеличилась на 16%, а из стран дальнего зарубежья – на 10%.

Наибольшими темпами увеличивалось количество въезжающих граждан Узбекистана (на 39%), Молдавии (на 29%) и Армении (на21%), главным образом из-за повышения спроса на российском рынке труда.

Численность российских резидентов, находившихся в поездках за пределами страны (включая выехавших с целью временного трудоустройства), увеличилась на 12%, составив 40,7 млн. человек. Страны СНГ посетило 15,2 млн. россиян (на 5% больше, чем в 2010). Однако следует иметь в виду, что основная доля поездок (67% в 2011 г.), осуществляемых гражданами России, приходится на страны дальнего зарубежья. Впрочем, этот факт может отчасти объясняться тем, что стран дальнего зарубежья в процентном соотношении больше, чем стран СНГ. Тем не менее интересно, что количество поездок российских граждан в страны дальнего зарубежья и СНГ в 2005 г. было примерно одинаковым [1].

Наибольшие туристские потоки в Россию формируют Украина, Узбекистан и Казахстан, а принимают из России Украина (24%) и со значительным отрывом Казахстан (8%) [2]. Соответственно, по итогам за 2011 г. из всех стран СНГ только они попали в топ-листы стран, лидирующих по доходам России по статье «поездки» и расходам от туристской деятельности российских граждан. Однако другие страны СНГ также занимают весомую долю во въездных потоках, обеспечивая от 4% до 6% граждан, посещающих Россию. К ним относятся Молдова, Азербайджан и Узбекистан.

Посмотрим, какое положение занимает Россия в прибытиях и выездах других стран СНГ [3].

Россия сохраняет позицию наиболее значимого поставщика туристов в Украину; число российских граждан во въездном туристском потоке составляет почти 10 млн. чел. и выросло за год с 2010 г. на 13%. В то же время выездной поток украинских граждан за границу в 2011 г. вырос по сравнению с предыдущим годом на 14,6% и составил 20,3 млн. чел., страны СНГ посетило на 12% больше украинцев, и выездной поток в страны СНГ составил около 10 млн. чел, что сопоставимо с въездом в Украину российских граждан. При этом выезд в Россию вырос на 5% и обеспечивает России первую позицию как по численности выездного потока из Украины, так и по расходам, которые совершают украинские граждане за рубежом. Следующие две позиции занимают Молдова и Беларусь.

В Казахстанена на страны СНГ приходилось 91% всех прибытий из-за рубежа. Из них наибольшее число прибытий обеспечивали Узбекистан (почти 2 млн. чел.), Кыргызстан (1,5 млн. чел.) и Россия (1,3 млн. чел.), среди которых высокие темпы роста показали Узбекистан (39%) и Кыргызстан (37%).

Доля стран СНГ в выездных потоках из Казахстана составляла в 2011 г. 87,5%. Однако при том, что наиболее интенсивные взаимные потоки въезда и выезда в Казахстане формируются с тремя названными странами, их распределение по значимости в выездном потоке меняется. Наибольшее число граждан Казахстана посещают Кыргызстан (3,5 млн. чел., что составляет 44% всего выездного потока или почти 50% выезда в СНГ), Россия (2,2 млн. чел.), Узбекистан (1,1 млн. чел.). Интересно, что если выезд в Кыргызстан растет (17%), то в Россию – уменьшается.

Число поездок белорусских граждан за границу за 2011 г. составило 7,5 млн. и по сравнению с 2010 г. увеличилось на 1%. Из общего числа выездов 62,3% осуществлялись в страны дальнего зарубежья и 37,7% – в страны СНГ.

Наиболее масштабные потоки выезда и въезда в Беларуси осуществляются в двух направлениях – Россия и Украина. Это отражают доли этих стран в экспорте и импорте Беларуси по статье «поездки». В 2011 г. в общем объеме белорусского экспорта по статье «поездки» доля России составляла 33%, Украины – 13%; в общем объеме белорусского импорта доля России – 29%, Украины – 17%.

Основными поставщиками прибытий в Армению являются страны армянской диаспоры (62% всех прибытий [4]), среди них основные – Грузия и Россия. По данным Министерства туризма Армении, в 2009 г. резко сократилось число путешественников, прибывающих в Армению из стран СНГ, но так же резко возросло число туристов из Ирана и Грузии.

По данным национальной статистики Азербайджана, в 2011 г. из России прибыло 700 тыс. чел., что на 17% больше чем в 2010 г. Украина занимает 5-е место в числе стран-поставщиков поездок в Азербайджан со значительным отрывом от России – 31,5 тыс. поездок. Начиная с 2006 г., Россия прочно удерживает лидерство по числу въездов в Азербайджан, наращивая поток прибывающих в страну. Всего в Азербайджан въехало 886 тыс. чел. из стран Содружества [5].

Официальная статистика Азербайджана не дает разбивку выездов по странам. Однако, согласно исследованию ПРООН (Программы развития Организации Объединенных Наций) [6], наиболее популярными странами для поездок граждан Азербайджана являются среди СНГ Россия (в основном с деловыми целями), которая занимает после Турции второе место, Украина (4-е место). Среди 17 упомянутых стран других стран Содружества нет.

Официальной статистики по туристским потокам Таджикистана не публикуется, однако, по оценкам WorldTravelMarket [7] в 2011 г., Россия остается основным поставщиком прибытий в Таджикистан, в значительной степени в связи с большим размером таджикской диаспоры в России. Поток отъезжающих в Россию также растет, что связано с масштабной трудовой миграцией, а также с поездками родных к таджикским гражданам, находящимся в России. Вместе с Россией подавляющую часть трудовых мигрантов принимает Казахстан, соответственно число поездок в эти две страны является превалирующим в структуре поездок таджикских граждан.

По данным Министерства экономического регулирования Кыргызстана, в 2010 г. количество иностранных туристов, посетивших Кыргызстан, составило 1,3 млн. человек, за 2011 г. Кыргызстан посетило 3,1 млн. иностранных граждан. При этом объемы и рост въезда в страну обеспечивается в основном туристами, посетившими Кыргызстан из стран СНГ. Так, доля стран СНГ в прибытиях составляла в 2008 г. 96%, в 2011 г. – почти 97%. Основными поставщиками туристов являются Россия (1 млн. прибытий), Казахстан (1,4 млн. прибытий), Узбекистан (430 тыс.). В связи с тем, что численность выехавших из республики не публикуется в статистических сборниках, для наглядного представления масштабов выезда из Кыргызстана приведем опубликованную цифру за 9 месяцев 2011 г., когда численность граждан, выехавших за пределы Кыргызстана, составила 42,5 тыс. человек – это на 13,7 тысяч человек меньше в сравнении с тем же периодом 2010 г. [8]. Такое соотношение туристских потоков обеспечивает положительный внешнеторговый баланс услуг туризма.

Согласно статистической отчетности платежного баланса Республика Молдова, по статье «поездки» среди стран СНГ наибольшую долю во внешнеторговом обороте по этой статье занимают Россия, Украина и с существенным разрывом Беларусь. Доля этих стран в экспорте услуг по статье «поездки» составляет соответственно 33,5%, 25,7% и 2%, а в импорте – 82,5%, 14,6% и 1,6%. Что касается количественных показателей въезда и выезда граждан, то следует обратить внимание, что Молдова ведет учет туристов как в рамках въездного, так выездного потока по отчетности, предоставляемой лицензированными туристскими фирмами и средствами размещения. Используя имеющуюся официальную информацию, можно констатировать следующее состояние соотношения этих потоков и их направленность.

В 2011 г., по данным туристских фирм, в Молдову из России прибыло 1,4 тыс. туристов в организованные туры, из Украины – 1,2 тыс., а всего из СНГ – 2,8 тыс. чел. В 2011 г. в средствах коллективного размещения было обслужено 75 тыс. иностранцев, что на 17% больше, чем в 2010 г. Из них граждан России – 7,8 тыс. чел., Украины – 7,2 тыс. чел. и из Беларуси – менее 1 тыс. Всего из стран СНГ – 17,6 тыс. чел. Таким образом, три наиболее значимые страны СНГ, поставляющие туристов в Молдову, вместе обеспечивают лишь 18% всех туристов, по статистике средств размещения. Это указывает на низкую долю стран Содружества в туристском потоке в Молдову. С другой стороны, по данным турфирм, из 136 тыс. молдавских туристов организованно в Украину выехало в 2011 г. 11,5 тыс. молдавских граждан, и эта цифра имеет тенденцию к сокращению (в 2008 она составляла 16 тыс. чел.), а в Россию – всего 341 чел., и по сравнению с 2010 г., когда это число насчитывало 1294 чел. Зафиксированный спад свидетельствует о резком сокращении и так незначительного объема организованного выезда молдавских граждан в Россию и страны СНГ (кроме России и Украины, молдавские граждане практически вообще не выезжают в страны СНГ в организованном порядке).

5. Другой показательной характеристикой являются крайне низкие показатели въезда и выезда граждан в пределах СНГ с целью туризма. По данным Федерального агентства по туризму РФ [9], численность въехавших в страну в 2011 г. оценивалась на уровне 24,9 млн., в т.ч. с целью туризма

2,3 млн. (9,2%); выехавших из страны: соответственно 43,7 и 14,5 млн. (33%). Отметим, что Государственный комитет по статистике приводит цифры, относящиеся к поездкам только в пределах стран дальнего зарубежья. Согласно этим данным, из стран дальнего зарубежья прибыло в 2011 г. 9,2 млн. человек, в т.ч. с целью туризма – 2,2 млн. [10].Таким образом, если основываться на приведенных данных, получается, что из стран СНГ прибыло с целью туризма около 100 тыс. чел. Используя официальную статистическую информацию Росстата и Ростуризма, можно провести расчеты, позволяющие дать оценку въездным и выездным потокам между Россией и странами СНГ.

Доля граждан СНГ во въездных потоках, совершаемых с целью туризма, очень невелика. Так, граждане СНГ, приезжавшие с целью туризма, составляют лишь менее 1% всего въездного потока граждан стран СНГ и чуть более 4% всех поездок иностранных граждан, предпринятых с целью туризма. Отметим, что, по оценкам, в 2004 г. эта доля составляла 3,3% [11].

Доля стран СНГ в выездных туристских потоках, совершаемых с целью туризма, также невелика. Она составляет менее 3% всего выездного потока российских граждан в страны СНГ и такую же долю от поездок российских граждан, предпринятых с целью туризма за рубеж. Доля служебных поездок в два раза меньше, и основной поток в страны СНГ формировали частные поездки российских граждан.

6. Среди поездок, в т.ч. с целью туризма, наблюдается низкая доля организованного туризма. Аналогично фиксируется разрыв между показателями въезда и числом устроенных в средствах размещения. Отметим, что с точки зрения наращивания вклада в ВВП туристской индустрии именно эти показатели играют наиболее существенную роль (наряду с транспортными услугами).

Данные туристских фирм (туроператорских и турагентских) позволяют оценить масштабы организованного туризма. По данным официальной статистики, начиная с 2004 г., число обслуженных иностранных туристов из стран СНГ имеет нелинейную тенденцию к снижению, соответственно в 2004 г. принято и обслужено 16,9 тыс. чел., в 2005 – 24,0 тыс., 2006 – 39,5 тыс., 2007 – 27,4 тыс., в 2008 – 7,9 тыс., в 2009 г. – 7 тыс., в 2010 г. – 16,0 тыс. и в 2011 г. – только 6,3 тыс. чел. [12]. Граждане стран СНГ, которые составляют значительную долю иностранных прибытий, в большинстве случаев самостоятельно организуют свое пребывание, пользуясь частными средствами размещения и не прибегая к услугам турагентов и туроператоров. Это характерно и для граждан России, выезжающих в страны СНГ.

Число обслуженных российских туристов, отправленных в страны СНГ, превосходит соответствующий показатель из стран Содружества, но также демонстрирует тенденцию к снижению. Так, если в 2007 г. турфирмы отправили 121 тыс. российских туристов в страны СНГ, то в 2008 г. – 90 тыс. чел., в 2009 г. – 72 тыс., в 2010 г. – 113 тыс. чел., то в 2001 г. – 102 тыс. чел.

Международные туристские потоки неразрывно связаны с деятельностью коллективных средств размещения. Наличие и качество предоставляемых ими услуг имеют первостепенное значение для развития въездного туризма. С этой точки зрения важным показателем, фиксирующим межстрановое распределение туристских въездных потоков, является численность размещенных в средствах размещения.

Если судить по данным российской государственной статистики, то примерно 88% от всех размещенных в гостиницах – это граждане России, около 9% – прибывшие из стран дальнего зарубежья, и только около 3% – это туристы из стран СНГ [13]. При этом удручают не только относительные показатели, но и абсолютные: в 2010 г. граждане СНГ в размещенных в средствах размещения исчислялись в 773 тыс. чел., включая гостиницы, санаторно-курортные организации и организации отдыха, туристские базы.

Таким образом, заметна закономерность: большая часть экспорта услуг, оказанных путешествующим в личных целях туристам, приходится на услуги в рамках частных поездок, тогда как организованный личный туризм имеет скромные показатели. В результате формируется низкий «коэффициент полезного действия» въездных потоков в страны СНГ, препятствующий полномасштабному запуску механизма мультипликативного эффекта туризма.

Приложения:

1. Борисов С.М. Россия на рынке международных услуг // Деньги и кредит. 2007. № 7. С. 71. URL:http://www.cbr.ru/publ/MoneyAndCredit/Borisov_rec.pdf

2. Суконникова Е.В. Состояние статистики туризма в Российской Федерации.URL: statistics.unwto.org/sites/all/files/pdf/russian_sts.pdf

3. Ukraine: balance of payments and external debt for 2011. URL:http://www. bank.gov.ua/doccatalog/document;jsessionid=B8438F35FE4D5FA5536477D2897773B5?id=113251

4. Туризм Казахстана. 2007–2011. Статистический сборник. Астана, 2012.

5. Платежный баланс республики Беларусь за 2011 год. URL: http://www.nbrb.by /statistics/BalPay/Comment/2011.pdf

6. Государственный статистический комитет Азербайджана.URL: http://www.azstat.org/

7. Туризм в Кыргызстане. 2007-2011. Бишкек, 2012. URL: http://stat.kg/images/stories /docs/tematika/tourism/Tourizm %202007-2011.pdf

8. Национальное бюро статистики Республики Молдова.URL:http://www. statistica.md/category.php?l=ru&idc=293&

9. Armenia Tourism. URL:http://www.east-invest.eu/en/Investment-Promotion/armenia-2/RA-tourism

10. Алиев Р.А. СостояниестатистикитуризмавАзербайджанскойреспублике. dtxtq4w60xqpw. cloudfront.net/sites/all/files/.../item_2.2_azerbaijan.p...

11. Azerbaijan market profile. URL: http://www.b2btravelworkshop.com/index. php?option=com_content&view =article&id=64&Itemid=81

12. Travel and Tourism – Tajikistan.URL: http://www.wtmlondon.com/ page.cfm/ action= library/libID=3/libEntryID=101/listID=7

13. Кыргызское национальное информационное агентство. http://www.kabar.kg /society/ full/20017

14. Федеральное агентство по туризму http://russiatourism.ru/rubriki/-1124140896/

15. Россия в цифрах – 2012 г. http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d1/10-11.htm

16. Шпилько С. Въездной туризм может стать высокодоходным // Экономика России: XXI век. 2004. № 20.

17. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do

18. Российский статистический ежегодник. 2011 г. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. С. 292.

UDC 338.48

Modern State of Tourism Development across the Commonwealth of Independent States

M.D. Sushchinskaya

St. Petersburg State University of Economics, Russia
PhD (Economics), Assistant Professor

Abstract. The article reflects the results of comparative analysis of major indicators of tourism development across CIS, using national statistic sources data. The results enabled to state modern features, characterizing CIS tourism market.

Keywords : tourism ; Russia ; CIS.

УДК 338.486.1.02

Проблемы менеджмента безопасности массовых спортивных мероприятий

[1] Владимир Дмитриевич Фетисов
[2] Татьяна Владимировна Фетисова

1. Филиал Сочинский государственный университета в г. Нижний Новгород, Россия
603000, г. Н. Новгород, ул. Макарова, 1
Доктор экономических наук, профессор
E- mail: Fetisov21@mail.ru
2. Филиал Сочинский государственный университета в г. Нижний Новгород, Россия
603000, г. Н. Новгород, ул. Макарова, 1
Кандидат экономических наук, доцент
E- mail: Fetisov21@mail.ru

Аннотация. В статье на основе системного подхода к пониманию безопасности сделана попытка решения проблем экономического содержания и менеджмента безопасности массовых спортивных мероприятий; раскрывается система субъектов и объектов безопасности массовых спортивных мероприятий, их связь со спортивным бизнесом; приводятся слабые места менеджмента безопасности спорта. В заключение предлагаются пути совершенствования менеджмента безопасности массовых спортивных мероприятий в России.

Ключевые слова: безопасность; массовые спортивные мероприятия; менеджмент безопасности; теневая экономика спорта.

Введение. Важнейшим объектом туризма являются массовые отечественные и международные спортивные мероприятия, такие, как летние и зимние олимпиады, чемпионаты страны, Европы, мира, универсиады и другие. Их проведение связано с участием десятков тысяч граждан, сотен организаций, городов и субъектов страны, а также сохранностью и использованием огромных жизненных ценностей, исчисляемых многими миллиардами рублей. Все это порождает в условиях ограниченности жизненных благ различные проблемы безопасности людей, имущества и общества, успешное решение которых во многом зависит от качества менеджмента [1]. Их изучение и анализ представляется чрезвычайно важным в теоретическом и практическом плане при подготовке и проведении массовых спортивных мероприятий (МСМ). К важнейшим проблемам безопасности МСМ следует отнести:

- обоснование экономического содержания безопасности МСМ;
- выявление недостатков менеджмента безопасности МСМ;
- определение основных путей разработки и совершенствования менеджмента безопасности МСМ в РФ.

Материалы и методы. В статье использованы материалы отечественной и зарубежной статистики и информатики, данные экспертов, нормативно-правовые акты органов власти РФ, Интернет. Применены эмпирический, логический, аналитический, статистический, системный, институциональный методы исследования.

Обсуждение проблемы. Затраты на безопасность МСМ неуклонно растут и достигают в настоящее время 20–30% стоимости их проведения. Так, на безопасность Олимпиады-2014 в Сочи выделяется 2 млрд. долл. из 10 млрд. долл., первоначально планируемых на всю олимпиаду [2]. По существу, расходы на безопасность составляют основную статью текущего финансирования МСМ. С другой стороны, национальная эффективность МСМ и спорта в целом снижается, а уровень опасности, напротив, повышается. В результате многие города – организаторы международных спортивных мероприятий – нередко сталкиваются с серьезными финансовыми проблемами [3].

Главные причины низкого качества менеджмента безопасности МСМ в РФ являются:

- недопонимание экономического содержания безопасности МСМ;
- некачественное правовое обеспечение МСМ;
- отсутствие системности менеджмента безопасности;
- слабая профилактика безопасности МСМ;
- чрезмерное влияние субъективного характера на менеджмент безопасности МСМ.

В итоге в мировом рейтинге безопасности туризма Россия занимает 139-е место [4], а для обеспечения безопасности сочинской зимней Олимпиады-2014 страна вынуждена обращаться за помощью к органам других государств.

Широко распространенное на практике мнение о безопасности МСМ как правовой сферы или борьбы органов с болельщиками и террористами мало соответствует реальной действительности,

поскольку не связано с быстро развивающимся спортивным бизнесом. Национальные и тем более международные спортивные и околоспортивные организации – это многомиллионные в долларовом выражении образования. Так, годовой оборот мирового букмекерства достигает триллиона долларов [5].

В данных условиях для создания эффективного менеджмента безопасности необходимо, прежде всего, выяснить ее экономическое содержание. *Безопасность МСМ представляет собой экономическое явление, выражающее отношения по поводу сохранности стоимости жизненных благ экономических субъектов МСМ*. Ее суть образует взаимодействие субъектов в целях обеспечения человеческих, духовных, социальных и имущественных ценностей, исчисляемых миллиардами рублей. Система субъектов МСМ представлена на рис. 1.

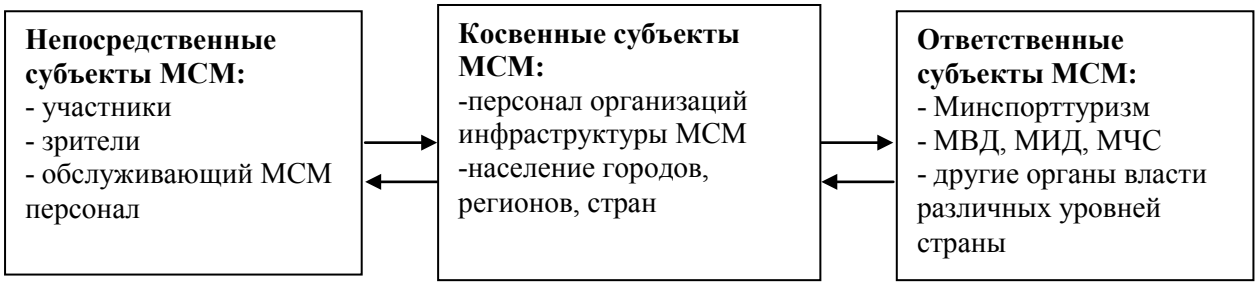

Рис. 1. Система субъектов безопасности МСМ России

Все субъекты МСМ находятся в тесной связи и взаимодействии. При этом участники, зрители и косвенные субъекты МСМ подразделяются на противоречивые пары субъектов: противники-спортсмены, противники-болельщики, конкуренты-организации. Каждый из субъектов, от отдельного спортсмена и тренера до персонала гостиницы и части населения города, кроме своего прямого целевого назначения, способен выступать как нарушитель правопорядка, так и участник обеспечения безопасности. В частности, спортсмен-участник МСМ может стать:

- участником внеправового воздействия на противника как конкурента;
- пользователем допинга,
- участником схем договорных результатов соревнований,
- участником контрабандных, финансовых, социальных, террористических, сексуальных, бытовых и прочих неправовых инцидентов,
- субъектом, обеспечивающим безопасность МСМ.

Любой отель может оказаться сферой контрабандного, серого валютного, неформального сексуального, наркотического рынков, а также сферой всевозможного вымогательства, терроризма, коррупции и других противоправных действий.

Представители ответственных органов власти нередко выступают участниками внеправовых отношений при распределении и реализации билетов, теле- и аудиконтрактах, рекламных сделках, судействе и ряде других процессов.

Объектами безопасности МСМ служат всевозможные жизненные ценности: физиологические, материальные, нематериальные, социальные, духовные. Система объектов безопасности МСМ показана на рис. 2.

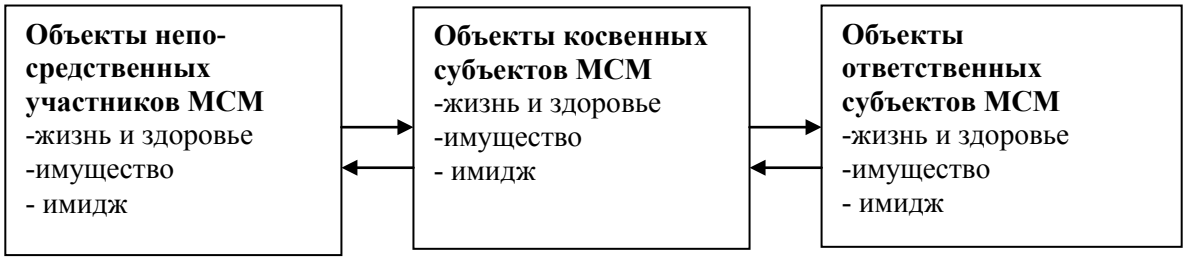

Рис. 2. Система объектов безопасности МСМ

В рыночной экономике все объекты безопасности приобретают прямое (посредством цены) или косвенное (через финансовые инструменты) денежное выражение. Соответственно, любое МСМ, в конечном счете, сводится к комплексу экономических интересов и рисков различных субъектов. Защита имущественных интересов и регулирование рисков лежит в основе менеджмента безопасности МСМ. Главная его задача – создание комплекса организационных, физических,

технических, социальных, духовных и экономических мероприятий, обеспечивающих нормальное проведение МСМ.

Менеджмент безопасности МСМ – это комплекс управленческих мероприятий, обеспечивающих сохранность человеческих, материальных, социальных и духовных ценностей субъектов МСМ. Его общими управленческими функциями являются организация, прогнозирование, планирование, мотивация, оперативное управление, учет, отчетность и контроль. Основными специальными функциями менеджмента безопасности МСМ служат:

- обеспечение безопасности от криминала,
- обеспечение безопасности от террористических факторов,
- обеспечение безопасности от финансовых рисков,
- обеспечение безопасности от природно-климатических и технических факторов.

В настоящее время проведение международных МСМ в России усложняется действием ряда современных отечественных и зарубежных социально-экономических факторов, в том числе введением федерального Закона РФ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [6], дополнениями в федеральный Закон РФ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [7], дополнениями в федеральный Закон РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений [8], разрешением Всемирного антидопингового агентства курения марихуаны [9], популяризацией за рубежом прав и свобод сексуальных меньшинств, усилением террористической атмосферы.

Основными путями радикального преобразования менеджмента безопасности МСМ являются следующие.

1. Разработка ясных научнообоснованных комплексов правового (международных, национальных, местных и других нормативно-правовых документов) нормативного и информационного обеспечения личной безопасности, сохранности имиджа и имущества субъектов МСМ. В первую очередь, необходимо принятие Закона РФ «О порядке проведения и мерах обеспечения безопасности массовых спортивных мероприятий в Российской Федерации» [10], в котором следует предусмотреть права, обязанности и ответственность всех субъектов МСМ в части безопасности физических, имущественных, социальных и духовных ценностей. Особое место должно быть отведено учету и связи положений международных и отечественных нормативно-правовыми актов.

К сожалению, в большинстве субъектов РФ до сих пор отсутствуют нормативные акты о проведении массовых спортивных мероприятий с участием десятков тысяч человек. Так, в Нижегородской области имеется лишь постановление о проведении культурных, рекламных и спортивных мероприятий численностью в основном до 2000 человек.

2. Комплексное и своевременное осуществление управленческих функций менеджмента безопасности (организация, прогнозирование, планирование, мотивация, оперативное регулирование, учет, отчетность, контроль). В частности, во всех строящихся спортивных сооружениях, гостиницах и других учреждениях необходимо спланировать и осуществить комплекс мероприятий по осуществлению закона о курении (специальные помещения для курения с вентиляцией, вытяжкой, меры пожарной безопасности и т.д.).

3. Осуществление системной разработки целевых сфер менеджмента безопасности, в том числе маркетинга, инновационного менеджмента, финансового менеджмента и др.

4. Создание четкой системы бюджетирования подготовки, профилактики и реализации мероприятий безопасности МСМ. Отсутствие научнообоснованных смет безопасности часто приводит к значительным внеплановым расходам.

5. Формирование всеобщей системы страхования субъектов и объектов МСМ, предполагающей органическое единство положений международного и национального страхования.

6. Использование отечественного и мирового опыта обеспечения безопасности МСМ.

В заключение следует отметить, что максимальный учет названных предложений позволит создать эффективную систему менеджмента безопасности различных МСМ, в том числе и предполагаемых к проведению в России зимней Олимпиады 2014 г., чемпионата мира по футболу 2018 г.

Примечания:

1. Писаревский Е.Л. Основы безопасности туризма / Е.Л. Писаревский. М.: Финансы и статистика, 2007. 320 с.
2. URd: http://www.rb.ru/article/bezopasnost-olimpiady
3. -v-sochi-oboydetsya-v-2-mlrd/6631107.html
4. URd: http://www.psj.ru/%E1%E5%E7%EE%EF%E0%F1%
5. URd: http://www.7-tur.com/page.php?idpage=23&id=7181
6. URd: http://www.primochka.ru/bez-kategorii/teksty/text-27308
7. URd: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;

8. n=142515;dst=0;ts=BD6E637059FE01F981E4883F38D399CF;
9. URd: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req
10. =doc;base=LAW;n=130964
11. URd: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card;page
12. =splus;ts=BD6E637059FE01F981E4883F38D399CF
13. URd: http://newsland.com/news/detail/id/1176523/
14. Миронов А.Н. Концепция Федерального закона «Об обеспечении правопорядка и общественной безопасности при проведении спортивных и иных массовых мероприятий в Российской федерации» / А.Н. Миронов // Административное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 89-92.

UDC 338.486.1.02

Problems of Mass Sports Events Security Management

[1] Vladimir D. Fetisov
[2] Tatyana V. Fetisova

[1.] Nizhny Novgorod Branch of Sochi State University, Russia
1 Makarova Str., Nizhny Novgorod 603000
Doctor of Economics, Professor
E- mail: Fetisov21@mail.ru
[2.] Nizhny Novgorod Branch of Sochi State University, Russia
1 Makarova Str., Nizhny Novgorod 603000
PhD (Economics), Assistant Professor
E- mail: Fetisov21@mail.ru

Abstract. The article, using system approach to security understanding, attempts to solve the problems of mass sports events economic contents and security management, discloses the system of mass sports events security subjects and objects, their relation to sports business, presents flaws of sports security management. The conclusion cites the ways to improve mass sports events security management in Russia.

Keywords: security; mass sports events; security management; sports shady economy.

УДК 33

Статистическое исследование туристского рынка Республики Абхазия

Игорь Вахтангович Цулая

Абхазский государственный университет, Республика Абхазия
384900, г.Сухум, ул. Университетская, 1
Кандидат географических наук, преподаватель
E-mail: T.I.V.2013@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы развития туризма Республики Абхазия на современном этапе. Анализируются мнения респондентов об организации отдыха на курортах Абхазии.

Ключевые слова: анкетирование, туристская дестинация, статистическое исследование, Республика Абхазия.

Введение. Курорты и туризм – наиболее перспективные направления развития экономики Абхазии. В современном мире индустрия гостеприимства является динамично развивающейся отраслью. Республика Абхазия обладает уникальными рекреационными ресурсами, опираясь на них, туристская индустрия может стать «локомотивом» для всей экономики страны. На данном этапе перед Абхазией открываются большие перспективы в развитии этого сектора экономики, особенно в долгосрочном периоде. Согласно Закону «О туристской деятельности в РА» [1] индустрия гостеприимства является приоритетным направлением социально-экономического развития Абхазии.

За последние годы РА сделала большой шаг на пути развития международного туризма, преодолев экономический кризис. Уже сегодня индустрия гостеприимства, несмотря на наличие ограничений, отличается высокой динамикой.

С 2002 по 2012 гг. увеличились основные показатели, характеризующие состояние международного туризма в РА: численность туристов – с 16828 до 126387, количество участников экскурсий – с 65804 до 759320, число санаторно-курортных объектов – с 29 до 85, количество мест в санаторно-курортных объектах – с 5258 до 16000, количество отдохнувших в санаторно-курортных объектах – с 24993 до 155000. С 2007 по 2012 гг. количество квартиросдатчиков увеличилось с 1269 до 2909, а количество койко-мест – с 6022 до 11035. Однако на фоне этого роста наблюдается давление на природные и культурно-исторические объекты, перегрузка систем обеспечения, ухудшение экологической обстановки, переход трудоспособного населения на работу в туристский сектор в ущерб другим отраслям экономики.

Материалы и методы. В Абхазии отсутствуют данные, отражающие уровень и значение туризма для ее экономики, следовательно, имеется потребность в проведении статистических исследований, которые прописаны в статье №4 «Приоритетные направления и способы государственного регулирования туристкой деятельности», вышеуказанного Закона. Поэтому проведение социологического опроса и анализ полученных данных представляют собой один из методов исследования ситуации на туристском рынке.

Объектом данного исследования являются туристы из Российской Федерации и стран СНГ, посетившие курорты Абхазии в период с 25.07. по 10.08. 2012 года.

Целью исследования является изучение мнения туристов об особенностях организации отдыха на курортах Республики Абхазия.

В рамках исследования с июня по август 2012 года студентами 3–4 курсов биолого-географического факультета (спец. СКСиТ) Абхазского государственного университета был проведен опрос туристов в республике. Было установлено, что в данный период времени наблюдался пик сезона: одновременно на курортах РА отдыхало более 55 тыс. туристов, что составило генеральную совокупность. Для определения размеров выборки нами был принят произвольный метод, при котором бездоказательно принимается, что для получения точных данных исследования выборка должна составить 5% генеральной совокупности, поэтому общее количество респондентов составило 2803 туриста.

Анкета для туристов состояла из одинаковых вопросов и была представлена на русском языке. Нами был проведен опрос в курортных зонах: поселках Цандрипш, Гечрипш, городах Гагра, Пицунда, Гудаута, Н. Афон, Сухум, а также на авто- и железнодорожных вокзалах, в местах развлечений, экскурсий и на пляжах, где, для того чтобы «убить» время, респонденты, как показывает практика, с удовольствием принимают участие в подобных исследованиях.

Результаты. Знание наиболее популярных источников информации об Абхазии у туристов важно для участников рынка с точки зрения выбора маркетинговых инструментов и распределения ресурсов.

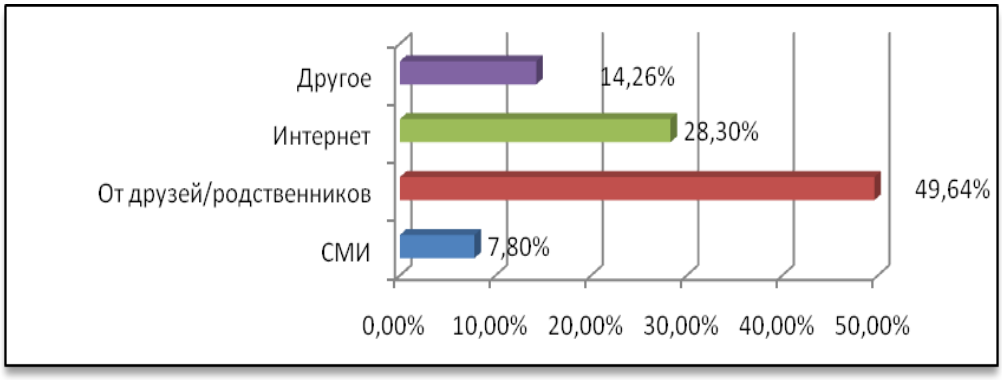

Рис. 1. Основные источники информации об отдыхе в Абхазии

Личный опыт для туристов – самый надежный и проверенный источник информации. Таким образом, турист, побывавший в Абхазии, становится одновременно носителем и источником информации для себя, а также для друзей и родственников.

Как и следовало ожидать, опыт друзей/родственников (около 50%) является основным источником получения информации туристами об отдыхе в Республике Абхазия. Интернет и социальные сети стали неотъемлемой частью жизни большинства населения РФ и стран СНГ, этим и объясняется высокий уровень (28%) информированности туристов об отдыхе в РА.

Вопросы информационного оснащения отрасли, в частности выбора каналов информирования туристов, становятся все более актуальными и важными для ее дальнейшего развития.

Рис. 2. Цели приезда туристов в Абхазию

По результатам исследования выявлено, что 72% респондентов приехали отдыхать в Абхазию с целью проведения досуга и отдыха, а 6,8% опрошенных выбрали визит к друзьям и родственникам. Сравнительно малая часть (20%) отдыхающих предпочла лечение и профилактику, деловой туризм, экотуризм, религиозный туризм. Государству и турбизнесу необходимо предпринять ряд мер, направленных на продвижение данных видов туризма.

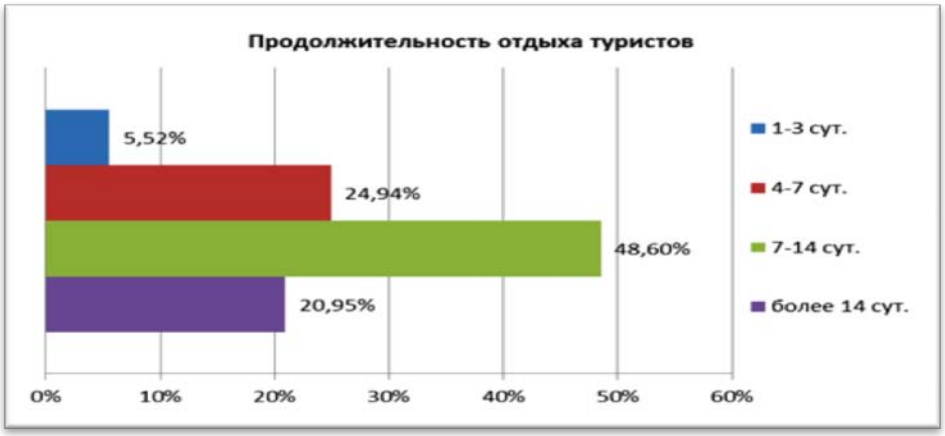

Рис. 3. Продолжительность отдыха туристов в Абхазии

По данным рис. 3, средняя продолжительность отдыха в Абхазии составляет около 10 дней. Этот период можно считать максимально привлекательным для туристского бизнеса в республике. В ходе исследования выявлено, что около 50% туристов отдыхают от 7 до 14 суток. Чем больше туристы проводят времени в Абхазии, тем больше средств попадет в местный бюджет. Следовательно, туроператорам нужно стремиться к увеличению средней продолжительности отдыха туристов в Абхазии путем расширения сферы услуг.

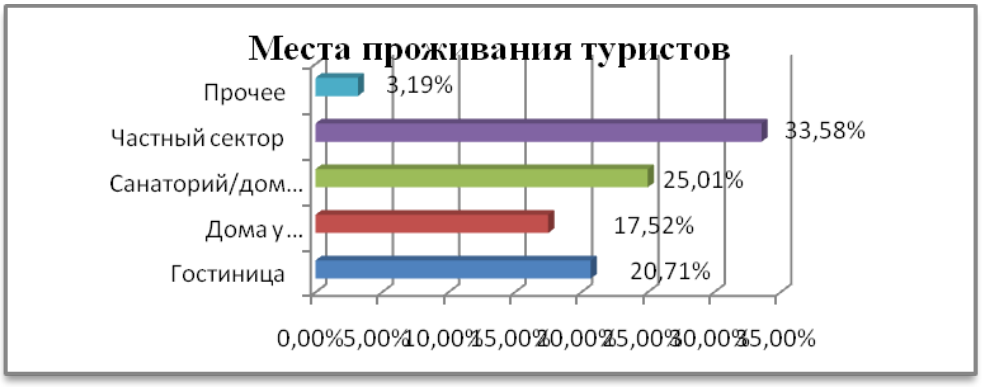

Рис. 4. Места проживания туристов в Абхазии

В республику приезжают на отдых люди с разными потребностями и возможностями. Среди мест основного проживания туристы предпочитают частный сектор (34%) и гостиницы (21%). Доля туристов, отдохнувших у друзей или родственников, составила около 18%. Близкая друг к другу доля этих сегментов свидетельствует о высокой конкуренции между ними и способствует улучшению качества услуг.

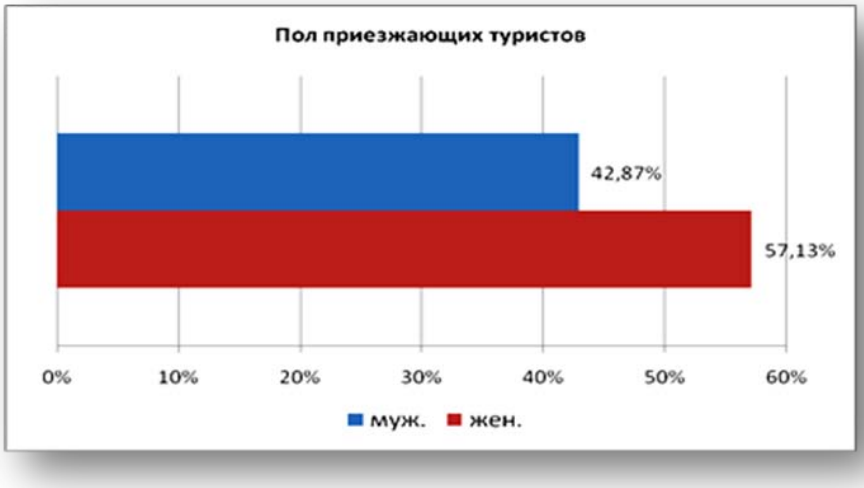

Рис. 5. Распределение туристов по половому признаку

Рис. 6. Возрастной состав туристов Абхазии

Как и следовало ожидать, более 57% туристов в Республике Абхазия – это женщины, которые проявляют больший интерес к туризму, чем мужчины.

Туристы в возрасте 25–44 лет (трудоспособное население) явно доминируют среди всех возрастных групп. Это самый быстрорастущий сегмент рынка во всем мире, и в Абхазии в частности.

Низкое значение доли детей и подростков в числе туристов может свидетельствовать о недостаточном количестве детских лагерей на территории Абхазии. Издревле в РА с уважением относились к женщинам, старикам и детям, и поэтому при правильной организации отдыха в будущем данные сегменты имеют перспективы роста.

Рис. 7. Состав отдыхающих туристов в Абхазии

Согласно полученным данным, Абхазия является привлекательной для семейного отдыха, туристов, путешествующих с друзьями и в одиночку. Наибольший вес среди респондентов составили два сегмента: семейные пары и семейные пары с детьми (более 60%), а доли, путешествующих с друзьями и в одиночку, составили 16,65% и 14,85% соответственно.

Организация современного семейного отдыха с учетом мировой практики может стать одним из направлений развития индустрии гостеприимства в Абхазии.

Рис. 8. Социальное положение туристов

Рабочие и служащие государственных учреждений, коммерческих организаций (более 60%) преобладают среди социальных групп туристов, посетивших Абхазию. Пенсионеры и студенты входят в число самых низкодоходных граждан, которые в совокупности составили 17% опрошенных.

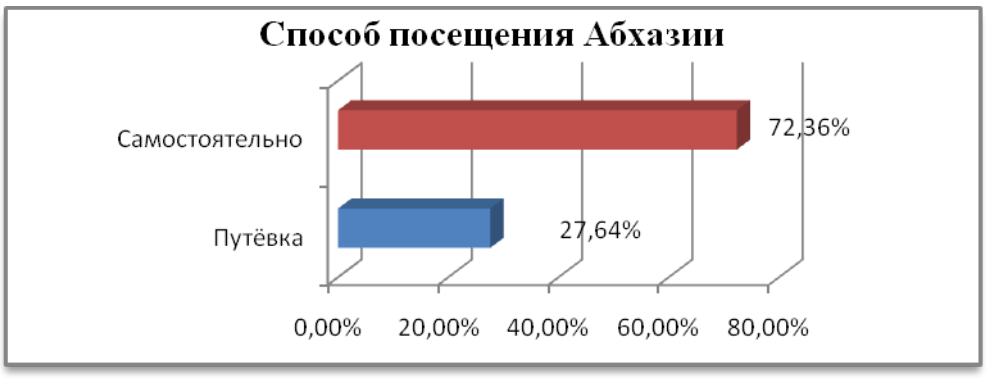

Рис. 9. Способ посещения Абхазии

Туристы, которые путешествуют самостоятельно, согласно международным исследованиям, стали важной частью мирового рынка туристской индустрии.

Как и следовало ожидать, большинство туристов приехали на отдых в Абхазию самостоятельно (более 72%).

Самостоятельный туризм становится с каждым годом все популярнее, благодаря неразрывным связям с Интернетом. Сегодня, не выходя из дома, можно сделать практически все необходимые подготовки к отдыху: забронировать билеты, ознакомиться с достопримечательностями, отзывами других людей и т.д.

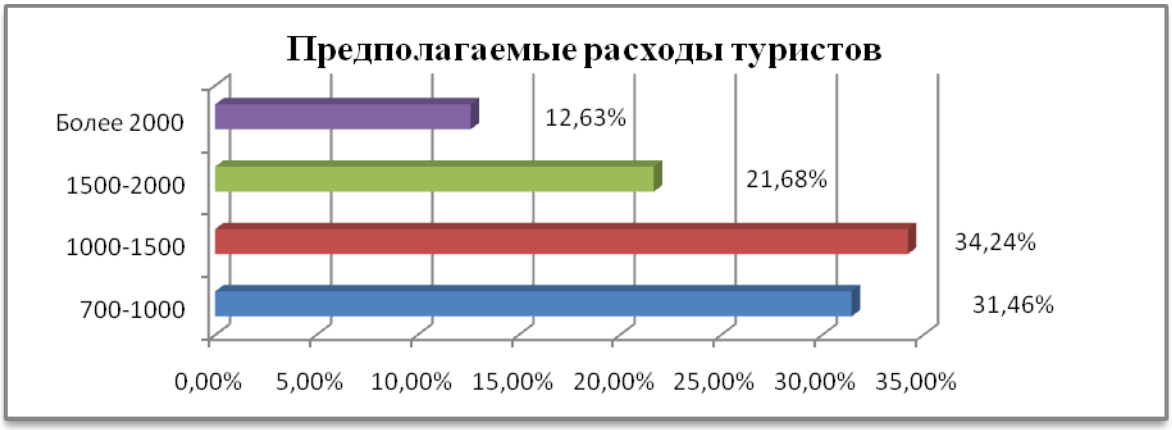

Рис. 10. Предполагаемые расходы туристов в Абхазии

Рис. 11. Уровень денежных расходов в Абхазии

Структура туристских расходов – это один из важных показателей для исследования индустрии гостеприимства. Отдых в РА подорожал, что стало фактом вполне очевидным. За последние годы поднялись цены на многие услуги: транспорт, питание, размещение, экскурсии, развлечения.

Туристы останавливаются в недорогих отелях или в частном секторе, и более 65% из них расходуют от 700 до 1500 руб. в сутки. Оставшиеся 35% туристов предпочли дорогие средства

размещения, расходы которых составили свыше 1500 руб. в сутки. Этот сегмент имеет перспективу роста при повышении уровня сервиса и создании новых развлекательных программ на курортах.

В целом у большинства опрошенных осталось менее 50% всех денежных средств, привезенных с собой, что связано в первую очередь с нехваткой товаров и услуг в местах отдыха.

Рис. 12. Качество услуг в местах основного проживания в Абхазии

Оценки качества услуг всегда субъективны, но именно они могут служить основным ориентиром для производителей услуг. Более 2/3 туристов дали хорошую и отличную оценки качеству услуг в местах основного проживания. Для сокращения доли недовольных отдыхом туристов (33%) необходимы совместные усилия государства и бизнеса, направленные на повышение уровня сервиса на курортах РА.

Табл. 1

География притяжения туристов

Федеральный округ	%
Дальневосточный	1,21
Приволжский	19,08
Северо-Западный	7,42
Северо-Кавказский	4,65
Сибирский	3,75
Уральский	4,61
Центральный	39,44
Южный	15,02
Страны СНГ	4,82

География притяжения туристов, приезжающих на отдых в Абхазию, весьма разнообразна и охватывает все Федеральные округа России и страны СНГ. Данные таблицы 1 показывают, что, чем дальше от Абхазии находятся Федеральные округа России, тем меньшее количество туристов приезжает на отдых (Дальневосточный – 1,21%; Сибирский – 3,75%; Уральский – 4,61%). Высокий уровень развития, прочные туристские связи и существующее транспортное сообщение предопределили весомую долю посещения Республики Абхазия из Центрального (39%), Приволжского (19%) и Южного (15%) Федеральных округов.

Рис. 13. Проблемы на отдыхе в Республике Абхазия

Практически все туристы, посетившие Абхазию летом 2012 года, соприкоснулись с разного рода проблемами, часть которых необходимо решать на предстоящий курортный сезон 2013 г.

Из общей картины оценок можно выделить, что основными проблемами на отдыхе являются завышенные цены (21,75%), низкий уровень обслуживания (18%), проблемы отсутствия комфорта (12,59%), преступность (8,43%) и плохое питание (5,48%).

Рис. 14. Место планируемого отдыха по Республике Абхазия

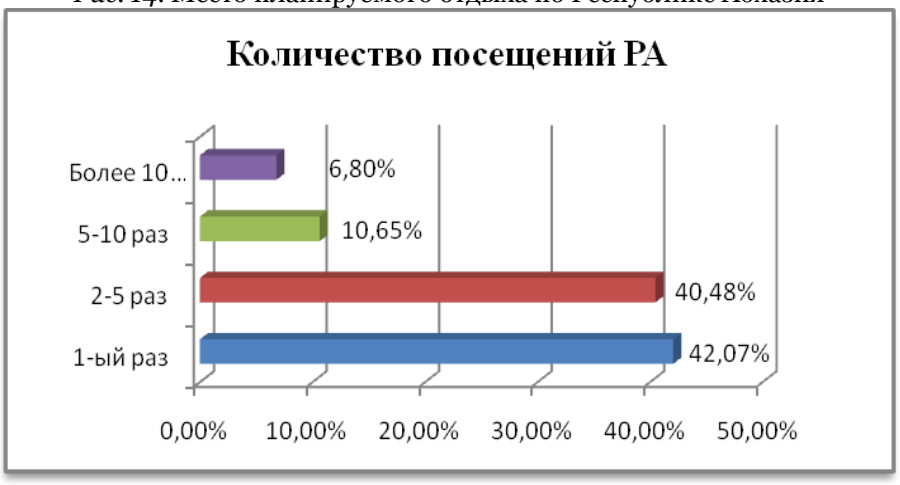

Рис. 15. Количество посещения туристами Республики Абхазия

Важными и основными критериями в стратегии развития туризма и отдыха РА являются количество посещений и место планируемого отпуска туристов. Доля туристов, собирающихся вернуться на следующий год отдыхать в Абхазию, составляет более 36% опрошенных. При выборе альтернативного Абхазии места отдыха туристы предпочли Турцию (12,28%), Египет (9,30%), Крым (5,69%), Сочи (5,52%).

Разнообразие отдыха во всем цивилизованном мире предопределило высокий процент (31%) респондентов, собирающихся на отдых летом 2013 г. в страны, не указанные в анкете.

Данные рис. 15 показывают, что 58% туристов приезжают в Абхазию более одного раза, очевидно, большинство экскурсионных программ ими были посещены. Поэтому для данных сегментов необходимо расширять длительность курортного сезона (осенний и зимний периоды), разнообразить культурную и развлекательную программы, открывая все новые места отдыха. Устойчивый положительный имидж РА, сформировавшийся за последние годы, был подтвержден тем, что впервые посетили курорты Абхазии 42% респондентов.

Заключение. Данные настоящего опроса туристов в РА можно считать первым опытом для организации и проведения подобных исследований. Основным положительным итогом проведения данного научного исследования является то, что полученные результаты могут быть использованы при создании программы развития туристской отрасли Республики Абхазия. Подобные статистические исследования в стране необходимо проводить ежегодно, что придаст исследованию сравнительный, сопоставительный характер и позволит участникам рынка прослеживать динамику состояния туристской отрасли для поддержания имиджа РА как страны, привлекательной для международного туризма.

Примечания:

1. Закон РА «О туристской деятельности в РА».
2. Романова Г.М., Матющенко Н.С. Опыт проведения статистических исследований туристской деятельности в курортной зоне Краснодарского края // Вестник СГУТиКД. 2009. № 1 (7). С. 23-35.
3. Драчева Е.Л., Забаев Ю.В., Исмаев Д.К. и др. Экономика и организация туризма. Международный туризм. 2-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2005. 576 с.
4. Дурович А.П. Маркетинговые исследования в туризме: Учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 384 с.: ил. (Серия «Учебное пособие»).

UDC 33

Statistical Examination of Tourism Market of the Republic of Abkhazia

Igor V. Tsulaya

Abkhazian State University, the Republic of Abkhazia
1 Universitetskaya Str., Sukhumi 384900
PhD (Geography), Instructor

Abstract. This paper considers the issues of tourism development in the Republic of Abkhazia in the modern period, analyzes respondents' opinions, concerning recreation organization on Abkhazian resorts.

Keywords: questionnaire; tourist destination; statistical research; the Republic of Abkhazia.

УДК 33

Культурный туризм как ресурс регионального развития (на примере города-курорта Сочи)

[1] Татьяна Александровна Юдина
[2] Елена Николаевна Чеснокова

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
доктор социологических наук, профессор
E-mail: yudinat@list.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
кандидат социологических наук, доцент
E-mail: elenayudina@list.ru

Аннотация. В данной статье представлен мониторинг событийного туризма как на международном уровне, так и в РФ. Дана историческая оценка праздника как феномена культуры. Представлены рекомендации по развитию событийного туризма в г. Сочи.

Ключевые слова: культурный и событийный туризм; праздник как феномен культуры; фестивальный туризм; развитие культурного многообразия и сохранение культурного наследия в г. Сочи.

Введение. Культурный или событийный туризм – это сравнительно молодое направление, основная цель – поездка, приуроченная к какому-либо событию. Уникальные туры, сочетающие в себе традиционный отдых и участие в зрелищных мероприятиях, постепенно завоевывают рынок основных туристских направлений и получают все большую популярность в РФ [2].

Праздник как феномен культуры – день или дни торжества, установленные в честь или память кого-либо или чего-либо; в сознании человека праздник ассоциируется, как отметил Бахтин, «с временным вступлением в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия». Праздник можно представить как антитезу будням, обычной жизни, это специфическая кратковременная форма человеческого бытия.

Исторические корни праздника уходят в глубокую древность, они тесно связаны с магией, ритуалом, трудовой деятельностью, мировосприятием, образом жизни, ценностными ориентациями. В древности существовала общечеловеческая потребность в празднике, который выполнял важные социальные функции: компенсаторную, нравственно облагораживающую, эстетическую; праздник выступал в качестве способа духовного единения, коллективного самовыражения и обретения свободы, раскрепощения, снятия груза будничных забот и тревог.

Праздник всегда имеет жизнеутверждающий характер; его содержательная сторона отличается выраженной духовной направленностью. В нем достаточно ярко выделена многовековая преемственность духовных ценностей.

Особое значение приобретает эстетическая составляющая праздника: чувственно-эмоциональная насыщенность содержания, выразительность, экспрессивность, зрелищность, элементы карнавальности, театрализации. Все эти качества объединяют праздник с искусством, но не отождествляются с ним. Праздник – некая пограничная зона между реальной жизнью и художественным произведением.

Материалы и методы. Основные методологические принципы, лежащие в основе данного исследования, базируются на фундаментальных положениях ведущих отечественных и зарубежных ученых и практиков. Теоретические исследования посвящены изучению праздника как социально-культурного феномена, анализу международного опыта по проведению досуговых мероприятий в г. Сочи, что позволит наиболее детально рассмотреть деятельность предприятий социально-культурной сферы по организации праздников и событийных мероприятий в период проведения Олимпиады в городе Сочи. В работе использованы нормативно-правовые акты, статистические материалы Международного Олимпийского комитета, официальные документы Олимпийских игр, информационные ресурсы сети Интернет, а также материалы, собранные автором.

Обсуждение проблемы. Типология праздника многообразна: народные (национальные), религиозные, государственные, профессиональные и др. Народным праздникам свойственна естественность, органичность, самостийность; государственные – отличает высокая степень протокольной регламентированности, выраженная идеологическая направленность; религиозные – являются отражением той или иной формы верований. Наблюдается определенная близость народных и религиозных праздников, так как в этнонациональных культурах религия выступает одной из важных форм ценностной ориентации. Но народные праздники не идентичны

религиозным, так как включают в себя и элементы светской культуры (карнавальная культура в рамках Средневековья). Существует возможность превращения в исторической перспективе государственных праздников в народные [5].

Праздник – своеобразное зеркало социальных противоречий, в нем находят свое отражение ущемление демократических форм жизни общества, забвение национальных традиций, крушение идеалов, политизация духовной жизни, разрыв между официальной идеологией, общественным сознанием и объективными реалиями действительности. Эти противоречия находят свое воплощение в комическом аспекте праздника, в его юмористических и сатирических формах. Праздник – старейшая и перспективная форма бытия [6].

Культурные процессы новейшей истории России, обусловленные сменой идеологии, социальным расслоением, преодолением культурной изоляции от мирового сообщества, характеризуются переоценкой ценностей и сменой многих традиций, сложившихся в советский период. В их числе переосмысление традиций праздника, становление нового праздничного календаря, содержания и формы самого факта праздника как события.

В современной России привычные праздники получают новые названия. Возникшие вновь, они многими россиянами, по свидетельствам опросов общественного мнения, воспринимаются как обычные выходные дни и не идентифицируются с праздниками обновленного общества. Возвращение религиозных праздников не всегда учитывает многоконфессиональность страны, а предлагаемые сценарии – возможный состав участников. Названные и многие другие факторы в целом свидетельствуют о назревающем кризисе праздничной культуры, порождающем скрытые и явные противоречия между социальными слоями, конфессиями, поколениями, и оцениваются как кризис культурной идентичности населения.

Праздник как явление духовной жизни, как фактор семейной, дружеской, профессиональной, религиозной и социальной интеграции, как форма выражения национально-культурных традиций веками привлекал внимание специалистов в области истории, этнографии, философии, религиоведения, социальной психологии, искусствознания, режиссуры, педагогики и других направлений гуманитарного знания. Однако, как правило, это был односторонний взгляд на праздник как предмет данной науки. Одни исследовали роль и место праздника на определенном этапе исторического развития, другие – рассматривали специфику праздничного общения, третьи – выявляли возможности идеологического воздействия на участников торжества. Между тем праздник – это интегральная социальная система, которая соединяет в себе самые разнообразные атрибуты духовной жизни и требует системного подхода к этому историко-культурному феномену.

Созданием, продвижением и реализацией туристского продукта занимаются туристские предприятия. Рынок турфирм города Сочи представлен большим количеством турагенств, туроператоров, а также экскурсионных бюро. Проанализировав 10 крупных туристских фирм, можно сделать вывод, что предложения по событийному туризму в Сочи слабо развиты. Только две турфирмы предлагают туры в период проведения таких крупных мероприятий, как «Кинотавр» и Международный инновационный форум, остальные события города остаются незамеченными. Экскурсионные бюро работают в основном в летний период и предлагают экскурсии, которые могут познакомить гостей с основными достопримечательностями курорта, а также природными особенностями местности. В свою очередь в сезон летних отпусков отдыхающим предлагается познакомиться с национальными и культурными особенностями города. Организуются поездки в аулы (аул Тхагапш, поселок Лазаревское, чайные домики), где можно увидеть национальные костюмы, танцы, попробовать национальную кухню.

Рынок поездок, привязанных к различным событиям, растет в среднем на 10% в год. «Событийные» туристы готовы заплатить весьма солидные суммы за возможность посетить уникальные мероприятия [4].

Событийный туризм – это непреходящая атмосфера праздника, индивидуальные условия отдыха и незабываемые впечатления. Главная особенность событийного туризма – множество ярких неповторимых моментов. Это перспективный и динамично развивающийся вид туризма. Целевой аудиторией событийного туризма, как правило, являются обеспеченные туристы с доходом выше среднего, а также компании, состоящие из нескольких пар. Событийный туризм можно классифицировать по масштабу события (национального или международного уровня) и по тематике события [1].

В событийном туризме можно выделить несколько тематических видов:

1) национальные фестивали и праздники:

- фестиваль Св. Патрика в Лондоне (Великобритания);
- фестиваль культур в Берлине (Германия);
- праздник на льду, шоу Romanza, Вена (Австрия);
- фестиваль «Цирк будущего», Париж (Франция);
- музыкальный конкурс им. П.И. Чайковского, Москва (Россия);

2) фестивали кино и театра:

- Каннский фестиваль, Канны (Франция);

- фестиваль «Вишневый лес», Москва (Россия);

3) гастрономические фестивали:

- международный фестиваль пива, Берлин (Германия);
- фестиваль морепродуктов, о-в Гров (Испания);
- праздник молодого вина Божоле Нуво (Франция);

4) спортивные события:

- олимпиады и международные состязания;
- автогонки Формула 1;

5) международные технические салоны:

- авиасалон в Ле Бурже, Париж (Франция);
- авиасалон в Чжухае (КНР);
- автосалон в Москве (Россия);
- авиакосмический салон в Жуковском (Россия) и др. [8].

Участники событийных туров предъявляют повышенные требования к средствам размещения, особенно к их классическому типу – гостиницам, транспорту (удобство доставки к месту события – важный фактор), предприятиям общественного питания и к услугам гидов-переводчиков. Особенностью событийного туризма является то, что ежегодно он пополняется новыми событийными турами, которые из случайных переходят в разряд регулярных. Прочное место в событийном туризме заняла олимпиада – летние и зимние Олимпийские игры. В настоящее время также крупным и стабильным сегментом событийного туризма являются «карнавальные» туры [7].

Событийный туризм – это особый вид туризма, при котором турист становится очевидцем, а нередко и участником ярких и запоминающихся событий в мире спорта, культуры и искусства. Воспоминания о событии надолго остаются в памяти. Как правило, событийные туры бронируются заранее. Курорты юга России, и особенно курорт Сочи, в последние годы стали площадкой проведения многих интересных ярких событий: кинофестивалей, танцевальных и вокальных конкурсов, карнавалов, КВН, концертов, гастролей. Курорту Сочи выпала большая честь стать столицей грандиозного события мирового масштаба – зимней Олимпиады-2014.

Фестиваль является событийным мероприятием, это массовое празднество, показ достижений музыкального, эстрадного, театрального, циркового или киноискусства [3].

Развитие фестивального туризма определяется постоянно развивающимся туристским спросом и ростом потребностей в области познавательного отдыха в сочетании с его активными формами. Продукт фестивального туризма разнообразен, основу его составляет замысел или идея, отражающая историческое событие, культурную или этническую традицию. Идея фестивального продукта соотносится обычно с привлекательной мифологической основой и только затем обретает реальную форму в виде конкретных элементов тура. При создании подобных продуктов прежде всего учитывается тот факт, что потребители больше не хотят выполнять роль наблюдателей событий со стороны, а хотят принимать в них живое участие, получая новые впечатления, знания и опыт.

Фестивали, проводимые в Сочи [9]:

- КВН – один из самых известных фестивалей Сочи – проводится ежегодно в январе в Зимнем театре. А в августе проводится Летний кубок КВН в концертном зале Фестивальный.
- Международный фестиваль «Море пива». Данный фестиваль организуется в конце мая. В этой ярмарке принимают участие более 150 компаний из различных регионов России, стран СНГ и дальнего зарубежья, приезжает около 2000 специалистов. В фестивале участвуют различные творческие коллективы, проводятся конкурсы и игры для посетителей. Незабываемым зрелищем являются соревнования по пивному сумо и армрестлингу. Среди посетителей проводятся конкурсы, соревнования и розыгрыши призов, а также гости смогут стать народным дегустатором лучших сортов этого напитка. Традиционно проводится футбольный матч между администрацией города и участниками выставки.
- Кинофестиваль «Кинотавр». Один из самых известных и престижных конкурсов российского кинематографа. Начинается и завершается фестиваль «звездной дорожкой» и торжественной церемонией, помимо этого, проводится много других конкурсов, программ, показов, а также концерты, вечеринки, ужины, приемы, круглые столы, мастер-классы, презентации. Для жителей и гостей курорта у Зимнего театра организуются концерты с участием отечественных звезд, а также показы фильмов молодых режиссеров. «Кинотавр» является развлекательным мероприятием.
- Фестивали органной и джазовой музыки.
- Бархатные сезоны в Сочи. Бархатный сезон – это фестиваль моды, организованный еще в 1997 году Сочинским домом моды. Это конкурс молодых дизайнеров, собирающихся на этом фестивале для показа своих коллекций.
- Международный фестиваль «Красота и Грация».
- Международный фестиваль мировой культуры «Этно-Сочи». Цель праздника – представить город Сочи как город, жители которого гостеприимны и открыты, показать

международному сообществу, что межэтническая толерантность и дружба народов – это то, к чему мы постоянно стремимся и добиваемся в реализации конкретных культурных проектов [10].

Создание событийных туров в Сочи позволит туристам узнать культурную составляющую региона. В городе проводится много различных культурных мероприятий, праздников, позволяющих населению погрузиться в культуру, познать богатство и многообразие традиций как города, так и страны в целом.

Культура и национальные ценности, включая развитие чувства национальной гордости и объединение россиян через спорт, развитие волонтерского движения содействуют развитию культурного многообразия, сохранению культурного наследия. Система управления устойчивым развитием определяет правила принятия решений в условиях повседневной деятельности для заинтересованных сторон в целях реализации задач устойчивого регионального развития.

Заключение. В связи с предстоящими Олимпийскими играми в Сочи необходимо разработать туры, которые позволят гостям не только просто ознакомиться и познать исторические достопримечательности, окрестности города-курорта, но и увидеть соревнования своими глазами, стать участником культурных мероприятий 2014 года, побывать на месте проводимого события и увидеть всю масштабность его своими глазами.

Город Сочи обладает всеми необходимыми ресурсами для развития данного вида туризма. Спрос на культурные, исторические, этнонациональные и спортивные мероприятия растет. Однако для того, чтобы активно продавать такие программы, рынку необходимо перестроиться, осознать специфику этого бизнеса и, в первую очередь, ориентировать клиентов на заблаговременную покупку путевок.

Разработав план по продвижению курорта при поддержке администрации, а также ряд мероприятий по развитию туристских предприятий, можно сделать вывод, что в городе Сочи как в преддверии Олимпийских игр, так и после их проведения, будет активно развиваться культурная составляющая дестинации. Отдых туристов станет более насыщенным и разнообразным, благодаря улучшению, модернизации и совершенствованию деятельности предприятий сферы туризма по организации праздников и событийных мероприятий.

Примечания:

1. Александрова А.Ю. Международный туризм. М.: КноРус, 2013. 460 с.
2. Биржаков М.Б. Введение в туризм. CGб.: Герда, Невский Фонд, 2007. 576 с.
3. Большая Советская энциклопедия. 2-е издание. М.: Бука, 2012.
4. Егоренков Л.И. Введение в технологию туризма. М.: Финансы и статистика, Инфра-М, 2009. 304 с.
5. Организация международного туризма. М.: Гардарики, 2008. 256 с.
6. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2009. 544 с.
7. Сенин В.С. Организация международного туризма: Учеб. М.: Финансы и статистика, 2005. 400 с.
8. Экономика и организация туризма. Международный туризм / Под ред. Е. Драчевой, Ю. Забаева, И. Рябовой М.: КноРус, 2010. 576 с.
9. http://www.sochi-tur.net Фестивали в Сочи, 2012.
10. http://tms.subtropic.ru/RUS/SOCHI/FESTIVALS/ Фестивали Сочи.

UDC 33

Culture Tourism as a Resource of Regional Development (Sochi Resort Case Study)

[1] Tatyana A. Yudina
[2] Elena N. Chesnokova

[1] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Sociology, Professor
E-mail: yudinat@list.ru
[2] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Sociology, Assistant Professor
E-mail: elenayudina@list.ru

Abstract. This article presents monitoring of event tourism both on the international level and in Russian Federation, estimates festival as a culture phenomenon, gives recommendations on event tourism development in Sochi.

Keywords: culture and event tourism; festival as a culture phenomenon; festival tourism; culture diversity development and culture heritage preservation in Sochi.

Педагогика

УДК 378

Профессиональная готовность будущего специалиста в области туризма выходного дня: самопроектирование на основе компетентностной модели

Светлана Николаевна Буйленко

Сочинский государственный университет, Россия
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26а
аспирант
E-mail: sbuilenko@yandex.ru

Аннотация. В статье охарактеризована готовность будущего специалиста в области туризма выходного дня к профессиональной деятельности (определение и структура); в аспекте самопроектирования студентов компетентностная модель на основе Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) представлена в форме установочных самонастроев профессиональной языковой личности – субъекта дискурсивных процессов российского социокультурно-образовательного пространства (проект НИР № 6.3660.2011, МОиН РФ).

Ключевые слова: туризм выходного дня; профессиональная готовность будущего специалиста; педагогическое самопроектирование; компетентностная модель ФГОС; профессиональная языковая личность специалиста; дискурсивные процессы; социокультурно-образовательное пространство.

Введение. При разработке целостного педагогического процесса формирования профессиональной готовности студентов в области туризма выходного дня, рассматриваемого нами в качестве системообразующего ядра всей подготовки по направлению 100 400 «Туризм» и избранного плацдармом для инновационной работы, мы взяли на вооружение теорию педагогического проектирования Ю.С. Тюнникова [1], а также концепцию профессиональной языковой личности как субъекта дискурсивных процессов социокультурно-образовательного пространства [2] и общую теорию непрерывного лингвориторического образования в разработке А.А. Ворожбитовой [3–6].

Материалы и методы. Опытно-экспериментальная работа проводилась со студентами ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма». Применялись как теоретические методы исследования (системный анализ проблемы исследования, моделирование педагогического процесса, обобщение результатов исследования), так и эмпирические (изучение практического опыта вузовского обучения; наблюдения за работой студентов, беседы; анкетирование, анализ документации и продуктов учебной деятельности, педагогический эксперимент – констатирующий, формирующий).

Обсуждение. На примере Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) 3-го поколения по направлению подготовки 100400 «Туризм» (бакалавриат) [7] (учитывались также элементы ФГОС для магистратуры [8]) охарактеризуем формируемые и самопроектируемые в процессе вузовского обучения компоненты готовности будущего специалиста в избранном нами аспекте исследования. Таковым является системообразующая, с нашей точки зрения, область в сфере профессиональной подготовки специалистов по туризму и рекреационным технологиям, своего рода концептуальное ядро – «туризм выходного дня». *Готовность* к профессиональной деятельности в сфере туризма выходного дня определяется нами как *стремление и способность ведущего субъекта туристско-рекреационной деятельности на высоком уровне осуществлять разработку и реализацию туристского продукта, обладающего качествами, адекватными требованиям потребителей, и организацию комплексного туристского обслуживания в основных секторах туристской индустрии в ограниченный временной период уик-энда*. В профессиональной готовности специалиста в области туризма выходного дня на основе анализа ряда исследований в области теории и методики профессионального образования нами выделены следующие *компоненты:* аксиологический (ценностные приоритеты и мировоззренческие установки), мотивационно-рефлексивный (мотивы, интересы деятельности; программа комплексного профессионально-ориентированного самоанализа), когнитивный (информационно-смысловые блоки, знания – понятийные и инструментальные), прагматический (умения, навыки), эмпирический (наличный опыт применения знаний, умений, компетенций в практике профессиональной туристско-рекреационной деятельности). Формирование данных компонентов осуществляется в первую очередь по вербальным каналам учебно-профессиональной коммуникации, в связи с чем специалист по туризму и рекреационным технологиям выступает в качестве профессиональной языковой личности (т.е. сознательного субъекта дискурсивных процессов социокультурно-

образовательного пространства, одним из ведущих инструментов будущей деятельности которой является слово в режиме сгармонизированной и творческой диалогической коммуникации с потенциальными потребителями формируемого турпродукта).

В рамках разработки инструментально-технологического блока модели профессиональной подготовки будущего специалиста, с учетом видов профессиональной деятельности, указанных для бакалавров в ФГОС 3-го поколения нами составлен следующий ***общий самонастрой профессиональной языковой личности в области туризма и рекреационных технологий***:

«Я как специалист высокого уровня всегда квалифицированно и творчески выполняю мои задачи в основных профессиональных областях:

1) моя *проектная деятельность:* я проектирую программы туров, турпакетов, экскурсионных программ и других продуктов с учетом заданных критериев и нормативов (технологических, социально-экономических, психологических, здоровьесберегающих и др.) на базе инновационных и информационных технологий;

2) моя *производственно-технологическая деятельность:* я разрабатываю и реализую турпродукт, применяя современные информационные и коммуникативные технологии;

3) моя *организационно-управленческая деятельность:* я распределяю функции и организую работу исполнителей, принимаю оперативные управленческие решения, рассчитываю затраты по организации турдеятельности на предприятии, вношу рацпредложения;

4) моя *сервисная деятельность:* я организую комплексное туристское обслуживание, обеспечивая стандарты качества и нормы безопасности, разрабатываю внутренние нормативные документы (качество и стандартизация услуг туриндустрии);

5) моя *научно-исследовательская деятельность:* я провожу исследование и мониторинг рынка туруслуг, применяю прикладные методы изучения, адаптирую инновационные технологии к деятельности предприятий туриндустрии».

Как показали результаты опытно-экспериментальной работы, усвоение вышеприведенных и других формулировок ФГОС в форме личностно ориентированных самонастроев способствует усвоению прочной системообразующей основы для упорядочения и взаимоувязывания всего спектра приобретаемых обучающимися знаний, умений и навыков, их кластеров практического опыта в профессиональной области на протяжении всех лет обучения. При этом в неразрывной взаимосвязи формируются все указанные выше компоненты готовности: с одной стороны, когнитивный и прагматический, с другой – аксиологический и мотивационно-рефлексивный; весь их комплекс в снятом виде присутствует в эмпирическом компоненте. В когнитивно-психологическом плане это происходит благодаря более системному, четкому и детализированному представлению всех компонентов и элементов будущей профессиональной деятельности, представление о которых дает ФГОС 3-го поколения. В образовательном процессе по поводу любой практической задачи организуется рефлексия формирующегося специалиста – в том числе как профессиональной языковой личности, а именно: в аспекте его самопроектирования в системе координат требований и установок ФГОС, с учетом набора общекультурных и профессиональных компетенций. Такое когнитивно-лингвориторическое самопроектирование рассматривается нами как непрерывный процесс самоустроения студентом своей личности в качестве профессионала в избранной области на примере ядерной сферы «туризм выходного дня».

Далее приведем перифразы в антрополингвистическом ключе *профессиональных компетенций* бакалавров, указанных в ФГОС по направлению подготовки 100400 «Туризм», по компонентам определенной выше готовности, которые должны эксплицитно и сознательно усваиваться будущим специалистом. (Анализ и интеграция в проектную модель профподготовки общекультурных компетенций ФГОС по направлению «Туризм» в избранном ключе являются предметом отдельного рассмотрения). В ходе опытно-экспериментальной работы такие формулировки составляются нами совместно с обучающимися. Предварительно они получают такое задание для самостоятельной работы; в аудитории совместно оттачиваются некоторые формулировки, в процессе разнообразных проговариваний в контексте выполняемых практико-ориентированных заданий, в том числе в вопросно-ответной форме, в мини-монологах, будущими специалистами усваивается понятийная сетка компетентностной модели ФГОС в форме личностно-ориентированной интерпретации. При этом нами дается установка на формулировки в личностном ключе, через грамматический оператор местоимений 1-го лица (как уже было показано выше на примере самонастроя по видам профессиональной деятельности). За счет местоимения «Я» и соответствующих глагольных форм составление, прочтение, проговаривание и запоминание таких самонастроев обладает суггестирующим эффектом и усваивается, не встречая барьеров в воспринимающем языковом сознании. Последние возникают, например, при восприятии абстрактной информации (появляется утомление, падает интерес, не запоминаются формулировки; понятия в силу отсутствия эмоционально-личностной окраски не проникают в глубину сознания, не конфигурируются в виде руководящих «командных цепочек», систематизирующих в будущем получаемую информацию, отрабатываемые умения, получаемый опыт в содержательно-смысловые

сгустки и операциональные механизмы полноценных компетенций, наращиваемых в течение всех лет учебы и т.д.).

Самонастрой
«Мои профессиональные компетенции специалиста в туриндустрии»

Моя проектная деятельность: я знаю теорию проектирования и применяю методы проектирования в туризме (ПК-1); я обрабатываю и интерпретирую на базе математики и информатики данные для проектной деятельности в туризме (ПК-2); я нахожу и использую различные источники информации по проекту туристского продукта (ПК-3); я реализую проекты в туриндустрии (ПК-4).

Моя производственно-технологическая деятельность: я разрабатываю турпродукт (ПК-5) и реализую его (ПК-6) на базе современных информационных и коммуникативных технологий.

Моя организационно-управленческая деятельность: я работаю в трудовых коллективах предприятий туриндустрии (ПК-7); организую работу исполнителей, принимаю управленческие решения в организации турдеятельности, учитываю социальную политику государства (ПК-8); я рассчитываю и оцениваю затраты по организации деятельности предприятия туриндустрии (ПК-9);

Моя сервисная деятельность: я использую нормативные документы по качеству, стандартизации и сертификации в туриндустрии (ПК-10); я эффективно общаюсь с потребителями турпродукта (ПК-11); я организую процесс обслуживания потребителя (ПК-12).

Моя научно-исследовательская деятельность: я нахожу, анализирую и обрабатываю научно-техническую информацию по турдеятельности, применяя информационно-коммуникационные технологии (ПК-13); я использую методы мониторинга рынка туристских услуг (ПК-14); я применяю прикладные методы исследований в туризме (ПК-15); я применяю инновационные технологии в турдеятельности (ПК-16).

В спектре приведенных выше профессиональных компетенций в комплексе, в неразрывной взаимосвязи и взаимообогащении формируются все необходимые компоненты готовности будущего специалиста к профессиональной деятельности в сфере туриндустрии в целом и в области туризма выходного дня, избранной нами в качестве плацдарма инновационного педагогического проектирования. А именно: аксиологический компонент профессиональной готовности (ценности), мотивационно-рефлексивный компонент (мотивы, интересы; самоанализ), когнитивный компонент (знания), прагматический компонент (умения, навыки), эмпирический компонент (опыт практики профессиональной туристско-рекреационной деятельности).

Выпускник реализует представленные выше компоненты комплексной готовности применительно к тому или иному ***объекту профессиональной деятельности***. Соответствующий установочный ***самонастрой***: «Я системно и эффективно применяю комплекс моих компетенций к различным объектам: к потребностям клиентов туриндустрии, индивидуальным и корпоративным; к турпродукту; к технологиям туриндустрии; к средствам размещения, предприятиям питания; к объектам экскурсионной деятельности, спортивно-оздоровительных услуг; к транспортным средствам и др.; к информационным ресурсам и технологиям».

Заключение. Таким образом, постановка обучающегося по направлению «Туризм» в позицию профессиональной языковой личности, предварительно усваивающей на вербальном уровне теоретико-ориентационную основу подструктур своей готовности к профессиональной деятельности в области туриндустрии с учетом формулировок ФГОС, служит базой для системного и сознательного самопроектирования студента в качестве профессионала. Это осуществляется в том числе в форме установочных самонастроев профессиональной языковой личности, выступающей активным субъектом дискурсивных процессов российского социокультурно-образовательного пространства. При этом участком инновационной опытно-экспериментальной работы целесообразно избрать центральную область теории и практики туризма, в которой преломляются все основные линии и ведущие позиции профподготовки – туризм выходного дня.

Примечания:

1. Тюнников Ю.С. Проектные позиции и алгоритм проектирования инновационного педагогического процесса // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: Матер. 3-й Междунар. науч.-метод. конф. Ч. 1. Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2000. С. 81-84.

2. Ворожбитова А.А. Комплексное исследование дискурсивных процессов в российском социокультурно-образовательном пространстве XIX–XXI вв.: программные установки лингвориторической парадигмы // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 1 (19). С. 182-185.

3. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система (принципы проектирования и опыт реализации). Дис. … д-ра пед. наук. Сочи, 2002.

4. Ворожбитова А. Синергетический аспект вузовского образования в свете лингвориторического подхода // Alma mater (Вестник высшей школы). 1999. № 2. С. 22-26.

5. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как социокультурная стратегия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2003. № S9. С. 88-96.

6. Ворожбитова А.А. Лингвориторические основы инновационного педагогического процесса по программе дополнительного профессионального образования «Деловая коммуникация» в Сочинском госуниверситете // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2008. № 3–4. С. 111-129.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 «Туризм» (квалификация (степень) «бакалавр»). М., 2009.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 100400 «Туризм» (квалификация (степень) «магистр»). М., 2009.

UDC 378

Professional Preparedness of Future Specialist in the Field of Weekend Tourism: Self-design, Using Competence Model

Svetlana N. Buylenko

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Graduate
E-mail: sbuilenko@yandex.ru

Abstract. The article characterizes preparedness of future specialist in the field of weekend tourism for professional activity (definition and structure); competence model on the basis of Federal State Educational Standard in the aspect of students' self-design is presented in the form of self-adjustments of professional linguistic personality – the subject of discursive processes in the Russian socio-cultural and educational environment (Research Project No. 6.3660.2011 of the Russian Ministry of Education and Science).

Keywords: weekend tourism; professional preparedness of future specialist; educational self-design; competence model of Federal State Educational Standard; specialist's professional linguistic personality; discursive processes; socio-cultural and educational environment.

УДК 378

«Адаптивная физическая культура» и «физическая реабилитация» как виды физической культуры в интерпретации ученых и будущих специалистов

Александра Леонидовна Ворожбитова

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009 г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: sannmail.ru@rambler.ru

Аннотация. Статья содержит обобщение результатов сравнительного изучения видов физической культуры, направленных на восстановление здоровья людей, временно утративших работоспособность, и на интеграцию в социум тех, кто имеет стойкие отклонения в состоянии здоровья. В данном аспекте выявляются противоречия в современном терминоупотреблении. Опора как на научно обоснованные концепции, так и на интерпретацию студентов – будущих специалистов дает возможность уточнить параметры указанных видов физической культуры, давших содержание соответствующим учебным дисциплинам в сфере физкультурного образования.

Ключевые слова: адаптация; реабилитация; виды физической культуры; терминоупотребление; временная нетрудоспособность; инвалидность.

Введение. Как известно, важнейшими видами физической культуры, направленными на оздоровление различных групп населения, являются реабилитационная физическая культура и адаптивная физическая культура. Первая наиболее традиционна и универсальна, представлена в спортивной, рекреационной деятельности, в адаптивной физической культуре. На рубеже XX–XXI вв. на первый план общественной жизни выходит адаптивная физическая культура, цель которой – максимально возможное развитие жизнеспособности человека, имеющего *устойчивые* отклонения в состоянии здоровья и (или) инвалидность [1]. Вопрос о соотношении обоих видов физической культуры, их общности и различиях представляется актуальным как в теоретическом, так и в практическом планах: оба рассматриваемых вида физической культуры составили содержание учебных дисциплин в высшем физкультурном образовании.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования послужили научные статьи специалистов по указанным видам физической культуры (метод аналитического обзора) и данные опроса студентов (метод анкетирования). Мы предложили анкеты 35 студентам разных вузов, направлений подготовки и специальностей: направление 034400.62 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)», профиль «Адаптивное физическое воспитание»; специальность 032101.65 «Физическая культура и спорт» со специализацией «Физическая реабилитация»; специальность 032103.65 «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм».

Участие в анкетировании было добровольным, в нем не приняли участия 16 человек (что говорит об отсутствии интереса к поставленной проблеме, а в ряде случаев, возможно, и об отсутствии знаний). В дальнейшем мы принимали во внимание как материал исследования ответы, полученные от 19 человек, т.е. 54,3% от всего контингента студентов, т.к. они дают возможность выявить уровень понимания самими обучающимися поставленной проблемы. В анкете, в частности, содержались и такие вопросы: Что общего и различного в деятельности специалистов по адаптивной физической культуре и физической реабилитации? Насколько нужны адаптологу знания из области физической реабилитации, а реабилитологу – из адаптивной физической культуры?

Обсуждение. Вопрос о соотношении понятий «адаптивная физическая культура» (АФК) и «физическая реабилитация» (ФР) в научной и учебной литературе решается неоднозначно. В популярном учебнике «Теория и организация адаптивной физической культуры» (М., 2010) АФК охарактеризована как «важнейший компонент *всей системы* реабилитации инвалидов и лиц с отклонениями в состоянии здоровья, всех ее видов и форм» [2] (курсив наш. – А.В.). Таким образом, в данном контексте понятие «реабилитация» является понятием *более широким*, чем адаптация. Такой подход оправдан с позиций исторического развития: адаптивная физическая культура формировалась в рамках теории физической реабилитации, а адаптивный спорт (спорт инвалидов) долгое время называли реабилитационным спортом. Именно поэтому, на наш взгляд, теория и практика адаптивной физической культуры, по С.П. Евсееву, «весьма динамична в своих понятиях и терминах» [3]. Со столь же широким диапазоном в теории физической культуры применялся и термин «адаптация». В 1970–1980 гг., да и в наши дни, адаптацией называют физиологическое и психологическое приспособление спортсмена к высоким требованиям тренировочной и

соревновательной деятельности, примерами чему могут служить монография В.Н. Платонова «Адаптация в спорте» (Киев, 1988), работы А.С. Солодкова (например, [4]).

Широкое распространение и важнейший общественный статус АФК получает с 1996 г., когда началось изучение богатейшего практического опыта отечественных и зарубежных специалистов и формирование на этой базе теории адаптивной физической культуры. Последняя как вид физической культуры становится «основой социализации личности инвалида, его адаптации к трудовой деятельности или переквалификации, саморазвития, самовыражения, самореализации, приспособления к условиям жизни в современном городе, обществе» [5].

В отличие от адаптивной физической культуры, физическая реабилитация – более традиционное понятие. Это вид физической культуры, целенаправленный процесс использования физических упражнений для восстановления или компенсации частично или временно утраченных двигательных способностей, лечения травм и их последствий [6]. Однако в разграничении понятий адаптивной физической культуры и физической реабилитации пока нет достаточной четкости и единого понимания. Так, в докторской диссертации Л.В. Шапковой «Адаптивная физическая культура: методология и развитие в сфере высшего профессионального образования» понятие физической реабилитации оказывается у́же понятия адаптивной физической культуры. Родовая иерархия и компонентный состав адаптивной физической культуры [7], где одним из прочих компонентов выступает реабилитация (ее можно понимать в полном объеме). Сразу же даются и определения всем компонентам, в том числе и реабилитации, но с верным уточнением – «двигательной реабилитации», части комплексной (медицинской, физической, психической, профессиональной, социальной) реабилитации, «направленной на восстановление и/или компенсацию утраченных или временно нарушенных функций и трудоспособности после перенесенных заболеваний, травм, физических или психических напряжений средствами и методами физической культуры» [9]. Без оговорки к упомянутому выше рис. 1, что физическая реабилитация – самостоятельный вид физической культуры, что она необходима и другим категориям лиц, а не только лицам с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам здесь, видимо, не обойтись. Хотя статус АФК и ФР как равноправных видов ФК никем не оспаривается, в практическом терминоупотреблении их различия нередко стираются. Порой в многочисленных статьях, которые мы не будем здесь перечислять, дело доходит едва ли не до понимания их как синонимов. Наверное, можно будет услышать возражения, что значение понятий каждый раз должно определяться из научного контекста, но очевидно также, что вопрос о разграничении понятий АФК и ФР пока нуждается в дальнейшей теоретической корректировке и уточнениях.

Что касается опрошенных нами студентов, то, не владея сложными научными концепциями, они чувствовали сложность проблемы интуитивно. Анализ полученных ответов показал, что в интерпретации студентов адаптивная физическая культура и физическая реабилитация – это виды («части») общей физической культуры, которые «занимаются укреплением физических сил людей»: в первом случае инвалидов, во втором – временно нетрудоспособных, восстанавливающих свою работоспособность после перенесенной травмы или заболевания. В последнем случае имеется в виду восстановление **временно** утраченных функций организма. Подчеркиваются «различия понятий: адаптация – приспособление, реабилитация – восстановление». Однако можно встретить и некорректные определения их общности: реабилитологи порой видят ее в том, что оба процесса направлены на восстановление организма человека с ограниченными возможностями здоровья» (20%). При выявлении различий будущими специалистами в области адаптивной физической культуры также были допущены неточности: «Адаптивной физической культурой занимаются инвалиды для достижения наивысших результатов, а в физической реабилитации приоритеты – здоровье, отдых» (реабилитация здесь перепутана с рекреацией).

Наиболее важными для нас оказались ответы на прямой вопрос: «Что общего и различного между АФК и ФР?». Подавляющее большинство респондентов подчеркнули: обе направлены на восстановление или формирование навыков борьбы с физическими заболеваниями, на улучшение состояния здоровья человека; объект приложения их деятельности один – организм человека. При этом различия также осознаются достаточно четко: «Адаптивная физическая культура направлена на контингент людей с необратимыми в большинстве случаев отклонениями в состоянии здоровья, а физическая реабилитация – на людей после травм, заболеваний. Адаптивная физическая культура не вылечивает людей» (заметим, что это суждения будущих реабилитологов); «адаптивная физическая культура направлена на то, что людей учат жить с отклонениями, которые у них есть. А реабилитация старается эти отклонения вылечить или по возможности сделать их менее заметными и для пациента, и для его окружения». Один из адаптологов определил различия предельно кратко: «АФК – это только инвалиды, а реабилитация – кто угодно».

При сопоставлении общего и различного существенно обогащаются определения понятий: отмечается не только то, что адаптивная физическая культура направлена на работу с инвалидами, физическая реабилитация – на работу с практически здоровыми людьми, но и то, что «адаптивная физическая культура создана для интеграции инвалидов в социум, а физическая реабилитация – на

восстановление частично или временно утраченных функций». Тем не менее 20% реабилитологов считают своими пациентами также инвалидов.

Разумеется, более четкие определения будущие специалисты дают, исходя из собственного опыта учебной подготовки. Но в целом даже студенты, получающие специальность, не связанную с АФК или ФР (032103.65 «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм»), также правильно понимают общее и различное в понятиях «адаптация» и «реабилитация»: и то, и другое – «тоже физическая культура». Конечно, их ответы были не так точны и детальны, как у тех, кто прошел специальную подготовку по этим видам физической культуры: в них имелись некоторые неточности в определении понятий. В целом же опрошенные верно понимают, что и АФК, и ФР направлены на облегчение состояния потерявших здоровье людей. Для этой подгруппы характерно широкое понимание адаптивной физической культуры, сближающее ее с физической реабилитацией: они видят в ней комплекс мер спортивно-оздоровительного характера, направленный на адаптацию и восстановление организма.

Важно, что студенты понимают необходимость индивидуального подхода в своей профессиональной деятельности: инвалиду «необходима специально подобранная программа, которая поможет ему адаптироваться к условиям в этом мире»; реабилитологи тоже считают необходимым рекомендацию физических упражнений, «индивидуально подобранных для занимающегося».

На вопросы «Целесообразно ли реабилитологу использовать знания из области адаптивной физической культуры?» и, соответственно, адаптологу – из области физической реабилитации, утвердительными (и правильными) были 100% ответов во всех подгруппах. Варьировался ответ: «Каждый специалист должен охватывать знания по физической культуре в нескольких направлениях, чтобы расширить возможности своих занятий». Только 8,2% реабилитологов посчитали, что знания по адаптивной физической культуре могут понадобиться для работы «лишь с определенным контингентом людей, но незначительно». Большинство же отмечало, что «Для специалиста-реабилитолога очень важны знания из области адаптивной физической культуры. Прежде всего потому, что специалисту в области адаптивной физической культуры в гораздо большей степени, чем реабилитологу, приходится уделять внимание «психологическому восстановлению»: «А физическое улучшение состояния пациента невозможно без уверенности в себе (то есть он не должен чувствовать себя ущербным), поэтому будет очень грамотно поступать реабилитолог, если в своей практике будет использовать знания и по психологическому воздействию на людей из сферы адаптивной физической культуры». Или: «Каждый реабилитолог должен обладать такими знаниями (из области адаптивной физической культуры. – А.В.), а настоящий специалист – это тот, который будет владеть методами физической реабилитации да еще к этому сможет применить знания по адаптивной физкультуре».

Будущими специалистами в области адаптивной физической культуры понятие «реабилитация» порой правильно употребляется при описании своей будущей деятельности в своем общем значении, а не как термин, обозначающий направление подготовки. Также употребляют термин «адаптация» и реабилитологи. В подгруппе будущих специалистов в области рекреации и спортивно-оздоровительного туризма также совершенно правильно было замечено: «Вообще адаптация – неотъемлемая часть человеческой жизни. И насколько она заложена в человеке, настолько он сможет противостоять различным изменениям окружающей среды». И все же сложность вопроса, заключающаяся в том, что элементы физической реабилитации присутствуют в адаптивной физической культуре и наоборот, что соотнесенность этих двух видов физической культуры нечетко охарактеризована в научных и учебных трудах, наблюдаются противоречия в терминоупотреблении, студентами пока не осознается.

Заключение. Полученные нами данные опроса будущих специалистов свидетельствуют, что студенты, получающие высшее физкультурное образование, независимо от направления подготовки, в целом верно разграничивают адаптивную физическую культуру и физическую реабилитацию как виды физической культуры, осознают различия целей и задач работы в этих областях и в то же время видят нечто общее. Благодаря сравнительной интерпретации сущность этих двух видов физической культуры обогащается некоторыми новыми моментами общего и специфичного. В то же время студентам следует учитывать противоречия в терминоупотреблении, иногда допускаемые в научной и учебной литературе при анализе содержания и структуры научных и учебных дисциплин, изучающих рассматриваемые виды физической культуры. Определенная корректировка разграничения адаптивной физической культуры и физической реабилитации продолжает оставаться актуальной проблемой.

Примечания:

1. Теория и организация адаптивной физической культуры: Учеб. В 2 т. Т. 1 (Под общей ред. проф. С.П. Евсеева). 3-е изд. М., 2010. С. 37.
2. Там же. С. 36.

3. Евсеев С.П., Милодан В.А. Термины и понятия в сфере адаптивной физической культуры // Матер. Первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. СПб., 2007. С. 78.
4. Солодков А.С. Термины и понятия физиологической адаптации в спорте // Матер. Первого междунар. конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20–22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. СПб., 2007. С. 219-222.
5. Теория и организация адаптивной физической культуры: Учеб. В 2 т. Т. 1 (Под общей ред. проф. С.П. Евсеева). 3-е изд. М., 2010. С. 108.
6. Еркомайшвили И.В. Основы теории физической культуры / Курс лекций. Екатеринбург, 2004. С. 14.
7. Шапкова Л.В. Адаптивная физическая культура: методология и развитие в сфере высшего профессионального образования: Дисс. ... д-ра пед. наук. С.-Петербург, 2003. С. 94.
8. Там же. С. 99.

UDC 378

‘Adapted Physical Education’ and ‘Physical Rehabilitation’ as Types of Physical Training, Interpreted by Scientists and Future Specialists

Alexandra L Vorozhbitova

North-Caucasus Federal University, Russia
1a Pushkina Str., Stavropol 355009
PhD (Education), Assistant Professor
E-mail: sannmail.ru@rambler.ru

Abstract. The paper contains brief results of comparative study of types of physical education, aimed at the recovery of health of people with temporary physical inability and integration of people with permanent impairment into society. Contradictions in modern use of terms are detected in this aspect. Reliance on both scientifically-based concepts and interpretations by students – future specialists enables to refine the parameters of the mentioned types of physical education, having given the content to the relevant subjects in the field of physical education.

Keywords: adaptation; rehabilitation; types of physical education; terms use; temporary physical inability; disability.

УДК 338.465.4

Мониторинг качества образования в дошкольном учреждении

Анна Евгеньевна Материкина

Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Театральная, 8
Аспирант
E-mail: stibuh@rambler.ru

Аннотация. Технологическая схема мониторинга качества дошкольного образования состоит из трех последовательных этапов: нормативно-целевого, измерительно-оценочного и прогностического. Грамотно построенное анкетирование как неотъемлемая составляющая измерительно-оценочного этапа позволяет оперативно собрать полную достоверную информацию в форме, удобной для дальнейшего качественного анализа и оценки в целях мониторинга качества дошкольного образования. Последовательное исполнение процедур предложенных этапов мониторинга качества в дошкольном образовательном учреждении является залогом успешного управления качеством дошкольного образования, так как обеспечивает выработку обоснованных, соответствующих реальной ситуации управленческих решений, позволяют установить основные тенденции развития ДОУ.

Ключевые слова: мониторинг образования; качество дошкольного образования; анкетирование.

Введение. На современном этапе развития общества философия качества проникает во все сферы жизни, включая сферу дошкольного образования. Дошкольное образование, являясь одним из уровней образовательной системы, безусловно, имеет общие черты, присущие каждому из них. Однако функционирование дошкольных учреждений существенно отличается от процессов, происходящих в образовательных учреждениях последующих уровней образовательной системы в силу специфики дошкольного возраста. Поэтому общие основы управления качеством образования невозможно механически перенести в дошкольную практику: они должны быть переосмыслены, наполнены новым содержанием, адекватным особенностям дошкольного образования. Статья посвящена вопросам мониторинга качества дошкольного образования, являющегося важным структурно-функциональным компонентом процесса управления качеством дошкольного образования.

Материалы и методы. Основной информационной базой для написания данной статьи послужили федеральные и региональные стандарты дошкольного образования, статистические данные, предоставленные региональным управлением Росстата, а также информация по теме исследования, размещенная на интернет-сайтах Росстата, Минфина, Минобрнауки, научных сайтах, Википедии, монографиях и журнальных публикациях. При исследовании данной темы использовалась совокупность приемов и методов из области экономики и финансового менеджмента, психологии и педагогики, статистики, финансового анализа. Особое место отводится аналитическим показателям, позволяющим решать задачи проверки инвестиций на основе комплекса финансовых коэффициентов, сравнения фактических данных с нормативно-правовыми актами и планами, процедур достоверности расчетов и оценки тех или иных операций, тестирования.

Обсуждение. Мониторинг качества образования – систематическое наблюдение, оценка и прогноз состояния и результатов образовательного процесса дошкольного учреждения в плане их соответствия нормативным требованиям. Цель мониторинга заключается в создании информационной базы, способствующей формированию целостного представления о качестве образования, обеспечиваемом дошкольным учреждением. Мониторинг качества образования в дошкольном учреждении должен проводиться по определенной технологической схеме, которая включает три взаимосвязанных этапа: нормативно-целевой, измерительно-оценочный и прогностический. Главным предназначением нормативно-целевого этапа является определение целей мониторинга и выбор соответствующих им основных показателей [1–10].

На рисунке 1 представлены основные, на наш взгляд, этапы мониторинга качества дошкольного образования.

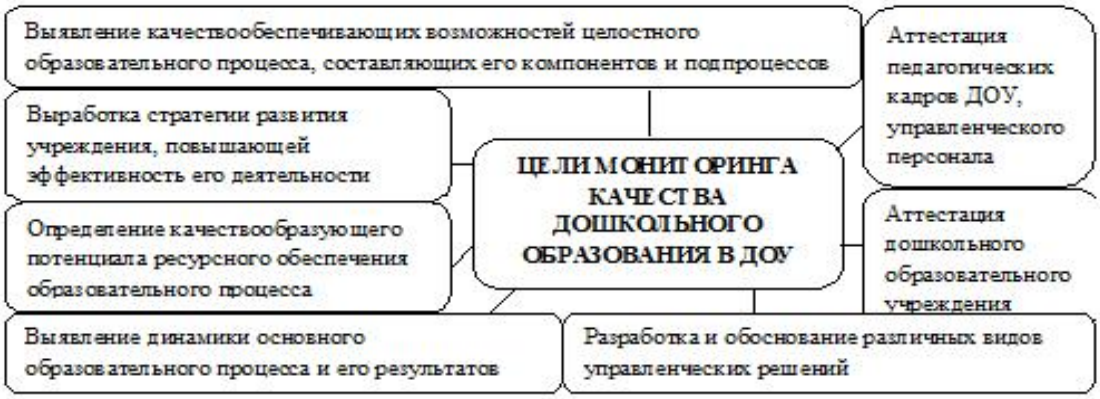

Рис. 1. Цели изучения и оценки качества дошкольного образования

Исходя из конкретной цели мониторинга качества, осуществляется выбор адекватных ей показателей.

На измерительно-оценочном этапе составляются измерители качества и методические указания по их применению, конструируются соответствующие им шкалы, собирается с помощью определенных методов информация, проводится ее количественный и качественный анализ, производится оценка и формируются выводы по показателям качества дошкольного образования.

К измерителям качества дошкольного образования относятся схемы наблюдений, анкеты, вопросы для беседы, изучения продуктов детской деятельности, критерии количественной оценки, а также схемы анализа обучающих сюжетно-ролевых игр, занятий, самостоятельной детской деятельности, планирования образовательного процесса. В частности, анкетирование как неотъемлемая составляющая мониторинга качества образования в дошкольном учреждении используется при оценке деятельности ДОУ и педагогов в работе с детьми, качества занятий, работы методического кабинета, предметно-пространственной развивающей среды и пр. При этом в качестве респондентов могут выступать родители дошкольников, дети старшей возрастной категории, профессиональное сообщество педагогов, работники ДОУ, независимые экспертные группы.

Стандартизация условий измерения качества дошкольного образования достигается реализацией следующих мероприятий:

- четкой регламентации самой процедуры проведения измерения, предусматривающей детально разработанные схемы наблюдения, установки, предлагаемые экспертам, возможные формы разъяснений, время, место и длительность измерительной процедуры, способы регистрации наблюдаемых фактов и пр.;

- формализации процедуры обработки данных, полученных в результате измерения, что достигается введением критериальных норм качества, различных видов шкал для фиксации степени проявления свойства и установления его ранга среди других свойств; использовании методов математической обработки полученных данных;

- профессиональной подготовки экспертов к проведению измерительно-оценочных процедур;

- внедрения процесса изучения и оценки качества образования в общий процесс жизнедеятельности дошкольного учреждения.

Соотнесение целей достижения необходимого уровня качества образовательного процесса с конкретными условиями и способами их достижения выступает основой прогнозирования – третьего этапа мониторинга качества. Его цель заключается в том, чтобы выявить наиболее важные проблемы в решении задач повышения качества образовательного процесса, с которыми коллектив дошкольного учреждения столкнется в перспективе, выработать определенное мнение об эффективных путях и средствах их преодоления, оценить целесообразность того или иного варианта решения, предсказать возможные последствия в случае игнорирования какой-либо из проблем.

Исходя из результатов прогноза, осуществляются соответствующие коррекционные меры, направленные на повышение качество обеспечивающего потенциала образовательного процесса.

В совокупности все три этапа мониторинга дают развернутую характеристику состояния его объекта, позволяют установить основные тенденции его развития, что обеспечивает выработку обоснованных, соответствующих реальной ситуации управленческих решений.

В качестве примера процедур, проводимых на измерительно-оценочном этапе мониторинга качества дошкольного образования, представлены результаты проведенного нами анкетирования в нескольких ДОУ города Сочи в 2012 г. В таблице 1 приведены сводные данные оценки качества занятия по знакомству с окружающей средой в ДОУ, основанные на результатах анкетирования.

Вопросы, приведенные в анкетах, предложенные экспертной группе, состоящей из работников ДОУ и родителей дошкольников, послужили критериями оценки. Варианты ответов, предложенные в анкете, позволяют определить критерий качества занятия как отсутствующий, слабо выраженный, сильно выраженный. Соответственно оценка показателя производится по шкале от 0 до 2.

Табл. 1

Оценка занятия дошкольного образовательного учреждения

Критерии оценки занятия	ДОУ 1	ДОУ 2	ДОУ 3
Постановка цели занятия 0 – цель не конкретна 1 – цель конкретна, но не проверяется ее достижение 2 – цель диагностична и проверяется ее достижение	1	2	1
Формирование мотивации 0 – не уделяется внимание 1 – использование внешних стимулов 2 – с целью усиления мотивации воспитатель в ходе занятия вносит изменения в зависимости от настроения и деятельности детей	2	1	0
Владение материалом 0 – дается материал не выше уровня гос. программы 1 – материал программ иногда дополняется другими факторами 2 – материал программ постоянно дополняется различными факторами	2	1	1
Дифференциация содержания 0 – нет дифференциации 1 – дифференциация без предварительной диагностики 2 – дифференциация на основе диагностики	2	1	1
Владение методами обучения и воспитания 0 – однообразие методов 1 – сочетание 2-3 методов 2 – широкий арсенал, максимум сочетания методов	2	2	0
Виды познавательной деятельности 0 – репродуктивный 1 – частично поисковый 2 – поисковый с элементами микроисследований	1	1	1
Стиль управления деятельностью детей, характер педагогического общения, характер взаимодействия с детьми 0 – авторитарный 1 – демократический 2 – личностно-ориентированный	2	0	1
Результативность занятия 0 – цель не достигнута 1 – частично достигнута 2 – полное достижение цели	2	1	1
Общая сумма баллов	14	9	6

Результаты и выводы. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Наибольших результатов в предоставлении качественных услуг достигло ДОУ 1: 62,5% экспертных оценок имеют высший результат. Наименьших результатов качества занятий достигло ДОУ 3: неудовлетворительные оценки зафиксированы по таким показателям, как формирование мотивации занятия, владения педагогами методами обучения и воспитания. Показатель результативности занятия, который отражает степень достижения цели занятия и зависит от грамотности постановки целей, мотивирующих действия педагога, владения педагогом материалом, выбранных методик и методических материалов, стиля взаимодействия с детьми, личных качеств педагога и пр., в ДОУ 2 и ДОУ 3 достиг среднего уровня экспертных оценок, в ДОУ 1 имеет высший балл.

Таким образом, используя анкетирование на измерительно-оценочном этапе мониторинга качества, проведя анализ полученных при анкетировании результатов, удалось определить оценку качества занятия в ДОУ, которая должна служить выработке управленческих решений по устранению негативных фактов предоставления образовательных услуг ДОУ, а также по коррекции стратегии развития учреждения в области качества дошкольного образования.

Заключение. В заключение необходимо отметить рост внимания к вопросам управления качеством дошкольного образования. Острая актуальность данной проблемы вызвана дефицитом

действенных способов и средств, методов и методик мониторинга качества дошкольного образования как основополагающего элемента системы управления качеством в данной сфере, имея в виду ее специфику и непереоценимую значимость. Проведение мониторинга по предложенной схеме с применением анкетирования должно стать надежным структурированным информационным источником для анализа и оценки в целях управления качеством услуг дошкольного образования.

Примечания:

1.Бестужев-Лада И.В. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: принципы организации // Социологические исследования. 1993. № 8.

2. Кальней В.А., Шишов С.Е. Мониторинг качества образования в школе. М., 2008. 354 с.

3. Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / Под ред. акад. Н.Я. Петракова // Российский государственный научный фонд; Российская академия наук. М.; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 201-211.

4. Сафонова О.А. Управление качеством образования в дошкольном образовательном учреждении [Электронный ресурс]. Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. М.: РГБ, 2005. 316 с.

5. Слепко Ю.Н. Оценка эффективности деятельности учителя различными участниками педагогического процесса [Электронный ресурс]. Дис. ... канд. псих. наук: 19.00.07. Защищена 31.10.06 / Слепко Юрий Николаевич. Ярославль, 2006. 204 с.

6. Шумина Е.В. Мониторинг как средство повышения качества дошкольного образования в регионе [Электронный ресурс]. Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Защищена 31.10.06 / Шумина Елена Владимировна. Елец, 2011. 226 с.

7. Хозяинов Г.И. Определение уровня профессионализма преподавателя / Хозяинов Г.И. // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: Ежегодник. М., 2003. С. 149-156.

8. Шамова Т.И., Третьяков П.И., Капустин Н.П. Управление образовательными системами / Под ред. Т.И. Шамовой. М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 2002. 319 с.

9. Шалаев И. Программно-целевой подход в управлении коллективом общеобразовательной школы. М., 2010. 136 с.

10. Юсикова Ю.А. Управление качеством социальных услуг на примере услуг в здравоохранении и образовании в республике Башкортостан) [Электронный ресурс]. Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Защищена 31.10.09. Уфа, 2009. 146 с.

UDC 338.465.4

Education Quality Monitoring in Preschool Institution

Anna E. Materikina

Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
8 Teatralnaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
Graduate
E-mail: stibuh@rambler.ru

Abstract. Education quality technological monitoring system consists of three stages: regulatory and targeted, measurement and estimation and prognostic. Well-developed questionnaire as an integral part of measurement and estimation stage enables to gather detailed information about the form, convenient for further qualitative analysis and estimation of preschool education quality monitoring. Consequent implementation of the offered quality monitoring in preschool educational institution is the guarantee of successful preschool education quality management as it provides the well-grounded management decision-making, appropriate to the real situation and enables to form basic trends of preschool educational institution development.

Keywords: education monitoring; preschool education quality; questionnaire.

УДК 37.036.5

Исследовательский метод в подготовке специалистов социально-культурного сервиса и туризма

Александр Николаевич Михайлов

Филиал Сочинского государственного университета в г. Анапе Краснодарского края, Россия
г. Анапа, ул. Чехова, 69
доктор педагогических наук, доцент

Аннотация. В статье обосновывается необходимость усиления исследовательской, творческой активности студентов, раскрываются понятия «метод обучения», «активные методы обучения», «исследовательский метод обучения». Обращается внимание на умение студентов ориентироваться в новой научной информации, самостоятельно и творчески овладевать ею.

Акцентируется внимание на сущность исследовательского метода, который обеспечивает организацию поисковой творческой деятельности будущих специалистов по решению новых для них задач. Представлен опыт преподавателей Сочинского государственного университета по использованию исследовательского метода в подготовке специалистов социально-культурного сервиса и туризма.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность студентов; активные методы обучения; исследовательский метод обучения; преподаватель – научный руководитель и консультант; учебно-исследовательские работы; курсовые работы (проекты); дипломные работы (проекты).

Актуальность темы определяется тем, что новое поколение российских образовательных стандартов подготовки специалистов в вузе (ФГОС ВПО) ориентируется на результаты обучения, выраженные в формате компетенции.

Так, в соответствии с ФГОС ВПО выпускник по направлению подготовки 101100 «Гостиничное дело» должен обладать следующими профессиональными компетенциями (ПК) в научно-исследовательской деятельности:

– способностью использовать современные научные принципы и методы исследования рынка гостиничных услуг (ПК-15);

– готовностью к применению прикладных методов исследовательской деятельности в области формирования и продвижения гостиничного продукта, соответствующего требованиям потребителей (ПК-16);

– способностью находить, анализировать и обрабатывать научно-техническую информацию с использованием информационно-коммуникационных технологий (ПК-17);

– готовностью к применению инновационных технологий в гостиничной деятельности и новых форм обслуживания потребителей (ПК-17) [1, с. 9].

Кроме того, внедрение ФГОС ВПО существенно уточняет новую парадигму образовательной технологии: прагматическая модель компетенций будущего специалиста определяет научно-знаниевую модель обучения [2, с. 12]. В этой связи в современном российском образовании компетентностный подход признан стратегическим направлением повышения его качества.

В свою очередь компетентностный подход предполагает усиление самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов. В компетентностной модели образования самостоятельная работа заключается в овладении студентом навыками творческой деятельности в решении профессиональных, научных и исследовательских задач с использованием ранее полученных теоретических знаний, в приобретении необходимых профессиональных и иных компетенций, которые он должен будет совершенствовать в течение всей жизни [3, с. 101].

Научно-исследовательская работа студентов в данной модели превращается из средства развития творческих способностей наиболее успевающих и одаренных студентов в систему, позволяющую повысить качество подготовки всех специалистов с высшим образованием.

Применительно к новым требованиям научно-исследовательская работа должна строиться не только на постановке изучаемой проблемы, поиске спектра решений, описывающих с разных позиций проблемную ситуацию, но и на обучении исследовательской деятельности.

Нашего студента приходится учить структурировать имеющийся материал, находить необходимые источники информации, формулировать основную мысль научно-публицистической статьи, видеть в предметном поле причинно-следственные связи и т.д. [4, с. 36].

Непосредственное вовлечение студентов в активную учебно-познавательную и исследовательскую деятельность в ходе учебного процесса связано с применением приемов и методов, получивших обобщенное название активные методы обучения. Под активными методами обучения понимают такие способы и приемы педагогического воздействия, которые побуждают обучаемых к мыслительной активности, к проявлению творческого, исследовательского подхода и

поиску новых идей для решения разнообразных задач по специальности [5, с. 126].

Содержанием высшего образования является наука в ее развитии. Поэтому методы обучения выражают не только способы преподавания, но и пути познания изучаемых наук. Это означает, что они объединяют в себе научное и учебное начала, исходят из связи с методами науки, являются производными от них.

В то же время характер способов передачи знаний и овладения ими определяется, прежде всего, личностными факторами обучающих и обучающихся — их мотивами, интересами, потребностями, эмоциями, волевыми усилиями. В современных условиях, когда объем необходимых студенту знаний растет лавинообразно, уже невозможно ограничиваться усвоением учебного материала, даваемого преподавателем. Основное — в привитии обучающимся умения ориентироваться в новой научной информации, самостоятельно и творчески овладевать ею.

Специалист социально-культурного сервиса и туризма в условиях конкурентной борьбы на рынке труда стоит перед необходимостью учиться самому, непрерывно добывать знания, чтобы оставаться на высоте предъявляемых к нему требований.

Следовательно, совершенствование методики обучения должно идти главным образом по линии усиления творческой активности студентов.

В то же время любой метод эффективен только тогда, когда обучение отвечает внутренним потребностям и интересам студентов, является полем приложения их творческих сил и способностей, тщательно учитывает те побудители, которые формируют отношение обучающихся к учению. Тем самым осуществляется интенсификация учебного процесса в целом [6, с. 126].

В соответствие с распространенной классификацией методов обучения в зависимости от характера учебно-познавательной деятельности обучающихся в Сочинском государственном университете (далее – СГУ) активно применяются следующие методы обучения: объяснительно-иллюстративные, репродуктивные, проблемное изложение, частично-поисковые (эвристические), исследовательские [7, с. 243-246].

Как показывает наш опыт, на каждом учебном занятии обычно применяется несколько методов в различных сочетаниях. Один из них выбирается преподавателем в качестве главного. Он и определяет организационную форму учебы: состав обучающихся, структуру занятия, место и продолжительность его проведения, специфику деятельности преподавателя и студентов.

Методы наполняют формы конкретным содержанием, а формы влияют на качество методов. Если на занятиях определенной формы используются активные методы, можно добиться значительной активизации учебно-воспитательного процесса, роста его эффективности.

В этом случае сама форма занятий приобретает активный характер. Результаты учебной работы передовых преподавателей СГУ позволяют утверждать, что компетентный преподаватель непременно является и хорошим методистом. Он владеет предметными знаниями и методами в области преподаваемой дисциплины, а также и технологиями обучения этой дисциплине, что позволяет ему представлять изучаемый материал в виде целого комплекта познавательных задач, последовательное решение которых приводит студента к овладению содержанием учебной дисциплины.

Среди всего многообразия активных форм и методов, используемых преподавателями в СГУ, хочется остановиться на исследовательском методе обучения. Особое значение исследовательский метод приобретает в свете его ориентации на обеспечение единства научной и учебной работы, широкое привлечение студентов к исследованиям и повышение на этой основе качества подготовки компетентных специалистов социально-культурного сервиса и туризма.

Исследовательский метод применяется в процессе выполнения студентами СГУ разнообразных работ учебно-исследовательского характера. К ним относятся подготовка докладов и рефератов, постановка и проведение экспериментов, выполнение курсовых и дипломных работ (проектов), участие в городских, региональных, всероссийских, международных форумах и конкурсах и др. [8, с. 145].

По мнению преподавателей университета, выполнение студентами разнообразных работ учебно-исследовательского характера позволяет развивать многие важные для профессионального самообразования умения.

У многих студентов, владеющих методикой самостоятельного решения научных задач, навыками работы в научных коллективах, имеющих научные публикации, принимающих участие во всероссийских, зональных и университетских конкурсах на лучшую научную студенческую работу, возникает мотивация к научно-исследовательской деятельности.

Опыт ряда выпускающих кафедр СГУ показывает, что при правильной организации курсового проектирования, разумном сочетании в задании учебных и исследовательских вопросов значительная часть студентов может завершать курсовые работы (проекты) на уровне научно-исследовательских работ.

В процессе выполнения учебно-научных заданий студенты формируют у себя многие навыки и умения. Им предоставляется возможность изучать теорию проблемы, применять расчеты и выводы теории на практике, собирать, систематизировать и обрабатывать фактический материал, ставить эксперименты, пользоваться справочными данными, формулировать основные выводы и

рекомендации.

Вся деятельность обучающихся в данном плане протекает под руководством преподавателя, который выступает в качестве научного руководителя, консультанта. Чтобы обеспечить успех применения исследовательского метода, преподавателю важно помочь обучающемуся в определении темы, объема и границ исследования, исходя из его способностей и реальных возможностей, которыми он располагает: наличия времени, оборудования, литературы.

Методически оправданно постепенное увеличение степени сложности работ и уровня самостоятельности будущего специалиста при их выполнении. На первых курсах обучения исследования большей частью носят реферативный характер, поэтому преподавателю чаще приходится помогать студенту в подборе литературы, составлении плана работ и др. [9, с. 151].

На старших курсах обеспечивается обычно почти полная самостоятельность студента, за преподавателем в основном остаются контрольные функции и обязанности консультанта. Исследования старшекурсников должны представлять собой в известной степени оригинальные труды, свидетельствующие о том, что автор овладел методологией и методикой научного исследования и создает работу, имеющую теоретическое и практическое значение.

Важной формой научно-исследовательской работы студентов СГУ, выполняемой в учебное время, является внедрение элементов научных исследований в лабораторные работы.

При выполнении таких работ студент самостоятельно составляет план выполнения работы, подбирает необходимую литературу, проводит математическую обработку и анализ результатов, оформляет отчет.

Курсовые работы (проекты) обычно защищаются перед специальными комиссиями кафедр. Процесс защиты дает будущим специалистам опыт публичных выступлений, защиты выдвигаемых научных положений. Важно, чтобы этот этап нес на себе большую воспитательную нагрузку, готовил студента к наиболее важной задаче — выполнению и защите дипломной работы (проекта). В процессе защиты необходимо всемерно поощрять проявление инициативы, оригинальности и самостоятельности мышления, умение практически анализировать явления, убедительно обосновывать выводы [10, с. 20].

Особое внимание в филиале СГУ в г. Анапе уделяется выполнению дипломной работы (проекта) как одному из видов выпускной квалификационной работы. Наш опыт свидетельствует, что разработка дипломной темы должна показывать способность выпускника проводить научные исследования, самостоятельно строить и оригинально решать теоретические и практические вопросы, владеть методикой и техникой научного исследования.

Поэтому в методическом отношении очень важно, чтобы темы дипломных заданий выбирались заблаговременно, были тесно связаны с научно-исследовательской работой кафедр и лабораторий университета. Это дает возможность вести ее с перспективой, решать наиболее актуальные вопросы.

Особенность методики руководства дипломной работой (проектом) заключается в том, чтобы дать возможность выпускнику проявить максимум самостоятельности в решении проблемы и в то же время воспользоваться высококвалифицированным научным руководством специалистов — преподавателей кафедры.

Важно не допускать мелочной опеки, не оберегать от трудностей, не навязывать какую-то уже известную схему решения проблемы, а предоставлять начинающему исследователю больше самостоятельности, поправлять лишь в том случае, если он явно идет неправильным путем.

Защита дипломной работы (проекта) в методическом отношении должна обеспечивать возможность вырабатывать умение кратко излагать существо выполненного труда, его важнейшие результаты, применять различные средства защиты своих научных взглядов и убеждений.

Таким образом, использование исследовательского метода в обучении в университете в целях подготовки компетентных специалистов позволяет рассматривать его не только как способ развития творческого мышления студента, но и как средство развития личности современного специалиста.

Основное содержание исследовательского метода – обеспечить овладение будущими специалистами социально-культурного сервиса и туризма методами научного познания, развить и сформировать у них основы творческой деятельности, обеспечить условия успешного формирования мотивов творческой деятельности, способствовать формированию осознанных, оперативно и гибко используемых знаний.

Примечания:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 101100 Гостиничное дело (квалификация "степень" «бакалавр»). Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 сентября 2010 года, № 936.

2. Афанасьев Д.В., Грызлов В.С. Компетентностный подход и кредитно-модульная система обучения // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 11-18.

3. Шарф И.В. Реализация самостоятельной работы студентов в компетентностной модели // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 99-105.

4. Завьялов А.М. Модернизация подготовки студентов к научной деятельности // Высшее образование в России. 2011. № 1. С. 34-39.

5. Покладова В.А. Активные методы обучения в процессе подготовки специалистов в вузе // Инновации в образовании. 2013. № 2. С. 124-128.

6. Баранников А.В. Компетентностный подход и качество образования. М.: Моск. центр качества образования, 2008. 150 с.

7. Педагогика: Учеб. пособие / Под ред. П.И. Пидкасистого. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2011. 502 с.

8. Михайлов А.Н. Повышение объективности в оценке компетенций у студентов // Известия Сочинского государственного университета». 2012. № 3. С. 144-146.

9. Егорова И.П. Организация самостоятельной работы студентов младших курсов // Инновации в образовании. 2013. № 2.. С. 32-46.

10. Давыденко Т.М., Беняш М.В. Система стимулирования научно-исследовательской работы студентов и молодых исследователей // Высшее образование сегодня. 2008. № 11. С. 18-21.

UDK 37.036.5

Research Method in Tourism and Recreation Specialists' Training

Alexander N. Mikhaylov

Anapa Branch Sochi State University, Russia
69 Chekhova Str., Anapa
Doctor of Education, Professor

Abstract. The paper justifies the necessity of students' research, creative activity increase, defines the notions 'educational method', 'active educational methods', 'research educational method'. Special attention is attached to students' ability to become aware of new scientific information, acquire its knowledge on their own and constructively.

Particular attention is attached to the essence of research method, providing future specialists' search creative activity while solving new problems. The experience of Sochi State University instructors on the use of research method in tourism and recreation specialists' training is presented.

Keywords: students' scientific and research activity; active educational methods; research educational method; instructor - academic advisor and consultant; educational and research works; courseworks (projects); degree works (projects).

УДК 37

Компетентностный подход и его роль в современном высшем образовании

Эмин Микаилович Рагимов

Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
аспирант

Аннотация. В статье проведен анализ ключевых компетенций, компетентностно-ориентированного профессионального образования с позиции новых социально-экономических условий. Эти новые требования, как оказывается, не связаны жестко с той или иной дисциплиной, они носят надпредметный характер, отличаются универсальностью. Их формирование требует не столько нового содержания (предметного), сколько иных педагогических технологий.

Ключевые слова: ключевые компетенции; компетентностный подход в высшем образовании.

Введение. В статье рассматриваются вопросы, связанные с компетентностным подходом в образовании. Компетентность, прежде всего, это общая способность и готовность личности к деятельности, основанной на знаниях и опыте, которые приобретены благодаря обучению, ориентированы на самостоятельное участие личности в учебно-познавательном процессе и направлены на ее успешную интеграцию в социум. Компетенция – это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Сама компетентностная модель выпускника, с одной стороны, охватывает квалификацию, связывающую будущую его деятельность с предметами и объектами труда, с другой стороны, отражает междисциплинарные требования к результату образования. В результате многообразных дискуссий сегодня стало ясно, что ключевые компетентности характеризуются тем, что они:

- позволяют решать сложные задачи (неалгоритмические);
- полифункциональны (позволяют решать разные задачи из одного поля);
- переносимы на разные социальные поля (на разные области деятельности);
- требуют сложной ментальной организованности (включения интеллектуальных, эмоциональных качеств);
- сложно устроены и для реализации требуют целого набора навыков (навыки сотрудничества, понимания, аргументации, планирования...);
- реализуются на разных уровнях (от элементарного до глубокого)

Материалы и методы: философские и педагогические теории формирования информационной культуры и информационной компетентности педагога (Е.В. Данильчук, И.Н. Завьялов, С.М. Конюшенко, Э.Ф. Морковина, Л.Б. Сенкевич, А.А. Темербекова, А.А. Харунжев, Е.В. Харунжева и др.).

В ряде западноевропейских систем профессионального образования и подготовки принято выражение «обучение на основе компетенций». В российской образовательной системе укоренился термин «компетентностный подход». Идеи компетентностного подхода как принципа образования рассматриваются в работах А.М. Аронова, А.В. Баранникова, А.Г. Бермуса, В.А. Болотова, И.А. Зимней, Г.Б. Голуба, В.В. Краевского, О.Е. Лебедева, М.В. Рыжакова, Ю.Г. Татура, И.Д. Фрумина, А.В. Хуторского, О.В. Чураковой, М.А. Чошанова, П.Г. Щедровицкого и др.

Именно компетентностный подход рассматривается в официальных документах, в том числе в Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы, и в Плане мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005–2010 годы [1].

Основные идеи компетентностного подхода сформулированы Л.О. Филатовой следующим образом:

- компетентность объединяет в себе интеллектуальную и навыковую составляющую образования;
- понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую;
- оно включает результаты обучения (знания и умения), систему ценностных ориентаций, привычки и др.;
- компетентность означает способность мобилизовать полученные знания, умения, опыт и способы поведения в условиях конкретной ситуации, конкретной деятельности;
- в понятии компетентности заложена идеология интерпретации содержания образования, формируемого "от результата" ("стандарт на выходе");
- компетентностный подход включает в себя идентификацию основных умений;

• компетентности формируются в процессе обучения не только в вузе, но и под воздействием окружающей среды, то есть в рамках формального, неформального и внеформального образования;

• понятие «компетенции» является понятием процессуальным, т.е. компетенции как проявляются, так и формируются в деятельности;

• компетентностный подход возник из потребности в адаптации человека к часто меняющимся в производстве технологиям. Компетенция – это способность менять в себе то, что должно измениться как ответ на вызов определенной ситуации с сохранением некоторого ядра образования: целостное мировоззрение, ценности;

• компетенция описывает потенциал, который проявляется ситуативно, следовательно, может лечь в основу оценки лишь отсроченных результатов обучения [2].

Компетентность является субъективной характеристикой понятия, определяет степень овладения потенциалом, набором возможностей, знаний, умений, навыков в той или иной отрасли, в специальности. Это то, за счет чего порождается действие, умение, возможность установления связи между знанием, деятельностью в практической ситуации. Сами компетентности и компетенции могут быть различными, в зависимости от области или сферы деятельности – правовая, экономическая, педагогическая, технологическая, управленческая, профессиональная и т.д.

Результаты образования, компетенции и компетентностный подход (обучение на основе компетенций) получают в образовании все больший статус благодаря расширяющемуся употреблению, в том числе в официальных российских и международных документах. В Берлинском коммюнике (2003 г.) признано необходимым выработать структуру сравнимых и совместимых квалификаций для национальных систем высшего образования, что позволило бы описать квалификации с точки зрения рабочей нагрузки, уровня, результатов обучения, компетенций и профиля (для удовлетворения многообразных личных и академических потребностей, а также запросов рынка труда).

Компетентностный подход рассматривается как своего рода инструмент усиления социального диалога высшей школы с миром труда, средство углубления их сотрудничества и восстановления в новых условиях взаимного доверия.

Компетенции интерпретируются как единый (согласованный) язык для описания академических и профессиональных профилей и уровней высшего образования. Иногда говорят, что язык компетенций является наиболее адекватным для описания результатов образования. Ориентация стандартов, учебных планов (образовательных программ) на результаты образования делают квалификации сравнимыми и прозрачными, чего нельзя сказать о содержании образования, которое разительно отличается не только между странами, но и вузами, даже при подготовке по одной и той же специальности (предметной области).

Компетенции представляют собой сочетание характеристик (относящихся к знанию и его применению, к позициям, навыкам и ответственностям), которые описывают уровень или степень, до которой некоторое лицо способно эти компетенции реализовать.

Следует различать компетенции и личные качества (свойства) человека: смелость, выносливость, честность и т.д. С другой стороны, компетенции должны подкрепляться личными качествами (например, работоспособность, прилежность, увлеченность, выносливость, преодоление трудностей, сдержанность, оптимизм, терпимость при разочарованиях и др.). Это лишний раз свидетельствует о системном характере формирования компетенций: есть значительный сегмент в несодержательных аспектах их формирования (образовательная среда вузов, организация образовательного процесса, образовательные технологии, включая самостоятельную работу студентов, проектное обучение и т.д.) [3–6].

Освоение компетенций происходит как при изучении отдельных учебных дисциплин, циклов, модулей, так и тех дидактических единиц, которые интегрируются в обще-профессиональные и специальные дисциплины. Подчеркивается обобщенный интегральный характер этого понятия по отношению к «знаниям», «умениям», «навыкам» (но не противоположный им, а включающий в себя все их конструктивное содержание).

В отличие от характерной для действующих ГОС квалификационной модели, компетентностная модель специалиста, ориентированного на сферу профессиональной деятельности, менее жестко привязана к конкретному объекту и предмету труда. Это обеспечивает мобильность выпускников в изменяющихся условиях рынка труда.

В рамках Болонского процесса европейские университеты в разной мере и с различающимися степенями энтузиазма осваивают (принимают) компетентностный подход, который рассматривается как своего рода инструмент усиления социального диалога высшей школы с миром труда, средством углубления их сотрудничества и восстановления в новых условиях взаимного доверия [7–19].

Интернационализация сектора высшего образования, конкуренция вузов и дисциплин на глобальном уровне – все это вызвало потребность в более общих результатах обучения для каждой дисциплины или области и в наднациональном уровне их формулирования. Такой подход к определению результатов обучения позволит разработать универсальные стандарты, которые

должны стать основой для внутреннего, национального и международного оценивания и обеспечения качества.

Заключение. Компетентностная модель – это модель будущей эффективной работы, социального взаимодействия и адаптируемости ко многим контекстам. Под компетентностным подходом следует понимать метод моделирования результатов образования как норм его качества. Это будет означать:

• отражение в системном и целостном виде образа результата образования;

• формирование результатов как признаков готовности студента/выпускника продемонстрировать соответствующие компетенции.

Результаты образования – это ожидаемые и измеряемые конкретные достижения студентов и выпускников, выраженные на языке знаний, умений, навыков, способностей, компетенций, и которые описывают, что должен будет в состоянии делать студент/выпускник по завершении всей или части образовательной программы.

Примечания:

1. Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 годы. Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2005 г. № 803.

2. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. М: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 114 с.

3. Болонский процесс: Бергенский этап / Под науч. ред. доктора педагогических наук, профессора В.И. Байденко / М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Российский новый университет, 2005. 174 с.

4. Галямина И.Г. Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения с использованием компетентностного подхода // Материалы к шестому заседанию методологического семинара 29 марта 2005 г. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 106 с.

5. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в области техники и технологии в компетентностном формате: обзор разработанных вариантов. М., Уфа: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 101 с.

6. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: Монография / Коллектив авторов под ред. Кузьминова Я.И., Пузанкова Д.В., Федорова И.Б., Шадрикова В.Д. М.: Логос, 2004. 328 с.

7. Казаков И.С. Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования и инварианты информационной компетентности // European Researcher. 2012. № 5-2.

8. Казаков И.С. Паспортизация инвариантов информационной компетентности будущего педагога // European Journal of Contemporary Education. 2012. № 1.

9. Казаков И.С. Информационная компетентность как объект педагогического проектирования // Известия Сочинского государственного университета. Сочи. 2013. № 1-1.

10. Казаков И.С. Персонифицированные инвариантные составляющие процесса обучения в вузе // Высшее образование сегодня. 2011. № 8.

11. Казаков И.С. Модель процесса формирования информационной компетентности у студентов педагогического вуза // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 1.

12. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компететностного подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.

13. Ищенко В.В., Сазонова З.С. Функционально-сетевые модели компетентностного подхода для описания интеграции образования, науки, производства (дискуссионный вариант). М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 51 с.

14. Концептуальная модель и макет образовательного стандарта высшего образования стран СНГ. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 18 с.

15. Куклина Е.Н., Черкасов А.А. Профессиональное становление преподавателей вузов // Education Sciences and Psychology. 2011. № 1.

16. Черкасов А.А. О проблемах оптимизации процесса обучения в условиях высшей школы при переходе к Болонской системе образования (на примере преподавания «Истории России») // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 1.

17. Вотякова Л.Р. Педагогические условия формирования профессионально-информационной компетентности студентов // Среднее профессиональное образование: Ежемесячный теоретический и научно-методический журнал. 2009. № 5.

18. Растегаева Т.Е. Проектирование целей при формировании готовности к саморазвитию информационной культуры студентов педагогического вуза // Теория и практика обеспечения образовательного процесса в современных условиях: Матер. Межрегион. науч.-практ. конф., г. Сочи: СГУ, 2011.

19. Тюнников Ю.С., Крылова В.В. Методология целеполагания образовательной программы // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. Т. 20. № 2. С. 153-160.

UDC 37

Competence Approach and Its Role in Today's Higher Education

Emin M. Ragimov

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Graduate

Abstract. The paper analyses the key competences of competence-oriented professional education from the perspective of new social and economic conditions. These new demands, as it turned out, are not rigidly bound with this or that subject, they have oversubject and universal character. Their formation demands not so much new content (subject), as other educational techniques.

Keywords: key competences; competence approach in higher education.

УДК 37

Проектный потенциал сценария профессиональной готовности в разработке программы ДПО

Юрий Станиславович Тюнников

Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26-а
Доктор педагогических наук, профессор

Аннотация. Основным недостатком традиционных непрерывного профессионального развития содержания образования является, с одной стороны, функциональные, содержательные и структурные разрыв между профессиональной и учебной деятельности, а с другой, их виновными идентификации. В статье рассматриваются перспективы развития СРЕ содержания в методологии сценарного подхода с использованием профессионального уровня доступности, что позволяет в некоторой степени преодолеть недостатки традиционного подхода.Переменных, выявление структуры профессионального Доступность сценария, сценарии версии, место и роль в процедурах развития образования Содержание программы показали.

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование; сценарий модель профессиональной готовности; квалификации дефицита; варианты профессионального уровня доступности; учебных подразделений; образовательная модель сценария программы.

Введение. Современная практика формирования содержания дополнительного профессионального образования (ДПО) всецело определяется процедурами и результатами предпроектного анализа содержания профессиональной деятельности работника, отбора и структурирования учебной информации. Здесь утвердился подход, который в своей лапидарной форме соответствует схеме: требования к профессиональной деятельности – требования к отбору и структурированию знаний, умений, навыков – требования к образовательной программе ДПО. Схема подразумевает возможность прямого и непосредственного извлечения из структуры и содержания профессиональной деятельности не только необходимого учебного содержания, но и других элементов образовательной программы, включая дерево целей, локальные структуры учебной информации, их дидактические последовательности, инструментально-технологические составляющие, композиционные параметры и др. Главный недостаток схемы кроится, прежде всего, в скачкообразном переходе от исходного содержания профессиональной деятельности к конечному содержанию учебной деятельности, что фактически означает присвоение дидактического статуса, если не всей профессиональной деятельности, то ее ключевым фрагментам и элементам. Ситуацию такого рода преобразований никоим образом не объясняют заявленные процедуры предпроектного редуцирования профессиональной деятельности работника (суть которых, как правило, заключается в дроблении профессиональной деятельности на отдельные группы знаний, умений и навыков), поэлементного отбора и структурирования учебной информации.

Перспективы создания принципиально новых образовательных программ для системы дополнительного профессионального образования необходимо, на наш взгляд, связать с дальнейшим совершенствованием способов проектного описания профессиональной и учебной деятельности, а также способов их проектного согласования в рамках единой (интегрированной) стратегии. Значительными возможностями в этом отношении обладает методология сценарного проектирования ДПО. Сценарный подход апеллирует к профессиональной и учебной деятельности субъекта образовательного процесса как сценарно взаимосвязанным контекстам. При этом акцент делается не на формальной взаимосвязи профессиональной и учебной деятельности, а на их функциональной, содержательной и структурной взаимовыводимости. Особое значение в этой связи приобретают сценарии двух видов – сценарии профессиональной готовности специалиста и сценарии образовательной программы. Сценарий профессиональной готовности устанавливает степень соответствия квалификации специалиста актуальным требованиям производства. Сценарий образовательной программы дает описание структуры дидактически организованных действий, производимых в заданном культурно-образовательном пространстве и изменяющих состояние обучаемых (в нашем случае – профессиональной готовности специалиста) в соответствии с поставленными целями.

Материалы и методы. Сценарный подход применяется в сфере образования в широком диапазоне и демонстрирует значительный проектный и прогностический потенциал. Его основные положения и принципы достаточно успешно применяются при моделировании и организации педагогического взаимодействия [1, 2 и др.], построении и анализе программ инновационного развития образовательных учреждений [3–5 и др.], разработке игровых формах организации образовательного процесса [6, 7, 8, с. 153-178 и др.].

Практика реформирования и модернизации общего образования Англии, Канады, Новой Зеландии, Нидерландов свидетельствует о положительном опыте построения прогностических сценариев. Эксперты в области сценарно-прогностического анализа (Д. Огилви, М. Фуллан, Ж.-М. Сосуа, Ф. ван Ноттена и др.), рассматривая промежуточные результаты международного проекта «Школа будущего», делают вполне обоснованный вывод о широкой применимости сценарного подхода при разработке долгосрочных перспектив развития системы образования [9].

Проблемы применения алгоритмов сценирования к конкретным задачам стратегического управления развитием образования разрабатывает С. Переслегин. В рамках концепции проектного управления им предложен алгоритм сценирования, включающий в себя анализ образовательной ситуации и выделение проблем, определение ведущих специалистов, определение временных, пространственных и ресурсных рамок, целеполагание, построение базового сценария и его экспертный анализ, оценку рисков и построение альтернативных сценариев, развертывание сценария в образовательном пространстве [10].

Сценарные модели привлекаются для решения проблем классификации в образовательной сфере. В этой связи следует отметить работу, в которой на базе моделей педагогических сценариев, учитывающих дифференциацию ролей преподавателей, студентов и мультимедийных продуктов, предложена классификация практического применения мультимедиа в образовании [11]. Сделаны первые шаги в разработке и применении методологии сценарного проектирования при формировании содержания ДПО [12–14].

Основным смыслом сценарного проектирования содержания ДПО является разработка максимально приближенного к требованиям отрасли и потребностям специалиста варианта развития его профессиональной готовности. При этом предлагаемый для реализации вариант должен быть логичным и хорошо структурированным. При сценарном проектировании рассматриваются ситуации, когда под воздействием ряда факторов у работника возникает квалификационный дефицит. В этих ключевых моментах сценарной разработки привлекаются методы ситуационного, факторного и профессиографического анализа.

Важным моментом построения сценария образовательной программы является опора на принципы и положения моделирования дидактических структур (В.П. Беспалько, В.С. Лазарев, В.С. Леднев и др.), личностно-деятельностного подхода к построению и организации процесса дополнительного профессионального образования (С.Г. Вершловский, Е.Е. Вяземский, А.Н. Галагузов и др.).

Обсуждение и результаты. Сценарий профессиональной готовности специалиста является экспликацией динамичной системы «устойчивость профессиональной готовности – неустойчивость профессиональной готовности» в зоне квалификационного дефицита. Сценарий должен давать необходимые представления об уровне профессиональной готовности специалиста с учетом содержательных особенностей квалификационного дефицита, его влияния на различные стороны практической деятельности. Важно представить квалификационный дефицит в такой форме, которая позволяет перейти от результатов предпроектного анализа к выполнению последующих шагов в построении содержания ДПО.

Квалификационный дефицит, какого бы вида и содержания он ни был, по сути, представляет собой те или иные ***разрывы рациональности*** в системе актуальных отношений и взаимодействий специалиста в сфере производства.

Действительно, профессиональную готовность работника, отвечающую актуальным требованиям производства, в функциональном и содержательном отношении характеризуют, прежде всего, система нормативно заданных отношений и взаимодействий, центром которой он является. Очевидно, такого рода рациональные взаимодействия и отношения, иначе говоря, ***рациональности***, следует идентифицировать и различать по своей направленности, форме и содержанию. Применительно к содержанию профессиональной деятельности современного специалиста можно выделить:

- рациональности системы деловой коммуникации,
- рациональности системы практических действий,
- рациональности системы поисковых (ориентационных) действий,
- рациональности системы принятия решений,
- рациональности системы профессиональной и личностной саморегуляции.

Разрывы, приводящие к падению квалификации, выражаются главным образом в том, что между нормативными показателями того или иного вида рациональных отношений и взаимодействий специалиста и реальным уровнем его профессиональной готовности появляются определенные несоответствия. В каждом конкретном случае такого рода разрывы приобретают для специалиста субъективную форму профессиональных и/или личностных барьеров. Очевидно, в профессиональной деятельности могут возникать немалое количество барьеров иррационального характера (например, барьеры, вызванные индивидуальными особенностями восприятия самого себя или сложившейся обстановки). В этой связи следует подчеркнуть, что для формирования содержания

ДПО особое значение имеют именно те барьеры, которые идентифицируются как разрывы рациональности.

Решая проблему исходного содержания ДПО посредством сценарного моделирования профессиональной готовности в зоне квалификационного дефицита, требуется в полном объеме установить:

(1) по каким именно составляющим профессиональной готовности специалиста имеются существенные разрывы рациональности,

(2) в какой конфигурации и взаимообусловленности находятся разрывы рациональности,

(3) каковы значения разрывов рациональности по каждой составляющей в актуальной норме и в точке реального падения,

(4) какой набор профессиональных и личностных барьеров специалиста соответствует разрывам рациональности в заданных условиях профессиональной деятельности.

Идентификация и дифференциация разрывов рациональности в структуре профессиональной готовности, определение их качественных и количественных показателей может и должна производиться с привлечением экспертов из числа наиболее опытных специалистов и руководителей производства, исследователей, занимающихся проблемами профессиональной подготовки и переподготовки кадрового состава в данной отрасли, а также опытных преподавателей системы ДПО. Отбор и формирование экспертной группы осуществляется посредством стандартизированных процедур с использованием системы специальных критериев и показателей.

Главные этапы и результаты экспертной работы в наглядной форме можно представить в виде схемы (см. рис. 1). Схема иллюстрирует общую логику построения сценария профессиональной готовности специалиста.

Первая, дедуктивная часть схемы, отражает взаимосвязь профессиональной готовности с нормативным набором профессиональных компетенций и показывает возможность проектного использования содержательных характеристик профессиональных компетенций при разработке конкретного содержания ДПО. Тем самым в дедуктивной части устанавливаются нормативные значения профессиональной готовности специалиста**.**

Вторая, индуктивная часть схемы, взаимосвязана с первой и показывает экспликацию элементов сценарной модели профессиональной готовности. Эта часть схемы предполагает работу по определению содержания и типа квалификационного дефицита и связанных с ним разрывов рациональности в системе отношений и взаимодействий специалиста, конфигурированию этих разрывов в логике событий и ситуаций профессиональной деятельности. Разрывы рациональности фиксируются в содержательной привязке к заданному набору профессиональных компетенций с учетом их нормативного значения. В отдельных случаях такая возможность может отсутствовать по причине полного или частичного несовпадения содержательных характеристик компетенций с содержательными характеристиками разрывов рациональностей. В этом случае сценарий профессиональной готовности специалиста того или иного профиля разрабатывается на базе конфигурирования разрывов рациональности с учетом формализованных значений нормативных требований к уровню квалификации специалиста. На схеме значения разрывов рациональности в норме и в точке падения указаны в виде дроби.

Анализ практики ДПО позволяет говорить о шести возможных сценариях готовности специалиста в пространстве профессиональной деятельности. В основе каждого сценария (кроме первого – нормативного) лежат определенные разрывы рациональности и характерные для них типы квалификационного дефицита (см. [12]).

Сценарий первый: уровень профессиональной готовности отвечает всем нормативным требованиям к квалификации специалиста и обеспечивает высокое качество профессиональной деятельности при выполнении всего спектра практических задач. Разрывы рациональности по всем составляющим профессиональной готовности отсутствуют. Необходимая устойчивость социально-профессионального статуса специалиста поддерживается высокой мотивацией профессионального саморазвития, активной саморегуляцией функционально-ролевой, практико-технологической, аналитико-поисковой составляющих квалификации (см. об этом подробнее [15]).

Сценарий второй: уровень профессиональной готовности в целом остается без существенных изменений и отвечает основным нормативным требованиям. Показатели разрывов рациональности по отдельным составляющим профессиональной готовности имеют минимальные отклонения. Необходимая устойчивость социально-профессионального статуса специалиста поддерживается достаточно высокой мотивацией профессионального саморазвития, профессионально-личностной саморегуляцией основных составляющих квалификации – функционально-ролевой, практико-технологической, аналитико-поисковой.

Поскольку речь идет главным образом о дефектах профессионального кругозора, то данному сценарию профессиональной готовности более всего соответствует квалификационный дефицит типа ***«представленческий пробел».***

Сценарий третий: снижение уровня профессиональной готовности вследствие утраты адекватности ее отдельными структурными составляющими. Разрывы рациональности и снижение

уровня (ниже критического порога) функционально-ролевой, практико-технологической, аналитико-поисковой и профессионально-регулятивной готовности вызваны, как правило, слабой структурированностью или нехваткой отдельных групп специальных знаний, умений и навыков.

Такому сценарию профессиональной готовности соответствуют два типа квалификационного дефицита – ***«понятийный пробел»*** и ***«операционный пробел»***. Понятийный пробел указывает на необходимость обновления ранее сформированной системы понятий, определяющих информационную основу практико-познавательного и теоретико-познавательного взаимодействия специалиста в профессиональной среде. Для операционного пробела показательна нехватка в структуре профессиональной деятельности специалиста определенных групп профессиональных умений общего и специального характера. Например, снижение результативности аналитико-поисковой деятельности специалиста и, следовательно, операционный пробел может возникнуть вследствие изменения содержания наиболее значимых ориентиров профессиональной деятельности, в частности, относящихся к представлениям о межотраслевых или внутрипроизводственных взаимодействиях.

Сценарий четвертый: снижение уровня профессиональной готовности вследствие структурной неполноты ее составляющих. Такие изменения могут произойти в структуре функционально-ролевой, практико-технологической, аналитико-поисковой готовности, а также профессионально-личностной готовности вследствие полного отсутствия (или недостаточной сформированности) отдельных групп знаний, умений и навыков. Для такого сценария, в частности, характерно появление в структуре готовности специалиста новых функций, ролей, модифицированных технологий и методов профессиональной деятельности, новых способов ориентировки в профессиональной среде. Разрывы рациональности по отдельным составляющим профессиональной готовности существенным образом отличаются от нормативных значений.

Приведенному сценарию профессиональной готовности соответствует квалификационный дефицит типа ***«локальная дисфункция»***. Данный тип квалификационного дефицита, в частности, может означать значительные затруднения при выполнении отдельных видов профессиональных задач, разрешении отдельных проблемных профессиональных ситуаций.

***Сценарий пятый*:** снижение уровня профессиональной готовности вследствие структурной неполноты и рассогласования ее главных подсистем – профессиональной квалификации и профессионально-личностной саморегуляции.

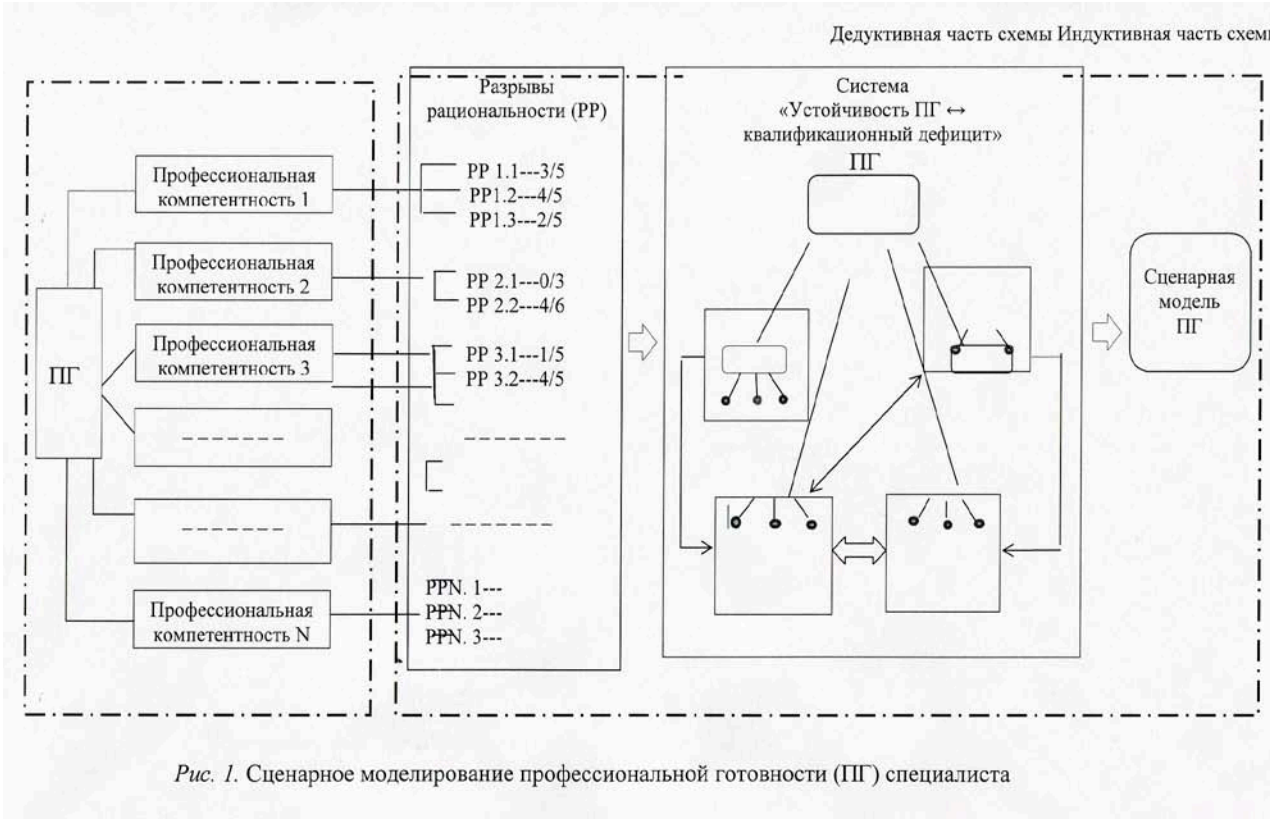

Рис. 1. Сценарное моделирование профессиональной готовности (ПГ) специалиста

Разрывы рациональности, возникающие в практике профессиональной деятельности, указывают на низкую эффективность уже сложившегося опыта. Специалист не в состоянии эффективно выполнять отдельные функции и виды профессиональной деятельности. Данные обстоятельства возникают при значительном обновлении содержания профессионального труда специалиста, что предполагает перестройку функционально-ролевой, практико-технологической и

аналитико-поисковой готовности специалиста. Падение уровня профессиональной готовности может быть обусловлено также трудностями профессиональной самоидентификации, низкой мотивацией и свернутостью программ профессионального саморазвития.

Данному сценарию профессиональной готовности соответствует квалификационный дефицит типа ***«структурная дисфункция»***. Структурная дисфункция, в частности, может иметь место при переходе специалиста в смежную область профессиональной деятельности, в случае радикального изменения организационных условий и технологических требований, при выполнении в рамках действующих функций новых видов деятельности и т.п.

Сценарий шестой: утрата профессиональной готовности вследствие полного изменения ее структуры. Изменения в структуре готовности носят радикальный характер, негативно сказываются на социально-профессиональном статусе специалиста. Специалист фактически не осуществляет в требуемой полноте профессиональные функции и закрепленные за ним роли, резко снижается результативность его аналитико-поисковой деятельности и, как следствие, решения профессиональных задач и проблем.

Разрывы рациональности в процедурах аналитико-поискового характера влияют на структурные изменения профессионально-личностной саморегуляции, что в первую очередь отрицательно сказывается на процессах профессиональной самоидентификации и самопроектировании квалификационного развития.

Такому сценарию соответствует квалификационный дефицит типа ***«квалификационное несоответствие»***. В одном случае квалификационное несоответствие может быть вызвано фактическим разрушением ранее сложившейся структуры профессиональной готовности при полномасштабной модернизации производства, что, как правило, сопровождается утратой профессиональных функций, разрушением функциональных стереотипов, ролевыми и технологическими разрывами и т.п. В другом – указанный тип квалификационного дефицита может иллюстрировать потерю квалификации вследствие перехода специалиста в принципиально новую для него производственную среду, что на практике также приводит к резкому падению уровня профессиональной компетентности.

Вкратце остановимся на взаимосвязи сценария профессиональной готовности и сценария образовательной программы (проектный потенциал сценария образовательной программы рассмотрен нами ранее в [14]).

Сценарное моделирование образовательной программы ориентировано на проектное описание содержания ДПО с позиции главных моментов учебного действия (ценностных, познавательных, коммуникативных и др.), вводит в условия его разработки.

Представленные сценарии профессиональной готовности фиксируют наличный уровень квалификации специалиста и вместе с тем позволяют перейти к разработке сценария образовательной программы и в первую очередь определиться с бюджетом учебного времени, необходимым для реализации данной образовательной услуги.

Так, квалификационный дефицит «представленческий пробел», характерный для второго сценария, предполагает разработку образовательных программ с бюджетом учебного времени до 72 часов. Профессиональной готовности по третьему сценарию с квалификационным дефицитом «понятийный пробел» и «операционный пробел» более соответствует программа с продолжительностью обучения от 72 до 100 часов. Профессиональной готовности по четвертому сценарию с квалификационным дефицитом «локальная дисфункция» отвечает программа с объемом учебного времени свыше 100 часов. Для пятого сценария профессиональной готовности и характерного для него квалификационного дефицита «структурная дисфункция» требуется профессиональная переподготовка по программе свыше 500 часов. И для последнего, шестого, сценария профессиональной готовности с квалификационным дефицитом «квалификационное несоответствие» требуется программа дополнительного образования с бюджетом учебного времени свыше 1000 часов.

При модульной организации образовательного процесса сценарная модель позволяет сформировать необходимые представления о том, как устроена образовательная программа, каковы общие рамки отбора учебного материала, каким образом должно происходить его структурирование на начальном этапе проектирования.

Сценарии образовательной программы ДПО сфокусированы на качественных переходах субъекта образования от одного состояния к другому и отражают его активную позицию при установлении новых субъектно-объектных связей и новых связей объектов. Психологи отмечают, что переход от внешнего к внутреннему совершается в том случае, если человек переживает его как свое собственное событие. Логика чередования личностно-значимых событий наиболее привлекательна и в дидактическом, и в проектном отношении. Именно в этой логике следует рассматривать развитие профессиональной готовности специалиста и проектировать смысловое развертывание содержания программы ДПО в определенном наборе модулей.

Какое содержание приобретает понятие событие при разработке сценарной модели образовательной программы? В интерпретации данного понятия мы придерживаемся точки зрения,

согласно которой главным источником возникновения и развертывания личностно-значимого события выступают определенного рода барьеры. Главное отличие таких барьеров заключается в том, что они генерируют в высшей психической деятельности «господствующий очаг возбуждения» (по А.А. Ухтомскому). Как правило, барьеры вызывают состояние затруднения (познавательное, поведенческое, мотивационное (борьба мотивов), эмоциональное и иное) и требуют от человека мобилизации его интеллектуальных, физических и духовных сил. В свою очередь события, вызванные барьерами и процессом их преодоления, актуализируют при определенных условиях состояние продуктивной самооценки, стремление к самореализации и саморазвитию. Событие, личностная значимость которого находится под воздействием барьера, мы называем ***барьеро-событием*** [14].

Следует различать барьеро-события профессиональной деятельности и барьеро-события учебной деятельности, или образовательные барьеро-события. Образовательные барьеро-события проектируются в педагогических целях. Они реализуются в процессе обучения и представляют собой элементарный процесс перехода обучаемого из одного состояния в другое.

В сценарной модели барьеро-события выстраиваются в определенной логике согласно событийного сюжета, разработка которого осуществляется на базе сценариев нормативной и фактической готовности. Дидактические конфигурации барьеро-событий в общей логике реализации образовательной стратегии, иначе говоря, событийный сюжет, являются наиболее важным ориентиром для членения всего содержания ДПО на относительно самостоятельные образовательные модули. Таким образом, можно заключить, что для определения состава и взаимосвязи образовательных модулей в конкретной привязке к сценарию профессиональной готовности необходимо:

(1) определить сценарии фактической и нормативной профессиональной готовности работника;

(2) на базе сценариев профессиональной готовности определить тип квалификационного дефицита и интерпретировать его в понятиях образовательной стратегии;

(3) в соответствии с типом квалификационного дефицита определить состав образовательных барьеро-событий и разработать сюжет (или сюжеты) образовательной программы;

(4) с опорой на образовательные барьеро-события дифференцировать образовательные модули и выполнить их взаимосогласование в общей логике реализации сюжета (или сюжетов) образовательной программы.

Выводы. Построение содержания образовательной программы лучше всего осуществлять в рамках сценарного согласования профессиональной и учебной деятельности субъекта образовательного процесса. В этом случае разработка и корректировка образовательной программы с учетом характера зависимости профессиональной и учебной деятельности позволяет более полно и точно описать условия и дидактические ситуации, в которых должен оказаться обучаемый с тем или иным уровнем профессиональной готовности.

Образовательная стратегия ДПО, в конечном счете, определяется социально-профессиональным статусом работника и в ключевых своих моментах связана с нормативным уровнем его профессиональной готовности. Сценарии профессиональной готовности позволяют отслеживать степень соответствия исходного уровня профессиональной готовности нормативным требованиям к квалификации работника, конструировать содержание квалификационного дефицита, формировать элементную базу образовательной программы, перейти к обоснованной разработке сценариев образовательной программы.

Примечания:

1. Использование интернет-технологий в современном образовательном процессе. Ч. III. Инструменты сетевого взаимодействия / Сост. Ю.В. Ээльмаа. «Региональный центр оценки качества образования и информационных технологий». СПб., 2010.

2. Тюнников Ю.С., Мазниченко М.А. Преподаватель и студент: сценарии взаимодействия // Высшее образование в России. 2004. № 12.

3. Развитие системы стратегического партнерства как фактор эффективного взаимодействия вузов с рынком труда. Роль вузовских Центров содействия трудоустройству выпускников: Матер. межрегионал. конф. / Под ред. Н.Н. Буреевой, В.В. Лебедева. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2008.

4. Тюнников Ю.С., Мазниченко М.А. Анализ инновационной деятельности общеобразовательного учреждения: сценарный подход // Стандарты и мониторинг в образовании. 2004. № 5.

5. Университеты в аспекте социальной политики в отношении инвалидов – интеграция через образование //ttp://hoster.bmstu.ru/~guimc/image/objavl/tematika.doc

6. Баранов П.В., Сазонов Б.В. Игровая форма развития коммуникации, мышления, деятельности. М., МНИИПУ, 1989.

7. Занько С.Ф., Тюнников Ю.С., Тюнникова С.М. Учение и игра: теория, практика и перспективы игрового обучения. В 2 ч.: Монография. М.: Логос, 1992.

8. Щедровицкий Г.П. Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыследеятельности // Методы исследования, диагностики и развития международных коллективов. М., 1983.

9. Сценарии будущего развития сферы школьного образования в странах ОЭСР (Think Scenarios, Rethink Education). Новости ОЭСР: образование, наука, новая экономика. 2004. № 1; 2005. № 7.

10. Переслегин С. Русский архипелаг – Сценарии для индустрии образования в Армении [Электронный ресурс] /Режим доступа: www.archipelag. ru/geopolitics/limitroff/armenia/indus...

11. Мультимедиа в образовании // Специальный учебный курс Институт / ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.ido.rudn.ru /Open/ikt/ chrest6.htm.

12. Тюнников Ю.С. Проектирование содержания послевузовского дополнительного профессионального образования: концепция, проблемы, решения: Монография. Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2010.

13. Тюнников Ю.С. Базовые конструкты содержания дополнительного профессионального образования: методологические вопросы // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2010. № 2.

14. Тюнников Ю.С. Сценарное моделирование программы дополнительного профессионального образования // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 3.

15. Тюнников Ю.С., Крылова В.В. Методология целеполагания образовательной программы // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 2.

UDC 37

Project Potential of Scenario of Professional Availability for Continuing Professional Education Program Development

Yury S. Tyunnikov

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Education, Professor

Abstract. The major drawback of the traditional continuing professional education content development is, on the one hand, functional, content-related and structural gap between professional and training activities and, on the other, their wrongful identification. The article considers the prospects of CPE content development in the methodology of scenario approach with the use of professional availability scenarios, enabling in some degree to overcome the drawbacks of traditional approach. The variables, detecting the structure of professional availability scenario, scenarios versions, place and role in procedures of educational program content development are showed.

Keywords: continuing professional education; scenario model of professional availability; qualification deficit; variants of professional availability scenarios; educational units; educational program scenario model.

Физико-математические науки

УДК 519.217

Вокруг теоремы Боровкова-Коэна *

[1.]Арсен Рафикович Симонян
[2.]Елена Ивановна Улитина

[1.]Сочинский государственный университет, Россия
354000, г.Сочи, ул.Советская, 26а,
кандидат физико-математических наук, доцент
E-mail: oppm@mail.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, г.Сочи, ул.Советская, 26а,
кандидат физико-математических наук, доцент
E-mail: ulitinaelena@mail.ru

Аннотация. В статье дано новое простое доказательство известной теоремы о правильном изменении хвостов двух стационарных распределений времен ожидания в модели GI|G|1|∞ при дисциплине FIFO в случае правильного изменения хвоста распределения времени обслуживания. Теорема доказана ранее А.А. Боровковым и Дж. Коэном.

Получен аналог этого результата для стационарных распределений длин очередей и для момента первого достижения положительного уровня для лестничной высоты соответствующего модели GI|G|1|∞ случайного блуждания.

Ключевые слова: система массового обслуживания; длина очереди; правильно меняющиеся функция; хвосты распределения.

Введение.

1⁰. **Модель GI|G|1|∞.** [1, 2]. В одноканальную систему обслуживания с ожиданием в моменты $t_1, t_2, \cdots$, где $0 \le t_1 \le t_2 \le \cdots$ поступают одиночные вызовы. Перенумеруем поступающие вызовы в порядке поступления числами $1, 2, \cdots$, обозначим через $v_n, n \ge 1$ время обслуживания -го вызова и пусть $u_n = t_n - t_{n-1}, t_0 = 0$.

Далее, $\{u_n\}$ и $\{v_n\}$ образуют независимые последовательности независимых одинаково распределенных (НОР) случайных величин (СВ) с функциями распределения (ФР) $A(x)$ и $B(x)$ соответственно, причем $A(+0) = B(+0) = 0$,

$$0 < \alpha_1 = \mathrm{M}u_1 < +\infty \text{ и } 0 < \beta_1 = \mathrm{M}v_1 < +\infty,$$

где M – знак математического ожидания.

Вызовы обслуживаются в порядке поступления (дисциплина FIFO) в в момент $t = 0$ прибор свободен от вызовов.

Пусть $w_n, n \ge 1$ - время ожидания начала обслуживания -го вызова, а $w(t), t \ge 0$ –виртуальное время ожидания вызова в момент t.

Известно, что в случае $\rho_1 = (\beta_1/\alpha_1) < 1$ существуют, вообще говоря, различные пределы [2, 3]

$$w_n \Rightarrow w \text{ при } n \to +\infty \text{ и } w(t) \Rightarrow w' \text{ при } t \to +\infty,$$

где $\Rightarrow$ - знак слабой сходимости. При этом, $W(x) = \mathrm{P}(w < x)$ и $W'(x) = \mathrm{P}(w' < x), x \in \mathbf{R}^1$, где P – знак вероятности, являются собственными ФР, т.е. $W(+\infty) = W'(+\infty) = 1$. Их называют стационарными ФР времен ожидания.

Более того $W(x) = W'(x), x \in \mathbf{R}^1$, тогда и только тогда, когда

$$A(x) = \begin{cases} 1 - exp(\alpha_1^{-1}x), x \ge 0 \\ 0, x < 0, \end{cases}$$

т.е. в случае модели M|G|1|∞[4].

Пусть СВ $u, v, \hat{u}, \hat{v}, w, w'$ независимы и имеют соответственно ФР $A(x), B(x), \hat{A}(x), \hat{B}(x), W(x), W'(x)$ соответственно, где

$$\hat{A}(x) = \alpha_1^{-1} \int_0^x \big(1 - A(t)\big)dt,\ \hat{B}(x) = \beta_1^{-1} \int_0^x \big(1 - B(t)\big)dt, x \in [0, +\infty).$$

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 12-01-00196-а.

Помимо известной формулы Линдли [1],

$$w = max(0, w + v - u),$$

где равенство означает совпадение ФР обеих частей случайного равенства, существуют формулы связи между w и w'. Именно, при $x \in [0, +\infty)$

$\mathrm{P}(w' < x) = 1 - \rho_1 + \rho_1 \mathrm{P}(w + \hat{v} < x)$ - (Формула Такача [5]),

$\mathrm{P}(w' < x) = \mathrm{P}(max(0, w + v - \hat{u}) < x)$ - (Формула Хука [6]).

2⁰. **Теорема Боровкова-Коэна.** Измеримая на $\mathrm{R}^+ = (0, +\infty)$ функция $R(t) > 0$ называется правильно меняющейся при $t \to +\infty$ с показателем $\rho \in \mathrm{R}^1 = (-\infty, +\infty)$, если она представлена в виде

$$R(t) = t^{\rho} \cdot L(t), t \in \mathrm{R}^+, (1)$$

где для любого $x \in \mathrm{R}^+$

$$\lim_{n \to +\infty} \frac{L(xt)}{L(t)} = 1. (см. [7]) \ (2)$$

В дальнейшем символ L используется для обозначения измеримой функции $L(t) > 0$ типа (2), называемой медленно меняющейся.

Возникает задача выявления условий, при которых «хвосты» $1 - W(t)$ и $1 - W'(t)$ стационарных ФР времен ожидания правильно меняющиеся при $t \to +\infty$.

Задача с помощью факторизационных тождеств решена в [8, 9].

Теорема. При $\alpha > 1$ и $\rho_1 < 1$ соотношения

$$1 - B(t) \sim t^{\alpha} \cdot L(t), t \to +\infty, (3)$$

и

$$1 - W(t) \sim \frac{\rho_1}{(1 - \rho_1)(\alpha - 1)\beta_1} \cdot t^{-(\alpha - 1)} L(t), t \to +\infty \ (4)$$

эквивалентны. Утверждение справедливо при замене $W(t)$ на $W'(t)$.

Здесь $f(t) \sim g(t), t \to a$ означает $\lim_{t \to a}(f(t)/g(t)) = 1$.

Мы приведем новое простое доказательство этой теоремы с помощью формул Линдли, Такача и Хука.

3⁰. **Следствия.** Пусть в модели G|G|1|∞ $\theta_n, n \geq 1$ и $\theta(t), t \geq 0$ - длины очередей в моменты $t_n + 0$ и t соответственно. При $\rho_1 < 1$ существуют, пределы [2, 3]

$$\theta_n \Rightarrow \theta \text{ при } n \to +\infty \text{ и } \theta(t) \Rightarrow \theta' \text{ при } t \to +\infty,$$

где $\mathrm{P}(\theta < +\infty) = \mathrm{P}(\theta' < +\infty) = 1$.

По теоремам 21 и 22 (см. [2] с. 207-208)

$$\mathrm{P}(\theta \geq k) = \mathrm{P}(w \geq t_k) \text{ и } \mathrm{P}(\theta' \geq k + 1) = \mathrm{P}(w' \geq t_k + \hat{u}), k \geq 1, (5)$$

где при каждом k величины $w, w', t_k, \hat{u}$ независимы.

С помощью (5) и формулы Литтля в терминах СВ [10]

$$P(w = \alpha_1 \cdot \theta') = 1, (6)$$

из теоремы вытекает

Следствие 1. При $\alpha > 1$ и $\rho_1 < 1$ соотношения (3) и

$$\mathrm{P}(\theta' > n) \sim \frac{1}{(1 - \rho_1)(\alpha - 1)\alpha_1^{\alpha}} \cdot n^{-(\alpha - 1)} \cdot L(n), n \to +\infty \ (7)$$

эквивалентны. Утверждение справедливо при замене $\mathrm{P}(\theta' > n)$ на $\mathrm{P}(\theta > n)$.

Пусть $\{\zeta_n\}$ - последовательность НОР СВ с ФР $K(x) = B(x) * (1 - -A(-x))$, $x \in \mathrm{R}^1$, где * - знак свертки.

Дополнительно предположим, что $A(x)$ – неарифметическая ФР и обозначим

$$S_n = \zeta_1 + \zeta_2 + \cdots + \zeta_n, n \geq 1, S_0 = 0.$$

В случайном блуждании $\{S_n\}$ рассмотрим лестничные величины (см. [11, 12])

$$N_0 = 0 \text{ и } N_k = min\{n > 0 : S_n > S_{N_{k-1}}\},$$

$$\eta_0 = 0 \text{ и } \eta_k = S_{N_k} - S_{N_{k-1}}, k \geq 1.$$

При $\rho_1 < 1$ (см.[13])

$$0 < p \stackrel{def}{=} \sum_{n>1} \mathrm{P}(S_k \leq 0, k = \overline{1, n-1}, S_n > 0) = \sum_{n>1} \mathrm{P}(N_1 = n) < 1, (9)$$

и поэтому $\{N_1 + \cdots + N_n\}$ и $\{\eta_1 + \cdots + \eta_n\}$ образуют обрывающиеся процессы восстановления с дефектом $1 - p$.

Пусть $G(x) = \mathrm{P}\{\eta_n < x\}, n \geq 1, x \geq 0$, где $G(+\infty) = p$.

Следствие 2. При $\alpha > 1$ и $\rho_1 < 1$ соотношения (3) и

$$G(+\infty)-G(t)\sim(1-p)\cdot\frac{\rho_1}{(1-\rho_1)(\alpha-1)\beta_1}\cdot t^{-(\alpha-1)}L(t), t\to+\infty \quad (10)$$

эквивалентны.

Доказательства содержатся в приложении.

1. Приложение

Доказательство теоремы опирается на три леммы.

Лемма 1. Пусть ξ_1 и ξ_2 независимые СВ и $\zeta=\xi_1+\xi_2$. Тогда

1. $$\mathrm{P}(\zeta\geq t)\succcurlyeq\mathrm{P}(\xi_1\geq t)+\mathrm{P}(\xi_2\geq t), t\to+\infty. (11)$$

Здесь $f(t)\succcurlyeq g(t), t\to+\infty$ означает $\overline{\lim}_{t\to+\infty}(f(t)/g(t))\geq 1$.

2. Для $\delta\in(0,1/2)$ и $t>0$ справедливо неравенство

$$\mathrm{P}(\zeta\geq t)\leq\mathrm{P}(\xi_1\geq(1-\delta)t)+\mathrm{P}(\xi_2\geq(1-\delta)t)+\mathrm{P}(\xi_1\geq\delta t)\cdot\mathrm{P}(\xi_1\geq\delta t). (12)$$

Лемма 1 представляет переформулировку утверждения на с.319 (см. [11]).

Лемма 2. При $\rho_1<1$

$$\mathrm{P}(w\geq t)\sim\mathrm{P}(w'\geq t), t\to+\infty \text{ и } \mathrm{P}(\theta\geq k)\sim\mathrm{P}(\theta'\geq k+1), k\to+\infty. (13)$$

Доказательство. При $x>0$ перепишем формулы Линдли и Хука в виде

$$\mathrm{P}(w\geq x)=\mathrm{P}(w+v-u\geq x), \mathrm{P}(w'\geq x)=\mathrm{P}(w+v-\hat{u}\geq x), x\geq 0. (14)$$

С другой стороны,

$$\mathrm{P}(w+v\geq x)\geq\mathrm{P}(w+v-u\geq x), x\geq 0,$$

а в силу (11), имеем

$$\mathrm{P}(w+v-u\geq x)\succcurlyeq\mathrm{P}(w+v\geq x), x\to+\infty.$$

Отсюда следует

$$\mathrm{P}(w+v-u\geq x)\sim\mathrm{P}(w+v\geq x), x\to+\infty (15)$$

и, аналогично,

$$\mathrm{P}(w+v-\hat{u}\geq x)\sim\mathrm{P}(w+v\geq x), x\to+\infty, (16)$$

Эквивалентности (15)-(16), будучи подставлены в формулы (14), приводят к первому соотношению (13). Лемма 2 доказана.

Поскольку $\mathrm{P}(\lim_{k\to+\infty}t_k=+\infty)=1$, то как и при выводе (15),

$$\mathrm{P}(w'\geq t_k)\sim\mathrm{P}(w'\geq t_k+\hat{u}), k\to+\infty (17)$$

и во втором равенстве (5) СВ $\hat{u}$ можно опустить.

Теперь, из (5) (без СВ $\hat{u}$) и ранее доказанной эквивалентности следуетвторое соотношение (13).

Лемма 3. Правильное изменение $\mathrm{P}(w\geq t)$ или $\mathrm{P}(v'\geq t)$ при $t\to+\infty$ влечет асимптотическое соотношение

$$\mathrm{P}(w\geq t)\sim\frac{\rho_1}{(1-\rho_1)}\cdot\mathrm{P}(v'\geq t), t\to+\infty.$$

Доказательство. Согласно первой эквивалентности (13) и формуле Такача, справедливо асимптотическое равенство

$$\mathrm{P}(w\geq t)\sim\rho_1\cdot\mathrm{P}(w+\hat{v}\geq t), t\to+\infty, (18)$$

где неотрицательные СВ w и $\hat{v}$ независимы. Для независимых СВ w и $\hat{v}$ следующее асимптотическое неравенство всегда имеет место (см.(11))

$$\mathrm{P}(w+\hat{v}\geq t)\succcurlyeq\mathrm{P}(w\geq t)+\mathrm{P}(\hat{v}\geq t), t\to+\infty.$$

Отсюда и из (18) выводим

$$\mathrm{P}(w\geq t)\succcurlyeq\frac{\rho_1}{1-\rho_1}\cdot\mathrm{P}(\hat{v}\geq t), t\to+\infty. (19)$$

Полагая $z=(1-\delta)t, 0<\delta<1/2$, при $t>0$ перепишем с учетом (18) неравенство (12)

$$\mathrm{P}(w\geq t)\preccurlyeq\rho_1\cdot\mathrm{P}(w\geq z)+\rho_1\cdot\mathrm{P}(\hat{v}\geq z)+\rho_1\cdot\mathrm{P}(w\geq\delta\cdot t)\cdot\mathrm{P}(\hat{v}\geq\delta\cdot t), t\to+\infty. (20)$$

Если $\mathrm{P}(w\geq t)$ правильно меняется при $t\to+\infty$, то

$$\mathrm{P}(w\geq t)=\frac{L_1(t)}{t^{\alpha-1}}, \alpha>1, t>0,$$

где L_1 – некоторая медленно меняющаяся функция. Тогда

$$\mathrm{P}(w\geq t)-\rho_1\cdot\mathrm{P}(w\geq z)=\frac{L_1(t)}{t^{\alpha-1}}\cdot\left\{1-\frac{L_1((1-\delta)t)}{L_1(t)}\cdot\frac{\rho_1}{(1-\delta)^{\alpha-1}}\right\}.$$

Поскольку $\lim_{t\to+\infty}L_1((1-\delta)t)/L_1(t)=1$, то

$$\mathrm{P}(w\geq t)-\rho_1\cdot\mathrm{P}(w\geq z)\sim\frac{L_1(t)}{t^{\alpha-1}}\cdot\left\{1-\frac{\rho_1}{(1-\delta)^{\alpha-1}}\right\}, t\to+\infty,$$

а δ можно выбрать настолько малым, что

$$1-\frac{\rho_1}{(1-\delta)^{\alpha-1}}>0.$$

В то же время, в силу (19),

$$\rho_1 \cdot \mathrm{P}(w \geq \delta \cdot t) \cdot \mathrm{P}(\hat{v} \geq \delta \cdot t) \leqslant (1-\rho_1) \cdot \mathrm{P}(w \geq t) \cdot \mathrm{P}(w \geq \delta \cdot t) =$$
$$= o\big(\mathrm{P}(w \geq z)\big), t \to +\infty.$$

Следовательно, устремляя $\delta \downarrow 0$, из (20) выводим

$$\mathrm{P}(w \geq t) \leqslant \frac{\rho_1}{1-\rho_1} \cdot \mathrm{P}(\hat{v} \geq t),$$

что вместе с (19) доказывает лемму в данном случае.

Теперь, выведем последнее неравенство в случае правильного изменения $\mathrm{P}(\hat{v} \geq t)$ при $t \to +\infty$. Пусть

$$\mathrm{P}(\hat{v} \geq t) = \frac{L_2(t)}{t^{\alpha-1}}, \alpha > 1, t > 0,$$

где L_2 – некоторая медленно меняющаяся функция.

Так как при $\rho_1 < 1$ w является собственной СВ, то $\mathrm{P}(w \geq \delta \cdot t) \to 0$ при $t \to +\infty$ и

$$\mathrm{P}(w \geq \delta \cdot t) \cdot \mathrm{P}(\hat{v} \geq \delta \cdot t) = \frac{L_2(\delta \cdot t)}{(\delta \cdot t)^{\alpha-1}} \cdot \mathrm{P}(w \geq \delta \cdot t) =$$

$$= o\,\mathrm{P}(\hat{v} \geq z) = o\left(\frac{L_2(\delta \cdot t)}{\big((1-\delta)t\big)^{\alpha-1}}\right), t \to +\infty.$$

Здесь принято во внимание, что $\lim_{t \to +\infty} L_2((1-\delta)t)/L_2(\delta \cdot t) = 1$.

Следовательно, из (20) имеем

$$\mathrm{P}(w \geq t) \leqslant \rho_1 \cdot \mathrm{P}(w \geq z) + \rho_1 \cdot \mathrm{P}(\hat{v} \geq z) < t \to +\infty.$$

Устремляя в последнем соотношении $\delta \downarrow 0$, получаем противоположное (19) асимптотическое неравенство.

Лемма 3 доказано.

Докажем теорему (Боровкова-Коэна).

Лемма 3 может быть переформулирована: При $\rho_1 < 1$ и любом $\alpha > 1$ соотношения

$$1 - \hat{B}(t) \sim t^{-(\alpha-1)} \cdot L(t), t \to +\infty$$

и

$$\mathrm{P}(w \geq t) \sim \frac{\rho_1}{1-\rho_1} \cdot t^{-(\alpha-1)} \cdot L(t), t \to +\infty$$

эквивалентны. Здесь L – некоторая медленно меняющаяся функция.

Отсюда, уже из конкретного вида $\hat{B}(t)$ и теоремы 1, гл.8, с.322 [11] выводим теорему для W. Доказательство для W' завершает лемма 2.

Сделаем одно замечание. При $A(t) = 1 - \exp(-at)$, $t \geq 0, a > 0$ (тогда $a = \alpha_1^{-1}$) приходим к модели M|G|1|∞. В этом случае при $\rho_1 < 1$ известна следующая формула (см.[14], гл.1)

$$W'(x) = W(x) = (1-\rho_1) \cdot \sum_{n>0} \rho_1^n \cdot \hat{B}^{n*}(x), x \geq 0.$$

Здесь $\hat{B}^{n*}$ – -кратная свертка $\hat{B}$ с собой, $\hat{B}^{0*} \equiv 1$. Тогда, очевидно,

$$w' = w = \hat{v}_1 + \hat{v}_2 + \cdots + \hat{v}_\tau \text{ при } \rho_1 < 1,$$

где $\{\hat{v}_n\}$ –последовательность НОР СВ с ФР $\hat{B}$, τ –целочисленный индекс с геометрическим распределением $\{(1-\rho_1) \cdot \rho_1^n\}$, не зависящий от $\{\hat{v}_n\}$.

Лемма 3 в этом конкретном случае следует из результатов работы [15].

Доказательство следствия 1. Из (6) и теоремы для $W(t)$ имеем: соотношения (3) и

$$\mathrm{P}(\theta' > n) \sim \frac{\rho_1}{1-\rho_1} \cdot \frac{1}{(\alpha-1) \cdot \beta_1} \cdot (n\alpha_1)^{-(\alpha-1)} \cdot L(n\alpha_1), n \to +\infty \quad (21)$$

эквивалентны. Так как

$$\lim_{n \to +\infty} \frac{L(n\alpha_1)}{L(n)} = 1, \rho_1 = \left(\frac{\beta_1}{\alpha_1}\right),$$

то из (21) следует следствие 1 для $\mathrm{P}(\theta' > n)$.

Второе соотношение (13), (21) и равенство

$$\lim_{n \to +\infty} ((n+1)/1)^{-(\alpha-1)} \cdot (L(n+1)/L(n)) = 1$$

Доказывают следствие й для $\mathrm{P}(\theta > n)$.

Доказательство следствия 2. При $\rho_1 < 1$, по формуле (5.3), гл.12, с.462 [11],

$$\mathrm{P}(w < x) = (1-p) \cdot \sum_{n>0} G^{n*}(x), x \geq 0. \quad (22)$$

Введем последовательность НОР СВ $\{\hat{\eta}_n\}$ с ФР $G_1(x) = p^{-1} \cdot G(x)$. Тогда в силу (22), при $\rho_1 < 1$

$$\mathrm{P}(w < x) = (1-p) \cdot \sum_{n>0} p^n \cdot G^{n*}(x), x \geq 0,$$

Или

$$w = \hat{\eta}_1 + \hat{\eta}_2 + \cdots + \hat{\eta}_\mu,$$

где целочисленный индекс $\mu \geq 0$ не зависит от $\{\hat{\eta}_n\}$ и имеет геометрическое распределение $\{(1-p)p^n\}$.

Как и при доказательстве теоремы Боровкова-Коэна в случае модели M|G|1|∞ заключаем:

Пусть $\alpha > 1$ и $\rho_1 < 1$. Тогда соотношения

$$1 - G_1(t) \sim t^{-(\alpha-1)} L(t), t \to +\infty$$

и

$$\mathrm{P}(w \geq t) \sim \frac{p}{1-p} \cdot t^{-(\alpha-1)} \cdot L(t), t \to +\infty$$

эквивалентны.

Из этого утверждения, теоремы Боровкова-Коэна для $\mathrm{P}(w \geq t)$ и равенства

$G_1 = p^{-1}G$

Вытекает следствие 2.

Примечания:

1. Гнеденко Б.В., Коваленко И.Н. Введение в теорию массового обслуживания. М.: Наука, 1987. 336 с.
2. Даниелян Э.А., Симонян А.Р. Введение в теорию очередей. Ереван: РАУ, 2005. 198 с.
3. Боровков А.А. Вероятностные процессы в теории массового обслуживания. М.: Наука, 1971. 368 с.
4. Улитина Е.И. Асимптотический анализ времен ожидания в модели M|G|1|∞// Обозрение прикладной и промышленной математики, 2004. Т. 11. Вып. 1. С. 83-85.
5. Harrison J.M., Lemoine A.J. On the Virtual and Actual Waiting Time Distributions of a GI|G|1 Queue //J. of Applied Probability, 1976, Vol. 13. P. 833-836.
6. Lemoine A.J. On two stationary distributions for the stable GI|G|1 queue // J. of Applied Probability, 1974, Vol. 11. P. 849-852.
7. Сенета Е. Правильно меняющиеся функции. М.: Наука, 1985. 142 с.
8. Боровков А.А. О факторизационных тождествах и свойствах распределений супремума последовательных сумм // Теория вероятностей и ее применения. 1970. 15:3. С. 377-418.
9. Cohen J.W. Asymptotic relations in queueing theory// Stochastic Processes and their Applications, 1973, Vol. 1, issue 2. P. 107-124.
10. Stidham S. A Last Word on $\mathrm{L} = \lambda \mathrm{W}$// Operations Research, 1974, Vol. 22, No 2. P.417-421.
11. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее приложения. Том 2. М.: Мир, 1984. 738 с.
12. Danielyan E.A., Simonyan A.R., Ulitina E.I. Regular Variation of the Tail of Distribution of the Sum of the Random Number of Independent Random Variables// European Researcher, 2012, No 5-1. P. 440-447.
13. Прабху Н.У. Стохастические процессы теории запасов. М.: Мир, 1984. 185 с.
14. Гнеденко Б.В., Даниелян Э.А. и др. Приоритетные системы обслуживания. М.: МГУ, 1973. 447 с.
15. Stam A.J. Regular Variation of the Tail of a Subordinated Probability Distribution// Adv. Appl. Prob., 1973, 5. P. 308-327.

UDC 519.217

Borovkov-Cohen Theory

[1.] Arsen R. Simonian
[2.]Elena I. Ulitina

[1-2.] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
[1]PhD (Physics and Mathematics), Assistant Professor
E-mail: oppm@mail.ru
[2] PhD (Physics and Mathematics), Assistant Professor
E-mail: ulitinaelena@mail.ru

Abstract. The article presents new simple proof of the well-known theory on correct alternation of tails of two stationary delay-in-queue distribution in the model GI|G|1|∞ at FIFO subject in case of correct alternation of service-time distribution tail. The theory was proved by A.A. Borovkov and J. Cohen.

The analog of this result was got for queue length stationary distribution and for the moment of the first achievement of positive level of ladder height of the relevant model GI|G|1|∞ of random walk.

Keywords: queuing system; queue length; correctly alternating function, distribution tails.

Физическая культура и спорт

УДК 796.015

Технология комплексного применения различных по направленности средств физической культуры в процессе оздоровительных занятий на курорте

Жанна Георгиевна Кортава

Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: zgkortava67@ mail.ru

Аннотация. В работе предпринята попытка научного обоснования технологии комплексного применения различных по направленности средств физической культуры в процессе оздоровительных занятий с лицами, находящимися на курорте. Представлены последовательные действия, которые необходимо выполнить при разработке технологии комплексного применения различных по направленности средств физической культуры. В качестве основных средств физической культуры рассматриваются аэробные циклические упражнения, силовые упражнения на основные мышечные группы, выполняемые по методу «круговой тренировки» и пляжный волейбол. Рассматриваются методические приемы, позволяющие оптимизировать индивидуальную величину тренировочной нагрузки в зависимости от уровня физической подготовленности занимающихся, а также приемы, связанные с рациональной организацией оздоровительного занятия.

Ключевые слова: технология; аэробные циклические упражнения; силовые упражнения; метод «круговой тренировки»; квазиизотонический режим.

Введение. Занятия физической культурой на курорте должны быть направлены на повышение, восстановление и поддержание функциональных возможностей человека, улучшение физической подготовленности, увеличение адаптационного резерва основных систем организма [1, 4, 7, 8]. Однако вплоть до настоящего времени отмечается недостаток внимания к собственно содержательным и методическим аспектам выбора и использования различных по направленности средств физической культуры в процессе оздоровительно-рекреативных занятий.

Анализ научно-методической литературы и собственный опыт свидетельствуют о том, что выбор той или иной оздоровительной системы, методики или отдельного средства физической культуры должен определяться, прежде всего, целью, для достижения которой планируется использовать это средство физической культуры [2, 3, 5, 6, 9 и др.]. Представляется, что невозможно добиться всестороннего оздоровительно-рекреативного эффекта, занимаясь одним «чудо»-средством физической культуры. Разумно предположить, что улучшить адаптационный потенциал основных систем организма возможно только на основе комплексного использования средств физической культуры различной направленности.

Вопросы, связанные с выбором эффективного средства физической культуры для оздоровительно-рекреативных занятий в проблемном аспекте рассмотрены нами ранее [8].

Целью настоящего исследования явилось научное обоснование технологии занятий адаптивной физической культурой с использованием аэробных циклических упражнений, силовых упражнений на основные мышечные группы, выполняемых по методу «круговой тренировки» в квазиизотоническом режиме и пляжного волейбола для восстановления и расширения адаптационного потенциала основных систем организма человека как необходимого условия здоровья.

Методы и характеристика построения экспериментальных исследований. Материалы, представленные в статье, получены в результате анализа большого количества научно-методической литературы и результатов собственных экспериментальных исследований, обосновывающих эффективность занятий тем или иным видом двигательной активности.

Результаты и обсуждение. Технология комплексного применения различных по направленности средств физической культуры – это особая форма прикладного научного знания, направленного на разработку и применение средств физической культуры для восстановления и поддержания здоровья человека, увеличения адаптационного потенциала основных систем организма, повышения физической и функциональной подготовленности в общей системе реабилитационных и оздоровительных мероприятий в санаторно-курортных условиях.

Разработка технологии комплексного применения различных по направленности средств физической культуры в санаторно-курортных условиях может быть представлена в виде следующих последовательных шагов:

1. Получение информации об объекте, на который будет ориентирована разрабатываемая технология, то есть о взрослом человеке, который приехал на курорт. Предполагает получение следующих данных:

а) анамнез, включающий паспортные данные, перенесенные заболевания, условия жизни, наследственность, вредные привычки и т.д.;

б) информации об уровне функциональной и физической подготовленности объекта, которая получается при использовании функциональных проб, как правило, с дозированной нагрузкой, педагогических и психологических тестов и т.д. Другими словами, прежде чем приступать к занятиям, необходимо иметь умозрительную модель объекта, на который должна быть ориентирована разрабатываемая технология. В нашем случае объектом воздействия являются лица зрелого возраста, имеющие нарушения регуляторных функций сердечно-сосудистой системы и опорно-двигательного аппарата, как правило, с излишним весом и не имеющие регулярного опыта занятий физической культурой в каком-либо ее виде. Функциональное состояние такого человека определяется особенностями строения клеток систем и органов, которые имеют свои особенности, вызванные нарушениями в состоянии здоровья, а также отсутствием регулярных занятий физическими упражнениями. Уровень физической подготовленности участников эксперимента по большинству показателей оценивается как слабый.

2. Необходимо провести детальный анализ полученной информации, в ходе которого определяется и формулируется реальная цель, которую планируют достигнуть за время пребывания в санаторно-курортных условиях. Оздоровительно-реабилитационные занятия в санаторно-курортных условиях должны способствовать повышению функциональных возможностей, улучшить физическую подготовленность, увеличить адаптационный резерв организма отдыхающих и т.д.

3. Далее необходимо выбрать или разработать наиболее эффективные методики адаптивной физической культуры для восстановления и поддержания здоровья человека, что предполагает комплексное использование разнообразных средств, методов и методических приемов, позволяющих решить поставленные задачи. Представляется, что решение поставленных задач возможно на основе комплексного использования упражнений, оказывающих влияние на основные системы организма человека. В результате тщательного анализа научно-методической литературы и результатов собственных исследований были отобраны следующие средства физической культуры:

- спортивные и подвижные игры, в частности пляжный волейбол. Это особенно актуально в условиях нашего региона, куда приезжает на отдых значительное количество людей, где природно-климатические условия позволяют заниматься пляжным волейболом круглый год. Особенности оздоровительного воздействия пляжного волейбола на организм человека в значительной степени зависят от длительности игры, количества игроков на площадке и индивидуального уровня подготовленности игроков. Игра в пляжный волейбол с участием двух игроков в команде характеризуется выраженным тренирующим воздействием, игра с участием четырех и более игроков – тонизирующим воздействием. Специфика оздоровительно-рекреативного воздействия на организм человека занятия пляжным волейболом свидетельствует о необходимости последовательного уменьшения количества игроков на площадке с целью усиления тренировочного воздействия [4];

- пешие восхождения, дозированные по расстоянию, времени и углу наклона (терренкур) и ходьба с палками – nordic walking. Воздействие ходьбы «nordic walking» и терренкура на организм одного и того же человека при прохождении одного и того же маршрута характеризуется более выраженными реакциями со стороны сердечно-сосудистой системы. Применение палок при ходьбе, по-видимому, является тем условием, которое позволяет создать пороговую величину нагрузки при прохождении всех участков маршрута (особенно на спуске), которую терренкур не создает на спуске. Начинать оздоровительные занятия в условиях пересеченной местности целесообразно с терренкура, затем можно использовать палки при ходьбе [7, 9];

- локальные силовые упражнения на основные мышечные группы, которые выполняются с весом собственного тела и с использованием силовых тренажеров в квазиизотоническом режиме со значительным мышечным напряжением. При групповых занятиях выполнение упражнений начинается и заканчивается по общей команде. Время между подходами («станциями») составляет четыре минуты. Длительность выполнения каждого силового упражнения составляет 35–40 секунд. Таким образом, время отдыха между упражнениями («станциями») составляет 200–205 секунд. Величина нагрузки подбирается для каждого занимающегося индивидуально так, чтобы упражнение выполнялось со значительным мышечным напряжением, до отказа. Начинать оздоровительные занятия целесообразно с выполнения силовых упражнений с весом собственного тела, в динамическом и статическом режимах, затем можно использовать квазиизотонический режим выполнения силовых упражнений [1, 3, 5, 10]. В качестве основного метода используется метод строго регламентированного упражнения. Использование зрительных ориентиров для определения амплитуды выполнения каждого упражнения, выполнение упражнений до появления чувства тепла, «жжения» в работающих мышечных группах, позволяет определить оптимальную величину нагрузки (оптимальную интенсивность, отягощение, сопротивление тренажера).

4. Планирование и реализация программы занятий. Оздоровительно-реабилитационные

занятия адаптивной физической культурой должны включать в себя подготовительную, основную и заключительную части. Последовательное увеличение величины нагрузки (время выполнения каждого упражнения, количество «кругов», динамика времени между подходами и т.д.). Начинать занятие необходимо с выполнения аэробных циклических упражнений и игры в пляжный волейбол, а заканчивать выполнением силовых упражнений. Вначале необходимо увеличивать длительность выполнения каждого упражнения, затем увеличивать интенсивность нагрузки. Планирование применения различных по направленности средств физической культуры на оздоровительно-рекреативных занятиях в условиях отдыха на курорте необходимо осуществлять в соответствии с общими принципами теории оздоровительной физической культуры [5]:

- принцип качества усилия;
- принцип приоритета;
- принцип раздельных тренировок и т.д.

5. Технология занятий адаптивной физической культурой во время пребывания на курорте предполагает наличие контроля за выполнением намеченной программы и, прежде всего, за величиной тренировочной нагрузки. Организация индивидуального контроля за величиной нагрузки со стороны занимающихся осуществляется индивидуально, путем записи параметров упражнения (длительность выполнения, величина сопротивления, количество подходов и т.д.). На основе анализа величины тренировочной нагрузки вносятся изменения в планирование и стратегию занятий.

Заключение. Таким образом, технология комплексного применения различных по направленности средств физической культуры (пляжного волейбола, аэробных циклических упражнений в сочетании с выполнением локальных силовых упражнений) существенно повышает эффективность занятий адаптивной физической культурой в условиях пребывания на курорте. Положительные результаты экспериментальных исследований [1–4] дают основание для внедрения предлагаемой технологии адаптивной двигательной рекреации в практику работы санаториев, пансионатов, баз отдыха и т.д.

Примечания:

1. Кортава Ж.Г. Технология применения силовых упражнений и закаливания в оздоровлении женщин первого зрелого возраста. Дис. … канд. пед. наук: 13.00.04 / Кортава Жанна Георгиевна. М., 2000. 121 с.

2. Kortava Z.G. Methodology of Weight Machines Use in the Course of Health-promoting Activities of Mature Aged Men / Zhanna G. Kortava, Lidia K. Fedyakina // European Researcher. 2012. № 11-2 (34). С. 1952-1957.

3. Кортава Ж.Г. Срочный оздоровительно-тренировочный эффект воздействия на организм человека различных режимов выполнения силовых упражнений / Ж.Г. Кортава // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 2 (25) .С. 125-129.

4. Кортава Ж.Г. Совершенствование методики оздоровительно-рекреативных занятий пляжным волейболом в санаторно-курортных условиях // Кортава Ж.Г., И.Н. Ярыш // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: Сб. науч. ст. / Под ред. Г.Л. Драндова. Чебоксары, 2012. С. 526-531. ISBN 978-5-88297-217-1.

5. Селуянов В.Н. Биологические основы оздоровительного туризма / В.Н. Селуянов, А.А. Федякин. М.: СпортАкадемПресс, 2000. 123 с. ISBN 5-8134-0029-2.

6. Теория и организация адаптивной физической культуры / Под общ. ред. проф. С.П. Евсеева. М.: Советский спорт, 2005. Т. 1. 296 с. ISBN 5-9718-0020-5.

7. Федякин А.А. Эффективность комплексного использования средств физической культуры в санаторно-курортных условиях / Федякин А.А., Кортава Ж.Г., Федякина Л.К. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2010. № 6 (64). С. 96-99.

8. Федякин А.А. К вопросу выбора средств физической культуры для оздоровительно-рекреативных занятий / А.А. Федякин, Ж.Г. Кортава // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 2 (25) . С. 133-136.

9. Fedyakin Alexander A. Nordic Walking Health-improving and Training Impact on the Human Body / Alexander A. Fedyakin, Zhanna G. Kortava // European Researcher. 2012. № (34) 11-2. P. 1941-1946.

10. Федякин А.А. Технология применения силовых упражнений в физическом воспитании студентов: Учеб.-метод. пособие / А.А. Федякин, Л.К. Федякина, Ф.Г. Баскаева // Краснодар: РИО КГУФКСиТ, 2012. 54 с.

UDC 796.015

Technology of Combined Application of Physical Facilities, Having Different Effect in the Course of Health Activity at Health Resort

Zhanna G. Kortava

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Education), Assistant Professor
E-mail: zgkortava67@ mail.ru

Abstract. The paper attempts to justify the technology of combined application of physical facilities, having different effect in the course of health activity of people, holidaying at health resort. The research activities, which should be taken while developing the technology of combined application of physical facilities, having different effect, are presented. The following physical facilities are considered as the major ones: aerobic cyclic exercises, circuit power exercises for major muscle groups and beach volleyball. Methodological approaches, enabling to optimize the individual training load, depending on the level of physical fitness and the techniques, concerned with the efficient organization of health activity are considered.

Keywords: technique; aerobic cyclic exercises; power exercises; circuit training; quasi-isotonic regime.

УДК 796.015.52

Влияние оздоровительно-рекреативных занятий пляжным волейболом на организм взрослого человека

[1] Жанна Георгиевна Кортава
[2] Ирина Николаевна Ярыш

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: zgkortava67@ mail.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: zgkortava67@ mail.ru

Аннотация. В статье представлены данные, характеризующие особенности оздоровительно-рекреативного воздействия игры в пляжный волейбол на организм человека. В качестве основного показателя выступает динамика и суммарная частота сердечных сокращений при игре в пляжный волейбол, время простой двигательной реакции на световой сигнал, динамика устойчивости внимания и работоспособности. Получены данные, свидетельствующие о влиянии количества игроков на площадке на оздоровительно-рекреативный эффект игры в пляжный волейбол. Показана возможность управления величиной оздоровительного воздействия на организм человека в ходе занятий пляжным волейболом.

Ключевые слова: пляжный волейбол; частота сердечных сокращений; кардиомонитор сердечного ритма POLAR; интенсивность нагрузки.

Введение. Растущая популярность пляжного волейбола в нашей стране заставляет уделять серьезное внимание вопросам использования этой игры для рекреации, оздоровления, увеличения двигательной активности и вовлечения взрослого населения в регулярные занятия физической культурой. Двигательная деятельность в пляжном волейболе характеризуется многократным сочетанием определенных активных поз, прыжков и разнохарактерных суставных движений, создающих перемещения и вращения тела, которые выполняются с повышенной эмоциональной нагрузкой на сыпучем грунте [1, 2]. Взаимодействия человека с опорой в пляжном волейболе определяются тем, что в качестве опоры, с которой он взаимодействует в процессе игры, выступает песок. Установлены биомеханические особенности взаимодействия с такой опорой при выполнении основных технических приемов пляжного волейбола [2–6]. Это позволяет предположить и наличие особенностей, связанных с воздействием игры в пляжный волейбол на организм занимающихся.

С целью получения объективных данных о влиянии оздоровительно-рекреативных занятий пляжным волейболом на организм мужчин зрелого возраста был организован педагогический эксперимент.

Организация исследований и методы. В экспериментальных исследованиях приняли участие мужчины (n=48) второго периода зрелого возраста (54,8±3,3 лет), средняя длина тела которых составляла 176,5±5,6 см, вес которых был равен 79,5±14,7 кг. Мужчины до начала эксперимента, как правило, имели опыт занятий волейболом, но не имели опыта занятий пляжным волейболом. Предполагалось, что данные о воздействии оздоровительно-рекреативных занятий пляжным волейболом на организм взрослого человека позволят повысить эффективность использования пляжного волейбола с целью оздоровления и рекреации. Управление процессом оздоровительно-рекреативной тренировки на основе объективных знаний о воздействие пляжного волейбола на организм человека представляется одним из перспективных направлений совершенствования методики занятий в условиях отдыха на курорте.

Оздоровительно-рекреативное занятие состояло из стандартной разминки (7–10 минут) и трех партий, примерно по 20 минут каждая. Игра в пляжный волейбол проводилась на площадке размеров 8х8 м, в ней принимали участие по два, по четыре и по шесть игроков от каждой команды.

Предполагалось, что участие разного количества игроков влияет на величину тренировочного воздействия и тем самым позволяет оптимизировать оздоровительно-рекреативное влияние на организм мужчин, занимающихся пляжным волейболом. Учет данного обстоятельства даст возможность управлять величиной нагрузки в ходе игры в пляжный волейбол и тем самым оптимизировать оздоровительно-рекреативное влияние на организм мужчин, занимающихся пляжным волейболом. Испытуемым перед началом игры и сразу после ее окончания предлагалось выполнить следующие тесты:

- измерялось время простой двигательной реакции на световой сигнал (ВПРС) для определения

динамики психомоторных способностей;

- для определения динамики устойчивости внимания и работоспособности использовались таблицы Шульте;

- для определения интенсивности игры использовался кардиомонитор «POLAR ELECTRO – C 120», с которым мужчины играли в пляжный волейбол. После окончания занятия показатели ЧСС считывались из памяти прибора и обрабатывались.

Результаты и обсуждение. На рисунке представлены пульсовые профили занятий пляжным волейболом с участием разного количества игроков на площадке. Пульсовые профили построены на основе усредненных данных частоты сердечных сокращений (ЧСС) всех волейболистов, принимавших участие в каждой игре в пляжный волейбол. Анализировались результаты не менее чем девяти партий с каждым из трех вариантов (2х2, 4х4, 6х6) участвующих игроков на площадке.

Установлено, что количество игроков на площадке оказывает существенное влияние на время розыгрыша одной партии в пляжном волейболе, а именно:

- розыгрыш одной партии в пляжном волейболе с участием двух игроков от каждой команды (2х2) составлял в среднем 912±37 с;

- розыгрыш одной партии в пляжном волейболе с участием четырех игроков от каждой команды (4х4) составлял в среднем 1142±49 с;

- розыгрыш одной партии в пляжном волейболе с участием шести игроков от команды (6х6) составлял в среднем 1161±43 с.

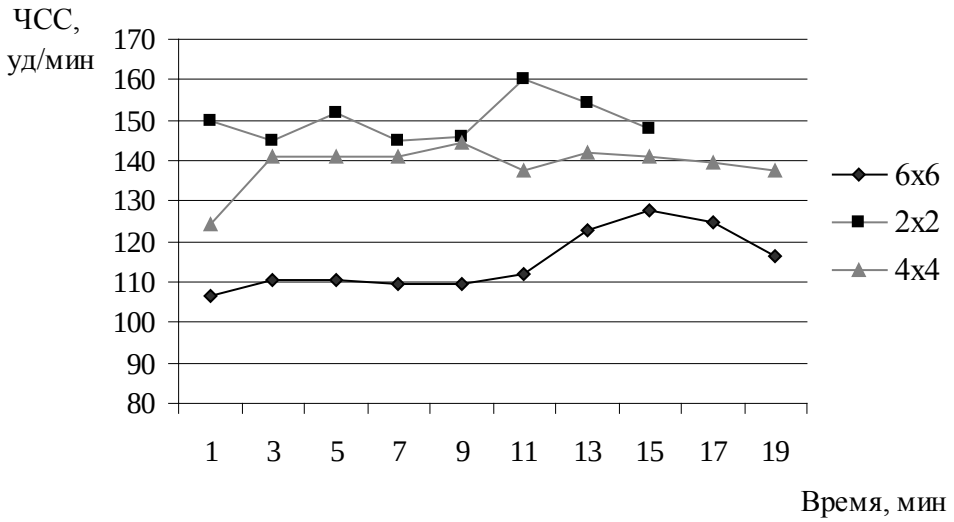

Рис. 1. Пульсовые профили занятий пляжным волейболом с участием разного количества игроков на площадке

Отмеченная тенденция увеличения времени на розыгрыш одной партии при увеличении числа игроков на площадке имеет тесную связь с интенсивностью игры, а значит, и величиной тренировочной нагрузки. Это проявляется в различных значениях ЧСС в каждый момент игры, различиях средних значений ЧСС за игру, в целом при участии разного количества игроков на площадке. К концу первой минуты игры значения ЧСС достигли 150 уд/мин, когда на площадке находились по два игрока от каждой команды (2х2) и 107 уд/мин, когда на площадке находились по шесть игроков от каждой команды (6х6). Таким образом, с момента начала игры в пляжный волейбол и до ее окончания ЧСС значительно выше в том случае, когда на площадке находится меньше игроков.

Средние значения ЧСС за игру подтверждают вышесказанное. Наименьшие средние значения ЧСС (115±7,1 уд/мин) получены при игре в пляжный волейбол с участием шести игроков в каждой команде (6х6). При игре в пляжный волейбол с участием четырех игроков в каждой команде (4х4) средние значения ЧСС за игру составляли 139±5,2 уд/мин. Наибольшие средние значения ЧСС (150±4,9 уд/мин) получены при игре в пляжный волейбол, согласно правилам соревнований, с участием двух игроков в каждой команде (2х2).

Сопоставляя полученные результаты с данными литературы, отмечаем, что средние значения ЧСС (150±4,9 уд/мин), полученные при игре в пляжный волейбол с участием двух игроков в одной команде (2х2) выше, чем при игре в «классический» волейбол. Частота сердечных сокращений при игре в волейбол у мужчин зрелого возраста, доходила до 140–145 уд/мин. [1], что сопоставимо с игрой в пляжный волейбол с участием четырех игроков, где отмечена ЧСС 144 уд/мин. По-видимому, основной причиной этого являются «упругие» свойства опоры, на которой происходит игра в

пляжный волейбол.

Динамика результатов ЧСС во время игры в пляжный волейбол с участием различного количества игроков на площадке позволяет сделать заключение о том, что игра 6х6 является работой средней мощности (115±7,1 уд/мин). Занятия с такой интенсивностью оказывают «удовлетворительный тренировочный эффект» [8–10] и могут рассматриваться как средство поддержания уровня подготовленности и средство активного отдыха.

Интенсивность при игре 4х4 характеризуется работой большой мощности, средние показатели ЧСС при этом 130 уд/мин. Такая интенсивность занятий для данного возраста обладает хорошим тренирующим эффектом [8–10]. Для более выраженного оздоровительно-рекреативного воздействия следует рекомендовать дополнительно использовать другие средства физической культуры: бег, плавание, выполнение локальных силовых упражнений в квазиизотоническом режиме и т.д. – с учетом индивидуального уровня физической подготовленности.

Более выраженный эффект от занятия пляжным волейболом наблюдается тогда, когда количество игроков на площадке двое (игра 2х2). Интенсивность игры (2х2) при этом характеризуется увеличением показателей ЧСС в наиболее активные моменты игры до 160 уд/мин, что рассматривается [8–10] как средство с отличным тренировочным воздействием. Представляется, что такой способ организации игровой деятельности (2х2) может применяться только лицами, имеющими хороший уровень функциональной подготовленности, и лицами, прошедшими предварительную подготовку. Изменяя количество игроков на площадке, мы тем самым управляем величиной оздоровительно-рекреативного воздействия на организм занимающихся.

Результаты, характеризующие воздействие оздоровительно-рекреативного занятия пляжным волейболом на организм мужчин зрелого возраста, представлены в таблице.

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что игра в пляжный волейбол 4х4 оказывает тонизирующее воздействие на организм занимающихся мужчин. Психомоторные способности (ВПРС) участников эксперимента после занятия пляжным волейболом имеют тенденцию к улучшению, хотя это улучшение не достоверно ($p>0,05$). Под воздействием игры в пляжный волейбол 2х2 у участников игры происходят статистически значимые изменения ($p<0,01$) времени простой реакции на световой сигнал.

Табл. 1

Характеристика воздействия оздоровительно-рекреативного занятия пляжным волейболом на организм мужчин зрелого возраста с участием разного количества игроков на площадке

Показатели	Игра 4х4		Игра 2х2	
	До занятия $\bar{X} \pm \sigma$	После занятия $\bar{X} \pm \sigma$	До занятия $\bar{X} \pm \sigma$	После занятия $\bar{X} \pm \sigma$
Время простой реакции на световой сигнал (ВПРС), с	0,235±0,051	0,229±0,051	0,231±0,063	0,261±0,072*
Время выполнения первого задания (T_1), с	39,3±4,40	41,0±10,85	38,9±4,47	44,4±12,38*
Время выполнения второго задания (T_2), с	44,3±8,46	44,2±12,82	44,0±8,39	47,6±14,88*
Время выполнения второго задания (T_3), с	44,87±9,92	36,55±8,63*	44,1±8,87	46,9±9,63*
Время выполнения четвертого задания (T_4), с	45,7±10,44	42,8±9,56	44,8±9,84	48,2±11,61*
Время выполнения пятого задания (T_5), с	42,7±7,89	42,3±13,79	42,6±8,11	46,7±13,98*
Эффективность работы (ЭР), у.е.	43,4±6,03	41,4±7,94*	43,0±6,22	47,4±12,06*
Степень врабатываемости (ВР), у.е.	0,91±0,10	1,00±0,22*	0,92±0,12	1,2±0,37*
Психическая устойчивость (ПУ), у.е.	1,04±0,14	1,04±0,15	1,03±0,12	1,11±0,15*

*различия статистически достоверны ($p<0,05$), сравнение показателей осуществлялось на основе Z-критерия знаков (Г.Ф. Лакин, 1990)

Увеличение ВПРС после игры в пляжный волейбол 2х2 свидетельствует о более выраженном воздействии этого тренировочного средства на организм игроков, что, несомненно, должно учитываться при проведении оздоровительно-рекреативных занятий. Это позволит оказывать восстанавливающее, развивающее воздействие на организм мужчин зрелого возраста.

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что оздоровительно-рекреативная игра в пляжный волейбол 4х4 оказывает тонизирующее воздействие на организм занимающихся мужчин.

Это проявляется в том, что время выполнения большинства заданий (T_1, T_2, T_4, T_5, ПУ) после игры в пляжный волейбол изменилось незначительно ($p>0,05$). Отдельные показатели достоверно улучшились, а именно:

- улучшилось время выполнения третьего задания (T_3);
- улучшилось общее время выполнения пяти заданий;
- улучшилась эффективность работы (ЭР).

Следует отметить, что степень врабатываемости (ВР) после игры в пляжный волейбол достоверно хуже, чем до игры. По-видимому, это связано с индивидуальными особенностями реакции организма отдельных занимающихся мужчин и их уровнем физической и функциональной подготовленности. Косвенным подтверждением этого служит значительное увеличение всех показателей вариации (стандартного отклонения) после игры в пляжный волейбол.

Тренирующее воздействие на организм мужчин, занимающихся пляжным волейболом (игра 2х2), более выражено. Это проявляется в достоверных изменениях времени выполнения всех заданий (T_1, T_2, T_3, T_4, T_5), достоверно изменяются также эффективность работы (ЭР), степень врабатываемости (ВР), психическая устойчивость (ПУ) после игры в пляжный волейбол ($p<0,05$). По-видимому, это связано с тем, что на одного игрока при игре 2х2 приходится большее количество квадратных метров площадки, которую необходимо защищать при атаках соперников, а также с необходимостью участия в каждом розыгрыше мяча. «Упругие» свойства игровой площадки (сыпучая опора) также оказывают влияние на степень воздействия игры в пляжный волейбол на организм человека, создавая дополнительные трудности при перемещениях и сохранении равновесия.

Следует отметить, что в ходе исследования воздействия занятия пляжным волейболом на организм мужчин зрелого возраста с участием разного количества игроков на площадке не учитывался уровень их физической подготовленности. Установлено, что уровень физической подготовленности мужчин зрелого возраста, принимавших участие в ходе этого эксперимента, имеет существенные отличия. Поэтому вполне разумно предположить, что у лиц с одинаковым уровнем физической подготовленности оздоровительно-рекреативное воздействие на организм занятия пляжным волейболом с участием разного количества игроков на площадке будет более выраженным. Другими словами, разница в ЧСС, в степени изменения показателей психомоторики и т.д. у команд, сформированных на основе учета уровня физической подготовленности при игре 2х2 и 4х4 будет более выражена.

Результаты опроса мужчин зрелого возраста после игры в пляжный волейбол подтверждают вышеизложенное. После игры 6х6 и 4х4 большинство респондентов (94,2%) на основе своих ощущений оценивают воздействие игры, как «помогающее отдохнуть и эмоционально разгрузиться», что у них появилось «чувство бодрости, повысилась работоспособность». После игры в пляжный волейбол 2х2 большинство (86,4%) респондентов оценивают свои ощущения, как «приятная усталость и мышечная радость».

Заключение. Таким образом, на основании проведенных исследований можно заключить, что для людей зрелого возраста занятия пляжным волейболом в санаторно-курортных условиях могут служить как средством рекреации, способствующим восстановлению умственной работоспособности, восполняющим недостаток двигательной активности, так и средством оздоровительной тренировки. Основным условием, определяющим целесообразное количество игроков на площадке при игре в пляжный волейбол, следует считать индивидуальный уровень физической и функциональной подготовленности мужчин зрелого возраста, который обусловливает особенности оздоровительно-рекреативного и тренировочного воздействия, проявляющегося в динамике показателей частоты сердечных сокращений, динамике психомоторных способностей, показателей устойчивости внимания и работоспособности.

Методика построения оздоровительно-рекреативных занятий пляжным волейболом в санаторно-курортных условиях, основанная на одновременном участии различного количества игроков в одной команде, позволяет эффективно управлять величиной тренировочного воздействия и обеспечивает выраженный оздоровительно-рекреативный эффект.

Примечания:

1. Костюков В.В. Пляжный волейбол (тренировка, техника, тактика): Учеб. пособие / В.В. Костюков. М.: Советский спорт, 2005. 156 с.

2. Федякин А.А. Пляжный волейбол: характеристика и особенности выполнения основных технических приемов / Федякин А.А., Баскаева Ф.Г., Кортава Ж.Г. Сочи: ООО Стерх, 2009. 116 с. ISBN 987-5-98959-046-9.

3. Баскаева Ф.Г. Биомеханические особенности выполнения основных технических приемов в пляжном волейболе Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 01.02.08 / Баскаева Фатима Георгиевна. Нальчик, 2006. 24 с.

4. Горчанюк Ю.А. Теоретическое обоснование и проверка эффективности моделей перемещений и прыжков спортсменов в пляжном волейболе / Ю.А. Горчанюк // Физическое воспитание студентов творческих специальностей: Сб. научн. тр. Харьков: ХГАДИ (ХХПИ), 2003. № 6. С. 72-87.

5. Горчанюк Ю.А. Технічна підготовка спортсменів у пляжному волейболі на основі біомеханічних моделей стрибків і переміщень. Автореф. дис. ... канд. наук з фіз. виховання і спорту. Харків, 2004. 19 с.

6. Федякин А.А. Биомеханические особенности выполнения основных технических приемов волейболистками на сыпучем грунте / Федякин А.А., Баскаева Ф.Г., Кортава Ж.Г. Труды кафедры биомеханики университета им. П.Ф. Лесгафта. СПб., изд-во «Копи Р Групп», 2011. выпуск 5. С. 80-90. ISSN 2225-8094.

7. Шалманов А.А. Биомеханические основы волейбола / А.А. Шалманов, А.М. Зафесов, А.М. Доронин. Майкоп: АГУ, 1998. 92 с. ISBN 5- 85108-054-X.

8. Холодов Ж.К. Теория и методика физического воспитания и спорта / Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов. 3-е изд.стер. М.: Академия, 2004. 480 с. ISBN 5-7695-2099-X.

9. Селуянов В.Н. Технология оздоровительной физической культуры / В.Н. Селуянов. М.: СпортАкадемПресс, 2001. 172 с.

10. Федякин А.А. Эффективность комплексного использования средств физической культуры в санаторно-курортных условиях / Федякин А.А., Кортава Ж.Г., Федякина Л.К. // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2010. № 6 (64). С. 96-99.

UDC 796.015.52

Effect of Beach Volleyball on Adult Body

[1] Zhanna G. Kortava
[2] Irina N. Yarysh

[1] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Education), Assistant Professor
E-mail: zgkortava67@ mail.ru
[2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Education), Assistant Professor
E-mail: zgkortava67@ mail.ru

Abstract. The article presents data, characterizing health-recreational effect of beach volleyball on human body. Dynamics and heart rate in the course of the game, time of motor reaction to light signal, dynamics of attention span and performance efficiency are considered as major indicators. Data, denoting the impact of the amount of players on the health and recreational effect of beach volleyball are got. The possibility to control the health effect of beach volleyball on the human body is showed.

Keywords: beach volleyball; heart rate; heartbeat monitor POLAR; load intensity.

УДК 79

Пляжные спортивные игры как средство рекреации студенческой молодежи

[1] Анастасия Александровна Малышева
[2] Инна Николаевна Овсянникова

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26-а
Лаборант-исследователь
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, г. Сочи, ул. Советская, 26-а
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: ovsinhandball@mail.ru

Аннотация. Пляжные спортивные игры – средство активного отдыха, воспитания и самовоспитания личности, расширяющее границы разносторонних возможностей студента, сложнейший процесс межличностных отношений, огромный мир эмоций, порождаемых успехами и неудачами, популярнейшее зрелище.

Ключевые слова: пляжные спортивные игры; студенчество.

Введение. Студенчество – это одна из самых динамичных частей общества, которая быстро улавливает новые тенденции в культуре и образовании [1].

В сфере рекреации студенческая молодежь характеризуется широким спектром интересов к различным видам деятельности, при этом особое внимание уделяется познавательной информации, передовому, новому, интересному опыту. Студентам свойственно стремление проводить активный отдых с товарищами и друзьями в компаниях, в группах по интересам [2].

Методы и методология. Методологической основой данной работы является диалектический метод. Также использовались следующие общенаучные методы: анализ, наблюдение.

Обсуждение. Анализируя имеющийся арсенал возможностей современных видов рекреации, можно отметить активно развивающееся новое направление – пляжные спортивные игры – действенное средство воспитания и самовоспитания личности, расширяющее границы разносторонних возможностей студента, сложнейший процесс межличностных отношений, огромный мир эмоций, порождаемых успехами и неудачами, популярнейшее зрелище [3].

6–7 октября 2012 года на спортивных площадках городского пляжа «Ривьера» г. Сочи был проведен I Фестиваль пляжных видов спорта (Фестиваль) среди студентов Сочинского государственного университета (ФГБОУ ВПО «СГУ»). Студенты факультетов физической культуры, туризма и сервиса, экономического, юридического, информационных технологий и математики, инженерно-экологического, социально-педагогического (1–5 курсов) и университетского экономического колледжа участвовали в пляжном футболе, пляжном волейболе, пляжном бадминтоне. Количество участников 200 человек.

Во время Фестиваля нами проведено анкетирование, которое позволило выявить, что самым зрелищным видом спорта 54% студентов считают спортивные игры, 12% – затруднились ответить, 8% – гимнастику, по 7% – плавание и бокс, по 4% – фигурное катание, легкую атлетику, единоборства (рис. 1).

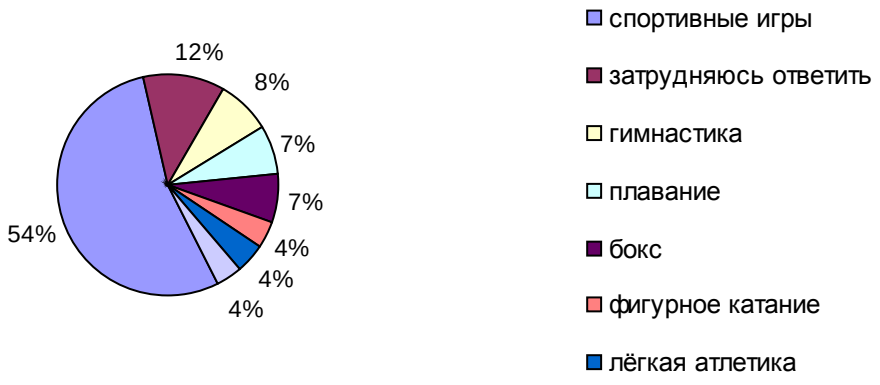

Рис. 1. Самый зрелищный вид спорта, по мнению студентов

По нашему мнению, это связано с тем, что игры могут проводиться на открытых и закрытых спортивных площадках, с большим или меньшим числом участников, по различным правилам, сопровождаются высокой эмоциональностью играющих, возможностью дружеского общения в коллективной игре. В игровой деятельности человек реализует присущую ему потребность творчества. Результат и непосредственно сам процесс решения приносят играющим внутреннее удовлетворение, вызывающее стремление испытывать его.

На вопрос: «Какие пляжные спортивные игры Вам известны?» пляжный волейбол назвали 93% респондентов, пляжный футбол – 61%, пляжный гандбол – 3,9%, никакие – 5,3% (рис. 2).

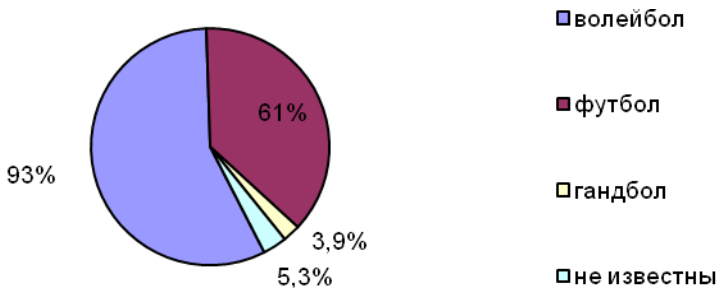

Рис. 2. Знание студентами пляжных спортивных игр

При изучении востребованности пляжных спортивных игр установлено, что заниматься пляжным волейболом желают 27,7% студентов, пляжным футболом – 26,6%, пляжными футболом, гандболом – 35,7%, пляжным бадминтоном – 7% (рис. 3).

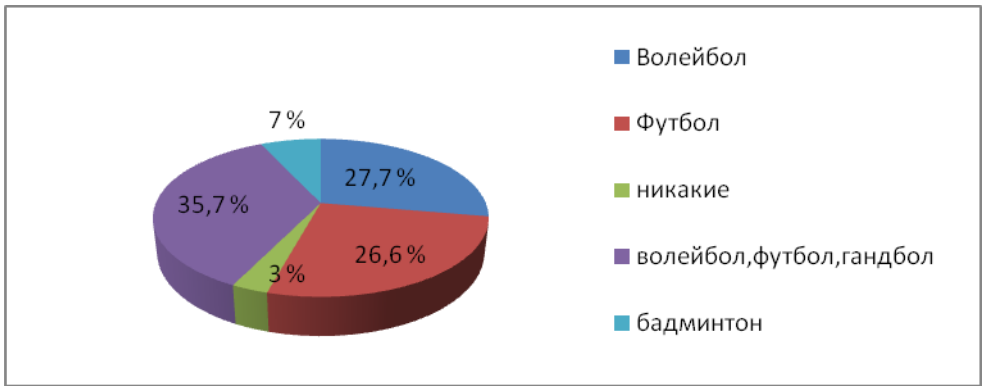

Рис. 3. Востребованность студентами пляжных спортивных игр

Результаты проведенного исследования показали, что для студентов пляжные спортивные игры ассоциируются с интересом и зрелищностью – 18%, общением и развлечениями – 40%, здоровьем и красотой – 12%, отдыхом и хорошим настроением – 30% (рис. 4).

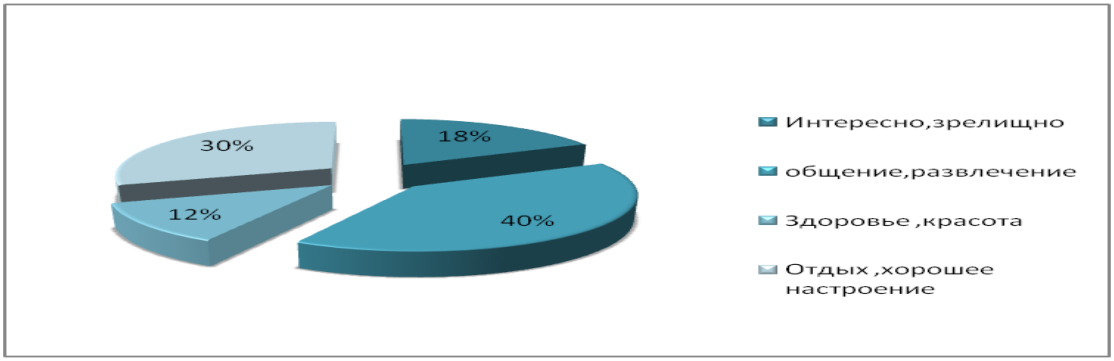

Рис. 4. Ассоциации студентов с пляжными спортивными играми

Мы считаем, что игра моделирует жизненные ситуации, закрепляет умения и способности, необходимые личности для выполнения социальных, профессиональных, творческих функций, физически развивает и закаляет организм, совершенствует те качества и навыки, которые жизненно необходимы.

Вспомогательным средством в рекреационной деятельности являются природно-климатические условия, которые усиливают положительное влияние физических упражнений, выступают относительно самостоятельным средством оздоровления и закаливания организма, вызывают у занимающихся положительные эмоции, бодрость и жизнерадостность.

Заключение. Таким образом, пляжные спортивные игры являются перспективным направлением рекреационной деятельности студенческой молодежи, позволяют адаптироваться к условиям обучения в вузе, формируют физическую культуру личности, повышают уровень физической подготовленности, удовлетворяют социальные потребности в общении, развлечении, в некоторых формах самовыражения личности через социальноактивную полезную деятельность.

Примечания:

1. Ильинич В.И. Физическая культура студента: Учеб. / В.И. Ильинич. М.: Гардарики, 2005. 448 с.

2. Овсянникова И.Н. Содержание и организация физического воспитания студентов вузов на основе использования средств пляжного гандбола. Автореф. дис. ... канд. пед. наук / И.Н. Овсянникова. Краснодар, 2008. 23 с.

3. Овсянникова И.Н. Использование средств пляжного гандбола в физическом воспитании студентов / И.Н. Овсянникова, В.В. Костюков // Теория и практика физической культуры. 2008. № 8. С. 30

4. Теоретико-методические основы оздоровительных технологий для студентов вузов / К.Г. Томилин, В.В. Мякотных, В.Ю.Карпов, А.А. Малышев. Сочи: СГУТиКД, 2010. 211 с.

5. Культура здорового образа жизни в вузе / С.А. Баранова, А.В. Гоголадзе, А.П. Квашин, Г.М. Коновалова и др. Сочи: СГУ, 2011. 88 с.

UDC 79

Beach Sports as a Means of Students' Recreation

[1] Anastasiya A. Malysheva
[2] Inna N. Ovsyannikova

[1] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Research Assistant
[2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
PhD (Education), Assistant Professor
E-mail: ovsinhandball@mail.ru

Abstract. Beach sports are the means of personality's active recreation, education and self-education, expanding student's boundaries, complex process of interpersonal relationships, huge emotional world, generated by success and failures, popular performance.

Keywords: beach sports; the students.

УДК 797.2

Совершенствование процесса обучения плаванию на основе учета мотивационно-ценностного отношения к физической культуре студенток педагогических вузов

[1] Юлия Александровна Постольник
[2] Евгения Андреевна Распопова

[1] Московский городской педагогический университет, Россия
г. Москва, 2-й Сельскохозяйственная проезд, 4, к. 1
E-mail: postolnik.julia@yandex.ru
[2] Московский городской педагогический университет, Россия
г. Москва, 2-й Сельскохозяйственная проезд, 4, к. 1
Доктор педагогических наук, профессор
E-mail: raspopova48@mail.ru

Аннотация. Данные, представленные в статье, свидетельствуют о необходимости учета потребностно-мотивационного отношения к занятиям физической культурой для совершенствования учебного процесса физического воспитания студенток педагогического вуза путем разработки педагогической методики освоения навыка плавания с использованием средств водных видов спорта.

Данные педагогического эксперимента убедительно свидетельствуют о том, что введение в учебный процесс обучения плаванию студенток педагогического вуза разнообразных упражнений из водных видов спорта существенно повышает плавательную подготовленность учащихся.

Ключевые слова: студенты; физическая культура; мотивация; обучение плаванию; водные виды спорта.

Введение. Многочисленные исследования специалистов в области физического воспитания студентов показывают, что современная молодежь становится физически слабее, а развитие двигательных способностей молодых людей не соответствует уровню современных требований [1–3].

В последнее время существенно снизилась мотивация к регулярным занятиям физической культурой и спортом, вследствие чего наблюдается снижение посещаемости учебных занятий по физическому воспитанию, и как следствие – снижение уровня физической подготовленности и состояния здоровья студентов вуза [4, 5].

На наш взгляд, низкая двигательная активность студентов связана с отсутствием у них мотивационно-ценностных ориентиров. Мотивационно-ценностные ориентиры определяют осознанное отношение студентов к занятиям физической культурой, формируют потребность в повседневных физических упражнениях, способствуют физическому и профессиональному совершенству, создают предпосылки для организации позитивной коммуникативной среды, а также положительного эмоционального статуса.

В связи с этим, по нашему мнению, возникает необходимость изучения мотивов, интересов и потребностей современной молодежи, удовлетворение которых наиболее эффективно отразится на повышении активности в занятиях физическими упражнениями.

Цель исследования – совершенствование учебного процесса физического воспитания студенток педагогических вузов на основе разработки педагогической методики освоения навыка плавания с использованием средства водных видов спорта.

Перед данным исследованием были поставлены следующие задачи:

1. Выявить отношение студентов к физической культуре и спорту как явлению общественной жизни.

2. Определить основные мотивы, влияющие на негативное отношение к посещаемости занятий по физической культуре.

3. Выявить влияние введения в учебный процесс обучения плаванию, применения разнообразных упражнений водных видов спорта.

4. Показать эффективность использования разнообразных упражнений водных видов спорта для формирования устойчивого навыка плавания.

Методы и организация исследования. Исследование проводилось на базе Московского гуманитарного педагогического института (МГПИ) в 2009–2012 учебных годах. В нем приняли участие студенты в количестве 218 человек.

В основном педагогическом эксперименте участвовали 84 студентки 17–23 лет, которые были разделены на три экспериментальные и три контрольные группы по 14 человек в каждой. Все студенты были практически здоровы и имели низкий уровень плавательной подготовленности, который был определен по квалимитрической шкале [6–8].

В ходе исследования отношения студентов 1–3 курсов к занятиям физической культурой было установлено, что основная масса студентов (73,5%) положительно относится к физической культуре

как к социальному явлению, 3,4% – относятся отрицательно, а 23,1% – затруднились ответить на этот вопрос.

Несмотря на положительное отношение к физической культуре в целом, значительная часть студентов (41,4%) пассивно относится к учебным занятиям по физической культуре. По мнению опрошенных студентов, наиболее важными моментами, влияющими на отношение и посещаемость занятий по дисциплине «Физическая культура», являются территориальная расположенность мест занятий (10,2%); неудобный график расписания занятий (31,6%); невнимательное отношение преподавателей к личности студента (18,2%); однообразие учебного материала при изучении разделов программы (34,6%).

Как следует из результатов опроса, одной из существенных причин низкого интереса студентов к занятиям является однообразие учебного материала: отсутствие интересных упражнений при изучении разделов программы.

Таким образом, исследование мотивационной сферы студенток позволило наметить пути для коррекции и формирования таких потребностей, удовлетворение которых наиболее эффективно отразится на их здоровье и физическом совершенствованит в период обучения в системе высшего профессионального образования.

Поскольку в процессе профессионального образования студентов вузов плавание является одной из составных частей дисциплины «Физическая культура» [9], нами разработана методика использования элементов и средств водных видов спорта в процессе обучения плаванию студенток в рамках дисциплины «Физическая культура».

Включение в занятия упражнений водных видов спорта позволит разнообразить процесс начального обучения плаванию, повысит интерес к занятиям физической культурой и будет способствовать формированию жизненно важного плавательного навыка.

Предлагаемая модернизация организации обучения плаванию обеспечивает повышение мотивации студенток к занятиям физической культурой на основе применения широкого круга разнообразных средств и направлена на повышение эффективности процесса физического воспитания.

Известно, что навык плавания лежит в основе таких видов спорта, как спортивное плавание, водное поло, синхронное плавание, прыжки в воду, а овладение навыком плавания должно предшествовать занятиям любым водным видом спорта [10, 11].

Однако обучение плаванию в различных водных видах спорта, таких, как синхронное плавание, прыжки в воду, водное поло, аквааэробика, имеет свои специфические особенности, направленные на овладение элементами, наиболее важными для данного вида спорта. Например, в синхронном плавании основой обучения является опорный гребок, в прыжках в воду – способность погружаться и всплывать на поверхность воды, в водном поло – плыть, вести перед собой мяч, в аквааэробике – выполнять упражнения, используя сопротивление воды.

Нами были подобраны упражнения из водных видов спорта: синхронного плавания, прыжков в воду, аквааэробики, которые составили основу данной методики обучения способам спортивного плавания.

Все эти элементы и упражнения водных видов спорта, используемые как подготовительные и специальные в подготовке спортсменов, для студентов были подводящими упражнениями к изучению основ спортивного и прикладного плавания.

В качестве оценки эффективности предложенной нами методики использовались показатели, отражающие навыки плавательной подготовленности студенток.

Табл. 1

Показатели плавательной подготовленности студенток экспериментальной группы и контрольной группы в конце эксперимента

Способ плавания	Длина дистанции	ЭГ		КГ	
		Кол-во	%	Кол-во	%
Кроль на спине	<50 м	0	0	0	0
	< 100 м	0	0	6	14,2
	100 м	42	100	36	85,7
	всего	42	100	42	100
Кроль на груди	< 50 м	0	0	4	9,5
	<100 м	0	0	8	19
	100 м	42	100	30	71,4
	всего	42	100	42	100

Брасс	<50 м	0	0	0	0
Баттерфляй	<100 м	0	0	5	11,9
	100 м	42	100	37	88
	всего	42	100	42	100
	<25 м	0	0	23	54,7
	< 50 м	2	4,7	15	35,7
	50 м	40	95,2	4	9,5
	всего	42	100	42	100
Прикладное плавание (транспортировка)	< 25 м	3	7,1	19	45,2
	25 м	39	92,8	23	54,7
	всего	42	100	42	100

Все девушки экспериментальной группы смогли проплыть способом кроль на спине, кроль на груди и брасс 100 *м*.

В контрольной группе способом кроль на спине 14,2% (6 человек) не смогли преодолеть зачетную дистанцию, в плавании способом брасс – 11,9% (5 человек), а способом кроль на груди 28,5% (12 человек) не смогли проплыть зачетную дистанцию, из них 9,5% (4 человека) не преодолели дистанцию и 50 *м*.

Различались и результаты плавания способом баттерфляй и в прикладном плавании: в КГ лишь 9,5% (4 человека) смогли справиться со способом баттерфляй на дистанции 50 м. А в КГ больше половины девушек не смогли проплыть и 25 *м*, 35,7% (15 человек) не справились с контрольной дистанцией и проплыли <50 *м*, когда в ЭГ лишь только 4,7% (2 человека) не смогли держать контрольную дистанцию.

С прикладным плаванием – транспортировкой утопающего – на дистанции 25 м не справились 7,1% (3 человека) в ЭГ. А в КГ не смогли транспортировать 25 *м* почти половина студентов – 45,2% (19 человек) и выполнили дистанцию <25 *м*, около 15–18 *м*.

Таким образом, зачетную дистанцию 100 *м* способами кроль на спине, кроль на груди, брасс, баттерфляй – 50 *м* преодолели почти все девушки ЭГ (95,2%), а в КГ 85,7% – кролем на спине, 71,4% – кролем на груди, брасс – 88%, а баттерфляй – 9,5%.

В ходе педагогического эксперимента выявлена эффективность воздействия разработанной методики на показателях плавательной подготовленности.

Выводы. Несмотря на высокий процент положительного отношения к занятиям физической культурой (73,5% студенток), все же значительная часть студенток (41,4%) относится пассивно. Одной из основных причин пассивного отношения к занятиям по физической культуре, по мнению студенток, явилось однообразие учебного материала при изучении разделов программы.

Для совершенствования физического воспитания студенток педагогического вуза, а также устранения причины пассивного отношения к занятиям физической культурой, опираясь на проведенное исследование, разработана методика формирования навыка плавания студенток с использованием средств из водных видов спорта в академических занятиях по плаванию в рамках учебного плана физического воспитания.

Современный подход к процессу обучения плаванию состоит в использовании большого объема движений, направленных на формирование устойчивого плавательного навыка, который обеспечит, с одной стороны, повышение интереса и мотиваций к занятиям, а с другой – будет способствовать прочному освоению прикладных навыков плавания, необходимых для педагогической деятельности. Кроме того, все это эффективно отразилось на состоянии их здоровья и физическом развитии молодежи в период обучения в системе высшего профессионального образования.

Таким образом, полученные в ходе педагогического эксперимента результаты свидетельствуют об эффективности разработанной методики.

Примечания:

1. Ашмарин Б.А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании: Пособие для студ., аспирантов и преп. ин-тов физ. культ. / Б.А. Ашмарин. М.:Физкультура и спорт, 1978. 223 с.

2. Иванов Г.Д. Физическое воспитание в вузе как часть физической культуры / Г.Д. Иванов //Теория и практика физической культуры. 1993. № 3. С. 17-19.

3. Тристан В.Г. Физиологические основы физической культуры и спорта: учебное пособие. / В.Г. Тристан, Ю.В. Корягина. Омск: 6. и., 2001. 95 с.

4. Апасенико В.Н. Определение уровня здоровья и оптимальная тренировка // Теория и практика физической культуры. 1989. № 4. С. 29.

5. Мандриков В.Б., Неумоин В.В., Соломин М.Ю. Поиски и решения в оздоровлении студентов // Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Смоленск, 1998. С. 18.

6. Булгакова Н.Ж. Некоторые вопросы женского плавания // Плавание. М.: ФИС, 1970. Вып. 2. С. 63-65.

7. Зенов Б.Д., Кошкин И.М., Вайцеховский С.М. Специальная физическая подготовка пловца на суше и в воде. М.: ФиС, 1986. 79 с., ил.

8. Лопухин В.Я. Обзор диссертационных работ по плаванию (1940 относится 1980 гг.) // Плавание. М.: ФИС, 1982. Вып. 1. С. 45-48.

9. Степанова М.В. Обучение плаванию в системе физического воспитания студентов вузов: Метод. пособие. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2003. 103 с.

10. Лопухин В.Я. Прикладное плавание: Лекция для слушателей факультета усовершенствования и студентов специализации «плавание». М., 1978. 41 с.

11. Плавание: Учеб. для пед. фак. ин-тов физ. культ. / Под ред. Н. Ж. Булгаковой. М.: Физкультура и спорт, 1984. 288 с., ил.

UDC 797.2

Improvement of Teaching Swimming, Considering Motivational and Value Attitude of Women Students of Pedagogical Higher Educational Institutions towards Physical Education

[1] Yuliya A. Postolnik
[2] Evgeniya A. Raspopova

[1] Moscow City Pedagogical University, Russia
2nd Selskokhozyaystvenny proezd 4, build. 1
E-mail: postolnik.julia@yandex.ru
[2] Moscow City Pedagogical University, Russia
2nd Selskokhozyaystvenny proezd 4, build. 1
Doctor of Education, Professor
E-mail: raspopova48@mail.ru

Abstract. The paper presents the data, attesting to the necessity of consideration of desire and motivational attitude of students towards physical education. It is essential for the improvement of physical education of women students by means of the development of educational technique of swimming, using water sport facilities.

The data of pedagogical research prove that the use of different water sport exercises in the course of teaching women students swimming essentially raises the swimming performance of students.

Keywords: students; physical education; motivation; teaching swimming; water sports.

Медицина

УДК 61

Сравнительный анализ эффективности традиционного и оптимизированного комплекса немедикаментозной терапии больных с изолированной и сочетанной патологией сердечно-сосудистой системы и обмена веществ

[1] Анатолий Тимофеевич Быков
[2] Андрей Владимирович Чернышев
[3] Ирина Николаевна Сорочинская

[1-2] Кубанский государственный медицинский университет, Россия
350004, Краснодар, ул. Седина, 4
[1] член-корреспондент РАМН, доктор медицинских наук, профессор
E-mail: kvmkgmu@mail.ru
[2] доктор медицинских наук
E-mail: chernyshev@hotmail.ru
[3] ООО «Клиника Екатерининская»
350000, Краснодар, ул. Ломоносова, д 26
врач-терапевт
E-mail: vadik2@yandex.ru

Аннотация. Были обследованы 609 пациентов сочинских санаториев с ишемической болезнью сердца, гипертонической болезнью, сахарным диабетом, метаболическим синдромом и различными сочетаниями этих заболеваний. Использовались традиционный и оптимизированный лечебные комплексы. Оптимизация заключалась в присоединении к климатобальнеотерапии, ЛФК и диетотерапии, биорезонансной терапии, препарата «Магнерот», гипокситерапии, гиперкапнотерапии, фиточая «Арфазетин» и минеральной воды «Чвижепсе». Исследования показали, что применение оптимизированной лечебной программы эффективнее традиционной для всех групп больных.

Ключевые слова: оптимизированное немедикаментозное лечение; сочетанная патология; сердечно-сосудистые заболевания; метаболические заболевания.

Актуальность. В настоящее время Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню смертности от сердечно-сосудистых заболеваний (ССЗ), в первую очередь от ишемической болезни сердца (ИБС) и мозгового инсульта [11]. Только зарегистрированных случаев ССЗ в России сейчас насчитывается 16,2 млн. человек. В 2006 году в структуре общей смертности на долю болезней системы кровообращения в нашей стране приходилось 56,9%, из них ИБС – 49,3%, цереброваскулярные болезни – 35,3% [3].

Важнейшим фактором, инициирующим каскад сердечно-сосудистого континуума, является артериальная гипертензия (АГ). По материалам обследования, проведенного в рамках целевой Федеральной программы «Профилактика и лечение АГ в Российской Федерации», распространенность АГ среди населения в 2009 г. составила 40,8% (у мужчин 36,6%, у женщин 42,9%). Осведомленность больных АГ о наличии заболевания составляет 83,9–87,1%. Принимают антигипертензивные препараты 69,5% больных АГ, из них эффективно лечатся 27,3%, а контролируют АД на целевом уровне только 23,2% пациентов [5].

Нарушения липидного обмена являются одним из важнейших факторов риска (ФР) развития атеросклероза (АС). Сравнительно недавно основное значение в развитии АС придавали гиперхолестеринемии, но затем в результате клинических и эпидемиологических научных исследований были предоставлены убедительные доказательства того, что любая гиперлипидемия может способствовать возникновению и дальнейшему развитию АС. Так, например, гипоальфахолестеринемия является независимым ФР развития коронарного АС и инфаркта миокарда (ИМ) или внезапной смерти. Гипертриглицеридемия в сочетании с низким уровнем холестерина (ХС) липопротеинов высокой плотности (ЛПВП) – вид дислипидемии, который часто обнаруживается у больных с метаболическим синдромом (МС) и сахарным диабетом 2 типа (СД) [2].

Прогрессирование распространенности СД во всем мире приобрело характер «неинфекционной эпидемии». По прогнозам экспертов ВОЗ, количество больных с СД должно увеличиться с 1997 по 2025 год со 143 до 380 млн. человек [12]. Смертность от ССЗ лиц с СД в 3 раза выше, чем у населения в целом [7].

Интерес к проблеме МС в последнее время неуклонно возрастает. Во-первых, это обусловлено широким распространением данного синдрома (до 30% в популяции). Во-вторых, клиническая значимость метаболических нарушений, объединенных рамками синдрома, заключается в том, что их сочетание ассоциируется с высоким риском развития ССЗ и СД [8].

Согласно современным представлениям, в основе всех проявлений МС лежат инсулинорезистентность (ИР) и сопутствующая ей гиперинсулинемия (ГИ) [10]. Причиной развития МС может быть абдоминальное ожирение, и ИР в этом случае будет результатом конкуренции свободных жирных кислот и глюкозы за вхождение в клетку [9]. С другой стороны, ИР посредством ГИ способствует развитию и прогрессированию абдоминального ожирения.

Таким образом, неоспорима тесная взаимосвязь изменений липидного, углеводного обмена и артериальной гипертонии с возникновением и прогрессированием атеросклероза артерий – основной причины ИМ и мозговых инсультов, главных виновников смертности населения. Широкая распространенность этих патологических состояний и их частая сочетаемость у одних и тех же больных приводят к коморбидности и потенцированию патологического действия этих заболеваний.

Однако воздействие на кардиометаболическую патологию одними лишь медикаментозными средствами не является высокоэффективным. Необходим комплексный и системный подход к профилактике и лечению этих патологических состояний на всех этапах кардиометаболического континуума. Продолжается поиск новых, более эффективных комплексов немедикаментозного лечения ИБС, гипертонической болезни (ГБ), СД, МС и их сочетания.

Целью исследования явилось изучение эффективности традиционного и оптимизированного санаторно-курортных лечебных комплексов у больных ИБС, ГБ, СД и МС при монопатологии и при различном сочетании этих заболеваний.

Методика исследования. Под наблюдением находились 609 пациентов сочинских санаториев в возрасте от 49 до 68 лет (средний возраст 59,6 лет), из них 466 мужчин и 143 женщины с ИБС, ГБ, СД и МС или с сочетанием этих заболеваний. У 83,8% больных ИБС имелись изменения липидного обмена, 92% больных СД имели избыточную массу тела или страдали ожирением.

Больные были разделены на следующие рандомизированные по нозологическим состояниям и возрасту группы:

- группы пациентов с монопатологией (n=148) – ИБС (n=43); ГБ (n=52); МС (n=34); СД (n=19);
- группы пациентов с сочетанной патологией (n=461) – ИБС и ГБ (n=143); ИБС и МС (n=137); ИБС и СД (n=92); ГБ и СД (n=89).

Критериями включения в группу ИБС были наличие стабильной стенокардии напряжения и (или) безболевой ишемии миокарда, верифицированные с помощью визуализирующих или функциональных методик. Функциональный класс (ФК) стенокардии I составил 82 %, ФК-II – 15%, безболевой ишемии миокарда без стенокардии – 3%.

Критериями включения в группу ГБ были зафиксированные при неоднократном измерении цифры клинического АД > 140/90 мм рт.ст. и/или цифры среднесуточного АД при суточном мониторировании АД (СМАД) > 130/80 мм рт.ст. Пациентов с ГБ I ст. в исследование вошло 12%, II ст. – 88%.

Критериями включения в группу СД были выявленные при повторном определении показатели глюкозы венозной крови натощак > 6,1 ммоль/л.

Критериями включения в группу с МС было наличие главного признака – висцерального ожирения (ОТ > 80 см у женщин и > 94 см у мужчин) и минимум 2-х дополнительных признаков (АД > 130/85 мм. рт. ст.; триглицериды (ТГ) > 1,7 ммоль/л; ЛПВП < 1,0 ммоль/л у мужчин и 1,2 у женщин; липопротеины низкой плотности (ЛПНП) > 3,0 ммоль/л; глюкоза в плазме крови натощак > 6,1 ммоль/л; глюкоза в плазме крови через 2 часа после пероральной нагрузки 75 г. глюкозы в пределах > 7,8 и < 11,1 ммоль/л).

Критериями исключения из групп считали стабильную стенокардию напряжения III-IV ФК, нестабильную стенокардию, ИМ, ГБ III ст., кризовое течение ГБ, мозговой инсульт, декомпенсацию СД, реваскуляризирующие операции на сердце, травмы, онкологические заболевания, так как они являются противопоказаниями для направления в климатобальнеологический санаторий (в течение первого года после операции или возникновения заболевания).

По методам лечения все 609 обследуемых были разделены на 3 равные по численности группы по 203 человека.

Больные I (контрольной) группы: ИБС (n=15); ГБ (n=17); МС (n=12); СД (n=6); ИБС и ГБ (n=46); ИБС и МС (n=43); ИБС и СД (n=33); ГБ и СД (n=31).

Пациенты контрольной группы получали базисную терапию (БТ), включающую диету по Певзнеру (№ 8 для больных с МС, № 9 – СД, № 10 – ИБС и ГБ, для больных с сочетанной патологией диетотерапия назначалась по основному заболеванию), климатотерапию и лечебную физкультуру (по тренирующему, щадяще-тренирующему или щадящему режиму в зависимости от возраста, толерантности к физической нагрузке и выраженности клинических проявлений заболеваний), рациональную психотерапию. По показаниям назначалась бальнеотерапия – сероводородные, радоновые, озоновые или йодобромные ванны – 67,5% обследуемых больных.

Пациенты II группы: ИБС (n=20); ГБ (n=15); МС (n=10); СД (n=7); ИБС и ГБ (n=46); ИБС и МС (n=38); ИБС и СД (n=35); ГБ и СД (n=32). Они получали модифицированную терапию (МТ), представляющую собой сочетание БТ, биорезонансной терапии и применение лекарственного

препарата «Магнерот». Магнерот (препарат магния и оротовой кислоты, 1 таблетка – 500 мг) назначался в первую неделю по 2 таблетки 3 раза в день, затем – по 1 т. 3 раза в день.

Больные III группы: ИБС (n=8); ГБ (n=20); МС (n=12); СД (n=6); ИБС и ГБ (n=51); ИБС и МС (n=56); ИБС и СД (n=24); ГБ и СД (n=26). Эти пациенты получали усиленную модифицированную терапию (УМТ), то есть, кроме МТ, больным с преобладанием в клинике ИБС назначалась нормобарическая интервальная гипокситерапия («Горный воздух»), с преобладанием ГБ – гиперкапнотерапия («сухие» углекислые ванны), СД – фиточай «Арфазетин», МС – сочинская минеральная вода «Чвижепсе».

Биорезонансная терапия проводилась на приборе «МОРА-супер-биполяр». Суть метода МОРА-терапии состоит в дифференциации физиологических и патологических колебаний биологических сред и погашении патологических электромагнитных волн, присутствующих в организме пациента.

Магний в организме обладает множеством клинических эффектов: антиишемическим, антиаритмическим, спазмолитическим, антиангинальным (Jellinek, Takacs, 1995; Применение магния, 1997). Особый интерес магний представляет как естественный физиологический антагонист кальция. Антиишемическое и антиаритмическое действия, связанные в первую очередь, с антагонизмом магния и кальция, составляют основу профилактического действия магниевых препаратов в отношении развития реперфузионного синдрома, при лечении различных форм ИБС (Vertkin et al., 1997; Верткин, Тополянский, 1999; Шмидт, 1999). Сочетание магния с оротовой кислотой суммирует и взаимно потенцирует их положительные свойства, так как оротовая кислота является активным метаболическим агентом, обеспечивающим стабильность коллоидного состояния холестерина, способствующим внутриклеточной фиксации магния, обеспечивающим контроль синтеза пиримидиновых оснований и через них – нуклеиновых кислот (Jellinek, Takacs, 1995) [6].

Минеральная вода «Чвижепсе» по классификации В.В. Иванова и Г.А. Невраева (1964 г.) относится к углекислым мышьяковистым водам малой минерализации (1,6-2,3 г/л), гидрокарбонатного, натриево-кальциевого типа, слабокислым, холодным. При МС основным лечебным действием обладают углекислота и мышьяк. К вазодилятирующему эффекту углекислоты добавляется действие активного элемента мышьяка, принимающего участие в обмене веществ и влияющего на скорость ферментативных процессов тканевого дыхания.

«Арфазетин» – пакетированный фиточай, оказывающий регулирующее действие на углеводный обмен (гипогликемический эффект). Состоит из побегов черники, створок плодов фасоли, корневища и корня элеутерококка, плодов шиповника, травы хвоща полевого, травы зверобоя и цветков ромашки. Употребляется по 1 чашке заваренного напитка 2–3 раза в день до еды в холодном или теплом виде.

Метод гиперкапнотерапии с помощью «сухих» углекислых ванн (СУВ) основан на проникновении углекислого газа через кожу. СУВ повышают содержание двуокиси углерода в альвеолярном воздухе и крови, влияют на симпатическую и парасимпатическую нервную систему, существенно снижают уровень адреналина и норадреналина в миокарде, способствует образованию биологически активных веществ, стимулируют центральную нервную систему, значительно изменяют гемодинамику. Под влиянием СУВ происходит расширение периферических сосудов, что влечет за собой перераспределение крови в тканях и органах [1]. Также углекислый газ является мощным природным антиоксидантом.

Метод прерывистой нормобарической гипокситерапии заключается в дыхании газовой смеси с пониженным содержанием кислорода (10–18%) при давлении, равном атмосферному, в течение 50–60 минут во фракционно-циклическом режиме (5 минут дыхание смесью, 5 минут дыхание атмосферным воздухом). Время одного цикла и концентрация кислорода подбираются врачом, обычно в возрастающем (тренирующем) режиме, 15–30 ежедневных процедур на курс лечения. При этом в организме включается большое количество механизмов саморегуляции. Улучшаются показатели тканевого дыхания, обменные процессы, повышается неспецифический иммунитет [4].

Все пациенты с верифицированным диагнозом получали подобранную на досанаторном этапе медикаментозную терапию: ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента или сартаны, статины или фенофибрат, аспирин, метформин, бета-адреноблокаторы и антагонисты кальция. Адекватно подобранная медикаментозная терапия не менялась в течение всего курса санаторно-курортного лечения.

Для объективизации результатов в начале и в конце санаторно-курортного лечения всем пациентам проводилось следующее обследование: заполнялся специально разработанный опросник анамнестических данных и жалоб, тестовая карта САН (самочувствие, активность, настроение), определение адаптационных возможностей по методике Гаркави-Квакиной-Уколовой (сравнительная оценка количества лимфоцитов и сегментоядерных нейтрофилов), ЭКГ, допплер-ЭхоКГ, УЗИ сонных артерий, тредмил-тест, суточное мониторирование АД, суточное мониторирование ЭКГ по Холтеру, антропометрические показатели (масса тела, МТ, окружность талии – ОТ, индекс массы тела – ИМТ), клинический анализ крови и мочи, липидограмма (общий холестерин – ОХ, триглицериды – ТГ, липопротеины низкой плотности ЛПНП, липопротеины очень низкой плотности ЛПОН, ЛПВП, индекс

атерогенности – ИА), глюкоза крови, гликированный гемоглобин и пероральный тест толерантности к глюкозе – ПТТГ, фибриноген, мочевая кислота, креатинин.

Содержание ОХ, ТГ определяли ферментативным методом, ЛПВП – флотационным методом на аппарате Cormay Plus. Уровень ЛПОНП определяли как ТГ/2,2. Уровень ЛПНП рассчитывали по формуле Фридвальда: ХС ЛПНП = общий ХС – (ХС ЛПВП+ТГ/2,2; концентрация глюкозы крови натощак; ПТТГ – на анализаторе «Биосен 5030»; гликозилированный гемоглобин – на анализаторе «ДСА 2000 тм»; фибриноген – на двухканальном оптическом коагулометре Cormay KG-1; креатинин, мочевая кислота – на биохимическом анализаторе.

Выявлялись эпизоды ишемии миокарда, нарушения сердечного ритма и проводимости с помощью ЭКГ («BIOSET-8000» – Швейцария и «Fukuda Denshi» – Япония) и суточного ЭКГ-мониторирования (JNDHEM-AD-24 – Япония). Визуализация миокарда, определение его систолической и диастолической функции, гипертрофии миокарда левого желудочка – ГМЛЖ, толщины комплекса интима-медиа – ТКИМ (или наличие атеросклеротических бляшек) проводили с помощью допплерэхокардиографии ALOKA SSD 1400 (Япония) по общепринятой методике в М-модальном и В режимах работы с помощью ультразвукового датчика с частотой 3,5 МГц. Кроме этого, ЭхоКГ выполнялось на ультразвуковой системе «SONOS-4500» (США). Ишемия миокарда при нагрузке, переносимость физической нагрузки выявлялись с помощью тредмил-теста и велоэргометрии (ВЭМ Kettler «Ex-1» (Германия) с регистрацией ЭКГ на кардиоанализаторе фирмы «Медиком ЛТД» (г. Таганрог) или с использованием системы нагрузочного тестирования фирмы «SHILLER» АТ-104 с «бегущей дорожкой»). Определяли клиническое, амбулаторное и суточное АД.

Статистический анализ результатов исследования проводили с помощью компьютерной программы «Statistica», для оценки количественных показателей определялись стандартные статистические характеристики: среднее значение M и стандартная ошибка m. Сравнение выборок проводили с помощью t-критерия Стьюдента. Критический уровень достоверности различий между выборками p принимался равным или менее 0,05.

Результаты исследования. В начале исследования средняя масса тела пациентов всех групп находилась в пределах от 86 до 92 *кг*. За время наблюдения и лечения имела место следующая динамика: в группе I – увеличение массы тела с 86,1 до и 97,2 кг; во II гр – снижение с 87,3 до 86,3 *кг*; в III гр – снижение с 91,1 до 89,3. Аналогичные результаты прослеживались при оценке других антропометрических данных. Более значимые положительные изменения произошли в группах с МС и СД.

Из анализа данных АД, полученных путем СМАД и измерения клинического АД за время наблюдения, был сделан вывод о снижении этого показателя во II и III группах и несущественной динамике в I гр. Во II группе в начале исследования среднее АД – 114,3 мм рт. ст., в конце исследования – 109,7; в III гр – 110,7-99,8; в I гр. – 111,3-110,0. Более значимые положительные изменения произошли в группах с МС и СД. Более значимые положительные изменения произошли в группах с ГБ и МС.

Для исследования ишемии миокарда применялись ЭКГ, ХМ-ЭКГ, определение мощности нагрузки и объема выполненной работы проводили при помощи тредмил-теста или ВЭМ. Полученные данные демонстрируют повышение мощности нагрузки у больных II и III групп, соответственно с 82 до 86 Вт и с 83 до 91 Вт и менее существенного улучшения этого показателя в I гр.84 до 85 Вт.

Фиксирование эпизодов ишемии миокарда при проведении суточного ЭКГ-мониторирования дало следующие результаты в начале и в конце исследования: III гр. – 0,4-0 (среднее количество эпизодов ишемии на человека); II гр. – 0,5-0,2; I гр.– 0,2-0.1. Прослеживалось снижение числа эпизодов ишемии миокарда во всех группах, в основном за счет лекарственной терапии, но в группах, где проводилась оптимизированная физическая терапия (особенно УМТ), антиишемический эффект усиливался.

Динамика процентного содержания гликированного гемоглобина во всех группах за время наблюдения существенно не изменилась, т.к. он является пролонгированным показателем: I гр. – 6,68-6,49; II гр. – 6,53-6,15; III гр. – 6,92-6,51.

Повышение уровня креатинина является маркером почечной дисфункции, предиктором поражения органа-мишени и потому ценным диагностическим критерием. Мы зафиксировали следующую динамику этого показателя у пациентов всех групп (мкмоль/л): I гр. – 90,1-88,2; II гр. – 86,5-83,5; III гр. – 101,8-95,3, что свидетельствует о большей эффективности предложенных модифицированных комплексов немедикаментозной терапии.

Интегральный показатель атерогенности липопротеинов плазмы крови – ИА изменялся следующим образом: I гр. – 4,78-4,82; II гр. – 4,71-3,82; III гр.– 4,43-2,86. Как показали наши наблюдения, предложенные программы оптимизированного лечения лучше влияют на липидный спектр крови, чем традиционные.

Таким образом, применение биорезонансной терапии, препаратов магния, гиперкапно-, гипоксии-, фитотерапии и внутреннее применение минеральной воды повышает эффективность традиционного санаторно-курортного лечения больных с сердечно-сосудистой и метаболической

патологией. На наш взгляд, целесообразно рекомендовать эффективные модифицированные методики к более широкому применению в здравницах.

Выводы.

1. По субъективным и объективным данным в условиях санатория течение сочетанной терапевтической патологии является более тяжелым и хуже поддается лечению, чем изолированной.

2. Наибольший эффект от применения модифицированного и усиленного модифицированного комплексов лечения отмечался в группах с МС, ГБ, СД и с сочетанием ГБ и СД (P<0,01).

3. Модифицированная методика санаторно-курортного лечения более эффективна, чем базисная терапия во всех группах (P<0,05).

4. Биорезонансная терапия и препарат магния и оротовой кислоты эффективны в отношении пациентов всех групп, т.е. оказывают неспецифический положительный эффект в отношении больных с сердечно-сосудистой и метаболической патологией.

5. Усиленная модифицированная методика санаторно-курортного лечения более эффективна, чем модифицированная методика во всех группах (P<0,01).

Примечания:

1. Быков А.Т. // Восстановительная медицина и экология человека. М., 2009. 520 с.

2. Кухарчук В.В. // Consilium medicum. 2009. Т. 11, № 2. С. 61-64.

3. Ощепкова Е.В. // Кардиология. 2009. № 2. С. 67-72.

4. Чернышев А.В., Ливарский А.П. Применение метода гипокситерапии в Центральном военном клиническом санатории «Сочи». Сочи, 2004 С. 173-175.

5. Шальнова С., Кукушкин С., Маношкина Е., и др. Артериальная гипертензия и приверженность терапии. Врач. 2009. № 12. С. 39-42.

6. Щегольков А.М., Клячкин Л.М., Марочкина Е.Б. и др. // Микроэлементы в медицине 2003. № 4 (2). С. 16-18.

7. Hsueh WA, Law RE. Cardiovascular risk continuum: implications of insulin resistance and diabetes. Am J Med 1998; 105: 4S-14S.

8. Mancia G, Bombelli M, Corrao G et al. Metabolic syndrome in the Pressioni Arteriose Monitorate E Loro Associazioni (PAMELA) study: daily life blood pressure, cardiac damage, and prognosis. Hypertension 2007; 49:40-7.

9. Piatti PM, Monti LD. Forearm insulin-and-non-insulin mediated glucose uptake and muscle metabolism in man: role of free fatty acids and blood glucose levels. Metab Clin Exp 1991; 40: 926-33.

10. Reaven G. M. Role of insulin resistance in buman disease. Diabetes 1988; 37: 1595-607.

11. Thom T, Haas N, Roscamond W et al. Heart disease and stroke statistics – 2006 update: a report from the American heart association statistics committee and stroke statistics subcommittee. Circulation 2006; 113: e85-151.

12. World Health Organization. The World Health Report 1998. Life in 21st Century – a Vision for ALL. Geneva: World Health Organization, 1998.

UDC 61

Comparative Analysis of the Efficiency of Traditional and Optimized Drug-free Therapy of Patients with Isolated and Combined Pathology of Cardiovascular System and Metabolism

[1] Anatoly T. Bykov
[2] Andrey V. Chernyshev
[3] Irina N. Sorochinskaya

[1-2] Kuban State Medical University, Russia
4 Sedina Str., Krasnodar 350004
[1] Doctor of Medicine, Professor
E-mail: kvmkgmu@mail.ru
[2] Doctor of Medicine
E-mail: chernyshev@hotmail.ru
[3] Ekaterininskaya Clinic LLC
26 Lomonosova Str., Krasnodar 350000
Physician
E-mail: vadik2@yandex.ru

Abstract. The examination of 609 patients of Sochi resorts with coronary heart disease, hypertension, diabetes, metabolic syndrome and different combinations of these diseases was carried out. Traditional and optimized treatment was used. Optimization included the use of climate balneotherapy, remedial gymnastics and dietotherapy, bioresonance therapy, 'Magnerot' drug, hypoxytherapy, hypercapnotherapy, phyto-tea 'Arfazetin' and mineral water 'Chvizhepse'. The research showed that the application of optimized treatment is more efficient than the traditional one for patients of all groups.

Keywords: optimized drug-free treatment; combined pathology; cardiovascular diseases; metabolic diseases.

УДК 93

Почему Сочи стал бальнеологическим курортом?

Борис Анатольевич Ермаков

Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Доктор медицинских наук, профессор
E-mail: borisermakovsochi@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается существо ответа на вопрос, почему Сочи стал бальнеологическим курортом, профиль которого определяется использованием основного природного лечебного фактора – сульфидных хлоридно-натриевых вод Мацесты и других, разведанных позднее месторождений, а также дается оценка современного состояния курорта и формирующихся угроз его исторически сложившейся рекреационной специализации.

Ключевые слова: бальнеологический курорт Сочи; Мацеста; бальнеолечение; рекреационная специализация.

Введение. Существуют явления, о происхождении которых не принято задумываться. Их воспринимают как данность. С полным правом к разряду подобного рода явлений можно отнести и широкую известность курорта Сочи. Славу ему снискало поразительное сочетание заснеженных вершин Главного Кавказского хребта и «самого синего в мире» Черного моря, субтропического климата и богатейшей гидроминеральной базы, живописных ландшафтов и уникального разнообразия флоры и фауны. Нам представляется крайне важным напомнить научному и экспертному сообществу о том, каковы исторические и социально-экономические предпосылки, не только предопределившие сам факт возникновения курорта Сочи, но и задавшие вектор его успешному развитию на десятилетия вперед. Нынешняя парадигма развития Сочи [2], с нашей точки зрения, заключает в себе реальную угрозу утраты данной территорией статуса бальнеологического курорта и грозит превращением Сочи в приморский мегаполис с весьма размытой рекреационной специализацией.

Материалы и методы. На основе контент-анализа официальных и литературных источников, а также собственных экспертных оценок выделены ключевые информационные блоки, раскрывающие существо ответа на вопрос, вынесенный в заголовок статьи.

Обсуждение проблемы. Для полноты восприятия материала следует напомнить определение понятия «курорт», содержащееся в ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» от 27.01.1995 г. с дополнениями и изменениями: **«Курорт»** – это освоенная и используемая в лечебно-профилактических целях особо охраняемая природная территория, располагающая природными лечебными ресурсами и необходимыми для их эксплуатации зданиями и сооружениями, включая объекты инфраструктуры [1].

Поэтому дальнейшие суждения и выводы, изложенные в статье, будут рассматриваться нами сквозь призму данного определения.

Итак, с чего все начиналось? О том, что в районе Сочи существуют целебные минеральные источники, было известно давно. Эти предания своими корнями уходят в седую старину и овеяны многочисленными легендами. Одна из них гласит, что в горную речку с отвесной скалы бросился смертельно раненный охотниками олень. Бурлящая вода вернула ему силы, и он скрылся в лесу. Кроме множества преданий и легенд, об этих источниках нет доподлинных сведений, из которых можно было бы почерпнуть информацию об их далеком прошлом. Точно известно лишь то, что выходящей прямо из пещеры зеленоватой водой, имеющий специфический запах, люди издавна пользовались с лечебными целями. Естественные выходы минеральной воды на поверхность находились в глубине долины реки Мацесты и в ущелье реки Агуры. В летнее время сюда со всей округи приезжали жаждущие исцеления от недугов. Они купались в выкопанных ямах с нагретой на солнце сероводородной водой. Первое литературное упоминание о серных источниках в долине р. Мацесты содержится в дневниках англичанина Белла. В 1837 году, путешествуя по Кавказу, он обратил внимание на то, что южнее Сочи протекает речка, вода которой отдает сильным запахом сероводорода. «Где-то в ее окрестностях, – полагал английский путешественник, – имеются серные источники». Спустя 35 лет в районе Сочи побывал агроном А.В. Верещагин. В своих заметках о путешествии по Черноморскому побережью Кавказа, опубликованных в 1874 году, он привел любопытные сведения о состоянии мацестинских источников. В то время курорты Кавказских Минеральных Вод уже были широко известны в России, но Мацеста на картах и в справочниках еще не значилась. Сообщение А.В. Верещагина пробудило интерес к Мацесте. В 1886 году магистр химии Н.В. Струве впервые произвел анализ мацестинской воды. Упоминания об этих источниках стали

появляться и у других ученых и путешественников. В 1898 году специальная комиссия по изучению Черноморского побережья в составе русских ученых, профессоров А.И. Воейкова, Ф.И. Пастернацкого и горного инженера М.В. Сергеева провела обследование гидроминеральной базы, особенностей климата и геологического строения Черноморского побережья в районе Сочи. В своих заключениях комиссия предсказывала Сочи большое будущее как курорту с великолепным сочетанием живописных гор, южного моря и минеральных вод. Большой резонанс имело рассмотрение на заседании Русского географического общества материалов известного ученого, профессора А.Н. Краснова, который за уникальные курортные ресурсы назвал Черноморское побережье в районе Сочи «Русской Ривьерой». Но подлинный толчок к изучению свойств и лечебному использованию минеральной воды мацестинских источников дал известный русский врач В.Ф. Подгурский. Он справедливо считается пионером организации бальнеолечения на курорте Сочи. В 1898 году после знакомства с мацестинскими источниками во «Врачебной газете» была опубликована его статья. В ней В.Ф. Подгурский писал: «Старики-черкесы из оставшихся аулов в сочинском районе подтверждают, что источники считались у народа, населявшего побережье, целебными… Я познакомился с источниками и увидел оставленные от купания ямы, а у входа в пещеры – огарки свечей и множество разноцветных развешанных тряпочек как благодарственные приношения больных, искавших и находивших исцеление». В 1902 году стараниями доктора В.Ф. Подгурского у места выхода на поверхность минеральной воды на Старой Мацесте были установлены две деревянные ванны для отпуска процедур, сооружен очаг с котлом для подогрева воды. Так, минеральная вода, получившая впоследствии мировую известность благодаря своей целебной силе, проходила первую «научную апробацию».

Наряду с климатом, основным природным лечебным фактором курорта Сочи стали сульфидные хлоридно-натриевые воды Мацесты и других, разведанных позднее месторождений. В ряду российских и зарубежных сероводородных курортов, таких, как Талги, Сергиевские Минеральные Воды, Горячий Ключ, Ейск, Кемери, Суруханы, Пятигорск, Серноводск, Шале, Стабиле, Геррогета и др., по мнению ученых, лучшим является курорт Сочи–Мацеста. Источники Мацесты стали сердцем курорта, его символом, отраженным в центре герба города. Каменный образ девушки-горянки, согласно древней легенде давшей целебную силу источникам, открывается каждому, кто проезжает по трассе Новороссийск–Сухум у мацестинского виадука. Созданный скульптором И.Я. Гуслевой, он стал олицетворением живительной силы Мацесты. На месте выхода на поверхность первых источников в районе Старой Мацесты сооружен архитектурный ансамбль и установлена мемориальная доска, напоминающая о времени зарождения научного бальнеолечения на курорте.

Какова дата образования курорта Сочи? Официальной датой, с которой эта местность стала приобретать курортное значение, принято считать 14 июня 1909 года. Тогда открылся комплекс из двух четырехэтажных гостиниц с театром, кафе, рестораном, имевший водопровод, канализацию, собственную электростанцию и получивший в противовес французской Ривьере название «Кавказская Ривьера». Его строительство начал еще в 1904 году предприимчивый московский коммерсант А.Г. Тернопольский. Он, проницательно прикинув возможные перспективы выколачивания барышей из «утомленных россиян» в этой уникальной по природно-климатическим условиям местности, прежде всего создал своему предприятию хорошую рекламу. В брошюре «Что могут сделать сочинцы для своего родного города», изданной в 1908 г. в Санкт-Петербурге, А.Г.Тернопольский писал, что красота Сочи гораздо эффектнее, чем красота таких прославленных курортов, как Ментон, Канны, Ницца, Сан-Ремо и др. Здесь же приводится ряд интересных сведений, доказывающих преимущество природных характеристик Сочи над прославленными курортами Англии, Франции и Италии. В первый же год эксплуатации отеля «Кавказская Ривьера» успех превзошел все ожидания. В 1910 г. А.Г. Тернопольский строит один трехэтажный корпус и водо-свето-электро-лечебницу. Впоследствии, полагая, что нащупал «золотое дно», с целью расширения предприятия он организует акционерное общество, в которое вошли многие сановники, члены Государственного совета, управляющие отделениями Государственного банка, директора частных банков и т.п. Среди привилегированных слоев общества начался настоящий бум по скупке участков, строительству дач и коммерческих предприятий на территории Сочи, который приобретает славу престижного и модного места. В конце 1911 года акционерное общество, созданное советником М.М. Зензиновым и доктором В.Ф. Подгурским, взяло у царского правительства в аренду на 75 лет мацестинские источники. Акционерами были предприняты весьма энергичные шаги по развитию бальнеолечебной базы. Начало активно развиваться и само поселение. На карте 1914 года «Земельные владения в Сочинском округе» показаны 150 поместий князей Юсупова, Оболенского, Голицына, Долгорукова, Муравьева, графини Голенищевой-Кутузовой, министров Ермолова, Витте, действительного статского советника Малевинского, сенатора Стаховича, миллионерши Мамонтовой и других. Дагомыс был вотчиной самодержца всея Руси, а рядом, в Уч-Дере, располагались владения его министра Аракчеева. Роскошные комфортабельные виллы и дачи кричаще выделялись на фоне убогого, утопающего в грязи городка. Однако отсутствие благоустройства, или, как принято говорить сегодня, неразвитость инженерной инфраструктуры, являлось не самой большой проблемой.

Подлинным бичом этих мест была малярия. Из-за этого страшного заболевания многие семьи поголовно вымирали. Другие уходили от гибельных для них мест, бросая хозяйства.

Как создавался курорт Сочи? Несмотря на возможный упрек в приверженности «устаревшим идеологическим штампам», подлинный расцвет курорта Сочи приходится на советский период. 20 марта 1919 года В.И. Ульянов-Ленин подписал Декрет «О лечебных местностях общегосударственного значения», ставший отправной точкой развития для всех советских курортов. Этот документ в ряду других мер декларировал: «…Лечебные местности или курорты, где бы таковые на территории РСФСР ни находились и кому бы ни принадлежали, со всеми сооружениями и движимостью, обслуживающими ранее курорт и находящимися на присоединенных и приписанных к курорту землях, составляют собственность республики и используются для лечебных целей». На основании Декрета Кубано-Черноморский ревком национализировал всю курортную недвижимость. Владельцам отеля «Кавказская Ривьера», олицетворявшего в то время курорт, был предъявлен мандат, в котором от имени рабоче-крестьянской власти отель объявлялся собственностью народа. Уже в следующем, 1921 году, на его базе был открыт первый в Сочи советский санаторий «Кавказская Ривьера». В эти годы формируются органы управления, определяются и уточняются курортные характеристики Сочинского района, осуществляются изыскательские и строительные работы. Первоначально все курортные учреждения находились в ведении Управления курортами Кубано-Черноморского ревкома, а затем в октябре 1924 года было выделено самостоятельное Сочинское курортное управление. Большое внимание в то время уделялось благоустройству курорта. Город получил водопровод и электричество. В 1924 году завершилось начатое еще 10 лет назад частным Обществом Черноморской железной дороги строительство линии, привязавшей Сочи к единой общегосударственной системе магистральных сообщений. Из многих городов и районов страны на курорт можно было добраться без пересадки одним видом транспорта. Наличие прямого железнодорожного сообщения и вытекающие из этого преимущества послужили толчком для начала интенсивных исследований перспектив развития курорта, превращение его в гигантский цех восстановления здоровья людей. Первые системные исследования Сочинского курортного региона были начаты группой студентов Московского института гражданских инженеров под руководством профессора Лунина. Затем они были продолжены в открывшемся в 1925 году первом в Сочи научном подразделении – филиале Центрального научно-исследовательского института курортологии. Детально изучались климатические и геоморфологические условия, возможности гидроминеральной базы, определялись контуры курортных, лечебных, природоохранных, санитарных, лесопарковых и хозяйственных зон, формировалась концепция развития города и курорта Сочи. Все это создало основу для выводов о чрезвычайной перспективности развертывания в Сочи крупной курортной базы.

Важнейшим этапом в развитии Сочи стало придание ему 26 мая 1925 года статуса курорта общегосударственного значения. Уже через три года здесь функционировало шесть санаториев емкостью 465 коек, 21 ведомственное учреждение курортного типа на 1175 коек, пансионат «Ривьера», центральная курортная поликлиника. Был построен новый бальнеологический корпус на Мацесте. Растущую популярность молодого курорта характеризует и тот факт, что здесь ежегодно восстанавливало свое здоровье около 15 тысяч неорганизованных отдыхающих, что по тем временам представляло собой весьма внушительную цифру. Создание города-курорта Сочи, наряду со строительством Магнитки, Днепрогэса, Комсомольска-на-Амуре, было объявлено ударной стройкой. Для руководства ею в Сочи постановлением Правительства в октябре 1933 года организован аппарат уполномоченного ЦИК и СНК СССР во главе с А.Д.Метелевым, наделенный большими правами. Был разработан первый генеральный план реконструкции курорта Сочи–Мацеста на 25-летний период. На его реализацию выделялась весьма солидная и по современным понятиям сумма – 1400 млн. рублей. Привлекались лучшие архитекторы, в том числе А.В. Щусев, Л.А. Веснин, И.В. Жолтовский, К.Н. Чернопятов, И.С. Кузнецов, Н.А. Гаврилов и другие. Особое внимание уделялось благоустройству территории, прокладке транспортных коммуникаций, формированию парков и скверов, устройству противооползневых сооружений и регулированию русел рек. Были построены хлебозавод, молочный и мясной комбинаты. В то время страна отдавала Сочи лучшее, чтобы граждане СССР имели все необходимое для полноценного отдыха и лечения. Развитие курорта Сочи было остановлено войной. В годы Великой Отечественной войны курорт превратился в крупнейшую госпитальную базу страны. Здесь было развернуто 111 номерных лечебных учреждений на 40 тысяч коек. За большую и самоотверженную работу по лечению и восстановлению здоровья воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота и за успехи в хозяйственном и культурном строительстве город Сочи был награжден орденом Отечественной войны I степени. В послевоенные годы внимание к развитию всесоюзной здравницы не ослабевало. Об этом свидетельствует тот факт, что в период восстановления разрушенного войной народного хозяйства Сочи был выделен в город республиканского подчинения. Основная группа курортных учреждений исторически сложилась в центре Сочи, в то время как в примыкающих к нему поселках Адлер, Магри, Аше, Лазаревское, Головинка, Лоо их было крайне мало или совсем не было. С целью пропорционального и комплексного развития этих районов Верховный Совет РСФСР принял решение о создании в

1961 году первого в нашей стране курортного региона Большой Сочи с единым административным управлением. В него вошли Адлерский, Хостинский, Центральный и Лазаревский районы. В 1965 г. архитекторами московского института «Гипрогор» был разработан второй Генеральный план развития Большого Сочи, принятый к реализации на период 1967–1992 гг. Генеральным планом предусматривалось формирование комплексов курортно-рекреационных учреждений на всем 145-километровом участке черноморского побережья. При этом единовременную емкость санаторно-курортных учреждений первоначально предполагалось довести до 210, а впоследствии увеличить до 450 тыс. мест. Определенным шагом вперед явилась концепция рекреационного освоения глубинных территорий курорта: вначале до 3 км от побережья, а затем до 25–30 км вглубь предгорной территории. Было принято во внимание прогрессирующее увеличение количества неорганизованных отдыхающих, приезжающих к морю в отпуск. Начало развиваться гостиничное хозяйство. Значительное развитие получило строительство пансионатов. В 1975 г. курорт Сочи принял на отдых и лечение более 3 миллионов человек, коечная емкость его санаторно-курортных учреждений выросла до 73 тыс. мест [3, 4]. К концу 70-х – началу 80-х гг. прошлого столетия Сочи полностью сформировался как круглогодичный бальнеоклиматический курорт, ресурсный потенциал которого включал несколько типов природных минеральных вод для наружного и внутреннего потребления, сульфидные иловые грязи, целебный субтропический климат с возможностью проведения талассотерапии как на естественных пляжах, так и с использованием искусственных сооружений [8]. Эффективность комплексного санаторно-курортного лечения с использованием сочетания природных физических факторов получила убедительное научное подтверждение и была доказана многолетней практикой [6]. Санаторно-курортный комплекс Сочи в этот период насчитывал свыше 200 профильных предприятий, номерной фонд которых составлял около 90 тысяч мест. Пика развития достигло и бальнеолечение. Помимо многочисленных санаториев и пансионатов, на курорте Сочи функционировало 5 курортных поликлиник, осуществлявших в течение всего года амбулаторно-курсовочное лечение отдыхающих с использованием бальнеофакторов, а санатории отправляли на Мацесту практически каждого пациента здравниц. В работавших в две смены 9 бальнеолечебницах Мацесты ежедневно отпускалось свыше 18 тысяч процедур. Рекордным по количеству предоставленных мацестинских процедур – 6,145 млн./год –стал 1981 г.[5]. Однако показателей развития курорта, намеченных вторым Генеральным планом, принятым к реализации на период 1967–1992 гг., добиться не удалось.

Что происходит сегодня? С начала 90-х годов на фоне политико-экономических преобразований государства Сочи стал постепенно деградировать и утрачивать черты курорта. Начала разрушаться сложившаяся за долгие годы система организации санаторно-курортного лечения и оздоровительного отдыха, сокращаться коечная емкость здравниц. Неуклонно уменьшалось и число отпускаемых на основе медицинских назначений бальнеологических процедур. Число круглогодичных мест на курорте Сочи к концу 2010 г. сократилось до 48 тыс. и в сравнении с 1990 г. уменьшилось более чем в 2 раза. По итогам 2010 г. санаторно-курортные учреждения приняли на отдых 0,81 млн. чел., что в несколько раз меньше показателей советского периода. В результате прошедшего масштабного процесса акционирования здравниц коренным образом изменились основные принципы организации работы всего санаторно-курортного комплекса. В условиях отсутствия государственной поддержки загрузки санаторно-курортных учреждений резко обозначилась проблема сезонности. Приоритет качества и эффективности курортного лечения стал уступать интересам коммерческого характера. В отсутствии стабильных источников финансирования для развития материально-технической базы санаториев стала снижаться их конкурентоспособность. Перепрофилирование ряда крупных санаторно-курортных комплексов в сезонные базы размещения отдыхающих подрывало курортную репутацию Сочи. Совокупность всех этих факторов крайне негативно отразилась на экономике курорта в целом. Количество рекреантов сократилось в разы, а число пациентов, пользующихся услугами Мацесты, в десятки раз.

На рисунке 1 приведены данные о количестве процедур, отпускаемых в бальнеолечебницах Мацесты с 1960 по 2012 гг. [7]. Как наглядно видно, спад числа отпускаемых процедур за период с 1990 по 2000 гг. произошел не просто резкий, а катастрофический – более чем в 9 раз. И он, к сожалению, продолжается.

В целях недопущения разрушения уникального бальнеологического комплекса в 2002 году ФНПР был основан холдинг «Бальнеологический курорт «Мацеста». Объединение в составе холдинга потенциала бальнеолечебной базы, управления «Сочиминвод», завода минеральных вод, а также ряда санаториев («Волна», «Металлург», «Москва», «Светлана», «Кудепста», СКО «Адлеркурорт») с участием в уставном капитале профсоюзной собственности позволило создать условия для обеспечения санаторно-курортного лечения с использованием бальнеофакторов курорта всем желающим на должном уровне [9]. Однако данная мера стала, пожалуй, единственным системным шагом по сохранению исторически сложившейся рекреационной специализации курорта за последние два десятилетия. Активно доминирующая в настоящее время тенденция превращения Сочи в горноклиматический курорт и спонтанная трансформация флангов курорта Сочи

(Лазаревский и Адлерский районы) в место сезонного пляжного отдыха отодвинули на задний план восстановление его бальнеолечебной составляющей.

Рис. 1. Количество бальнеологических процедур, отпускаемых на Мацесте (тыс. процедур в год)

Выводы. Сочи, возникший и развивавшийся как бальнеологический курорт в последние годы стал утрачивать свою значимость в качестве центра санаторно-курортного лечения и оздоровления с использованием богатейшего потенциала природных минеральных вод, прежде всего сульфидных вод мацестинского месторождения. Начавшись в период сложных политико-экономических преобразований государства в начале 1990-х гг., проблемы деградации курорта достигли своего пика к настоящему времени. Острота проблем такова, что впору ставить под сомнение соответствие современного Сочи статусу «курорта» с точки зрения определения содержащегося в ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» от 27.01.1995 г. В случае непринятия эффективных целенаправленных мер Сочи в ближайшие годы рискует утратить статус бальнеологического курорта федерального значения. Именно так чаще всего и происходит, когда забывают об истоках и первопричинах явления. Ведь, как доказывает история, курорт Сочи обязан своим появлением и расцветом, прежде всего, мацестинским источникам и их научно обоснованному организованному использованию при лечении широкого круга заболеваний, реабилитации и оздоровлении. Климатический курорт с морскими купаниями и горным ландшафтом мог бы, скорее всего, возникнуть в районе пос. Новомихайловское, невдалеке от г. Туапсе.

Заключение. На XIII Всероссийском форуме «Здравница-2013», состоявшемся в Сочи в мае 2013 г., в пленарном докладе академика РАМН, директора Московского НПЦ медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины А.Н. Разумова и выступлениях участников форума был сделан подробный анализ основных вызовов, с которыми столкнулась российская система санаторно-курортного лечения и оздоровительного отдыха в современных условиях. В их числе названы отсутствие государственной политики в отношении развития санаторно-курортного дела в условиях рынка, резкое сокращение числа лиц, проходящих лечение и реабилитацию в санаторно-курортных учреждениях, прогрессирующий износ инфраструктуры курортов, непомерная налоговая нагрузка и др. Эти проблемы как в зеркале отражают и остроту ситуации, сложившейся в Сочи, и требуют незамедлительных действий по его сохранению как бальнеологического курорта.

Примечания:

1. Федеральный закон от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ. «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах».

2. Федеральный закон Российской Федерации от 30 июля 2010 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с организацией и проведением XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи и развитием города Сочи как горноклиматического курорта».

3. Ермаков Б.А., Леонов В.А. Сочи – курорт. Краснодар, 1987. 224 с.

4. История Сочи в открытках и воспоминаниях. Майкоп: ОАО «Афиша», 2006. 128 с.

5. Мацеста – крупнейшее бальнео-физиотерапевтическое учреждение страны, кузница здоровья (Информационно-методическое письмо для санитарно-просветительской работы). ВЦСПС. Сочинский территориальный Совет по управлению курортами профсоюзов. Базовый санаторий им. С. Орджоникидзе. Сочи, 1983. 21 с.

6. Хутиев Т.В. Андрюха П.В. Курортная медицина. Основы организации работы курортных учреждений и врачей. Сочи, 1999.

7. Яковлев И.В., Беликов Е.П. Сочи–Мацестинский курорт, 110 лет. Становление курорта в документах и фотографиях Сочи. 2012 год. 145 с.
8. Курорты. Энциклопедический словарь / Под ред. Е.И. Чазова М., 1983. 234 с.
9. Официальный сайт Бальнеологического курорта Мацеста http://www.matsesta.info/

UDC 93

Why Did Sochi Become Balneological Resort?

Boris A. Ermakov

Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Medicine, Professor
E-mail: borisermakovsochi@gmail.com

Abstract. The paper contains the answer to the question why Sochi became balneological resort, profile of which is determined by the use of major natural therapeutic factor – sulphide chloride-sodium waters of Matsesta and others deposits, found later and estimates the current state of the resort and threats to its historically established recreational specialization.

Keywords: Sochi balneological resort; Matsesta; balneotreatment; recreational specialization.

УДК 61

Результативность реализации государственной политики в сфере здравоохранения

[1] Светлана Михайловна Цыганкова
[2] Магомет Исмаилович Гадаборшев

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26а
аспирант
E-mail: zsm@mail.ru
[2] ГБУЗ «Краевая клиническая больница № 1 имени профессора С.В. Очаповского», Россия
350900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 1 мая, д. 167
Кандидат медицинских наук, врач-уролог
E-mail: kajfman@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития российского рынка медицинских услуг, анализируется институциональная структура отечественной системы здравоохранения. Представлены выводы о результативности реализации государственной политики в данной социально значимой сфере и предложения по развитию российского здравоохранения.

Ключевые слова: государственная политика; сфера здравоохранения; целевые ориентиры развития отечественной системы оказания медицинской помощи.

Введение. Реализация государственной политики в сфере здравоохранения является одним из направлений деятельности сектора государственного управления по регулированию социально-экономических условий жизни населения. В условиях происходящих институциональных преобразований особое значение приобретает эффективно функционирующий механизм государственного регулирования, способствующий смягчению социальной напряженности и созданию условий для реализации государственных (муниципальных) услуг в сфере здравоохранения. К основным проблемам, препятствующим эффективному развитию отечественного здравоохранения, можно отнести:

- высокие административные барьеры, препятствующие участию медицинских организаций негосударственного сектора в реализации программ государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи;
- незаинтересованность медицинских организаций государственного сектора здравоохранения в результатах своей деятельности;
- отсутствие соответствующего методического обеспечения для оценки эффективности и результативности деятельности медицинских организаций, в том числе и с использованием нефинансовых показателей.

Достижение медицинскими организациями целевых ориентиров свидетельствует о результативности реализации государственной политики в сфере здравоохранения. Для того чтобы сделать соответствующие выводы, необходимо проанализировать современные тенденции развития российского рынка медицинских услуг.

Материалы и методы. Теоретическую и методологическую основу представленного в данной статье исследования составляют фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых по теории регулирования в интересах общества и теории общественного выбора. Исследованию проблем теории и методологии регулирования российского здравоохранения посвящены работы Н.А. Адамова, Ю.И. Григорьева, Н.Б. Грищенко, Р.М. Зельковича, А.Л. Линденбратена, Н.Н. Семенова, В.И. Шевского, И.М. Шеймана, С.В. Шишкина и др.

В ходе исследования применялись общенаучные методы познания, такие, как анализ и синтез, систематизация и идентификация.

По данным, представленным исследовательским центром BusinesStat, в 2011 г. объем оказываемых медицинских услуг увеличился по сравнению с 2010 г. на 19,9% и составил 1085,6 млрд. руб. (для сравнения: в 2002 г. темп роста составил 40,0% в год, в 2008 г. – 21,0%, в 2009 г. – 14,0%). Традиционно наибольшая часть медицинских услуг в 2011 г. была оказана в рамках реализации программ ОМС – 65,00% объема медицинских услуг в стоимостном выражении. Потенциально этот показатель должен увеличиваться в результате хотя и формального, но все-таки допуска коммерческих медицинских организаций к участию в реализации программ ОМС [5, 6].

Сегодня порядок распределения объемов медицинской помощи в рамках бюджета территориального фонда ОМС определяет Комиссия по разработке ТПГГ. Анализ подходов регионов к подобному распределению подтверждает тот факт, что прикладывается максимум усилий для участия в реализации программ ОМС исключительно государственных (муниципальных) учреждений

здравоохранения. Региональные власти стараются ограничить доступ медицинских организаций негосударственного сектора к бюджетным средствам. Скорее всего, главным опасением является нежелание сокращать число государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения, для которых просто не будет финансирования вследствие уменьшения объемов оказываемой ими медицинской помощи.

Большая часть россиян из-за низкой покупательской способности вынуждены обращаться в государственные (муниципальные) учреждения здравоохранения, хотя более 60% населения не устраивает существующий уровень медицинского обслуживания в них [6, 8, 10].

Согласно социологическим исследованиям, в 2010 г. каждый пятый россиянин старше 16 лет прибегал к платным медицинским услугам [2].

По данным анкетирования, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2011 г. порядка 42% граждан России платили собственные средства за медицинские услуги. Из них 34% обратились за платными услугами в государственные (муниципальные) учреждения здравоохранения и только 11% в медицинские организации негосударственного сектора здравоохранения.

Несмотря на бурные темпы развития негосударственного сектора здравоохранения в России, доля его медицинских организаций не превышает 5–10%. Для сравнения: в Израиле – 12%, в странах ЕС – 15%, в США – 20%. [4, 8, 9].

Переход российской системы ОМС на одноканальное финансирование с 2013 г. (оплата по полному тарифу) открывает перспективы для дальнейшего развития негосударственного сектора, поскольку это означает возможность доступа к государственному заказу.

Если рассматривать сосредоточение коммерческих медицинских организаций по территориальному признаку, то большая их часть сосредоточена в Москве – около 18,5% от общероссийского показателя (8824 частные клиники – это многопрофильные ЛПУ, стоматологические клиники, санаторно-курортные ЛПУ, гендерные и семейные клиники, диагностические центры и специализированные лечебные учреждения) и в Санкт-Петербурге – 7,2%.

В разрезе видов медицинской помощи негосударственный сектор в амбулаторно-поликлинических услугах занимает долю рынка порядка 20–25%, при оказании стационарных услуг 5–10%. При этом активно развиваются диагностические услуги, патронажный уход, организация долечивания, услуги врача общей практики [6, 8, 10].

Сложно сформировать целостное представление о современной институциональной структуре российской системы здравоохранения вследствие недостатка статистических данных. Согласно сведениям, представленным в Материалах I национального конгресса частных медицинских организаций, к концу 2010 г. в России насчитывалось 56 400 медицинских организаций, из них организаций негосударственного сектора – 34 800, государственных (муниципальных) учреждений – 19 800, организаций с иной формой собственности – 1 800 [2].

На рис.1 представлена структура организационно-правовых форм учреждений, которая сформировалась по состоянию на 01.01.2012 г.

Наибольшее число бюджетных учреждений зафиксировано в сфере здравоохранения – более 83,0%, в санаторно-курортной сфере и в сфере социального обслуживания – по 60,0%.

Доля казенных учреждений составила в здравоохранении – 10,0%, в санаторно-курортной сфере 25,0% и в сфере социального обслуживания – 30,0%.

Автономным учреждениям принадлежит 7,0% в сфере здравоохранения, 15,0% в сфере санаторно-курортного лечения и в сфере социального обслуживания порядка 10,0%.

В ведении Министерства здравоохранения РФ находятся 185 бюджетных учреждений и 19 казенных (из них 8 – больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением, 1 – лепрозорий, 6 – техникумов-интернатов, 3 – колледжа-интерната, 1 – интернат).

Из федерального бюджета субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственных заданий и иные цели в 2012 г. получали следующие учреждения:

- 170 учреждений получали субсидии на выполнение государственного задания и целевые субсидии, не связанные с выполнением государственного задания;
- 15 учреждений получали иные субсидии, не связанные с выполнением государственного задания.

Специализированные учреждения здравоохранения, подведомственные Министерству здравоохранения России, по статье «целевые субсидии на иные цели» получали финансовые средства на обеспечение деятельности (оказания услуг) подведомственных учреждений, оказывающих медицинскую помощь; приобретение основных средств в целях обеспечения основных видов деятельности федерального государственного бюджетного учреждения, предусмотренных его уставом; выполнение работ (услуг) по содержанию имущества; осуществление выплат стимулирующего характера руководителям федеральных государственных бюджетных учреждений; реализация мероприятий, предусмотренных долгосрочными (федеральными, государственными) целевыми программами, за исключением капитальных вложений в основные средства и др. [3].

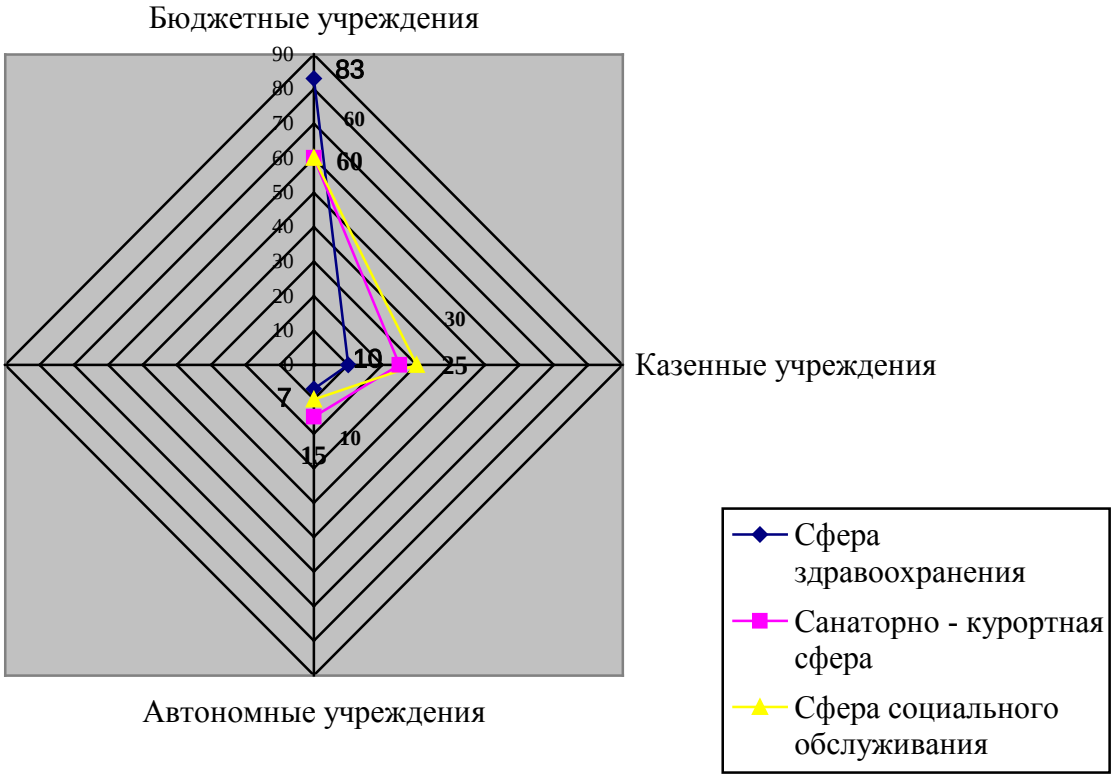

Рис. 1. Структура организационно-правовых форм учреждений социальной сферы на 01.01.2012 г., % [11]

Результаты. В Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., разработчиком которого является Минэкономразвития России, отмечено, что совершенствование системы оказания медицинской помощи в указанный период будет осуществляться в условиях неблагоприятной демографической ситуации, поскольку расчеты показывают преобладание доли населения старше трудоспособного возраста.

Тем не менее к 2018 г. планируется достижение следующих целевых ориентиров в отношении одного из важнейших показателей здоровья населения:

- снижение смертности от болезней системы кровообращения до 649,4 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от новообразований (в том числе от злокачественных) до 192,8 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от туберкулеза до 11,8 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение смертности от дорожно-транспортных происшествий до 10,6 случаев на 100 тыс. населения;
- снижение младенческой смертности, в первую очередь за счет снижения ее в регионах с высоким уровнем данного показателя, до 7,5 на 1 тыс. родившихся живыми [1].

Общероссийские данные по отдельным показателям здоровья населения страны представлены на рис. 2.

При сопоставлении фактических данных, отражающих текущее состояние показателей здоровья населения, с целевыми ориентирами, возникают определенные сомнения в вероятности их достижения. Тем не менее анализ тенденций развития рынка медицинских услуг вселяет уверенность в то, что изменение его институциональной структуры позволит приблизиться к достижению целей государственной политики в сфере здравоохранения.

Происходящие сегодня институциональные преобразования в отечественной системе здравоохранения связаны, в первую очередь, с изменением пропорций организационно-правовых форм медицинских организаций.

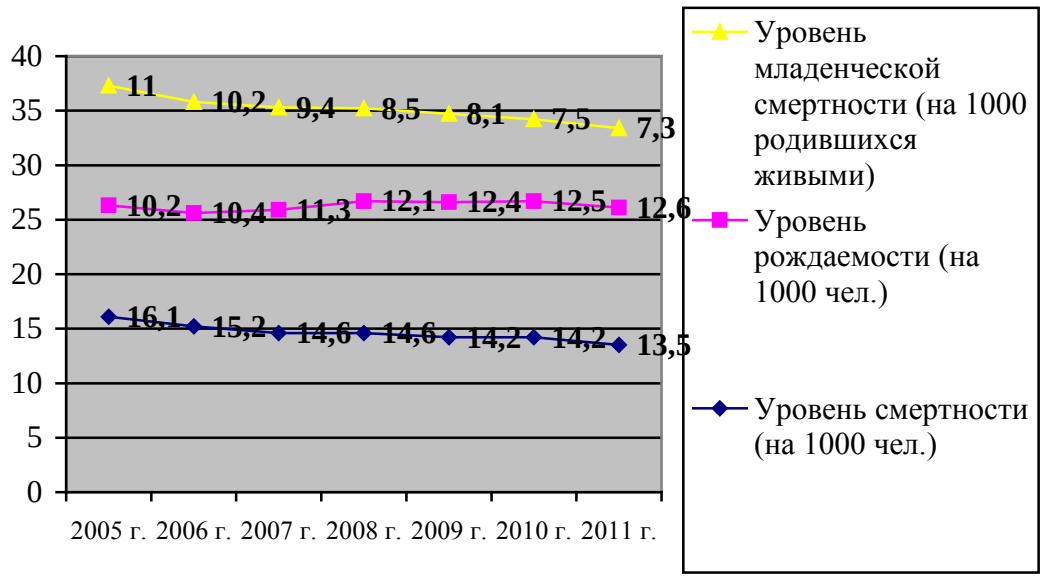

Рис. 2. Динамика отдельных показателей, характеризующих результативность реализации государственной политики в сфере здравоохранения [7]

Сегодня в России сложилась благоприятная среда для развития негосударственного сектора здравоохранения. Ежегодное увеличение «теневого» рынка медицинских услуг способствует этому – неофициальная оплата медицинских услуг, при которой отсутствуют гарантии качества работ и ответственность медицинского персонала, вынуждают все большее количество пациентов обращаться в коммерческие медицинские организации. Как ни странно, в настоящее время именно частный сектор дает гарантии качества посредством заключения договоров на медицинское обслуживание, а официальная оплата позволяет населению воспользоваться правом получения социальных налоговых вычетов в виде возврата 13% от стоимости медицинских услуг. Кроме того, конкуренция на рынке медицинских услуг вынуждает государственные (муниципальные) учреждения здравоохранения повышать качество оказываемых услуг.

Совокупность всех вышеперечисленных факторов позволит повысить уровень результативности реализации государственной политики в сфере здравоохранения, что положительно отразится на показателях здоровья населения, являющегося одним из стратегических ресурсов нашей страны.

Примечания:

1. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России).
2. Материалы I национального конгресса частных медицинских организаций // Электронный ресурс. http://www.medreestr.ru/publications/20120403120540.doc.
3. Финансирование подведомственных учреждений Минздравсоцразвития России в 2012г. Электронный ресурс. http://www.rosminzdrav.ru (дата обращения: 05.03.2013 г.).
4. URL: http://health.mail.ru/news/ru/67376/ (дата обращения: 07.03.2013 г.).
5. URL: http://marketing.rbc.ru/research/562949983244728.shtml (дата обращения: 07.03.2013 г.).
6. URL: http://planovik.ru/research/2011/09/07/5293.html (дата обращения: 07.03.2013 г.).
7. URL: http:// www.ach.gov.ru (дата обращения: 12.02.2013 г.).
8. URL: http://www.guta.ru/press/smi/2125/ (дата обращения: 07.03.2013 г.).
9. URL:http://www.rosmedstrah.ru/articles.php?show=1&id=629&offset=0&theme=26 (дата обращения: 07.03.2013 г.).
10. URL:http://www.vedomosti.ru/research/227/analiz_rynka_medicinskih_uslug_v_rossii_v_200 62010_gg#ixzz1x5u42shA (дата обращения: 07.03.2013 г.).
11. URL: http://www.rosminzdrav.ru (дата обращения: 05.03.2013 г.).

UDC 61

Efficiency of State Policy in the Field of Health Care Industry

[1] Svetlana M. Tsygankova
[2] Magomet I. Gadaborshev

[1] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Graduate
E-mail: zsm@mail.ru
[2] State-financed Health Institution 'Regional Clinical Hospital No. 1 named after Professor S.V. Ochapovsky' of the Ministry of Health of Krasnodar Region (Krasnodar)
167 Pervogo Maya Str., Krasnodar 350900, Krasnodar Region
PhD (Medicine), Urologist
E-mail: kajfman@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the trends of Russian health care market development, analyses institutional structure of the national health care system. The conclusions, concerning the efficiency of state policy realization in the field of this socially important sphere and offers on the development of Russian health care industry are presented.

Keywords: state policy; health care industry; target guidelines of Russian system of medical treatment development.

УДК 61

Оценка регулирующего воздействия как инструмент государственного регулирования в сфере здравоохранения

[1] Светлана Михайловна Цыганкова
[2] Марина Михайловна Левкевич
[3] Магомет Исмаилович Гадаборшев

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26а
аспирантка кафедры менеджмента
E-mail: zsm@mail.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26а
профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита
E-mail: lm137@mail.ru
[3] ГБУЗ «Краевая клиническая больница № 1 имени профессора С.В. Очаповского» министерства здравоохранения Краснодарского края (г. Краснодар)
350900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 1 мая, д. 167
Кандидат медицинских наук, врач-уролог
E-mail: kajfman@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из инструментов государственного регулирования – оценка регулирующего воздействия (ОРВ). Представлена иллюстрация порядка проведения процедуры ОРВ в сфере здравоохранения на примере Проекта программы государственной поддержки некоммерческих организаций, представленных как государственным, так негосударственными секторами.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия (ОРВ); инструменты государственного регулирования; сфера здравоохранения.

Введение. С 1990-х годов отечественная система здравоохранения проходит различные этапы реформирования, основной целью которых является повышение социально-экономической эффективности деятельности ее институциональных единиц. Среди наиболее значимых достижений следует отметить сложившуюся нормативно-правовую базу, стабильно функционирующую систему обязательного медицинского страхования, изменение принципов финансового обеспечения оказания государственных (муниципальных) услуг – переход к одноканальной модели финансирования, бурные темпы развития негосударственного сектора здравоохранения.

Все это стало возможным благодаря инструментам государственного регулирования, которое нельзя рассматривать как временную меру, используемую только в переходном периоде. Принимая во внимание лучшую мировую практику, можно сделать вывод о том, что государственное регулирование приобретает особое значение в условиях уже сложившейся рыночной экономики.

Сегодня в России недостаточно четко обозначено структурное наполнение механизма государственного регулирования, комплексная работа элементов которого позволит добиться основных целей государственной политики в сфере здравоохранения.

Материалы и методы. Методологическую основу представленного в данной статье исследования составляют фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых по теории управления и институциональной теории. В исследование вопросов, связанных с регулированием различных экономических систем, большой вклад внесли такие ученые, как В.И. Бариленко, А.Н. Брынцев, Т.А. Владимирова, Л. Гапенски, М.В. Мельник, В.В. Михайлов, Н.Н. Моисеев, Н.В. Фадейкина и др.

В основе исследования лежит диалектический метод, предопределяющий изучение экономических явлений в их постоянном развитии и взаимосвязи.

На протяжении ряда последних лет одним из наиболее востребованных инструментов, повышающих качество государственного регулирования, является оценка регулирующего воздействия (ОРВ), которая сегодня применяется более чем в 50 странах (см. таблицу 1).

Согласно Руководству по применению оценки регулирующего воздействия на региональном уровне, оценка регулирующего воздействия (ОРВ) представляет собой систематический процесс выявления и оценки возможных последствий введения тех или иных норм регулирования [3].

Табл. 1

Хронология применения оценки регулирующего воздействия в мире

Период	Страна
1966 г.	В Дании стала использоваться оценка экономического и административного воздействия регулирования.
1970-е гг.	США явилось первым государством, для которого стала обязательной процедура проведения ОРВ для выявления выгод и издержек регулирования. Сегодня ОРВ применяется к любому регулирующему акту, требующему свыше 100 млн. долл. годовых затрат.
С конца 1980-х	ОРВ стала использоваться в Австралии, Великобритании, Новой Зеландии. В Великобритании система ОРВ применяется повсеместно с 1998 г. С 2001 г. система оценки регулирующего воздействия получила широкое распространение в европейских странах. Все законопроекты и предложения, касающиеся государственных программ и политик, стали подвергаться оценке для определения их влияния на окружающую среду, экономику и социальную сферу.
К 1996 г.	ОРВ применяется в более половине стран – членов ОЭСР.
1997 г.	В России применяется на федеральном уровне. На постсоветском пространстве ОРВ активно применяется в странах Балтии, на Украине.

Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) является современным методом нахождения баланса между необходимым уровнем государственного регулирования и свободой действий субъектов процесса регулирования, посредством которого возможно решение таких задач, как повышение эффективности государственного регулирования; снижение общественных издержек, связанных с процессом регулирования; повышение качества и эффективности принимаемых нормативных правовых актов с позиции «затраты – выгоды»; либерализация управленческой среды в области публичного управления за счет применения практики публичных обсуждений и общественных экспертиз; сокращение степени государственного вмешательства в социально-экономическую сферу; достижение согласованности и сбалансированности государственных программ и политик; выявление возможных побочных и латентных эффектов регуляторного воздействия [4].

Основной целью процедуры ОРВ является попытка качественного улучшения процесса государственного регулирования, нахождение баланса между финансовыми интересами различных социальных слоев, в том числе на стадии подготовки проекта нормативного правового акта. Это возможно достичь путем анализа возможных результатов (эффектов) от использования отдельных инструментов государственного регулирования и выбора наиболее предпочтительного с точки зрения степени соответствия критериям целесообразности, эффективности, осуществимости и адекватности данного варианта государственного регулирования. Выбор варианта происходит через сопоставление затрат и преференций, получаемых различными группами стейкхолдеров [2].

В Постановлении Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» представлена дифференциация степени оценки регулирующего воздействия проектов актов:

1. Высокая степень регулирующего воздействия – проект акта содержит положения, устанавливающие ранее не предусмотренные законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующие их установлению, а также положения, приводящие к возникновению ранее не предусмотренных законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (абзац (а) пп. 6 п.1 Постановления Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318);

2. Средняя степень регулирующего воздействия – проект акта содержит положения, изменяющие ранее предусмотренные законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующие их установлению, а также положения, приводящие к увеличению ранее предусмотренных законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (абзац (б) пп. 6 п.1 Постановления Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318);

3. Низкая степень регулирующего воздействия – проект акта не содержит положений,

предусмотренных подпунктами «а» и «б» пп. 6 п.1 Постановления Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318, однако подлежит оценке регулирующего воздействия [1].

Сегодня определено, что процедура ОРВ может проводиться для планирования и подготовки проекта концепции государственного регулирования (предварительная оценка вариантов решения определенной проблемы (достижения цели) в рассматриваемой сфере), на стадии разработки проекта нормативного правового акта с целью выявления избыточных административных ограничений, обязанностей, расходов для социальных групп, противоречащих целям регулирования [2].

По мнению авторов, применение процедуры оценки регулирующего воздействия должно быть гораздо более широким, тем более, когда речь идет о социально значимых сферах.

В здравоохранении в первую очередь ОРВ должны подвергаться национальные проекты, реализация государственных целевых программ, правила и порядок предоставления государственной поддержки НКО и коммерческим организациям. Для выявления и конкретизации субъектов сферы здравоохранения, по отношению к которым должна применяться процедура ОРВ, необходимо проанализировать институциональную среду и определить направления институциональных преобразований в ней.

Переход России к рыночным отношениям привел к появлению платных медицинских услуг, оказываемых учреждениями здравоохранения государственного сектора сверх предлагаемых программой государственных гарантий, так и медицинскими организациями негосударственного сектора. Именно это и явилось поворотной точкой в институциональных преобразованиях отечественной системы здравоохранения. Становлению и развитию негосударственного сектора способствовали неэффективность государственного здравоохранения, выражающаяся в ухудшении показателей здоровья населения, и растущий теневой оборот, сопровождающийся неофициальными платежами пациентов.

Среди населения нашей страны увеличивается класс потребителей медицинских услуг, готовых оплачивать из собственных средств качественное медицинское обслуживание, что способствует дальнейшему развитию платного здравоохранения как в государственном, так и в негосударственном секторах.

В соответствии с Руководством по применению оценки регулирующего воздействия на региональном уровне ОРВ может также применяться в отношении проектов законов субъекта Федерации, проектов НМА Правительства субъекта Федерации и (или) органов исполнительной власти субъекта Федерации по таким вопросам, как распределение ограниченных ресурсов и государственного регулирования инвестиционной деятельности, реализация государственных целевых программ, установление правил и порядка предоставления поддержки субъектам предпринимательской деятельности, осуществления государственного контроля (надзора), установление требований для целей допуска хозяйствующих субъектов к осуществлению определенных видов предпринимательской и (или) профессиональной деятельности, предоставление государственных услуг субъектам предпринимательской и (или) инвестиционной деятельности.

Результаты. На примере Проекта программы государственной поддержки некоммерческих организаций сферы здравоохранения представим предлагаемый порядок проведения процедуры ОРВ (рис. 1).

Согласно предлагаемому порядку проведения процедуры ОРВ разработчиком Проекта региональной программы государственной поддержки НКО в сфере здравоохранения является Министерство здравоохранения субъекта РФ.

Данный орган исполнительной власти также осуществляет предварительную оценку регулирующего воздействия Проекта для того, чтобы раскрыть масштабность проблемы, выявить необходимость государственной поддержки НКО сферы здравоохранения, разработать Проект, учитывающий результаты предварительной оценки.

Экспертизу ОРВ Проекта региональной программы господдержки НКО в сфере здравоохранения и подготовку Заключения осуществляет специальный уполномоченный орган – Министерство экономики субъекта РФ.

Различные группы стейкхолдеров НКО в сфере здравоохранения принимают участие в публичных консультациях.

В сводной оценке качества ОРВ Проекта региональной программы господдержки НКО в сфере здравоохранения принимают участие Министерство здравоохранения субъекта РФ, Министерство экономики субъекта РФ и стейкхолдеры НКО в сфере здравоохранения.

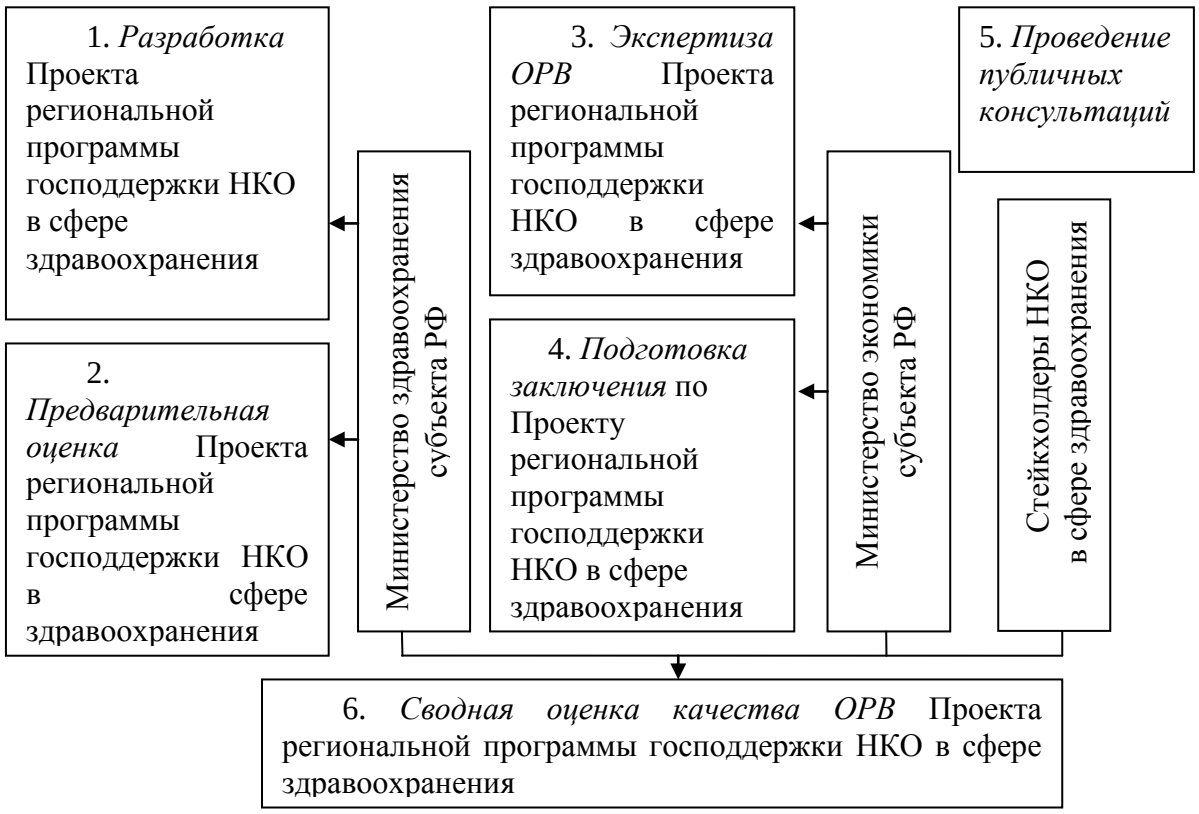

Рис. 1. Иллюстрация порядка процедуры ОРВ Проекта программы государственной поддержки некоммерческих организаций сферы здравоохранения

Органом, ответственным за проведение мониторинга результативности введенного регулирования и оценку достижения заявленных целей, проводимых на стадии реализации региональной программы государственной поддержки НКО в сфере здравоохранения, должно быть назначено Министерство здравоохранения РФ.

Встраивание процедуры оценки регулирующего воздействия в систему принятия решений не только повысит результативность публичного управления на уровне субъекта Российской Федерации, но и будет способствовать созданию благоприятной институциональной среды для деятельности НКО в сфере здравоохранения.

Примечания:

1. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии»).

2. Приказ Минэкономразвития России от 25 сентября 2012 г. № 623 «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению процедуры и порядка проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации».

3. Руководство по применению оценки регулирующего воздействия на региональном уровне. М., 2011.

4. Руденко А.М., Брюханова Н.В. Оценка регулирующего воздействия: современное состояние проблемы и перспективы применения процедуры в субъектах РФ // Сибирская финансовая школа, 2012. № 6.

UDC 61

Estimation of Regulatory Control as an Instrument of State Regulation of Health Care Industry

[1] Svetlana M. Tsygankova
[2] Marina M. Levkevich
[3] Magomet I. Gadaborshev

[1] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Management Department Graduate
E-mail: zsm@mail.ru
[2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Professor of the Accounting and Audit Department
E-mail: lm137@mail.ru
[3] State-financed Health Institution 'Regional Clinical Hospital No. 1 named after Professor S.V. Ochapovsky' of the Ministry of Health of Krasnodar Region (Krasnodar)
167 Pervogo Maya Str., Krasnodar 350900, Krasnodar Region
PhD (Medicine), Urologist
E-mail: kajfman@mail.ru

Abstract. The paper considers one of the instruments of state regulation – regulatory control estimation. The regulatory control estimation procedure in the field of public health is illustrated on the example of Project of State Support of Non-commercial Organizations, Presented by State and Private Sectors.

Keywords: regulatory control estimation; instruments of state regulation; health care industry.

Филология

УДК 80/81

Предметная область «Информатика» как когнитивно-терминологическая суперсфера

[1.] Людмила Юрьевна Буянова
[2.] Елена Григорьевна Завалей

[1.] Кубанский государственный университет, Россия
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
доктор филологических наук, профессор
E-mail: lub_prof@mail.ru
[2.] Кубанский государственный университет, Россия
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Аспирант
E-mail: elena_zavalei@mail.ru

Аннотация. В статье на материале современной предметной области (ПО) «Информатика» рассматриваются проблемы ее категориально-понятийного и терминологического структурирования; анализируется научный текст по информатике как семиотически специализированное гносеологическое пространство функционирования терминов.

Ключевые слова: терминологическая суперсфера; когнитивно-коммуникативная система; научный текст; метаязык компьютерных технологий; вербально-информационный продукт.

Введение. В 1960-х годах произошло становление новой научной дисциплины – **информатики**, базирующейся на вычислительной технике и изучающей процессы передачи, накопления, обработки и преобразования информации, актуальность которой на сегодняшний день исключительно высока, так как невозможно разобраться в работе той или иной управляющей системы, если не знать всех информационных процессов, в ней протекающих. В мире стремительно развиваются компьютерные технологии, осуществляется переход к «информационному» обществу, главным стратегическим национальным ресурсом становится именно информация. В современных реалиях весьма актуальным для большинства людей стало умение пользоваться промышленными информационными технологиями. Проникновение компьютеров во все сферы жизни общества (термины «Word», «Excel», «Internet» стали такими же обыденными, как «телефон» или «шахматы») убеждает в том, что культура общения с компьютером становится частью общей культуры человека (Ю.А. Шафрин).

Материалы и методы. Материалом исследования послужил разножанровый текстовой массив, репрезентирующий специфику научного текста по информатике/информационным технологиям как особого когнитивно-семиотического феномена. Использовались следующие методы исследования: описательный, деривационного моделирования, понятийной категоризации, сравнения, наблюдения, систематики, контекстный, дефиниционного анализа, структурно-семантический, когнитивный и др.

Обсуждение. Информационные сети и компьютеры на сегодняшний день являются базовыми технологиями, практически повсеместно доступными, которые обеспечивают человеку возможность пользования информацией в любой точке земного шара, то есть происходит объединение различных информационных пространств в одну *общую информационную суперсферу*. Осуществляется своеобразная «глобализация мировой информационной среды» (П.Е. Кондрашов), через которую люди приобщаются к мировым научным и культурным ценностям, ощущая себя единой цивилизацией (Э.А. Витол).

В качестве одного из факторов мощного развития компьютерных технологий и предметной области (ПО) «Информатика» в целом за последнее десятилетие выступает потребность оперативно перерабатывать огромный массив научно-технических и деловых документов, написанных на русском и других мировых языках. Такие запросы информационно-вычислительной индустрии подталкивают к созданию алгоритмов автоматической обработки и анализа текстов различных отраслей знаний, на базе которых создаются рабочие программы для компьютеров на языках программирования различных уровней. Таким образом, выделение совокупности дисциплин, обозначающихся термином «информатика» и изучающих процессы получения и преобразования новой информации, ее свойства, а также способы представления, накопления, обработки и передачи информационных продуктов как самостоятельной области науки, в первую очередь связано с развитием компьютерной техники и телекоммуникационных средств связи. Метаязык

информационных технологий, который относится к подъязыкам высокого ранга (З.И. Комарова, С.В. Краев), также стремительно развивается, «насыщаясь» все новыми и новыми знаками, формируясь как уникальное вербально-семиотическое образование, характеризующееся рядом прагматических особенностей.

Однако и в наши дни обращает на себя внимание тот факт, что термины предметной области «Информатика», как показывает анализ научной литературы, еще не подвергались системному лингвокогнитивному исследованию, не параметрировались их лексико-семантические, семиотико-прагматические и деривационно-функциональные особенности. Тексты предметной области «Информатика», будучи особыми вербально-информационным продуктами и обладая свойствами единства материального и идеального, субъективного и объективного, индивидуального и социального (С.В. Канныкин), выступают ключевыми элементами компьютерно-технологической когнитивно-коммуникативной системы, организующей информационное пространство, способствуя формированию ментальных структур и семиотико-терминологического континуума данной предметной области.

В ходе изучения ПО «Информатика» рассмотрена особая значимость для становления и эволюции данной ПО именно узкоспециальных терминов как семиотических ключей, обладающих следующими параметрами когнитивной идентификации: 1) наличие прямой зависимости семантики узкоспециального термина от его деривационной структуры; 2) наличие прямо пропорциональной зависимости между тематико-понятийной ценностью узкоспециального термина в концептуально-терминологическом поле и числом производных дериватов: наиболее значимый в научной теории и системе термин способен продуцировать большее количество дериватов, отражающих стадии и этапы развития познания; 3) способность кодирования информации в деривате посредством терминообразующих суффиксов, выступающих узкоспециальными формантами, а также возможность понятийного декодирования, т.е. «расшифровка» термина по формантной части [1].

В процессе анализа установлен как максимально плодотворный в данном аспекте деривационно-функциональный подход, позволяющий констатировать реализацию терминологической деривации в языке науки и в ПО «Информатика» посредством системы особых деривационных механизмов, то есть специфических действующих правил, приемов моделирования, способов и средств создания новых вторичных единиц (см. подробнее: [2–4]). В силу этого отличительными признаками научного текста являются термины как вербально-семиотические единицы; единицы-репрезентанты когнитивности; логическая последовательность изложения; когнитивная точность излагаемой информации; убедительность аргументации, формальная сжатость и лаконичность с подчеркнутой направленностью на читателя-специалиста. Для научного текста, по мнению некоторых исследователей, часто характерно отсутствие модальности. Бесстрастность, логичность, аргументированность как важнейшие свойства научного текста обычно не оставляют места субъективно-оценочной модальности, поэтому в таких текстах модальность можно определить как нулевую (И.Р. Гальперин).

В ходе исследования значительного массива эмпирического материала научный текст по информатике охарактеризован как когнитивно специализированное порождающее деривационное поле, продуцирующее дериваты в соответствии с направленностью процессов научного поиска (познания) и потребностью в номинации данных процессов, стадий, этапов, результатов когнитивно-гносеологической деятельности познающего субъекта науки. В данной предметной области как суперсфере описана следующая закономерность: наибольшее количество дериватов продуцируют так называемые «ядерные (базовые)» термины – производящие слова, обладающие высокой тематико-концептуальной и логико-предметной аспектуальностью, информационной ценностью; также представлено развитие терминодеривации по принципу (модели) цепной реакции (см., напр.: [5]). Перспективы: характеризация и описание действия в терминосистеме информатики всеобщего закона понятийно-суффиксальной дифференциации и специализации; показ понятийно-категориальной производности / выводимости терминосистемы ПО «Информатика» из логико-концептуальной системы; рассмотрение информтермина (термин Л.Ю. Буяновой) как ментально-семиотической основы и результата деривации; выявление зависимости способа терминообразования от понятийной сложности продуцируемого понятия.

В процессе анализа вербально-семиотической специфики средств и способов репрезентации научной информации в данной ПО рассмотрены аспекты ее представления не только в форме текста, а также в виде графиков, чертежей, рисунков, символов различного рода и типов, графем и пр.; изучена и систематизирована терминосфера языка информационных технологий в плане специфических лексико-семантических и деривационно-метаязыковых параметров с учетом того, что метаязык компьютерных наук предназначен для обмена информацией и является вербальным посредником в процессах овладения знаниями в сфере информатики (см. подробнее: [6–7]). Язык символов – один из наиболее информативных языков науки, важную роль в нем играют различного рода математические символы, обеспечивающие возможность не только точного выражения научной мысли, но и логического анализа и обработки содержащейся в научном знании информации (А.А. Ивин).

Перспективы исследования: многоаспектный анализ и описание в русле когнитивной текстологии и функциональной дериватологии специфики научного текста по информатике в плане его морфологического, лексико-терминологического, семиотического, символьно-графического и синтаксического оформления; углубленное рассмотрение функционально-когнитивной нагрузки в научном тексте терминов различного индекса специализированности; рассмотрение научного текста как особой семиотико-гносеологической сферы актуализации термина как единицы логоса (см., в том числе, лингвориторический подход к исследованию логосно-тезаурусно-инвентивных параметров дискурса и текста в работах [8, 9] в связи с собственно научным стилем [10,11]) и единицы лексиса.

Результаты и выводы. В метаязык лингвистики введен новый теоретико-терминологический материал, разработаны в интерпретационном плане новые определения и дефиниции; предложены новые для теории языка понятия и термины и проведено их когнитивно-вербальное параметрирование; разработана классификационная карта терминов ПО «Информатика», внесен вклад в теорию термина и теорию предметной области; охарактеризована как когнитивно-терминологическая суперсфера предметная область «Информатика».

Таким образом, системное представление ПО «Информатика» как когнитивно-терминологической суперсферы дает возможность более детального представления теоретико-методологических основ и принципов исследования в парадигме семиотики и функциональной дериватологии многоаспектной проблематики термин/знак/деривация/текст/суперсфера. Это дает возможность применения разработанной методологии и методики анализа, полученных выводов для дальнейших исследований и описаний других предметных областей и их терминосфер на интегративной когнитивно-деривационной платформе.

Примечания:

1. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса: Монография. М.: Наука; Флинта, 2012. С. 119-120.

2. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация: лингвофилософское осмысление // Текст. Интертекст. Перевод. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 12-42.

3. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: Монография. Ставрополь: СГУ, 2010. 283 с.

4. Буянова Л.Ю. Вербально-семиотический модуль «Рынок» как доминанта русской финансово-экономической картины мира // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. 2. № 3. С. 87-90.

5. Буянова Л.Ю. Когнитивно-категориальная стратификация как механизм эволюции терминосистемы // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 168-171.

6. Буянова Л.Ю., Завалей Е.Г. Паралингвистическое поле языка информационных технологий // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. Ставрополь: СГПИ, 2010. С. 350-357.

7. Завалей Е.Г. Семиотика текста как феномен культуры // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6 (25). С. 94-95.

8. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.

9. Ворожбитова А.А. Комплексное исследование дискурсивных процессов в российском социокультурно-образовательном пространстве XIX–XXI вв.: программные установки лингвориторической парадигмы // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 1 (19). С. 182-185.

10. Дружинина В.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев): Монография. Сочи: РИО СГУТиКД, 2005. 152 с.

11. Ворожбитова А.А., Кузнецова Л.Н. Лингвориторика дискурсивных процессов: типология интертекстуальных включений в научно-интерпретативном дискурсе филолога как профессиональной языковой личности // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 3 (21). С. 182-186.

UDC 80/81

Subject Matter ‘Computer Science’ as Cognitive-Terminological Super Sphere

[1.]Ludmila Y. Buyanova
[2.]Elena G. Zavaley

[1-2.] Kuban State University, Russia
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040 Doctor of Philology, Professor
[1] E-mail: lub_prof@mail.ru
[2.]E-mail: elena_zavalei@mail.ru

Abstract. The article, using the data of modern subject matter ‘Computer Science’, considers the problems of its category-conceptual and terminological structuring, analyses computer science text as semiotically specialized gnosiological environment of terms functioning.

Keywords: terminological super sphere; cognitive-communicational system; scientific text; metalanguage of computer technologies; verbal and information product.

УДК 81

Журналист как профессиональная языковая личность в лингвориторике современного российского глянцевого дискурса

[1] Александра Анатольевна Ворожбитова
[2] Олег Владимирович Скулкин

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26а
доктор филологических наук,
доктор педагогических наук, профессор,
E-mail: alvorozhbitova@mail.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26а
аспирант кафедры русской филологии
E-mail: skulkin@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается современный отечественный дискурс глянцевых журналов в аспекте его продуцирования журналистом как профессиональной языковой личностью. Исследуется лингвориторическая (ЛР) специфика речемыслительного процесса журналиста в данном типе масс-медиа по формированию инвариантного ядра и вариативных компонентов двух гендер-идеалов в дискурсе российского глянца.

Ключевые слова: лингвориторическая (ЛР) парадигма; дискурс глянцевых журналов; маскулинный / феминный гендер-идеал; профессиональная языковая личность журналиста.

Введение. Объектом изучения избран глянцевый журнальный дискурс начала XXI в. в России, предметом – лингвориторические (ЛР) параметры современного отечественного гендер-идеала обоих типов, маскулинного и феминного, в аспектах инвариантного ядра и вариативных особенностей. Журналист – продуцент данного типа дискурса, так называемых «журналов об образе жизни», рассматривается как профессиональная языковая личность, с учетом жанрово-стилевой специфики «глянцевых масс-медиа». При этом выявляются отличительные особенности реализации универсальных ЛР параметров речемыслительного процесса по формированию гендер-идеала в дискурс-ансамбле российского глянца.

Материалы и методы. Проанализированы подборки глянцевых журналов: мужских («FHM», «GQ», «Maxim») и женских («Glamour», «Cosmopolitan», «Vogue») – за 2009–2013 гг. С позиций интегративной ЛР теории и методологии [1, 2] применялись методы описательного, контекстуального, концептуального, риторического, дискурсивного анализа, интертекстуального сопоставления, дистрибутивный, герменевтико-интерпретационный; методики наблюдения, описания, языкового и внеязыкового соотнесения.

Обсуждение. Глянцевый журнал на прилавке и на витринах газетного киоска – неотъемлемый атрибут существования российской коллективной языковой личности в наши дни. Данный тип изданий представляет собой результирующий коммуникативный продукт речемыслительной деятельности профессиональной языковой личности журналиста (мы говорим как об индивидуальной языковой личности продуцента, так и об обобщенном ее типе), а также, в силу коллегиальности формирования журнального дискурса, групповой, точнее – корпоративной языковой личности. В целом в данной функции условно выступает такая группа сотрудников, как «редакция (редколлегия) журнала»; ее ядром является «креативная группа». Творческие подпроцессы профессиональной деятельности данного коллегиального субъекта: дискурсивно-текстообразующий и дискурсивно-визуализирующий – разворачиваются в ситуации (и детерминируются ею) острой конкурентной борьбы с другими аналогичными в плане жанра и адресата (мужской или женский читательский контингент) изданиями, которые в совокупности составляют дискурс-ансамбли российских глянцевых журналов для мужчин и для женщин. Нами дифференцированы два типа продуцентов глянцевого дискурса: непосредственный и опосредованный продуценты той или иной конкретной глянцевой дискурс-практики.

1. Непосредственный продуцент глянцевой дискурс-практики. В качестве «непосредственного продуцента» глянцевого дискурса выступает журналист как профессиональная языковая личность в составе корпоративной языковой личности данного института масс-медиа и конкретного издания. Его правомерно рассматривать как важнейший творческий элемент редакционно-издательского механизма функционирования и развития глянцевого журнала об образе жизни. Конечная *цель данного типа профессиональной языковой личности* – обеспечить положительную динамику коммерческого успеха каждого очередного номера журнала.

Соответственно, основные задачи 1-го уровня, реализуемые в дискурсивно-текстообразующем процессе и изначально организующие творческую речемыслительную деятельность «глянцевого журналиста», его ЛР стратегию и тактику, таковы:

– обеспечить быструю и стопроцентную раскупаемость тиража, в идеале – создать ситуацию потребности в печати дополнительного тиража каждого номера (как сверхзадача);

– сформировать активное внимание рекламодателей к изданию (желательно формирование очереди и конкурсная основа предоставления печатной площади для рекламы).

Названные сверхзадачи экстралингвистического уровня квалифицируются нами в качестве ведущих для суперсферы социокультурной коммуникации в области масс-медиа. Решение данных задач обеспечивается оптимальным выполнением соответствующих задач дискурсивного уровня, которые их технологически конкретизируют:

– предоставить потенциальному читателю интересный, привлекательный в эмоционально-психологическом плане материал для восприятия, обеспечить повышенное многоканальное воздействие на сознание и подсознание воспринимающей языковой личности благодаря синергетическому эффекту взаимодействия визуально-невербального и вербально-текстового блоков журнальной дискурс-практики;

– представить очередную продукцию рекламодателя («новый рекламный повод») либо уже рекламировавшуюся в прошлых выпусках продукцию («текущий рекламный повод») потенциальному потребителю в выгодном, эмоционально привлекательном свете, убедить его в необходимости ее приобретения на всех уровнях речевого воздействия (вербальные уровни аргументации: логический, психологический; невербальные: наглядно-фактографический, образно-художественный). Это осуществляется двумя основными способами:

1) *параллельно* с основным материалом содержательно-информационной части журнала (инвентивный стержень данного номера как очередного компонента общей дискурс-практики издания, формируемый «темой номера»), т.е. *эксплицитно;*

2) *интегрированно*, в рамках основной информации, зачастую завуалированно и косвенно, т.е. *имплицитно*.

В плане постановки проблемы отметим возможность аналогии с типами грамматической связи между предложениями в сложном синтаксическом целом (ССЦ). Напомним, что в аспекте тема-рематической организации выделяются цепная и параллельная виды связи. На материале исследуемого нами глянцевого журнального дискурса правомерно поставить вопрос о типах, во-первых, тема-рематических сцеплений на дискурсивном уровне, во-вторых, на этом же или на ином уровне анализа связать последние с жанрово-стилевой многослойностью глянцевого журнального дискурса. Второй аспект обусловлен тем, что в последнем наблюдается наличие и тесное переплетение таких подвидов институционального дискурса масс-медиа, как: 1) рекламный дискурс: 1.1) дискурс социальной рекламы; 1.2) дискурс коммерческой рекламы; 2) PR дискурс: 2.1) дискурс PR-имиджирования; 2.2) дискурс PR-брендинга; 2.3) дискурс корпоративной культуры; 2.4) дискурс медиарилейшнз; 2.5) дискурс PR-кампаний; 3) собственно журналистский дискурс: 3.1) информационный; 3.2) проблемный; 3.3) развлекательный. К жанру «проблемной статьи» применительно к глянцевому дискурсу мы относим популярный уровень обсуждения тех или иных значимых для современного человека вопросов повседневной жизни. Такие инвентивные доминанты, как карьера, здоровье, мода, секс, отношения, борьба со стрессами, психология успеха выявлены нами в качестве инвариантных компонентов мужских и женских глянцевых журналов. Гендерно-специфическими правомерно назвать такие темы для обсуждения, как, например, «выбор автомобиля», «компьютерные игры», «новинки сферы высоких технологий», «спорт» в журналах для мужчин и «красота, уход за телом», «как понравиться достойному мужчине» и т.п. в женских журналах.

В целом наличие охарактеризованных выше двух способов интертекстуальных включений фрагментов рекламного и PR типов дискурса в собственно журналистский можно квалифицировать – с учетом категории интертекстуальности – как следующие типы связи дискурсивных фрагментов: 1) эксплицитно-параллельное межжанровое дискурсивное сцепление; 2) имплицитно-интегрированное межжанровое дискурсивное сцепление. При этом интертекстуальность осуществляется в режиме жанровых включений рекламного и PR дискурсов в информационно-проблемно-развлекательный текстовой массив основных жанров журналистики (письмо главного редактора, обзор, интервью, статья, информационная заметка, анонс и др.). По аналогии с явлениями и понятиями истории конвергентного развития языков на базе субстрата или суперстрата уместна частичная экстраполяция данного принципа на дискурс журнального глянца. При этом можно выделить следующие типы интертекстуальных включений:

1) дискурс-основа (субстрат) – журналистский дискурс информационного, проблемного, развлекательного характера; интертекстуальные включения (суперстрат) – рекламные / PR вставки (от буквальных наименований до аллюзий, намеков и т.д.), интегрированные в инвентивно-диспозитивный каркас и элокутивное наполнение базового нарратива;

2) дискурс-основа (субстрат) – рекламный / PR дискурс с характеристикой / рекламируемого / пропагандируемого объекта, явления, процесса или персоны в его основном, «развернутом» виде; интертекстуальные включения (суперстрат) – информационно-проблемно-развлекательные элементы внерекламного характера, вплетенные в ткань основного изложения.

Убеждение адресата достигается, в том числе, системой эксплицитно разворачиваемых вербальных аргументов. Доводы «к этосу», «к логосу» и «к пафосу» (в связи с последним см. работы по экспрессивному синтаксису, напр., [3–7]): апелляция к категориям престижа, здоровья, привлекательности для противоположного пола и т.д. – выстраиваются с опорой на известный перечень базовых человеческих потребностей, по А. Маслоу. При этом в дискурсивном пространстве возникает синергетический эффект от комплексного воздействия также невербальных аргументов визуального блока. Они действуют на органы восприятия реципиента на основе принципов наглядности, яркости цветовых решений, эстетики транслируемых в подсознание образов рекламируемых товаров. В мужских журналах дополнительным средством снятия барьеров в сознании и открытия каналов доступа информации непосредственно в подсознание выступают визуальные ряды фотосессий эротических женских образов. Титульный снимок фотосессии, как правило, вынесен на обложку, привлекая покупателей сквозь стекла витрин по сигнальному принципу апелляции к одной из базовых человеческих потребностей. Соседство данного «аранжирующего» подтипа визуального ряда с основным, «рабочим» его подтипом – фотообразами рекламируемых товаров для мужчин, от автомобилей и яхт до аксессуаров, выступает одним из блокираторов для сознания, активно внедряя в подсознание реципиента идеи, центральные для журналиста и рекламодателя (производителя или посредника в реализации того или иного дорогостоящего товара). При этом «товарный ряд» визуального блока является основным для журналиста и рекламодателя, в то время как для читателя, чье внимание захвачено эротическим рядом визуального блока, товарный ряд последнего, напротив, выступает в роли как бы «ненавязчиво вспомогательного».

2. Опосредованный продуцент глянцевой дискурс-практики. В качестве «опосредованного продуцента» той или иной конкретной журнальной дискурс-практики выступает заказчик-рекламодатель (в широком смысле – заказчик PR-кампании), цель которого – реализовать предлагаемый товар / услугу в массовом масштабе. Данный действующий элемент в механизме индустрии глянцевых масс-медиа выступает «идейным вдохновителем» в аспекте материальной составляющей формируемого изданием идеала образа жизни для современного россиянина – потенциального читателя. С позиций необходимости анализа «фактора адресата» (Н.Д. Арутюнова) к последнему следует отнести такие слои населения – социостратные прослойки коллективной языковой личности реципиента, как, например, «богатые люди» и так называемый «средний класс», воспринимающий глянцевый журнал как привлекательный атрибут «красивой жизни». Заказчик становится также источником материального обеспечения и стимулирования выпуска журнала. (См. в связи с этим также работы [8–10].

Специфика *функций* первого и второго продуцентов заключается в следующем: журналист продуцирует и выстраивает контент (наполнение) очередного выпуска издания таким образом, чтобы в его рамки можно было встроить товары и услуги, которые предлагает рекламодатель. Кроме того, контент подбирается не только с учетом возможности некоего симбиоза с рекламой, но и с учетом интересов потенциальных читателей, которые впоследствии и выступят в роли покупателей. При этом опосредованный продуцент – рекламодатель – предлагает журналисту вписать свой товар в концепцию издания или подготовить новые материалы, которые помогут пробудить в реципиенте тягу к покупке его товара.

Таким образом, в результате анализа роли и функций участников массовой коммуникации на базе дискурса глянцевых журналов, мы приходим к трехкомпонентной системе, которая представлена позициями рекламодателя, журналиста и читателя (рис. 1).

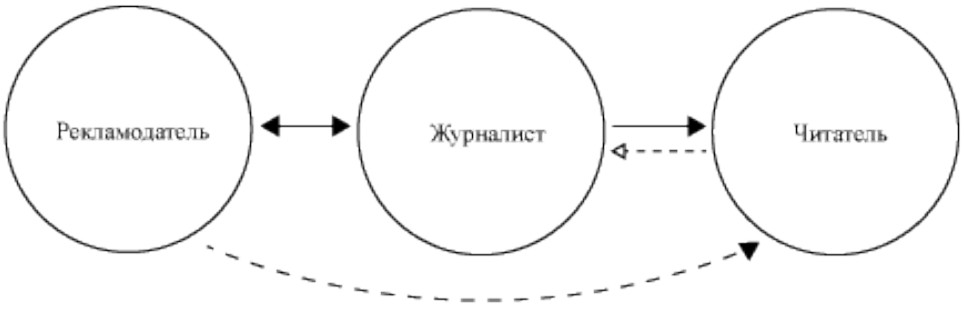

Рис. 1. Схема взаимодействий участников коммуникации в рамках дискурса глянцевого журнала – процесса и продукта речемыслительной деятельности журналиста как профессиональной языковой личности

Заключение. Итак, обобщающая схема демонстрирует, что первые два действующих элемента «корпоративного продуцента» как подвергаются воздействию, так и оказывают его: рекламодатель ставит условия, необходимые для успешного проведения рекламной или PR кампании, журналист же создает благоприятную почву для ее проведения, внося творческие предложения и привлекая необходимую рекламодателю аудиторию. Таким образом, первые два элемента пребывают в перманентном творческом взаимодействии, по сути – рекламно-информационном симбиозе. Последний элемент схемы – читатель – лишь подвергается воздействию, причем как со стороны журналиста, который оказывает прямое влияние на читателя посредством своих текстов, так и со стороны рекламодателя, оказывающего как прямое влияние (рекламные объявления), так и косвенное («замаскированные», имплицитные рекламные и PR-тексты). Отчасти отдельные активные (и имеющие свободное время) читатели могут, вступая в переписку с журналом, а также публикуя свое мнение в социальных сетях, обеспечивать определенное подобие обратной связи журналисту.

Примечания:

1. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. C. 183-190.

2. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532-1537.

3. Щербань Г.Е. Функции частиц в конструкциях экспрессивного синтаксиса // Дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2002.

4. Щербань Г.Е. Частица ИМЕННО как средство актуализации ремы в конструкциях экспрессивного синтаксиса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. XI. Владикавказ, 2009. С. 245-249.

5. Щербань Г.Е. Текстовые функции частицы И ВОТ // Вестник Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова. 2009. № 1. С. 28-33.

6. Щербань Г.Е. Модальные частицы как средство передачи подтверждения в вопросно-ответной сегментации авторского монолога // Известия КБНЦ РАН. № 1 (27). 2009. С. 151-159.

7. Щербань Г.Е. Частица ДАЖЕ как средство организации экспрессивного повтора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, 2011. № 13. С. 306-309.

8. Буянова Л.Ю. PR-текст как суггестивно-информационный феномен: специфика вербально-семиотической и прагматической репрезентации // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. тр. Выпуск 13. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2012. С. 8-12.

9. Буянова Л.Ю., Ежова Е.Н. Российская рекламно-информационная картина мира: объектно-прагматическое и социально-культурное измерение // Культурная жизнь Юга России. № 3 (32). Краснодар, 2009. С. 96-98.

10. Буянова Л.Ю. Вербально-семиотический модуль «Рынок» как доминанта русской финансово-экономической картины мира // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. 2. № 3. С. 87-90.

UDC 81

Journalist as Professional Linguistic Personality in Linguistic Rhetoric of the Modern Russian Glossy Discourse

[1.] Alexandra A.Vorozhbitova
[2.] Oleg V. Skulin

[1.] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Philology, Doctor of Education, Professor
E-mail: alvorozhbitova@mail.ru
[2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Graduate
E-mail: skulkin@inbox.ru

Abstract. The article is focused on modern Russian discourse of glossy magazines in the aspect of its production by a journalist as a professional linguistic personality, studies linguistic & rhetorical (L&R) peculiarity of verbal and cogitative process of a journalist in this type of mass media on the formation of invariant core and variative components of two gender-icons in Russian glossy discourse.

Keywords: linguistic & rhetorical (L&R) paradigm; discourse of glossy magazines; masculine / feminine gender-icon; professional linguistic personality of a journalist.

УДК 81

Эзотерический дискурс-ансамбль в системе дискурсивных процессов гносеологически ориентированной коммуникации российского социкультурно-образовательного пространства

[1.] Александра Анатольевна Ворожбитова
[2.] Лидия Леонидовна Романенко

[1.] Сочинский государственный университет, Россия
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26а
доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор
E-mail: alvorozhbitova@mail.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000 г. Сочи, ул. Советская, 26а
аспирант-выпускник
E-mail: Romanenko-KV@yandex.ru

Аннотация. Эзотерический дискурс-ансамбль как совокупность дискурс-практик квалифицируется в качестве актуального компонента системы дискурсивных процессов гносеологически ориентированной коммуникации российского социокультурно-образовательного пространства с позиций лингвориторической парадигмы (проект НИР № 6.3660.2011, МОиН РФ). Рассмотрены внешние системные отношения эзотерического дискурса (ЭД) с др. институциональными видами дискурса, смежными в рамках данной коммуникативной сферы. Выявлены внутренние системные связи русского (российского) эзотерического дискурс-ансамбля в аспектах парадигматики, синтагматики, эпидигматики дискурсивных подпластов.

Ключевые слова: лингвориторическая (ЛР) парадигма; дискурсивные процессы; социокультурно-образовательное пространство; гносеологически ориентированная коммуникация; эзотерический дискурс-ансамбль; дискурс-практика; эзотерическая языковая личность; дискурс-парадигматика; дискурс-синтагматика; дискурс-эпидигматика.

Введение. Цель статьи – представить системную характеристику эзотерического дискурса (ЭД) как процесса и продукта речемыслительной деятельности продуцента соответствующего типа – эзотерической языковой личности. Задачи: 1) дать общую характеристику специфики ЭД и эзотерической языковой личности; 2) обобщить результаты рассмотрения внешних системных отношений ЭД с институциональными и др. видами дискурса, смежными с ним в рамках гносеологически ориентированной коммуникации; 3) выявить внутренние системные связи современного российского эзотерического дискурс-ансамбля в аспектах парадигматики, синтагматики и эпидигматики дискурсивных подпластов, включающих частные дискурс-практики и их группы.

Материалы и методы. ЛР парадигма базируется на пересечении трех понятийно-терминологических рядов: уровни структуры языковой личности (по Ю.Н. Караулову); этос, логос и пафос как идеологические компоненты речемыслительного процесса; этапы универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» (инвенция, диспозиция, элокуция) [1, 2]. Текстовой массив отечественных и переводных изданий эзотерического содержания, пользующихся спросом у массового реципиента, системно и комплексно исследован в работах представителей Сочинской ЛР школы как коллегиальной языковой личности ученого (см.: [3]) на новом теоретико-методологическом уровне (см., напр.: [4–6]). В русле интегративного ЛР подхода применялись общенаучные и филологические методы анализа; сопоставительный метод для выявления общего, типологического, а также идиоэтнического и идиоспецифического на уровнях дискурс-практик и дискурс-ансамблей.

Обсуждение. В структуре социокультурно-образовательного пространства, наряду с собственно социокультурной (политический дискурс, масс-медиа и др.) и литературно-художественной коммуникативными сферами в качестве ведущей нами выделяется *гносеологически ориентированная коммуникация*. В ее рамках заслуживает особого внимания *эзотерический дискурс* (ЭД), который не квалифицируется в имеющихся источниках как институциональный, однако занимает достаточно обширную социальную нишу. Это происходит в форме наличия, во-первых, официально зафиксированных эзотерических обществ, во-вторых, множества зарегистрированных экстрасенсов и целителей, чьи объявления и интервью занимают целые страницы в СМИ, в-третьих, армии индивидуальных почитателей изданий эзотерического содержания, о которой свидетельствую их большие тиражи и быстрая раскупаемость. В качестве постановки проблемы отметим правомерность вопроса о присвоении ЭД статуса институционального в аспекте способа когниции, осуществляемой в его рамках языковой личностью, системно

противопоставленного научному и религиозному способам познания как третий член базовой трихотомии гносеологически ориентированной коммуникации. В качестве одного из оснований можно привести тезис из «Новейшего философского словаря» (Мн., 2001) о том, «эзотеризм – тип рациональности в культуре (наряду с религиозным и научным), подвергающийся, начиная с 19 в., осознанной концептуализации и рефлексии. … Взаимные оценки и взаимоотношения между эзотеризмом, наукой и религией позволительно интерпретировать как вполне изоморфные. С позиций любой из этих духовных традиций, остальные являют собой ее частный случай». С опорой на другие формулировки словарной статьи «Эзотеризм», в том числе фундаментальных тезисов последнего (по В.М. Розину), дадим общую характеристику особенностей *эзотерической языковой личности* как продуцента данного типа дискурса. Основы формирования специфики ее *лингвокогнитивного уровня* (единицы – понятия, идеи, концепты и др. ментальные структуры) заключаются в том, что истоками эзотеризма являются «миропостигающие процедуры, а также психо- и аитропотехники, присущих Иисусу Христу, Будде и гностикам». Ведущими мировоззренческими установками и идеологическими стереотипами выступают такие, как «критика ценностей обыденной жизни и культуры; вера в существование иной, подлинной, эзотерической реальности; убеждение, что человек способен при жизни интегрироваться в эту реальность – при непременном условии трансформации своей личности, интенсивной духовной работы, переделки себя в иное существо; признание соотнесенности микро- и макрокосма, особой роли Луны; важность освоения различных психотехник». Вышесказанным детерминирована специфика *вербально-семантического уровня* (единицы – слова, грамматические модели) в аспекте актуализируемых лексико-семантических групп на уровне языковых операций. *Мотивационный уровень* эзотерической языковой личности (единицы – деятельностно-коммуникативные потребности, мотивы речемыслительных поступков, интересы) можно охарактеризовать через «конечную цель эзотерических усилий, нередко обозначаемых как «полет в себя», – попадание в истинный мир своего учения… Внутренний преобразованный мир эзотерика расширяется до пределов мира внешнего, замещает его. Данная стратегия эзотеризма аналогична версии исихазма – обретению земного рая еще при жизни» [7].

ЭД вступает в сложные системные отношения с другими видами дискурса, формирующими гносеологически ориентированную коммуникативную сферу. В ее рамках с ним соседствуют в качестве основных такие виды и разновидности дискурса, как *философский, научный* и *педагогический, религиозный и метафизический,* а также *парапсихологический* и *психолого-прагматический*. Результаты анализа лингвистической литературы позволили заключить, что статус институционального среди названных имеют следующие виды дискурса: научный, религиозный, педагогический. Остальные типы дискурса группируются вокруг них как некие разновидности, конкретизированные варианты, смежные дискурсивные типы и подтипы, не имеющие одноименных социальных институтов. Таким образом, виды гносеологических дискурс-ансамблей различаются в аспекте статусно-видовых отношений, однако путем сложных взаимодействий на всех уровнях своей инвентивно-элокутивной координации они зачастую взаимопроникают друг в друга. Как показали результаты исследования, внешние системные отношения ЭД с др. видами дискурса, в т.ч. институциональными, занимающими смежные позиции в рамках гносеологически ориентированной коммуникации, формируются на основе *принципа дополнительности*. Он конкретизируется следующими принципами: *концептуального пересечения, взаимопроникновения ментальных пространств, вербальной соотнесенности*. Данные принципы характеризуют способ взаимодействия и комплексного, взаимосвязанного функционирования видов дискурса указанной сферы коммуникации и их разновидностей. Соответственно, ЭД в качестве компонента системы дискурсивных процессов, взаимодействующего на разных уровнях инвентивно-элокутивной координации, примыкает ко всем названным видам, образуя такие триады, как «*научный, философский, эзотерический», «педагогический, научный, эзотерический», «религиозный, метафизический, эзотерический», «парапсихологический, психолого-прагматический, эзотерический»*.

Дискурс-парадигматику современного российского эзотерического дискурс-ансамбля формируют следующие подпласты, или совокупности дискурс-практик – членов эзотерической дискурс-трихотомии:

1) классический отечественный ЭД конца XIX – первой половины XX вв. (в переизданиях), продуцентами которого выступают такие эзотерические языковые личности, как Е.П. Блаватская, Е.И. Рерих, К.Э. Циолковский, Д.Л. Андреев и др.;

2) пласт переводного американского ЭД XX в., широко внедрившегося в российское ментальное пространство после перестройки, особенно с начала 90-х гг. XX в. Это комплекс русскоязычных переводных дискурс-практик, в котором можно выделить в качестве основных три подгруппы текстов и книжных серий:

2.1) ЭД собственно космологической проблематики – серии ченнелингов «Говорит Сет», «Крайон», «Архангел Михаил», «Аштар» и подобных;

2.2) ЭД более прагматически ориентированной тематики, способствующий самопроектированию успешной личности современного человека на основе советов космических сущностей: Э. и Дж. Хикс («Учение Абрахама») и др.;

2.3) авторский ЭД, основанный на личной интерпретации тайных знаний, нацеленный на улучшение жизни читателя, воспринявшего новое мировоззрения: серии книг Сан Лайта, Р. Стоуна, О. Мандино, Дж. Витале, Ф. Кинслоу и др.;

3) современный российский ЭД как русскоязычная ветвь массовой эзотерики постперестроечного периода развития российского социума: тексты популярных книжных серий таких авторов, как С. Лазарев, В. Мегре, А. Королева, С. Коновалов, А. Некрасов, М. Норбеков, Н. Правдина, С. Попов, В. Зеланд, А Левшинов, В. Шемшук и др. Данный дискурсивный пласт в большей своей части, за исключением признанных авторов-целителей, может быть квалифицирован как вторичный и подражательный по отношению к переводному американскому дискурсу (см. подробнее: [8]).

Дискурс-синтагматика подпластов российского ЭД реализуется различными способами межтекстовых взаимодействий: цитирование, аллюзия, ссылка, др. типы интертекстуальных включений выступают как гносеологические операторы формирования единого дискурс-ансамбля из совокупности дискурс-практик на основе общих черт инвентивно-элокутивной координации, общего метаязыкового базиса. При этом синтагматические связи между текстами как диалогическими репликами в рамках данного дискурс-ансамбля в плане соотношения текстов формируются как в синхронии, так и в диахронии, в том числе по деривационной линии развития ЭД, т.е. в аспекте ***дискурс-эпидигматики***. (В связи с этим см. рассмотрение деривационной проблематики на примере научного дискурса [9], применительно к концепту [10], а также экстраполяцию категории «концепт текста» на уровень дискурса [11]). Так, современный российский ЭД исторически является дериватом классического ЭД, вступает с ним в синтагматические отношения, содержа как эксплицитные, так и имплицитные интратекстовые включения. Те же признаки взаимодействий текстов как отдельных реплик в диалоге и полилоге близких в жанрово-стилевом отношении дискурс-практик, которые выявляются на уровне дискурс-синтагматики, в диахронном аспекте выступают маркерами дискурс-эпидигматики. Если в диахронном аспекте для современных вариаций российского ЭД в качестве «производящей дискурс-основы» выступает отечественный прародитель – классический русский ЭД, то в синхронии им соответствует «инокультурная производящая дискурс-основа» американских переводных книжных серий постперестроечного периода. В 90-е гг. XX в. последние явились прецедентами для создания отечественных аналогов по предложенным в переводах моделям и образцам. Вначале это были отдельные издания, а затем и целые книжные серии, которые во многом носили вторичный и подражательных характер, особенно в аспекте проблематики личностного самопроектирования на основе эзотерических знаний.

Итак, внутренние системные связи российского эзотерического дискурс-ансамбля как актуального компонента системы дискурсивных процессов гносеологически ориентированной коммуникации российского социокультурно-образовательного пространства обусловлены особенностями системно-структурной организации данного дискурсивного пласта. В последней правомерно выделить ядро и периферию. *Ядро* представляет собой комплекс дискурс-практик, объединяющихся в названные выше основные группы. На *периферии* в качестве смежных дискурсивных явлений располагаются эзотерические *тексты-симбиозы:* с психолого-прагматической тематикой самопроектирования успешной личности; с библейски-метафизической проблематикой – ср., напр., «метафизический дискурс успеха» Дж. Мэрфи как переводной подтип современного российского ЭД [12]: природа религиозной молитвы интерпретируется в эзотеризме как разновидность медитации, как целенаправленный перевод сознания через некий порог [13] (в связи с жанром молитвы см. также [14]) и др. Частные, «именные» дискурс-практики в рамках данных подгрупп вступают между собой, благодаря операторам интертекстуальных включений разных типов, в отношения парадигматики, синтагматики и эпидигматики на дискурсивной уровне.

Заключение. В результате полного функционирования лингвориторико-герменевтического круга в сознании воспринимающей языковой личности массового российского реципиента системно-структурная организация рассмотренных подтипов ЭД формирует в социокультурно-образовательном пространстве особый речемыслительный конгломерат. Он ориентирован в едином или близком этосно-логосно-пафосном ключе в аспекте выражения компонентов общей ЛР картины мира эзотерической языковой личности – особого дискурс-универсума саморепрезентации человека в начале XXI века в контексте глобальных проблем теоантропокосмической парадигмы. «Эзотерический мир ориентирован на репертуары культивирования жизни в семиотическом аспекте, чем и достигается совпадение жизни и знания» [15]. Будучи воспринят читателем, зачастую некритически, эзотерический текстовой массив, обладая ярко выраженной проективно-мировоззренческой функцией, интерпретируется реципиентом применительно к реалиям повседневной жизни в аспекте самоустроения личности и руководства к практическим действиям. Тем самым эзотерический дискурс-ансамбль – на материальной базе репрезентирующих его книжных серий – выступает в качестве активного дискурсивного процесса как в аспекте возрождения

идеологии своей классической русской ветви, транслируемой в переизданиях, так и новыми, в том числе впервые появляющимся текстами, книжными сериями, авторами, а также «космическими сущностями», вступающими в диалог с землянами посредством ченнелинга (прежде всего в переводных американских текстах). Он вносит вклад в российское социокультурно-образовательное пространство в аспекте формирования определенной направленности ментальных структур коллективной языковой личности реципиента.

Примечания:

1. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Монография. Сочи: РИО СГУТиКД, 2000. 317 с.

2. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление: Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа 2005. 367 с.

3. Потапенко С.И. Сочинская лингвориторическая школа как коллегиальный субъект исследования дискурсивных процессов // European Journal of Contemporary Education, 2013, Vol.(5), № 3. p. 162-172.

4. Хачатурова Н.Ю., Ворожбитова А.А. Лингвориторические параметры российского эзотерического дискурса рубежа XX–XXI вв.: Монография. Сочи: РИО СГУТиКД 2005. 116 с.

5. Сунгуртян К.К. Лингвориторические средства выражения антропоцентризма в русском и переводном эзотерическом дискурсе. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 23 с.

6. Ворожбитова А.А., Романенко Л.Л. Субъект дискурсивных процессов эзотерической направленности в российском социокультурно-образовательном пространстве XX в.: лингвориторический аспект // Сб. науч. тр. SWorld. Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития ‘2012». Выпуск 3. Том 27. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. ЦИТ: 312-171. С. 44-49.

7. Грицанов А.А. Эзотеризм // Новейший философский словарь. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 1209.

8. Берсенева О.Ю., Ворожбитова А.А. Лингвориторическая организация психолого-прагматического дискурса (на материале популярных книжных серий о достижении успеха): Монография. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2013. 194 с.

9. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность: Монография. Ставрополь: СГУ, 2010. 283 с.

10. Буянова Л.Ю. Вербальный концепт как результат деривационно-семиотической эволюции национального языкового сознания // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти профессора Е.А. Пименова: сборник научных статей. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 597-601.

11. Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of Terminological Triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: Linguo-rhetoric Aspect // European Researcher. 2013. Vol. (47). № 4–3. P. 1014-1018.

12. Зуев М.Б. Лингвориторика интертекста в переводном американском проповедническом дискурсе как метафизическом дискурсе успеха: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2009. 22 с.

13. Грицанов А.А. Эзотеризм // Новейший философский словарь. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 1209.

14. Буянова Л.Ю., Инвияева А.А. Язык молитвы как духовно-семиотический феномен: апеллятивно-дискурсивный аспект // Славянская культура: история и современность: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. С. 65-71.

15. Грицанов А.А. Эзотеризм // Новейший философский словарь. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. С. 1209.

UDC 81

Esoteric Discourse-Ensemble in the System of Discursive Processes of Gnosiological-oriented Communication of Russian Socio-cultural and Educational Environment

[1.] Alexandra A. Vorozhbitova
[2] Lidiya L. Romanenko

[1] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
Doctor of Philology, Doctor of Education, Professor
E-mail: alvorozhbitova@mail.ru
[2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region

Graduate
E-mail: Romanenko-KV@yandex.ru

Abstract. Esoteric discourse-ensemble as a combination of discourse-practices is regarded as a relevant component of the system of discursive processes of gnosiological-oriented communication of Russian socio-cultural and educational environment from the perspective of linguistic & rhetorical (L&R) paradigm (Research Project No. 6.3660.2011 of the Russian Ministry of Education and Science). The external system relations of esoteric discourse with other institutional types of discourse, related within this communicative sphere (religious, metaphysical, scientific, philosophic, psychological-pragmatic) is considered. The internal system connections of Russian esoteric discourse-ensemble in the aspects of paradigmatics, syntagmatics, epidigmatics of discursive sublayers are determined.

Keywords: linguistic & rhetorical (L&R) paradigm; discursive processes; socio-cultural and educational environment; gnosiological-oriented communication; esoteric discourse-ensemble; discourse-practice; esoteric linguistic personality; discourse-paradigmatics; discourse-syntagmatics; discourse-epidigmatics.

УДК 81

Роль метафорических бинарных оппозиций в символическом осмыслении действительности

Татьяна Владимировна Григорьева

Башкирский государственный университет, Россия
450000, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: tagrig8@mail.ru

Аннотация. Статья содержит обобщения хода исследования, результатов комплексного изучения метафорических бинарных оппозиций, свойственных еще мифологическому сознанию и определяющих речевое поведение современного человека.

Ключевые слова: бинарная оппозиция; символическое значение; универсальный; метафорический; оценочный.

Введение. Важную роль в познании мира в аксиологической ракурсе играет метафорическое использование бинарных оппозиций, таких, как *верх–низ, свет–тьма, белый–черный, правый–левый* и др. Ученые отмечают, что подобные противоположности имеют глубокие корни: они были свойственны еще мифологическому сознанию. Такие двоичные противопоставления являлись «осознанно существенными для ритуалов и мифов в архаичных (элементарных) обществах с точки зрения самих членов коллективов, использующих эти знаковые системы» [1]. Набор универсальных семиотических оппозиций в определенном смысле «результатирует классифицирующую деятельность человека, которая является основой его жизни» [2].

Материалы и методы. Материалом послужили данные толковых словарей и фразы художественных, научных, публицистических текстов конца XIX – начала XXI вв., репрезентирующие компоненты исследуемых бинарных оппозиций. В рамках представленного исследования использовались контекстный, описательный, структурно-семантический, сопоставительный, когнитивный, количественный и другие методы изучения.

Обсуждение. Опираясь на понимание бинарных оппозиций как универсального средства познания мира, которое лежит в описании любой картины мира и имеет универсальный характер (*жизнь–смерть, счастье–несчастье, правый–левый, хорошее–дурное, близкое–далекое:* левая часть оппозиции считается всегда маркированной положительно, правая – отрицательно) [3]; мы рассмотрели бинарные оппозиции, которые образуют метафоры в языке. Такие метафорические диады, показывая отражение чувственного восприятия картины мира, «приложимы к более общим ситуациям», благодаря чему создают многослойность, каждый уровень которой является как бы «семантической историей» оппозиции (или ее «этимологией») – что было вначале, что прибавилось потом, но «лейтмотив конкретности остается» [4].

Представление о многих метафорических диадах (в частности, таких как *свет–тьма, день–ночь, теплый–холодный, правый–левый* и т.п.) как об оценочных оппозициях, сквозь призму которых постигается окружающий мир, уходит своими корнями в язычество, мифологию. Так, А.Н. Афанасьев указывает, что слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе с тем послужили у славян и для выражения понятий блага, счастья, красоты, здоровья и плодородия. Слова, означающие мрак и холод, отождествляются с понятиями зла, несчастья, безобразия, болезни, неурожая и пр. [См.: 5]. Еще в первобытном обществе, отмечает Е.И. Мостепаненко, свет и тьма становятся важнейшими полярными символами, задающими исходную шкалу ценностей мифологического сознания [6].

Наше исследование показало, что в современном языковом сознании взаимодействие компонентов этих бинарных оппозиций продолжает определять речемыслительную деятельность человека. Не случайно авторы многих художественных и публицистических произведений оперируют противоположными понятиями как стереотипными культурно важными знаками, чтобы актуализировать глубинные онтологические связи и посредством них создавать свежие образы.

Метафорические оппозиции являются универсально важными для языкового коллектива единицами и выступают носителями глубокого символического смысла. В русском языковом сознании они выступают как особый способ осмысления, видения мира, как мерило действительности, иначе говоря – как своеобразный «прибор, с помощью которого интерпретируется, изучается мир» [7]. Это глобальные аксиологические явления, посредством которых познается и воспринимается окружающее людей пространство: два полюса, «+» и «–», хорошее и плохое.

В зависимости от внешних особенностей оппозиции, ее значимости для человека на первом уровне ее многослойного содержательного пространства выделяются первостепенные, доминантные признаки, которые, переходя на другой уровень содержания, рождают новые, символические

смыслы. Так в семантике бинарной оппозиции отражаются естественные этапы процесса познания явлений действительности: анализ – мысленное расчленение объектов на составные части с целью выявления составляющих его элементов и отделения существенного от несущественного – и синтез, являющийся «вершиной чувственного познания, той его стадией, когда оценочные компоненты носят не инстинктивно-стихийный характер, а обусловливаются наглядно-познавательной деятельностью индивидуума» [8]. В результате человек выбирает существенно важные для него оппозиции и оперирует ими при оценке разных сфер своей жизнедеятельности.

Мы условно выделили и рассмотрели несколько таких сфер:

– **эмоциональную** (Свет – символ радости, счастья, любви, надежды, ожидания и т.п.: *она вся светилась от счастья*; Тьма – символ печали, грусти, горя, несчастия, безнадежности: *он сразу потемнел, осунулся*);

– **этическую** (Чистота – символ добра, нравственности, порядочности: *чистые помыслы*; Грязь – символ зла, безнравственности, подлости: *грязные делишки*);

– **гносеологическую** (Свет – символ знания, истины, просвещения, учения, понятности, ясности, ума, мудрости, способности к восприятию, науки, образования, известности: *свет разума*; Тьма – символ незнания, непонимания, невежества, культурной отсталости, необразованности, неясности, неспособности к пониманию, глупости, таинственности, необозримости, неизвестности: *темный человек*);

– **религиозную** (Верх – символ Бога, божественного, святого, Иисуса, веры: *восхождение к Богу*; Низ – символ темных сил, неверия: *он опустился, перестал верить во что-либо*);

– **онтологическую** (бытийную) (Весна – символ рождения, жизни, возрождения, начала: *весна жизни*; Осень – символ умирания, смерти, конца: *осень жизни*);

– **эстетическую** (Красный цвет – символ красоты, прекрасного: *красна девица*; Серый цвет – символ безобразного, некрасивого, унылого: *этот человек был несимпатичный, какой-то серый*);

– **социально-экономическую** (Белый цвет – символ законного, юридически правильного: *белая бухгалтерия;* Черный цвет – символ незаконного, требующего юридический последствий: *черная бухгалтерия*).

Одна метафорическая оппозиция может одновременно описывать в языке несколько сфер. Так, диада *белый–черный* «работает» в эмоционально-оценочной (*белая полоса – черная полоса*), этической (*белая зависть – черная зависть*), социальной (*белая зарплата – черная зарплата*) и др. сферах.

Анализ и сопоставление текстовых фраз русского, польского, болгарского, татарского и английского языков, содержащих оппозиции *свет–тьма, верх–низ, белый–черный* и др., показывает, что их символика имеет универсальный характер [Подробнее см.: 9–11]. Покажем это на примере оппозиции *свет–тьма* в русском и английском языках: 1) **эмоциональная** сфера (Свет – символ радости, счастья, надежды и т.п.; Тьма – символ печали, грусти, горя, безнадежности): *Радость осветила ее лицо. – Иван Федорович потемнел лицом; Her face lit up with happiness, a light in someone's eyes. – His face darkened with sadness;* 2) **этическая** сфера (Свет **–** символ добра, нравственности, порядочности; Тьма – символ зла, безнравственности, подлости): *Мы живем в непростую эпоху, когда люди, на каждом шагу сталкивающиеся с чернухой в жизни, всей душой стремятся к чему-то светлому, доброму. – Когда начинается речь, что пропала духовность, Что людям отныне дорога сквозь темень лежит...* [Б. Окуджава]; *Light at the end of the tunnel or light on the horizon. – Dark business. Person of dark reputation;* 3) **гносеологическая** сфера (Свет – символ знания, учения, понятности, ясности, ума, образования, известности; Тьма – символ незнания, непонимания, невежества, необразованности, неясности, таинственности, необозримости, неизвестности): *Чтобы дать ученику искорку знания, учителю надо впитать целое море света. – Во тьму филологии влазьте* [В. Маяковский]; *Throw/shed/cast light on something. – Dark spot of smth;* 4) **религиозная** сфера (Свет – символ Бога, божественного, святого, Иисуса, веры; Тьма – символ темных, дьявольских сил, неверия): *Устремляясь к Свету Божества...* [С. Булгаков] – *Силы тьмы; Light of christ. – Dark knight, force;* 5) **онтологическая** (Свет – символ рождения, жизни, возрождения, начала; Тьма – символ умирания, смерти, конца): *Она была у самой грани, разделяющей Свет и Тьму, но ей хватило мужества и ума не преступить роковую черту. – И душа отлетает во тьму; To see the light. – Go to dakness, to eternity*.

Итак, исследование символических значений бинарных оппозиций в разных языках помогает понять логику постижения человеком окружающей действительности. Проделанный анализ показывает, что основная функция оппозиций – служить универсальной, наиболее «общей классификационной сеткой» [12], которая описывает мир в наиболее общем ракурсе в разных языках.

Результаты и выводы. Изучение метафорических бинарных оппозиций, особенностей их употребления, в том числе – в разных языках, помогает понять механизмы оценки действительности, специфику мышления и вербального поведения представителей разных языковых культур. В качестве одной из перспектив отметим возможность исследования данной проблемы в более широком контексте лингвориторической парадигмы. Это аспекты уровней структуры языковой личности, актуализированных логосом, пафосом и этосом на этапах реализации универсального

идероречевого цикла (инвенция, диспозиция, элокуция) [13–16]. Выделенные в статье аспекты весьма абстрактно представляют шаги последовательного освоения человеком (через свои переживания, через интуицию) бинарной оппозиции: от освоения значимости ее физических свойств для практической деятельности человека к освоению значимости их физических свойств для оценочной деятельности человека.

Примечания:

1. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.

2. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: «ДомКнига», 2005. С. 11.

3. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: «Аграф», 2009. С. 48-49.

4. Цивьян Т. В. Указ. соч. С. 13.

5. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М.: Советская Россия, 1988.

6. Мостепаненко Е.И. Свет в природе как источник художественного творчества // Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения. Человек – Природа – Искусство. Л.: Наука, 1986. С. 74-88.

7. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. С. 73.

8. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2000. С. 12.

9. Гайсина Р.М., Григорьева Т.В. Сопоставительный анализ образов света и тьмы в русском и татарском языковом сознании // Теория поля в современном языкознании. Часть IV: Матер. заочного науч.-теорет. семинара / Изд-е Башкирск. ун-та. Уфа, 2000. С.43-52.

10. Григорьева Т.В. Особенности описания межъязыкового когнитивного пространства констант культуры (на материале диады свет-тьма в русском, английском и болгарском языках) // Вестник ЧелГУ, № 21, 2012. Челябинск, 2012. С. 39-43.

11. Григорьева Т.В. Описание межъязыкового когнитивного пространства констант культуры (на материале русского и польского языков) и его роль в диалоге культур // V Междунар. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек, сознание, коммуникация, Интернет». 10-12 мая, Варшавский университет. Варшава, 2012. С. 433-440.

12. Цивьян Т.В. Указ. соч. С. 11.

13. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. C. 183-190.

14. Vorozhbitova A.A. Program of professional linguistic personality study in linguo-rhetorical paradigm: scientist-philologist and classic writer // European researcher. 2011. № 4. P. 398-401.

15. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532-1537.

16. Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of Terminological Triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: Linguo-rhetoric Aspect // European Researcher. 2013. Vol. (47). № 4–3. P. 1014-1018.

UDC 81

The Role of Metaphoric Binary Oppositions in Symbolic Understanding of the Reality

Tatyana V. Grigoreva

Bashkir State University, Russia
32 Z.Validi Str., Ufa 450000
PhD (Philology), Assistant Professor
E-mail: tagrig8@mail.ru

Abstract. The article contains the general conclusion of the research, results of integrated study of metaphoric binary oppositions, typical for mythological consciousness and having determined the language behavior of modern man.

Keywords: binary opposition; symbolic meaning; universal; metaphoric; valuation.

УДК 81’367.323.

Восклицательное предложение: проблемы типологии

[1] Татьяна Владимировна Деньгина
[2] Любовь Викторовна Чернова

[1]Армавирская государственная педагогическая академия, Россия
352900 г. Армавир, ул. Кирова, 50
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: tatyana.dengina@mail.ru
[2]Армавирская государственная педагогическая академия, Россия
352900 г. Армавир, ул. Кирова, 50
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: lolache@mail.ru

Аннотация. Статья содержит обобщение хода и результатов исследования типологии восклицательного предложения. Проблемы типологии связаны с природой восклицательного предложения, его многоаспектным семантическим наполнением.

Ключевые слова: восклицательное предложение; языковой статус; эмоционально-оценочная сфера; семантико-синтаксическая характеристика.

Введение. В синтаксической науке не снижается интерес к изучению конструкций, обладающих экспрессивной окрашенностью. К числу таких построений относятся и те предложения, которые получили наименование восклицательных. Эта разновидность предложений характеризуется, с одной стороны, отчетливо выраженной эмоциональной и экспрессивной спецификой, с другой стороны – обладает своеобразием синтаксического построения и оформления.

Материалы и методы. Материалом послужили тексты художественных произведений XIX–XX веков. Основным является комплексный функциональный анализ, метод лингвистического описания, метод контекстуального анализа, сопоставительного анализа и другие.

Обсуждение. В течение длительного времени восклицательное предложение выделялось наряду с повествовательными и вопросительными при классификации по цели высказывания. В современных синтаксических исследованиях статус восклицательных предложений изменен, и они распределяются теперь между всеми классами предложений по цели высказывания.

Однако изменение подхода к квалификации восклицательных предложений не уменьшило интереса к исследованию их функциональных и структурных особенностей в синтаксической системе русского языка.

Недостаточная разработанность этого вопроса в грамматической традиции и интерес современной синтаксической теории является подтверждением актуальности всестороннего исследования восклицательных предложений.

Определенную роль в установлении статуса названных конструкций может сыграть классификация, данная современными учеными-лингвистами. Классифицировать восклицательные предложения по значению предложила профессор Е.М. Галкина-Федорук [1].

На этом основании автор выделяет три группы предложений.

1 группа. Восклицательно-интеллектуальные предложения, в которых интеллектуальная оценка соединяется с эмоциональной окраской иронии, презрения, пренебрежения, сомнения, неуверенности в истине представлений и понятий о чем-либо.

Тупые люди! Глупые люди! Не нужно мне ни дружбы, ни твоих лекарств, тупой человек! (Чехов).

2 группа. Восклицательно-побудительные предложения. В данных конструкциях выражается приказ, призыв, просьба, мольба, т.е. выражается воля человека, но при этом осложненная эмоциональной окраской.

Не трогайте меня! – крикнула она резко и со злостью. (Андреев).

3 группа. Восклицательно-эмоциональные предложения. В предложениях этой группы выражается чувство, переживаемое говорящим, например:

Звери! Изверги! Убили его! (Андреев).

Т.А. Кильдибекова [2] дает классификацию восклицательных предложений в аспекте взаимодействия эмоционального и интеллектуального в смысловой структуре высказывания. Автор выделяет четыре формы взаимодействия эмоционального и интеллектуального в смысловой структуре предложения.

Первая форма взаимодействия. Эмоциональное содержание наслаивается на интеллектуальное, сосуществуя с ним в семантике данного предложения. К этой группе предложений

исследователь относит повествовательно-восклицательные, вопросительно-восклицательные и побудительно-восклицательные предложения. Данную форму взаимодействия Т.А. Кильдибекова иллюстрирует следующими примерами:

Напридумывали наши писатели! (Баруздин).

Да я был там, был! (Чаковский).

О боже...Трудно становится жить! (Горький).

Ну и спектакль выдал старик! (Гранин).

В данных предложениях изменяется лишь общая тональность высказывания, а модальное значение и целенаправленность соответствуют повествовательным, побудительным и вопросительным предложениям.

Вторая форма взаимодействия. Эмоциональное содержание конструкций, относящихся к этой группе, обосабливается от интеллектуального, выносится за пределы данного повествовательного сообщения и служит базой для формирования отдельного предложения, выражающего эмоциональную оценку событий, фактов, явлений, предметов и лиц, о которых сообщается в предшествующем контексте. Образуются собственно-восклицательные предложения с эмоционально-оценочным значением. Высказанную мысль Т.А.Кильдибекова подтверждает таким примером:

Удивительно! Как только в бой, так у вас открываются старые раны. (М. Шолохов).

Третья форма взаимодействия. Эмоциональное вытесняет целиком или частично интеллектуальное, что приводит к "разрушению" или усечению логически обоснованного состава предложения, а это, в свою очередь, приводит к логической незавершенности некоторых типов восклицательных предложений. Логическая незавершенность в данных конструкциях компенсируется большей степенью эмоциональности. Данную группу предложений автор называет собственно-восклицательными предложениями "неполного состава" с эмоционально-оценочным значением. В качестве примера Т.А. Кильдибекова приводит следующий:

Но снять портрет отца! Трусы! (Николаева).

Четвертая форма взаимоотношений. В предложениях, относящихся с данной группе, эмоциональное вступает в противоречие с интеллектуальным. При этом эмоциональное содержание резко изменяет логическое содержание повествовательного предложения, что приводит к появлению типа предложений, главным содержанием которых становится выражение экспрессивного отрицания (или утверждения). В таких предложениях благодаря интонации положительная форма передает отрицательное содержание. Это собственно-восклицательные предложения отрицательного типа. Данная группа предложений представлена в работе Т.А. Кильдибековой такими примерами:

Скажут нам правду, держи карман шире! (Фадеев).

Да уж вы бы соединили! (Симонов).

Н.И. Озерова в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук "Структурные типы эмоциональных предложений в русском языке" предлагает классификацию восклицательных предложений по нарастающей силе интонационного выражения эмоциональности [3]. Исследователь выделяет следующие группы предложений: 1) с восклицательными словами; 2) предложения-повторения; 3) предложения с эмоционально-экспрессивными частицами; 4) с измененным порядком слов; 5) с междометиями; 6) со словами-обращениями. Предложенная классификация может представлять интерес при определении степени эмоционального "накала" анализируемого текста.

И.П. Распопов все восклицательные предложения делит на две группы: 1) подобные по составу невосклицательным; 2) восклицательный характер получает не только интонационное, но и лексико-грамматическое выражение [4]. Среди предложений второй группы И.П. Распопов выделяет пожелательные, побудительные, представленные инфинитивными и неполносоставными конструкциями, повествовательные предложения декларативного типа. Инфинитивные конструкции с лексически открытой перспективой, где словесное обозначение получает только тема высказывания, а рема имеет не конструированное эмоционально-оценочное значение, выражаемое интонацией.

[Сорт]. Я рад бы лечиться, да вот доктор не хочет.

[Дорн]. Лечиться в шестьдесят лет! (Чехов).

Конструкции с особым инверсионным порядком слов:

Софья, поискав глазами, куда бы бросить окурок папиросы, сунула его в землю цветочной банки.

"Портятся от этого цветы!" – машинально заметила мать. (Горький).

Конструкция с восклицательными частицами:

"Что за чудесная женщина Анна Сергеевна!" – воскликнул Аркадий (Тургенев).

Сюда же автор относит конструкции, построенные по "фразеосхемам":

«недоставало» + инфинитив, «дался» + инфинитив, «не хватало» + инфинитив, а также вокативные предложения.

С.С. Янелюкайте, рассматривая грамматическое поле эмотивности, относит к ядру этого поля грамматические средства, специально предназначенные для выражения эмоций, регулярно

выполняющие данную функцию независимо от контекста [5]. К периферии автор относит такие средства, как порядок слов, парцелляция, парантеза, синтаксический параллелизм, графические средства.

Среди ядерных грамматических средств выражения эмотивности на основе двух главных параметров – коммуникативной функции и структурно-семантических свойств – исследователь выделяет следующие функционально-семантические типы высказываний:

1) высказывание, выражающее эмотивную реакцию говорящего;
2) эмотивно-оценочные высказывания;
3) эмотивно-отрицательные высказывания;
4) эмотивно-желательные высказывания;
5) эмотивно-вопросительные косвенные высказывания;
6) эмотивно-побудительные высказывания.

К первому типу высказываний С.С. Янелюкайте относит такие, которые состоят только из междометий. Ко второму функционально-коммуникативному типу эмотивных высказываний, по мнению автора, будут относиться высказывания, выражающие эмотивную оценку, в пропозиции которых содержатся имплицитные и эксплицитные семы оценки. Функционально-семантический тип эмотивно-отрицательных высказываний образуют речевые действия, коммуникативной интенцией которых является эмоциональное возражение, несогласие, опровержение мнения адресата, т.е. своего рода отрицание.

К четвертому типу высказываний автор относит такие, где желание выражается не только экспрессивным, пропозиционным способом, при помощи модальных слов, но и эксплицитно.

Эмотивными речевыми действиями, как доказывает исследователь, являются некоторые косвенные вопросительные высказывания: вопросы об очевидных вещах, коммуникативная интенция которых не информационно-поисковая, а выражающая удивление, недоумение, возражение. Под эмотивно-побудительными высказываниями понимаются категоричные приказы и настойчивые просьбы, которые характеризуются семой интенсивности. При этом автор разграничивает побудительные неэмотивные высказывания (военные команды, запретительные надписи в общественных местах, устоявшиеся речевые формы общения людей) и побудительные эмотивные высказывания, порожденные эмоциональной ситуацией общения, затрагивающей интересы и потребности говорящего.

В основу большинства подходов к решению проблемы функций языка избирается принцип целеустановки.

Восклицательные предложения, выполняющие коммуникативную и эмотивную функции, могут выступать как варианты повествовательных, вопросительных и побудительных предложений. Основную роль выразителя эмотивной функции несет мелодика речи. Подчеркивая наличие совмещенных функций, такие предложения следует характеризовать как повествовательно-восклицательные, вопросительно-восклицательные, побудительно-восклицательные. Следовательно, эти конструкции можно отнести к бифункциональным.

Второй тип восклицательных предложений реализует только эмотивную функцию языка, целью которой является выражение оценки явлений действительности, эмоционального состояния говорящего. В предложениях этого типа эмотивная функция реализуется с помощью сегментных средств языка, а мелодика лишь усиливает эмоцию. Даже полнозначные слова, функционируя в подобных конструкциях, выступают как субституты мыслимых, но не называемых оценочных значений, представляя собой сигналы некоторых эмоциональных имплицитных значений [6].

Такие свойства приобретают местоименные и местоименно-наречные слова, характеризующие качественную или количественную сторону предмета, признака, действия, состояния, например:

Какой добрый, великодушный человек! (Чехов).

О юность, как прекрасна ты! (Коровин).

Описанные предложения можно отнести к собственно-восклицательным. Такую классификацию предлагает Т.В. Деньгина [7].

В целом проблематика эмоциональной экспрессии (риторическая категория пафоса), выражаемой, в том числе, восклицательными предложениями, актуальна для исследования в рамках лингвориторической парадигмы [8, 9], сквозь призму которой рассматриваются различные типы дискурса (см., напр.: [10]) и – шире – дискурсивные процессы [11] в разных сферах речевой коммуникации.

Результаты и выводы. Наличие многих оснований, избранных для классификации восклицательных предложений, еще раз подчеркивает сложность и многоаспектность этой единицы синтаксиса. Все сказанное выше убеждает в том, что восклицательные предложения, не относясь к функциональным типам по цели высказывания, образуют отдельный пласт в синтаксической схеме языка, отражающий особенности речевых проявлений основных функциональных типов. Этот пласт многоаспектен, так как связан с разветвленным множеством способов выражения разнообразных эмоциональных значений и отношений.

Примечания:

1. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Ч. 2. М., 1964. 306 с.
2. Кильдибекова Т.А. Восклицательные предложения в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1968. С. 10-80.
3. Озерова Н.И. Структурные типы эмоциональных предложений в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1966. С. 30-34.
4. Распопов И.П. Восклицательное предложение // Современный русский литературный язык. Л., 1981. С. 155-156.
5. Янелюкайте С.С. Грамматические средства выражения эмотивности в тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1985. 16 с.
6. Чернова Л.В. Местоименно-наречные слова-квалификаторы как выразители эмоционального плана высказывания // Опыт международных гуманитарных исследований в российском и европейском образовательном пространстве. Сб. науч. ст. Славянск-на-Кубани, 2010. С. 111-112.
7. Деньгина Т.В. Восклицательное предложение в современном русском литературном языке: Монография. Армавир, 2009. С. 100-101.
8. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183-190.
9. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.
10. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма как теоретико-методологический подход к исследованию верлибрического дискурса // Сб. науч. тр. SWorld. Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития ‘2012». Выпуск 3. Том 28. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. ЦИТ: 312-840. С. 81-85.
11. Ворожбитова А.А. Алгоритмы и перспективы лингвориторического исследования аксиологической прагматики в динамике дискурсивных процессов // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 177-181.

UDC 81’367.323.

Exclamatory Sentence: Typology Problems

[1] Tatyana V. Dengina
[2] Lubov V.Chernova

[1] Armavir State Pedagogical Academy, Russia
50 Kirova Str., Armavir 352900
PhD (Philology), Assistant Professor
E-mail: tatyana.dengina@mail.ru
[2] Armavir State Pedagogical Academy, Russia
50 Kirova Str., Armavir 352900
PhD (Philology), Assistant Professor
E-mail: lolache@mail.ru

Abstract. The paper contains generalization and results of the research of exclamatory sentence typology. Typology problems are connected with the exclamatory sentence character, its multi-aspect semantic filling.

Keywords: exclamatory sentence; linguistic status; emotional and value sphere; semantic and syntactic chracterisitcs.

УДК 81

Функционирование поэтического текста на уроке русского языка как иностранного: системно-речевой аспект

Варвара Валентиновна Дружинина

Сочинский институт (Филиал) Российского университета дружбы народов, Россия
354340, г. Сочи, ул. Куйбышева, 32
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: varvara-druzhinina@rambler.ru

Аннотация. В статье в структурированной форме отражены лингводидактические принципы притекстовой работы над поэтическим произведением В.Ф. Ходасевича «Леди долго руки мыла…» в рамках урока русского языка как иностранного (РКИ).

Ключевые слова: аутентичный текст; поэтический текст; урок русского языка как иностранного (РКИ); лингводидактическая практика; мини-ситуация; лингвистическая характеристика; лингвокоммуникативная характеристика.

Введение. В условиях конкуренции иностранных языков «звучит требование привлекательности и эффективности языкового учебного процесса, а также значительности его результатов» [1]. Для уроков русского языка как иностранного (РКИ) этот вопрос может быть решен за счет привлечения – в учебных целях – поэтических /аутентичных/ текстов, имеющих непреходящую общечеловеческую ценность (аутентичные тексты – оригинальные тексты, созданные носителями языка в естественном речевом общении для носителей языка).

Материалы и методы. В процессе лингводидактического осмысления поэтического текста В.Ф. Ходасевича «Леди долго руки мыла…» использовались описательный и сравнительный методы, метод компонентного анализа, метод интерпретации текста.

Обсуждение. Работа с поэтическим текстом на уроках РКИ является необходимой: «с одной стороны, учащиеся знакомятся с разнообразием лексического и грамматического материала, с другой стороны, активизируется их познавательная деятельность и расширяются культурологические знания» [2]. Однако самым важным является то, что «использование на уроках оригинальных текстов вводит учащихся в реальную жизнь языка, его действительное функционирование, требует от них творческого (а не механического) использования приобретенных знаний – как языковых, так и страноведческих» [3].

Традиционно работа над художественным (поэтическим) текстом в языковом учебном процессе складывается из трех этапов: *предтекстового, притекстового и послетекстового*. Для нас приоритетным является этап притекстовой работы, т.к. именно на этом этапе и совершается собственно чтение, т.е. восприятие, понимание и переживание художественного текста.

Н.В. Кулибина предлагает представить художественный (поэтический) текст как ситуацию или набор мини-ситуаций и «предложить обучаемым с помощью особым образом сформулированных заданий через осмысление средств языкового выражения воссоздать в воображении и описать вслух возникшие перед их мысленным взором образы» [4].

В методических целях делим выбранный нами поэтический текст В.Ф. Ходасевича *«Леди долго руки мыла…»* на мини-ситуации (минимальные структурно-смысловые единства) и поэтапно – мини-ситуация за мини-ситуацией – его рассматриваем:

1. Леди долго руки мыла,
2. Леди крепко руки терла.
3. Эта леди не забыла
Окровавленного горла.
4. Леди, леди! Вы как птица
Бьетесь на бессонном ложе.
5. Триста лет уж вам не спится –
6. Мне лет шесть не спится тоже.

(1922)

1-я мини-ситуация: *Леди долго руки мыла*.

Лингвистическая характеристика. Предложение простое, с инверсированным порядком слов: элементы «группы подлежащего» и «группы сказуемого» представлены *не* в нормативной – стилистически нейтральной – последовательности, обусловившей актуализирование языковых единиц «долго» (обстоятельство времени) и «руки» (дополнение). *Субъект* ситуации представлен заимствованной лексической единицей *леди* (вместе с учащимися – с помощью метода компонентного анализа – определяем семантику интересующего нас слова: *леди* – «замужняя

англичанка-аристократка»). *Предикат* ситуации выражен формой прошедшего времени глагола *мыть*.

Итак: *Леди **долго руки*** мыла.

2-я мини-ситуация: *Леди крепко руки терла.*

Лингвистическая характеристика. Простое предложение с инверсированным порядком слов: обстоятельство образа действия «крепко» и дополнение «руки» оказываются акцентированными единицами.

И первое, и второе предложения (и 1-я, и 2-я мини-ситуации) построены по одной – стилистически маркированной – синтаксической модели, актуализирующей такие члены предложения, как обстоятельства (времени и образа действия) и дополнение: *Леди **долго** мыла / **крепко** терла **руки.***

Итак, леди *долго моет* и *крепко трет руки*… У читателей возникает вопрос: Зачем леди так тщательно (маниакально даже) *моет* / *трет руки*? На уровне 1-й и 2-й мини-ситуаций ответа на этот вопрос читатель не получает.

3-я мини-ситуация: *Эта леди не забыла / Окровавленного горла.*

Лингвокоммуникативная характеристика. Простое предложение с прямым порядком слов. Для осмысления данной синтаксической единицы зададимся вопросами:

1. Какую новую информацию 3-я мини-ситуация сообщила читателю? (Указательное местоимение *эта* /леди/ отсылает читателя, по-видимому, к некоей *определенной* женщине.)
2. Как эту информацию можно прокомментировать? (Читатель, ориентируясь только на текстовую информацию рассмотренных мини-ситуаций, пока не может установить прототип героини поэтического текста В. Ходасевича.)

3. Какое из языковых средств 3-й мини-ситуации оказывается композиционно-семантически акцентированным? (Эстетически мотивированный прием *анжамбеман* /фр. *enjambement*, от *enjamber*, «перешагнуть»/, заключающийся в несовпадении синтаксической паузы с ритмической, актуализирует лексему *окровавленного* в анализируемом фрагменте. Преподаватель обращает внимание слушателей также на морфемный состав слова *окровавленного*, который детерминирует значение рассматриваемой единицы.)

4-я мини-ситуация: *Леди, леди! Вы как птица / Бьетесь на бессонном ложе.*

Лингвокоммуникативная характеристика. Первый фрагмент мини-ситуации «*Леди, леди!*» представляет собой повтор слова-*обращения*, предваряющий второй фрагмент: «*Вы как птица / Бьетесь на бессонном ложе*», который – в синтаксическом плане – можно охарактеризовать как «простое предложение с прямым порядком слов»; отметим, что художественный прием *анжамбеман* акцентировал в 4-й мини-ситуации лексическую единицу *бьетесь*.

Итак, поэт сравнивает леди с птицей, которая «бьется на бессонном *ложе*» (в сознании читателя возникает образ птицы, бьющейся о прутья клетки: в поэтическом тексте В.Ф. Ходасевича клеткой становится *бессонное ложе*). Попросим учащихся подобрать общеупотребительный синоним к слову *ложе*. Получив верный ответ (*постель*), зададимся вопросами:

1. В каких контекстах русскоязычные люди чаще всего используют слово «ложе»? (Ответы: «брачное ложе» /«супружеское ложе»/, «королевское ложе», «смертное ложе»).
2. Какой из предложенных контекстов «подтвердился» в поэтическом тексте В.Ф. Ходасевича? (Ответ: первый, о «брачном ложе»: леди – замужняя женщина.)

Леди «бьется на бессонном ложе» (состояние бессонницы становится для леди *клеткой* – в таком метафорическом ключе возможно осмысление указанного языкового фрагмента).

Итак: *Леди, леди! Вы как птица / **Бьетесь** на бессонном ложе.*

5-я мини-ситуация: *Триста лет уж вам не спится.*

Лингвокоммуникативная характеристика. Предложение простое, с инверсированным порядком слов: структурно-семантически актуализированным оказывается, прежде всего, числительное «триста» (лет) – внимание читателей акцентируется на продолжительном состоянии бессонницы леди.

Итак, леди «не спится»… Подумаем: «не спится» и «не спать» – это идентичные по семантическому наполнению глаголы? Нет, безличный глагол «не спится» содержит в своем значении указание на существование *причины* бессонницы: не сплю не потому, что не хочу, а потому, что ***не могу** уснуть*.

Леди не спится *триста лет*… Разве может человеку не спаться *триста лет*?! Казалось бы, ответ очевиден: поэт в художественных целях преувеличил, гиперболизировал ситуацию. Но почему леди не спится именно *триста лет* (не сто, не двести, не четыреста)? Для получения ответа на заданный вопрос в методических целях совершим следующее математическое действие: отнимем от *тысячи девятисот двадцати двух* (стихотворение «Леди долго руки мыла…» написано в 1922 году) *триста* – и получим *тысячу шестьсот двадцать два*. 1622 год…

Очевидно, что обозначенная дата связана с «английскими» событиями, т.к. наша героиня – *англичанка*. Вспомним также, что в 3-й мини-ситуации был «указательный намек» на некую конкретную леди (*Эта* леди не забыла…). Подумаем: с какими единицами в нашем ассоциативном

сознании связано слово «леди»? Проведем с учащимися элементарный психолингвистический эксперимент: предоставим им слово-стимул «леди» и будем ждать от них словесных реакций /ассоциаций/ на предложенную лексическую единицу. Если среди ответов не будет литературных ассоциаций («англичанка, богатая, замужем, аристократка, леди Диана…»), то попросим учащихся ассоциативно «вписать» слово *леди* в историко-литературный процесс уже *осознанно*. Однако и данное задание – ввиду отсутствия у слушателей необходимых знаний – может не привести к желаемому результату. В такой ситуации преподаватель может задать учащимся следующие вопросы: *Каких английских писателей Вы знаете? Какой гений «возглавляет» английскую литературу?* – и услышать необходимое для осмысления поэтического текста В. Ходасевича прецедентное имя – Шекспир.

В подтексте рассматриваемого нами произведения В. Ходасевича «фигурирует» дата – 1622 год. Возникает вопрос: Как она связана с творчеством великого драматурга? Преподаватель сообщает учащимся о том, что 1623 годом датируется первое издание трагедии У. Шекспира «Макбет», героиня которой леди Макбет подстрекала собственного супруга (полководца Макбета) к убийству законного представителя престола короля Дункана… Макбет убивает Дункана и отдает окровавленный нож своей супруге – руки шекспировской героини оказываются окровавленными в прямом смысле.

Итак, литературный прототип героини поэтического текста В. Ходасевича установлен – это леди Макбет из трагедии У. Шекспира «Макбет». Следовательно, строки анализируемого нами стихотворения *Леди долго руки мыла, / Леди крепко руки терла* в макроконтексте можно рассматривать как метафоры-символы материального выражения беспокойной человеческой совести.

Итак: ***Триста** лет уж **вам** не спится*.

6-я мини-ситуация: *Мне лет шесть не спится тоже*.

Лингвокоммуникативная характеристика. Предложение простое, с инверсированным порядком слов: актуализированными оказываются лексические единицы «мне», «лет», «тоже». Последняя строка (заключительная мини-ситуация) стихотворения акцентирует внимание читателя на судьбе лирического героя… Почему герою произведения В. Ходасевича «лет шесть» не спится (инверсия в данном случае «размывает» временные рамки, дает приблизительное представление о них)?

Для ответа на этот вопрос – в методических целях – совершим следующее арифметическое действие: отнимем от *тысячи девятисот двадцати двух шесть* – и получим *тысячу девятьсот шестнадцать*. 1916 год… Год, который можно охарактеризовать как «символическое преддверие наиболее кровавых событий истории России XX века» (вспомним почти пророческие слова В.В. Маяковского из поэмы «Облако в штанах»: «… в терновом венце революций грядет шестнадцатый год»).

Шекспировская леди Макбет была непосредственно причастна к убийству другого человека, и муки ее совести (ее бессонница) объяснимы. Но почему мучается бессонницей лирический герой, которому «*лет шесть не спится **тоже***» (лексема *тоже*, несомненно, указывает на общность судеб героев)? Как можно объяснить названные литературно-жизненные параллели? Леди – соучастница убийства, лирический герой – безмолвный свидетель кровавых исторических событий. Причастность к темным, кровавым сторонам Жизни сближает судьбы английского литературного персонажа и обычного человека, живущего в России в начале XX века.

Итак, литературный прототип героини В. Ходасевича определен – это леди Макбет из трагедии У. Шекспира «Макбет», но – шекспировская героиня-*королева* в названной пьесе *умирает* /художественное подтверждение двух языковых контекстов: «королевское ложе», «смертное ложе»/, а в поэтическом тексте В.Ф. Ходасевича Леди *не спится триста лет*…

Жизнь шекспировской леди Макбет оказалась короткой, но ее литературная Судьба – вечна, ее человеческая трагедия – вне пространственно-временных границ. В рассматриваемом нами стихотворении В. Ходасевич в художественной форме выразил одно из правил Жизни: за преступлением всегда следует наказание, не знающее срока давности, не имеющее пространственно-временных ограничений.

Таким образом, основной целью работы над поэтическим текстом на уроке РКИ является обучение чтению художественной литературы, в идеале – восприятию, пониманию, анализу и интерпретации художественного текста, в частности, поэтического (см. в связи с этим работы Сочинской лингвориторической школы [5–8] и др.). При этом решаются две задачи: устранение трудностей чтения конкретного текста и формирование навыков самостоятельного чтения художественной литературы, т.е. самостоятельного преодоления трудностей на основе языковой догадки, опоры на контекст и др.

На занятиях РКИ работа над поэтическим текстом строится как последовательное раскрытие смысла художественного произведения: от понимания значения языковой единицы, составляющей конкретный словесный образ, к восприятию его образной сути и далее к постижению его роли в создании смысла художественного произведения.

Заключение. Итак, главная установка практического курса русского языка как иностранного – обучение естественному речевому общению, поэтому в процессе работы с художественным текстом

на уроке РКИ «читатель должен понять текст именно как законченное и целостное явление, имеющее смысл. Задача преподавателя – помочь ему в том, именно помочь учащемуся самому понять, а не объяснить ему» [9].

Для лингводидактической практики важно, что поэтический текст – это аутентичный текстовый материал. На уровне владения языком А1 возможность использовать аутентичные тексты мала, но уже на уровне А2 оригинальные тексты могут быть включены в учебный процесс (на данном уровне формируются все грамматические навыки). В связи со сказанным заметим, что поэтический текст должен быть таким, чтобы учащиеся могли его понять: для этого им необходимо знать все *грамматические конструкции*, которые будут в тексте (при этом лексические единицы могут быть на 99% незнакомыми).

Примечания:

1. Кулибина Н.В. Читаем стихи русских поэтов. Пособие по обучению чтению художественной литературы. 4-е изд. СПб: Златоуст, 2008. 96 с. С. 4.
2. Попадейкина И. Художественный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного. Вроцлав, 2012. С. 136-144. 144 с.
3. Кулибина Н.В. Указ. соч. С. 5.
4. Кулибина Н.В. Когнитивная модель чтения художественной литературы в лингводидактическом осмыслении // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 10. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 125.
5. Ворожбитова А.А., Ренз Т.Е. Лингвориторико-концептуальный анализ русского классического поэтического текста как основа выявления инварианта и этнокультурной специфики художественной рецепции // Вестник Поморского университета. Вып. 8. 2010. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 172-175.
6. Ворожбитова А.А., Ренз Т.Е. Научно-методические рекомендации по модернизации основных образовательных программ ВПО филологического направления на основе исследования этнокультурной специфики художественной рецепции поэтического текста русской классики российскими и американскими студентами // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2010. № 4. С. 150-156.
7. Ворожбитова А.А. Интерпретативная культура языковой личности как инструмент изучения дискурсивных процессов: теория и методика формирования в лингвориторической парадигме // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 2 (20). С. 197-200.
8. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма как теоретико-методологический подход к исследованию верлибрического дискурса // Сб. науч. тр. SWorld. Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития ‘2012». Выпуск 3. Том 28. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. ЦИТ: 312-840. С. 81-85.
9. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. СПб: Златоуст, 2001. 264 с. С. 26.

UDC 81

Functioning of Poetic Text at the Lesson of Russian Language as a Foreign: System and Speech Aspect

Varvara V. Druzhinina

Sochi Institute (Branch) of the People's Friendship University of Russia, Russia
32 Kuybysheva Str., Sochi 354340
PhD (Philology), Assistant Professor
E-mail: varvara-druzhinina@rambler.ru

Abstract. The article reflects the structured form of linguistic didactic principles of text work with poetic work ‘Lady's Washed Her Hands so Long’ by V.F. Khodasevich within the lesson of the Russian language as a foreign.

Keywords: authentic text; poetic text; lesson of the Russian language as a foreign; linguistic didactic practice; mini-situation; linguistic characteristics; linguistic communicative characteristics.

УДК 373

Фасилитация как условие оптимального педагогического общения в коммуникативной ситуации исследовательского обучения

Елена Ленвладовна Ерохина

Московский педагогический государственный университет, Россия
119991 г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
кандидат педагогических наук, доцент,
E-mail: lenusha@rambler.ru

Аннотация. Статья содержит сопоставительный анализ видов обучения с целью определения оптимального педагогического общения в условиях исследовательского обучения. Сделан вывод о фасилитации как наиболее эффективном способе речевого взаимодействия субъектов исследовательского обучения. Определено соотношение актуальных принципов педагогической риторики – риторизации обучения, риторического обеспечения творческого взаимодействия учителя и учащегося и фасилитации – в современном образовательном коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: исследовательское обучение; педагогическая риторика; оптимальное педагогическое общение; риторизация; творческое взаимодействие; фасилитация.

Введение. Важнейшими аспектами педагогической риторики как теории и практики эффективного речевого взаимодействия участников образовательного процесса являются «построение адекватной модели пространства речевого поведения для педагогического речевого общения, исследование и разработка типологии педагогико-риторических стратегий, тактик, приемов и средств речевого поведения… исследование речевого поведения педагога как организующего и контролирующего речевое общение участников речевой ситуации» [1]. Решение указанных задач невозможно без учета особенностей того *вида обучения,* в условиях которого происходит педагогическое общение.

Материалы и методы. Методологической основой исследования являются концепции гуманизации и гуманитаризации образования (Н.А. Алексеев, А.Г. Асмолов, А.Б. Баранов, Л.И. Божович, В.В. Ильин, И.М. Орешников, Н.С. Розов, В.И. Слободчиков, В.Д. Шадриков, И.С. Якиманская и др.), проблемного обучения (Д.Н. Богоявленский, М.А. Данилов, А.М. Матюшкин, М.И. Махмутов, Н.А. Менчинская, М.Н. Скаткин и др.), развивающего обучения (В.В. Давыдов, Л.В. Занков, З.И. Калмыкова, Н.Н. Поспелов, Д.Б. Эльконин и др.), педагогической риторики (В.И. Аннушкин, А.А. Ворожбитова, Н.А. Ипполитова, В.А. Кан-Калик, Т.А. Ладыженская, А.А. Леонтьев, С.А. Минеева, А.К. Михальская, А.А. Мурашов, И.А. Стернин и др.); современные теории дидактики (Ю.К. Бабанский, Б.С. Ґершунский, И.Я. Лернер, П.И. Пидкасистый, М.Н. Скаткин и др.), теория деятельности (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев и др.). Применялись следующие методы исследования: изучение и сравнительный анализ психолого-педагогической, речеведческой, методической литературы; наблюдение с протоколированием; опрос и анкетирование учителей; анализ продуктов текстопорождения; анализ педагогической документации.

Материалом исследования является корпус устных и письменных текстов участников научно-практических конференций школьников.

Обсуждение. В дидактике отмечается многозначность термина «вид обучения», однако для педагогической риторики наиболее приемлема следующая дефиниция: вид обучения – «взгляд на характер взаимодействия в обучении учителя и учеников» [2].

Традиционно выделяемые виды обучения – объяснительно-иллюстративное, проблемное, программированное – различаются психолого-педагогическими подходами к получению учащимися новой информации и организации учебной деятельности. Однако *принципы взаимодействия* учителя и ученика в данных видах обучения идентичны: неоспорима главенствующая роль учителя, носителя абсолютного знания – собственно-предметного, знания о способах действия, о критериях оценки его результатов, обладающего безусловным правом инициировать общение, воздействовать на его участников, на процесс и результат.

Происходящие сегодня глобальные изменения целей образования потребовали пересмотра принципа организации учебного процесса, «вызвали к жизни принципиально новое для российского образования явление – *исследовательское обучение* (англоязычный аналог – explorer education), … речь идет не о новом витке использования исследовательских методов в образовании, а о принципиально отличном от других, особом виде обучения» [3].

В литературе встречается узкое и широкое понимание термина «исследовательское обучение». Узкое понимание предложено О.А. Карповым: «Для молодых людей, нацеленных на научные сферы производства знаний, аутентичным инструментом развития творческой личности является

исследовательское обучение»; «проблема исследовательского обучения требует разработки новых образовательных методов и создания специализированных учебных заведений»; «... исследовательское обучение – это выход за пределы существующих образовательных традиций» [4]. При данном подходе задача исследовательского обучения – отобрать и подготовить ограниченную группу перспективных учащихся к эффективной профессиональной научной деятельности.

В широком смысле исследовательское обучение – это вид обучения, пространство которого не ограничено рамками специальных учебно-научных учреждений: «в исследовательском обучении задача развития у детей общих исследовательских умений и навыков рассматривается не как частный способ познания, а как основной путь формирования особого стиля жизни, ... при котором поисковая активность будет занимать ведущее место» [5]. Обучение исследовательской деятельности не преследует целей подготовить профессиональных ученых высокого уровня. Задачи этого вида обучения – сформировать у учащихся потребность в реализации познавательной активности, осознание значения исследовательского метода познания жизни для эффективной деятельности в любой профессиональной сфере, для саморазвития и самосовершенствования.

Организация учебного процесса при исследовательском обучении предполагает расширение пространственно-временных рамок традиционного школьного урока. Создается особое коммуникативное пространство, включающее в себя два вида сложных речевых событий – сам процесс исследования и научно-практическую конференцию школьников. Меняются роли участников общения, в первую очередь учителя: он приобретает статус руководителя, консультанта. Однако учитель не является субъектом научной деятельности, его опыт участия в научном дискурсе чаще всего ограничен защитой курсовых и дипломных работ в вузе.

Возникает вопрос об оптимальном педагогическом общении в ситуации исследовательского обучения. Известно, что «оптимальное педагогическое общение – такое общение учителя со школьниками в процессе обучения, которое создает наилучшие условия для развития мотивации учащихся и творческого характера учебной деятельности, позволяет максимально использовать в учебном процессе личностные особенности учителя» [6].

Модель коммуникативной компетенции учителя-научного руководителя, полагаем, представляет собой трехуровневую систему. Первый, фундаментальный, уровень – осознанное владение средствами риторизации, представляющей собой, согласно определению С.А. Минеевой, «переосмысление организации образовательного процесса как полноценного диалогового общения по канонам риторики» [7]. Умение организовать учебный диалог, педагогическое общение на основе взаимодействия являются базовыми условиями для оптимального педагогического общения в исследовательском обучении.

Второй, центральный, уровень системы – профессиональная компетентность учителя в организации *творческого взаимодействия* с учащимися. Разработка принципов, условий и методов риторического обеспечения данного взаимодействия принадлежит А.А. Мурашову: «Дидактическая стратегия и риторическая тактика – в основе условий творческого взаимодействия»; «дидактика творческого взаимодействия преодолевает барьеры коммуникации, сложившиеся в школьном общении, нетрадиционностью своих форм и функциональных педагогических задач, креативно-продуцирующей устремленностью звеньев учебного процесса». Учитель, владеющий риторикой творческого взаимодействия с учащимися, способен преодолевать тезаурусный, оценочный, контрсуггестивный, интеракционный барьеры педагогического общения [8].

Третий, вершинный, уровень коммуникативной компетенции учителя – его фасилитационные (от английского глагола «to facilitate»), «посреднические» умения. Учитель-фасилитатор, по метафорическому определению К. Роджерса, «доверяет» ученику развиваться. Именно ситуация исследования, когда и ученик, и учитель становятся субъектами обучения, со-искателями истины, принципиально меняет их коммуникативные роли, модифицирует суть коммуникативного лидерства учителя: «Фасилитатор учения... в первую очередь ...спрашивает не себя, а учеников: ... Что вам интересно? Что вас заботит? Какие проблемы вы хотели бы уметь решать? А потом он спрашивает себя: Как я могу помочь ученикам в поиске источников информации...? Как я могу помочь ученикам оценить их достижения и поставить новые учебные цели на основе этой самооценки?» [9].

Модель коммуникативной компетенции учителя-научного руководителя представлена на рисунке 1.

Коммуникативная компетенция учителя-фасилитатора определяется «ядром» его коммуникативной личности, «внутренней подсистемой, детерминирующей коммуникативное поведение» [10]. Таким «ядром» в ситуации исследовательского обучения является естественность и открытость учителя в общении; его способность к саморазвитию и самосовершенствованию; эмпатия, «доверие» к ученику; развитость механизмов внушения, заражения и подражания; рефлексивные умения [11].

Рис. 1. Модель коммуникативной компетенции учителя-научного руководителя

Отметим, в частности, и перспективность исследования охарактеризованной проблемы в русле концепции непрерывного лингвориторического образования (см., напр.: [12, 13]) и формирования профессиональной языковой личности [14, 15].

Результаты и выводы. Определены и обоснованы условия оптимального педагогического общения в ситуации исследовательского обучения. Создана трехуровневая модель коммуникативной компетенции учителя-научного руководителя. Доказана актуальность владения учителем фасилитационными умениями для эффективного взаимодействия с учащимся-исследователем.

Роль фалиситатора как успешного руководителя исследовательской деятельности ученика требует от учителя непрерывного личностного развития, кардинального пересмотра стиля общения, овладения речевыми жанрами, не входящими в традиционный жанровый репертуар учителя: консультация, дружеская беседа, совет и др.

Примечания:

1. Михальская А.К. Педагогическая риторика: Учеб. пособие. Ростов-н/Д: Феникс, 2013. С. 373.

2. Педагогика. Учеб. пособие для студентов пед. вузов и пед. колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 1998. С. 163.

3. Савенков А.И. Психологические основы исследовательского обучения школьников // Фізіка: праблемы выкладання. № 3. 2007. С. 14-24.

4. Карпов О.А. Как организовать исследовательское обучение школьников // Народное образование. 2011. № 2. С. 36-42.

5. Савенков А.И. Психологические основы исследовательского подхода к обучению: Учеб. пособие. М.: Ось-89. 2006. 480 с. С. 277-278.

6. Леонтьев А.А. Педагогическое общение / Под ред. М.К. Кабардова. 2-е изд., перераб. и доп. М.; Нальчик. 1996. С. 20.

7. Тихонов С.Е. Риторика, риторизация и общение в школе: осмысление и воплощение в период модернизации образования. М.: Прометей. 2005. 271 с. С. 125.

8. Мурашов А.А. Творческое взаимодействие учителя и учащихся: риторическое обеспечение. Дис. … д-ра пед. наук. М., 1999. 372 с.

9. Роджерс Карл, Фрейберг Джером. Свобода учиться. М.: Смысл, 2002. С. 247.

10. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер. 2011. 284 с. С. 193.

11. Врублевская Е.Г. Педагогические условия развития у педагога способности к фасилитирующему общению в процессе его профессиональной деятельности (на материале учреждений дополнительного образования детей). Дис. … канд. пед. наук. Хабаровск. 1999. 226 с.

12. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как социокультурная стратегия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия «Общественные науки». 2003. № S9. С. 88-96.

13. Ворожбитова А.А. О концепции лингвориторического образования // Высшее образование в России. 2005. № 11. С. 91-96.

14. Юрьева А.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторический идеал как фактор становления профессиональной языковой личности будущего учителя: Монография. Сочи: РИО СГУТиКД. 2009. 177 с.

15. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая модель «Филолог как профессиональная языковая личность» и поликультурный аспект подготовки специалиста в области русской филологии //

Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 17 / Под ред. проф. А. А. Ворожбитовой. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. С. 205-210.

UDC 373

Facilitation as a Condition of Optimal Pedagogic Communication in Communicative Situation of Inquiry-based Learning

Elena L. Erokhina

Moscow State Pedagogic University, Russia
1 Malaya Pirogovskaya, build. 1, Moscow 119991
PhD (Education), Assistant Professor
E-mail: lenusha@rambler.ru

Abstract. The article contains comparative analysis of the types of education, aimed at the detection of optimal pedagogic communication in terms of inquiry-based learning. The author came to the conclusion that facilitation is the most efficient type of talk exchange between the subjects of inquiry-based learning. The correlation of topical principles of pedagogic rhetoric – rhetorization of education, rhetoric provision of creative interaction of a teacher and a learner and facilitation – in modern communicative environment is determined.

Keywords: inquiry-based learning; pedagogic rhetoric; optimal pedagogic communication; rhetorization; creative interaction; facilitation.

УДК 8; 81:112.4

Дискурсивное поле отечественных кинофильмов как генетическая база фразеологической деривации

Анна Игоревна Казакова

Астраханский государственный университет, Россия
414052. Астрахань, ул. Татищева, 20а
аспирант
E-mail: @liranna.ru

Аннотация. Статья раскрывает содержание понятия «дискурсивное поле». Показаны деривационные процессы в дискурсе отечественного кинематографа на примерах фразеологических единиц из дискурсивного пространства отечественных кинофильмов. Представлен сравнительный анализ дериватных пар и их источников, особенности фразообразования, способы создания дериватов.

Ключевые слова: деривация; дискурсивное поле; фразеологические единицы (ФЕ); трансформация.

Введение. Фразеологический фонд русского языка непрерывно обновляется, и это требует разностороннего анализа нового языкового материала, а также осмысления теоретической базы данного процесса.

Материалы и методы. Одним из источников пополнения фразеологических единиц (далее ФЕ) является кинодискурс – когнитивное образование, имеющее структуру и характеризующееся такими признаками, как связность, цельность, интертекстуальность [1].

Когнитивно-дискурсивный анализ позволяет исследовать этнокультурную природу ФЕ, интерпретационной базой которых является отечественный кинофильм, который рассматривается нами как дискурсивное поле – пространственная идиоэтническая категория, «в пределах которой проявляется взаимодействие идиоматики, сознания и культуры» [2] (в связи с этим актуальны также категории дискурс-парадигматики и дискурс-синтагматики [3]).

Обсуждение. Интерпретационный потенциал дискурсивного поля кинофильма «Белое солнце пустыни» обусловил активное самостоятельное функционирование ФЕ ***за державу обидно!*** – ‘разочароваться в событиях, которые происходят в стране’. Анализ употреблений ФЕ ***за державу обидно!*** показал, что косвенно-производная единица активно используется в качестве названий литературных произведений, ср.: 1. Дмитрий Пучков: За державу обидно (Издательство: Крылов, 2009); 2. Лебедь Александр Иванович. За державу обидно… (Издание: Лебедь А.И. За державу обидно… М.: «Московская правда», 1995). 3. Юрий Игнатьевич Мухин. За Державу обидно! (М.: «Яуза», 2004.). Семантика ФЕ отражается в содержании книги: *Если внезапно исчезнут преступники и террористы, то чем будут заниматься генералы и офицеры спецслужб и армии? Готовы ли они спуститься в шахты или стать лесорубами? Спецслужбы нас защищают от преступности или плодят преступность?*

Лингвокреативный продукт когнитивного процесса, то есть мыслительная информация, обусловливает фразеологическую деривацию в дискурсивном поле конкретного кинофильма. Рассматривая деривацию, вслед за Ю.А. Гвоздаревым, как «процесс образования языковых единиц, который протекает на уровне речемыслительной деятельности человека» [4], мы исследуем фразеологическую динамику в дискурсивном поле отечественного кинофильма, учитывая влияние лингвистических и экстралингвистических причин на изменения в семантике, структуре и грамматическом оформлении исходных ФЕ. В центре фразеологической деривации находятся исходная, производящая ФЕ и производная ФЕ (фразеологический дериват).

На наш взгляд, дискурсивное поле того или иного кинофильма стимулирует производящую ФЕ к разного рода семантическим и структурным преобразованиям, в результате чего появляются новые знаки косвенно-производной номинации, которые возможно рассматривать как производные ФЕ, что убедительно доказывает наш исследовательский материал. Рассмотрим ФЕ ***ловкость рук, и никакого мошенства*** – ‘о ловкости, хитрости, как иронический комментарий к ловкому обману, совершаемому прямо на глазах у жертвы, к нечестной игре’. Эта реплика Мустафы, одного из героев фильма «Путевка в жизнь» (режиссер Н.В. Экк) стала популярной еще в 1931 году. Эта ФЕ, как утверждается в книге К. В. Душенко «Словарь современных цитат», восходит к словам знаменитого фокусника Янтьена Амстердамского: «Раз, два, три! Быстрота – совсем не колдовство». Но она использовалась также в первой версии романа «Двенадцать стульев» 1928 года, текст которой был опубликован в 1997 году, ср.: *– Отдай деньги! – крикнул горец. – Что?! – закричал Остап. – Люди видели!* ***Никакого мошенства!*** Видимо, данное выражение пользовалось популярностью в среде наперсточников того времени. Используется в разных значениях, но всякий раз в том смысле, что мошенничество на самом деле имеет место.

Данная ФЕ стала производящей основой в дискурсивном поле кинофильма «Карнавальная ночь» для появления производной ФЕ ***ловкость рук – и никакого доклада***. Следовательно, ФЕ ***ловкость рук, и никакого мошенства*** и ***ловкость рук – и никакого доклада*** можно рассматривать как дериватные пары, так как в их составе есть общая ядерная часть «ловкость рук». Лингвистический анализ показывает, что изменение состава влечет за собой изменение фразеологической семантики: данные ФЕ отличаются по составу компонентов: элемент *мошенство* заменен на слово *доклад*. Это привело к изменению семантики, ср.: ***Ловкость рук, и никакого мошенства –*** ‘виртуозное владение, работа, исполнение’ и ***ловкость рук – и никакого доклада –*** ‘исчезновение текста доклада’.

Потенциальные возможности дискурса отечественного киноискусства как событийной категории подтверждают, что фразеологическая система языка характеризуется только относительной стабильностью и «выделяются фраземы, среду появления которых нельзя однозначно определить как этно- или инокультурную» [5]. Дискурсивное поле кинофильма может выступать как «пространственно-временное когнитивное поле, в пределах которого проявляется связь семантики фраземы с элементами «своей» и «чужой» культуры, т.е. происходит кодирование этно- и инокультурной информации в одном языковом знаке <…>. Выражение ***в Багдаде все спокойно***, которое сейчас употребляется как шутливое заверение в том, что на вверенной территории никаких происшествий не произошло, восходит к детскому кинофильму «Волшебная лампа Алладина» (1996), где эти слова неоднократно восклицали стражники, обходящие ночной город и где эта же фраза была рефреном веселой песенки. Тем не менее в основу сценария самого фильма положен сюжет арабской сказки [6].

ФЕ из дискурсивного поля кинофильма, закрепляясь в языке, с течением времени, подвергаются различным трансформациям. В качестве причины могут выступать поиски новых образов или новые когнитивно обусловленные наблюдения. Новые ассоциации побуждают к изменению существующих ФЕ, их обновлению или созданию новых. «Для описания фразообразовательных процессов, – пишет Ю.А. Гвоздарев, – необходимо, прежде всего, определить исходный материал: значение, получающее утверждение в новой единице, и тот материал, с помощью которого это значение материализуется в языке (речи)» [7]. Следовательно, необходимо определить деривационную базу ФЕ для изучения их потенциальных возможностей в дискурсивном поле кинофильма.

Деривация ФЕ из дискурсивного поля кинофильма бывает многократной, то есть каждая производная ФЕ может стать производящей. Думается, необходимым условием становится установление критериев производности ФЕ из кинофильмов при наличии известного и конкретного известного источника, участвующего в ее образовании. Так, для признания косвенно-производной единицы дериватом, С.Н. Денисенко считает наличие структурно-семантического сдвига и подчеркивает, что отношения синхронной производности наблюдаются при следующих условиях: 1. Наличие общей «ядерной части» (структурной и семантической). 2. Структурно-семантическая соотнесенность производной ФЕ и производящей [8].

Наш исследовательский материал подтверждает данные положения. Так, ФЕ ***без бумажки мы мурашки!*** из дискурсивного поля кинофильма «Улицы разбитых фонарей» произошла из известного выражения ***без бумажки – ты букашка*** из «Песенки бюрократа», написанной советским поэтом Василием Ивановичем Лебедевым-Кумачом для эстрадного обозрения Московского дома печати «Вопрос ребром». Как видно, в обеих ФЕ есть общая ядерная часть – *без бумажки* и общее значение – ‘без документа, паспорта, диплома, справки и т.д. человеку трудно доказать иногда даже сам факт своего существования’. *Бумажка* имеет значение – ‘справка, документ, удостоверяющий что-либо’.

Так, названные ФЕ, помимо общности типа деривационных баз и общности процесса фразообразования, обнаруживают также общность структуры («предлог с существительным + грамматическая основа»), общность грамматического, функционального значения и общность семантических отношений между деривационной базой и продуктами деривации.

Процессы эволюции фраземообразования ФЕ в дискурсивном поле кинофильма возможно проследить при изучении однократного или многократного процесса деривации, при котором имеется единичное соотношение «производящая ФЕ – производная ФЕ». Одна ФЕ может производить только одну ФЕ из дискурсивного поля кинофильма. Каждая последующая ФЕ вытекает из предыдущей ФЕ. Например, производная ФЕ ***Бог даст день – бог даст тыщу!*** из дискурсивного поля кинофильма «Свидетельство о бедности» образована от производящей ФЕ ***Бог даст день, даст и пищу*** – ‘все обойдется, образуется’. Говорится тому, кто тревожится о своем завтрашнем дне, беспокоится, что нечего будет есть и т.п. Ср. ***Будет день – будет пища***.

Многократный процесс фразеологической деривации характеризуется наличием нескольких ступеней: каждая ступень включает наличие двух ФЕ – производящей и производной. Производная ФЕ, образованная путем деривации, может стать также и производящей ФЕ. Например, ФЕ ***пришел, увидел, обхамил*** из дискурсивного поля кинофильма «Председатель» и ФЕ ***пришел, увидел, опознал*** из сериала «Следствие ведут ЗнаТоКи» образованы от одной ФЕ ***Veni, vidi, vici (Пришел,***

увидел, победил). Это латинское выражение – слова, которыми Юлий Цезарь в 47 году до н.э. уведомил друга Аминция в Риме о победе.

В результате данных деривационных процессов на основе производящей ФЕ образуются целые серии дериватов, которые можно рассматривать как деривационно связанные фразеологические объединения.

Основываясь на оригинальном эмпирическом материале исследования, мы выделяем несколько групп ФЕ из дискурсивных полей кинофильмов:

1. Источник ФЕ – данные фразеологических словарей. Например, ФЕ ***Невеста не волк – в лес не убежит***. («Не может быть!») является дериватом ФЕ ***работа не волк – в лес не убежит*** – ‘о необязательности срочного выполнения какой-либо работы; приглашение не спешить, обождать, задержаться’.

2. Источник ФЕ – художественная литература. Например, ФЕ ***Лимпопо все возрасты покорны*** (фраза из кинофильма «Где находится нофелет») представляет собой трансформированную цитату из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», ср.: ***Любви все возрасты покорны***; / *Но юным, девственным сердцам / Ее порывы благотворны, / Как бури вешние полям*.

3. Источник ФЕ – популярные песни. Например, выражение ***Ах, вернисаж мой, вернисаж. Какой портрет, какой массаж!*** (фраза из кинофильма «Раз на раз не приходится») заимствовано из песни «Вернисаж». ср.: ***Ах вернисаж, ах вернисаж. / Какой портрет, какой пейзаж!***

Часть словарных ФЕ заимствована в исходном структурно-семантическом варианте, но большая часть является дериватами (с заменой компонента или построенными по аналогии образной системы, контаминированные). Анализируемые нами ФЕ репрезентируют устную речь как наиболее древнюю форму языка и сохраняют следы древнего синкретизма. Как отмечает Л.Г. Золотых, «обыденное общение очень часто опирается на ассоциативный характер человеческого мышления. Мы с легкостью извлекаем из соответствующей ситуации уровень глубины семантики фразеологической единицы. Чувственно-образная реакция на мир в повседневной сфере общения подчиняет себе свойственную человеку ориентацию на рациональное восприятие мира. В процессе «заурядного» разговора человеку меньше всего свойственно устанавливать логические и причинно-следственные связи, поэтому мы заменяем их ассоциативными и нередко случайными [9].

Оригинальное и авторское употребление ФЕ в дискурсе кино может вносить изменение в план содержания и в план выражения. Изучение фразеологической деривации требует обращения к этимологии, привлечения данных из кинематографа, литературы, музыки и фразеологии (отметим, что интерпретативная культура профессиональной языковой личности рассматривается в работе [10]). Привлечение этих данных способствует обнаружению причинной связи между исследуемыми единицами дериватной пары (производной и производящей ФЕ).

Проведенное нами исследование ФЕ из дискурсивных полей отечественных кинофильмов и анализ данного пласта ФЕ на материале словаря А.В. Кожевникова [11] позволили представить следующую модель образования таких ФЕ, которая отражает деривационные процессы (рис. 1).

Следующие примеры иллюстрируют особенности каждой группы фразеологических единиц.

1. ФЕ, появившиеся в одном фильме и перешедшие в другой:

а) трансформированные: ***В нашем деле главное – дрессировка.*** («Девушка с гитарой»). Далее все ФЕ являются дериватами названной:

В нашем деле главное – включить зажигание. («Друг мой, Колька!..»). ***В нашем деле главное – этот самый реализм.*** («Бриллиантовая рука»). ***В нашем деле главное – это списаться на берег.*** («Если есть паруса»);

б) построенные по одной синтаксической схеме:

Ларек – дело хлебное! («Повесть о первой любви».). Ср.: ***Восток – дело тонкое.*** Это реплика красноармейца Сухова в фильме «Белое солнце пустыни». Данная ФЕ является комментирующей репликой по поводу рассказа, сообщения о каком-либо запутанном деле, сложной ситуации. Может быть употреблена по отношению к ситуации, которая требует осторожности и размышлений (в таких случаях компонент *восток* обычно заменяется другим).

2. ФЕ из фразеологического фонда русского и других языков, пословиц, крылатых слов и выражений известных людей:

а) трансформированные: ***В тесноте, да не в Бутырке*** («Конец операции «Резидент»). Ср.: ***В тесноте, да не в обиде –*** ‘небольшое неудобство’;

б) построенные по одной синтаксической схеме: ***От перемены жены человек не меняется*** («Разные люди»). Выражение построено по аналогии с высказыванием древнегреческого ученого Архимеда – ***от перемены мест слагаемых сумма не изменяется;***

в) контаминация элементов: ***Возвращение гадкого утенка.*** («Шапка»). Ср.: ***Возвращение блудного сына.*** Данное выражение составляет одну часть производной ФЕ. Это название картины Рембрандта на сюжет притчи о блудном сыне. Другая часть представлена ФЕ

гадкий утенок. Она является названием сказки писателя Г.Х. Андерсена. Так иносказательно говорят о человеке, чьи истинные достоинства открываются неожиданно для окружающих.

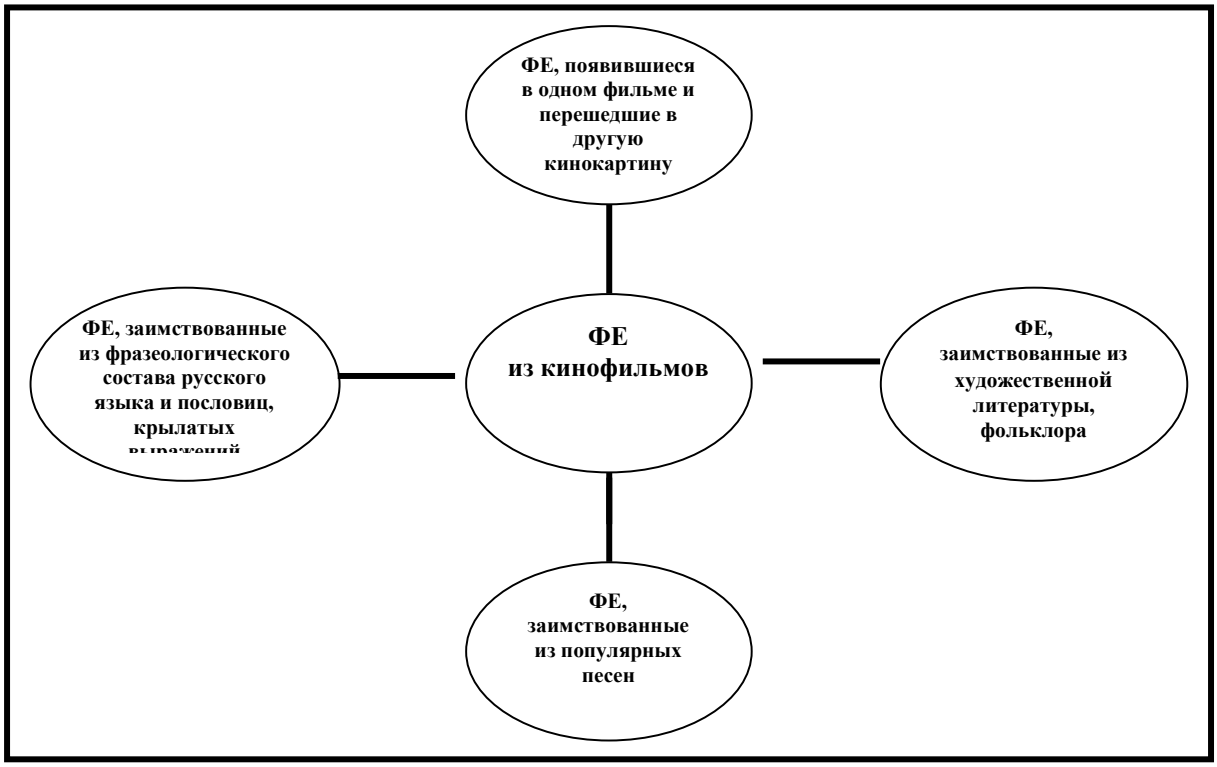

Рис. 1. Источники пополнения ФЕ из дискурсивного поля кинофильмов

3. ФЕ, заимствованные из художественной литературы, фольклора:

а) трансформированные: ***О, гастроли шапито! Средь шумного бала проездом…*** («Большой аттракцион»). Ср.: А. Толстой «Средь шумного бала, случайно…»: ***Средь шумного бала, случайно****, / В тревоге мирской суеты, / Тебя я увидел, но тайна / Твои покрывала черты;*

б) построенные по одной синтаксической схеме: ***Один отец – хорошо, два – лучше! Я б в родители пошел, пусть меня научат!*** («Бабник»). Ср.: Владимир Маяковский «Кем быть»: *Столяру хорошо, а инженеру – лучше, / я бы строить дом пошел, пусть меня научат.*

4. ФЕ, заимствованные из популярных песен:

а) трансформированные: А я такой голодный, как айсберг в океане («Поезд вне расписания»). Ср.: «Айсберг»: *А я про все на свете / С тобою забываю, / А я в любовь, как в море, / Бросаюсь с головой! / **А ты такой холодный, / Как айсберг в океане,** / И все твои печали / Под черною водой!*

Результаты и выводы. Таким образом, дискурсивное поле отечественных кинофильмов представляет из себя многогранную систему, в которой рождаются новые ФЕ, дериваты, дериватные пары. Фразеологическая деривация, являясь видом расширения и пополнения фразеологического корпуса языка, формирует значительное многообразие ФЕ на материале различных дискурсов, в частности кинодискурса, и является постоянным, системным и коммуникативным фактором фразообразования (актуален в заявленном ключе также аспект дискурсивных процессов [12], изучаемых Сочинской лингвориторической школой [13, 14]). В качестве перспективы нашего исследования можно рассматривать обращение также к библеизмам (см., напр.: [15]) как разновидности крылатых выражений.

Примечания:

1. Самкова М.А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1(8). Тамбов, 2011. 137 с.

2. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. Астрахань: «Изд-во «Астраханский университет»», 2007. 265 с.

3. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532-1537.

4. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. Ростов-н/Д.: НМЦ «Логос», 2010. 246 с.

5. Хохлина М.Л. Роль этно- и инокультурного факторов в формировании фразеологической семантики дискурсивного пространства «Своего» и «Чужого» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета Серия «Филологические науки». 2010. № 5. С. 40-43.

6. Там же. С. 43.

7. Гвоздарев Ю.А. Указ. соч.

8. Денисенко С.Н. Фразеологическая деривация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2006. С. 45-47.

9. Золотых Л.Г. Семиотика культуры и формирование фразеологической семантики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2006. № 3. С. 15-20.

10. Ворожбитова А.А. Интерпретативная культура языковой личности как инструмент изучения дискурсивных процессов: теория и методика формирования в лингвориторической парадигме // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 2 (20). С. 197-200.

11. Кожевников А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино / Авт.-сост. А.Ю. Кожевников. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 672 с.

12. Ворожбитова А.А. Комплексное исследование дискурсивных процессов в российском социокультурно-образовательном пространстве XIX–XXI вв.: программные установки лингвориторической парадигмы // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 1 (19). С. 182-185.

13. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.

14. Потапенко С.И. Сочинская лингвориторическая школа как коллегиальный субъект исследования дискурсивных процессов // European Journal of Contemporary Education. 2013. Vol. (5). № 3. P. 162-172.

15. Ворожбитова А.А., Зуев М.Б. Библеизмы как интертекстуальный оператор в коммуникативном пространстве Интернет // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Сочи: РИО СГУТиКД, 2007. С. 39-51.

UDC 8; 81:112.4

Discursive Field of Russian Movies as Genetic Basis of Phraseological Derivation

Anna I. Kazakova

Astrakhan State University, Russia
20a Tatishcheva Str., Astrakhan 414052
Graduate

Abstract. The article reveals the meaning of the notion ‘discursive field’, shows derivation processes in Russian cinematography discourse on the examples of phraseological units from discursive environment of Russian movies, presents the comparative analysis of derivate pairs and their sources, phrase formation features, ways of derivates formations.

Keywords: derivation; discursive field; phraseological units; transformation.

УДК 81

Паралингвистические средства эпистолярной коммуникации: когнитивно-прагматический подход

Наталья Алексеевна Каленова

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, Россия
400074 г. Волгоград, ул. Академическая, 1
кандидат филологических наук
E-mail: nakalyon2011@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема паралингвистических средств передачи информации в эпистолярном дискурсе, рассматриваемом в координатах когнитивно-прагматической лингвистической субпарадигмы. Эпистолярный дискурс как акт и результат эпистолярной коммуникации является событием, обеспечивающим трансляцию информации от адресанта к адресату.

Эпистолярный дискурс в таком понимании образуется движением иллокутивных сил, транслирующих информацию доступными адресанту средствами. В статье названы паралингвистические средства, характерные для письма как жанра естественной письменной речи, подробно рассмотрены специфические паралингвистические средства.

Ключевые слова: когнитивно-прагматическая парадигма; эпистолярный дискурс (ЭД); невербальные средства коммуникации.

Введение. Актуальность исследования невербальных средств эпистолярного дискурса в когнитивно-прагматическом аспекте определяется тем, что эпистолярный дискурс – это сложное когнитивно-коммуникативное целое, действие, событие, обеспечивающее трансляцию информации от адресанта к адресату. Каждый элемент эпистолярного дискурса функционирует как часть этого сложного целого. Паралингвистические, или невербальные, средства эпистолярного дискурса не исследованы в должной мере, хотя их роль в передаче информации и во взаимодействии с другими элементами эпистолярного дискурса заслуживает особого внимания.

Материалы и методы. Материал исследования – частные письма XIX–XXI вв. Когнитивно-прагматический подход [1] к анализу языковых явлений предполагает выявление способов трансляции информации. Метод сравнения, классифицирования, контекстный, а также метод когнитивного моделирования.

Обсуждение. Эпистолярный дискурс (ЭД) представляет собой сложное когнитивно-коммуникативное явление, включающее разные элементы, которые образуют блоки: 1) когнитивный блок адресанта; 2) текстовый блок; 3) когнитивный блок адресата; 4) прагматический блок. ЭД в когнитивно-прагматической субпарадигме рассматривается как событие, действие, суть и назначение которого – передать информацию (рационального или эмоционального характера) от адресанта к адресату. Когнитивный блок адресанта содержит некую информацию, которая вычленяется адресантом из его концептосферы для передачи адресату посредством ЭД. Так формируется информационное поле ЭД. Эта информация кодируется доступными адресанту средствами с учетом представлений о содержании и структуре когнитивного блока адресата. Прагматический блок в модели ЭД представляет собой иллокутивные силы, направляющие поток информации из когнитивного блока адресанта в когнитивный блок адресата. Передача информации обеспечивается, как уже было сказано, разными средствами. В данной статье проанализируем тот арсенал паралингвистических средств, которые доступны участникам эпистолярной коммуникации.

Лингвисты неизбежно сталкиваются с необходимостью изучения невербальных средств коммуникации, потому что, «будучи подлинно паралингвистическими, эти компоненты существенно воздействуют на форму и смысл вербального компонента» [2]. Наиболее изученными оказываются паралингвистические средства устной коммуникации (Г.Е. Крейдлин, И.Н. Горелов, Н.А. Багдасарова, В.Л. Морозов, Д.П. Чигаев и др.). Специфика паралингвистического компонента письменной коммуникации исследована в большей мере на материале креолизованных текстов СМИ. Между тем креолизованность – типичная черта жанров естественной письменной речи [3], в том числе и частных писем.

В письменной коммуникации выделяют такие средства невербальной передачи информации, как «графическая сегментация текста и его расположение на бумаге, длина строки, пробелы, шрифт, цвет, курсив, разрядка, втяжка, подчеркивание и отчеркивающие линейки, типографические знаки, графические символы, средства иконического языка (рисунок, фотография, карикатура, таблица, чертеж, схема и др.), ширина полей, формат бумаги и другие средства, набор которых не является жестко фиксированным, может варьироваться в зависимости от характера конкретного текста» [4]. Так, А.Ф. Вангенгейм, организатор первой единой гидрометеорологической службы в СССР, который

был арестован в 1934 г., заключен в Соловецкий лагерь особого назначения и впоследствии расстрелян [5], в письмах своей дочери Элеоноре кодирует информацию о природных явлениях, окружающих его, не только с помощью словесного описания, но и с помощью цветного рисунка (см. рис. 1).

Рис. 1. Письмо (1 сторона листа) А.Ф. Вангенгейма дочери Элеоноре, 23 мая 1937 г., Соловецкий лагерь особого назначения

Отметим также характер почерка: ровный, каллиграфический, что может быть обусловлено как соответствующим психофизиологическим состоянием, так и стремлением адресанта оформить письмо так, чтобы его смогла прочитать дочь, которой на тот момент было 7 лет. Возможно, это связано с тем, что адресант предполагал, что они с дочерью никогда не увидятся, поэтому письма останутся «на память».

В других письмах адресант кодирует рисунками задания по арифметике, геометрии, вкладывает в конверты с письмами гербарий, поделки и т.д., занимаясь таким образом воспитанием и образованием дочери. Замечательно, что Элеонора Алексеевна (1930–2012), адресат посланий, впоследствии стала палеонтологом, сохранив интерес к естественнонаучному знанию.

Специфическим, на наш взгляд, средством невербального кодирования информации в ЭД являются предметы, вложенные в конверт с письмом. Другие источники личного происхождения (записка, дневник, мемуары, записная книжка и т.д.) не имеют такого средства в силу жанровых и, условно говоря, технических особенностей. Так, уже упоминаемый А.Ф. Вангенгейм вкладывал в конверт с письмом гербарий, поделку, что служило способом кодирования информации и преследовало образовательные и воспитательные цели. Использование таких невербальных способов кодирования информации характерно для писем многих других адресантов из заключения (П. Флоренский, В.В. Левитский, В. Мамаладзе и мн. др.).

Предмет, вложенный в конверт, может объективировать информацию как дополнительное средство (в комплексе с вербальными, например, или с другими невербальными средствами) или как самостоятельное. В одно из последних посланий, находясь в тюрьме, М.О. Меньшиков кладет обручальное кольцо и при этом поясняет: «*Сейчас звонят к вечерне. Последний звон мой в моей жизни. Слышите ли вы его? Слышите ли вы меня, мои любимые. Если есть за гробом жизнь, она вся будет наполнена мыслью о вас. Целую тебя, дорогая Маня, возвращаю* ***кольцо обручальное*** *и последние мои гостинцы для вас*» (М.О. Меньшиков жене, М.В. Меньшиковой, и детям, 6 / 19 сентября 1918 г., четверг, 3 часа дня, тюрьма). Адресант комплексно кодирует информацию.

Сохранились воспоминания М.В. Меньшиковой: «*В этот же день сын Савина принес мне пакетик от мужа, это было утром. Развернув его, я выронила из бумаги* ***обручальное кольцо*** *и испугалась. Муж возвращал мне кольцо. Мне стало жутко и страшно. Задыхаясь от волнения, я стала читать*». Как видим, декодирование информации начинается с паралингвистического средства. Результат декодирования – эмоциональное состояние, объективируемое М.В. Меньшиковой лексемами ***жутко***, ***страшно***, ***волнение***. Адресант кодирует когнитивную структуру ПРОЩАНИЕ, а адресат декодирует: «*Читая и разглядывая* ***присланное****, мы горько плакали. Долго не смолкали в нашей комнате стоны и рыдания*». Таким образом, средства невербального кодирования информации в ЭД могут замещать вербальные средства, транслируя информацию, вербальные и невербальные средства могут дополнять друг друга [6], комплексно объективируя информацию.

Декодирование паралингвистических средств ЭД представляет собой отдельную, однако трудно решаемую лингвистическую проблему. Для того, чтобы выявить результаты декодирования паралингвистических средств ЭД, необходимы соответствующие источники: письма-ответы, письма другим адресатам, воспоминания самого адресата (как в предыдущем примере) или окружающих,

близких адресату людей и т.д. Исследование процессов и результатов декодирования паралингвистических средств ЭД затруднено из-за недостаточности подобных источников.

Специфическим средством невербального кодирования в ЭД следует, на наш взгляд, признать само письмо, материальный субстрат ЭД. Наличие/отсутствие письма также может объективировать информацию. Например, если адресант – участник боевых действий, адресат, еще не приступая к чтению письма, получает информацию: адресант жив (по крайней мере, был жив еще недавно, возможно, еще жив до сих пор). Отсутствие письма может быть способом кодирования информации о том, что адресант ожидаемого послания, возможно, погиб, пропал без вести, в мирное время – обижен, не желает продолжать общение и т.д. Этот невербальный код является релевантным в цепочке писем (отсутствие письма в несуществующей переписке не значимо) и признается участниками эпистолярной коммуникации, поэтому возможны пояснения, почему адресант так долго не писал.

Отдельно следует сказать о вербальном кодировании в ЭД невербальных знаков коммуникации. Описание жестов, мимики и т.д. в ЭД обусловлено синкретичной, письменно-устной природой ЭД. Некоторые этикетные формулы письма генетически восходят к языку жестов: ***жму руку*** и т.д. Строго говоря, описание (с помощью знаков языковой системы) невербальных коммуникативных средств ЭД относится к вербальным средствам кодирования информации. Это, образно говоря, смежная зона, где пересекаются способы вербальные и невербальные. И это тоже можно назвать специфической чертой ЭД.

Нехарактерным для ЭД является прием замены одного из языковых знаков в тексте письма невербальным. Выявлен единичный случай замены компонента фразеологической единицы ***поставить крест***, где компонент ***крест*** заменен графическим символом (подробнее см. [7]).

Результаты и выводы. Паралингвистические средства ЭД в их взаимодействии с вербальными комплексно реализуют коммуникативные задачи, транслируя информацию из когнитивного блока адресанта в когнитивный блок адресата. В качестве специфического паралингвистического средства ЭД квалифицирован предмет, вложенный в конверт с письмом. Особое значение для эпистолярной дискурсии имеет сам факт наличия/отсутствия письма в общей цепи писем как отдельных компонентов переписки между данными коммуникантами: такой факт также становится добавочным способом невербального кодирования информации. В статье намечены перспективы исследования паралингвистических средств ЭД, их взаимодействия с вербальными. Целесообразно также рассмотрение проблемы исследования в более широком контексте – в лингвориторической парадигме (см., напр.: [8–11]).

Примечания:

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: Сб. науч. тр. М.: Флинта, 2011. С. 16-27.

2. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980. 104 с. С. 6.

3. Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. Изд-во БГПУ, 2001. № 1. С. 4-10.

4. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003. 128 с. С. 7.

5. http://www.urokiistorii.ru/memory/ex/51793 (Дата обращения 10.09.2013).

6. Вашунина И.В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста. Дис. … д-ра филол. наук. М., 2009. 511 с.

7. Каленова Н.А. Прием замены компонента фразеологического значения в эпистолярном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 67-70.

8. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183-190.

9. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.

10. Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 4. 2012. С. 77-84.

11. Ворожбитова А.А. Интерпретативная культура языковой личности как инструмент изучения дискурсивных процессов: теория и методика формирования в лингвориторической парадигме // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 2 (20). С. 197-200.

UDC 81

Paralinguistic Means of Epistolary Communication: Cognitive-Pragmatic Approach

Natalya A. Kalenova

Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering, Russia
1 Akademicheskaya Str., Volgograd 400074
PhD (Philology)
E-mail: nakalyon2011@gmail.com

Abstract. The paper examines the problem of paralinguistic means of information transfer in epistolary discourse, considered in terms of cognitive-pragmatic linguistic subparadigm. Epistolary discourse as the act and the result of epistolary communication is the event, providing information transfer from addresser to addressee.

Epistolary discourse in such understanding is generated by the illocutionary forces, transferring information, using the means, available to the addresser. The article names paralinguistic means, typical for letter as a genre of written language, describes specific paralinguistic means.

Keywords: cognitive-pragmatic paradigm; epistolary discourse; nonverbal means of communication.

УДК 821.161.1

Поэтические подтексты рассказа И.А. Бунина «Поздний час»

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии СО РАН, Россия
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Канд. фил. наук, старший научный сотрудник
E-mail dzerv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассказу И.А. Бунина «Поздний час» («Темные аллеи, 1938) и выявляет его поэтические подтексты: русскую романтическую элегию («Заклинание» Пушкина), стихотворение «Лалла Рук», а также «Сказку о царе Берендее…» В.А. Жуковского.

Ключевые слова: мотив; подтекст; элегия; литературная сказка; В.А. Жуковский; А.С. Пушкин; И.А. Бунин.

Введение. Нам уже приходилось писать о том, что рассказ И.А. Бунина «Поздний час» (который послужил *материалом* данного исследования) имеет характерный для эмигрантской литературы сюжет: в Париже герой-повествователь вспоминает Россию, во сне или в мечтах возвращаясь к покинутым местам, в провинциальный город, который так похож на родной Бунину Елец. В противоположность названным в тексте Парижу и Сене, Елец не называется, хотя описываемые с необыкновенной точностью архитектурные и топографические приметы Ельца не позволяют ошибиться в определении прототипического локуса [1]. Церковь Михаила Архангела, гимназия, пожарная каланча – все это по сей день можно увидеть, проходя по Орловской улице Ельца, сворачивая ненадолго то влево, то вправо, а затем возвращаясь на Орловскую вновь. Именно такой путь проходит герой «Позднего часа», направляясь через весь город от собора к старому кладбищу. Любопытно, что предельно точному топографическому «подтексту» сопутствует в рассказе очень расплывчатый, формульный, «обобщенный» поэтический подтекст, который нам и хотелось бы выявить *методом* интертекстуального анализа, начав обзор рассказа с его кульминации – свидания героев в саду. Выявление поэтического подтекста позволяет по-новому увидеть образ города и весь сюжет рассказа. Кроме того, выявление лирических подтекстов обогащает уже высказанную и прекрасно обоснованную В.Н. Скобелевым мысль о лирической природе этого рассказа [2].

Обсуждение проблемы. Свидание в саду, как и вообще весь текст, решено Буниным в элегическом модусе, и именно элегические истоки [3] наиболее значимы для рассказа. Завершается сцена свидания у калитки: «И мы сидели, сидели в каком-то недоумении счастья. Одной рукой я обнимал тебя, слыша биение твоего сердца, в другой держал твою руку, чувствуя через нее всю тебя… А потом ты проводила меня до калитки, и я сказал:

– Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за все, что ты дала мне на земле» [4].

Нынешнее воображаемое посещение рассказчиком того города, в котором живет это воспоминание, – прообраз той «будущей» встречи, которая им с героиней еще предстоит; благоговением, преклонением перед бесценным даром любви продиктован этот рассказ.

Визуальные мотивы и связывают героев с пространством, которое немо, но не слепо, даже напротив – оно как бы перенимает от автора/рассказчика способность остро видеть, автор/рассказчик как бы несет на себе печать вселенского всевиденья [5]. Главный мотив здесь – глаза героини: «быстро подойдя, с радостным испугом встретил блеск твоих ждущих глаз» – момент встречи; «легкий сумрак и мерцание твоих глаз в сумраке» – прощание. Все, что происходит между встречей и прощанием, описано в двух планах, и второй план открывается во взгляде героя: вверху справа «безгрешно сияет над двором месяц и рыбьим блеском блестит крыша дома»; слева он видит «заросшую сухими травами дорожку, пропадавшую под другими яблонями, а за ними низко выглядывавшую из-за какого-то другого сада одинокую зеленую звезду, теплившуюся бесстрастно и вместе с тем выжидательно, что-то беззвучно говорившую». Герой как бы заимствует взгляд этой звезды, дарящей ему широчайшую панораму, соединяющую любовный восторг со всем, земным и небесным, миром вокруг. Затем тот же взгляд зеленой звезды от героя передается героине: настолько близко сходятся в тексте «выглядывающая» звезда и «мерцание твоих глаз».

Тема взгляда не только организует кульминационную часть «Позднего часа», она значима для всего рассказа и начинается с первых его строк. В «непроглядном небе» Парижа герой смотрит на свою родину и думает о ее истории и своей жизни: «все началось, протекло и завершилось на моих глазах, – так быстро и на моих глазах!». Финитный смысл этой фразы намекает на то, что и страна, о которой идет речь, и все ее обитатели в некотором смысле уже окончили свой земной путь. Между тем повествователю дана возможность откуда-то «оттуда», из-за предела земной жизни, увидеть свой город, «взглянуть на гимназию», на «все вокруг, насколько хватало глаз», «взглянуть и уйти уже

навсегда». Что касается героини, то в проекции на нее тема взгляда «подпитывается» традиционной семантикой классической легкой и элегической поэзии. Рассказчик помнит «черные молодые глаза» возлюбленной, ее «ясный взгляд», о его любви и ней самой говорит «одинокая зеленая звезда». «Большеглазый Спас в ржавом окладе», невидимо глядящий на рассказчика с иконы в Скобяном ряду, и звезда замыкают цепь визуальных мотивов, благодаря которым герой и героиня соотносятся с пространством, небом, Творцом, безмерно расширяя границы своего «я».

Восход звезды играет роль завершающего аккорда как кульминации, так и финала, звездою уравниваются сад и кладбище – локусы двух бытийственно разделенных свиданий. Предутренняя одинокая звезда, как и город, не названа ни в первом, ни во втором случае, однако, как и город, ее можно безошибочно опознать – это Сириус, чье появление на ночном небосклоне отмечает самый поздний, предутренний час ночи. Одна и та же звезда соединяет героя и героиню через предел земной жизни, через время и пространство. Именно с дважды восходящей в рассказе звездой связаны и другие лейтмотивы текста: ночь «Позднего часа» освещена месяцем, он светит и в самом начале, где месячный свет ловят глазницы-иллюминаторы парохода, тот же месяц «сияет над двором» в саду. В свете месяца кружево мостовой в вечернем городе рисует образ героини в ее черном вечернем платье («Я шел – большой месяц тоже шел, катясь и сквозя в черноте ветвей зеркальным кругом; широкие улицы лежали в тени»), и та же кружевная тень от листьев лежит под деревьями на кладбище: «Месяц стоял за деревьями уже низко, но все вокруг, насколько хватало глаз, было еще ясно видно. Все пространство этой рощи мертвых, крестов и памятников ее узорно пестрело в прозрачной тени» [6]. Месяц, как и Сириус, уравновешивает разрозненные картины, события, времена и пространства рассказа. Связанные с ними многочисленные поэтические подтексты исследованы буниноведами уже довольно подробно [7].

Не повторяясь, укажем лишь на ту же самую звезду в «Жизни Арсеньева»: «где белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона, а ниже, в светлой пустоте небосклона, остро блещет, содрогается лазурными алмазами великолепный Сириус, любимая звезда матери» [8]. Этот отрывок указывает еще на одну линию схождения «Позднего часа» с романом, добавляя к коннотатам «женского» еще и компоненты материнского, семейного, родственного. Весь рассказ целиком, а не только его последняя, кладбищенская сцена, – уплотненный концентрат элегических тем, самым непосредственным образом связанных с рассказчиком, с его судьбой, семьей, с его близящейся к концу жизнью.

В описании кладбища можно обнаружить несколько сильных приемов, которые воспринимаются совместно и организуют такой финал, перед которым нивелируется и под который «подстраивается» все предыдущее содержание рассказа. Кроме Сириуса, внимание останавливает надгробный камень: «передо мной, на ровном месте, среди сухих трав, одиноко лежал удлиненный и довольно узкий камень, возглавием к стене». Слова «удлиненный», «узкий» синонимичны эпитетам траурного портрета героини, ее «длинному, стройному» платью, «тонкому стану» в той сцене, где она появляется в тенях ночного города. Благодаря сходству эпитетов, здесь, на кладбище, воспоминание становится еще более живым, героиня здесь отчетливо присутствует, почти оживает. Отметим, что неявное, «призрачное» присутствие «возлюбленной тени» – это одна из обычных элегических тем, как, например, в пушкинском «Заклинании»: «Приди, как дальная звезда, / Как легкой звук иль дуновенье, / Иль как ужасное виденье, / Мне все равно, сюда! сюда!» [9].

Холодный месячный свет (еще более яркий от того, что Бунин использует редчайший эпитет, а не привычный «лунный свет» или генетивную конструкцию «свет месяца») гармонирует в рассказе с мотивами камня, немоты, скованности, тяжести, застывания. К последней фразе текста:«Из-за стены же дивным самоцветом глядела невысокая зеленая звезда, лучистая, как та, прежняя, но *немая, неподвижная*», – незаметно подводит целая серия словосочетаний с разнообразнейшей «ригидной» семантикой: «мост... даже не *каменный*, а какой-то *окаменевший*», «золотыми *столбами*: пароход точно на них *стоял*», «улицы *лежали* в тени», «все *осталось* таким, *как полвека назад*; *каменная ограда*, каменный двор, *большое каменное здание* во дворе». Тень немоты и неподвижности лежит как на городе с его каменной мостовой, так и на герое, который, бродя по ночным улицам, то и дело останавливается, встречаясь с видениями собственной памяти. На кладбище его сердце едва не останавливается, герой оказывается возле могильного камня. Камень лежит возглавием к звезде так, словно и лежащая под ним тоже повернута к звезде. И в кладбищенской сцене, и во время свидания в саду широкая пейзажная горизонталь уравновешивается низкой вертикалью: герой и его возлюбленная тогда и теперь смотрели и смотрят на ту же звезду, но в то же время как бы оттуда, вместе с ней глядят на мир, заполняя собой все лирическое пространство.

Для поэтики Бунина характерно еще одно: максимально точные описания, соотносимые с узнаваемыми реалиями (например, теми, какими едва ли не документально запечатлен Елец), благодаря поэтическим подтекстам приобретают черты обобщенного, формульно-романтического содержания. И здесь невозможно пройти мимо «Лалла Рук» В.А. Жуковского, стихотворения, в котором из-за вполне явленного герою облика молодой женщины встает ангелоподобный «призрак» – «гений чистой красоты», «обитающий» не с нами, не в нашем мире, но вдохновением

«животворящий» земной мир: «А когда нас покидает, / В дар любви, у нас в виду / В нашем небе зажигает / Он прощальную звезду» [10].

Все это очень похоже на сюжет «Позднего часа», восточные мотивы «Лалла Рук» от Жуковского как бы перетекают в «восточный миф» Бунина – миф об элегическом, женственном, призрачном возрождении России.

Второй довольно явственный подтекст из Жуковского – «Сказка о царе Берендее...», где Иван-царевич и Марья-царевна, убегая от Кощея, обращаются то речкой с мостиком, то дремучим лесом, то церковью с монахом. Топографические метаморфозы «Сказки...» напоминают ландшафт «Позднего часа» с его мостами, садами, кладбищенской рощей и церквями, а также повороты излюбленных бунинских сюжетов, среди которых есть и погони («Баллада», «Волки»), и сказочный автоперсонаж «Иван» с реальным именем Бунина («Иоанн Рыдалец»). Заключительная часть сказки Жуковского повторена во всем сюжете «Позднего часа»: Иван-царевич из «Сказки...» видит перед собой неизвестно откуда взявшийся чудесный город: «уж склонялось / Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними / Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось / В этот город заехать». Рискуя не вернуться обратно из этого волшебного места («Заехать нетрудно, да трудно / Выехать будет») и предать забвению все, что лежит за его пределами, Иван-царевич все-таки входит в «город прекрасный», а Марья-царевна, обернувшись «белым камнем», ждет его возвращения. Так и героя «Позднего часа» белым камнем у дороги ждет его возлюбленная: ей обещана встреча «в будущей жизни».

Результаты и заключение. Мы выявили ряд элегических подтекстов рассказа Бунина «Поздний час», эти подтексты существенно увеличивают семантический потенциал образа города, нарисованного в рассказе. Так, многослойный подтекст из Жуковского проявляет некоторые новые черты и в географии «Позднего часа», ведь с родными для Бунина местами, пусть и не напрямую, но связана биография Жуковского: его отец, помещик А.И. Бунин, владел имением Мишенское (где и родился Жуковский) в Тульской и землями в Орловской губернии, к которой в XIX в. относился Елец. В «Позднем часе» с удивительной точностью изображен реальный, доныне сохраняющий свой прежний облик Елец, но одновременно это сказочно-литературное и будто бы заколдованное место, в котором хранится самая драгоценная часть души и героя рассказа, и его автора.

Примечания:

1. Е.В. Капинос «Вариация на темы романа: «Поздний час» vs «Жизнь Арсеньева» (в печати).
2. Скобелев В.Н. К столкновению эпического и лирического в сюжетно-композиционной системе бунинской новеллы эмигрантского периода («Поздний час») // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Междунар. сб. науч. ст. М.: Московская академия образования Натальи Нестеровой, 2003. Вып. 1. С. 31-39.
3. Бетина О.Г. Художественный феномен «русской готики» в рассказах И.А. Бунина «Баллада» и «Дубки» // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Междун. сб. науч. ст. М.: Московская академия образования Натальи Нестеровой, 2008. Вып. 2. С. 104-107.
4. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит. 1966. Т. 7. С. 40-41.
5. «Всевиденье», детальность, скульптурность и пластичность образов – характерное качество прозы Бунина, о которой, к примеру, В. Вейдле пишет: «Все исполнено, все сотворено. Точно из первозданной глины вылеплены навек и толстая спина офицера «во всей его воинской сбруе», и «непорочно-праздничное платьице» Лики на балу, и ее «озябшие, ставшие отрочески сиреневыми руки», и пугающий бедного Костеньку старухин мопс, «раскормленный до жирных складок на загривке» (Вейдле В. На смерть Бунина // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е – 1950-е гг.): Антология. М.: Книжница. Рус. путь, 2010. С. 485).
6. Бунин И.А. Указ. соч. С. 38.
7. О звездах в рассказе «Поздней ночью» со ссылкой на А. Смирнова-Треплева (Смирнов (Треплев) А. Театр душ: Критические этюды. Воспоминания. Письма. Самара. 2006. С. 338) пишет Т.В. Марченко (Марченко Т.В. Парижский текст Ивана Бунина: прелюдия в лунном свете // в печати; см. также: Бердникова О.А. «Только поле да небо...»: Пространственная парадигма поэзии И.А. Бунина // «Воронежский текст» русской культуры. Воронеж: Наука – ЮНИПРЕСС, 2011. С. 126-132; Тер-Абрамянц А.П. Созвездия Ивана Бунина (Образы звездного неба в творчестве Бунина) // И.А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995. С. 132-144).
8. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит. 1966. Т. 6. С. 100-101.
9. Пушкин А.С. Сочинения. Л.: Худ. лит. 1936. С. 419.
10. Жуковский В.А. Сочинения. М.: Гос. изд. худ. лит., 1954. С. 92.
11. Жуковский В.А. Сочинения. М.: Гос. изд. худ. лит., 1954. С. 199.

UDC 821.161.1

Poetic Subtexts of I.A. Bunin's Story 'Late Hour'

Elena V. Kapinos

Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
8 Nikolayeva Str., Novosibirsk 630090
PhD (Philology), Senior Researcher
E-mail dzerv@mail.ru

Abstract. The article deals with I.A. Bunin's Story 'Late Hour' ('Dark Alleys', 1938) and detects its poetic subtexts: Russian romantic elegy (Pushkin's 'Incantation'), poem by V.A. Zhukovsky 'Lalla Ruk' and 'The Tale of Tsar Berendey'.

Keywords: motif; subtext; elegy; literary tale; V.A. Zhukovsky; A.S. Pushkin; I.A. Bunin.

УДК 81'37

Семантика лексики эмоциональной привязанности в современном русском языке

Светлана Геннадьевна Любова

Воронежский государственный университет, Россия
394006 г. Воронеж, Московский проспект, д. 153, кв.131
аспирант
E-mail: d.sveta@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному изучению лексики с семой «эмоциональная привязанность». Предпринята попытка системно-коммуникативного исследования семантики данной лексики, что позволяет описать значение слова близко к его реальной представленности в языковом сознании.

Ключевые слова: лексика; семантика; семасиология; семантическое поле; психологически реальные значения; коммуникативно-семантическая активность.

Введение. Актуальность исследования лексики эмотивной семантики обусловлена трудностью ее семантического описания, особенно на уровне сем. В толковых и синонимических словарях русского языка лексика эмоциональной привязанности описана малоинформативно, отсутствуют необходимые дифференциации значений, широко используется круг в определении или толкования через однокоренные слова, что не дает возможности пользователю словаря определить конкретные значения и дифференцировать данные единицы, что делает подобные толкования неэффективными. Лексемы с семой «эмоциональная привязанность» отличаются сильной контекстной зависимостью, широко варьируют в тексте, т.к. носители языкового сознания и авторы произведений могут вкладывать в них разные смыслы. Мы попытаемся описать значение лексики эмоциональной привязанности методами семной семасиологии [1].

Нами предпринимается попытка комплексного системно-коммуникативного исследования семантики лексики с семой «эмоциональная привязанность», что позволит дать развернутые и психологически достоверные семные дефиниции лексем эмоциональной привязанности, не отраженных или недостаточно детально и развернуто представленных в толковых словарях русского языка.

Материалы и методы. Лексикографическое (системное) значение единиц исследуемого поля было описано методом обобщения словарных дефиниций, в основе которого лежит принцип дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждая из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей [2]. Таким образом, данный метод позволяет получить максимально полное описание значения исследуемого слова в системе современного русского языка на основе всей совокупности имеющихся толковых словарей. Кроме того, данное описание должно быть дополнено описанием коммуникативной семантики – семантических реализаций исследуемых слов в речи.

Обсуждение. Обратимся к лексеме «влюбиться». В ходе анализа значений данного слова, отраженных в пяти основных толковых словарях, методом обобщения словарных дефиниций мы получили следующую обобщающую дефиницию лексикографических значений слова «влюбиться», вычислив «индекс яркости» (СИЯ) того или иного когнитивного признака, который высчитывается как доля случаев объективации данного признака от общего числа объективации исследуемого концепта, а также количество актуализированных сем:

1. Испытать 6 сильное 3, страстное 4 чувство любви 6 к кому-л., чувственное 1 влечение 3. СИЯ – 22. Влюбиться в красавицу.

2. Испытать чувство сильное 3, страстное 4 чувство любви 6 к чему-л. 2. СИЯ – 15. Влюбиться в страну.

3. Заинтересоваться чем-либо 5, увлечься 4, испытав сильное влечение 4. СИЯ – 13. Влюбиться в свое дело.

На следующем этапе был проведен коммуникативно-семантический анализ единиц, входящих в лексико-семантическое поле «эмоциональная привязанность». Данный анализ предполагает семный анализ актуализации значений исследуемых лексем в контекстах с выявлением употребительных и неупотребительных, современных, устаревших и новых значений, семного варьирования значений в контексте и полевого моделирования семантем исследуемых единиц в современном языковом сознании.

Значение слова – это та информация, которую несет отдельное слово как единица языка, ментальное содержание, вызываемое словом в сознании носителей языка [3]. Отметим, что многие

актуализируемые в употреблении слова семантические компоненты того или иного значения в лексикографическом значении не отражены, и наоборот – некоторые семы, вошедшие в лексикографическое описание, оказываются по материалам контекстуального анализа невостребованными в коммуникации.

Воспользовавшись материалами электронного «Корпуса русского языка» (ruscorpora.ru), мы рассмотрели реализацию значений слов семантического поля *эмоциональная привязанность* в художественных текстах русского языка. Это такие единицы: *амур, амуры, амуриться, амурничать, амурный, вожделение, вожделенный, вожделеть, влечь, влечение, влюбить, влюбиться, влюбленный, влюбленность, влюбчивый, желанный, желать, завлечь, любовь, любить, любимый, любвеобильный, мания, манить, ненаглядный, обожать, порыв, привязанность, привязаться, прикипеть, пристрастие, преданность, преданный, расположение, расположенный, расположить, сердечный, симпатия, симпатизировать, симпатичный, склонность, страсть, страстный, стремление, стремиться, тяготение, тяготеть, увлечь, увлечься, увлеченный, увлечение, эмоциональный, эмоция, эмоциональность.*

Объем исследуемого материала по каждой единице составляет 300 контекстов. Однако некоторые лексемы встречались менее 300 раз. Это, например, такие слова, как «амур», «вожделеть».

Анализ показал, что в многозначном слове одно значение может отличаться особенно ярко выраженной коммуникативно-семантической активностью, тогда как остальные могут иметь незначительную активность.

Так, в случае с лексемой «влюбленность» большим совокупным индексом яркости обладает значение «испытать влечение к кому-либо» (280 актуализаций). Сформулируем дефиницию, включающую актуализированные в обследованном материале семы с указанием частотности их актуализации.

Испытать сильное 24, страстное 4 влечение 280 к кому-либо, которое иногда не поддается контролю 13 и может возникнуть внезапно 14, чувство можно испытывать многократно 10, предполагает серьезные намерения 5.

(Вся же историческая «соль» данного события заключалась в том, что этим наглецом лицеистом был родственник императора российского, сын великого князя Константина Константиновича, который ***влюбился*** *в Марию без памяти. [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]).* В ходе коммуникативного анализа были выделены следующие периферийные семы:

может поддаваться контролю – 5
можно вызвать чувство – 5
имеет свои проявления/может проявляться – 4
без серьезных намерений – 5
привлекать к себе, располагать – 3
может стремительно развиваться – 3
предмет любви может быть непривлекательным – 3
можно заставить себя влюбиться – 2
можно потерять рассудок – 1
отсутствие страсти – 1
предполагает жертвенное отношение к предмету любви – 1
предполагает ухаживания, комплименты по отношению к предмету любви (в адрес предмета любви) – 1
иногда вызывает грусть – 1
повод для совместного проживания – 1
признак глупости – 1
не всегда взаимное – 1
может вызывать отрицательные эмоции – 1
предмет любви кажется лучше других – 1
вызывает желание понравиться предмету любви – 1
не предполагает духовную близость – 1
быть готовым на все – 1
степень интенсивности чувство может быть разной – 1
меняет жизненный настрой – 1
противопоставлено любви – 1

Отметим, что в результате анализа в значениях исследуемой лексики выявлены антонимические семы, которые противоречат друг другу, а именно:

- *иногда не поддается контролю – может поддаваться контролю;*
- *предполагает серьезные намерения – без серьезных намерений;*
- *страстное чувство – отсутствие страсти.*

Также стоит заметить, что в ходе исследования текстов было выявлено значение, не зафиксированное в словарях: «*увлечься, испытать большой интерес, симпатию к кому-либо (о вымышленном персонаже, публичном лице и т.д.)*».

На третьем этапе комплексного анализа был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором стимулами выступали слова исследуемого семантического поля. По итогам обработки экспериментальных данных были сформулированы психологически реальные значения исследуемых лексем. Рассмотрим лексему «влюбиться».

Влюбиться 163 – 1. *испытать* (испытать 1) *искреннее* (сердце 1) *чувство к кому-либо* (чувство 2), *сильно, безудержно* (потерять голову 4, сильно 3, без оглядки 2, забыться 2, с головой 2, быть без памяти, без памяти, без ума, в омут с головой, до слез, забыть обо всем, сойти с ума, помутнение, страстно, упасть в любовь 1), *глубоко* (любить 6, крепко, обожать, полюбить, почувствовать любовь 1) *на короткий срок* (вспышка 1), *быстро* (быстро 1) *или надолго* (навсегда 2, на всю жизнь, раз и навсегда 1) *увлечься* (увлечься 6, нравиться 5, привязаться 3, втюриться 2, понравиться 1), *заинтересоваться* (интерес 1) *кем-то* (в кого-то 6, в человека 3, в актера, в кого-либо 1, в кошку, в красавицу, в мужа, в нее, в него, в парня, в певца, в человека хорошего, парень, певец, собака, 1) *или собой* (в себя 1), *в молодости* (молодость 2, юность 2), *часто весной* (весна 3), *в первый* (с первого взгляда 6, один раз, раз 1) *или очередной раз* (второй раз, заново, как в первый раз, не первый раз 1), думать о ком-либо (думать о ком-то 1), *предполагает ухаживание с цветами* (цветы 1) *и заботу* (заботиться 1) *без серьезных намерений* (играть, наивно, не сильно 1) или с намерениями жениться / о браке (жениться 1) *приносит счастье* (быть счастливым 2, на седьмом небе, счастье 1), *радостные* (здорово, обрадоваться, радоваться, радость, сияние, странное позитивное ощущение, хорошо 1) *эмоции* (эмоции 1), *волнение* (волнение 1), *вдохновляет на что-либо* (ожить, творить 1), *можно впоследствии разочароваться* (разочароваться 1).

2. *Увлечься* (увлечься 6, втюриться 2, понравиться 1), *заинтересоваться* (интерес 1) *чем-то* (в дело, в книгу 1).

Первое значение имеет наибольший индекс яркости – 125, что соответствует первому значению словарной дефиниции. Не выявлено значение, которое отражено в словаре «*испытать чувство сильное, страстное чувство любви к чему-л.*».

Многие психологически реальные значения данных лексем близки к значениям, зафиксированным в толковых словарях русского языка, но дают возможность более глубокого описания семантики, отражают глубокую и противоречивую периферийную зону семантики.

Заключение. Таким образом, метод обобщения лексикографических дефиниций позволил нам выделить большее число значений единиц поля, нежели при опоре на отдельный словарь. Коммуникативно-семантический анализ единиц дал возможность более глубоко и развернуто описать значения слов с семой «эмоциональная привязанность», а также выявить значение, не зафиксированные в словарях. Психолингвистический анализ показал, что психолингвистические реальные значения могут существенно отличаться от лексикографических по составу сем и актуализировать не все значения, отраженные в толковых словарях.

Методы семной семасиологии при их комплексном применении позволяют описать значение слова близко к его реальной представленности в языковом сознании. В качестве одной из перспектив исследования отметим возможность применения интегративного лингвориторического подхода [4, 5], разработанного в рамках Сочинской школы [6, 7]. Это позволит включить результаты системно-коммуникативного исследования лексики с семой «эмоциональная привязанность» в более глобальный контекст представления особенностей репрезентации риторического пафоса языковой личности продуцента дискурса и текста.

Примечания:

1. Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии. Монография. Воронеж: Издательство «Истоки», 2013. 272 с.

2. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. Воронеж: Издательство «Истоки», 2011. 150 с.

3. Там же.

4. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. C. 183-190.

5. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532-1537.

6. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.

7. Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 4. 2012. С. 77-84.

UDC 81’37

Semantics of Emotional Attachment Vocabulary in Modern Russian Language

Svetlana G. Lyubova

Voronezh State University, Russia
153 Moskovsky Prospekt, apartm. 131, Voronexh 394006
Graduate
E-mail: d.sveta@rambler.ru

Abstract. The article is focused on integrated study of vocabulary with ‘emotional attachment’ seme, attempts to study the semantics of such vocabulary from system and communicative approach. It enables to describe the word meaning close to its real representation in linguistic consciousness.

Keywords: vocabulary; semantics; semasiology; semantic field; psychologically real meanings; communicative and semantic activity.

УДК 81

Стилистическая парадигма массовой коммуникации как отражение коммерциализации системы СМИ

Раиса Ивановна Мальцева

Кубанский государственный университет, Россия
350040, Краснодар, Ставропольская, 149
доктор филологических наук, профессор
E-mail: evamalts@mail.ru

Аннотация. Стилистика дискурсий массовой коммуникации характеризуется особой лингвистической категорией разговорности. Последняя придает речи коммуникаторов характер доверительности, фамильярности и обладает для коммуникантов большей привлекательностью. В статье рассматривается ряд типичных примеров с применением диффамационных апеллятивов и единиц с грубой экспрессией.

Ключевые слова: массовая коммуникация; стилистическая тональность; разговорность публицистического стиля.

Введение. Таблоидизация СМК влечет за собой негативные последствия, и это не цензура и не давление со стороны властей, а цинизм и коммерческие интересы, заложенные в основе этого типа журналистского труда.

Материалы и методы. В статье приводятся рассуждения о состоянии культуры русской публицистической речи, расширении ее когнитивно-семиотических рамок и характере экспрессивных средств. Массовая коммуникация необратимо воздействует на речевой опыт говорящих, прививает новые модели общения, изменяет речевые стратегии социума. Как научный объект, в виду особой онтологической сложности, требует применения совокупных философских и научных методов, включает в анализ текстов семиотический, риторический, идеологический, психоаналитический и другие подходы.

Обсуждение. Инвективизация речевого акта и использование вульгаризмов в СМК – проявление языковой и социальной агрессии. Л.В. Павлюк отмечает необходимость дифференцировать языковые и коммуникативные концепты как научные лингвистические сущности и концепты обыденного языкового сознания [1]. Непристойные слова как концепты обыденного языкового сознания, уместные в чрезвычайных ситуациях межперсонального общения, не уместны в официальном и публичном общении, потому что они ненормативны и не могут функционировать в литературной речи даже из стилистических соображений. Они оскорбительны и незаконны в соответствии с п. 6 ст. 1 «Русский язык как государственный язык РФ» Закона 2005 года «О государственном языке РФ», где указывается о недопустимости использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка [2], кроме того, любое неосторожное обращение со словом наносит огромный психоэнергетический вред всем коммуникантам [3].

Журналист желает понравиться и запомниться публике – и эмоционально- аксиологическая парадигма речевых средств, обличительная тональность его материалов усиливают читательский антагонизм и, например, чиновничий, что часто провоцирует конфликтность [4].

Семиотическое пространство русской речи громадно, многие сотни деминутивов, аугментативов, народно-поэтических слов и выражений разнообразят нашу речь, отражая национальные свойства русского характера и исторические особенности российской культуры [5].

Между тем материалы всех типов СМК пестрят примерами только сниженной модальности, преимущественно грубыми и оскорбительными выражениями. К тому же известные публичные персоны тоже выбирают далеко не образцовые способы изъяснения, вставляя, к примеру: *врать, впрягаться, зашкаливать, мужики, отбуцкать, сдохнуть, фишка, выкачивать информацию, скирдовать по оффшорам миллионы, расчистить политическую поляну* и др. Журналисты, к сожалению, им подражают.

Конечно, в любом словаре имеются в большом количестве и аффективы, и средства инвективизации, и разного рода обсценизмы, потому что наличие таких пластов лексики закономерно для системы языка и коммуникативно необходимо для говорящих. Другое дело, бравирование обсценизмами в СМИ дискурсивно не оправдано и не всегда мотивировано. Не случайно в науке активно обсуждаются проблемы лингвоэкологии, снова и снова поднимаются вопросы о защите русского языка, воспитании «сильной языковой личности» диалогического типа, демократического типа [6–9].

Любой журналист осведомлен о коммуникативно-этических нормах общения, о неуместности и опасности употребления диффамационных единиц, но в действительности он намеренно использует

те грамматические и стилистические формы, которые уже соотносятся с иными категориями действительности – морально-этическими и даже правовыми [10].

Вот несколько характерных примеров, типичных для СМК. Приведенные фрагменты содержат формы интерпретации событий, которые можно обозначить как неумышленные или умышленные оскорбления.

Газета «МК.Ру» от 05.06.2013 г. публикует материал Натальи Малаховой «*Депутат Милонов не пустил бы Бибера в Москву*», в котором автор целенаправленно нарушает коммуникативные нормы, используя метафору и едкий кеннинг. Напомним: кеннинг относится к разновидностям перифразы, заменяющей собственное имя описательным оборотом [11].

… Поэтому не совсем ясно, чем же он впал в немилость депутата Милонова. Может быть, царедворцу с фобией пропаганды гомосексуализма не понравилось женоподобное лицо певца…

В газете «Известия» от 30 мая 2013 Виктор Топоров пишет в статье «*Пока не начался капремонт*»:

Или заспорите о скорбных вятских делах: а кого там, собственно, судят – главного всероссийского борца с коррупцией или, прямо наоборот, мелкого коррупционера? А что если подсудимый, как говорили у нас в первые годы реформ, и то и другое «в одном флаконе»? Но нет: один скажет, что главный борец с коррупцией у нас Путин, а другой — что дело «Кировлеса» высосано из пальца… Но почему бы доморощенному Лютеру не договориться с доморощенным Савонаролой хотя бы о терминах — ведь оба, казалось бы, выступают против папизма? Ан нет, не договорятся.

Здесь авторский дискурс, опираясь на фоновые знания читателей, характеризуется разговорным синтаксисом и фамильярной тональностью, содержит перифрастику неприличной оценки лица (*главный всероссийский борец с коррупцией, папизм, доморощенный Лютер, доморощенный Савонарола).*

Е.Е. Топильская, активно занимающаяся вопросами лингвистической экспертизы речевых действий коммуникаторов, многократно замечала, что «современный газетно-публицистический текст может спровоцировать конфликт в случае, если СМИ стали каналом распространения…сведений, имеющих неприличную форму выражения мнений» [12].

Приведенные выше примеры демонстрируют заведомо оскорбительный тон. По всей видимости, журналистам известно, что фамильярное обращение к политику или крупному чиновнику не является уголовно наказуемым [13], и в целях усиления коммуникативного эффекта они намеренно используют броские, задевающие самолюбие аллюзии, перифразы, прецедентные выражения и прочие изобразительно-выразительные средства речи.

Например, Максим Шевченко в заметке «*Досрочно, но своевременно*» (газета «Известия» от 05. 06.2013 г.) мастерски оперирует какофемизмами:

А эпоха Лужкова вспоминается как какой-то на самом деле достаточно мрачный период господства каких-то жуков, гусениц и термитов, которые подгрызали и прожирали московскую жизнь и московское пространство.

Какофемизм также относится к тропам перифрастического ряда, но характеризуется особой грубостью и вульгарностью коннотаций.

В условиях массовой коммуникации для читателей стали привычными и частотными случаи замены нормативно-этикетных словосочетаний фамильярными или вульгарными дисфемами.

Языковая игра давно стала признаком газетных текстов [14]. Вот, что мы видим в рубрике «Культура» «МК.RU» от 8 апреля 2013 года: «*Разборка по-Большому: расправа в театре случилась из-за женщины».*

Здесь поиск экспрессии привел автора к использованию двусмысленности в скатологическом каламбуре заголовка, обыгрывании его в целях создания комического эффекта. Воочию видим пример антигуманного речевого поведения.

Языковая игра в массовой или личной коммуникации – это легализация процесса демократизации языка, который приводит к коммуникативному равенству адресанта и адресата речи [15]. Равенство коммуникантов проявляется в самой негативной форме – в обоюдном неуважении журналиста, позволяющего себе не стесняться в выражениях, будучи уверенным, что его дискурсии адресованы и подросткам, и женщинам, а не только легким на крепкое слово мужчинам, и читателей, которые его трэш-стилистику воспринимают как оскорбляющую достоинство личности [16].

К подобным образцам неуважения к читателю относятся, например, материалы, опубликованные в журнале «Русский репортер»: «Дорога бескайфовая» в № 11 (189) от 24 марта – 30 марта 2011 г. и «Не мой дом, не моя крепость» в № 21(299), 30 мая – 6 июня, – использованные нами в работе со студентами.

В двух обширных текстах, помимо скатологизмов и эпатирующих грубых экспрессивов, в большом количестве присутствуют арготизмы и вульгаризмы, которые мы не рискнем повторить, риторический ряд инвектив в адрес чиновников разного ранга и другие факты вербальной агрессии.

Е.И. Коряковцева в одной из своих работ 2008 года замечает: «Языковой экстремизм СМИ стимулирует рост речевой агрессии в публичной коммуникации и тем самым способствует формированию остроконфликтной социальной среды» [17].

А.А. Волков с полным основанием высказывается о языковой ситуации в нашем обществе: сегмент просторечной и субстандартной коммуникации неумеренно расширился, в то время как количество носителей кодифицированного литературного языка стремительно уменьшилось [18, 19]. А.П. Романенко, выражая согласие, добавляет: современное состояние языка характеризуется сформировавшимся на наших глазах новым стилистическим регистром публичной речи – гибридным просторечно-литературным стандартом [20].

Заключение. Все эти и другие дискурсивные особенности – доказательства возросшего влияния корпоративной медиаполитики, усиленной манипулятивности СМК. С другой стороны, снижение уровня культуры речи в разных речевых жанрах говорит о смещении ценностных ориентиров в социуме [21]. Как говорится, «инволюция языка осуществляется в направлении, прямо противоположном его эволюции, – от полноценных слов к языку междометий и индексикальных знаков» [22], публичная же коммуникация осуществляется в рамках многоуровневой антигуманной стилистики, потому что набрала силы тенденция неуважения социума к личности.

Примечания:

1. Павлюк Л.В. Лингвистическое знание в обыденном сознании // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 36-39.
2. Федеральный Закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».
3. Шаховский В.И. Энергетическая мощность эмоций и дискурсивные нормы // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 39-43.
4. Шаховский В.И. Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ? // Русистика. Киев. Вып. 7. 2007.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990.
6. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.
7. Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 4. 2012. С. 77-84.
8. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система (принципы проектирования и опыт реализации). Дис. … д-ра пед. наук. Сочи, 2002.
9. Ворожбитова А.А. Филолог как профессиональная языковая личность в инновационном потенциале Федерального государственного стандарта третьего поколения (ФГОС-3): лингвориторико-синергетический подход // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2010. № 4. С. 144-149.
10. Топильская Е.Е. Заключение лингвистической экспертизы. Воронеж, 3 сентября 2012 года / Е.Е. Топильская / [Электронный ресурс]: http://lib.gendocs.ru/docs/146800/index-188.html (дата обращения 05.06.13).
11. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов-н/Д., 1994.
12. Топильская Е.Е. Журналистский текст: в зоне конфликта / Е.Е. Топильская [Электронный ресурс]: http://lib.gendocs.ru/docs/146800/index-188.html (дата обращения 04.05.13).
13. Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: Конституционно-правовой аспект. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Специальность – 12.00.02 – Конституционное право; Муниципальное право. – М., 2008.
14. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе, М., 1971.
15. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры. Матер. Всерос. науч. конф. Выпуск 4. Ростов-на/Д., 1998.
16. Николаева А.В. Трэш-журналистика как новый стандарт публицистического текста // Средства массовой информации в современном мире: Петербургские чтения: тез. межвуз. науч.-практ. конф. СПб., 2009. С. 157.
17. Коряковцева Е.И. Язык современной российской прессы: вариваризмы и арготизмы как сигналы языковой агрессии // W: Wspyiczesna komunikacja jkzykowa/ SLAVICA. Prace slawistyczne, tom 125. SOW, Warszawa, 2008, st. 95-105.
18. Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001. С. 185-231.
19. Волков А.А. Риторика как научная дисциплина и учебный предмет // Секция XIII. Функциональная стилистика русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ, 2007. С. 368-369.

20. Романенко А.П. Современный языковой стандарт в аспекте истории литературного языка // Секция XIII. Функциональная стилистика русского языка// Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ, 2007. С. 415.
21. Акуленко Н.Л. М. Роль культуры речи в современном российском обществе // Балканская русистика. Белград, 2008. С. 360.
22. Хазагеров Г.Г. Декларативная риторика как вызов культуре // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка. МГУ, 2007. С. 416.

UDC 81

Stylistic Paradigm of Mass Communication as a Reflection of Mass Media System Commercialization

Raisa I. Maltseva

Kuban State University, Russia
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040
Doctor of Philology, Professor
E-mail: evamalts@mail.ru

Abstract. Mass communication discourse stylistics is characterized by a specific linguistic category of conversationality. The latter gives communicators' speech the tone of confidentiality, familiarity and is more attractive for the communicants. The article studies the number of typical examples with the use of defamatory appellatives and units with rough expression.

Keywords: mass communication; stylistic tonality; journalistic style conversationality.

УДК 821.161.1

Репрезентация «другого» в региональных художественных текстах[1]

[1.]Светлана Леонидовна Мишланова
[2.]Татьяна Александровна Сироткина

[1.] Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
доктор филологических наук, профессор
E-mail: mishlanovas@mail.ru
[2.] Российский государственный гидрометеорологический университет, филиал в г. Туапсе, Россия
352800, г. Туапсе, ул. Морская, 4
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: sirotkina71@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию способов репрезентации «другого» этноса в региональном художественном тексте. На примере романов пермских писателей рассматриваются средства описания представителей различных культур и делается вывод о том, что писатели, отражая в своих романах особенности культуры «другого» этноса, воспитывают у читателей толерантное отношение не только к героям своих произведений, но и к тем, кто живет с ними рядом в многонациональном Пермском крае.

Ключевые слова: этнос; этноним; этнический образ; этническая картина мира.

Введение. Писатель, создающий историческое произведение, передает с помощью языка художественного текста те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности (см. в связи с этим: [1]). Актуально в связи с этим исследование способов описания «чужих» этносов в региональной художественной литературе.

Материалы и методы. На примере текстов пермской исторической прозы рассмотрим, каким рисуют авторы исторических романов образ «человека этнического». Для анализа будут использованы повесть Николая Никонова «Ермак», романы Михаила Строганова («Камни господни»), Евдокии Туровой («Слезы лиственницы») и Алексея Иванова («Чердынь – княгиня гор», «Золото бунта»), повествующие об исторических событиях, происходящих в Пермском крае. Методологической основой исследования служат принцип антропоцентризма, представление о системно-структурной организации языка, а также описательный метод и такие приемы, как наблюдение, сопоставление, интерпретация, обобщение, типологизация анализируемого материала.

Обсуждение. Являясь носителями определенной этнической культуры, авторы произведений реализуют в своих текстах оппозицию «свой – чужой» (см. также военно-идеологический ракурс актуализации данной оппозиции [2]), присутствующую в языковой картине мира народа. Представитель «чужого» этноса в рассматриваемых текстах часто не называется конкретно, а именуется просто *иностранцем:* «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца» [3].

Ту же функцию – номинации «чужих», независимо от национальной принадлежности, выполняет лексема «иноплеменные»: « – Ведаю про измену вашу великую! И про то, что отложиться хотели к иноплеменным!» [4]. Однако чаще всего категория этничности является эксплицитной, получая выражение в конкретных этнических именах, актуальных для описываемого региона. Так, например, т*атары* – самый распространенный этноним в произведении Н. Никонова. Как и в русской культуре в целом, он имеет здесь коннотацию «хитрые»: «Понял Ермак, что *татарин обманул*» [5]. Передавая живую речь русских, автор использует форму *татаре:* «Теперь осторожны татаре» [6].

Важная роль этнонимов в художественном тесте – служить средством объективации. Этнические имена и образования от них выполняют функцию реально-исторической достоверности. (См. в связи с этим анализ топонимии абхазско-адыгейского происхождения в работе [7]). Как и в других типах дискурса, в художественном дискурсе мы можем наблюдать существование внутритекстовых и межтекстовых номинативных парадигм этнонимов, например, *вогулы – вогуличи – вогульцы:* «В городище чердынском шепчутся, что летом вогулы придут» [8]; «Брешет, вогуличи налетели» [9]; «Так ведь там, говорят, проклятое место. Вогульцы идолопоклонствовали» [10].

С другой стороны, мы наблюдаем парадигмы, состоящие из автоэтнонимов и экзоэтнонимов. Если этноним *русские* употребляют сами русские, то пермяки (коми-пермяки) называют их *роччиз,* вогулы – *русами,* а татары – *урус:* «Но пермяки разволновались и осенью съехались на совет в

[1] Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-16-59015а/у) и гранта в рамках тематического плана по заданию Министерства образования РФ (проект № 6.5962.2011, № 6.5828.2011).

Янидор, куда пригласили и молодого князя русских» [11]; «Вас, роччиз, как друзей мы пустили жить на наших землях» [12]; «Русы-новгородцы – древние наши враги, – сказал Асыка» [13]. «Уруса Ермака брать живым, только живым» [14].

В картине мира каждого народа существуют представления о «своих», складывающиеся в интраобраз, и представления о «чужих», формирующие экстраобразы. Так, в этнической картине русских старообрядцев, представленной в романе Е. Туровой, отмечаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Особенности вероисповедания: «Тятя и сказывал про Вотяцку гору. Не проста гора-то была – молельна гора у вотяков» [15].

2. Отличительные черты антропонимикона: «А тетя Руми? Имя какое-то нерусское, я и не знаю таких в деревне» [16].

3. Особенности характера и поведения: «Как у русского че выспросить, русский знают, а чуть че – сразу по-русски плохо! Шибко оне хитрые, вот че» [17].

4. Внешние отличия: «Оня скоро затосковала среди русских. Какие они некрасивые: лица белые, глаза круглые!» [18]; «Вотяки народ некрупный, светлоглазый, с жидкими светлыми волосами» [19].

5. Языковые особенности: «Русские же умеют разговаривать только словами, они знают очень много слов. Как можно знать столько слов? Трудно разговаривать с русскими» [20].

6. Отличия в обрядах и традиционной культуре: «Оня собралась в далекую страну Ымме. Пусть русские глубоко закапывают в холодную землю своих умерших. Она не хочет туда» [21].

Писатели используют этнические имена для этической оценки поступков героев. Традиционно при этом учитывается соответствие или несоответствие поступка (а также мотива или поведения в целом), черт характера личности, общественного образа жизни определенным моральным нормам и требованиям. Показательны, например, высказывания героев А. Иванова, отражающие представления русских, связанные с носителями “чужих” культур: «*Татары* – они как кошки живучи» [22]; «Простаков *пермякам* всегда хватало» [23].

Этническая картина мира русского населения Прикамья ярко отражена в произведениях А. Иванова, который в интервью с Г.М. Ребель говорит: «Когда я бывал в тех местах, на севере Пермской области, где разворачивается действие романа, у меня рождалось ощущение мистики: она разлита в этой природе, в этих горах, пнях, вековых лесах. Это все интуитивно воспринимается как страшное, как дремучее, как что-то мудрое… Я вот сам – человек реки. Русские люди – это люди реки. А финно-угорские племена – это люди лесов. Это разные менталитеты, и нам у них – страшно» [24].

В статье А. Иванова, опубликованной в одном из пермских журналов, с иронией описан процесс «овогуливания» современного русского человека в условиях туристического похода: «Овогулившийся человек – это человек, три дня пивший на свежем воздухе и спавший на сырой земле. Рожа у него – кирпичного цвета, покрыта грязной щетиной, глаза заплыли, волосы свалялись, руки порезаны крышками банок с тушенкой, которой он закусывал, спина прожжена костром, шапка и сотовый телефон потеряны, штаны порваны. Это очень счастливый человек. В обычной жизни он был начальником какой-нибудь фирмы или программистом, а сейчас – вогул».

Представитель «чужой» культуры, сталкиваясь с реалиями русского культурного пространства, чувствует себя неуютно: «Карий увидел появившееся из темного угла испуганное бритое лицо иностранца и не придал значения, когда этот нелепый, заплутавший в *русских снегах* незадачливый купец, отчаянно размахивая руками, бросился ему навстречу» [25]; «Деревья гулко скрипели, проклиная пришедшего к ним *чужака*, предсказывая ему забвение и погибель» [26]. То же чувствуют русские, попадая в пермяцкие леса: «Даром все лето порты, лазая по камням, да *лесам пермяцким* драли» [27]. Человеку страшно оказаться в окружении всего «чужого»: « – Да как же без Руси да среди вогул? – удивился Снегов. – Они своих-то не жалуют, а чужаков и подавно!» [28].

Выражая русскую языковую картину мира, А. Иванов использует этнические имена для этической оценки поступков героев.

Сферы этнической маркировки явлений в художественном дискурсе очень разнообразны. Однако условно их можно представить в виде нескольких направлений (векторов):

1) антропонимический вектор, в который, помимо собственно этноантропонимов (Вогул, Вогулкин), входят сферы «названия представителей народов», «особенности внешности»;

2) топонимический вектор, образуемый как этнотопонимами (Вогулинская гора), так и примыкающими к ним сферами «территория», «поселения народов»;

3) культурологический вектор, в который входят такие сферы, как «одежда», «обувь», «религиозная атрибутика»;

4) философский вектор, направленный на маркировку абстрактных и обобщенных понятий.

В рецептивном аспекте литературно-художественной коммуникации отметим, в связи с рассмотренными вопросами, важность аспекта геременевтико-интерпретационной деятельности воспринимающей языковой личности [29].

Результаты и выводы. Итак, образ «человека этнического» в художественных произведениях пермских авторов отражает этническую составляющую ментальности народов, проживающих в регионе. Этнонимы, функционирующие в текстах исторической прозы, отражают оппозицию «свой –

чужой», служат средством объективации, выполняя функцию реально-исторической достоверности, а также выполняют эмоционально-стилистическую функцию, являясь средством художественной выразительности. Можно говорить о том, что писатели, отражая в своих романах особенности культуры «другого» этноса, воспитывают у читателей толерантное отношение не только к героям своих произведений, но и к тем, кто живет с ними рядом в многонациональном Пермском крае.

Примечания:

1. Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of Terminological Triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: Linguo-rhetoric Aspect // European Researcher. 2013. Vol. (47). № 4–3. P. 1014-1018.
2. Ворожбитова А.А. Официальный дискурсивный фон исторического этапа Великой Отечественной войны: экспрессия Победы в лингвориторике «Правды» 1941–1945 гг. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25). С. 76-81.
3. Строганов М. Камни господни. СПб.: Крылов, 2006. С. 278.
4. Там же. С. 262.
5. Никонов Н. Ермак // Уральский следопыт. 1973. № 4. С. 23.
6. Там же. С. 20.
7. Зубцов А.С., Ворожбитова А.А. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования. Монография. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. 212 с.
8. Иванов А. Чердынь – княгиня гор. Пермь, 2003. С. 91.
9. Там же. С. 62.
10. Иванов А. Золото бунта. М., 2005. С. 45.
11. Иванов А. 2003. Указ. соч. С. 72.
12. Там же. С. 72.
13. Там же. С. 13.
14. Никонов Н. Указ. соч. С. 19.
15. Турова Е. Кержаки. Проза. Пермь: ООО «Маматов», 2007. С. 167.
16. Там же. С. 203.
17. Там же. С. 206.
18. Там же. С. 211.
19. Там же. С. 225.
20. Там же. С. 211.
21. Там же. С. 217.
22. Иванов А. 2005. Указ. соч. С. 518.
23. Там же. С. 553.
24. Иванов А. «Я интуитивно понимал, что надо сделать так, а не иначе» // Филолог. 2004. № 4. С. 14.
25. Строганов М. Указ. соч. С. 278.
26. Там же. С. 194.
27. Там же. С. 245.
28. Там же. С. 191.
29. Ворожбитова А.А. Интерпретативная культура языковой личности как инструмент изучения дискурсивных процессов: теория и методика формирования в лингвориторической парадигме // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 2 (20). С. 197-200.

UDC 821.161.1

Representation of ‘Alien’ in Regional Literary Texts

[1.]Svetlana L. Mishlanova
[2.]Tatyana A. Sirotkina

[1.] Perm State National Research University, Russia
15 Bukireva Str., Perm 614990
Doctor of Philology, Professor
E-mail: mishlanovas@mail.ru
[2.] Russian State Hydrometereological University, Tuapse Branch, Russia
4 Morskaya Str., Tuapse 352800
PhD (Philology), Assistant Professor
E-mail: sirotkina71@mail.ru

Abstract. The paper is focused on the description of the ways of representation of ‘alien’ ethnos in regional literary text. The means of description of representatives of different cultures are considered on the examples of works by Perm writers. Authors came to the conclusion that writers, reflecting the features of ‘alien’ ethnos culture in their works, foster tolerant attitude towards both the characters of their works and representatives of different ethic groups, residing in multinational Perm Region.

Keywords: ethos; ethnonym; ethic image; ethic worldview.

УДК 81

Концептуальные основы построения риторической модели аргументации

Наталья Константиновна Пригарина

Волгоградский социально-педагогический государственный университет, Россия
400066, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
доктор филологических наук, доцент
E-mail: prigarina99@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме моделирования аргументации и содержит обобщение результатов исследования аргументативной модели в русле риторической парадигмы. Предлагается концепция обобщенной риторической модели аргументации, отвечающей задачам реальной коммуникации.

Ключевые слова: аргументация; моделирование аргументации; риторическая модель; коммуникативно-риторическая стратегия; коммуникативно-риторическая тактика; инструментальная риторическая тактика.

Введение. Проблема моделирования издавна занимала науки, имеющие отношение к аргументации. Это, прежде всего, связано со сложностью и неоднородностью самого предмета, а также с вытекающим отсюда многообразием подходов к его изучению.

Разработка риторической аргументативной модели, отвечающей характеристикам реальной коммуникации, – одна из актуальных научных задач.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили тексты речей выдающихся судебных ораторов XIX–XXI вв., являющиеся образцами успешных, убеждающих, воздействующих речей. На их основе разработана риторическая модель аргументации судебной защитительной речи [1], а в настоящей статье предлагается концепция обобщенной риторической модели аргументации, отвечающей задачам реальной коммуникации.

В качестве основного метода исследования использовался *дедуктивно-индуктивный метод*. Дедукция позволила рассмотреть объект и предмет исследования в направлении от общего (от общих теоретических положений риторики) к частному (анализу конкретного риторического содержания судебных защитительных речей). Использование индукции – выявление и исследование элементов аргументации – привело к обобщению и структурированию и, в конечном счете, к построению риторической аргументативной модели.

В рамках индуктивно-дедуктивного метода применялись *описательный метод* с его основными компонентами – наблюдением, систематизацией, классификацией, обобщением, интерпретацией; *типологический метод*, посредством которого путем оценки и обобщения наиболее существенных свойств формировалась обобщенная модель; метод *риторического анализа*.

Обсуждение. Для создания модели аргументации, на наш взгляд, наиболее актуален риторический подход, основы которого заложены в работах Х. Перельмана [2] и С. Тулмина [3].

Содержание риторического подхода к аргументации не всеми исследователями понимается одинаково. Например, Г.Н. Аксенова связывает риторический подход с «анализом выражения аргументативно значимых риторических средств и приемов и с исследованием литературно-грамматических свойств, критериев и канонов текста» [4], И.А. Герасимова к риторическому аспекту относит «формы и стили речевого и эмоционального воздействия» [5].

На наш взгляд, риторический подход к аргументации включает в себя:

1) рассмотрение аргументации в качестве способа речевого воздействия на адресата, осуществляемого на основе риторических (ценностно-этических, рациональных и эмоциональных) аргументов, предъявляемых и организуемых с помощью коммуникативно-риторических стратегий и тактик и инструментальных тактик в соответствии с внутренним убеждением субъекта аргументации в справедливости и этичности предлагаемого решения;

2) представление риторической аргументации как диалектического единства этического, рационального и эмоционального функционально-смысловых компонентов, исследование статического (системы риторических аргументов) и динамического (системы коммуникативно-риторических стратегий и тактик и инструментальных тактик) уровней реализации данных компонентов;

3) выстраивание аргументативной модели как модели риторической.

Автором междисциплинарной модели аргументации является Л. Апостель. Модель взаимодействующей аргументации Л. Апостеля является комплексной, соединяющей в себе психологические, социальные, логические и риторические основания [6].

Другие научные подходы к разработке модели аргументации представлены реконструирующими концепциями, моделирующими процессы аргументации в текстах, и порождающими концепциями, создающими модели эффективной аргументации.

Задача реконструирующих концепций [7–9] – построение целостной модели уже имеющихся реальных процессов аргументации и оценка ее эффективности. Задача порождающих концепций [10, 11] – создание некой совокупности правил, соблюдение которых может гарантировать субъекту эффективность аргументации. В рамках этих концепций предложены различные способы моделирования аргументации: логические, риторические и когнитивные [12].

Модель аргументации С. Тулмина является моделью естественно-языковых рассуждений и относится к числу когнитивных.

Модель аргументации Х. Перельмана строится на понятиях убеждения и аудитории. При этом понятие убеждения принимает у него форму согласия, а ценности являются базисом аргументации [13].

В.Н. Брюшинкин предлагает системную модель аргументации и считает, что «в основу анализа аргументации можно положить любой логический аппарат и дополнить его когнитивными и риторическими средствами аргументации, которые и позволят создать целостную модель» [14].

Риторическое моделирование аргументации, по мнению В.Н. Брюшинкина, – это воспроизведение процесса аргументации *посредством языковых средств*, ориентированных на адресата и придающих аргументации выразительность (выделено нами – Н.П.) [15].

Поддерживают такое представление о риторическом моделировании и некоторые другие исследователи. Ср.: «В риторических моделях аргументация моделируется при помощи системы тропов и фигур, здесь отображается приемлемость аргументации для адресата, но сами по себе они не могут полностью воспроизвести процесса аргументации [16].

На наш взгляд, включение в риторическую модель аргументации только языковых средств оформления речи не соответствует реальным аргументативным процессам. Мы разделяем мысль Ю.М. Лотмана о том, что риторическая структура находится в сфере содержания, а не в сфере выражения [17].

Попытка сведения риторической модели аргументации к некоторому набору языковых средств нарушает системное представление о процессе аргументации и приводит к недооценке роли риторики в изучении аргументации.

Соглашаясь с В.Н. Брюшинкиным в том, что «риторическая модель характеризуется ориентацией на приемлемость убеждения для адресата» [18], функционально-смысловую структуру риторической модели аргументации мы представляем иначе.

Задача исследователя при построении риторической модели аргументации, по нашему мнению, состоит в выявлении и отборе тех единиц, которые в наибольшей степени соответствуют замыслу и целевой установке речи и являются эффективными в данной аргументативной ситуации для изменения убеждений адресата аргументации.

Собственно риторическая модель аргументации предполагает учет как содержания аргументации (аргументация включает три равноправных компонента: этос, логос, пафос), так и ее структуры (аргументация располагается на двух уровнях: статическом и динамическом).

Убеждающая направленность аргументации в идеале своем предполагает триединое воздействие на мысли (идеи), чувства и волю аудитории. Логос, этос и пафос – три категории, которые задают ценностные ориентации и нормативные предписания и в совокупности становятся неделимым универсальным актом сознательного созидания речи. Такой «триединый» подход к анализу аргументации известен с античных времен [19].

Риторическая аргументация представляет собой диалектическое единство этического (ценностного), рационального и эмоционального функционально-смысловых компонентов, каждый из которых одинаково важен для осуществления эффективного воздействия.

Для построения риторической модели аргументации считаем необходимым обозначить два уровня реализации аргументации: статический и динамический.

1. Статическим уровнем реализации риторической модели аргументации назовем уровень, на котором происходит выявление и исследование риторического «инструментария», имеющегося в распоряжении оратора. Статический уровень реализации аргументации традиционно разрабатывается логикой и риторикой. В качестве инструментария для построения аргументации со времен Аристотеля предлагаются обычно аргументы и топы.

2. Динамический уровень реализации риторической аргументации – это «процессуальный» уровень, предполагающий выявление и исследование коммуникативно-риторических стратегий и коммуникативно-риторических и инструментальных риторических тактик, формирующих аргументативную модель.

Опираясь на определение коммуникативной стратегии О.И. Иссерс [20], определение аргументативной стратегии Ф.Х. ван Еемерена [21], мы считаем возможным ввести понятие *коммуникативно-риторической стратегии* – пути предъявления риторической аргументации,

реализуемого через последовательно разворачивающиеся риторические действия для достижения эффекта воздействия.

Конкретные речевые действия, способствующие реализации коммуникативно-риторической стратегии называем *коммуникативно- риторическими тактиками*.

Коммуникативно-риторические стратегии и тактики репрезентируем как функционально-структурные элементы риторической модели аргументации.

Участвуют в формировании риторической модели аргументации и *инструментальные риторические* тактики.

Инструментальными риторическими тактиками мы называем специально организованные средства языковой выразительности, разворачиваемые на уровне текста и используемые в определенных аргументативных ситуациях с целью воздействия на адресата.

По нашему мнению, выбор тех или иных языковых средств (тропов, фигур и т.п.), используемых оратором, определяется задачей речи, служит для реализации замысла оратора в конкретной аудитории и помогает представить тезис выступающего в наглядной форме, сделать его более запоминающимся и понятным для слушателей. В риторической модели аргументации тропы и фигуры не средства украшения речи, а разновидности риторических аргументов.

Таким образом, традиционно используемые в качестве средств языковой выразительности публичного выступления тропы и риторические фигуры в нашем исследовании представлены не как самостоятельная эстетическая ценность публичного выступления, а как элементы воздействия. Классификации тропов и фигур, создаваемые лингвистами, обычно не учитывают особенностей воздействия этих средств выразительности на аудиторию, что актуально для аргументации убеждающей речи.

Актуальную для риторической аргументации роль языковых приемов выразительности весьма точно подметила Н.А. Безменова: «Все риторические фигуры представляют собой способ рельефного изображения аргумента. Фигура есть необычный способ выражения, форма фигуры представлена какой-либо особой структурой речи или мысли. … Вопрос тогда станет фигурой, когда оратор знает на него ответ» [22].

Указания на такую роль тропов и фигур в публичных выступлениях имеются во многих старых и новых риториках. Ср.: «Риторические украшения, как и прочие элементы судебной речи, имеют право на существование только как средства успеха, а не как источник эстетического наслаждения» [23]. Размышления о направленности риторических фигур на адресата находим даже и в исследованиях сторонников логического подхода к аргументации. Задав прямой вопрос, выполняет ли риторическая фигура аргументативную функцию, А.И. Мигунов отвечает: «Фигура речи – это один из механизмов рождения нового смысла… Фигура речи имеет место лишь тогда, когда этот смысл рождается в разуме слушателя… Чтобы риторическая фигура случилась, недостаточно авторских усилий оратора или писателя, необходимо соавторское усилие слушателя или читателя» [24].

Таким образом, риторическую модель аргументации на динамическом уровне формируют не только коммуникативно-риторические стратегии и тактики, но и инструментальные риторические тактики, обеспечивающие эффективное воздействие с помощью языковых средств. С помощью коммуникативно-риторических стратегий и тактик осуществляется воздействие на адресата через организованную особым образом систему риторических аргументов, а инструментальные риторические тактики связаны с осуществлением воздействия на адресата посредством различных форм организации языкового материала.

Совокупность коммуникативно-риторических стратегий, формирующих риторическую модель аргументации, представляет собой системное образование с четкой структурой. Первый ярус этой системы образует основная (генеральная) стратегия, соответствующая общей задаче речи. На втором ярусе находятся вспомогательные аргументативные стратегии, которые конкретизируют замысел оратора и реализуются с помощью специальных тактик. Третий ярус создают инструментальные риторические тактики.

Отметим, что Сочинская лингвориторическая школа (см.: [25, 26]) также внесла вклад в разработку проблематики аргументативной модели применительно к особому жанру – официальной военной публицистике [27, 28].

Результаты и выводы. Разработана риторическая модель аргументации, которая представляет собой двухуровневую, трехкомпонентную структуру и выстраивается как диалектическое единство единиц статического и динамического уровней реализации этического, рационального и эмоционального компонентов аргументации, предъявляемых и организуемых с опорой на ценности, интересы и психологические установки адресата.

Риторическая модель аргументации создается упорядоченной и опирающейся на исследование механизма воздействия системой действий, которой может воспользоваться оратор, если ему необходимо построить эффективную речь в определенном жанре, в определенной ситуации, для определенной аудитории. Риторическую модель формируют не все элементы аргументации, а только те, что необходимы для достижения запланированного эффекта воздействия

Примечания:

1. Пригарина Н.К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель. Дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 399 с.
2. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Новая риторика: трактат об аргументации // Язык и моделирование социального воздействия. М.: Прогресс, 1987. С. 207-264.
3. Toulmin, S. The Uses of Argument. Updated edition. New York: Cambridge University Press, 2003. 247 p.
4. Аксенова Г.Н. Когнитивные стратегии аргументативной речевой деятельности (на материале судебной речи). Дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 185 с. С. 13.
5. Герасимова И.А. Практический курс по аргументации: Учеб. пособие. М.: ИФРАН, 2003. 237 с. С. 10.
6. Apostel L. Towards the Formal Study of Models in the Non-Formal Sciences // The Concept and the Role of the Model in Mathemathics and Natural and Social Sciences. Dordrecht: Reidel, 1960. P. 1-37.
7. Toulmin S. Указ.соч.
8. Брюшинкин В.Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: труды междунар. семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений / Редкол.: В.Н. Брюшинкин (отв. ред.) и др. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2000. С. 133-155.
9. Брюшинкин В. Н. Аргументация, коммуникация, рациональность // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 5-11.
10. Аристотель. Риторика // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 3-164.
11. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Указ. соч.
12. Труфанова А.С. «Новая риторика» Х. Перельмана с точки зрения системной модели аргументации //РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 283-284.
13. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Указ. соч. С. 66.
14. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / Под ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. С. 32.
15. Брюшинкин В.Н. Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2006. С. 13.
16. Мисюк А.В. Моделирование аргументации: подход Стивена Тулмина // РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 146.
17. Лотман Ю.М. Семиосфера. С-Пб.: «Искусство СПб», 2000. 704 с. С. 146.
18. Брюшинкин В.Н. Указ. соч. (2006).
19. Аристотель. Указ. соч.
20. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2001. 288 с. С. 54.
21. Еемерен Ф.Х. ван, Хоотлоссер П. Аргументация и разумность: о поддержании искусного баланса в стратегическом маневрировании // Мысль. 2006. № 6. С. 16.
22. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991. 251 с. С. 51.
23. Сергеич П. Искусство речи на суде. М.: Юридическая литература, 1988. 384 с. С. 46.
24. Мигунов А.И. О единстве аргументативных и риторических форм обоснования // Модели рассуждений – 2: Аргументация и рациональность: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 23.
25. Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 4. 2012. С. 77-84.
26. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532-1537.
27. Ворожбитова А.А., Протуренко В.И. Теоретико-методологические основы исследования аргументативного дискурса в лингвориторической парадигме // Гуманитарные науки: исследования и методика преподавания в высшей школе: Матер. 7-й Всерос. науч.-метод. конф. Сочи: РИО СГУТиКД, 2009. С. 196-200.
28. Протуренко В.И., Ворожбитова А.А. Советская аргументативная модель в передовых статьях газеты «Правда» периода Великой Отечественной войны: Монография. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. 140 с.

UDC 81

Conceptual Foundations of Argumentation Rhetoric Model Construction

Natalya K. Prigarina

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia
27 Lenina Prospekt, Volgograd 400066
Doctor of Philology, Assistant Professor
E-mail: prigarina99@mail.ru

Abstract. The paper deals with the problem of argumentation modeling and contains the generalization of the results of argument model study from the perspective of rhetoric paradigm. The concept of generalized rhetoric model of argumentation, responding to the objectives of real communication is presented.

Keywords: argumentation; argumentation modeling; rhetoric model; communicative-rhetoric strategy; communicative-rhetoric tactics; instrumental rhetoric tactics.

УДК 81

Структурная модель и особенности языковой личности Алисы из произведений Льюиса Кэрролла

[1.] Елена Николаевна Рядчикова
[2.]Ашхен Мурадовна Бальян

[1] Кубанский государственный университет, Россия
350000, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
доктор филологических наук, профессор
E-mail: ren@phil.kubsu.ru
[2] Кубанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Россия
350063, г. Краснодар, ул. Седина, 4
преподаватель, аспирант
E-mail: ash.balian@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из самых актуальных проблем современной лингвистики – изучению языковой личности с точки зрения отражения в ней личности в целом; с опорой на структурную модель языковой личности анализируется специфика речевой коммуникации Алисы и делаются выводы об отнесенности ее к определенному речевому типу в аспекте выявления особенностей языковой личности данного литературного персонажа.

Ключевые слова: языковая личность; лексика; речевая коммуникация; уровневая структура; характеристики и модели языковой личности.

Введение. Для современной науки интерес представляет уже не просто «человек вообще», а личность, т.е. конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Изучение феномена языковой личности, а именно человека как носителя вербального мышления, роли слова в формировании индивидуальной языковой картины мира стало одной из актуальных проблем современной лингвистики.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили художественные тексты Л. Кэрролла об Алисе и их переводы на русский язык. Использованы методы: описательный; лексического, когнитивного, структурно-семантического, комуникативно-прагматического анализа; уровневый подход.

Обсуждение. Человек – существо социальное по своей природе, человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры [1]. «Слово *личность*... содержит в себе элементы интернационального и, прежде всего, европейского понимания соответствующего круга идей и представлений о человеке и обществе, о социальной индивидуальности в ее отношении к коллективу и государству» [2]. В лингвистике языковая личность оказывается в перекрестке изучения с двух позиций: с позиции ее идеолектичности, то есть индивидуальных особенностей в речевой деятельности, и с позиций воспроизводства культурного прототипа [3].

Приоритет в построении единой теории языковой личности принадлежит Ю.Н. Караулову, он достаточно полно раскрывает понятие языковой личности, определяя ее как «любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире... Языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструируемая в основных своих чертах на базе языковых средств... Языковая личность – углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [4]; это совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, точностью и глубиной отражения действительности, определенной целенаправленностью [5].

Конечным продуктом речевой деятельности человека является текст, в котором отражается сама личность. Речь человека, будучи социально обусловленным явлением, индивидуальна, поскольку неразрывна с мыслительной деятельностью человека и его сознанием; она не только отражает внутренний мир, уровень образования, культуры, но и может рассказать об обществе, в котором вращается человек, о его отношении к окружающему, в то время как текст, являясь конечным продуктом вербальной деятельности, может стать наследием для всего человечества, представляя собой историческую ценность, вызывая интерес к изучению не только лингвистики, но и смежных с ней наук.

В структурной модели языковой личности Ю.Н. Караулов выделяет три уровня: вербально-семантический (лексикон человека), лингвокогнитивный и мотивационный (прагматический). Для первого из них учитывается как количество лексических единиц, так и умение правильно использовать вербальные средства в соответствии с нормами социальной дифференциации, вариативности, функционально-стилистической ценности. Следующий уровень репрезентируют идеи, концепты, из которых складывается собственная картина мира каждой языковой личности, что в сознании индивидуума представлено как некая иерархия социальных и культурологических ценностей, сформировавшаяся в конкретных условиях социального опыта и деятельности, и отражается в использовании излюбленных разговорных формул и индивидуальных речевых оборотов. Когнитивная характеристика этого уровня связана с интеллектуальной сферой личности, познавательной деятельностью человека, предполагающей мыслительные процессы (способность адекватного восприятия информации, способность воздействия на партнера, оценка и самооценка когнитивного диапазона и знание социально обусловленных норм вербальной и невербальной коммуникации). Единицами следующего уровня являются цели, задачи, мотивы, намерения и установки, которые проявляются в коммуникативно-деятельностных потребностях личности [6].

Подобно Ю.Н. Караулову, М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова предлагают трехуровневые параметры анализа речевого портрета, называя его «функциональной моделью языковой личности». Первый уровень – это лексикон языковой личности; второй – тезаурус; третий – прагматикон [7].

Обратимся к главному персонажу из произведений Льюиса Кэрролла об Алисе с целью анализа ее языковой личности согласно представленным трехуровневым параметрам изучения языковой личности.

Для вербально-семантического уровня языковой личности Алисы характерен довольно большой словарный запас девочки, умение правильно использовать вербальные средства согласно правилам стилистики, грамматики. Приведем некоторые примеры:

She said this last word two or three times over to herself, being rather proud of it: for she thought, and rightly too, that very few little girls of her age knew the meaning of it at all. However, "jurymen" would have done just as well. – Последнее слово она повторила про себя раза два или три – она очень гордилась тем, что знает такое трудное слово; немного найдется девочек ее возраста, думала Алиса (и в этом она была права) понимающих, что оно значит. Впрочем, назвать их «присяжными заседателями» также было бы верно [8].

Alice had never been in a court of justice before, but she had read about them in books, and she was quite pleased to find that she knew the name of nearly everything there. – Хотя Алиса раньше никогда не бывала в суде, она читала про суд в книжках, и ей было очень приятно отметить, что она знает, как тут все – или почти все – называется) [9].

Очевидно, что лексикон Алисы гораздо обширнее, чем у многих ее сверстников. Во многом это обусловлено ее любовью к вдумчивому чтению и любознательностью.

По отношению к лингвокогнитивному уровню языковой личности для Алисы характерна индивидуальность, узнаваемость. Ей присуще использование в речи вежливых предложений в форме вопросов, что говорит о ее знании этикета, а также языковой игры, что делает ее речь яркой, запоминающейся. Этому персонажу свойственен уверенный тон и ироничность, данные качества – следствие более или менее сложившейся картины мира, наличие системы устойчивых представлений о мироустройстве, об отношениях между людьми, правилах хорошего тона, в том числе отражающихся в речевых клише. и т.п. Также можно отметить вдумчивость девочки и соответственно ее высокий интеллектуальный уровень. Приведем наиболее яркие примеры:

Alice thought it would never do to have an argument at the very beginning of their conversation, so she smiled and said, "If your Majesty will only tell me the right way to begin, I will do it as well as I can". – Алиса решила, что не стоит начинать разговор с Королевой со Спора о Повидле, и сказала:

– Конечно, конечно, Ваше Величество. Если вы посоветуете мне, с чего нужно начать, я постараюсь пришпилить вашу шаль [10].

Для анализа мотивационного (прагматического) уровня проанализируем следующие примеры.

"What kind of insect?" Alice inquired a little anxiously. What she really wanted to know was, whether it could sting or not, but she thought this wouldn't be quite a civil question to ask. – Какое насекомое? – забеспокоилась Алиса. На самом деле она хотела узнать, кусается ее собеседник или нет, но задать такой вопрос прямо было бы, конечно, невежливо [11].

Алиса заменяет интересующий ее вопрос (не очень вежливый, по ее мнению) на другой, не дающий прямого ответа, но из которого можно догадаться, кусается насекомое или нет, что говорит об умении создавать речевые произведения с определенной целенаправленностью, о коммуникативной гибкости, об умении и даже искусстве менять речевые тактики в процессе общения, сохраняя одну определенную речевую стратегию, четкую мотивацию.

В следующем контексте отметим когнитивную гибкость языковой личности литературного персонажа, ее способность к аналитическому мышлению, рефлексии, поиск оптимальных речевых формулировок, желание и умение отслеживать ответную реакцию собеседника (что является не такой

уж характерной чертой не только для детей, но и для целого ряда взрослых людей), причем не только по речевым, но и по паралингвистическим параметрам:

Cheshire-Puss", she began, rather timidly, as she did not at all know whether it would like the name: however, it only grinned a little wider. "Come, it's pleased so far," thought Alice, and she went on. "Would you tell me, please, which way I ought to go from here?". – Чеширский Мурлыка..., – заговорила Алиса несмело – она не знала, понравится ли ему такое обращение.

Кот в ответ улыбнулся еще шире.

«Значит, не сердится,» – подумала Алиса и продолжала:

– Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти? [12].

Алиса в речевой коммуникации демонстрирует тактичность, предупредительность, доброжелательность, терпимость, корректность, что позиционирует ее как «сильную языковую личность» (см. [13–15; 16]) в соответствии с классификацией языковых личностей, включающей три компонента – слабую, усредненную и сильную (элитарную) языковые личности (см. [17]).

Следует отметить, что, в отличие от ученых, рассматривающих языковую личность как трехуровневую структуру, В.Д. Лютикова считает, что «уровневая модель языковой личности, разработанная исследователями, отражает обобщенный тип личности, поэтому она не всегда применима для изучения конкретной личности. В индивидуальной речевой ситуации вербальный, когнитивный и прагматический уровни не разграничиваются. Кроме того, любая личность соединяет в себе элементы стабильности и изменчивости, она подвержена внешнему влиянию и не лишена внутренних конфликтов. Наличие устойчивости и непостоянства языковой личности, испытывающей воздействие различного рода фактов, еще более усложняет структуру языковой личности» [18]. Это, безусловно, так – в ряде случаев, но тем не менее уровневые модели изучения языковой личности помогают не только лучше понять саму личность, но и глубже проникнуть в художественный замысел автора речевого произведения, полнее постичь скрытые в нем смыслы, идеи, художественно-эстетическую направленность.

Результаты и выводы. Таким образом, применение структурной модели анализа и типов языковой личности позволяет охарактеризовать Алису как сильную языковую личность в силу ее обширного лексикона, его правильного применения, уместного употребления речевого этикета и языковой игры, тактичности, ироничности, уверенности, вдумчивости, начитанности, коммуникативной и когнитивной гибкости, рефлексии, способности применять разнообразные речевые тактики, отслеживать реакцию собеседника и реагировать на нее должным образом с целью избежать конфликта и добиться поставленной цели речевого акта.

Примечания:

1. Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1996. С. 253.
2. Виноградов В.В. История слов. М., 1994. С. 271.
3. Кулишова Н.Д. Языковая личность в аспекте психолингвистических характеристик (На материале письменных текстов). Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. С. 28.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 39.
5. Там же. С. 245.
6. Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 5.
7. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995. С. 10.
8. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Набоков В. Аня в стране чудес. Повесть-сказка. На англ. и русск. яз. М., 2000. С. 135. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: Пер. с англ. Н. Демуровой. М., 1985. С. 119.
9. Кэрролл Л. Указ. соч. С. 135. Приключения Алисы в Стране Чудес / Переск. и предисл. Б. Заходера; Алиса в Зазеркалье / Переск. и предисл. Вл. Орла: Сказки / Пер. с англ. Краснодар, 1990. С. 102.
10. Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье. На англ. яз. М., 2004. С. 68. Приключения Алисы в Стране Чудес. Указ. соч. С. 164.
11. Кэрролл Л. Указ. соч. С. 43. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. Указ. соч. С. 189.
12. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Указ. соч. С. 90. Приключения Алисы в Стране Чудес. Указ. соч. С. 61.
13. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Сочи: СГУТиКД, 2000. 319 с.
14. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система (принципы проектирования и опыт реализации). Дис. ... д-ра пед. наук. Сочи, 2002.
15. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление: Учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2005. 367 с.

16. Рядчикова Е.Н., Тхакушинова Ж.Б. Речевой этикет как показатель сильной языковой личности политика // Вестник Адыгейского госуниверситета, 2009. № 4. С. 181-187.

17. Рядчикова Е.Н., Кадилина О.А. Организация языковой личности как лингво-коммуникативного феномена // Исследования по теоретической и прикладной лингвистике. Краснодар, 2009. С. 50-83.

18. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень, 1999. С. 4.

UDC 81

Structural Model and Features of Linguistic Personality of Alice from the Works by Lewis Caroll

[1.] Elena N. Ryadchikova
[2.]Ashkhen M. Balyan

[1] Kuban State University, Russia
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar 350040 Doctor of Philology, Professor
E-mail: ren@phil.kubsu.ru
[2] Kuban State Medical University of the Health Ministry of the Russian Federation, Russia
4 Sedina Str., Krasnodar 350063
Instructor, Graduate
E-mail: ash.balian@yandex.ru

Abstract. The paper is concerned with the most topical issues of modern linguistics – study of linguistic personality in terms of reflection of the personality as a whole, analyses specific character of Alice's speech communication, relying upon the structural model of linguistic personality. The authors came to the conclusion, concerning Alice subsume to a definite speech type in the aspect of detection of specific features of the linguistic personality of this literary character.

Keywords: linguistic personality; vocabulary; speech communication; level structure; characteristics and models of linguistic personality.

УДК 81

Конфликт сквозь призму лингвистической когнитивистики

[1] Елена Николаевна Рядчикова
[2] Елена Юрьевна Никтовенко

[1] Кубанский государственный университет, Россия
350000, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
доктор филологических наук, профессор
E-mail: ren@phil.kubsu.ru
[2] ФГБОУ ВПО «ГМУ им. адмирала Ф.Ф. Ушакова», Россия
353918, г. Новороссийск, пр. Ленина, 93
преподаватель, аспирант
E-mail: elena28.02@mail.ru

Аннотация. Рассматривается определение и понимание конфликта в гуманитарных науках, его функции, специфика изучения в лингвистике, изучается когнитивный конфликт и его разновидности, его реализация в различных языковых единицах и в речевой коммуникации. На основе личных наблюдений авторов над русскими и английскими паремиями и афоризмами, содержащими конфликт, утверждается, что они есть языковые реализации межличностного когнитивного конфликта.

Ключевые слова: конфликт; когнитивный конфликт; позитивное и негативное отношение; фразеология; паремиология; афористика; манипулятивность.

Введение. В процессе взаимодействия людей зачастую возникают столкновения, вызванные противоречиями целей, взглядов, интересов, точек зрения двух сторон, носящих конфликтный характер. Понятием «конфликт» оперируют сейчас многие области знания – социология, психология, лингвистика, педагогика, философия, юриспруденция, поскольку противоречия и разногласия возникают практически во всех сферах человеческой жизни: профессиональной, личной, бытовой. Но единой теории конфликтов пока не существует – не только для гуманитарных наук в целом, но даже и для языкознания, поэтому проблема нуждается в обобщении, в анализе основных теоретических направлений и разработок.

Материалы и методы. Материалом послужили теоретические исследования конфликта в гуманитарных дисциплинах, в языковедческих науках – в когнитивной и коммуникативной лингвистике, фразеологии, афористике, теории речевой манипуляции. Использовались методы анализа, описательный, сопоставительный, категоризации понятий, структурно-семантический.

Обсуждение. Обычно **конфликтом** называют форму столкновения, разногласия, спора, напряжения, коллизии, сопротивления, нарушения гармонии. Сталкиваться могут интересы, позиции, взгляды, ценности, установки, цели субъектов; обстоятельствами, которые определяют возникновение и развитие любой конфликтной ситуации, являются личностные, психологические, возрастные, половые особенности индивидов, противоборствующих в конфликте [1].

Исторически сформировались две противоположные точки зрения на конфликт как социальное явление: первая, сложившаяся давно, гласит, что конфликт есть патология, он деструктивен, дисфункционален и разрушителен (позиция социологов-функционалистов, в частности, Т. Парсонса). Сторонники второй, более поздней, полагают, что напряжение, как и конфликт, являются развивающими моментами для общества; конфликт ценностей и столкновение культур являются типичными для современного общества. И хотя некоторые ученые говорят о «естественной враждебности между человеком и человеком», которая является основой человеческих отношений, наряду с другой – симпатией между людьми, все же большинство из них придерживаются идеи о том, что конфликт не всегда и не обязательно приводит к разрушению – напротив, он может выполнять важнейшие функции сохранения социальных отношений и социальных систем. Очевидно, положительные последствия конфликта во многом обусловлены тем, что в целом людям присуща ярко выраженная бессознательная установка к конформизму, к нахождению компромисса с группой, даже если он идет вразрез с их первоначальной версией, а также тем, что в культуре существуют специальные механизмы, закрепляющие и усиливающие эту установку [2].

Общая идея положительного эффекта конфликтов заключается в том, что конфликт ведет к изменению, оно ведет к адаптации, адаптация ведет к выживанию. Основные позитивные функции конфликта сводятся к следующему перечню. Конфликт может: 1) разрядить и снять напряженность между антагонистами; 2) выполнять коммуникативно-информационную и связующую функции, по-своему объединяя людей и позволяя им больше узнать друг о друге в процессе взаимодействия; 3) структурировать и оформлять групповые процессы и образования; 4) способствовать интеграции,

позитивным изменениям и нововведениям, уменьшению враждебности и ослаблению напряжения, выполнять сигнальную функцию, привлекая внимание к необходимости изменения; 5) сдерживать более сильный конфликт [3].

Многие лингвистические исследования подтверждают приведенные положения. Однако есть и иные точки зрения.

Некоторые ученые убедительно доказывают, что фразеология отражает в основном негатив. О.Г. Бараева в результате изучения пословиц и поговорок приходит к выводу о том, что в русской языковой картине мира отношение к конфликтам носит как отрицательный, так и положительный характер приблизительно в равном соотношении, поскольку русские люди по своей натуре терпимые и бесконфликтные и идут на конфликты лишь в крайних случаях. Однако если конфликт разгорается, то русский человек отстаивает свои позиции до конца, о чем свидетельствует фразеологический фонд. Для русского народа характерным признаком является толерантность к разного рода конфликтным ситуациям, но в то же время в русском языковом сознании не сложилось отрицательного отношения к конфликтам. Хотя, как пишет исследователь, идиомы с компонентом «конфликт» характеризуются повышенной эмоциональностью и образностью, основанными на особом восприятии явлений и фактов окружающей действительности, на их оценке (в основном отрицательной). В афоризмах же отношение к конфликтам выражено однозначно — осуждением, неодобрением, возможностью решения мирными средствами любых конфликтных ситуаций [4].

В последнее десятилетие конфликт стал объектом пристального внимания со стороны представителей различных направлений современной лингвистики. Это вызвано тем, что на нынешнем этапе развития языкознания наблюдается переход от изучения коммуникации как способа использования языковой системы для трансляции информации к научному обоснованию различий в формах межличностного общения, на характер которых влияют такие факторы коммуникации, как принадлежность индивида к определенной социальной группе, проявление его личностных потребностей, мотивы и стратегические аспекты общения [5].

А.Т. Анисимова на основании того, что слово *конфликт* (заимствованное из латыни *conflictus*) практически в неизменном виде входит в другие языки, говорит о том, что языковое сознание носителей разных национальных языков причастно к некоему общему смыслу, соотносимому с явлением, которое обозначается словом *конфликт*. Исследуя лингвистические проекции конфликта, она приходит к следующему выводу: выделение статики и динамики в содержании концепта «конфликт» обнаруживает его антиномическую природу: это и процесс, и состояние, и причина, и следствие одновременно. Именно этим, как предполагает исследователь, объясняется такое разнообразие толкований самого понятия «конфликт» различными областями знания [6].

Какова лингвистическая (языковая) природа конфликта в речевом общении? В.С. Третьякова называет следующие основы конфликта для речевой коммуникации: 1) адекватность/неадекватность взаимного понимания партнеров по коммуникации обусловливается в определенной степени природой самого языка; 2) знание нормы языка и осознание отклонений от нее способствуют выявлению факторов, приводящих к непониманию, сбоям в общении и к конфликтам; 3) любой конфликт, социально-психологический, психолого-этический или какой-нибудь другой, получает и языковую репрезентацию [7]. В.С. Третьякова справедливо отмечает, что с переходом от лингвистики языка к лингвистике общения языковой конфликт является предметом исследования системной лингвистики, а речевой конфликт – предметом лингвопрагматики, социолингвистики, психолингвистики, коммуникативной лингвистики. При наличии языкового и речевого конфликта можно также говорить и о существовании неречевого конфликта, который развивается безотносительно к речевой ситуации: это, как правило, конфликт целей, взглядов. Но поскольку репрезентация неречевого конфликта происходит в речи, то он тоже становится предметом исследования прагматики в аспекте отношений и форм речевого общения (спор, дебаты, ссора и пр.) между участниками коммуникации. То, что огромную роль конфликт, противопоставления играют в процессе познания и, соответственно, в лингвистической когнитивистике, объясняется тем, что конфликт – понятие лингво-философское, но прежде всего – ментальное, поскольку конфликт складывается и осознается как таковой вначале в мыслях, в сознании индивидуума (то есть он субъективен) и лишь затем может социализироваться, обретать общественно-значимый объективный характер.

На основании того, что эволюция любого явления предполагает наличие конфликта, борьбу противоположных тенденций, т.к. эволюция – это борьба консервативного и прогрессивного, устойчивого и изменяемого, старого, надежного и нового, рискованного, К.М. Тангир приходит к выводу о том, что конфликт есть ***речемыслительная универсалия***, представленная в категориях всеобщего (мышление), общего (язык) и особенного (речь), что в полной мере воплощается в различных устойчивых сочетаниях языка [8].

Когнитивная основа конфликта позволяет говорить о **когнитивном конфликте.** В философской и психологической терминологии под когнитивным конфликтом понимается определенное интенциональное состояние коммуникантов, характеризующееся как «интеллектуальный конфликт, возникающий, когда имеющимся мнениям и представлениям противоречит новая информа-

ция» [9]. А.Т. Анисимова когнитивным называет конфликт как лингвокультурный концепт с позиций коммуникативной напряженности, неудачи межличностных отношений [10]. Н.С. Гюрджян категорию когнитивного конфликта трактует как коммуникативную категорию, лежащую в основе межличностного конфликта собеседников и коммуникативных неудач в речевом взаимодействии, как коммуникативную категорию, отражающую определенный аспект онтологии речевой интеракции: процесс понимания (взаимопонимания) в рамках речевого взаимодействия (интеракции) реализуется через выдвижение интенционально обусловленных гипотез относительно референта сообщения и принятия выдвинутых гипотез со стороны собеседника. Понимание представляется как *синхронизация* интенциональностей собеседников, направленных на предметный (объектный) и интеракциональный (субъектный) планы речевого взаимодействия**.** Когнитивный диссонанс на уровне общего когнитивного пространства собеседников рождает когнитивный конфликт. Бесконфликтное общение во многом обусловливается примерно равным интеллектом общающихся, схожим кругозором и аксиологическим набором. Вступая в речевое взаимодействие, коммуниканты сопоставляют свои когнитивные программы, т.е. сопрягают собственные картины мира, представления об устройстве отражаемого объекта в виде окружающей действительности. Н.С. Гюрджян акцентирует внимание на том, что для успешного протекания речевой интеракции (взаимодействия) необходимо, чтобы в основном когнитивные программы собеседников совпадали. Несовпадение когнитивных программ вызывает противоречие и, как следствие, – когнитивный конфликт. С позиции исследователя, когнитивный конфликт представляет собой рассогласование в когнитивных (инференционно-логических), интеракциональных (стратегических или тактических) и дискурсивных (кодово-процедурных) программах взаимодействующих субъектов (коммуникантов).

В основе онтологического представления когнитивного конфликта лежат методологические принципы инвариантности/вариативности, контрфактичности и противоречия в когнитивно-коммуникативном взаимодействии. В рамках речевой интеракции происходит сопоставление результатов такой рефлексии, и собеседники, как правило, сопоставляют «свой мир» и «мир другого» прежде всего для оценки адекватности двух миров. Расхождение в когнитивных программах собеседников порождает когнитивный конфликт на уровне отношения субъекта к объекту (внутриличностный конфликт) и на уровне отношения субъекта к субъекту (межличностный конфликт)», а также как интенциональное (намеренное) речевое поведение. «Его осознанное осуществление со стороны говорящего связано, скорее, не с непониманием, а с отрицанием, несогласием со стороны собеседника… Таким образом, когнитивный конфликт получает статус коммуникативно-прагматической категории, которая возникает в результате нарушения когнитивно-коммуникативной нормы. Когнитивный конфликт возникает как столкновение двух положений дел, возможных миров, выражающихся в реальных (эксплицитных) или виртуальных (имплицитных) пропозициях высказываний собеседников, в результате чего отрицается релевантность одной из них» [11].

Наши исследования (см., например: [12, 13, 14]) позволяют утверждать, что конфликтсодержащие паремии и афоризмы есть языковые реализации **межличностного когнитивного конфликта**.

Среди речевых конфликтов в отдельную группу можно выделить конфликты, в основе которых лежит **манипулятивное** поведение людей, то есть такое взаимодействие между ними, при котором одни из них оказывают влияние на другие, но так, что последние, сами не осознавая того, делают нечто себе во вред, но в угоду манипулятору. Такие речевые стратегии и тактики получили название ***стратагем*.** Это понятие означает стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость. С.В. Сидорков и Г.Д. Сидоркова отмечают, что фольклорно-языковой материал разных народов содержит большое количество устойчивых выражений стратагемного характера, группирующихся вокруг следующих четырех принципов: 1) введение в заблуждение; 2) экономия усилий; 3) малая жертва; 4) интрига. Ученые подчеркивают тот факт, что стратагемность наиболее ярко выражена в последнем из указанных принципов и вычленяют в нем такие аспекты, как: а) подстрекательство, натравливание на собственного противника третьего лица; б) сеяние раздора, нестабильности в рядах противника [15]. Межличностный конфликт может возникнуть в том случае, если собеседник вовремя не разгадал манипулятивного замысла соперника и позволил ввести себя в заблуждение. На наш взгляд, это происходит в силу того, что реципиент либо не обладает нужными знаниями, либо не совершает нужных умственных усилий по раскодированию услышанного сообщения-стратагемы, либо у него не развита интуиция, в том числе языковая. Нередко эти факторы должны применяться в комплексе, одновременно.

Лингвисты объясняют данное явление следующим образом. Поскольку, как отмечает Н.А. Белоус, основной характеристикой смысла слова в конфликтном дискурсе является *кодирование* его составляющих, постольку при понимании и интерпретации такого дискурса реципиенту необходимо провести обратное когнитивно-прагматическое действие – декодировать смысл составляющих его языковых элементов. Иными словами – провести когнитивный анализ высказывания: во-первых, разложить означаемые на минимальные семантические элементы, или семы; во-вторых – познать смысл сообщения, то есть познать все компоненты «речевой картины мира» другого человека: эмоции и чувства, образы и символы; языковой опыт, иллокутивные и

энциклопедические знания, на основе которых оно родилось. Для этого необходимо знать культуру своего собеседника, его представления о жизни, национальную концептосферу, языковой пласт культуры; кроме того, необходимо обладать сведениями о сложившихся образцах ритуального речевого поведения собеседника [16].

Заключение. Итак, конфликт как форма различных столкновений – в первую очередь ментальных – может иметь и отрицательные, и положительные последствия; в любом случае он может оказаться развивающим фактором и не обязательно приводит к разрушению – напротив, он может выполнять важнейшие функции сохранения социальных отношений и социальных систем, ведет к изменению, к адаптации и, в итоге, к выживанию. Конфликт как речемыслительная универсалия характерен для всех языков и культур. В силу этого фразеология отражает как негативное отношение к конфликтам, так и положительное (в зависимости от тематических групп), но афористика – только отрицательное.

Конфликт, в том числе когнитивный, может быть внутриличностным и межличностным. В последнем случае когнитивный конфликт становится коммуникативно-прагматической категорией, для его избегания или понимания необходимы не только лингвистические, но экстралингвистические знания.

Конфликтсодержащие паремии и афоризмы принадлежат к числу языковых реализаций межличностного когнитивного конфликта. Одной из перспектив исследования является рассмотрение его объекта также в лингвориторическом аспекте, с учетом положений, изложенных в работах [17–20].

Примечания:

1. Кошкарова Н.Н. Психолингвистические основы речевой агрессии // Континуальность и дискретность в языке и речи: Матер. Междунар. науч. конф. Краснодар, 2007. С. 127.
2. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003. С. 70-71.
3. Там же. С. 33-35.
4. Бараева О.Г. Концептуализация понятия «конфликт» в русской национальной картине мира второй половины XX в. – начала XXI в. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2009.
5. Волкова О.С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «Бытовой конфликт». Дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. С. 10.
6. Анисимова А.Т. Лингвистические проекции конфликта (дескриптивный аспект). Дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2004. С. 80-81.
7. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. URL: http://proceedings.usu.ru/. (дата обращения 15.06.2012).
8. Тангир К.М. Русские антиномические афоризмы: рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности. Дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 2007. С. 68.
9. Ильичев Л.Ф. и др. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 214.
10. Анисимова А.Т. Указ. соч. С. 220.
11. Гюрджян Н.С. Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге (на материале английского и русского языков). Автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2008. С. 11.
12. Рядчикова Е.Н., Тангир К.М. Внутренняя конфликтность и парадоксальность как лингвокогнитивные принципы афоризма // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. Вып. 8. Сочи: СГУТиКД, 2007. С. 97-105.
13. Рядчикова Е.Н., Тангир К.М. Философско-мировоззренческий конфликт в антиномичных афоризмах // Современная лингвистика: теория и практика. Матер. VII Межвуз. научно-метод. конф. Ч. II. Краснодар: КВВАУЛ, 2007. С. 58-61.
14. Рядчикова Е.Н., Никтовенко Е.Ю. Конфликтогенность как прагматическая характеристика паремий // Вестник Майкопского гос. технологического ун-та. Майкоп, 2013. Вып. 1. С. 27-30.
15. Сидорков С.В., Сидоркова Г.Д. К типологии стратагемных принципов // Филология как средоточие знаний о мире. М.; Краснодар, 2008. С. 331-332.
16. Белоус Н.А. Роль праксем в речевой картине мира личности в диалогическом пространстве конфликта // Континуальность и дискретность в языке и речи: Матер. Междунар. науч. конф. Краснодар, 2007. С. 121.
17. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83.
18. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science (Лингвориторическая парадигма как интегративная исследовательская призма в филологической науке) // European researcher. 2010. № 2. С. 183-190.

19. Vorozhbitova A.A. Discourse-paradigmatics and Discourse-syntagmatics Categories in Linguo-rhetoric Paradigm (Категории дискурс-парадигматики и дискурс-синтагматики в лингвориторической парадигме) // European researcher. 2011. № 11 (14). P. 1532-1537.

20. Ворожбитова А.А. Комплексное исследование дискурсивных процессов в российском социокультурно-образовательном пространстве XIX–XXI вв.: программные установки лингвориторической парадигмы // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2012. № 1 (19). С. 182-185.

UDC 81

Conflict through the perspective of linguistic cognitive science

[1] Elena N. Ryadchikova
[2] Elena Yu. Niktovenko

[1] Kuban State University, Russia
350000, Krasnodar, str. Stavropolskaya, 149
Doctor of Philology, Professor
E-mail: ren@phil.kubsu.ru
[2] State Marine University. Admiral FF Ushakov ", Russia
353918, Novorossiysk, str. Lenina, 93
teacher, PhD student
E-mail: elena28.02@mail.ru

Abstract. We consider the definition and understanding of the conflict in the humanities, its functions, specific studies in linguistics, studied cognitive conflict and its variants, its implementation in a variety of linguistic units in speech communication. Based on personal observations of the authors of the Russian and English proverbs and aphorisms containing the conflict, it is argued that they have the language of the interpersonal cognitive conflict.

Keywords: conflict, cognitive conflict, positive and negative attitudes; phraseology; paremiology; aphoristics; Manipulative.

УДК 808.5

Отклонение от этико-речевой нормы как прием комического (на материале малоформатных жанров современной российской газеты)

[1] Александр Петрович Сковородников
[2] Галина Анатольевна Копнина

[1] Сибирский федеральный университет, Россия
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, оф. 2-42
Доктор филологических наук, профессор
E-mail: skapnat@mail.ru
[2] Сибирский федеральный университет, Россия
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, оф. 2-42
Доктор филологических наук, доцент
E-mail: okopnin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема преднамеренного отклонения от этико-речевой нормы для достижения комического эффекта в малоформатных жанрах современной российской газеты. Обозначены типы такого рода отклонений, выделенные в соответствии с нарушаемыми коммуникативными постулатами, и поставлена проблема о критериях их этической и эстетической допустимости.

Ключевые слова: речевая норма; этико-речевая норма; отклонение от нормы; коммуникативные постулаты; языковая игра; комический эффект.

Введение. В современной лингвистике актуальной является разработка понятия речевой нормы, которую предварительно мы определяем как «общепринятое представление культурных носителей языка о закономерностях его функционирования, отраженное в узусе и сформулированное в виде прагматических правил – речеповеденческих и текстовых» [1]. В составе частных речевых норм значимое место занимает этико-речевая норма, понимаемая нами как совокупность правил должного речевого поведения, основанных на морально-нравственных категориях, лингвопрагматических постулатах (максимах) и национально-культурных традициях [2]. Конкретизируется этико-речевая норма в этических постулатах речевого общения (отправных положениях, установках) и в частных правилах – «в форме советов, рекомендаций, предписаний положительной модальности, а также в форме предупреждений, предостережений (табу), выполнение которых обеспечивает продуцирование речи, обладающей качеством ценности, блага для всех участников коммуникации» [3]. Намеренное невыполнение этих постулатов и правил может преследовать неблаговидные цели (агрессивные, манипулятивные), но может иметь интенцию создания комического эффекта и в таком случае рассматриваться, при определенных контекстуальных условиях, в том числе в малых комических жанрах, как речевой прием. Именно таким речевым приемам создания комического посвящена данная статья, которая расширяет сферу наблюдений, сделанных в [4].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили отклонения от этико-речевых норм, которые представлены в текстах малоформатных комических жанров, опубликованных на страницах современных российских газет. В работе использовался аналитико-описательный метод с его основными компонентами: наблюдением, обобщением, классификацией и интерпретацией.

Обсуждение. В составе этико-речевой нормы выделяются два компонента – этикетно-речевой и нормативно-ценностный (подробнее см. [5]). Нормативно-ценностный компонент, представляющий некий набор этических категорий, по сравнению с этикетно-речевым, изучен в меньшей степени, хотя все постулаты речевой этики и правила речевого этикета так или иначе базируются на тех или иных этических категориях. Этим определяется подход к описанию приемов комического, основанных на отклонении от этико-речевой нормы, представленный в данной статье.

1. **Отклонение от постулата ответственности**, понимаемой как зависимость человека от социальных (статусных, ролевых) обязанностей, чувства долга, служащих основанием для принятия решений, совершения действий:

Постовой кричит по рации:

– Третий! Я седьмой! У кинотеатра «Москва» драка. ***Помощи не надо. Убегу сам*** («Комсомольская правда». 27.02.2004);

– Вовочка, что должен сделать защитник Отечества в первую очередь?

– ***Защитить себя от военкомата!*** («Твой Додыр». 2002. № 1).

Причиной безответственности может быть преобладание жажды наживы над чувством долга: *Тонет «Титаник»: давка, паника, крики утопающих. Мимо на утлой лодчонке проплывает*

старушка. ***«Чай, кофе, горячие пирожки! Чай, кофе, горячие пирожки!»*** («Комсомольская правда в Красноярске». 22.02.2001).

К этому типу отклонений примыкают высказывания, демонстрирующие попытки оправдать безответственное поведение:

В консерватории:

– Перестаньте вы сморкаться! Слушать мешаете!..

– ***Наоборот! Я трубачам тональность верную даю*** («Литературная газета». 2001. № 26).

– Правда, что ты родила внебрачного ребенка?

– ***Да. Но очень маленького...*** («Комсомольская правда». 17.02.2001).

2. **Отклонение от постулата тактичности**, понимаемой как такое морально-нравственное качество, которое проявляется в речи в виде умения понимать собеседника, не использовать неприятные для него высказывания и не ставить его в неудобные ситуации:

Блондинка знакомится с парнем.

– Я – модель.

– ***А какого года выпуска? Дизайн какой-то неудачный...*** («Шанс». 2007. № 26).

В магазине:

– Не найдется у вас какой-либо приличной кофточки?

– Например, такой, как на мне?

– ***Нет, почище*** («Твой Додыр». 02–08.04.2001).

К этому типу отклонений можно также отнести **приписывание собеседнику неблаговидных намерений (предвзятая атрибуция) и поступков**:

Муж приходит домой под утро вдребезги пьяный. Жена не ложилась, глаза красные, вся на нервах:

– Ты где был, урод? Я все больницы обзвонила, все морги!

Муж заплетающимся языком:

– ***Хотела побыстрее узнать, что я наконец-то сдох!*** («Комсомольская правда». 08.07.2004).

Грузин ухаживает за русской девушкой.

– Наташа, а о чем ты сейчас думаешь?

– О том же, о чем и ты.

– ***Как тебе не стыдно!*** («Московский комсомолец в Красноярске». 2001. № 7).

Жена делает покупки в универмаге, а муж ждет ее у входа на улице. Мимо него проходит роскошная девица и предлагает свои услуги. Шутки ради он спрашивает:

– И сколько это стоит?

– Сто долларов.

– Ну нет, я могу дать только тридцать.

Выругавшись, она уходит на соседнюю улицу. Через десять минут мимо нее гордо шествует ее несостоявшийся клиент под руку с супругой. Девица кричит им вслед:

– ***Вот видишь, за тридцать только такую и найдешь!*** («Московский комсомолец в Красноярске». 2001. № 7).

3. **Отклонение от постулата альтруизма**, выраженное в эгоистических поступках и высказываниях:

– У моей жены сегодня день рождения, а я даже не решил, что ей подарить.

– А ты приди домой трезвым.

– ***Думаешь? Вообще-то дата не круглая...*** («Комсомольская правда». 10.09.2004).

– Что-то ты плохо выглядишь.

– Да, ночью почти не спал. Моя жена простудилась и всю ночь ужасно кашляла.

– Так пусть сходит к врачу.

– ***А что теперь ходить, я на неделю уезжаю в командировку*** («Комок». 20.02.2001).

4. **Отклонение от постулата искренности**, выражающееся в лицемерии и притворстве:

– Что самое утомительное при игре в гольф с собственной женой?

– ***173 раза сказать: «Прекрасный удар, дорогая!»*** («Сегодняшняя газета». 01.05.2001).

– Солнышко!

– Что, котик?

– Рыбонька, сделай завтрак.

– Конечно, медвежонок.

– Спасибо, ласточка.

– Не за что, козлик.

– Я тебя люблю, киска.

– Я тебя тоже, зайчик.

– Погоди! Ты тоже не помнишь, как меня зовут?! («Комсомольская правда». 31.08–07.09.2006).

Близкий случай представляет собой **проявление ханжества**:

За рубежом.

Чтобы смертная казнь для осужденных была более комфортной, в одной из тюрем Сандрильонии вместо электрического стула установлена электрическая кровать («Литературная газета». 2008. № 6).

– Хорошо, молодой человек. Я отпущу свою дочь с Вами на дискотеку. Но помните – моя девочка воспитана в строгих правилах. Она должна вернуться домой не позже, чем через три дня («Сегодняшняя газета». 01.05.2001).

5. **Отклонение от постулата гуманности** (человеколюбия), т.е. ложно (или извращенно) понимаемая гуманность:

– Что у тебя нового?

– Жена сгорела во время пожара.

– Какое горе! И никак нельзя было спасти?

*– **Да она так сладко спала...*** («Комсомольская правда». 16.07.2000).

Когда богатый бизнесмен выбросился из окна своего офиса на 23 этаже, полиция спросила его молоденькую красивую секретаршу, известна ли ей причина самоубийства босса, на что та ответила:

*– **Откуда мне знать? Мы ведь даже не были близки. Хотя мне очень его жаль. За два месяца он дважды повысил мне зарплату, подарил бриллиантовое колье, норковую шубу, а вчера – перстень с изумрудами и сказал, что хочет меня. А я ответила: раз он так ко мне щедр, то я возьму с него только пять долларов, хотя все в нашем офисе платят мне по десять. После этого он и выбросился из окна*** («Твой Додыр». 2001. № 23).

6. **Отклонение от постулата доброжелательности**, которое может проявляться как а) мстительность, б) злорадство, в) оскорбительность.

а) *Зубной врач-женщина – пациенту, настраивая бормашину:*

*– **А помнишь, Федя, в школе ты сидел за мной и без конца колол меня булавкой?*** («Комсомольская правда». 30.06.2000);

б) *Разговаривают две подруги:*

– Ты видела Лариску? Как она подурнела, бедняжка!

*– **Да, посмотреть приятно*** («Комсомольская правда». 11.12.2003);

в) *– Здравствуйте. Это общество по защите животных?*

*– **Кто тебя обидел, козел?!*** («Телевизор». 17.04.2002).

7. **Отклонение от постулата скромности**, выражающееся, в частности, в хвастовстве:

Приходит на исповедь пожилой человек.

– Отец мой, у меня не было секса 10 лет, но на прошлой неделе я купил таблетку виагры и переспал сразу с тремя девушками.

– Да, сын мой, тяжкий грех. Когда ты исповедовался последний раз?

– Да никогда, отец мой. Я вообще-то еврей.

– Так что же ты тут сидишь и обо всем мне рассказываешь?!

*– **Ой, я такой счастливый – я всем рассказываю*** («Скандал-прикол». 2003. № 6).

Необычайно самоуверенный и хвастливый глава фирмы удивил своих сотрудников признанием, что однажды он ошибся.

– Вы ошиблись? – воскликнул один из присутствующих. – Не может быть!

*– Да, – ответил патрон. – **Однажды я думал, что ошибся, но я ошибался*** («Твой Додыр». 2002. № 1).

8. **Отклонение от постулата уважительного отношения к морально-нравственным ценностям, выражающееся в демонстрации откровенного пренебрежения ими**:

На съемках клипа Пугачева срывается с высоты и падает. Народ вокруг замер от неожиданности и молчит. Вдруг кто-то спрашивает:

– Желание все успели загадать? («Сегодняшняя газета». 24.06.2002).

В ночном клубе:

– Девушка, а поехали ко мне?

– А зачем?

– Ну.. кофе попьем... фильм посмотрим...

*– **Не-е-е, мне тут один парень секс предложил, я лучше к нему поеду*** («Тайны звезд». 11.01.2012).

9. **Отклонение от постулатов и правил профессиональной этики и этикета**:

Официант с подносом приходит к клиенту ресторана:

– Кофе? Чай?

Клиент:

– Пожалуй, кофе.

Официант:

– ***А вот и не угадали – чай…*** («Аргументы и факты». 2000. № 21).

– *Я всю жизнь работаю в ЗАГСе и хочу, чтобы моя работа приносила людям радость. Дорогие Даша и Сергей! Объявляю Ваш брак расторгнутым!* («Твой Додыр». 2001. № 51).

10. Надо иметь в виду, что, «охватывая предмет или явление целостно, эстетическая оценка в качестве своего необходимого условия предполагает выявление их эстетической значимости. В свою очередь, этическое содержит предпосылки к тому, чтобы выступать в качестве эстетического» [6]. Поэтому комический эффект может быть достигнут **отклонением от постулата прекрасного** путем создания контраста между темой и стилем, стилем и объектом описания и т.п.:

В ресторане мужчина подходит к одиноко сидящей за столом девушке:

– О, прекрасная незнакомка! Вы так пленительны, у Вас такой нежный взгляд! Не разрешите ли, мадемуазель, Вы танцуете?

– Не видите, что ли? Жру я! («Комсомольская правда». 27.09.2002).

При прогулке по аллеям старинной усадьбы внимание двух эстетов привлек некий предмет:

– О! Какая любопытная вещица! Вы только гляньте, какой удивительно гармоничный барельефный узор получился из гениально просто уложенных кем-то однотипных элементов!

– Да, по стилю их сочетания и взаиморасположения здесь, несомненно, прослеживается влияние итальянской школы ваяния мелких форм эпохи раннего Возрождения.

– Нет, коллега. Я бы, пожалуй, отнес это к голландскому, более позднему стилю орнаментальной лепки.

– Ну что Вы! По экспрессии завитков и их ассоциативной мощи такая выразительность составляющих элементов характерна именно для итальянских мастеров.

– Да, пожалуй. Вы меня убедили. А вообще, согласитесь, очень редкий образец такого эстетически совершенного и органически завершенного произведения ваятельного искусства.

И, удовлетворенные, они пошли дальше, перешагнув через кучу окаменелого собачьего дерьма («Твой Додыр». 2001. № 17).

Встречаются случаи, когда в текстах малых комических жанров совмещаются отклонения от этических норм речевого и неречевого поведения, например:

Скачет Олень по лесу. Смотрит – заяц на пне сидит, ***в носу ковыряет****. Олень к нему подбегает:*

– Заяц, посмотри, какие у меня стройные ноги – я самый быстрый зверь в лесу!

Заяц, ***не замечая его, в носу ковыряет****…*

– Заяц, посмотри, какие у меня ветвистые рога – я самый красивый зверь в лесу!

Заяц ***вытаскивает из носа здоровенную зеленую козявку, долго смотрит на нее и говорит задумчиво:***

– ***А зато я богат духовно****…* («Телевизор». 24.04.2002).

В следующем примере наблюдаем совмещение отклонения от постулата доброжелательности с приемом коммуникативного саморазоблачения (непреднамеренной и коммуникативно неоправданной искренности):

Жена лорда плачется своей служанке:

– Мэри, я так расстроена! Мне кажется, что Джеймс встречается со своей секретаршей…

Служанка:

– ***Врешь, старая кошелка! Это ты специально говоришь, чтоб я ревновала!*** («Комсомольская правда в Красноярске». 17.07.2007).

Сравнительно редко встречаются совмещения более двух отклонений от разных речевых норм. Так, в следующем анекдоте совмещаются градация, отклонение от жанровой нормы завещания (включение приема буквализации) и отклонение от этического постулата доброжелательности:

Умер старый еврей. Вскрыли его завещание, читают:

«Дочке моей, Сарочке, оставляю ***100 тысяч*** *долларов и дом. Внучке моей, Ривочке, оставляю* ***200 тысяч*** *долларов и дачу.* ***Зятю моему, Шмулику, который просил упомянуть его в завещании, упоминаю: привет тебе, Шмулик!…****»* («Телевизор». 2003. № 33).

Результаты и выводы. Предложенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что комический эффект может достигаться не только отклонениями от языковых норм, широко описанными в научной литературе под термином «языковая игра» (см., напр.: [7]), но и отклонениями от речевых, в том числе этико-речевых, норм. Поскольку в механизме комического оказываются задействованы постулаты этики, встает вопрос о границах этической и эстетической допустимости соответствующих отклонений от нормы, что должно стать предметом самостоятельного исследования.

Перспективным также является системное обращение в заявленном ключе к таким категориям классической риторики, как этос, логос и пафос, рассматриваемым в аспекте их воплощения языковой личностью в ходе реализации универсального идеоречевого цикла «от мысли к слову» в коммуникативной деятельности в рамках речевых событий разных типов (см. работы Сочинской лингвориторической школы, напр.: [8]).

Примечания:

1. Копнина Г.А. Речевая норма: опыт системного осмысления понятия // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 1 (19). 263 с.

2. Сковородников А.П. Этико-речевая компетенция // Эффективное речевое общения (базовые компетенции): Словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во СФУ, 2012. 796 с.

3. Сковородников А.П. О содержании понятия «этико-речевая компетенция» // Мир русского слова. 2012. № 4. С. 21.

4. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006; Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002.

5. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки (спецвыпуск «Культура речевого общения»). 2009. № 2. С. 5-18.

6. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А.А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 426 с.

7. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996; Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008; Данилевская Н.В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 657-660; Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2009.

8. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 77-83; Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 4. 2012. С. 77-84; Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма как теоретико-методологический подход к исследованию верлибрического дискурса // Сб. науч. тр. SWorld. Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития ‘2012». Выпуск 3. Том 28. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. ЦИТ: 312-840. С. 81-85; Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183-190; Vorozhbitova A.A., Issina G.I. Systemness of Terminological Triads “Mentality – Mindset – Mental Space”, “Concept – Text Concept – Discourse Concept”: Linguo-rhetoric Aspect // European Researcher. 2013. Vol. (47). № 4–3. P. 1014-1018.

UDC 808.5

Variation from Ethic and Speech Norm as a Device of Comic (on the material of small-tabloid genres of modern Russian newspaper)

[1] Alexander P. Skovorodnikov
[2] Galina A. Kopnina

[1] Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Siberian Federal University»
82 Svobodny Prospekt, offices 2-42, Krasnoyarsk 660041
Doctor of Philology, Professor
E-mail: skapnat@mail.ru
[2] Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Siberian Federal University»
82 Svobodny Prospekt, offices 2-42, Krasnoyarsk 660041
Doctor of Philology, Assistant Professor
E-mail: okopnin@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the problem of deliberate deviation from ethic and speech norm to achieve comic effect in small-tabloid genres of modern Russian newspaper. The types of such variations, singled out in accordance with the deviated communicative postulates are determined and the problem of the criteria of their ethic and aesthetic acceptability is raised.

Keywords: speech norm; ethic and speech norm; deviation from the norm; communicative postulates; language game; comic effect.

УДК 81

Система периодических конструкций в языке и дискурсе: проблема статуса

Анна Ивановна Трубкина

Южный федеральный университет, Россия
344008, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33
Ассистент кафедры русского языка и культуры речи
E-mail: trubkina16@yandex.ru

Аннотация. Статья содержит обобщение изучения системы периодических конструкций, статус которых определен на основе комплексного анализа их структуры и семантики с учетом функционирования в языке и дискурсе. Уточняется место периодических конструкций среди других синтаксических единиц.

Ключевые слова: дискурс; изофункциональность; период; периодическая конструкция; сложное синтаксическое целое.

Введение. С уверенностью можно утверждать, что одним из ярких показателей развитости интеллектуального потенциала личности и ее когнитивных возможностей является богатый синтаксис индивидуального дискурса. Период позволяет ввести в речь всестороннюю аргументацию, способствуя развитию доказательно-логического аспекта мышления, а особые стилистические функции периодических конструкций (ПК) прямо связаны с реализацией изобразительно-выразительного дискурсивного потенциала на уровне высказывания. Логическая последовательность и эмоциональная образность речи обеспечивается периодическими конструкциями, которые представляют собой весьма интересный объект исследования в стилистическом и синтаксическом ракурсах.

Материалы и методы. Основной материал исследования – художественные тексты классической и современной русской литературы – потребовал использования различных методов: методика наблюдения и моделирования, метод сопоставления, описательно-аналитический метод, элементы методов трансформации, лингвистического эксперимента, а также контекстуальный и интерпретационный методы. Данные методы использовались в исследовании комплексно, анализ проводился на каждом этапе работы с применением методик, которые в наибольшей степени удовлетворяют задачам аналитических и интерпретативных операций.

Методики лингвистического наблюдения и описания конкретных языковых фактов применяются как основные с целью получения обобщенных данных. Для уточнения и углубленной разработки классификации языковых типов периодических конструкций применяется метод моделирования, что позволяет предположить существование подобных типов ПК и в других языках.

Обсуждение. Лингвистика до сих пор не выработала единого понимания периодических конструкций, что обусловливает отсутствие их четко определенного статуса в системе русского языка: пока нет единого мнения о том, к какой сфере науки о языке следует относить периодические конструкции – к синтаксису или стилистике. Избрание конкретного критерия служит отправной точкой в определении сущности периодической конструкции: грамматический аспект служит основой для изучения периода в качестве синтаксической единицы, функциональный – как единицы стилистики, а также актуальной сегодня риторики (основы комплексного лингвориторического подхода представлены в работе [1], см. также [2, 3]).

В процессе исследования природы периода возникают значимые вопросы: 1) какие языковые факты могут быть квалифицированы как период; 2) каковы критерии разграничения «обычных» предложений от периодических; 3) каковы критерии различения типов, подтипов и видов периодов.

Многие исследователи не используют этот термин ввиду его неоднозначности. Некоторые лингвисты предлагают использовать термин *период* для обозначения других лингвистических феноменов. Как период возможно определить не только усложнение и нарастание системы подчиненных предложений, но и соединение сложносочиненного со сложноподчиненным предложением: в этом случае ряд подчиненных предложений, находящихся в отношениях подчиненности, зависит от нескольких главных предложений (или их части). Очевидно, что период является синтаксико-стилистическим феноменом, представленным рядом взаимодействующих синтаксических форм (подчинение, сочинение, а также ритмико-интонационно выраженное сочинение). Таким образом, период, в нашем понимании, вписан в координаты понятий «сверхфразового единства», «сложного синтаксического целого», «крупнейшего синтаксического целого», разрабатываемых рядом отечественных лингвистов. Тем не менее употребление традиционного термина, по нашему мнению, в большей степени отвечает параметрам его изучения, поскольку «сложное синтаксическое целое» и «сверхфразовое единство» изучаются, по большей

части, с позиций грамматики. Существует также точка зрения, при которой термины «период» и «сложноподчиненное предложение» и означаемые ими понятия контаминируются, практически превращаясь в синонимы [4].

Традиционно понимаемый как структура, в наибольшей степени приспособленная одновременно к выражению сложной мысли, обладающая экспрессивным и эстетическим потенциалом, период двойствен по своей природе: обладая законченностью в смысловом отношении, это многочленное осложненное или сложное предложение имеет в своем составе две противопоставленные друг другу части. Первая характеризуется повышением интонации и состоит из ряда однородных единств, которые структурно и по смыслу завершаются второй, заключительной частью, характеризующейся понижением интонации. Такая специфика детерминирована тем, что период, с одной стороны, формализованная в языковом плане категория (синтаксическая единица), с другой – это фигура речи, предполагающая интегрированный аспект анализа наряду с традиционным, определяемым синтаксическими и стилистическими позициями. Рассмотрение периода как синтаксической и стилистической категории детерминировано его структурными особенностями и стилистическим использованием, т.к. период никогда не выступает в стилистически «нейтральной» функции, объективно выводя дискурсивные исследования на уровень риторики и комплексного лингвориторического анализа дискурсивных процессов (см., напр.: [5, 6]).

Современная наука о языке рассматривает период как языковую единицу, которая включает различные структуры простых и сложных предложений, тем самым обосновывается всестороннее рассмотрение периодических структур. Приоритетным оказывается изучение периода на синтактико-стилистическом уровне: «Период может представлять собой одну из типологических разновидностей простого или сложного предложения, специфические особенности которой делают его индивидуальным в структурном отношении» [7].

К.А. Сат указывает, что период – «особая синтаксическая конструкция, гармоничная по своей структуре, логически и интонационно распадающаяся на две части, с последовательным перечислением однородных синтаксических единиц в одной из частей. Период может быть оформлен в форме сложного синтаксического целого, сложносочиненного предложения, сложноподчиненного предложения, а также в форме простого осложненного предложения» [8].

Предложение-период имеет определенные специфические черты:

1) разделенная интонацией на две части, конструкция периода обладает структурной замкнутостью. Обе части периода манифестируют структурную и семантическую взаимосвязь и взаимообусловленность: первая часть периода представляет собой ряд однородных (однотипных) синтаксических элементов, произносимых с постоянно возрастающей интонацией; вторая часть реализует интонационную модель с постоянным понижением, отделяясь от первой глубокой паузой. Пауза как маркер границы частей периода детерминирована интонационной структурой предложения-периода;

2) однородные синтаксические элементы (однородные компоненты) необходимы для полного выражения мысли и соотносимы со второй частью периода как к грамматического и логического ядра всей конструкции;

3) располагая обширными лексико-семантическими возможностями, период является синтаксически развитой единицей речи по своей форме, со стороны содержания период представляет объективацию логически обоснованных выводов, в которой «нагнетание» фактов-выводов обеспечивает достаточную убедительность мотивировки. Как стилистическое явление, период «производит впечатление силы» (А.П. Чехов), поэтому обладает потенциалом наиболее активного воздействия на сознание адресата речи (см., в частности активное использование периода в военной публицистике как средства психологической мобилизации реципиента на отпор фашистским захватчикам [9, 10]; актуальной фигурой, репрезентирующей особенности речемыслительного процесса, период является и для научного дискурса [11];

4) части периода связаны между собой с позиций грамматического строения в соответствии с параметрами одного из способов синтаксической связи: согласования, управления, примыкания [12, 13].

В художественных текстах частотно репрезентированы открытые многочастные периодические структуры, сочинительная связь в которых реализует основную смысловую нагрузку, устанавливая между компонентами ПК перечислительные отношения. Подобные конструкции являются специфической чертой художественных текстов, так как позволяют автору вводить в описание признаки ситуации как обладающие в ней равными правами и принадлежащие к одному типу. На принадлежность текста к художественной речи часто указывают периодические конструкции с различными видами комбинации паратаксиса, гипотаксиса и бессоюзия. Структура данных конструкций позволяет вводить в художественный текст внутреннюю речь героев, отражая процесс формирования сложных мыслей, углубить психологизм художественного текста за счет точных психологических зарисовок, т.е. обращаться к такой информации, которая требует авторских комментариев для адекватной интерпретации текста адресатом.

Надо отметить, что в синтаксических системах многих языков существуют конструкции, характеризующиеся семантической общностью, функциональным сходством, но имеющие

определенные структурные различия, вытекающие из их принадлежности к разным ярусам синтаксиса. Однако целостной теории описания этих явлений пока еще не сложилось. К тому же роль средств связи на различных ярусах синтаксической системы рассматривалась, в основном, в структурно-семантическом аспекте, тогда как их функциональные возможности в оформлении связей и отношений в синтаксических единицах различных ярусов должны быть объектом многоаспектного, в том числе изофункционального, анализа. Способность к трансформированию синтаксических единиц различных ярусов в зависимости от контекста и коммуникативных интенций обладает общим для многих языков флективного строя характером и поэтому может рассматриваться в качестве своего рода лингвистической универсалии. Это приводит к достаточным теоретическим предпосылкам для комплексного системного описания явления изофункциональности в языке и позволяет в дальнейшем произвести попытку создания теории типовых инвариантных образований и установления закономерностей их синтаксической реализации.

По мнению Ю.Ю. Леденева [14], существует несовпадение в отношении между понятиями «уровень» и «ярус» системы языка, при этом термин «ярус» обозначает компонент, составную часть более широкого понятия «уровень». Данная терминологическая система диктует выстраивание определенной иерархии: под синтаксическими ярусами понимается ярус словосочетания, простого предложения, простого осложненного предложения, сложноподчиненного предложения, сложносочиненного предложения, бессоюзного соединения предложений и т.д. вплоть до текста в иерархии синтаксических единиц.

Представляя собой общеязыковое явление, изофункциональность координирует дискурсивную реализацию того или иного инвариантного синтаксического образования, актуализируя языковую компетенцию говорящего и коммуникативную ситуацию в иных, функционально подобных инварианту, грамматических вариантах. Последние имеют конгруэнтный себе семантический инвариант для адекватной, с точки зрения коммуниканта, передачи информации. Инвариант как типовая синтаксическая конструкция является фактом языка, он имеет более или менее общий характер для всех носителей языка, усвоен носителем языка в процессе его применения и овладения им либо представляет собой аналогичную, построенную по типовой, модель.

Результаты и выводы. Текст, сложное синтаксическое целое и период – явления, системно взаимообусловленные и взаимосвязанные. Изофункциональность ССЦ периоду на основе паратаксиса устанавливается на основе осмысления дискурсивного преобразования периода, имеющего статус структурно-семантической полипропозитивной единицы. Система периодических конструкций включает собственно период с паратаксической связью между частями и ССЦ, семантические и функционально-прагматические признаки которых имеют интегральный и дифференциальный характер.

Примечания:

1. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // European researcher. 2010. № 2. С. 183-190.

2. Ворожбитова А.А. Теория и практика лингвориторической парадигмы: Сочинская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». № 4. 2012. С. 77-84.

3. Потапенко С.И. Сочинская лингвориторическая школа как коллегиальный субъект исследования дискурсивных процессов // European Journal of Contemporary Education. 2013. Vol.(5), № 3. P. 162-172.

4. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз. 1955. 392 с. С. 232.

5. Ворожбитова А.А. Алгоритмы и перспективы лингвориторического исследования аксиологической прагматики в динамике дискурсивных процессов // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 177-181.

6. Ворожбитова А.А. Политический, масс-медиа и психолого-прагматический типы дискурса: лингвориторическая динамика дискурсивных процессов-детерминант российского социокультурно-образовательного пространства XX–XXI вв. // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 3 (21). С. 177-181.

7. Байкова Л.И. Период – синтактико-стилистическое и текстообразующее явление русского языка. Краснодар: КубГУ, 2000. 340 с. С. 7.

8. Сат К.А. Синтаксическая категория периода в русской филологической традиции. Дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. М.: Гос.ин-т рус.яз. им. А.С. Пушкина, 2010. 179 с. С. 14-15.

9. Ворожбитова А.А. Официальный дискурсивный фон исторического этапа Великой Отечественной войны: экспрессия Победы в лингвориторике «Правды» 1941–1945 гг. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2012. № 3 (25). С. 76-81.

10. Протуренко В.И., Ворожбитова А.А. Советская аргументативная модель в передовых статьях газеты «Правда» периода Великой Отечественной войны: Монография. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012. 140 с.

11. Дружинина В.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторические параметры идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев): Монография. Сочи: РИО СГУТиКД 2005. 152 с.
12. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2009. 408 с.
13. Акишина А.А. Периодическая форма в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов: Львов. ун-т, 1958. 37 с.
14. Леденев Ю.Ю. Явления изофункциональности в синтаксисе языка. Ставрополь, 2001. 168 с.

UDC 81

System of Periodic Structures in Language and Discourse: Status Problem

Anna I. Trubkina

Southern Federal University, Russia
33 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344008
Assistant
E-mail: trubkina16@yandex.ru

Abstract. The article contains generalization of the system of periodic structures study, the status of which is determined on the basis of complex analysis of their structure and semantics, considering their language and discourse functioning. The role of periodic structures among other syntactic units is specified.

Keywords: discourse; izofunctionality; period; periodic structure; complex syntactic unit.

УДК 81

Синтаксические и стилистические функции лексического повтора в современной прозе

Галина Евгеньевна Щербань

Кабардино-Балкарский государственный университет, Россия
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
доктор филологических наук, профессор
E-mail: scherban@rambler.ru

Аннотация. В статье проанализированы контактные, дистантные и смежные типы лексических повторов как средств синтаксической и семантической связности в современной художественной прозе.

Ключевые слова: лексический повтор; когезия; связность; дейксис; актуализирующая проза.

Введение. Интерес современных синтаксистов к художественному тексту все более возрастает, поскольку на современном этапе происходят интересные изменения в прозе, что, в первую очередь, связано с развитием аналитического, расчлененного синтаксиса. Конструкции, отмеченные синтаксической расчлененностью, фрагментарностью, в современной синтаксической науке принято называть экспрессивными синтаксическими конструкциями. К ним относят парцелляцию, различные виды сегментации (в частности, именительный представления, вопросно-ответная сегментация авторского монолога, цепочки номинативных предложений), различные типы вставных конструкций. Одной из расчлененных конструкций экспрессивного синтаксиса является лексический повтор.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили произведения Б. Акунина, Т. Толстой, Т. Устиновой, Э. Тополя. Использовались методы компонентного анализа, контекстный, стилистический, описательный, метод наблюдения над фактами.

Обсуждение. Исследование лексического повтора с точки зрения его роли в тексте показало, что он является необходимым условием существования любого текста. Особое внимание в лингвистических исследованиях уделяется текстообразующей функции лексического повтора (Г.Я. Солганик, Т.И. Сильман, Р. Барт, А.Е. Супрун, И.Р. Гальперин, Г.Е. Щербань и др.).

Осуществляя связь на межфразовом или текстовом уровне, лексический повтор часто носит обязательный характер, может влиять на эмоционально-экспрессивный фон повествования, но основной его функцией остается связующая. Интересно, что в современной актуализирующей прозе повтор может выполнять и функцию сегментации текстовых фрагментов, отражая общую тенденцию к аналитизму в современном синтаксисе.

При исследовании синтаксических функций лексического повтора мы опираемся на труды И.Р. Гальперина [1] и др. авторов, которые рассматривают лексический повтор как средство когезии (от лат. cohaesi – быть связанным). Этот термин впервые был предложен В. Дресслером и в настоящее время активно эксплуатируется в трудах по лингвистике текста.

В современной прозе превалируют три типа повторов: контактный, смежный и дистантный. Например, смежный, когда повторяющиеся компоненты синтаксически разорваны словоформой, либо повторяемый компонент получает минимальное синтаксическое распространение: «*Отец погиб, а она бежала с ним болотами, продиралась через леса, пробиралась, просила кипятку на станциях, выла. Поезд, взрыв, рельсы винтом,* ***шапкой*** *по лицу, черной* ***шапкой****, чтоб отшибло память*» (Т. Толстая. На золотом крыльце сидели…); контактный: «*… Пацаны рассказывали, что у настоящих деловых, кто по законам живет, майка «колодой» называется, и в каждой колоде свой* ***кумплект. Кумплект*** *– это восемь фартовых, каждый при своем положении…*» (Б. Акунин. Любовник смерти).

Дистантный повтор как средство текстовой когезии предполагает большой разрыв между повторяющимися лексемами и сегментами: «*Она вышла из подъезда и некоторое время стояла, не в силах сообразить, что должна сейчас делать. Кажется, сесть в машину и* ***поехать к Лидочке****, но где ее машина? И как на ней ехать? И где живет Лидочка?<…> Да, да, это самое лучшее, что можно сделать, – немедленно* ***поехать к Лидочке!*** (Т. Устинова. Отель последней надежды). Такую когезию можно назвать слабой, поскольку она не усилена дополнительными средствами связи, как-то: частицами, союзами и союзными словами, анафорическими и дейктическими элементами текста, как, например: «*Мой выстрел должен был упредить революцию!* ***Мерзавец!*** *Нет, больше он с этой сволотой церемониться не будет – сначала они гробили его реформы, а теперь подняли руку и на него самого!..*

Тем временем Розов, пользуясь паузой, демонстрировал верноподданический раж:

– Дискредитировать вас? Такими словами?! И вообще!.. Мало того, что ***этот мерзавец*** *в вас стрелял, мы еще дадим ему газетную трибуну?!?!..* » (Э. Тополь. Завтра в России). Здесь когезия

усиливается за счет того, что повторяемая лексема попадает в сферу действия указательного местоимения ***этот***, которое эксплицирует и интенсифицирует анафорическую отсылку к антецеденту.

Главной особенностью этих видов когезии является то, что при контактной когезии акцентируется внимание читателя на повторяемой словоформе, и это придает экспрессивность всему текстовому фрагменту. Кроме того, контактные повторы определенным образом работают на коммуникативную перспективу текстового фрагмента, способствуя продвижению темо-рематической цепочки: в одних случаях повтор формирует двуремные построения, как в «*...Поезд, взрыв, рельсы винтом,* ***шапкой*** *по лицу, черной* ***шапкой****, чтоб отшибло память*». При этом вторая рема *черной* ***шапкой*** получает синтаксическое распространение в виде определения *черной* с семантикой уточнения, конкретизации. В случаях, не отмеченных синтаксическим распространением, повторяемый компонент является ремой левого контактного высказывания, а повтор – темой последующего высказывания: «*...в каждой колоде свой* ***кумплект. Кумплект*** *– это восемь фартовых, каждый при своем положении...*». Одним из сильных средств, формирующих многоремные построения в современной актуализирующей прозе, являются пропозициональные частицы *даже, только, лишь* и др. [2–4].

При дистантном повторе автор как бы «перебрасывает крючок когезии» (И.Р. Гальперин) через текстовое пространство, фокусируя внимание читателя на определенном предмете, явлении, событии и т.п.

В современной художественной прозе наблюдаются повторы различной структуры: повторяются словоформы, словосочетания, предикативные единицы, которые, зачастую подвергаясь многократному повтору, становятся микротемой текстового фрагмента различной протяженности. Например: *«(...) – Великая Америка – это великие ценности. – Я как раз охраняю одну из таких* ***великих американских ценностей****, – пробормотал Дэн Уолш. – Президента. И моя работа не имеет никакого отношения ни к Саддаму, ни к сербам!... – В число* ***великих американских ценностей****, – продолжала жена, дучевскими жестами обрубая каждое слово, – входит не только верность долгу, дорогой! <... > Теперь придется долго и мучительно привыкать к тому, что я один и за спиной у меня пустота, а не одна из «****великих американских ценностей****», называемая семьей»* (Т. Устинова. Отель последней надежды). Такие повторы не только являются сильным средством когезии, но и приравниваются часто к стилистическим фигурам выразительности речи, способствующим кольцевому продвижению повествования вперед, и обладают большой воздействующей силой.

Интересно, что в современной, особенно женской, прозе превалирует дистантный тип лексического повтора. Так, в произведениях Т. Толстой и Т. Устиновой прослеживается определенная закономерность в эксплуатации повторяющихся компонентов текста. Повторяющиеся слова, фразы, предикативные единицы становятся ключевыми элементами текстового пространства, вокруг которых развивается повествование, монологи героев или авторские рассуждения. Подобные кольцевые повторы фиксируют внимание читателя, помогают ему удерживать смысловую и логическую канву повествования.

Иногда в функции повторяемых компонентов при осуществлении дистантной когезии выступают фразеологические единицы, что способствует еще большему нарастанию экспрессии включающего их текстового фрагмента. Например: «*Он же твердо усвоил урок –* ***чужая душа потемки*** *и лезть туда с фонарем опасно для жизни, ибо чудовища, притаившиеся во мраке, пожрут! <...>*

Чужая душа потемки. *Чужие мысли – хаос* » (Т. Толстая. Отель последней надежды).

Часто повтор становится лейтмотивом повествования: *«****Нет, не тебя! Так пылко! Я! Люблю!*** *– подскакивая, потрескивая и шипя, быстро вертелось под иглой Веры Васильевны <...> от маленького, оставшегося на берегу Симеонова, задравшего лысеющую, босую голову к гигантски выросшему, сияющему, затмевающему полнеба, исходящему в победоносном кличе голосу, –* ***нет, не его так пылко я любила*** *Вера Васильевна, а все-таки, в сущности, только его одного, и это у них взаимно...*

Вера Васильевна, может быть, в Париже или Шанхае, и какой дождь – голубой парижский или желтый китайский – моросит над вашей могилой, и чья земля студит ваши белые кости? ***Нет, не тебя так пылко я люблю!****»* (Т. Толстая. Река Оккервиль).

Шляпа *пляшет по голове, выбирая удобный склон, елозит, не зная где остановиться, словно бы предчувствуя, что еще немного – и она слетит, покатится колесом в чуланы, старые чемоданы, помойки. Перед тем как расстаться с хозяйкой,* ***шляпа*** *распрямляется с глубоким вздохом, хорошеет перед смертью...*

Шляпа *умерла, да здравствует* ***шляпа!****»* (Т. Толстая. День).

Художник *знает, что дух веет, где хочет и как хочет, знает, что сам-то он,* ***художник****, в своей земной жизни ничем не заслужил того, чтобы дух выбрал именно его, а если это случилось, то надо радостно возблагодарить за чудо.*

Художник *«послеквадратной» эпохи,* ***художник,*** *помоливший на квадрат, заглянувший в черную дыру и не отшатнувшийся в ужасе, не верит музам и ангелам* (Там же).

Как видно из приведенных контекстов, лейтмотивные повторы либо сами интертекстуальны, либо помещены в интертекстуальный контекст: это и языковая игра с одноименным стихотворением М.Ю. Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю», и аллюзии на всем известное «Король умер, да здравствует король!», и черный квадрат Малевича.

Результаты и выводы. Основная синтаксическая функция лексического повтора – связующая. Кроме того, осуществляя такие типы когезии, как контактная, смежная и дистантная, повтор в современной художественной прозе становится красивой синтаксической фигурой выразительности речи, средством ритмизации, поскольку рифмует включающий его прозаический отрезок, включает подтекст, декодирование которого уводит читателя в эмотивное восприятие всего текстового фрагмента. Это переводит рассуждение в сферу риторики художественного текста, а также лингвориторических аспектов литературно-художественной коммуникации, стратегии и тактики литературной личности продуцента в эмоционально-нравственном воздействии на реципиента (см. в связи с этим работы: [5–8]).

Примечания:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2004.
2. Щербань Г.Е. Частицы в конструкциях экспрессивного синтаксиса. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002. 205 с.
3. Щербань Г.Е. Частица «даже» как средство организации экспрессивного повтора // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. ХШ. Владикавказ, 2011. С. 306-309.
4. Щербань Г.Е. Коммуникативные функции частиц в вопросно-ответной сегментации авторского монолога // Русский язык: взгляд из-за рубежа: Сб. ст. М.: Старая площадь, 2009. С. 96-108.
5. Ворожбитова А.А. Алгоритмы и перспективы лингвориторического исследования аксиологической прагматики в динамике дискурсивных процессов // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 177- 181.
6. Ворожбитова А.А., Киреева Т.В. Языковая и литературная личность в лингвориторической парадигме: аспект дискурсивных стратегий // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2011. № 4 (18). С. 162-165.
7. Ворожбитова А.А., Мишина М.М. Типологические характеристики верлибра как актуального лингвориторического компонента дискурсивных процессов социокультурно-образовательного пространства // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 2 (25). С. 174-178.
8. Ворожбитова А.А., Ромашенкова Е.С. Типология метапоэтического дискурса: лингвориторический подход // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. 2011. № 4 (18). С. 166-169.

UDC 81

Syntactic and Stylistic Functions of Reiteration in Modern Prose

Galina E. Shcherban

Kabardino-Balkarian State University, Russia
173 Chernyshevskogo Str., Nalchik 360004
Doctor of Philology, Professor
E-mail: scherban@rambler.ru

Abstract. The paper analyzes contact, distant and adjacent types of reiteration as a means of syntactic and semantic coherence in modern narrative literature.

Keywords: reiteration; cohesion; coherence; deixis; actualizing prose.

Политология

УДК 321 (470+571)

Внутригосударственное политическое пространство (сравнительный анализ концепций)

Раисат Багадуровна Магомедрасулова

Дагестанский государственный институт народного хозяйства, Россия
367014, г. Махачкала, Общество «Портовик», 106
Старший преподаватель
E-mail: hatuna2009@mail.ru

Аннотация. В статье выявлены сходства и различия основных современных концепций политического пространства. Охарактеризованы позитивистское, бихевиоральное и социально-конструктивистское направления исследований политического пространства. Основное внимание уделено социально-конструктивистским теориям. Применена концепция П. Бурдье при анализе политического пространства. Дан анализ опыта использования параметров политического пространства в российской политологии.

Ключевые слова: внутригосударственное политическое пространство; концепции; сравнительный анализ.

Введение. Актуальность темы обусловлена тем, что в глобализируемом мире политические процессы требуют теоретически осмыслить качественно новые реалии. Роли пространственного фактора в организации политических систем качественно меняется. Новые виды коммуникации породили популярный тезис об «исчезновении» пространства, «аспатиальности» политики [1, с. 120]. Политические явления все чаще оказываются не связанными с физическим расположением. Глобализация подрывает значение территориальных форм организации государств и ставит под сомнение существование их как суверенных субъектов политики. Но глобализация стимулирует не только интеграцию, но и регионализацию политического пространства, углубляет его гетерогенность. Не случайно эксперты стали использовать вслед за Дж. Розенау термин «глокализация», в котором выражена неразрывность противоположных процессов: интеграции и фрагментации [2, с. 172-183]. Без исследования внутригосударственного уровня невозможно обосновать концепцию политического пространства России – крупнейшей страны мира.

Цель статьи – определить сходства и различия основных современных концепций политического пространства. Задачами работы являются раскрытие эвристических возможностей современных концепций политического пространства, применение концепции П. Бурдье в анализе политического пространства Российской Федерации.

Материалы и методы. Методологическую основу статьи составляет сравнительный анализ в таких его разновидностях, как бинарный и плюральный. Применены логические операции выявления сходств и различий политических концепций. Мы учитываем теоретические выводы исследований В.П. Мохова [3], Г.В. Пушкаревой [4], П.В. Панова [5].

Многочисленные исследования политического пространства целесообразно классифицировать по теоретико-методологическим основаниям на позитивистское, бихевиоральное и социально-конструктивистское направления (мы абстрагируемся от сложных различий внутренних течений в каждом из них) [6].

Позитивистские исследования развиваются раньше других на основе сциентистской парадигмы XVII–XVIII вв. и географического детерминизма (А. Гумбольдт, Ш.-Л. Монтескье). Они предполагают эмпирическую фиксацию пространственных явлений (размера, протяженности, мощи, точечных локализованных объектов) на географической карте; требуют в качестве аргументов количественных измерений [6].

Бихевиоралистские теоретики XX в. (Дж. Уотсон и Б. Скиннер, Дж. Хоманс и П. Блау) рассматривали политический процесс как совокупность поведенческих реакций индивидов на воздействия политической системы по схеме: стимул – интерпретация – реакция [6]. В данной парадигме социогуманитарные науки могут изучать только то, что наблюдается в открытом поведении, а не скрытые мотивы и интересы.

Социальный конструктивизм, получивший преобладание в последней трети XX в. (К. Леви-Стросс, Дж. Мид, А. Шюц, П. Бурдье), раскрыл роль субъективных факторов политического порядка и доказал, что они детерминированы не столько социальной системой и институтами, сколько совокупностью символических структур сознания [6]. Политическое пространство (по А. Шюцу) интерсубъективно, оно существует как целостность только в тех обществах, которые ведут

коммуникацию между группами и индивидами на основе единых норм и ценностей, понимания политических статусов и дистанций [7, с. 485].

В другой теоретически значимой оси координат исследования политического пространства можно разделить на географические и социальные. Мы уделим основное внимание социально-символическим исследованиям, а географические охарактеризуем кратко ввиду их лучшей изученности.

Обсуждение проблемы. Существуют различные концепции политического пространства. Ряд концепций носит этатистский характер. Пространство оценивается по критерию распределения государственной власти и форм государственного устройства [8, с. 9]. Концентрированное выражение этатизм получил в классической геополитике XIX – середины XX вв. Она осмысливала роль пространственных факторов во внешней политике государств и международных организаций с позиций обеспечения мирового господства и контроля над территорией [9]. Категория «политическое пространство» в таком ракурсе применяется для осмысления параметров территориального устройства государства, системы международных отношений.

Пространственная модель национального государства, описанная в рамках классической политической теории Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж. Боденом, К. Шмиттом, предполагала категории суверенитета и территориальной целостности [10]. Национальное государство можно сравнить с «контейнером общества периода Модерна»; границы государств XVII–XX вв. рассматривались как пределы, в которых разворачиваются политические процессы [11, с. 503]. Упрощая, можно зафиксировать: геополитика в основном изучает глобальный уровень политического пространства, политическая география – государственный, а политическая регионалистика – субнациональный уровень [12, 13].

Рассмотрим иные, социоцентричные концепции пространства. П.А. Сорокин понимал социальное пространство как объективное, т.к. оно имеет свою «телесность» – структурированное общество. Он сравнивает социальное пространство со сложной сетью, образованной связями взаимодействия индивидов и социальных групп. П.А. Сорокин высказал о пространстве ряд ныне общепризнанных положений: пространство многомерно, что задается различиями позиций индивидов и групп; социальные дистанции – это объективная шкала «мерности» пространства. Социальные дистанции существуют благодаря стратификации общества и нашим знаниям, опыту организации социальной реальности. В работах П.А. Сорокина намечено выделение сфер социального пространства – экономического, профессионального и политического [14].

В русле постмодернистских теорий политическое пространство рассматривается как сфера борьбы за обладание властью. Отношения власти есть стержневая координата политического пространства. Поскольку властные отношения проявляются в различных сферах общества, это определяет системный характер политического пространства. М. Фуко полагает, что власть и доминирование проявляются там, где политика объединяется с пространством и знанием. С помощью концептуального знания и идеологического внушения правящие группы управляют пространством повседневной политики. Для М. Фуко власть состоит в порядке распределения благ и взглядов, что порождает политические взаимоотношения, в которые втягиваются индивиды. По М. Фуко, власть вездесуща, она овладела временем и пространством [15, с. 4-22].

Постструктуралистская концепция пространства обоснована П. Бурдье [16]. Новизна взглядов П. Бурдье на соотношение физического и социального пространства в том, что физическое пространство названо внешним атрибутом социального пространства и его материальным выражением [17, с. 33-52]. Бурдье отмечал, что «физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, социальное пространство – по взаимоисключению (различению) позиций, которые его образуют» [16, с. 49]. Социальное пространство понимается как двуединство символического и физического измерений. Диспозиции субъектов политики проявляются не только в социальном, но и в физическом пространстве. В основе политического пространства – «совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем, кто входит в это поле», и они несводимы к намерениям индивидов или к их взаимодействиям [18, с. 56].

Но именно символическая форма отличает политическое пространство, как и другие «специализированные» пространства внутри социального, от физического пространства. Сложный характер социального пространства, по Бурдье, предполагает двойственность субъектов политики, статус которых выражается и через позиции (реальное положение в пространстве), и диспозиции (субъективные восприятия социальных позиций). Различия субъектов в «поле политики» действуют, организуя систему, формируя пространство групп, характеризующихся различными стилями активности [19, с. 181-207].

В концепции П. Бурдье значимыми теоретическими категориями политического анализа являются виды социальных полей, позиции и диспозиции субъектов политики, политические дистанции. Поля взаимно пересекаются. На них проецируется место индивида или группы в стратификации. Для каждого поля целесообразно выделить ряд индикаторов. Социальное и экономическое поля составляют владение собственностью, управление ею, уровень доходов, отраслевая занятость по секторам, профессиональная деятельность, территория проживания.

Политическое поле оценивается по обладанию властью, выполнению управленческих функций в государстве. Социокультурное поле образуют уровень образования, квалификация, самоидентификация, потребности, интересы, престиж, стиль жизни. Для измерения политических дистанций Бурдье ввел термин «объем капитала» – совокупность выделяемых свойств, качеств и отношений, которую можно выразить в отчетливых размерах [18, с. 141].

Более эмпирический характер носит концепция социально-политических размежеваний (cleavages), которую обосновали С.М. Липсет и С. Роккан [20, с. 204-234]. Они выявили на материалах Западной Европы 1960-х гг. четыре вида размежеваний в обществе, весомо влияющих на политическое поведение и позиционирование социальных групп: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, налогоплательщиками и налогополучателями. Социологическая теория политического поведения признает важнейшим фактором индивидуального выбора позиций принадлежность к социальной группе. Усвоение интересов группы, солидарность с ними определяет выбор. Вместе с тем влияние размежеваний в каждом обществе и на каждом этапе политического процесса своеобразно.

Данная концепция часто подвергается критике. Дж. Сартори указывал, что большинство социально-политических размежеваний не обязательно становится значимым фактором политической конкуренции. Базовым в условиях прочной демократии является внутриэлитный конфликт [21, с. 176]. Еще большие сложности с применением концепции Липсета и Роккана возникают применительно к постсоциалистическим обществам, где еще не сформировались устойчивые идентификации и политические позиции. С другой стороны, Г.В. Пушкарева обоснованно полагает, что сложносоставная идентичность индивидов и групп, многомерное политическое пространство сдерживают глубину общественных расколов [4, с. 174-175].

Категория «политическое пространство» в социально-символическом понимании часто применяется в прикладных политических исследованиях. Позитивные примеры такого рода – работы А.С. Ахременко [22], М.А. Аствацатуровой и Ю.Д. Бурцева [23], И.В. Юрченко и др. [24]. Эти исследователи применяют пространственный подход для соотнесения статусов и позиций групп в политическом пространстве, установлений дистанций между ними. Применяются, особенно в электоральных исследованиях, математические методы измерений пространства. Но, увы, встречаются и теоретические неточности. Имеет место отождествление политического пространства с политической системой [25, с. 87-122]. Наиболее часто политическое пространство отождествляется с политической сферой общества в целом [26, с. 59]. Понятия «политическая сфера» и «политическое пространство» близки, но они фиксируют разные границы политической сферы. В первом случае рубежами выступают границы других сфер (экономической, социальной и социокультурной), что отражает пределы воздействия политики на другие сферы жизни.

Представлены и другие варианты определения политического пространства – через его свойства. Понимание того, что политическое пространство – форма упорядочения политического бытия, соотнесенности и согласования его элементов, привело к отождествлению пространства с политическим порядком [27]. Более того, встречаются попытки редукции политического пространства до политической организации, например, совокупности институтов, в которых опредмечивается политическая деятельность [28, с. 38-52, 180-192], т.е. пространство сводится лишь к одному из своих элементов. Напротив, проявление политическим пространством системных свойств не дает основания для его отождествления с политической системой, а тем более – сведения его к отдельным политическим институтам. На наш взгляд, это неоправданно редукционистская трактовка.

Результаты. Общим для концепций политической науки является субстанциональное истолкование политического пространства на основе деятельности субъектов власти и влияния. Данная категория объясняет взаимное расположение индивидов и групп в системе властных отношений общества, создавшееся вследствие различений ими статусов и ролей, позиций, идентичностей и идеологических приверженностей. Политическое пространство иерархично и неоднородно, динамично. Оно может быть как интегрированным, так и дезинтегрированным. Механизмами интеграции выступают не только официальные правовые нормы, но и обычаи, традиции, идеологии, политическая выгода (прагматический интерес). Элементами среднего уровня пространства служат «топосы власти» – солидарные диспозиции влиятельных либо правящих групп. Политическое пространство обладает такими свойствами, как объективность, связь с физическим пространством и коллективным взаимодействием. Благодаря последнему политическое пространство воспроизводится и трансформируется.

Политическое пространство связано как подсистема («поле») с социальным пространством в целом; открыто для воздействия со стороны других полей социального пространства, выступающих внешней средой по отношению к нему. Политическое пространство государства взаимосвязано с глобальным (мировым), внутригосударственным (региональным) и местным (локальным) пространством; имеет структуру, представленную институтами и субъектами, политическими практиками и отношениями. В том числе политическое пространство имеет подсистемы: институциональную, нормативную, коммуникативную, политико-культурную, которые выполняют

специализированные функции. Но «стержнем» политического пространства является именно коммуникативная подсистема. Она образует границы распространения, свойства и функции пространства, придающие ему качественную определенность.

Заключение. Категория «политическое пространство» применима в нескольких смыслах. Один из них: политическое пространство есть организация политической системы общества в пространственно-временном континууме. Политическое пространство можно понимать и как локализацию политических субъектов в реальном географическом ареале. Благодаря географическому аспекту политическое пространство приобретает материализованную форму, размеры и протяженность.

Сравнивая концепции политического пространства, полагаем, что общепризнанным считается существование качественно различающихся феноменов:

- физического («вещественного») пространства – реального территориального расположения объектов политики относительно друг друга и политической системы в целом;
- пространства, относящегося к ментальной реальности (сознанию) – воображаемого пространства (imagined space), которое целенаправленно конструируется обладателями политической власти и влияния посредством информационной (символической) политики. Данное пространство рассматривается нами как совокупность идей и рефлексий о пространстве, как ориентации и установки, применяемые, чтобы управлять реальным пространством.

Примечания:

1. Мельвиль А.Ю. Пространство и время в мировой политике // Космополис. М., 2007. № 2 (18). С. 117-122.
2. Розенау Дж. К исследованию взаимопересечения внутриполитической и международной систем // Теория международных отношений: Хрестоматия. М.: Гардарики, 2002. С. 172-183.
3. Мохов В.П. Топология политического пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2002. 214 с.
4. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Политические исследования. 2012. № 2. С. 166-176.
5. Панов П.В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука. 2012. № 3. С. 31-49.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
7. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 481-496.
8. Макарычев А.С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций. Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 8-27.
9. Классика геополитики, XIX век: Сб. / Сост. К. Королев. М.: Изд-во «АСТ», 2003. 719 с.
10. Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высш. школы экономики, 2010. 270 с.
11. Agnew J. Mapping Political Power Beyond State Boundaries: Territory, Identity and Movement in World Polities // Millenium. Journal of International Studies. L.: London School of Economics, 1999. Vol. 28. № 3. P. 499-521.
12. Туровский Р.Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики // Политическая наука. 2011. № 4. С. 10-30.
13. Баранов А.В. Региональные политики России и Украины: сравнительный анализ постсоциалистических трансформаций // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. № 4 (33). С. 85-94.
14. Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1003 с.
15. Фуко М. Правительственность: Идея государственного интереса и ее генезис // Логос. 2003. Вып. 4-5. С. 4-22.
16. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / Сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
17. Бурдье П. Физическое пространство и социальное пространство: проникновение и присвоение // Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33-52.
18. Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
19. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181-207.
20. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204-234.
21. Sartory G. The Sociology of Parties: A Critical View // The West European Party System. Oxford: Oxford Univ. Press, 1990. P. 150-182.
22. Ахременко А.С. Структуры электорального пространства. М.: Социально-политическая мысль, 2007. 320 с.

23. Аствацатурова М.А., Бурцев Ю.Д. Управление этническими отношениями и этнополитическими процессами в региональном пространстве. Ростов-н/Д.; Пятигорск: Респект, 2009. 291 с.
24. Юрченко И.В., Юрченко М.В., Донцова М.В. Социальное пространство и информационная среда как элементы системы региональной безопасности и факторы инновационного развития Юга России. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2011. 148 с.
25. Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства России: Новые подходы и тенденции // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 87-122.
26. Кравченко И.И. Бытие политики. М.: Ин-т философии РАН, 2001. 259 с.
27. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
28. Барзилов С.И., Чернышов А.Г. Безумство власти: Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. М.: М.: Ладомир, 2005. 298 с.

UDC 321 (470+571)

Inner State Political Space (Concepts Comparative Analysis)

Raisat B. Magamedrasulova

Dagestan State Institute of National Economy, Russia
106 'Portovik' Obshchestvo (Society), Makhachkala 367014
Senior Instructor
E-mail: hatuna2009@mail.ru

Abstract. The paper reveals similarities and differences between the major modern concepts of political space, characterizes positivistic, behavioral and social-constructive trends of political space study. Basic attention is attached to social-constructive theories. The concept of P. Bourdieu was used for the analysis of political space. The analysis of the experience of use of political space parameters in Russian political science is presented.

Keywords: inner state political space; concepts; comparative analysis.

История и право

УДК 94 (477,6)

Особенности реализации национально-культурной политики советской власти в Донбассе в 1920-х гг. (на примере ликвидации неграмотности и украинизации)

Юлия Васильевна Барабаш

Восточноукраинский национальный университет им. В.Даля, Украина
91034, Луганская область, г. Луганск, квартал Молодежный, 20а
Кандидат исторических наук, докторант
E-mail: yulyabar.ua@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка изучить особенности реализации национально-культурной политики советской власти в Донбассе в 1920-е гг. Рассмотрены аспекты украинизации и ликвидации неграмотности. Показан процентный состав представителей различных национальностей, проживающих в регионе. Статья освещает роль профсоюзных организаций, женских советов в указанном процессе.

Ключевые слова: национально-культурная политика; украинизация; ликвидация неграмотности; советское правительство; Донбасс.

Введение. Исторические модификации всегда были сложными миссиями для любого правительства и командных сил. В советские годы, в рамках реализации новых целей, изменения касались, прежде всего, реконструкции сознания, а потому трансформаций культурного кода народа. Особой тернистости данные реформы претерпели в промышленных центрах, примером чего был и Донецкий бассейн. Донбасс был всероссийским промышленным центром и развивался как часть единого экономического и государственного организма России. Это было также следствием процессов урбанизации конца XIX – начала XX в. Регион, который стал ареной сосредоточения на своей территории представителей различных национальностей и стран с разным уровнем культурного достояния, должен был достичь консенсуса в новой культурной политике через внедрение единой духовной составляющей с новыми обычаями и традициями, советскими, коллективными по своей сути, способной объединить представителей разных национальностей.

Материалы и методы. К вопросам национально-культурной политики обращались как украинские, так и российские ученые. Среди них – С. Андросова, А. Стяжкина, А. Михненко, П. Бондарчук, А. Марчуков. Так, С.Л. Андросова отмечает, что культуру Донбасса 1920-х годов можно рассматривать как модель провинциальной культуры промышленных регионов Украины и СССР, поскольку очень много общих черт было с другими регионами страны [1]. Исследователь А.В. Стяжкина изображает Донбасс начала 20-х гг. «... классической провинцией с мало выраженными политическими и государственными ориентирами, многонациональным составом, небольшой прослойкой интеллектуальной элиты ..., но с большим потенциалом как экономическим, так и человеческим» [2].

В статье использованы исторический, исторически-ретроспективный, аналитический и другие методы.

Обсуждение проблемы. Одной из глобальных задач периода 20-х гг. была ликвидация неграмотности среди населения региона. Грамотность провозгласили одним из ключевых аспектов в развитии культурно-образовательной сферы. Ленин подчеркивал, что одним из важнейших условий повышения производительности труда были образовательный и культурный подъем населения. До революции в стране грамотного населения было лишь 26,3%. По состоянию на 1920 г. Украина занимала 2-е место по уровню грамотности населения после европейских губерний России. Так, среди населения в возрасте от 8 лет и старше в городах УССР грамотных было59 %, в сельской местности – 27,7 % [3]. В 1920 г. в Донбассе образованных женщин среди населения региона было только 31–32 %, мужчин было больше – 41–42 %. Благодаря начатой борьбе с ликвидацией неграмотности в Донбассе, уже в 1923 г. 45,4 % мужчин и 34 % женщин называли себя грамотными. На 1 августа 1924 г. в советах Донбасса насчитывалось 26378 неграмотных лиц [4].

В 1926 г. в Украине половина сельского населения (старше 7 лет) была неграмотной – 33,2 % мужчин и 66,6% женщин. В том же году среди городского населения в Донбассе неграмотными оставались 17,9 %, а среди промышленных рабочих – 15 % [5]. В 1926 г. в регионе грамотных мужчин было 59,6 %, женщин – 36 %. В борьбе за неграмотность было заметным женское движение, ведь оно проявлялось в работе женских советов и женских отделов, которые тесно сотрудничали с отделами образования в направлении борьбы с неграмотностью. При этом их главной обязанностью была пропаганда в массах преимуществ образования, они также привлекались к реализации вопросов в создании школ для взрослых, организации клубов, библиотек записи женщин в общество «Долой

неграмотность!»,помогали при поступлении на рабочие факультеты и высшие учебные заведения [6]. В то время указанное движение было мощной вспомогательной силой в данном деле.

В конце исследуемого периода кампания борьбы с неграмотностью не достигла своего завершающего этапа. Так, весной 1930 г. был составлен протокол заседания местных органов власти г. Луганска, содержание которого свидетельствовало о том, что план ликвидации неграмотности в округе на 1929–1930 г. был выполнен лишь на 75%. Среди причин указывались недостаточность количественного состава кадров ликвидаторов неграмотности и их общая низкая подготовка, недостаточная политвоспитательная работа по сети пунктов ликвидации неграмотности. Недостаточно работали в данном направлении сельсоветы, клубы, избы-читальни, кооперативные и хозяйственные организации, которые вообще часто оставались в стороне от проблемы [7].

Важным делом в развитии национальных векторов в культурно-образовательном направлении региона была политика власти по украинизации. Но последнюю сопровождал ряд препятствий, причины которых коренились в национальной составляющей края. Так, в 1923 г. в Донбассе проживало украинцев – 44,1%, русских – 50,3%, других национальностей – 5,6% [8]. В том же 1923 г. была объявлена мобилизация рабочих в Донбасс. В 1924–1925 гг. в Украину прибыло 116 тыс. горняков, строителей, разнорабочих, а всего 258747 человек, из которых в Донбасс было направлено более 172 119 человек. Еще больший приток был в 1925–1926 гг. – 315 тыс. человек. Из Беларуси в один только Донбасс приехало 17363 человека. В конце 1925 г. из 120 тыс. рабочих Донбасса на долю коренного населения приходилось около 60 тыс. [9]. Конечно, такие показатели обращают внимание на сложности, которые сопровождали процесс украинизации Донбасса, поскольку к нему применялось переселение рабочих и даже насильственная депортация.

На начальных этапах сложно адаптировалась политика украинизации и в школьных учреждениях Донецкой губернии, где на 01.10.1923 г. школа практически не была украинизирована. Там было 47,9% украинского населения; 0,4% украинских школ, 0,7% украинско-российских школ; 98,9% российских школ и школ других национальностей [10]. Но с середины 20-х годов украинизация набирала обороты и стала играть значительную роль в клубной и профсоюзной работе. Все большее количество шахтных и заводских газет выходило на украинском языке. Но указанный процесс носил локальный характер.

Исследователи утверждают, что настроения относительно украинизации в Донбассе были неоднозначными, поскольку рабочих она не интересовала, но когда дело доходило до профсоюзов, то непосредственно их касалась. Поэтому последние были охвачены украинизацией. Известно, что наибольшее количество рабочих и служащих, членов профсоюзов, проживало в промышленных районах Украины, в частности в Донбассе – 310 тыс. человек. Но организация работы по украинизации профсоюзного аппарата в Донбассе не дала желаемых результатов. В некоторых регионах работа аппаратов ОРПС не была украинизирована даже на 1930 г. Например, бригада, которая проверяла Луганскую ОРПС, констатировала, что переписка и делопроизводство проводились преимущественно на русском языке. Неукраинизированными были все сектора профсоюзного дела. Технический аппарат райкома и большинство завкомов не украинизировано.

Процесс ликвидации неграмотности и украинизации был нелегким в Донбассе, поскольку нуждался в привлечении мощной финансовой копилки, времени и осознания населением необходимости его реализации. Власть максимально привлекала необходимые силы, заботясь об организации культурно-просветительских учреждений, поскольку развитие духовной сферы было одной из главных целей в реализации поставленных задач. Из центра (сверху) вертикально вниз спускались задачи, которые должны были координировать на местах окружные и городские советы. Следовательно, перед последними, кроме практической хозяйственной деятельности, встали задачи в социально-культурной области, а именно – организация и развитие культурно-просветительских учреждений и проведение мероприятий, которые способствовали подъему культурного уровня населения [11]. Как писал Р. Суливант, следующей за украинизацией была культурная отрасль, в которой были сделаны шаги для роста украинской литературы, искусства, историографии и науки. Программа была определенной не только в ее намерениях стимуляции использования украинского языка, но и в ее желании принять культурный настрой, который был украинским и не всегда согласованным с центральной догмой [12].

Таким образом, адаптация украинского языка в среде Донецкого бассейна была делом политическим. И, безусловно, национальный колорит сосредотачиваемых жителей в одном регионе вызывал сложности в реализации политики власти, прежде всего для нее самой. В частности, российский исследователь А.В. Марчуков выразил свою точку зрения относительно соотношения этнического и национального принципа среди русскоязычного населения Донецкого бассейна. Ученый отметил, что специфика этнического состава рабочего населения УССР и его ориентированность на русский язык и культуру обусловили и особенности национального самосознания, что стало важным фактором в определении мировосприятия украинского рабочего. На это оказал влияние двухэтнический состав населения, разницу в котором, по мнению автора, в одном коллективе рабочие не замечали, поскольку совместная работа и общие интересы объединяли представителей разных этносов, «переваривали» их в одном пролетарском котле.

Автор привел пример Артемовского и Луганского округов Донбасса, где украинские рабочие были в большинстве русифицированы настолько, что между ними и русскими рабочими почти не было разницы ни в языковом кругу, ни на бытовом уровне. 15% рабочих-украинцев разговаривали на украинском, но не на литературном языке, а на суржике. К тому же эту разницу они даже не осознавали [13]. Как видим, языковые тонкости вообще не волновали жителей региона.

Заключение. Таким образом, наряду с образовательными реформами 20-х годов, прежде всего ставился вопрос ликвидации неграмотности и украинизации. Процесс был целенаправленным шагом власти с целью наибольшего охвата неграмотного населения культурной революцией. Однако русифицированный Донбасс сложно подвергался языковым трансформациям, ведь, как сложилось исторически, большинство его жителей – выходцы из разных стран, особенно из России. Более того, сложная экономическая ситуация перечеркивала желание того же пролетария учиться писать и читать, особенно изучать украинский язык, ведь он почти все время находился у станка, зарабатывая средства, чтобы прокормить семью. Все же руководство страны постепенно формировало духовную пищу для рабочих и других слоев населения, поскольку его надо было воспитать в русле новой идеологии. Следует подчеркнуть, что эти шаги все-таки дали определенные результаты. В этом на помощь руководству приходили разные организации, в частности профсоюзные, а также женские советы и др. Считаем, что указанные процессы, начавшиеся в Донбассе и по всей стране в 1920-х гг., имели огромное значение с точки зрения формирования фундаментальных принципов корпоративизма с объединяющей целью и идеей, ведь последние были весомым импульсом в осуществлении индустриализации ускоренными темпами.

Примечания

1. Андросова С.Л. Культурні процеси в Донбасі в 20-30-ті рр. XX ст. [Текст]. Автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Андросова Світлана Леонідівна. Донецьк, 2010. 19 с.
2. Стяжкіна О. В. Пересічна людина Донбасу на початку 1920-х років: У пошуках слова, простора і часу / О. В. Стяжкіна // Нові сторінки історії Донбасу. Кн. 13/14. Донецьк, 2007. С. 78-79.
3. Гапоненко Л.С. Рабочий класс в октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917–1920 гг. Т. 1. М., 1984. 370 с.
4. Промышленность и рабочие Донбасса: Окт. 1917 июнь 1941: Сб. документов и материалов / Сост. В.С. Высоцкая и др.; редкол.: Э.Л. Абезгауз, В.К. Бураковский, А.Н. Губич и др. Донецк: Донбас, 1989. 65 с.
5. Михненко А. Актуальні питання розвитку соціально-культурної сфери Донбасу у другій половині 1920-х – 1930- і роки / А.М.Михненко // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2002. Вип. XIV. 154 с.
6. Кушнір Л.В. Діяльність жіночих рад Донбасу (1920-1933 рр.): автореферат дис. на здобуття наук. Ступеня к.і.н.: спец. 07.00.01. «Історія України» / Кушнір Людмила Володимирівна; Донецький національний університет, Донецьк. 2009.С. 15, 17.
7. Держархів Луганської області Ф. Р-243. Оп. 1. Спр. 893 Арк. 98.
8. Бондарчук П.М. Національно-культурна політика більшовиків в Україні на початку 1920-х років) / НАН України. Інститут історії України. К., 1998. 37 с.
9. Бондарчук П.М. Політика українізації і профспілки УСРР (1920-ті рр.) / НАН України. Інститут історії України. К., 2002. С. 44, 59-60, 67-68.
10. Українізація 1920-1930-х років: Передумови, здобутки, уроки / В.М. Даниленко, Я.В.Верменич, П.М.Бондарчук та ін..; В.А.Смолій (відп. ред..); НАН України. Інститут історії України. К., 2003. С. 86.
11. Власенко С. Горсоветы на Украине (их работа и ближайшие задачи). Харьков, 1927. С. 35-36.
12. Sullivant Robert S. Soviet politics and the Ukraine, 1917-1957. New York, “Columbia University Press”, 1962. 111 p.
13. Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УСРР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты / А.В.Марчуков; [отв. ред. В.В.Трепалов]: Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 2006. С. 201, 208.

UDC 94 (477,6) «1920»

Features of National and Cultural Policy of the Soviet Power in Donbas in 1920s (Illiteracy Abolition and Ukrainization Case Study)

Yuliya V. Barabash

Volodymyr Dahl East Ukrainian National University, Ukraine
20a Molodezhny Kvartal, Lugansk 91034, Lugansk Region
PhD (History), Postdoctoral Student
E-mail: yulyabar.ua@mail.ru

Abstract. The article attempts to study the features of national and cultural policy of the Soviet power in Donbas in 1920s, considers the aspects of Ukrainization and illiteracy abolition, shows percentage composition of the representatives of different nationalities, residing in the region. The article highlights the role of trade union organizations and female councils in this process.

Keywords: national and cultural policy; Ukrainization; illiteracy abolition; Soviet power; Donbas.

УДК 94(479.2) «18/19»:63

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Южного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.

Алмаз Мусаевна Исмаилова

Дагестанский государственный институт народного хозяйства, Россия
36700, г. Махачкала, ДГИНХ, ул. Атаева, 5
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: almaz.ismailova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проникновение товарно-капиталистических отношений в аграрный сектор Южного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. Проведение аграрной реформы в данном регионе способствовало развитию торгового земледелия, вывозу продуктов сельского хозяйства не только в центральные районы Российской империи, но и за границу. Основным направлением земледельческого капитализма на Южном Кавказе становится применение наемного труда.

Ключевые слова: крестьянская реформа; торговое земледелие; шелководство; табаководство; технические культуры; государственные поселяне; сельское хозяйство; скотоводчество; отходничество; товарно-капиталистические отношения.

Введение. Южный Кавказ после вхождения в состав Российской империи являлся одним из регионов, который использовался не только как дополнительный источник сырья, но и как рынок сбыта готовой продукции. Он также вовлекался в товарно-капиталистические отношения, здесь развивались торговое земледелие, увеличение товарности в сельском хозяйстве.

Материалы и методы. Основным источником для написания данной статьи послужили архивные материалы Центрального исторического архива Грузинской Республики (ЦИА ГР) и Государственного исторического архива Азербайджанской Республики (ГИА АР). В статье также использованы труды советских, российских и зарубежных историков по исследуемой нами проблеме.

В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи.

Обсуждение. После реформы 1861 г. в России создавались благоприятные условия для развития производительных сил вообще, и сельского хозяйства в частности, которое переходило на новый капиталистический путь развития. Основная черта пореформенной эволюции земледелия состоит в том, что оно принимает торговый, предпринимательский характер, что наблюдалось не только в центральных районах Российской империи, но и на ее окраинах, одним из которых является Южный Кавказ

Южный Кавказ во второй половине XIX – начале XX вв. оставался аграрным краем, в жизни которого все еще ощущались пережитки патриархально-крепостнических отношений. Однако развитие капитализма шло здесь довольно быстрыми темпами. Русский капитализм, хотя и с некоторым опозданием, основательно сумел втянуть Южный Кавказ в мировое товарное хозяйство.

Характерной особенностью пореформенного периода являлось развитие капитализма «вглубь» и «вширь». Если в самой России экономическая отсталость и остатки крепостничества суживали и замедляли развитие капитализма «вглубь», то просторные и богатые сырьем территории окраин служили объектами распространения капитализма «вширь». Экономическое единство центральной России с окраинами складывалось в результате, с одной стороны, создания русским капитализмом рынка сбыта продукции своих фабрик, а с другой – поисков их источников. Последнее стимулировало развитие торгового земледелия на окраинах.

На Южном Кавказе была проведена крестьянская реформа, которая явилась важным событием в социально-экономической и политической жизни края [1]. 14 мая 1870 г. было издано «Положение о поземельном устройстве государственных поселян». Положение предусматривало отмену личной зависимости крестьян и наделение каждого из них (из числа мужчин старше 15 лет) 5 десятинами земли [2]. Тем самым упразднялась одна из важнейших черт феодальной зависимости: крестьянину предоставлялось право покупки своего надела, выделялись для реализации этого права необходимые долевые суммы. Крестьянская реформа при всей своей ограниченности сыграла определенную роль в развитии капиталистических отношений [3]. Она явилась историческим событием в социально-экономической жизни Южного Кавказа. Здесь отчетливо начали вырисовываться контуры нового буржуазного общества со всеми присущими ему чертами и противоречиями. И все же реформа 1870 г. не сумела полностью уничтожить феодально-патриархальные отношения на Южном Кавказе.

Восстановление старых и строительство новых шоссейных и грунтовых дорог, почтовых трактов, расширение речного и морского судоходства, а главное, открытие регулярного грузо-пассажирского движения по Баку–Тифлисскому участку Южно-Кавказской (1883) и Баку–

Петровскому участку Владикавказской (1900 г.) железной дороги способствовало постепенному втягиванию хозяйственной жизни Южного Кавказа в орбиту всероссийского и мирового капиталистического развития. Расширялся вывоз сельскохозяйственных товаров и изделий промышленности на русский рынок, укреплялись хозяйственные связи Южного Кавказа с центральными губерниями, что в свою очередь, вызывало оживление в сельскохозяйственном производстве этого региона, увеличение товарности ряда его отраслей. Сильным толчком для развития торгового земледелия в крае послужило усиление спроса со стороны промышленности центральной России и мирового рынка на такие продукты сельского хозяйства Южного Кавказа, как хлопок, табак, шелк, шерсть, кукуруза, фрукты и др.

В рассматриваемый период основной сферой производственной деятельности населения Азербайджана оставалось сельское хозяйство, преимущественно земледелие и скотоводство [4]. В Азербайджане значительное развитие получило товарное производство пшеницы в Геокчайском, Шемахинском, Кубинском и Бакинском уездах. Ленкоранский уезд сделался основным районом товарного производства риса в крае [5]. Ширванский район превратился в главный винодельческий район в Азербайджане. Торговое виноградарство и виноделие очень быстро развивалось в Елисаветпольском уезде и частично в Шекинском районе, а также по притокам Куры в Казахском уезде. Предметами широкой торговли являлись кожа и шерсть, которые вывозились из Азербайджана в Россию. В различные районы России в 1881 г. было переправлено 8,8 тыс. шт. кожи [6].

В Грузии зерновое земледелие, хотя и было наиболее распространенной отраслью сельского хозяйства, доставляя большинству крестьян главные средства существования, оно лишь в отдельных районах приняло ярко выраженное торговое направление. Производство пшеницы на рынок достигло крупных размеров только в Борчалинском уезде [7]. В товарно-денежные отношения в более широких масштабах вовлекались не только крестьянские хозяйства развитых районов, но также отсталые скотоводческие районы страны.

В Армении товарное производство хлеба (яровой пшеницы и ячменя) имело место только в Александропольском и Новобаязетском уездах. Нагорные районы Армении, богатые пастбищами, сделались главным образом районами промышленного мясного скотоводства, а также рыночного производства шерсти. Равнинная часть бассейна р. Аракса и ее притоков превратилась в главный район торгового виноградарства, виноделия, винокурения и одновременно промышленного хлопководства. Фруктовое садоводство было сосредоточено в районе г. Ордубата (вывоз сухих фруктов). Наконец, в Нахичеванском уезде было распространено шелководство [8].

Наиболее важное значение для уровня товарности крестьянского хозяйства на Южном Кавказе имело виноградарство, виноделие и винокурение. Будучи чрезвычайно распространенной и занимая по удельному весу третье место в сельском хозяйстве края, эта отрасль в то же время была одной из наиболее товарных. В таких крупнейших районах сосредоточения культуры винограда, как Имеретинский, Кахетинский, Гянджинский и Ширванский, 50–70%, а то и 90% производимого вина поступало на рынок.

Через 25 лет после проведения в России крестьянской реформы царское правительство, наконец, приступило к подготовке проведения крестьянской реформы в отношении казенных крестьян Закавказского края. 1 мая 1900 г. императором Николаем II были утверждены «Главные основания поземельного устройства государственных поселян, водворенных на казенных землях губерний Тифлисской, Елизаветпольской, Бакинской, Эриванской…» [9]. Проведенная в 1900 году земельная налоговая реформа отнюдь не улучшила положения крестьян. Многие из них все еще оставались на положении временнообязанных и отдавали помещикам большую часть своего урожая. В начале XX века углубилось расслоение крестьянства, обнищание этого слоя населения. Лучшие земли переходили в руки помещиков и кулаков. Безземелье стало страшным бичом для трудовых крестьян, которые были вынуждены в поисках заработка покидать деревню и уходить в города, на чужбину. Отходничество стало привычным явлением сельской жизни [10].

При сравнительном росте некоторых отраслей сельского хозяйства размер посевных площадей на одного сельского жителя и средняя урожайность с десятины земли продолжали оставаться низкими. Объем сельскохозяйственной продукции не соответствовал растущим потребностям страны, росту населения. Все это свидетельствовало о медленном темпе развития производительных сил в Южном Кавказе в рассматриваемый период. Налицо было явное несоответствие между уровнем развития промышленности и сельского хозяйства и потенциальными возможностями края, ее неисчерпаемыми природными ресурсами, которые требовали более быстрых темпов, большого скачка вперед. Это огромное несоответствие характеризовало общую социально-экономическую отсталость дореволюционного Кавказа.

В Южном Кавказе существовали объективные возможности развития зернового хозяйства и животноводства в такой мере, чтобы не только удовлетворять внутренние потребности, но еще и вывозить продукцию. В этом плане Южный Кавказ также представлял интерес для инвестиций капитала, не говоря уже о том, что местное сельское хозяйство давало многие другие виды продукции, которые имели товарный характер. Разнообразие почвенно-климатических условий позволяло

выращивать такие технические культуры, как хлопок, чай, цитрусовые, тутовые, табак, виноград, эфиромасличные и т.д. Отмеченные условия выдвигали Южный Кавказ в число важнейших сырьевых баз пищевой и легкой промышленности Российской империи. Достаточно сказать, что перед самой войной годовой сбор хлопка-сырца в крае достигал почти 2 млн. пудов, листьев табака – 1 млн. пудов, а производство шелковых коконов – 400 тыс. пудов [11].

Заключение. Таким образом, вторая половина XIX – начало XX в.– важный рубеж в жизни Южного Кавказа, изменивший его хозяйственный облик в связи с ростом его промышленного производства в системе единого всероссийского хозяйственного организма и широкими распашками земли под пшеницу, табак и прочее. Товарное производство в сельском хозяйстве края начала XX в. развивалось почти повсеместно. Натуральное хозяйство в большинстве местностей отошло на второй план. Крестьянское хозяйство уже не могло жить без купли-продажи, оно попало в зависимость от рынка. В начале XX века развитие капитализма в сельском хозяйстве способствовало внедрению усовершенствованной техники – тракторов, железных плугов и т.п. Сельская буржуазия – кулаки и помещики – определенную часть зерна производили для продажи на рынке.

Вступлением России в период империализма народы, стоявшие прежде в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, шире, чем прежде, втягиваются в водоворот мирового товарного обращения. В начале XX в. в результате широкого развития товарного производства, применения наемного труда, перехода многих помещичьих хозяйств к капиталистическому хозяйствованию, усиления торгово-промышленного капитала на Южном Кавказе, несмотря на наличие полуфеодальной земельной собственности, способ производства в целом был уже капиталистическим.

Примечания:

1. Мочалов В.Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в. М., 1958. С. 88.
2. ЦИА ГР. Ф. 242. Оп. 1. Д. 16.
3. Мильман А. Политический строй Азербайджана в XIX – начале XX вв. Баку, 1966. С. 57.
4. Умаев А.А. Процессы капиталистического развития в сельском хозяйстве Азербайджана в конце XIX – начале XX века. Баку, 2002. С. 24 .
5.Присоединение Азербайджана к России. Баку, 1955. С. 96.
6. ГИА АР. Ф. 202. Оп. 1. Д. 344. Л. 8.
7. Качарава Ю. История Грузии. Тбилиси, 1973. С. 235.
8. История армянского народа / Под ред. М.Г. Нерсисяна. Ереван, 1980. С. 328.
9. ЦИА ГР. Ф. 220. Оп. 1. Д.1089.
10.Народы Кавказа. Т. 2 / Под ред. С.П. Толстова М., 1966. С. 186.
11. ЦИА ГР. Ф. 222. Оп. 1. Д. 344. Л. 10.

UDC 94(479.2) «18/19»:63

Capitalist Relations Development in Agriculture of the South Caucasus in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries

Almaz M. Ismailova

Dagestan State Institute of National Economy, Russia
5 Ataeva Str., Makhachkala 367000, the Republic of Dagestan
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: almaz.ismailova@mail.ru

Abstract. The paper studies the penetration of market-capitalist relations into agrarian sector of the South Caucasus in the second half of the XIX – early XX centuries. The implementation of agrarian reform in this region promoted the development of commercial farming, export of products of agriculture both to the central regions of the Russian Empire and abroad. The use of hired labor is the major trend of agricultural capitalism within the South Caucasus.

Keywords: peasant reform; commercial farming; silkworm breeding; tobacco cultivation; industrial crops; state country-people; agriculture; cattle-breeding; direction of collective farmers for work in other branches of industry; market-capitalist relations.

УДК 82

Разрешение спортивных споров в России: вопросы теории и практики

[1] Наталья Викторовна Лебедева
[2] Александра Юрьевна Кондюрина

[1] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Сочи, ул. Советская, 26а
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: urfakultet@mail.ru
[2] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Сочи, ул. Советская, 26а
Лаборант-исследователь

Аннотация. Такой важный вопрос, как разрешение конфликтов в сфере спорта, долгое время оставался не решенным на законодательном уровне. Основная проблема заключается в том, что спортивные отношения опосредуются нормами различных отраслей права: гражданского, трудового, налогового, административного. Все это создает определенные препятствия для судов при принятии решений по делам, касающимся спортивных споров.

Ключевые слова: спорт; ответственность; санкция; усовершенствование; третейский суд; медиация; спортивный арбитражный суд; практика; правовая защита.

Введение. Спортивные споры, их рассмотрение и правовое регулирование являются относительно новым течением для РФ, поэтому их исследование с научной точки зрения до сегодняшнего дня фактически не осуществлялось. Вследствие этого существует множество проблем как практических, так и теоретических: существующая нормативная база не в силах регулировать порядок разрешения спортивных споров.

Методы и методология. Методологической основой данной работы является диалектический метод. Также использовались следующие общенаучные методы: анализ, наблюдение.

Обсуждение. В современном мире спорт стал не только игровой деятельностью и составляющей физической культуры, но и бизнесом, в который вкладываются огромные финансовые средства с целью его развития.

Также спорт не может существовать без конфликтных ситуаций, а профессиональный в особенности. Конфликты могут возникать как между спортсменами, так и между спортивными организациями, болельщиками, спонсорами, спортивными агентами и даже тренерами. Поэтому все эти субъекты нуждаются в разработке справедливого для всех в равной степени подхода к выбору способа защиты их прав [1].

Усовершенствование действующей нормативно-правовой базы, касающейся правового регулирования разрешения спортивных споров, которая бы соответствовала Конституции РФ, на сегодняшний день является достаточно актуальным направлением исследования.

Для стабилизации правоприменительной практики необходимо привести нормативную базу, устанавливающую наиболее приемлемые формы разрешения споров в сфере спорта, в соответствие с мировыми стандартами защиты прав и интересов спортсменов, болельщиков, спортивных организаций и иных субъектов спортивной деятельности.

В соответствии с международным опытом в разрешении спортивных споров первое место занимают альтернативные методы. В России же пока еще не выработаны четкие формы разрешения спортивных конфликтов и существуют такие виды органов, как общей и специальной компетенции.

Органы общей компетенции компетентны разрешать все споры, в том числе и спортивные. К ним относятся, в частности, национальные суды. Подобные органы не всегда способны оценить конфликтные ситуации спортивной сферы, которая продолжает играть очень важную роль, в силу того, что регулирование спортивной сферы законодателем не имеет долгой истории. Рассмотрение дела в органе общей компетенции может затянуться, тогда как срок рассмотрения спортивного спора стоит на одном из самых основных мест при его разрешении. Для спортсмена срок важен в силу краткосрочности его спортивной карьеры, для компаний телевещания срок играет важную роль в силу кратковременности соревнований. То есть спор может разрешиться тогда, когда его разрешение уже не актуально для сторон [2].

К органам общей компетенции в Российской Федерации можно отнести суды. Согласно Федеральному конституционному закону от 21 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» существует единая судебная система. Спортивные споры в зависимости от предмета и субъектов спортивного спора могут разрешаться как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами [3].

При разрешении международного спортивного спора органы по разрешению спортивного спора руководствуются положениями раздела VI Гражданского кодекса РФ, содержащего в себе нормы, посвященные международному частному праву. Именно в соответствии с этим разделом органы устанавливают право, подлежащее применению в рассматриваемом случае.

Для разрешения споров внутри союзов и ассоциаций могут также формироваться специальные органы. Например, в рамках Российского футбольного союза существует Палата по разрешению споров Комитета российского футбольного союза по статусу игроков. В настоящее время Палата по разрешению споров возглавляется вице-президентом Российского футбольного союза, заместителем является Генеральный директор Профессиональной футбольной лиги. В составе Палаты по разрешению споров 6 человек, причем только двое из них представляют профессиональный союз. Таким образом, Палата по разрешению споров не соответствует международным требованиям.

Судебным органом по разрешению исследуемых споров является Спортивный арбитражный суд, созданный при автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата» 10 июня 2003 г., в соответствии со своим Регламентом он компетентен рассматривать следующие виды спортивных споров:

- споры, касающиеся имущественных прав и интересов субъектов спортивной деятельности, в том числе связанные с определением статуса и порядком переходов (трансферов) спортсменов (игроков), споры, вытекающие из агентской деятельности, и иные имущественные споры;
- споры, связанные с обжалованием действий и решений физкультурно-спортивных организаций любых организационно-правовых форм и форм собственности, а также всех иных организаций, осуществляющих деятельность в области спорта;
- споры, связанные с применением спортсменами запрещенных веществ и препаратов (допинга);
- любые иные споры, возникающие в области спорта.

Для рассмотрения дела в Спортивном арбитражном суде необходим факт заключения арбитражного соглашения. Продолжительность рассмотрения спора в суде не должна превышать 60 дней.

Принципами рассмотрения споров в Суде являются: состязательность и диспозитивность сторон третейского разбирательства; независимость и беспристрастность арбитров Суда; равноправие сторон; конфиденциальность третейского разбирательства; содействие Суда достижению сторонами мирового соглашения. Третейское разбирательство ведется на русском языке [4].

Третейским судом, постоянно действующим на территории России, является спортивный арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ. Его деятельность регламентируется Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» [5]. Обратиться в Спортивный арбитраж при ТПП имеют право субъекты области физической культуры и спорта, в том числе и спортсмены.

В соответствии со ст. 2 Регламента Спортивного арбитража, он разрешает споры, касающиеся имущественных прав и интересов субъектов спортивной деятельности, в том числе споры, вытекающие из Уставов, Правил, Регламентов и иных документов физкультурно-спортивных организаций, регулирующих правила проведения чемпионатов, первенств и иных соревнований на территории Российской Федерации; споры, связанные с определением статуса и порядка переходов (трансферов) спортсменов (игроков); споры, вытекающие из агентской деятельности, споры, возникающие из спонсорских контрактов; споры, связанные с правами на телетрансляцию спортивных мероприятий; а также любые иные споры, возникающие из договорных и других гражданских правоотношений в сфере физической культуры и спорта, если иное не установлено федеральным законом.

Продолжительность третейского разбирательства не должна превышать двух месяцев с момента образования состава Спортивного арбитража при ТПП, но при этом Регламентом не установлено максимального срока продления [6].

Рассмотрение спортивных споров в Спортивном арбитраже имеет свои преимущества:

- спортивный арбитраж при ТПП учитывает специфику проблем, возникающих в сфере физической культуры и спорта. Учитываются не только формальные нормы, но и обычаи и традиции, сложившиеся в сфере спорта;
- стороны вправе самостоятельно выбрать арбитров;
- спортивный арбитраж при ТПП независим от государственных и негосударственных органов и организаций;
- спортивный арбитраж при ТПП вправе разрешать дела как с участием российских юридических и физических лиц, так и иностранных;
- быстрота и оперативность разрешения споров;
- установлена упрощенная, но достаточная процедура рассмотрения спора;
- конфиденциальность рассмотрения спора и другие преимущества.
- одним из наиболее значимых преимуществ данного органа является возможность разрешения споров, возникающих в международной спортивной практике.

Спор в спортивном арбитраже при ТПП может быть разрешен в случае согласия сторон в форме третейской оговорки.

Кроме процедур разрешения споров с участием общих и специализированных органов по рассмотрению и разрешению спортивных споров существуют альтернативные процедуры разрешения споров, они содержатся в ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [7].Согласно данному закону процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. При этом медиатор – это нейтральное, незаинтересованное лицо. Выигрышным свойством медиации является ее конфиденциальность.

Одним из преимуществ медиации является ее конфиденциальный характер.

Процедура медиации вполне способна получить свое распространение, но необходима устойчивая практика применения этой процедуры, изучения опыта работы этого института в зарубежных государствах.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод, что наиболее эффективный способ разрешения споров на практике – это рассмотрение его в спортивных арбитражах. И если один третейский суд имеет какие-либо недостатки, то всегда можно сделать оговорку о возможности обращения в другой арбитраж. Но, обращаясь к теории вопроса, рассмотрение спортивных споров возможно и посредством медиации.

Вместе с тем за рубежом уже накоплен богатый опыт рассмотрения спортивных споров как государственными, так и третейскими судами. Он, без сомнения, мог бы быть использован и в России, что сделало бы итоги рассмотрения спортивных споров более предсказуемыми и обеспечило бы российским спортсменам возможность отстаивать свои спортивные победы, в том числе и в судебных процессах.

Заключение. Сегодня процедура разрешения спортивного спора с участием посредника набирает все большую популярность, но остается важным устойчиво применять данную технологию и детальнее изучать зарубежный опыт. И хотя на современном этапе медиация, возможно, не получила должного распространения в сфере спортивных конфликтов, но в дальнейшем данный механизм способен эффективно расширить круг способов разрешения спортивных споров.

Примечания:

1. Погосян Е.В. Формы разрешения спортивных споров: Сравнительно-правовой аспект // Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 22 с.

2. Алексеев С.В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта: Учеб. / Под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., стереотип. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2011. 671 с.

3. Официальный сайт справочно-правовой системы «Гарант» http://www.garant.ru

4. Чубаров В.В. К теории и практике спортивного арбитража. Основные проблемы частного права. Сб. статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 413.

5. Официальный сайт справочно-правовой системы «Консультант плюс» http://www.consultant.ru

6. Гусов К.Н. Особенности рассмотрения споров с участием спортсменов, тренеров и других участников спортивных отношений в футболе // Сб. тезисов XVII междунар. конгресса по спортивному праву IASL 2011 (Москва, 27–30.09.2011). М., 2011. С. 26-29.

7. Официальный сайт Ежедневного государственного издания (официальный публикатор государственных документов) «Российская газета»// http://www.rg.ru

UDC 82

Sports Disputes Settlement in Russia: Theory and Practice Issues

[1] Natalya V. Lebedeva
[2] Alexandra Y. Kondyurina

[1-2] Sochi State University, Russia
26a Sovetskaya St., Sochi 354000, Krasnodar Region
[1] PhD (Law), Assistant Professor
E-mail: urfakultet@mail.ru
[2] Assistant Researcher

Abstract. Such important issue as sports disputes settlement remained unsolved by legislation for a long time. The major problem is that sports relations are mediated by the norms of different areas of law: civil, labor, tax, administrative. All these matters hinder courts activities while making sports disputes decisions.

Keywords: sport; liability; sanction; improvement; intermediate court; mediation; Court of Arbitration for Sport; practice; legal assistance.

УДК 94

К вопросу о налоговой политике в области организации добровольческой деятельности и труда добровольцев

[1] Марина Геннадьевна Князькова
[2] Александр Александрович Рябцев
[3] Ольга Сергеевна Надолинская

[1-3] Сочинский государственный университет, Россия
354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26а
[1] кандидат юридических наук
E-mail: urfakultet@mail.ru
[2] кандидат экономических наук, доцент
[3] преподаватель
E-mail: urfakultet@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу налоговой политики и развитию российского законодательства в области организации добровольческой деятельности и труда добровольцев. Становление и развитие добровольческого движения в России признается одной из приоритетных задач. Правильная налоговая политика, проводимая российским государством, повысит устойчивый интерес к добровольческой деятельности, что позволит расширить участие некоммерческих организаций и будет способствовать большему вовлечению российских граждан в добровольческую деятельность.

Ключевые слова: доброволец; некоммерческая организация; социально ориентированная некоммерческая организация; налоговая политика; налоговые льготы.

Введение. Исследование значимых теоретических и практических вопросов связано с большим количеством изменений и дополнений, вносимых в российские нормативно-правовые акты, регулирующие добровольческую деятельность в России.

Материалы и методы. Научные труды ученых, нормативные правовые акты по исследуемому вопросу; для анализа правовых актов, обобщения проблем, выводов применялись логический, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие методы исследования.

Обсуждение. Количество некоммерческих организаций в России в последнее время неуклонно растет. Связано это с расширением их сферы деятельности, усложнением функций, появлением новых организационно-правовых форм, развитием гражданского общества [1]. По Федеральному закону от 12.01.1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – ФЗ № 7) некоммерческой организацией признается «организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками» [2].

Статья 2 пункт 2 ФЗ № 7 определяет цели создания некоммерческих организаций: они создаются «для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ» [2]. Реализуя свои цели, они осуществляют функции, возложенные на государство, поэтому в последнее время со стороны государства увеличилось внимание к поддержке некоммерческих организаций.

С развитием гражданского общества и гуманизацией сознания людей в России стало широко развиваться добровольческое движение, в связи с чем, надо полагать, в законодательстве появился термин «социально ориентированные некоммерческие организации». Термин был введен Федеральным законом от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» (далее – ФЗ № 40) [3]. Социально ориентированными некоммерческими организациями признаются «некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации» [3].

По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ–ВШЭ, уровень занятости и добровольчества в российских негосударственных некоммерческих организациях сопоставим с аналогичным показателем в странах Восточной Европы, но значительно ниже, чем в странах Западной Европы. Труд добровольцев в той или иной мере используют более 75%

российских НКО. Общий уровень вовлеченности в добровольческую деятельность в некоммерческом секторе в 2008 году составлял 3,02% от численности экономически активного населения (3,2% от числа занятых в экономике) [4].

Высокая роль НКО в современном обществе, думается, дает право предполагать, что государственное налоговое регулирование деятельности НКО должно быть направлено на поддержку со стороны государства и облегчению налогового режима, что позволит увеличить количество и качество предоставляемых услуг, а также привлекать к участию в их деятельности большего количества добровольцев.

Налоговое регулирование – это экономический механизм косвенного воздействия на экономические отношения и процессы путем изменения налоговых ставок, видов налогов, установления налоговых льгот [5].

Так, если обратиться к опыту зарубежных стран в вопросах налоговой политики и государственной поддержки социально некоммерческих организациий, то организациям общественной пользы в европейских странах даются, прежде всего, налоговые льготы. В Европе на практике существует прямая государственная поддержка – государственными деньгами и косвенная – налоговыми льготами, например, предоставлением помещения на льготных условиях, приоритетным участием в конкурсах. Однако, как показывает опыт ряда европейских стран, организации, которым государство делегирует некоторые свои социальные функции и платит за это, становятся необоснованно дорогостоящими агентствами, даже по сравнению с коммерческими организациями, оказывающими социальные услуги, что приводит к постепенному отказу от прямой поддержки со стороны государства. Поэтому предпочтение будет отдаваться косвенной поддержке.

Согласно ФЗ № 40 некоммерческим организациям государственная поддержка оказывается в следующих формах:

- размещение у некоммерческих организаций заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд;
- предоставление гражданам и юридическим лицам, оказывающим некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов.
- предоставление некоммерческим организациям иных льгот [3].

В то же время поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления осуществляется в следующих формах:

1) финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка, а также поддержка в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций;

2) предоставление социально ориентированным некоммерческим организациям льгот по уплате налогов и сборов;

3) размещение у социально ориентированных некоммерческих организаций заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд;

4) предоставление юридическим лицам, оказывающим социально ориентированным некоммерческим организациям материальную поддержку, льгот по уплате налогов и сборов.

Однако данная государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций может быть осуществлена при условии, что данные организации реализуют следующие цели:

1) социальная поддержка и защита граждан;

2) подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;

3) оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам;

4) охрана окружающей среды и защита животных;

5) охрана и в соответствии с установленными требованиями содержание объектов (в том числе зданий, сооружений) и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений;

6) оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам и некоммерческим организациям и правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина;

7) профилактика социально опасных форм поведения граждан;

8) благотворительная деятельность, а также деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества;

9) деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности;

10) формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

11) развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов РФ [3].

Важно отметить, что государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций осуществляется не только на федеральном уровне, но и на региональном. Так, Закон Краснодарского края «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в Краснодарском крае» от 07.06.2011 № 2264-КЗ предусматривает все формы государственной поддержки согласно ФЗ № 40, а также закрепляет и расширяет перечень видов деятельности социально ориентированных организаций для признания их таковым. К таким видам деятельности в Краснодарском крае относятся:

1) участие в охране общественного порядка;

2) участие в защите государственной границы Российской Федерации;

3) участие в мероприятиях по предупреждению незаконного распространения наркотических средств на территории Краснодарского края;

4) участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий;

5) деятельность, направленная на развитие духовно-нравственного воспитания, возрождение духовно-моральных норм, в том числе путем создания и функционирования объектов, обеспечивающих процесс духовно-нравственного воспитания;

6) деятельность в области патриотического воспитания граждан;

7) развитие и поддержка детского и молодежного общественного движения;

8) укрепление межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений;

9) деятельность в области защиты социально-трудовых прав и интересов граждан;

10) участие в осуществлении деятельности в области пожарной безопасности и проведении аварийно-спасательных работ [6].

Признавая важность развития добровольческой деятельности в России, руководством страны была принята Концепция «Содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации» от 30.07.2009. В ней отмечалось, что в числе основных задач, направленных на поддержку благотворительной и добровольческой деятельности граждан, является расширение налоговых стимулов для участия граждан в благотворительной деятельности.

Для этого предполагалось распространение права на получение социального налогового вычета по налогу на доходы физических лиц на суммы произведенных налогоплательщиками пожертвований благотворительным организациям, некоммерческим организациям, работающим в приоритетных, общественно значимых направлениях, вне зависимости от получения ими бюджетного финансирования, а также пожертвований, осуществляемых на цели формирования и пополнения целевого капитала некоммерческих организаций; исключение из налоговой базы по налогу на доходы физических лиц выплат добровольцам за наем жилого помещения и проезд, связанных с осуществлением добровольческой деятельности [7].

Для улучшения продуктивности деятельности НКО необходимо принимать меры, направленные не только на уменьшение налоговой нагрузки самих НКО, но и участников НКО в частности. В концепции «Содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации» 30.07.2009 г. указано, что остается значительным разрыв между числом граждан, заявляющих о потенциальной готовности участвовать в благотворительной и добровольческой деятельности, и числом граждан, реально ведущим такую деятельность. Невысокий уровень доверия к субъектам благотворительной и добровольческой деятельности со стороны общества связан с недостатком информации о деятельности таких организаций и добровольцев, мотивации, целях и ее реальных результатах.

Сказываются и неразвитость инфраструктуры поддержки благотворительной и добровольческой деятельности, и недостаточная эффективность применения налоговых льгот, предоставляемых в связи с благотворительной и добровольческой деятельностью граждан и организаций.

В 2010 году были предприняты реальные шаги для решения этой проблемы. Федеральный закон от 23. 12. 2010 № 383-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и статью 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» впервые закрепил правовые основы участия добровольцев в благотворительной деятельности.

Гражданско-правовой договор, заключаемый между благотворительной организацией и добровольцем может предусматривать возмещение расходов на наем жилого помещения, проезд до места назначения и обратно, питание, оплату средств индивидуальной защиты, уплату страховых взносов на добровольное медицинское страхование [8]. Причем обязательным условием данного договора является письменная форма [9].

Внесенные изменения и дополнения в Закон о страховых взносах в Пенсионный фонд

Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования определяют, что выплаты добровольцам, производимые в рамках исполнения заключаемых гражданско-правовых договоров на возмещение расходов добровольцев, не являются объектом обложения страховыми взносами.

Федеральный закон от 18.07.2011 № 235-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части совершенствования налогообложения некоммерческих организаций и благотворительной деятельности» [10] существенно расширил список налоговых льгот для участников добровольческой деятельности. Закон также корректирует ряд социальных льгот (например, по образовательной, культурной деятельности) и вводит несколько новых послаблений, также социального характера. Например, с октября 2011 года не облагаются НДС услуги по социальному обслуживанию несовершеннолетних и безнадзорных детей; граждан пожилого возраста, инвалидов и иных лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации. Предусмотрен ряд налоговых льгот для некоммерческих организаций, которые могут формировать резерв расходов по предпринимательской деятельности, получать без уплаты налога на прибыль имущественные права.

Результаты. Таким образом, проанализировав законодательные акты Российской Федерации в сфере добровольческой деятельности, можно выделить следующие налоговые стимулы:

1. Благотворительная передача имущественных прав НДС не облагается.
2. Расходы на социальную рекламу можно учесть для налога на прибыль.
3. Компенсации добровольцам НДФЛ не облагаются.
4. Благотворительная помощь «трижды» освобождена от НДФЛ.
5. Вводится социальный вычет по НДФЛ для взносов в благотворительные фонды [11].

Налоговый кодекс Российской Федерации содержит отдельные налоговые льготы как для добровольцев, так и для волонтеров. Так, понятие «волонтер» закреплено в Федеральном законе от 01.12.2007 № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ №310). Согласно п. 4 ч. 2 ст. 5 ФЗ № 310 под волонтерами понимаются граждане Российской Федерации и иностранные граждане, заключившие с Оргкомитетом «Сочи 2014» гражданско-правовой договор об участии в организации и (или) проведении Олимпийских игр и Паралимпийских игр путем применения своего опыта, знаний, умений и навыков в целях осуществления мероприятий по организации и проведению Олимпийских игр и Паралимпийских игр без предоставления указанным гражданам денежного возмещения за осуществляемую ими деятельность (далее – волонтеры) [12].

Одновременно были внесены поправки в Налоговый кодекс РФ в пункт 51 статьи 217, согласно которому доходы в натуральной форме в виде оплаты расходов на оформление и выдачу виз, приглашений и иных аналогичных документов, стоимости проезда, проживания, питания, обучения, услуг связи, форменной одежды и вещевого имущества, транспортного обеспечения, лингвистического сопровождения, сувенирных изделий, содержащих символику XXII Олимпийских зимних игр и (или) XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, полученные от автономной некоммерческой организации «Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи»... физическими лицами, привлекаемыми автономной некоммерческой организацией «Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи» или администрацией города Сочи в качестве волонтеров для участия в организации и (или) проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи». Согласно ФЗ № 310 на волонтеров не распространяется действие Федерального закона от 11.08.1995 № 135 «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [13]. Действие ФЗ № 310, а также изменения и дополнения, внесенные в пункт 51 статьи 217 Налогового кодекса РФ, имеют свой срок действия и заканчиваются в 2017 году. Федеральный закон от 07. 06. 2013 года № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14] закрепляет иное определение «волонтер» и вводит новые изменения и дополнения относительно налоговых льгот в Федеральный закон от 24.07. 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» [15].

Заключение. Столь частые разрозненные изменения и дополнения, вносимые в нормативно-правовые акты, приводят к несистемности российского законодательства, в частности некоммерческого. Следует отметить, что государственная политика, обращенная к обеспечению интереса к добровольческой деятельности, порождает увеличение численности населения, занятого в благотворительной деятельности, что способствует развитию добровольческого движения в России.

Примечания:

1. Жемчужникова И.В. Налогообложение некоммерческих организаций: нововведения, перспективы и нерешенные проблемы // Налоговая политика и практика 2010. № 7. С. 4 -19.
2. Федеральный закон от 01.12.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. С. 145.
3. Федеральный закон от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 15. С. 1736.
4. Мерсиянова И. Статистический портрет некоммерческого сектора России // Экспертный портал Высшей школы экономики http://www.opec.ru/1320628.html
5. Семенова Н.В. Особенности налогового регулирования деятельности некоммерческих организаций в России // Налоги и налогообложение. 2011. № 5.
6. Закон Краснодарского края от 07.06.2011 № 2264-КЗ «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в Краснодарском крае» // Кубанские новости. 2011. № 107.
7. Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2009 № 1054-р «О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности добровольчества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 32. С. 4052.
8. Федеральный закон от 23.12.2010 № 383-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и статью 7 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 52 (ч. 1). С. 6998.
9. Кавшбая Л.Л., Лебедева Н.В. Об изменениях Общих положений части первой ГК РФ // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 2 (25). С. 213.
10. Федеральный закон от 18.07. 2011 № 235-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части совершенствования налогообложения некоммерческих организаций и благотворительной деятельности» // СПС Консультант Плюс
11. Благотворителям добавили льгот (комментарий к Федеральному закону от 18.07.2011 № 235-ФЗ) // Главная книга. 2011. № 15.
12. Федеральный закон от 01.12.2007 № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 5 декабря 2007.
13. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. С. 3340.
14. Федеральный закон от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 07.06.2013.
15. Федеральный закон от 24.07. 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. С. 3738.

UDC 94

Tax Policy in the Field of Volunteerism and Volunteers' Labor

[1] Marina G. Knyazkova
[2] Alexander A. Ryabtsev
[3] Olga S. Nadolinskaya

[1-3] Sochi State University, Russia
26 a Sovetskaya Str., Sochi 354000, Krasnodar Region
[1] PhD (Law), Assistant Professor
E-mail: urfakultet@mail.ru
[2] PhD, Assistant Professor
[3] Instructor of the Department of Constitutional and Administrative Law
E-mail: urfakultet@mail.ru

Abstract. The paper is focused on the analysis of tax policy and development of Russian legislation in the field of volunteerism and volunteers' labor. Volunteerism establishment in Russia is considered one of the priorities. Proper tax policy, implemented by the Russian government will promote interest to volunteerism and will enable to increase the participation of nonprofit organizations and Russian citizens in volunteer activity.

Keywords: volunteer; nonprofit organization; socially-oriented nonprofit organization; tax policy; tax remissions.

УДК 82.0

Об использовании методологического принципа периодизации при исследовании отечественной литературы XX века

[1.] Учужук Масхудович Панеш
[2.]Галина Викторовна Соколова

[1.]Адыгейский государственный университет, Россия
385000, Республика Адыгея, Майкоп, ул. Первомайская, 208
Доктор филологических наук, профессор
E-mail: sessvetla@mail.ru
[2.]Адыгейский государственный университет, Россия
385000, Республика Адыгея, Майкоп, ул. Первомайская, 208
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: sessvetla@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа вариантов периодизации отечественной литературы XX века рассматривается проблема включения в общую картину отечественной культуры так называемых младописьменных литератур. Анализируются принципы, на которых проводится структурно-типологическая градация. Отмечается, что в методологическом плане важно опираться на системное исследование литературного процесса, в основе которого – как социально-исторический, так и художественно-эстетический факторы формирования. Предлагаются новые логические рамки периодизации отдельных национальных литератур, формировавшихся в своеобразных условиях: овладение письменностью, быстрое становление за счет влияния фольклора и развитых культур.

Ключевые слова: периодизация; методология; принцип; литературный процесс; национальная литература XX века.

Введение. Как считают ученые, «сегодня перед филологической наукой стоят проблемы нового прочтения литературного процесса, причем возрождения традиций в их новой трактовке, в их более глубоком понимании и художественном значении, чтобы… получить новые научные знания, заполнить пробелы по этим и другим концептуальным проблемам» [1]. Связано это с тем, что известные социально-исторические перемены в конце XX века привели к потере традиционных идейно-эстетических ориентиров, а то и к мировоззренческому вакууму. В такой ситуации оказываются актуальными такие вопросы, как особенности прошедшего века как художественно-эстетического времени, его границы, периоды формирования и то, на какой основе, на каких принципах следует проводить ее структурно-типологическую градацию.

Материалы и методы. Исследование опирается на многочисленные работы, посвященные проблемам деления и структурно-типологической классификации отечественной литературы XX века. Важными оказываются в методологическом плане принцип периодизации и сравнительно типологический метод исследования, опирающиеся на системное исследование литературного процесса, в основе которого лежит научный историзм, без которого «нельзя представить себе учение о культурном наследии» [2]. Периодизация позволяет в этом случае дать мотивированную, объективную и логически выверенную структурно-типологическую оценку всей литературной эпохи, определить фазы ее формирования. Особенности циклов развития обусловливают, в свою очередь, жанровые структуры, стили и художественные индивидуальности.

Обсуждение. Как отмечалось выше, проблема периодизации отечественного искусства слова и отдельных национальных литератур достаточно обширно представлена в печати и интернет-ресурсах. В то же время поставленная тема до сих пор остается дискуссионной. Поэтому она нуждается не только в уточнении, но и в дальнейшем основательном исследовании.

Для решения поставленных проблем необходимо определиться и с понятием «советская литература». С одной стороны, за ним стоит многонациональный литературный процесс, известный не только своей сложностью, но и выдающимися эстетическими достижениями, с другой – оно нередко трактуется как понятие просто идеологическое. Поэтому, по словам А.К. Егиазаряна, «требуется не просто положительный или отрицательный ответ, а вдумчивый, осторожный анализ явления, которое принято было обозначать этими словами» [3]. Такой вот «вдумчивый анализ» приводит, на наш взгляд, к следующему выводу. Советская литература стала результатом творческой деятельности народов разных культур. Различия имели место, конечно же, и в становлении, и в развитии самих национальных литератур и, надо признать, большие. Но за семьдесят лет сформировалась в то же время особая художественно-эстетическая общность. Она в результате непростого взаимодействия культур образовала такое феноменальное единство, художественные ценности которого и сейчас оказывают огромное влияние на мировое искусство. Поэтому, надо полагать, что «советская литература» не просто была, она является и сегодня реальным и важнейшим идейно-эстетическим фактором.

За более чем полувековой период своего существования накопила большой опыт и советская литературоведческая наука. Об этом свидетельствуют основательные попытки систематизации истории литературного процесса, которые не учитывать нельзя. Безусловно, для этих подходов характерны изъяны, связанные с влиянием ангажированных в идеологическом плане оценок. Потому этот опыт нуждается в анализе и серьезном обновлении.

Заслуживают, к примеру, внимания критерии периодизации и сама классификация литературы, представленные в свое время Ю. Суровцевым. Опираясь на проблемно-стилевой подход при исследовании, ученый выделял три этапа и три соответствующих им структурных типа прозы и в целом литературы. **Первый этап** – «время исторического перелома»: 1920-е – первая половина 1930-х гг. **Второй этап,** во многом связываемый с войной и ее последствиями, – вторая половина 1930-х – середина 1950-х гг. **Третий этап,** определяемый как «современный», – начиная со второй половины 1950-х гг. [4]. Такое деление, как тогда казалось, соответствует логике историко-литературного развития, что позволило представить относительно целостную, системную картину сложной идейно-эстетической картины отечественной литературы. Надо в то же время учесть, что характеристики периодов, оценки их художественного своеобразия могли испытывать влияние политизированных схем и идеологически ориентированных подходов (см., в том числе, исследования Сочинской школы лингвориторики [5, 6]). Естественно и то, что вся отечественная литература XX века датировалась Ю. Суровцевым и другими исследователями того времени – Л. Якименко, А. Бочаровым, Ч. Гусейновым, А. Бучисом и др. – с символической даты, ставшей историческим рубежом – с 1917 года, а не с начала века. Связано это с тем, что объектом внимания была многонациональная литература в ее единстве, куда включались и литературы с многовековым опытом и богатыми традициями, и младописьменные, формирование которых началось в 1920-е гг.

«Новое прочтение литературного процесса», характерное для современной научной мысли, требует, безусловно, переосмысления проблем критериев периодизации и характера структурно-типологической классификации как прозы, так поэзии и драмы. Видно, что тенденция эта актуализируется в последнее десятилетие. Надо подчеркнуть, что для некоторых исследований в этом случае характерны отсутствие четкого принципа циклизации, смешение разных критериев деления литературной эпохи, а местами даже их игнорирование. Так Р.З. Хайруллин в истории литературы народов России обозначает «литературу начала XX века», «литературу 20–30-х годов XX века», «литературу периода Великой Отечественной войны» и «литературу второй половины XX века» [7]. Хронологический рубеж века в данном случае не обоснован, характерные особенности каждого этапа выделены нечетко. Не просматриваются также критерии деления литературы на периоды. Все это затрудняет выявление закономерностей формирования как циклов, так и всего процесса литературного развития.

Авторы другого фундаментального издания (Русская литература XX века. В двух томах. М., 2002–2003 гг. [8]) датируют картину развития русской литературы XX века также с 1917 года. В этом процессе, согласно традиции, выделяются «три временных периода: **1920–1930-е годы, 1940–1960-е годы, 1970–1990-е годы»** [9]. Сама циклизация общего художественно-эстетического процесса и в данном случае выглядит неточной. Неубедительными и малообоснованными оказываются также критерии деления литературы на представленные в книге периоды, что мешает выявить существенные тенденции формирования искусства слова.

Обоснованной в плане теоретическом и достаточно полной в отношении системного восприятия искусства слова оказывается научная периодизация, заявленная Н. Лейдерманом. Она относится к русской литературе XX века, но может быть востребована и при исследовании всей отечественной – российской – литературы XX века. Согласно точке зрения автора, «научная периодизация должна определять циклы художественного развития», «в которых литературный процесс претерпевает существенные изменения». Важнейшим показателем нового историко-литературного периода оказывается «зарождение новой эстетической концепции личности», которая, в свою очередь, требует «существенной перестройки конфигурации литературного процесса – изменение жанрового корпуса, рождение новых стилевых тенденций, формирование новых литературных течений, а то и направлений» [10]. Важно, что изменения художественно-эстетического характера связываются с переменами в духовной атмосфере, общественном сознании, социальном бытии. Такая связь в то же время не абсолютизируется. Она переводится в «эстетический план», что в системе координат «Писатель и Время» выдвигает законы художественного творчества на первый план. Опираясь, таким образом, на серьезные методологические обоснования, Н. Лейдерман предлагает следующую периодизацию:

Первый этап: 1890-е – конец 1920-х годов, характеризующийся «многообразием художественных школ и направлений».

Второй: начало 1930-х – середина 1950-х годов, для которого свойственны «утверждение господства соцреализма как творческого метода и литературного направления» и «подспудное сопротивление его диктату в потаенной литературе Сопротивления, в маргинальных течениях и потоках, в литературе, получившей впоследствии название «задержанной».

Третий этап: середина 1950-х – середина 1980-х годов, отмеченный как «кризис социалистической культуры, расшатывание социалистического канона, актуализация реалистической традиции, второе рождения модернизма и авангардных течений».

Четвертый: середина 1980-х – 2000-е годы, отличающийся «тотальным социальным и духовным кризисом», «рождением русского постмодернизма», «поисками новых «космографических» моделей мира» – «постреализм, натуралистический сентиментализм».

Предлагаемая Н. Лейдерманом циклизация литературы, как видим, достаточно логична, обоснована в научно-теоретическом плане и учитывает множество факторов. Важно и то, что автор пытается внутри каждого этапа выделить определенные циклы, что помогает лучше представить черты литературного пространства как целостной системы. Но обозначенные в данном случае этапы формирования литературы и границы между ними кажутся в некоторых случаях спорными, а сами характеристики периодов представляются недостаточно точными. Возникает, к примеру, вопрос о правомерности включения в один период неоднозначной по содержанию и форме литературы, которая сложилась с начала XX века и до начала 30-х гг. Заметим далее, что предлагаемая периодизация выстроена на материале развития русской литературы, которой свойственна своя специфика. Потому предлагаемая конструкция в ее полном объеме может не подойти, скажем, младописьменным литературам.

Достаточно аргументированной в историко-теоретическом отношении и последовательной в структурно-типологическом плане оказывается, на наш взгляд, периодизация, предложенная Ю. Боревым [11]. **Первый этап (1900–1917**) в этом случае связывается с «продолжением Серебряного века» и зарождением социалистического реализма. **Второй этап (1917–1932)** характеризуется, по мнению автора, «эстетической полифонией», «плюрализмом художественных направлений» и формированием социалистического реализма. **Третий этап (1932–1956**) ассоциируется с эпохой административного пресечения «эстетического плюрализма». **Четвертый (1956–1984) –** этап, когда «искусство социалистического реализма, утверждая историческую активную личность, стало задумываться о ее самоценном значении». **Пятый (середина 1980-х – 1990-е гг.)** обозначается как «конец социалистического реализма» и «начало плюралистического развития отечественного искусства».

Приведенные выше варианты периодизации, в том числе Н. Лейдермана и Ю. Борева, нуждаются, безусловно, в уточнении и доработке. Связано это с тем, что история отечественной литературы XX века только формируется. И настоящие критерии оценок общего литературного процесса, включающего в себя и региональные литературы, могут быть найдены на основе дальнейшего, нового, объективного анализа и обобщения. Вызывает, к примеру, сомнение правомерность условного обозначения хронологических рамок эпохи с начала века без учета масштабных исторических событий, определивших содержание отечественной литературы. Отмеченные выше подходы в то же время предоставляют ценный теоретический материал. И они, как правило, должны привлекаться при исследовании как объединенной литературы всего российского сообщества, так и отдельных национальных литератур.

Вопросам систематизации младописьменных литератур и деления их на этапы и раньше уделялось много внимания. В работах Л. Кашежевой за основу берется, к примеру, следующая градация: 1920-е гг., проза 1930-х гг., литература военных лет и «послевоенные годы» [12].О трех этапах в развитии «литературы адыгов» говорил в свое время Х. Хапсироков [13]. Включение в общую картину отечественной культуры так называемых младописьменных литератур остается и сегодня актуальной проблемой. Без этого история отечественного искусства слова может оказаться незавершенной. Имеется в виду, что молодые литературы формировались в своеобразных условиях. Это и развитие в условиях овладения письменностью, это и быстрое формирование за счет влияния фольклора и развитых культур. Они, безусловно, внесли неоценимый вклад в сокровищницу общероссийского искусства слова.

Хронологические рамки литературной эпохи в данном случае открываются, надо полагать, началом 20-х гг. Связано это с тем, что профессиональная письменная литература берет свое начала именно с этого времени. Потому **первый этап** может быть датирован **началом 1920-х – серединой 1930-х гг**. Он характеризуется эстетической полифонией, становлением социалистического реализма, формированием литературы исторического перелома.

Второй этап – с середины 1930-х до середины 1950-х гг. Период, с одной стороны, отмечен господством социалистического реализма с его нормативными требованиями, с другой – развитием литературы, не вписывающейся в каноны нового метода. Особое место в развитии искусства занимает литература военного периода, которая способствовала формированию новых художественных форм и стилей.

Третий этап – с середины 1950-х до середины 1980-х гг. Особенности литературы определяются кризисом социалистического реализма, поисками новой концепции личности, разных эстетических подходов в творчестве и обновлением реализма.

Четвертый этап – с середины 1980-х до 2000-х гг. Для него свойственны духовный кризис, конец социалистического реализма, эстетический плюрализм, многообразие течений, стилей, художественных подходов.

Заключение. Исследование отдельных национальных литератур и отечественного искусства XX века как идейно-художественной общности, сформированной ими на протяжении ряда десятилетий и продолжающей свое развитие в сложных условиях нового века, невозможно, таким образом, без концептуального подхода, опирающегося на системный анализ художественного процесса. Поможет в этом научная периодизация, которая представляет полную картину литературного процесса со своим началом, циклами развития, сложной эволюцией, закономерностями формирования жанров и стилей.

Примечания:

1. Джамбинова Р.А. Национальное литературоведение: проблема интеграции в региональный художественный процесс // Горизонты современного гуманитарного знания. М., 2008. С. 189-196.
2. Гамзатов Г.Г. Двадцатый век как эпоха национальных литератур / Международные ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория, История. Проблемы современного развития. М, 2008. С. 10-20.
3. Егиазарян А.К. К понятию «советская литература» / Международные ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. Матер. Междунар. науч. конф. 28-30 ноября 2005 г. М., 2005. С. 43-46.
4. Суровцев Ю.В. Советская литература // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: «Советская энциклопедия». 1971. С. 996-1025.
5. Ворожбитова А.А. Социокультурная динамика филологических интерпретаций художественно-идеологического дискурса (аспект теории и методологии лингвориторического исследования) // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета», 2012. С. 49-52.
6. Ворожбитова А.А. Алгоритмы и перспективы лингвориторического исследования аксиологической прагматики в динамике дискурсивных процессов // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 177-181.
7. Хайруллин Р.З. Литература народов России. М.: Дрофа, 2009. С. 103-187. 299 с.
8. Русская литература XX века. В двух томах // Под ред. Л.П. Кременцова. Том 1. 1920–1930-е годы. М: ACADEMA, 2003. 496 с.
9. Там же. С. 3.
10. См.: Лейдерман Н.Л. О периодизации русской литературы XX века [Текст] / Н.Л. Лейдерман // Русская литература XX века: проблемы изучения и обучения: Матер. XIII Всерос. науч.-практ. конф. / Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т филол. исслед. и образоват. стратегий. «Словесник». Екатеринбург: [б. и.], 2006.
11. Борев Ю. Социалистический реализм: социально активная личность включена в творение истории насильственными средствами / Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 402-420., С. 406-412.
12. Кашежева Л.Н. Кабардинская советская проза. Нальчик, 1962. 150 с.
13. Хапсироков Х. Пути развития адыгских литератур. Черкесск, 1968.

UDC 82.0

Use of Periodization Methodological Principle while Studying Russian Literature of the XX Century

[1.] Uchuzhuk M. Panesh
[2.]Galina V. Sokolova

[1.]Adyghe State University, Россия
208 Pervomayskaya Str., Maikop 385000
Doctor of Philology, Professor
E-mail: sessvetla@mail.ru
[2.]Adyghe State University, Россия
208 Pervomayskaya Str., Maikop 385000
PhD (Philology), Assistant Professor
E-mail: sessvetla@mail.ru

Abstract. The paper, basing on the analysis of periodization variants of Russian literature of the XX century, considers the problem of the so-called young literatures (having recently acquired a written form) inclusion in the overall picture of Russian culture. The principles of structure-typological gradation are analyzed. The authors state that the reliance on the system research of literary process, basing on both social-historic and artistic-aesthetic factors of formation is important in the methodological context. New logic periodization frameworks of separate national literatures, formed in peculiar conditions: written language acquisition, quick formation due to folklore and developed cultures influence, are offered.

Keywords: periodization; methodology; principle; literary process; national literature of the XX century.